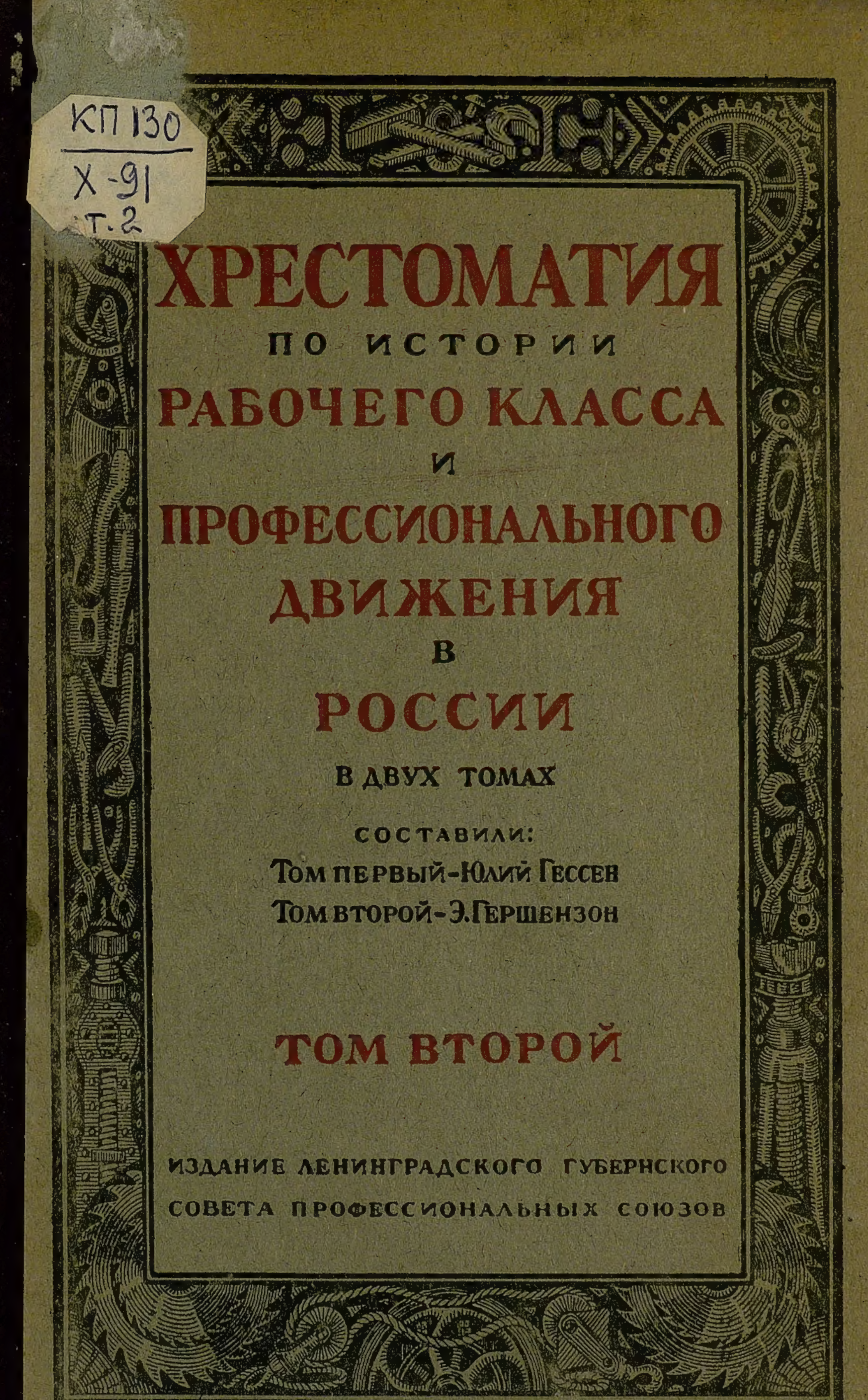

ХРЕСТОМАТИЯ

ПО ИСТОРИИ

РАБОЧЕГО КЛАССА И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ

В ДВУХ ТОМАХ

СОСТАВИЛИ:
ТОМ ПЕРВЫЙ — ЮЛИЙ ГЕССЕН
ТОМ ВТОРОЙ — Э. ГЕРШЕНЗОН

ТОМ ВТОРОЙ

ИЗДАНИЕ ЛЕНИНГРАДСКОГО ГУБЕРНСКОГО СОВЕТА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ

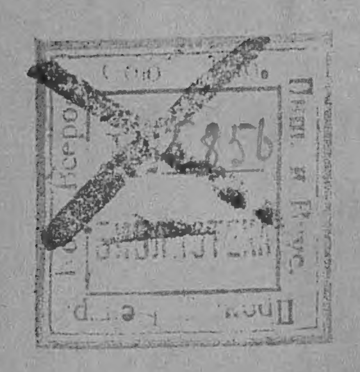

сб. Томский
и др.

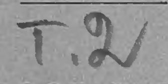
ХРЕСТОМАТИЯ

ПО ИСТОРИИ

РАБОЧЕГО КЛАССА И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ

в 2-х томах

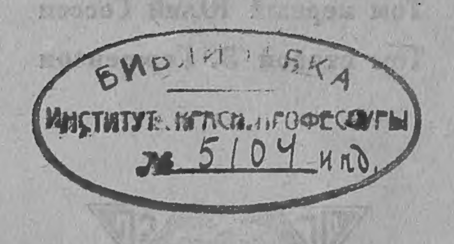

СОСТАВИЛИ:
Том первый Юлий Гессен
Том второй Э. Гершензон

ИЗДАНИЕ
Ленинградского Губернского Совета
Профессиональных Союзов
1925

Ленинградский Гублит № 21892. Тираж 15.000.

Типография Р.-И. О. Ленинградского Губпрофсовета. Красная, 24.

ТОМ ВТОРОЙ

История профессионального движения в России.

Предисловие.

Составитель этого тома стремился дать систематизированное руководство по истории профессионального движения в России. Однако, полное выполнение этой задачи было очень трудно. Пришлось столкнуться с многочисленными препятствиями. Так, известная, довольно значительная часть профессиональной литературы (особенно до 1912—14 г.г.) принадлежит перу меньшевиков и пропитана насквозь духом оппортунизма. Меньшевики в профдвижении, как и во всем рабочем движении, старались во что бы то ни стало уничтожать революционный дух и революционную тактику; в своих литературных трудах они искажали настоящий смысл фактов и, естественно, их неправильно об'ясняли. Составитель же, стремясь дать выдержанное коммунистическое освещение историческим фактам, не мог использовать их литературного наследия для освещения вопросов профдвижения, ибо в этом случае пришлось бы сопровождать каждый отрывок длинными примечаниями-статьями, что еще более расширило бы об'ем книги.

Все это на фоне общей бедности профессиональной литературы, естественно, ограничивало выбор отрывков. Вдобавок еще ощущался недостаток в сводочном материале, в подробных описаниях исторических фактов и в их революционно-марксистском освещении.

Несмотря на желание построить хрестоматию по единому плану, приходилось в отдельных местах от него отступать, что было совершенно неизбежно при недостатке материала и отсутствии выбора. По этой же причине пришлось частично пользоваться и отрывочными сообщениями и отдельными описаниями жизни и деятельности того или иного союза (напр., профдвижения накануне 1905 г., в годы упадка, революционного под'ема).

Книга разделена на три периода: от возникновения профдвижения до 1905 г.; от 1905 до 1917 г.г. и период подготовки

и торжества диктатуры пролетариата. Это деление соответствует основным этапам развития нашего профессионального движения и социально-политическим изменениям вообще.

С легкой руки меньшевика Гриневича, начавшего летосчисление российского профдвижения с 1905 г., отдельные профессионалисты склонны были недооценивать значение периода возникновения и первоначального развития профорганизаций. В виду этого казалось полезным обратить несколько большее внимание на этот период профдвижения.

Подробнее всего разработан второй период, когда закладываются основы современного профдвижения и уже вырисовываются в главном его контуры, а в то же время меньшевики прилагают все усилия к ложному освещению и истолкованию деятельности профессиональных организаций. Правильное и всестороннее коммунистическое освещение этого периода должно, без сомнения, помочь усвоению как принципов революционного по своему существу российского профдвижения, так и пониманию дальнейшего его развития.

Отрывки о формах организации и содержании работы приводятся за 1905—7 г.г., когда сильнее всего развертываются профорганизации и их деятельность.

Что касается третьего периода, то за ограниченностью места пришлось довести его лишь до начала новой профполитики. Кроме того, так как профдвижение революционного периода полнее всего разработано и освещено и ознакомление с соответствующей профлитературой сравнительно более доступно читателю, мы считали возможным, принимая во внимание недостаток места, этот период несколько сжать.

В заключение составитель считает необходимым отметить содействие, оказанное ему тов. *Р. И. Махлиной* при разработке хрестоматии.

ПЕРИОД ПЕРВЫЙ
(до 1905 года).

I. Развитие капитализма.

1. Концентрация производства.

(Н. Ленин—„Развитие капитализма в России“, стр. 347—349; 356—361; 355—356; 409—410, изд. 1923 г.).

Рост наемного труда.

В вопросе о развитии капитализма едва ли не наибольшее значение имеет степень распространения наемного труда. Капитализм, это—та стадия развития товарного производства, когда и рабочая сила становится товаром. Основная тенденция капитализма состоит в том, чтобы все рабочие силы народного хозяйства применялись к производству лишь после продажи-купли их предпринимателями. Как проявлялась эта тенденция в пореформенной России, мы старались подробно рассмотреть выше и теперь должны подвести итоги по этому вопросу.

Продавцов рабочей силы поставляет рабочее население страны, участвующее в производстве материальных ценностей. Считают, что это население составляет около 15½ миллионов взрослых рабочих муж. пола. Во II главе было показано, что низшая группа крестьянства представляет из себя не что иное, как сельский пролетариат; при этом было отмечено, что формы продажи рабочей силы этим пролетариатом будут разобраны ниже. Подведем теперь итог перечисленным в предыдущем изложении разрядам наемных рабочих: 1) сельско-хозяйственные наемные рабочие. Число их—около 3½ милл. (по Евр. России). 2) фабрично-заводские, горные и железнодорожные рабочие—около 1½ милл. Итого пять миллионов профессиональных наемных рабочих. Далее 3) строительные рабочие—около 1 милл. 4) Рабочие, занятые в лесном деле (рубка леса и первоначальная обработка его, сплавка и т. д.), занятые земляными работами, сооружением железных дорог, работами по нагрузке и разгрузке товаров и вообще всякого рода «черными» работами в индустриальных центрах. Их около 2 милл. 5) Рабочие, занятые капиталистами на дому, а также работающие по найму в обрабатывающей промышленности, не причисляемой к «фабрично-заводской промышленности». Их около 2 милл.

Итого—около 10 миллионов наемных рабочих. Исключаем из них приблизительно четверть на женщин и детей,—остается 7½ милл. наемных рабочих из взрослых мужчин, т. е. около половины всего взрослого мужского населения, участвующего в производстве материальных ценностей. Часть этой громадной массы наемных рабочих совершенно порвала с землею и живет исключительно продажей рабочей силы. Сюда относится громадное большинство фабрично-заводских (несомненно также горных и железнодорожных) рабочих, затем известная доля строительных, судовых рабочих и чернорабочих; наконец, немалая доля рабочих капиталистической мануфактуры и те жители неземледельческих центров, которые заняты домашней работой на капиталистов. Другая, большая, часть еще не порвала с землей, покрывает отчасти свои расходы продуктами своего земледельческого хозяйства на миниатюрном кусочке земли и образует, след., тот тип наемных рабочих с наделом, который мы старались подробно обрисовать во II главе. В предыдущем изложении было уже показано, что вся эта громадная масса наемных рабочих образовалась, главным образом, в пореформенную эпоху и что она продолжает быстро возрастать.

Увеличение числа фабрично-заводских рабочих.

Чтобы рассмотреть данные по интересующему нас вопросу, мы должны взять, во-1-х, сведения о всех производствах, во-2-х, сведения за большой промежуток времени. Только при этих условиях гарантирована более или менее сравнимость данных. Мы берем 1865 и 1890 г.г. — двадцатипятилетний период пореформенной эпохи. Подведем итоги имеющимся статистическим данным. Фабрично-заводская статистика дает за 1865 г. наиболее полные сведения, считая в Европейской России 380.638 чел. фабрично-заводских рабочих во всех производствах, за исключением винокуренного, пивоваренного, свеклосахарного и табачного. Для определения числа рабочих в этих производствах приходится взять единственные имеющиеся данные «В.-Ст. Сборника», причем эти данные должны быть, как выше доказано, исправлены. Прибавляя 127.935 рабочих в названных производствах, получим итог всего числа ф.-заводских рабочих в Евр. России 1865 г. (по производствам, обложенным и необложенным акцизом), в 508.573 ч. За 1890 г. соответствующая цифра будет 839.730 чел. Увеличение на 65%, т. е. более значительное, чем рост населения. Необходимо, однако, иметь в виду, что *на деле увеличение было несомненно больше, чем показывают эти цифры:* выше было подробно доказано, что данные фабр.-заводской статистики за 1860-ые годы преувеличены вследствие включения мелких кустарных, ремесленных и сельско-хозяйственных заведений, а также рабочих на дому.

Переходим к горнозаводской статистике. В 1865 г. число горнорабочих дано лишь по медному и железному производству, а также на золотых и платиновых приисках; по Евр. России—133.176 чел. В 1890 г. в этих же производствах было *274.748 чел. рабочих, т. е. более, чем в два раза больше.* Это последнее число дает 80,6% всего числа горнорабочих в Евр. России за 1890 г.; приняв, что указанные производства обнимали в 1865 г. тоже

80,6% всего числа горнорабочих, мы получим итог горнорабочих для 1865 г.—165.203 чел., а для 1890 г.—340.912 чел. Увеличение на 107%.

Далее, к числу рабочих в крупных капиталистических предприятиях принадлежат также железнодорожные рабочие. В 1890 г. в Евр. России вместе с Польшей и Кавказом их было 252.415 чел. Число железнодорожных рабочих в 1865 г. неизвестно, но оно может быть определено с достаточной степенью приближения, так как число жел.-дорожных рабочих, приходящееся на 1 версту сети, колеблется очень слабо. Считая по 9 рабочих на версту, получим число жел.-дорожных рабочих в 1865 г.—32.076 чел.

Подведем итог нашим расчетам.

Число рабочих в крупных капиталистических предприятиях (в тысячах):

Годы.	В фабр.-зав. промышленности.	В горной промышленности.	На жел. дорогах.	Всего.
1865	509	165	32	706
1890	840	340	253	1.432

Таким образом, число рабочих в крупных капиталистических предприятиях увеличилось за 25 лет более, чем вдвое, т. е. оно возрастало не только гораздо быстрее, чем население вообще, но даже быстрее городского населения. Все большее и большее отвлечение рабочих от земледелия и от мелких промыслов к крупным промышленным предприятиям стоит, следовательно, вне сомнения.

I

Рост крупных фабрик.

...Сопоставляя данные о крупных фабриках с данными о всех «фабриках и заводах» нашей официальной статистики, мы увидим, что в 1879 г. крупные фабрики, составляя 4,4% всех «фабрик и заводов», сосредоточивали 66,8% всего числа ф.-з. рабочих и 54,8% всей суммы производства. В 1890 г. крупные фабрики составляли 6,7% всех «фабрик и заводов», сосредоточивали 71,1% всех ф.-заводских рабочих и 57,2% всей суммы производства. В 1894—5 г.г. крупные фабрики составляли 10,1% всех «фабрик и заводов», сосредоточивали 74% всех ф.-заводских рабочих и 70,8% всей суммы производства.

В 1903 году крупные фабрики, имеющие свыше 100 рабочих, составляли в Евр. России 17% всего числа фабрик и заводов и сосредоточивали 76,6% всего числа фабрично-заводских рабочих. Таким образом крупные, преимущественно паровые, фабрики, несмотря на свою незначительную численность, сосредоточивают преобладающую и все возрастающую долю числа рабочих и суммы производства всех «фабрик и заводов». С какой громадной быстротой растут эти крупные фабрики в пореформенную эпоху,—мы уже видели. Приведем теперь еще данные о столь же крупных предприятиях в горнопромышленности...

...Вот эти данные за 1903 год:

Группы ф.-з. заведений.	В 64 губ. России. Число заведений.	Число рабочих.	В 50 губ. Евр. России. Число заведений.	Число рабочих.
Менее 20 рабоч.	5 749	63.652	4 533	51.728
21—50 рабоч.	5.064	158 062	4 253	134.194
51—100 „	2.271	156.789	1.897	130 642
101—500 „	2.095	463 366	1.755	383.000
501—1000 „	404	276.486	349	240.440
Свыше 1000 рабоч.	238	521.511	210	457.534
Всего.	15.821	1.640.406	12.997	1.397.538

...В горной промышленности концентрация рабочих в крупных предприятиях еще сильнее (хотя процент предприятий, применяющих к производству паровые двигатели, ниже); 258 тыс. рабочих из 305 тыс., т. е. 84,5% горнорабочих сосредоточены в предприятиях с 100 и более рабочих; почти половина горнорабочих (145 тыс. из 305 тыс.) занята на немногочисленных крупнейших заводах, имеющих по 1.000 и более рабочих. Из всего же числа ф.-заводских и горных рабочих Европейской России (1.180 тыс. в 1890 г.) *три четверти* (74,6%) сосредоточены в предприятиях, имеющих 100 и более рабочих; почти половина (570 тыс. из 1.180) сосредоточена в предприятиях, имеющих по 500 и более рабочих.

Развитие техники. Применение паровых двигателей к производству является одним из наиболее характерных признаков крупной машинной индустрии. Интересно поэтому рассмотреть имеющиеся по этому вопросу данные.

Число паровых двигателей в промышленности.

	1875—78 г.г. Паровых котлов.	Паровых машин.	В них сил.	1892 г. Паровых котлов.	Паровых машин.	В них сил.
Евр. Россия (50 г.)	7.224	5.440	98.898	11.272	10.458	256 469
Польша	1 071	787	14.480	2.328	1.978	81.346
Кавказ	115	51	583	514	514	5.283
Сибирь и Туркестан	100	75	1.026	134	135	2.111
Всего в Империи.	8.510	6.353	114.987	14.248	13.085	345 209

За 16 лет число паровых двигателей возросло по количеству сил в России *втрое*, а в Европ. России *в 2½ раза*. Число паровых машин увеличилось в меньших размерах, так что средняя сила одной паровой машины поднялась значительно, именно в Евр. России, с 18 сил до 24 сил, а в Цар. Польском с 18 сил до 41 силы. Крупная машинная индустрия развивалась, след., за данный период очень быстро. По количеству паровых сил в 1875—78 г.г. стояли впереди остальных следующие губернии: С.-Петербургская (17.808 сил), Московская (13.668), Киевская (8.363), Пермская (7.348), Владимирская (5.684),—всего в этих 5 губ. было 58.351 л. сила, около $^{3}/_{5}$ всего числа в

Евр. России, — затем Подольская (5.480), Петроковская (5.071), Варшавская (4.760). В 1892 г. этот порядок изменяется: Петроковская (59.063), С.-Петербургская (43.961), Екатеринославская (27.839), Московская (24.704), Владимирская (15.857), Киевская (14.211)—в последних 5 губ. 126.572 л. силы, т. е. почти ½ всего числа в Евр. России,—затем Варшавская (11.310) и Пермская (11.245). Эти цифры наглядно показывают образование двух новых индустриальных центров: в Польше и на Юге. В Петроковской губ. число паровых сил возросло в 11,6 раза, в Екатеринославской и Донской вместе с 2.834 до 30.932 л. сил, т. е. в 10,9 раза. Эти выросшие столь быстро индустриальные центры передвинулись с последних на первые места и оттеснили старые промышленные центры. Заметим, что и на этих данных обнаруживается особенно быстрый рост промышленности, изготовляющей предметы *производительного* потребления, именно горной и металлургической промышленности. В 1875—78 г.г. в ней потреблялось 1.040 п. маш. в 22.966 л. сил (в Евр. России), а в 1890 году—1.960 п. маш. в 74.204 л. силы, т. е. возрастание за 14 лет большее, чем возрастание всего числа паровых двигателей во всей промышленности за 16 лет. Промышленность, изготовляющая средства производства, занимает все большую и большую долю всей промышленности.

2. Промышленный под'ем конца XIX в.

(В. Астров—„Экономисты—предтечи меньшевиков", стр. 7—11, изд. 1923 г.).

Характер рабочего движения конца XIX века может быть понят только в связи с промышленным под'емом этого периода. Размах и темп под'ема были исключительны даже по сравнению с ходом развития капитализма на Западе. Запоздавший русский капитализм гигантскими шагами нагонял своего старшего собрата.

Производительность русской промышленности за 90 годы выросла больше, чем *вдвое:* в 87 году годовая производительность оценивалась в 1.300.000.000 руб., в 900 г. в 3.200.000.000 руб. На пятилетие 95—900 г. падает 30%, сооруженных до 1905 г. включительно, верст железных дорог. По абсолютной длине русская железнодорожная сеть обогнала за эти годы французскую, английскую, германскую и стала на второе место после американской. В периоды железнодорожной горячки европейские страны открывали в год километров: Германия в 70—80 г.г. 1496 км., Франция в те же годы 873 км., Англия в 40—50 г.г. 931 км., Россия же за указанное пятилетие строила в среднем 2.812 верст в год (верста немного больше километра).

О росте машинного производства можно судить по сопоставлению следующих цифр: за период 1887—97 годы число фабрик увеличилось на 26%, число рабочих на 59%, производительность же выросла на 112%.

Промышленность захватывает *новые районы*. Сибирь, Урал, Кавказ поглощают капиталы более интенсивно, чем районы прибалтийский и центральный (кроме петербургского). Донецкий бассейн из степного и редко заселен-

ного превращается в центр горнозаводской промышленности с крупнейшими заводами.

При этом особенно должен быть отмечен рост производства средств производства, относительно гораздо больший, чем рост производства средств потребления. По размеру капиталов, вложенных акционерными обществами в 1890 г., первое место занимает волокнистая, второе питательная. К 900 г. на первое место вышла горная, оттеснив на второе место волокнистую, а на третье металлическая (с шестого); питательная группа оказалась на пятом месте. О том же говорят данные о производительности с 1887 по 97 г.: производительность повысилась в металлургическом производстве на 176%, в горнозаводском на 152%, в волокнистом на 104%, в питательном на 87%. По выплавке чугуна Россия за десятилетие 90—900 г. с шестого места в мире передвинулась на 4-е, увеличив ее на 220%; добыча железа и стали возросла на 196%. Таким образом, за 90 годы под русскую промышленность был подведен основательный фундамент развитой добывающей промышленности.

Вместе с ростом барышей в дни под'ема *рос и пролетариат*. Еще за 25-летие 1865—90 г.г. число рабочих в фабрично-заводской промышленности выросло больше, чем вдвое: с 706 тысяч до 1.432.000. За последнее десятилетие XIX века это число *снова удваивается*, доходя к 900 г. до 3.000.000. Если к фабрично-заводскому пролетариату (включая железнодорожников) прибавить с.-х. рабочих, строительных, лесного дела, земляных работ, домашних и пр., то мы получаем для всей страны к 900 г. десятимиллионный рабочий класс. В этих общих размерах рабочая масса входит и в революцию 905 года, т. к. вместе с кризисом рост пролетариата останавливается. Чтобы оценить общественное значение этой силы, надо помнить. что удельный вес пролетариата среди других классов, как главного производящего класса в капиталистическом обществе, на много превышает его долю в общей массе населения. В свою очередь, внутри русского пролетариата господствует его активное фабрично-заводское ядро.

Трехмиллиардная продукция капиталистического производства и *трехмиллионный* фабрично-заводской пролетариат — вот итоги взлета русского капитализма перед прыжком в двадцатый век, взлета, послужившего материальной основой стачечного движения, столь же невиданного по своей широте для России девятнадцатого века.

II. Стачечная борьба.

1. Положение рабочего класса в России [1]).

Заработная плата. ...Положение рабочих было очень тяжелое — беспросветная нужда, недоедание, дурная пища, невыносимо тяжелая обстановка (сырость, холод, духота, вредные испарения и т. д. и т. п.), непомерно продолжительный рабочий день, штрафы, расплата товарами и провиантом, низкая заработная плата.

Хотя денежная заработная плата в течение 70-х годов к началу 80-х и повысилась, однако, ниже, чем в то же время повысилась цена продуктов первой необходимости: плата повысилась на 15—50%, а цена ржаной муки на 83%, мяса почти на 220%. Ткачи на механических станках получали в месяц в 50-х годах 10—16 р. сер., в 70-х и к началу 80-х годов 12—18 р., повышение всего на 15%. Это относится к Иваново-Вознесенскому району, но и по другим районам замечалось то же. В Шуйском районе повышение заработной платы на хлопчато-бумажных фабриках за вышеуказанный период времени было 50% не более, а средняя цена пуда ржаной муки в Москве повысилась на 123%, так что это дает право Туган-Барановскому высказать общее положение, а именно, что «к началу 80-х годов *реальная заработная плата рабочих на хлопчато-бумажных фабриках* Шуйского уезда *понизилась в общем не менее как на 30—40%*»...

...Сколько же получал рабочий за свой каторжный труд? В Петербургской губернии средний месячный заработок для мастеровых (механические и машино-стр. зав.) равнялся 25—30 р., для фабричных—15—17 р. и для чернорабочих не выше 15 р. В Московской губ. для мастеровых 30 р., для фабричных—текстилей 12 р. Во Владимирской губ. те же 25 р. для механических рабочих. Механические рабочие оплачивались дороже других, но и они в провинции получали уже меньше, — так в Харьковской губ. 22 р. 50 к. В других производствах плата еще ниже; так, в Москве на позументных

---

[1]) Первые три отрывка взяты из кн. В. Невского—„Очерки по истории Р.К.П.", стр. 130—140, изд. 1924 г.

фабриках получали 7 р., во Владимирской губернии кожевенники—11 р., овчинники—12 р. 83 к.; в Харьковской губ. рабочие сахарных заводов—10 р., гончары—7 р. 50 к. Женщины, конечно, получали значительно меньше мужчин, обыкновенно вдвое, а дети втрое.

Но было бы хорошо, если бы русские рабочие получали хотя бы эти деньги на руки: они их в большинстве случаев не получали.

Не получали же они их потому, что 1) с них брали всякого рода штрафы, 2) производили вычеты, 3) платили неаккуратно и 4) очень часто вели расплату продуктами из заводской лавки. Можно смело сказать, что штрафные деньги в России составляли не менее трети заработной платы, а иногда эта цифра доходила и до 40—50%, как это было на фабрике Морозовых в Орехове-Зуеве.

Продолжительность рабочего дня.

Как общее правило, рабочий день продолжался 12 часов. Такой рабочий день существовал в текстильном производстве (бумагопрядильни, шерстопрядильни и ткацкие и суконные фабрики), в химической промышленности (свеклосахарные, стеклянные и маслобойные заводы, писчебумажные и спичечные фабрики) и в некоторых отраслях механической промышленности. На рогожных фабриках, на некоторых ситцевых и в Московской губернии и в остальной России работа продолжалась от 16 до 18 часов. В Харьковском, Казанском и Московском округах рабочий день продолжался от 16 до 19 ч. на множестве фабрик и заведений: в булочных, на льно-прядильных, на ситцевых фабриках и т. д. При этом нельзя забывать, что работали не только мужчины, но и женщины и дети, и рабочий день и для них продолжался так же долго, как и для взрослых. В Казанском округе малолетние работали на льно-прядильных 13½ часов. Но это было уже в восьмидесятых и начале девяностых годов, а в семидесятых годах дети, по словам самих же 135 фабрикантов, сообщивших эти сведения, работали столько же, сколько и взрослые, т. е. те же 14—16 часов и днем и ночью, и при том иногда дети моложе десяти лет. В Московской губернии из 151 фабрики, о которых фабричный инспектор Янжул получил сведения, только на 55 работа шла 12 часов, на остальных ⅔ фабрик рабочий день продолжался более 12 часов, а на 3 он длился 18 часов. Ужас такого продолжительного рабочего дня увеличивался оттого, что работа была очень часто ночная и сменная. Смены располагались так, что рабочий совсем не имел времени. Несмотря на то, что и производительность труда при ночной работе низка, фабриканты цепко держались за нее, и еще в 90-ые годы в Московской губ. 31% всех рабочих текстилей работало на сменах, а в Петербургской губ. процент этот доходил до 83%.

Санитарно-гигиенические условия труда.

Даже на лучше устроенных фабриках, чем в России, в царстве Польском и вообще в Западном крае санитарное положение было ужасно, в особенности в тех производствах, где работа идет руками. Прежде всего рабочие страдают

от отсутствия воздуха, вентиляции, от пыли и отбросов производства, от вредных испарений и газов. Даже на варшавских махорочных фабриках из сушильных отделений рабочих чрез 15 минут выносили в обмороке. Из 271 фабрично-заводского учреждения в Виленском округе только 5 или 10 фабрик оказались более или менее удовлетворительными в санитарном отношении. На табачных и спичечных фабриках вообще не приходится на каждого рабочего более 1 куб. сажени воздуха, обычное же содержание воздуха ½ и даже ⅓ куб. сажени. Вентиляция на этих фабриках отсутствует, и для проветривания открывают прямо дверь. На табачных фабриках Харьковского округа обычное явление — отравление никотином, и отсюда острые желудочные и нервные заболевания.

Свеклосахарные заводы Киевского и Харьковского округов в санитарном отношении очень неудовлетворительны: вентиляции нет, и рабочим приходится выбивать стекла для притока чистого воздуха; в отделениях, где работа идет с известью, это отсутствие вентиляции особенно вредно, так как мельчайшие пылинки извести носятся в воздухе и попадают в легкие; очень высокая температура во многих отделениях уживается со страшными сквозняками, а отсутствие всяких заградительных приспособлений является причинами несчастных случаев; рабочие болеют нарывами от ожогов.

...Инспектор Казанского округа, обследуя заводы и фабрики своего района, говорит, что помещения фабрик и заводов приспособлены к требованиям производства, интересы же рабочих не приняты совершенно во внимание. Рогожные фабрики грязны, темны, сыры, с земляными полами; на спичечных фабриках и фосфорных заводах, а также кожевенных заводах этого округа помещения малы, грязны и сыры, испарения вредных газов так велики и вредны, что рабочие лишаются зубов, болеют грудью.

Правовое положение рабочих [1]).

...Кабальные формы найма поддерживались полным бесправием рабочего, который рассматривался как рабочий скот. Закабаление обычно достигалось материальной зависимостью от предприятия, в которую ставился рабочий уже в момент найма чрез посредство агентов и волостных правлений, получая задаток иногда в форме уплаты недоимок по деревне, а также и штрафной системой. Крепостнические отношения в деревне не скоро были изжиты, и это облегчало предпринимателям закабаление массы ищущих труда. На фоне общего порабощения рабочей силы процветали все формы эксплоатации. На заводе и фабрике рабочего всеми способами стремились обезличить, подавить всякую попытку к сопротивлению; на пореформенной фабрике долго еще сохранялись отношения, созданные эпохой крепостничества и поддерживаемые крепостническим законодательством (например, фабричный закон 1835 г. действовал до 1886 г.)...

[1]) Д. Антошкин—Проф. движ. в России", 25—27, изд. 1924 г.

Бесправность рабочих и их *слабая сопротивляемость* жестокой эксплоатации приводили к тому, что предприниматели, не довольствуясь дешевизной рабочей силы, широко практиковали штрафы, целью которых являлось—часто в совершенно откровенной форме—урезать и без того низкий заработок рабочего и увеличить свои прибыли (до закона 1886 г. штрафы шли в карман предпринимателя); косвенно штрафы преследовали также цель порабощения рабочего, подчинения его каторжной фабричной дисциплине. Особенно усилилась штрафная система во время промышленного кризиса в первой половине 80-х годов. «Судебный процесс по делу Морозовской стачки установил, что с 1881 г. по 1884 г. средний заработок ткача понизился на 25%, а штрафы возросли на 155%, составляя от пяти до сорока процентов с заработка рабочего».

Экономическое положение рабочего ухудшалось и еще с одной стороны. На многих предприятиях рабочие обязывались закупать продукты из фабричной лавочки. Уплатив низкую заработную плату за тяжелый труд рабочего, высчитав штраф, предприниматель урывал из остатка в форме прибыли на продукты и товары, продавая их рабочему по ценам выше рыночных.

Неутолимая жажда прибыли изобретала всевозможные формы и виды эксплоатации труда, выжимая из него все, что можно. Все средства были хороши, лишь бы они вели к обогащению. Такова неотвратимая роль капитализма, которую он выполняет безукоризненно, где бы он ни появился.

2. Общий обзор стачечной борьбы.

Краткий очерк стачечной борьбы[1]).

Начиная с 1870 г., стачки в России стали происходить ежегодно. До 1878 г. их было зарегистрировано в прессе 21 и в них участвовало около 20.000 рабочих. Главным мотивом стачек в этом начальном периоде истории русского рабочего движения был протест против особенно выдающихся злоупотреблений предпринимателей в области штрафов, принуждения работать в праздники, применения детского труда, невыдачи заработной платы, расплаты товаром по вздутым ценам и проч.

Еще выше поднялась волна стачечного движения в следующее трехлетие—в 1878—1880 годы, бывшие временем промышленного оживления. В 29 стачках, сведения о которых имеются за эти годы, принимало участие от 30 до 35 тысяч рабочих. Стачки в большинстве случаев продолжали носить *оборонительный*[2]) характер, так как наши Колупаевы и Разуваевы, пользуясь неорганизованностью рабочего класса, стремились, даже и при благоприятной промышленной кон'юнктуре, ухудшить уже установившиеся условия труда. Влиял также на настроение рабочих и тот общественный под'ем,

---

[1]) С. Вознесенский, „Стач. борьба", см. Арх. ист. тр. № 8, стр. 148—162.
[2]) Здесь, как и в ряде других мест, курсив принадлежит составителю.

каким ознаменовался конец 70-х годов, особенно же революционная деятельность «Земли и Воли» и «Народной Воли». В стачечном движении за рассматриваемое трехлетие заметны, поэтому, новые черты — *большая организованность рабочих и первые проявления солидарности.* В этом отношении особенно характерны две стачки, 1878 и 1879 г.г., на Новой Бумагопрядильне в Петербурге.

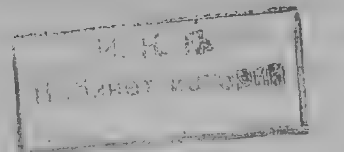
Начавшееся в 70-е годы в России стачечное движение носило на первых порах исключительно экономический характер. Но то обстоятельство, что оно протекало в условиях *двойного гнета капитала и самодержавия,* не позволило ему стать на путь английского трэд'юнионизма. И отдельные наиболее развитые рабочие, и целые кружки их рано поняли тесную связь, какая установилась в России между фабричной конторой и полицейским застенком...

...В 1881—1886-х годах, когда русская промышленность снова вступила в полосу застоя, произошло уже 48 стачек, захвативших более 80.000 рабочих, не считая ряда не отлившихся в стачку волнений и демонстраций. Стачки этого периода отличались и многочисленностью участников, и острыми проявлениями классового возмущения. При стачке в Жирардове в декабре 1882 г. дело дошло до столкновения 8000 стачечников с войсками, причем было убито 3 рабочих и ранено 13. Рядом с этим стачки приобрели *более организованный и сознательный характер.* В этом отношении показательной была знаменитая стачка в Орехове-Зуеве на Никольской мануфактуре Саввы Морозова, вспыхнувшая в январе 1885 г. под руководством П. А. Моисеенко и В. С. Волкова, тщательно разработавших целую тетрадь с требованиями рабочих. Арест руководителей движения и здесь вызвал столкновение с казаками, на помощь к которым подошли новые войска, после чего 33 рабочих было посажено в тюрьму, а около 800 выслано на родину [1]).

...За период с 1887 г. по 1890 г. количество стачек очень незначительно—есть известия лишь о 12, и все они также невелики и по количеству участников. Из них особенно интересна «перемежающаяся» стачка ткачей Белостока, бывшая в июле и августе 1887 г.: пока одни мастерские бастовали, другие работали, поддерживая бастовавших. Благодаря такому способу борьбы, свидетельствующему о *высокой организованности стачки,* рабочие добились повышения расценок. С 1891 г. положение дела резко меняется. Начавшееся в 1887 г. промышленное оживление в 1891 и 1892 г.г. приостанавливается отчасти вследствие общего застоя на мировом рынке, отчасти благодаря двухлетнему неурожаю. Последнее обстоятельство вызвало массовый наплыв в города крестьян, выгнанных голодом из деревни.

...Что касается стачек, то волна их также сильно поднялась, причем она охватила, помимо прежних, преимущественно, центрального и петербургского, новые громадные районы—губернии бывшего Царства Польского и Прибалтийский край. Движение носило почти всюду чрезвычайно бурный

[1]) См. подробно об этих стачках в гл. III.

характер. В Лодзи, напр., рабочие в мае 1892 г. устроили настоящее восстание, взяв приступом тюрьму и казармы. Власти и фабриканты вместе с войском принуждены были временно уйти из города, до прибытия 40-тысячной армии.

Стачечная борьба этого периода, несмотря, однако, на свою грандиозность и остроту, в большинстве случаев сопровождалась *поражением рабочих*. Надежда на успех появилась в рабочем классе лишь с 1893 г., когда Россия вступила в полосу своего нового экономического развития, а именно, в ней на ряду с легкой индустрией стала быстро развиваться и индустрия тяжелая.

...Как раз с этого момента и статистические сведения о стачках становятся богаче: ими все более и более интересуется и революционная пресса, и само министерство финансов, организующее стачечную статистику в предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции. Всего промышленных предприятий в России в 1900 г. было зарегистрировано 38.141 с 2.375.000 рабочих и с суммой производства в 3.005 милл. руб. При этом в ведении министерства финансов состояло 19.673 предприятия с 1.586.000 рабочих и с суммой производства в 2.415 м. руб. Другими словами, данные о стачечном движении, собиравшиеся чинами фабричного надзора, охватывали 50% предприятий с 70% рабочих и 80% суммы производства. Согласно этим данным, за десятилетие с 1895 г. по 1904 г. всего было 1765 стачек с 431.254 участниками их, что в среднем за год даст 176 стачек и 43.125 участников их [1]).

Число предприятий, затронутых стачками, составляло по отношению ко всему числу предприятий данной группы:

	В %%
для предприятий с числом до 20 рабочих	2,7
" " " " 21— 50 "	7,5
" " " " 51— 100 "	9,4
" " " " 101— 500 "	21,5
" " " " 501—1000 "	49,9
" " " " свыше 1000 "	89,7

Эта таблица указывает, что, во-первых, больше половины всех стачек приходилось на крупные промышленные предприятия, во-вторых, число стачек пропорционально возрастает с увеличением размера предприя-

[1]) В. Е. Варзар. Статистика стачек рабочих на фабриках и заводах за 1895—1904 г.г. (Спб. 1905 г.) Л. Мартов указывает, что в действительности, стачечное движение было значительно шире, чем это показывают официальные данные. Так, по его сведениям, почерпнутым из газет и журналов этого времени, за пятилетие 1895—1899 г.г. количество забастовщиков составляло до 464.000 чел., а не 220.000, как это насчитывает В. Е. Варзар („История России в XIX в.“, т. VIII, стр. 69). Эта разница об'ясняется тем, что пресса регистрировала стачки и в предприятиях, неподчиненных надзору фабр. инспекции, как напр., мастерские, предприятия в Сибири и на Кавказе, горные заводы и пр.

тий. Иначе говоря, классовая борьба пролетариата гораздо усиленнее развертывается в области крупного производства, чем мелкого или среднего.

...Из производств больше всего было охвачено стачечным движением текстильное и металлургическое.

Чтобы покончить со статистическими данными, характеризующими стачечное движение в рассматриваемое десятилетие, приведем след. таблицу, вскрывающую степень интенсивности вызывавших его причин:

Причина стачек.	Число стачек.	% к общ. их числу.	Число стачечников.	% к общ. их числу.
Заработная плата	1.071	60,8	208,560	48,6
Рабочее время	385	21,4	129,358	30,0
Условия труда и быта	131	7,4	58,632	13,5
Разные причины:				
случайные	9 } 178	0,5 } 10,0	2,508 } 34,703	0,5 } 7,9
профессиональные	169	9,5	32,195	7,4

Такова в общих чертах статистическая картина развернувшейся в 1895—1904 г.г. стачечной борьбы рабочих в России. Обозревая вышеприведенную скалу движения по отдельным годам, можно было бы вычертить кривую, которая идет вверх почти до 1899 г., довольно резко падает в 1900 г., снова поднимается с 1901 г. и достигает своего кульминационного пункта в 1903 г., после чего сразу понижается до точки 1875 г. Эти изменения кривой стачек вполне соответствуют изменениям в ходе промышленного развития страны. Промышленный расцвет 90-х годов, исключительный по своей широте и интенсивности, завершился, правда, непродолжительным, но очень острым кризисом. В 1899 г. последний охватил Царство Польское, где в Белостоке, Варшаве и Лодзи стали почти все фабрики, а в 1900 г. распространился и на Россию—Петербург, Москву с центральным районом и на юг. Ход промышленного развития страны отразился не только на количественной стороне стачечного движения: он вызвал в нем и качественные перемены. Промышленный под'ем 90-х годов впервые в России породил массовые выступления рабочих, носившие преимущественно экономический характер. Только теперь русский рабочий класс почувствовал свою силу и пред'явил грозный счет капиталу, который эксплоатировал его вне всяких пределов. Наиболее популярными были требования о повышении заработной платы и уменьшении рабочего дня. Особенно сильным было стачечное движение петербургских текстильщиков в 1896—97 г.г. Ему предшествовали отдельные стачки на фабриках, начиная с фабрики Торнтона, в ноябре 1895 г., когда впервые в среде стачечников были распространены с.-д. прокламации, в которых петербургский «Союз борьбы» раз'яснял недостаточность разрозненных выступлений и необходимость совместной организационной борьбы. В следующем году на почве отказа фабрикантов заплатить рабочим за три коронационных дня—эти праздники устроили в честь коронации Николая II, 14 мая 1896 года сами фабриканты,—началась дружная стачка 30.000 текстильщиков. Этой стачкой вплотную уже руководил с.-д. «Союз борьбы», выпустивший ряд листков и старавшийся придать движению

организованные формы [1]). Впечатление от выдержанного и организованного выступления рабочих получилось настолько грандиозное, что сам министр финансов Витте выступил с воззванием, уверяя, что правительство рассмотрит их требования, ибо для него одинаково дороги как интересы фабрикантов, так и рабочих. 18 июня, т. е. через 26 дней, стачка текстильщиков, к которой примкнули еще несколько машиностроительных заводов, резиновая мануфактура, одна писчебумажная фабрика и сахарный завод, прекратилась. Но так как наступление нового 1897 г. не принесло рабочим обещанного законодательного уменьшения рабочего дня, движение снова возобновилось. Начала стачку фабрика Максвеля, пригласившая чрез своих делегатов присоединиться к ней и другие фабрики и заводы. Особенно важное последствие имела остановка работ в Александровских мастерских Николаевской жел. дороги. Министр путей сообщения немедленно удовлетворил требование рабочих о прекращении работы по субботам в 2 часа, причем распространил эту меру на мастерские всех казенных дорог. Это не мало способствовало пробуждению духа борьбы и в железнодорожном пролетариате, вызвав стремление добиться для себя той же льготы и среди рабочих частных железных дорог. С другой стороны, само правительство официально об'явило, что законопроект о рабочем дне вырабатывается, и предлагало рабочим стать за станки. Однако, потребовался еще ряд стачек, чтобы дело с изданием закона продвинулось вперед и, наконец, последний появился 2 июня 1897 г.

...Наступивший в 1899 г. кризис много способствовал пробуждению в стране, с 1881 г. находившейся в цепких об'ятиях мертвой реакции, общественного движения...

Рабочее движение сильно спало по своим размерам, но зато начинало приобретать ярко выраженную политическую окраску. Уже 1 мая 1900 г. в Царстве Польском и Харькове произошел ряд первомайских стачек и уличных демонстраций, во время которых рабочие, рядом с экономическими требованиями, выставили и требования свободы собраний, союзов, стачек и печати. В 1901 г. политические выступления рабочего класса становятся обычными явлениями почти во всех крупных городах. Все демонстрации теперь сопровождаются красным знаменем, на котором красуется лозунг: «Долой самодержавие».

...Особенно показательной была стачка в Ростове в 1902 г., носившая явно предреволюционный характер... Начало 1903 года совпало с новым под'емом промышленности в России, правда, уже в 1904 г. опять сменившимся застоем, наступившим вследствие русско-японской войны. «Тем не менее,— говорит Л. Мартов,—короткого и небольшого оживления оказалось достаточно, чтобы в массах, раздраженных несколькими годами кризиса и возбужденных политической борьбой, вызвать стремление к обратному завоеванию отобранных капиталистами позиций». Экономическое движение тесно переплеталось в это время с политическим. Празднование 1 мая прошло в

1) См. подробнее об этой стачке в гл. III.

особенно значительных размерах, вызвав забастовку в Николаеве, Одессе, Иркутске, Харбине, Белостоке, Гродно и т. д. и демонстрации в Варшаве, Ростове-на-Дону, Феодосии, Таганроге, Баку, Балаханах, Тифлисе, Томске, Чите. Первомайская агитация послужила непосредственным толчком для ряда экономических стачек, охвативших ткацкие фабрики Петербурга, Николаев, Вышний-Волочек, Кострому, Москву, Лодзь, Иваново-Вознесенск и др. города. Стачки эти в большинстве случаев сопровождались победой рабочих. Но самых грандиозных размеров достигло движение на юге России, вылившееся в июне во всеобщую стачку. Начали его рабочие нефтяных промыслов в Баку и рабочие, занятые в Одесском порту. Учитывая наступление промышленного оживления и в нефтяной промышленности, и в морском транспорте, инициаторы движения желали удержать его в чисто профессиональных рамках, не примешивая к нему политического элемента. Но начатые ими стачки вызвали среди рабочих самых разных категорий бурный взрыв возмущения, в котором стремление к экономическим улучшениям переплеталось с протестом против политического и гражданского бесправия. Немудрено, что руководство движением перешло в руки социал-демократов. Самое движение захватило Кавказ, Одессу, Николаев, Елисаветград, Киев, Екатеринослав, Александровск, Феодосию, Керчь, Конотоп. В результате этого движения, экономическое положение некоторых групп рабочих, особенно отсталых и наихуже оплачиваемых, несколько улучшилось. Но не в этом заключается его значение: оно вовлекло в классовую борьбу громадные массы пролетариата, стоявшие до того в стороне от нее и далеко продвинуло вперед политическое сознание рабочего класса, упрочив его связь с социал-демократией. Кроме того, это движение стихийно вылившееся в форму всеобщей забастовки, дало возможность пролетариату испробовать то оружие, которым он в 1905 г. нанес первый удар царизму, а в 1917 г. и последний.

Итоги стачечной борьбы [1].

...Окидывая общим взглядом всю историю стачечного движения до первой революции, мы можем проследить в нем несколько этапов, отмечающих наиболее характерные и яркие моменты в развитии рабочего движения.

1. Стачка на Новой бумагопрядильне в 1870 году, которой и начинается история собственно стачечной борьбы.

2. Питерские стачки в момент экономического под'ема и усиления революционного движения в 1878—79 г.г., в которых вспыхивают первые искры пролетарской солидарности и в головы рабочих закрадывается недоверие к *цесаревичам* и властям и делаются первые попытки организовать рабочих в революционный «Северно-русский рабочий союз» (1877 г.) и «Южно-русский рабочий союз» (1875 г.).

3. Морозовская стачка в момент острого промышленного кризиса в 1885 году, отличавшаяся от предыдущих предварительной подготовкой, сравнительной организованностью и бурным характером и оказавшая, кроме того, глубокое влияние на развитие фабричного законодательства.

[1]) Д. Антошкин—„Профдвижение в России“, стр. 40—41, изд. 1924 г.

4. *Общая* стачка питерских текстилей в обстановке общего экономического оживления в 1896 году, отличавшаяся организованностью, единодушием и стойкостью. В ее проведении принимает активное участие «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» и на этой почве происходит сближение социал-демократической организации с рабочими массами.

5. Стачки 1901 и 1902 годов (годы промышленного кризиса), в которых элементы экономической борьбы явно связываются с политическими требованиями и все экономическое движение приобретает политическую окраску и выливается в бурную общую стачку рабочих южного района в 1903 году (год промышленного равновесия, покоя), сопровождающуюся политическими демонстрациями. Эта стачка втянула в движение огромные массы рабочих и способствовала быстрому созреванию классового самосознания рабочих.

6. Наконец, застойный 1904 год—вследствие русско-японской войны—характеризуется резким понижением стачечного движения и является как бы остановкой для того, чтобы в следующий год развить бешеную энергию стачечного движения по всей России и нанести короткий и сильный удар самодержавию всеобщей стачкой, небывалой еще в истории мирового рабочего движения.

3. Условия стачечной борьбы [1]).

„Бой за правду“ [2]).

(К. Тахтарев.—„Раб. дв...“, 137—141 стр., изд. 1924 г.).

На фабриках Паля и Максвеля в описываемое время работало около четырех тысяч рабочих, живших большей частью в фабричных казармах. Условия труда были очень скверные, а эксплоатация рабочих доходила до почти открытого их надувательства... На фабрике процветала система усиленных штрафов. Одновременно, благодаря введению новых машин, напряженность труда была увеличена. Все это вызывало сильное недовольство рабочих, на которое администрация фабрики должного внимания не обращала. Обращение к фабричной инспекции тоже не привело ни к каким ощутительным результатам. Тогда рабочие решили прибегнуть к забастовке, как к единственному средству протеста против хозяйской эксплоатации, и выставили свои требования, сводившиеся к улучшению условий труда, к отмене системы штрафов и к увеличению заработной платы.

13 декабря были Петербургским Союзом Борьбы [2]) выпущены листки с изложением в них требований рабочих. Воззвания Союза были распространены среди рабочих утром 14-го декабря. Этого было достаточно, чтобы немедленно же началась стачка. После обеденного перерыва, от 12 до 2 ча-

---

[1]) Из 1765 стачек (за 1895—1904 г.г.) в большинстве (835 стачек) проявились „особые условия“ (вмешательство государственной власти): призыв войск—269 забастовок, частичный расчет—190, арест и высылка—164, общий расчет—137, разрушительные действия—44 и судебные преследования—31.

[2]) „Союз борьбы за освобождение рабочего класса“.

сов дня, на Петровской фабрике на работу не пошел ни один рабочий. В тот же день вечером забастовали и рабочие фабрики Паля. Там ночная смена ткачей, придя к пяти часам вечера, проработала только до десяти, а затем рассыпалась по всей фабрике, уговаривая и других оставить работу.

С утра 15 декабря забастовало и все ткацкое отделение фабрики Паля, в количестве около тысячи человек, хотя ситценабивное отделение еще продолжало работать.

Утром 15 декабря среди максвелевских и палевских рабочих Союзом Борьбы были распространены два новых воззвания, в которых Союз убеждал рабочих держаться стойко и дружно, добиваясь своего. С первого же дня забастовки фабричные инспектора вели переговоры с рабочими, во время которых рабочие ясно и определенно говорили о своих требованиях, в числе которых было также выставлено и требование, чтобы не арестовывали за стачки. Рабочие ни за что не соглашались на уговаривания фабричной администрации возобновить работу.

Так продолжалось три дня. В это время были расклеены об'явления градоначальника Клейгельса. В этих об'явлениях Клейгельс требовал от рабочих выхода на следующий день на работу, угрожая продолжающим забастовку высылкой. Так как стачка проходила спокойно и выдержанно, то полиция решила пустить в ход провокацию. В этом деле особенно отличился пристав Шлиссельбургского участка Барач, получавший вознаграждение от местных фабрикантов за содействие полиции при всяких фабричных происшествиях. Он явился к управляющему фабрикой Ферветтеру с предложением своих услуг, надеясь получить за них должную мзду. Предложение было принято и провокация была пущена в ход.

Один из провокаторов, служивших на фабрике под видом рабочего, обращаясь к толпе рабочих, звал их итти громить фабрику. Он ругал начальство и богохульствовал. Под конец, желая показать свою «революционность», он даже стал плевать на икону, вделанную в стену фабрики. Возмущенные его поведением, рабочие схватили его и привели в контору. Администрация расчитала его, но через несколько дней снова приняла на фабрику по настоянию начальника охранного отделения Пирамидова, сообщившего о том, что «провинившийся рабочий» состоит агентом охранного отделения.

Другой провокатор действовал не более умело и тоже возбудил против себя рабочих, которые начали его колотить. Во время драки он выхватил нож и ранил двух рабочих. По требованию Пирамидова и он был оставлен администрацией на фабрике. Скоро начались аресты среди рабочих по донесению сыщиков. Одновременно были закрыты с'естные лавки, и так как фабричная инспекция обещала настоять на прекращении злоупотреблений, то рабочие решили, наконец, возобновить работу, как требовал градоначальник, 17 декабря. Но полиция решила предварительно разредить ряды забастовщиков и удалить с фабрики их главарей.

Было решено произвести аресты в фабричных казармах и в общежитии для женатых рабочих, в которых жило около 800 человек. Эти аресты было решено произвести еще в ночь на 16 декабря.

Вечером рабочие, жившие в общежитии для семейных, заметили, что собаки, находившиеся во дворе при общежитии, были заперты в сарай. Это им показало, что и после своего решения возобновить работу они не могут не опасаться новых нашествий полиции.

Поэтому некоторые из рабочих не спали и, как только явилась полиция в числе человек 10, толпой спустились к управляющему домом (тоже сыщику) Лисицыну и просили его, чтобы он уговорил полицию не беспокоить их ночью (в каждой комнате дома помещалось по три семьи), а приходить, как требует закон, днем.

Полицейские побоялись образовавшейся толпы и ушли. Барач тотчас же понял, что настала удобная минута для выполнения плана: он собирает местные силы полиции и по телефону докладывает градоначальнику о происшедшем. Ему дается знать, что сейчас же отправляются из Петербурга конные полицейские и жандармы.

Часа через два все силы полиции, около 500 чел., были сосредоточены в 50 саж. от общежития, а их начальники держали совет. На совете присутствовали: полицмейстер 3-го отделения С.-Петербургск. полиции Полибин, офицер полицейского резерва Галле, впоследствии прославившийся еще более избиением студентов, и пристав Барач.

Полицейское совещание решило: усмирить рабочих во что бы то ни стало и взять дом приступом, так как толпа высыпала на крыльцо и говорила, что не пустит полицию в дом. Рабочие при приближении полиции ушли внутрь дома и заперли двери. Полиция выломала их и ворвалась на лестницу. На лестнице стояли рабочие; некоторые из них стали кидать в нападавших поленьями и чем попало.

Тогда вызвано было подкрепление—несколько отрядов полицейских, и началась правильная осада.

Однако, осажденные не сдавались, а пустили в ход все имевшееся у них в руках «оружие»: бросали из окон поленья дров, доски, стамески и другие инструменты, лили кипяток. Помогали и женщины и дети. Все это летело на головы полицейских, из которых 8 было ранено.

С поднятием полицейских по лестнице, рабочие нижних этажей разбегались по своим камерам и запирались на ключ. Полиция поднималась, держа впереди сорванные с петель двери; у некоторых были в руках обнаженные шашки. Занимая таким образом этаж за этажом, полицейские расстановились по всему дому в виде часовых у каждой двери. Затем Барач и Полибин стали обходить все камеры, проверяя наличность рабочих. С ними шел сыщик Лисицын, указывавший им, кого следует забрать, как людей вообще неспокойных. Таким образом все, кто имел когда-либо столкновение с сыщиками или полицией, оказались в числе кидавших поленья и были обвинены в открытом сопротивлении властям. При арестовании полиция не церемонилась: схватывали больных с кровати, несмотря на очевидную невозможность для них принимать какое-либо участие в беспорядках. Но мелкая и жестокая мстительность и привычка к произволу не могли остановиться только на этом. Внизу, вне казармы общежития, были расставлены

конные городовые и жандармы в два ряда, с нагайками в руках. Уже в коридоре начинали бить арестованного ведшие его. С лестницы неслись крики: «Ой, убили. Отпустите душу на покаяние» и пр. Сам пристав при аресте кого-либо говорил: «Принять его хорошенько. Рубите их, как капусту» и пр. А в ответ на мольбы жен и плач детей злорадно добавлял: «Ничего, там внизу еще прибавят». «Мы давно вам дорожку в Сибирь приготовили»,— говорил полицеймейстер Полибин. Внизу каждого арестованного проводили сквозь строй. Нагайки были с пульками на концах, и действие их было таково, что у многих рабочих тулупы были изодраны на клочки. Спины и головы многих представляли сплошной струп. Многие теряли сознание; их временно оставляли в покое, а потом опять били. В иных случаях бившие предупреждали остальных: «Этого довольно: еле дышит». Озверение полицейских отчасти об'ясняется опьянением, так как администрация фабрики предварительно щедро угостила их водкой. Многие из арестованных рабочих, доставленные затем в Рождественскую часть, не могли двигаться и лежали пластами по нескольку дней. Рубцы и раны не заживали спустя слишком 1½ месяца. У многих были выбиты зубы, повреждены уши, глаза, у одного были переломаны ребра.

4. Результаты стачечного движения.

Политические результаты стачек. (Фабр. законодательство и репрессии [1]).

Стачечное движение 70-х годов заставляет правительство издать закон 1 июня 1882 г., воспретивший труд детей, не достигших возраста 12 лет, и ограничивший труд детей 12—15 лет 8-ю часами в сутки. Стачки первой половины 80-х годов, и, особенно, историческая забастовка в январе 1885 года на Никольской мануфактуре в Орехове-Зуеве (Морозовская стачка), — главной причиной которой служили высокие штрафы и злоупотребления ими, вынудили правительство урегулировать взаимные отношения предпринимателей и рабочих при найме; 3 июня 1886 г. был издан закон о найме рабочих на фабрики и заводы. В 1885 году издан закон о воспрещении ночной работы женщин в некоторых производствах.

Изданные законы не остановили, конечно, стачечного движения. С ростом промышленности росла сознательность рабочих масс, росли и их потребности. Все чаще становятся стачки из-за требования сокращения рабочего времени. Это движение завершилось знаменитой забастовкой на петербургских бумагопрядильнях в 1896 году, охватившей до 35.000 рабочих. В январе 1897 года стачка среди петербургских текстильных рабочих повторилась и заставила правительство поспешить удовлетворить требования рабочих. 2 июня 1897 года был издан закон, впервые ограничивший в России рабочий день взрослых рабочих. Рабочий день был установлен в

[1]) В. Гриневич.—„Профдвижение" 5—7 стр., изд. 1924 г.

11½ часов, накануне праздничных дней в 10 часов и для рабочих, занятых в ночное время, в 10 часов.

Создавая *фабричное законодательство в России под непосредственным давлением рабочего движения,* государственная власть вмешивалась в отношения между трудом и капиталом не в целях охранения от вырождения громадной части населения, а только в целях сохранения государственного порядка. Одновременно с изданием законов об охране труда *министерство путем циркулярных раз'яснений, сводит фактически эти законы на нет.* Достаточно привести, как пример, циркуляр министра финансов от 14 марта 1898 г., который отменил для всех фабрик и заводов установленную *законом* 2 июня 1897 г. максимальную норму сверхурочных работ в 120 часов для каждого рабочего в год. Достаточно напомнить, наконец, во что обратился, благодаря циркулярным раз'яснениям министров, институт фабричных инспекторов, введенный в России в 1882 году. Фабричные инспектора, на обязанность которых было возложено посредничество между предпринимателем и рабочими, проведение в жизнь и наблюдение за выполнением фабричного законодательства, превратились в агентов полиции, в помощников жандармского надзора, в цензоров, в составителей полицейских инструкций, в воспитателей рабочих в духе подчинения их суверенитету предпринимателей и т. д. и т. д.

Гораздо более искренней и энергичной государственная власть была при установлении новых ограничительных законов и при проведении в жизнь новых репрессивных мер против рабочих: за каждой новой вынужденной уступкой рабочим следовали новые ограничения их самодеятельности.

Издание упомянутого выше закона 3 июня 1886 года повлекло за собою одновременное усиление наказаний за стачки. Введенные в Уложение ст.ст. 1358^{1},^{2},^{3}, устанавливали наказание от 4 до 8 месяцев, и от 2 до 4 месяцев тюрьмы за «прекращение работ на фабрике или заводе по стачке между собою рабочих, с целью принуждения фабрикантов или заводчиков к возвышению заработной платы или изменению других условий найма до истечения срока последнего», участники стачки, причинившие повреждение или уничтожение заводского или фабричного имущества подвергались наказанию тюремному заключению от 8 месяцев до 1 года и 4 месяцев (зачинщики) и от 4 до 8 месяцев (участники). Третья статья, наконец, карала таким же наказанием участников стачки, «принудивших других рабочих посредством насилия или угроз прекратить работу или не возобновлять прекращенную».

Однако, это увеличение наказаний за стачки по суду не удовлетворяло государственную власть, она стремилась вообще не допускать стачек. Для этой цели она использовала излюбленный прием бюрократии: судебное ограждение закона заменила посредством циркуляра административным усмотрением.

Одновременно был поставлен вопрос об усилении фабрично-заводской полиции. По закону 1 февраля 1899 г. учреждено новых 160 должностей

полицейских надзирателей и 2.320 городовых на фабриках и заводах с 200 и более рабочих.

Чем дальше развивалось рабочее движение, чем более широкие массы оно захватывало, и чем больше оно принимало революционный характер, тем грубее и мелочнее становилось вмешательство административных властей в экономическую борьбу рабочих.

Так, в бытность Плеве мин. вн. дел, правительство приравняло сосланных стачечников к уголовным поселенцам и лишило их в ссылке обычных пособий для политических ссыльных.

Экономические результаты стачек[1]).

Каковы же были в действительности экономические результаты забастовочного движения.

Согласно официальным сведениям, относящимся к десятилетнему периоду 1895—1904 г.г., в общем, из 100 стачек кончалось победой рабочих 28,2, победой хозяев—45,4 и взаимными уступками—21,8 стачек (в остальных случаях исход неизвестен). При этом % выигранных рабочими стачек выше всего и равняется 34,3%, для стачек, вызванных условиями внутреннего распорядка на фабриках (в частности, из стачек, вызванных «условиями быта и довольствия», кончались успешно для рабочих даже 72%). Стачки, вызванные борьбой из-за рабочего времени, кончались успешно для рабочих в 31,68% всех случаев. Напротив, стачки, имевшие предметом борьбы заработную плату, насчитывают всего 29,22% с благополучным для рабочих исходом.

Но и в этих пределах неодинаково соотношение между удачными и неудачными забастовками для случаев наступательной и оборонительной борьбы пролетариата.

Так, кончались:

	В пользу рабочих.	В пользу предприн.	Компромисс.
	(В	процентах).	
Стачки из-за увел. зараб. платы	18,6	40,05	31,43
Сопротивления ее сокращению	46,87	29,08	23,43
Сокращения рабочего дня	24,29	52,81	22,88
Сопротивления его увеличению	63,41	24,39	12,19

Мы видим, что из стачек, возникших на почве однородных вопросов % кончавшихся удачей для рабочих в 2½ раза выше для случаев оборонительной борьбы, чем для случаев борьбы наступательной. Для последней, велась ли она из-за заработной платы или из-за рабочего дня, стачки, кончившиеся для рабочих успехом полным или частичным (компромиссом), составляют менее ½ всего числа стачек. Напротив, для оборонительной борьбы такие стачки составляют 70—75%. Следовательно, поскольку стачечное движение было, вообще успешно, оно достигало не столько улучшения условий труда, сколько препятствовало их ухудшению. Это подтвер-

[1]) Л. Мартов.—„Развитие крупной промышл.", 145—153 стр., изд. 1923 г.

ждается и данными о стачках, вызванных вопросами о штрафах и вычетах, и о действиях фабричной администрации. В борьбе на этой почве, где затронуты не основы капиталистической эксплоатации, а производные злоупотребления, часто явно противозаконные, стачки, по своим результатам, распределялись так:

	В пользу рабочих.	В пользу предприн.	Компромисс.
	(В	процентах).	
Стачки из-за штрафов и вычетов . .	23,07	69,23	7,69
Действия фабр. администрации. . .	27,27	58,44	14,28

Следовательно, абсолютное большинство таких стачек кончалось поражением рабочих. Сила их наступательного движения в 60—70 случаях из ста оказывалась недостаточной, чтобы устранить наиболее яркие проявления капиталистического производства и наиболее вопиющие эксцессы гнета фабричной администрации.

Постановление закона 2-го июня, ограничившее число сверхурочных часов в год 120-ю и разрешавшее их лишь с согласия самих рабочих, благодаря частью позднейшим мерам правительства, не привело к заметному ослаблению этого зла, сводящего на-нет борьбу за сокращение рабочего времени...

Согласно данным г. Шестакова, на мануфактуре Э. Циндель в Москве за время с 1895 г. по 1899 г. средняя заработная плата поднялась на 15%. На 4 крупных московских мануфактурах за период 1883—96 г.г. увеличение заработной платы составляло для ткачей 9%, для прядильщиков—17%, для работниц—18%. На 5 крупных мануфактурах Владимирской губ. за тот же период увеличения платы составило у ткачей 11%, у прядильщиков—10%, у работниц—18%. М. И. Туган-Барановский делает из этих данных тот вывод, что «в общем, за новейшее время не только денежная, но и реальная плата повысилась». Вывод едва ли может быть признан обоснованным, если принять во внимание, что за время с начала 80-х г.г. по конец 90 г.г. хлебные цены в России возросли почти вдвое. Пажитнов, рассматривая положение горнорабочих на Урале, пришел к выводу, что при возрастающих ценах на жизненные продукты номинальная плата осталась почти неизменной. То же и на рудниках Юза...

Отвратительные санитарные условия самой фабричной работы, отсутствие надлежащей охраны от несчастных случаев и грубо казарменный режим остались характерными для большинства фабрик.

Таким образом, несмотря на громадные его усилия, положение рабочего класса, в общем и целом, улучшилось лишь очень незначительно, и, главное, все достигнутые им улучшения оказались очень непрочными. Как только под'ем промышленности сменился неизбежным застоем, условия жизни русского рабочего стремятся вернуться к прежнему уровню. Но это и неизбежно при том условии, когда достигнутые рабочими улучшения в моменты благоприятной экономической кон'юнктуры не закрепляются законом и *не охраняются широкими и сильными рабочими организациями.*

Между тем, то, что правительство давало рабочим *под влиянием рабочих волнений* сегодня, отнималось у них завтра, как только проходили события, вызвавшие уступку. Общее же направление внутренней политики, неуклонно преследуя всякие попытки рабочих к организации, достигало того, что в каждом отдельном случае экономической борьбы рабочим удавалось отвоевать у капиталистов *минимум* того, что им позволяли получить условия промышленности.

Прогрессивный характер стачек [1]).

(Стачечное движение не только улучшало положение рабочих, но было также одной из причин дальнейшего развития нашей промышленности; оно толкало крупных фабрикантов (Петроковских и Петербургских) к усовершенствованию технического оборудования своих предприятий, а сокращение в результате стачек рабочего дня значительно повышало производительность труда. Ниже приводим отрывок буржуазного идеолога Туган-Барановского, свидетельствующий о прогрессивности стачечного движения. Даже буржуазный идеолог не мог не констатировать этого факта).

По словам фабричного инспектора Петроковского округа, г. Рыковского, большинство фабрикантов Петроковской губернии, сокративших рабочий день с 13 до 12 часов, заявили ему, что выработка товаров уменьшилась от этого лишь на 2,7%, а на одной крупной фабрике, благодаря *улучшению машин и ускорению их движения,* выработка даже увеличилась на 2,3—7,3%.

...Комиссии прядильно-ткацкого отдела были доставлены очень любопытные данные о результатах сокращения времени работ на разных фабриках. На прядильнях сокращение часов работы заметно улучшило качество товара, но количество часовой выработки пряжи увеличивалось мало. Напротив, на ткацких фабриках, по показаниям фабрикантов, сокращение рабочего времени оказало огромное влияние на количество часовой выработки товара.

В некоторых случаях сокращение времени работы совсем не уменьшило общей выработки товара и фабрикант остался в чистом барыше (так как при меньшем времени работы разные вспомогательные расходы уменьшаются)...

По данным других фабричных инспекторов, сокращение времени работы влияет еще сильнее на производительность труда. В Московской губернии рабочий день был сокращен на 15-ти фабриках. При этом, на ковровой фабрике Русской Мануфактуры, шерстоткацкой Бутикова, меднолитейном заводе Краснова работа была сокращена с 12 до 11 часов в день, и общая выработка рабочего не понизилась, а на первой фабрике даже повысилась. Прядильно-ткацкие фабрики Товарищества Реутовской Мануфактуры и Высоковской Мануфактуры перешли от 24-часовой к 18-часовой работе. Часовая выработка возросла на 16—20%. Переход других фабрик с 13 к 12-часовой работе, с 24 к 22-часам, с 11½ и 11-ти к 10-часам работы не сократил общей выработки рабочего. В Волынской губернии пере-

---

[1]) Туган-Барановский.—„Русская фабрика в прошлом и настоящем", 393—401, изд. 1900 г.

ход 2-х писчебумажных фабрик Дитятковского Товарищества с 2 смен, по 11½ часов каждая, к 3 сменам, по 8 часов каждая, привел к увеличению производительности труда на 25%. «Заработная плата рабочего осталась прежняя, так как фабрика платит поденно, и рабочий за 8 часов работы получает столько же, сколько получал прежде за 11½ часов»...

Петроковские фабриканты, в огромном большинстве, были прямо заинтересованы в запрещении ночной работы. Я уже говорил о ходатайстве лодзинских фабрикантов; что касается до петербургских, то они пошли еще дальше своих польских собратьев. В 1896 году владельцы петербургских бумагопрядилен ходатайствовали о немедленном воспрещении всем фабрикантам работать свыше средним числом 11 часов с небольшим в сутки. Для московских фабрикантов такой быстрый переход к дневной работе, понятно, был бы очень убыточен. Этим и об'ясняется почему Московское Общество для содействия развитию мануфактурной промышленности предлагало растянуть на 4 года срок введения закона о прекращении ночной работы. Но многие московские фабриканты, как я говорил, были против какого бы то ни было законодательного ограничения рабочего дня...

III. Истоки профессионального движения.

1. Наростание организованности в стачечном движении.

Зачатки организованности в стихийных стачках. (Ниже приводим отрывок из книги Г. Плеханова „Русский рабочий в революционном движении", описывающий забастовки ткачей на Новой Бумагопрядильне в 1878—79 г.г.).

Первая стачка на Новой Бумагопрядильне вызвана была в марте 1878 г. значительным понижением заработной поштучной платы и длинным рядом «новых правил», целью которых являлось все то же, любезное предпринимательскому сердцу, удешевление рабочей силы. На этой фабрике существовал небольшой революционный кружок из 10—12 человек, недавно привлеченных, неопытных и мало испытанных. Душою кружка был нелегальный унтер-офицер Гоббст, впоследствии, в июле 1879 г., повешенный в Киеве, а в то время, о котором идет теперь речь, усердно разыскиваемый полицией по делу о пропаганде в войсках Одесского военного округа. Гоббст был не только вполне надежный, но положительно редкий человек. Он один стоил иного кружка. Однако, с фабричной средой он не успел хорошенько познакомиться, да при том, на фабрике он не работал, а жил по соседству с нею в качестве сапожника-хозяина единственной в той местности «конспиративной» квартиры. Таким образом, непосредственного влияния на рабочую массу он не имел. Ко всему этому нужно прибавить, что на Новой Бумагопрядильне — самой большой из фабрик Обводного канала, занимавшей более двух тысяч человек — работали тогда, как нарочно, все «серые» люди, недавно попавшие в столицу и в целости сохранившие свои деревенские предрассудки. Можно представить себе, поэтому, те препятствия, которые должны были встретиться революционерам при их попытке войти в сношения со стачечниками.

Когда извещенные Гоббстом «землевольцы» явились на его конспиративную квартиру, дело обстояло так. Рабочие были вполне уверены, что «начальство» немедленно вступится за них, как только поймет смысл «новых правил». Разубедить их в этом не было никакой возможности. Приходилось уступить их наивной уверенности, предоставив им из опыта узнать,

как велика заботливость русского «начальства» о нуждах рабочего класса. Ближайшим к стачечникам представителем власти был местный полицейский пристав. К нему-то и обратились они прежде всего со своими жалобами. Пристав оказался большим дипломатом. Чтобы выиграть время, он ласково принял «ходоков» и обещал им «переговорить» с управляющим фабрики. Простодушные рабочие заранее торжествовали победу. Но прошел день, другой, фабричные станки бездействовали, мелочные лавки стали отказывать стачечникам в кредите, а управляющий не обнаруживал ни малейшей склонности к уступкам. Что же это могло значить. Неужели пристав не «переговорил» с ним. Снова отправились «ходоки» в участок, но на этот раз их приняли там не попрежнему: пристав находил, что рабочие *обязаны* подчиниться новым правилам, «бунтовщикам» же грозил строгим наказанием. Стачечники усмотрели из этого, что он «снюхался» с управляющим и решили «итти выше», т. е. к градоначальнику. Нечего и говорить, что тот сделал для них не больше, чем пристав. Тогда поднялись толки о подаче прошения наследнику.

На все это ушло с неделю, а за неделю революционеры успели уже довольно хорошо сойтись со стачечниками. С самого начала стачки рабочие заметили, что каждый раз, когда они собирались большой толпой, между ними появлялись какие-то незнакомые люди, одетые не совсем по-фабричному, пожалуй даже вообще смахивавшие на «студентов», но неизменно тянувшие их руку. Эти люди подали уже не мало дельных советов. Они говорили, что не зачем ходить ни к приставу, ни к градоначальнику. Их не послушались, а вышло по-ихнему. Семейным стачечникам, на которых в особенности тяжело отзывалась приостановка работы, а следовательно, и прекращение заработка, раздавались денежные пособия, раздавались, правда, своими же фабричными, но откуда у тех возьмутся деньги. Догадаться не трудно: деньги дают те же таинственные люди. Доверие стачечников к революционерам росло с каждым днм.

Однажды утром в квартиру Гоббста принесен был проект требуемого прошения. Одобренный местным рабочим кружком, он был представлен на рассмотрение рабочего собрания, состоявшегося на обширном дворе Бумагопрядильни. Прошение вызвало всеобщий восторг. «Вашему императорскому высочеству, говорилось в нем, не безызвестно, какие плохие были отведены нам наделы, и как сильно страдаем мы от малоземелья». — Верно, верно, гремела толпа, только звание, что земля, а пользы от нее никакой. — «Вашему императорскому высочеству не безызвестно, наконец, с какой жестокостью взыскиваются с нас эти тяжелые подати, — раздавалось с высокой каменноугольной трибуны, — нужда гонит нас на заработки в город, а здесь нас на каждом шагу притесняют фабриканты и полиция». Далее следовал разбор вызвавших стачку новых правил, а в заключение говорилось, что, не видя ни откуда защиты, рабочие ждут ее от наследника престола, но если и он не обратит внимания на их просьбу, то ясно будет, что им остается надеяться *только на самих себя*. Заключение также найдено было очень рассудительным. «Если и от наследника ничего не добьемся,

то уж надо будет, как-никак, поправляться самим», решили слушатели. Таким образом, прошение было готово. Но как доставить его наследнику. Итти «ходоком» к Аничкову дворцу никому не хотелось, так как подобное путешествие могло закончиться очень неприятным образом. Решено было нести прошение целой толпою... Там его принял, для передачи по назначению градоначальник. Рабочие уверяли после, что когда Козлов брал у них прошение, наследник стоял у окна и видел все происходившее. Это обстоятельство было, вероятно, плодом их фантазии, но тем не менее пришлось оно очень кстати. Никто не мог бы убедить впоследствии стачечников, что их прошение скрыли от наследника недоброжелательные к ним придворные.

Отнеся «бумагу» во дворец, градоначальник опять вышел к просителям и об'явил, что теперь наследник приказывает им разойтись, ответ же на их просьбу он даст им через несколько дней. Рабочие немедленно и совершенно спокойно исполнили это приказание...

Ничего не отвечая рабочим, наследник, очевидно, дал понять градоначальнику, что желает сохранить нейтралитет, и что поэтому полиция может действовать с обычным своим усердием. Для стачечников вернулось тяжелое время. Полицейские преследования возобновились и росли с каждым днем. Доведенные до крайности, они сдались, и после двухнедельного затишья Бумагопрядильня снова пошла полным ходом.

Стачка была подавлена не экономической силой капитала, а простым полицейским насилием: денежные сборы между «интеллигенцией» и рабочими разных промышленных заведений могли бы поддержать стачечников, по крайней мере, еще в течение целого месяца, дела же акционерного общества Новой Бумагопрядильни шли тогда далеко не так хорошо, чтобы оно могло вынести столь продолжительное «воздержание» от эксплоатации чужого труда. Его выручила полиция...

В следующем, 1879 году, стачечная зараза охватила несколько фабрик одновременно. Обнаружилась она прежде всего на знакомой уже читателям Новой Бумагопрядильне.

С тяжелым сердцем, уступая полицейскому насилию, рабочие Новой Бумагопрядильни говорили нам, что они покоряются не надолго и при первом же удобном случае опять забастуют. По правде сказать, мы не верили им, видя в их словах не более, как желание утешить и себя и нас в испытанной неудаче. Но мы ошибались. Уже в ноябре 1878 г. полиция имела много хлопот с неугомонной Бумагопрядильней. Восьмого ноября (Михайлов день) тамошние рабочие не явились на фабрику, мотивируя это тем, что, дескать, — праздник, работать грех. Но на других фабриках работа шла своим чередом, и управляющий Бумагопрядильни вздумал наверстать потерянное время удлинением рабочего дня с 13 часов, как было до тех пор (от 5 часов утра до 8 часов вечера с вычетом 2 часов на еду) до 13¼ и продолжать работу при этом условии до тех пор, пока из кусков времени не составится полный день. Два дня работа шла до 8¼ ч., возбуждая сильное неудовольствие рабочих. На третий день кому-то пришло в голову завернуть главный газопроводный кран в 8 часов. Как только эта мысль была приведена в испол-

нение, рабочие густой толпой повалили с фабрики, причем, разбили несколько стекол и испортили 9 основ. Верный друг «отечественной промышленности», полиция не могла во-время явиться для восстановления «порядка», но зато на следующее утро на фабрику явилась целая орда охранителей, и в течение нескольких дней работа происходила в их благодетельном присутствии, хотя уже не до 8¼, а только до 8 часов. Началось следствие: кто потушил. Кто мог потушить. Человек 7 рабочих таскали в участок. Пристав горячился и кричал, что «ушлет их в Архангельскую губернию». Однако это не помогло. Рабочие отвечали, что ничего не знают. Одна женщина, работавшая недалеко от крана, показала на допросе, что кран завернул какой-то рабочий, лицо которого было закрыто передником. Кто был этот рабочий — осталось неизвестным, дело пришлось передать «суду и воле божией». С тех пор полиция стала зорко следить за рабочими.

15 января следующего года рабочие Бумагопрядильни, по обыкновению, пришли на фабрику рано утром. Несколько часов прошло обычным порядком; но перед обедом в ткацкое отделение явился главный мастер и вывесил об'явление, приглашавшее 44 ткачей к *расчету*. На вопрос, за что такая немилость,—мастер ответил, что эти 44 человека выбрасываются на улицу за свое «бунтовство», и что впредь все неблагонадежные будут прогоняемы. Заявил он также, что вообще администрация фабрики, в виду постоянных бунтов, думает заменить ткачей-мужчин женщинами и детьми. Речь его была прервана взрывом негодования. Об'явление было изорвано в клочки, сам оратор должен был ретироваться.

К вечеру того же дня ткачи решили, кроме отмены распоряжения об изгнании бунтовщиков, требовать также: 1) повышения заработной платы—5 коп. на кусок ткани; 2) сокращения рабочего дня на 2½ часа; 3) отмены некоторых штрафов; 4) изгнания нескольких ненавистных им мастеров и подмастерьев; 5) *присутствия выборных от рабочих при приеме сдаваемой ими ткани* и, наконец, 6) выдачи им платы «за все время стачки, как будто работа и не прекращалась». Требования эти были немедленно записаны и, если не ошибаюсь, отпечатаны в тайной типографии «Земли и Воли».

Слухи о стачке на Новой Бумагопрядильне быстро распространились между фабричными, и на следующий день на Обводный канал явилось *40 выборных* от ткачей фабрики Шау (Шавы, как произносили рабочие) за Нарвской заставой. «Шавинские» также решились забастовать и предлагали «новоканавцам» выработать общие требования. Правда, полного тождества в требованиях стачечников этих двух фабрик быть не могло, так как порядки, практиковавшиеся г. Шау, отличались от порядков, существовавших на Бумагопрядильне...

На сходке представителей от обеих фабрик были, между прочим, обдуманы меры для поддержания беднейших из стачечников. Таких, естественно, должно было оказаться более у «Шавы», который грозился немедленно прекратить выдачу припасов из своей лавки. Решено было первые сборы предоставить в распоряжение его рабочих. Сборы же предполагалось делать на всех фабриках и заводах. В этом смысле были напечатаны (разумеется,

в тайной типографии) *воззвания ко всем петербургским рабочим.* Надежда на их помощь не была напрасной: *сборы делались почти повсеместно,* и возбуждение рабочих во время этих сборов было подчас так велико, что грозило перейти, а местами и переходило, в забастовку.

На фабрике Мальцева (на Выборгской стороне) разбросаны были воззвания стачечников. По этому поводу полиция арестовала рабочего, заподозренного в их разбрасывании. Его товарищи заволновались. Пошли толки о том, чтобы последовать примеру «новоканавцев»; но хозяин ласковым обращением и обещанием разных благ в будущем восстановил спокойствие. Г. Чешеру (его фабрика тоже была на Выборгской стороне) не удалось отделаться одними обещаниями: он вынужден был прибавить по 3 коп. на каждый кусок ткани. Волновались рабочие на Охте. Так заразительно подействовал пример.

Морозовская стачка —исходный пункт организованной классовой борьбы.

(Морозовская стачка произошла в январе 1885 г. на Никольской Мануфактуре Саввы Морозова в Орехове-Зуеве, Владимирской губ. Основной причиной стачки было неимоверно тяжелые условия труда, систематическое уменьшение зарплаты постоянные штрафы и т. п. Главным руководителем стачки была „политическая тройка" в лице Моисеенки, Волкова и Иванова—первые два работали раньше в Петербурге и подвергались арестам и ссылкам. План забастовки подготовлялся на специальных совещаниях небольших групп рабочих, происходивших то в одном, то в другом трактире. Несмотря на беспорядки, имевшие место в начале забастовки, последняя протекала вполне организованно, чувство солидарности было уже довольно развито, бастовавшие делали даже попытки силой отбить своих товарищей, арестованных казаками. Забастовка повлекла за собою два судебных процесса; по второму из них стачечники обвинялись в сопротивлении властям и грабеже. Присяжные, на поставленный им судом 101 вопрос, ответили отрицательно и оправдали обвиняемых. По этому поводу известный реакционер Катков, редактор „Московских Ведомостей", возвестил России о появлении „рабочего вопроса".

Ниже приводим отрывок из кн. М. Балабанова „Очерки по истории рабочего класса в России", об'ясняющий значение Морозовской стачки).

Первое, что бросается в глаза при знакомстве со стачкой, это—ее *организованная подготовка и организованное осуществление.* Морозовская стачка *не вспыхнула стихийно,* как огромное большинство стачек того времени. *Ее задумали многие,* более сознательные рабочие, *о ней совещались,* ее назначили *на определенный день.* На протяжении всего предшествующего времени мы могли отметить эти черты движения — организованной сплоченности — только в петербургских стачках 1878—79 г.г. Морозовская стачка показала, что вырастает не только столичный, но и провинциальный рабочий.

Но и в этой организованности есть своя знаменательная черта. Орехово-Зуево—не Петербург, о профессиональных, так сказать, революционерах здесь что-то не слышно. Правда, имеются указания, что в этих местах, по крайней мере, в Иваново-Вознесенске, еще в середине 70-х годов велась революционная работа на фабриках, но о том, чтобы революционеры были причастны к стачке, нет никаких указаний, даже намеков. Иванов и Мосеенок, — побывавшие в ссылке, распропагандированные, революционно-на-

строенные рабочие, каких тогда было не мало, и только. Написанные ими требования рабочих далеко не похожи на работу рук интеллигентов или революционеров профессионального типа. Мы можем поэтому сказать, что морозовская стачка — дело исключительно рабочих, рабочей массы и рабочих-руководителей. Осложниться беспорядками и разгромом квартир хозяйских прижимал могла забастовка и при всяком руководительстве. Но для морозовской стачки характерны не эти дезорганизующие осложнения, а организованность и товарищеская сплоченность, проявленные массой рабочих. Если рабочая масса солидарно идет за своими руководителями, если она требует их освобождения и даже готова отбить их силой из рук вооруженных, если арестованные идут с песнями и весело встречаются своими товарищами по заключению, — мы можем сказать, что новые настроения нарастают в самой рабочей массе, что она становится не такой, какой была вчера, что она высвобождается из кабального оцепенения, что ей становится понятным состояние борьбы, что в ней уже имеются признаки классовой активности.

Вспомним теперь *требования рабочих.* В них мы также встречаем что-то новое, о чем не слышно было раньше. «По изданному государственному закону, хозяин не должен производить чрезмерных штрафов», «полное изменение условий найма между хозяином и рабочими по изданному государственному закону», «расценки, с вмешательством государственного контроля, который уравнял бы заработную плату». Речь идет уже не об изменении условий найма на данной только фабрике. *Рабочие требуют, чтобы условия найма регулировались общегосударственным законом, чтобы законом были воспрещены чрезмерные штрафы,* чтобы в тех случаях, когда заработная плата не установлена по общему согласию рабочих, органы государства наблюдали за справедливостью расценок. *Морозовская стачка* впервые обобщила *отдельно-фабричные требования рабочих до требования законодательного вмешательства в отношения между капиталом и трудом вообще;* не губернатор только должен устранять «притеснения» морозовских рабочих — закон должен устранить их для *всех* рабочих. Забастовки того времени, как мы отмечали, об'ективно ставили необходимость такого вмешательства государства. Для морозовских стачечников эта необходимость была, так сказать, суб'ективно осознана и открыто заявлена. Что в этом был несомненный и крупный шаг вперед, что это означало *проникновение в рабочее движение нового классового начала* — пояснять, разумеется, не приходится.

Наконец, еще одно «значение» морозовской стачки. Бешеный натиск Каткова показывал, что одновременно с просыпавшимся рабочим классом занимали наступательные позиции и классовые враги его. Голос Каткова не был обращен к глухой стене. Его не только слушали, его устами говорили и промышленники, испугавшиеся бунта рабочих, и правительство, опасавшееся нового под'ема революционного движения. Рабочим бросается обглоданная кость в виде закона 1886 г., но одновременно правительство

переходит на систему последовательного подавления рабочего движения мерами административно-военной расправы, без всяких прикрас. Это упрощает отношения рабочей массы к власти и расчищает почву для политической борьбы рабочего класса.

Конечно, все новое, отмеченное нами, находится, так сказать, в зародышевом состоянии и уживается еще со старым. Советы слушаться начальства принимаются охотно. В Петербург посылается прошение «агенту государственной полиции», Мосеенок, продолжая петербургскую тактику 70-х годов, говорит о необходимости обращения к царю. Темноты еще остается много, до-сколько-нибудь оформленного классового сознания еще далеко. Но стоит сравнить эту темноту с тою, которая царила раньше, чтобы увидеть, что где-то мерцает слабый свет, что темнота уже не беспросветна, как раньше, и что не так далеко время, когда начнет по настоящему светать. Морозовская стачка не повернула еще рабочего движения на новую дорогу, но оно уже было на повороте, намечая, по словам Плеханова, «исходный пункт нового фазиса рабочего движения».

Массовые стачки 90 г.г. — предшественники профессиональных организаций [1]).

..."Жаль, что у нас трудно *устраивать кассы* на случай стачки. Будь у нас хлеб, мы не прекратили бы стачки, и царское правительство не могло бы похвастать своими разумными мерами".

(Слова одного рабочего).

Почвой для стачек были давно уже ставшие невыносимыми условия труда на бумагопрядильных и ткацких фабриках Петербурга. Хотя в течение года благодаря частичным забастовкам и листкам, уничтожены были кое-какие вопиющие безобразия, но низкий заработок и длинный рабочий день оставались попрежнему. Между тем, рабочие уже несколько искусились в борьбе. Непосредственным толчком, поводом и предлогом к забастовкам были вынужденно-безработные коронационные дни, за которые фабриканты отказались выдать обычную заработную плату...

Стачки начались на Обводном канале. 23 мая на «Российской» мануфактуре (она же Калинкинская) подручные явились в контору и потребовали уплаты за коронационные дни. Контора выдала деньги. Подоспел фабричный инспектор. Подручные заявили, что они требуют также уплаты за те лишние минуты, которые они работают ежедневно благодаря тому, что машины пускаются раньше положенного времени. На фабрике шло сильное волнение. На другой день, проработав до обеда, фабрика стала до 27 числа. В этот день опять было начали работать, но после обеда все окончательно бросили работу. Волнение быстро распространялось на другие фабрики, и в тот же день, 27-го забастовала большая «Екатерингофская» мануфактура. Затем, в следующие дни присоединились две «Кениговских», «Митрофаньев-

[1]) Отрывок из кн. К. Тахтарева „Рабочее движение в Петербурге 1893—1901" описывающий Петербургские летние *стачки* 1896 г., *превратившиеся во всеобщую*.

ская», «Триумфальная», «Новая», «Кожевниковские» мануфактуры Нарвской заставы и Обводного канала, а также «Невская» мануфактура около Смольного (две фабрики Штиглица).

После «Воззвания к рабочим» [1]), рукописной прокламации рабочего Невской заставы к своим товарищам, с сообщением о делах на Обводном канале и с призывом примкнуть, началась стачка и за Невской заставой (стачка на мануфактурах: Спасской, Петровской, Паля, волнения на заводах: Александровском, Семянниковском и Обуховском).

В последних числах мая *рабочие представители забастовавших заведений* собрались в количестве *около ста человек* в Екатерингофском парке, там сообща выработали свои требования и передали Союзу. Первая прокламация Союза «Чего требуют рабочие петербургских бумагопрядилен и ткацких» была выпущена 30 мая. Привожу ее здесь:

Чего требуют рабочие петербургских бумагопрядилен и ткацких.

1) Мы хотим, чтобы рабочий день у нас продолжался от 7 ч. утра до 7 ч. вечера, вместо теперешних от 6 ч. утра до 8 ч. вечера.

2) Чтобы обеденное время длилось полтора часа и, таким образом, весь рабочий день продолжался 10½ час. вместо 13 час.

3) Чтобы расценки были повышены так, чтобы наши заработки не уменьшались бы.

4) Чтобы шабашили по субботам везде одновременно в 2 часа.

5) Чтобы хозяева самовольно не останавливали машин и не пускали их в ход раньше времени.

6) Чтобы заработок за первую половину месяца выдавали правильно и во время, а не оттягивали.

7) Чтобы было заплачено сполна за коронационные дни.

Союз Борьбы за освобождение рабочего класса.
30 мая 1896 г.

За стачками на Обводном и за Нарвской и Невской заставами забастовка распространилась в первых числах июня на Выборгскую и Петербургскую стороны (мануфактуры: «Сампсоньевская», «Новая Сампсоньевская», «Охтенская», «Бек», «Невка»), захватила и Васильевский остров (Воронина, бывш. Гука, сахарный завод Шухера). Примкнули кой-какие мелкие заведения. Пошли волнения на «Российско-Американской резиновой мануфактуре», на Путиловском и Балтийском заводах, на писчебумажной фабрике Варгунина...

...Союзом выпускались листки и для поддержания колеблющегося духа бастующих на той или другой фабрике, и для приглашения к стачке тех фа-

[1]) Все воззвания выпускал „Союз борьбы за освобождение рабоч. класса".

брик, которые еще не стали. Бывало, что под влиянием листка стачечники, принявшиеся было за работу, снова бросали ее, как например—у Кенига.

Союз по силе возможности старался помогать и деньгами. Но, как уже было сказано, у него не было достаточно средств, чтобы оказать существенную денежную помощь. В этом отношении деньги, раздаваемые Союзом, имели, мне кажется, более нравственное значение, чем материальное. *Одни слухи о том, что Союз помогает, равно как и о том, что заграничные рабочие обещали свою помощь, поднимали падающий дух не у одной сотни рабочих.*

Но материальную помощь, и в более обширных размерах, оказывали рабочие больших механических заводов, поставленные в смысле заработка, в лучшие условия, чем какие-либо другие рабочие. *На заводах шли правильно организованные сборы по мастерским.* Деньги немедленно же и непосредственно передавались стачечникам. К несчастью, нет решительно никакой возможности, хотя бы приблизительно, определить сумму, собранную таким путем. Давал всякий, кто мог. Я знаю даже случай присылки рабочим 5 руб. на стачку... из дома предварительного заключения... Союз в своих прокламациях приглашал рабочих стоять дружно и стойко, не производить ни беспорядков, ни буйств, которые были бы лишь на руку полиции. И, действительно, спокойствие и выдержанность забастовщиков поразили всех и особенно правительство...

...Между тем крайняя нужда начинала действовать. Среди рабочих начались разговоры о прекращении забастовки, колебания... Наконец, к 18-му июня стачка улеглась. Рабочие всюду вновь вернулись к своим станкам, *но уже не теми, какими от них отошли.* За время стачки рабочим пришлось столкнуться с правительством лицом к лицу, и столкновение не прошло бесследно. С одной стороны, «увещания», подкрепляемые угрозами, с другой стороны, крутые меры, применяемые к мирным забастовщикам, *производили настоящую революцию в головах даже наимение сознательных и наиболее забитых рабочих,* заставляли их задуматься над вопросом, кто их действительные друзья и защитники их интересов и кто их угнетатели и враги. По свидетельству самих рабочих, под влиянием всех событий за время стачки изменилось отношение широких слоев рабочих к социалистам и агитаторам и к нелегальной социалистической литературе...

Итак, стачка кончилась. Главные требования рабочих—уменьшение рабочего дня и соответственное повышение расценок — не были выполнены. Кое-где было уплачено за лишние минуты, которые оттягивались у рабочих ежедневно по утрам и вечерам, благодаря тому, что машины пускались в ход раньше времени и останавливались позже. Кое-где были удалены мастера-взяточники; была уничтожена чистка машин в нерабочее время; кое-где была улучшена питьевая вода. На некоторых фабриках были выданы деньги за коронационные дни, а на Екатерингофской даже выдали половинную плату за неделю стачки всем рабочим, кроме мюльщиков.

Но не об этих результатах, добытых стачкой 30.000 ткачей и прядильщиков, приходится нам говорить, если мы желаем отметить наиболее круп-

ные плоды этой борьбы. Главное значение этой стачки заключалось, во-первых, *в том, что она дала сильный толчек развитию классового самосознания широких масс рабочих.* Во-вторых, *стачка имела огромное организационное значение для развития профессиональной борьбы рабочих.*

Что стачка дала огромный толчек развитию классового самосознания, это достаточно доказано изменением отношений широких кругов рабочих к кружковым рабочим, к социалистам и к агитаторам. Это достаточно доказано также небывалым спросом на нелегальную брошюрную литературу пропагандистского характера и требованием книг политического содержания.

Что касается *организационного значения стачки,* то об этом говорит уже самый факт, что это был не ряд стачек рабочих различных фабрик и заводов, а общая местная стачка рабочих почти всех бумагопрядилен и ткацких Петербурга, *общая стачка* почти всех петербургских рабочих, занятых в данной отрасли производства. Стачка действительно велась сообща, требования стачечников были сообща выработаны на особом совещании рабочих представителей от фабрик. Несмотря на затруднения, которые ставит правительство, были организованы сборы. И, как последствие стачки, остались *кое-где возникшие за время стачки фабричные стачечные кассы.*

Правда, *стачка была широкою, но лишь временною профессиональною организациею.* Она была *лишь временным союзом рабочих данного производства.* Что из того. Возникновение таких союзов для русских рабочих было особенно важно в виду тех непреодолимых препятствий, какие наше правительство ставит организации постоянных боевых цеховых (?) рабочих союзов, руководимых рабочими без всякого вмешательства полицейской опеки.

Итак, резюмируя главное значение стачки в немногих словах, мы говорим, что летняя стачка имела огромное значение с двух сторон: во-первых, *для развития широкого классового сознания рабочих, а следовательно, для дальнейшего развития и расширения нашего социал-демократического движения; во-вторых, для развития профессионального движения.*

Перечисление результатов летней стачки было бы неполным, если бы мы не упомянули о том впечатлении, какое произвела борьба петербургских рабочих на рабочих всей России. Всем памятны те волнения среди рабочих, которые происходили в то время в Москве и в некоторых других городах. Само правительство помогало этому, высылая стачечников из Петербурга. Никогда не забуду рассказа одного ткача, которому после стачки пришлось работать на Хлудовской мануфактуре.

«Нас, — рассказывал этот рабочий, — поступило на Хлудовскую довольно много. Приняли нас со всем удовольствием, потому что в провинции всякому фабриканту выгодно иметь ткача, обученного в столице. Сколько нас ни пришло, все получили работу. Когда рабочие узнали, что мы из Питера, как мухи начали льнуть. Расскажи да расскажи о стачке. Ну, и рассказываешь. Слушают, да удивляются. Вот так молодцы, говорят. И нам бы, ребята, так надо; долго ли мы будем терпеть. И пошли ходить истории про нашу славную стачку, про Союз, про листки и про наши требования».

Борьба за рабочее представительство[1]) Внутренние противоречия капиталистического строя скоро проникли в жизнь и сознание рабочих, пробуждая их к активному и сознательному протесту, к борьбе. Рост стачек, содержание и характер «требований» в период этих стачек выразительно подчеркивали всю неосновательность предположения об отсутствии в России рабочего класса.

Он был и даже поднимал громкий голос протеста против произвола и насилия.

Первые два десятилетия после реформ 1861 года его голос еще слаб. Но уже к 70 годам изменяется характер и формы его протеста.

Элементы классовой солидарности все чаще обнаруживаются в требованиях неорганизованных еще масс. В его стачках и забастовках выставляются рядом с экономическими требованиями (повышение зар. платы, сокращение рабочего дня, улучшение жилищных условий и т. п.), требования правового характера: отмены телесных наказаний, жестокого обращения, прекращения издевательства над женщинами, права *свободных выборов мастеров и фабричных старост и т. п.*

Первые шаги пореформенного капитализма сопровождаются крупными и серьезными стачками, протекавшими иногда очень бурно.

Стачечное движение 70 годов охватывает сначала петербургские заводы и фабрики, а затем переносится в другие промышленные центры. Мы коснемся его лишь постольку, поскольку одним из главных моментов его было требование решительного изменения старых крепостнических отношений внутри новой фабричной системы.

Первая стачка, поставившая вопрос не только со стороны узко-экономических требований, но и правовых, была известная стачка на Невской бумагопрядильне, по своему историческому значению считающаяся первой стачкой в истории рабочего движения. 22 мая 1870 г. прядильщики потребовали повышения заработной платы, причем рабочие во время *забастовки выбрали из своей среды депутатов для переговоров с фабричной и местной администрацией.* Уполномоченные от рабочих руководили стачкой, выработали и представили директору проект расценки труда и, вообще, придали стачке небывалый еще по организованности характер. Эта стачка вызвала большую тревогу и толки об опасности, ибо разрушила басню об отсутствии в России рабочего класса и рабочего вопроса. «И у нас случилась стачка, и нас не уберег бог», так патетически-сокрушенно начала свою информацию о стачке такая газета, как «Новое время» (22 июня 1870 года № 168).

Преданные затем суду выборные были, как зачинщики, приговорены к аресту на 7 дней. Но этот первый протест в сфере фабричного труда не остался без подражания: в том же 1870 году произошли забастовочные движения среди Кронштадтских докеров и на одной из варшавских фабрик.

---

[1]) А. Панкратова. — „Фабзавкомы России в борьбе за соц. фабрику“, стр. 46—52, изд. 1923 г.

И уже через два года, в августе 1872 года, происходит новая стачка на Кренгольмской мануфактуре, по своей правовой подкладке представляющая значительный интерес. Фабрика управлялась на основании особого полицейского устава, дававшего фабричному управлению полицейскую власть. Эти «рабочие правила мануфактуры» — обычное слепое и нелепое творчество бюрократической регламентации — совершенно закабаливали рабочих... Рабочие восстали против режима закабаленности, который создавался подобными «правилами», превращающими фабрику в тюрьму, *выбрали делегатов* и направили их к губернатору с требованиями улучшения своего экономического и правового положения. И особенно добивались депутаты выполнения п. 8 своих требований, гласившего: «*старосту Петра Сека сменить и разрешить на будущее время выбирать старосту всем обществом фабричных*».

Последствия этой стачки обычны: выборные арестованы, стачка усмирена солдатами.

...Стачка на Новой Бумагопрядильне была известным поворотом в рабочем движении и вызвала ряд стачек на других фабриках. Стоит отметить, что рабочие Новой Бумагопрядильни во всех своих забастовках периода 1878—1879 г. рядом с экономическими требованиями неизменно требовали участия *своих выборных в разрешении вопросов фабричной жизни*. Точно такие требования заключали в себе постановления *делегатского собрания выборных от ткачей* фабрики Шау: *признание выборных от рабочих, которые должны присутствовать при выдаче материала и при приеме сработанного товара*.

..Историческая забастовка на Никольской мануфактуре Саввы Морозова в Орехове-Зуеве нашла благоприятную и подготовленную почву, и сама, в свою очередь, явилась «запалом» для последующих забастовок. Стачка подготовлялась на небольших собраниях *выборных от рабочих*, из которых в качестве руководителей *особенно выделялись Мойсеенко и Волков*.

Рабочие выступили с требованиями, формулированными ими в особом проекте, названном ими «требованиями по общему согласию рабочих», подчеркивая, повидимому, таким заглавием общее единодушие и солидарность в рабочей среде.

Сущность этих требований чисто правового характера сводилась к тому, чтобы рабочий был поставлен в условия, подобающие свободному и равноправному с хозяином человеку; рабочие добивались: 1) «полного изменения условий найма между хозяевами и рабочими и 2) *свободного выбора старосты в артелях*» и «*чтоб староста не мог служить более 3 месяцев*, в виду того, чтоб не усвоить для хищения сбыта», 3) «производить ежемесячно учет, 4) *уволить от должности тех служащих и мастеровых, которых найдут нужным рабочие*». Но хозяева чувствовали себя настолько прочно в своем самодержавии, что даже не пожелали вступить с рабочими в переговоры, а обратились прямо к центральной власти за содействием при помощи военной силы.

Когда войска арестовали уполномоченных и руководителей рабочих, вся фабричная масса рабочих с кольями и железными прутьями пришла на вы-

ручку своим депутатам, требуя освобождения своего «выборного человека Василья». Известно, что с рабочими расправились с помощью войск и ареста нескольких сот человек (выслано было 800 рабочих). Но хотя видимая победа не была на стороне рабочих, фактически же нельзя считать эту стачку безрезультатной, так как тетрадь с «Требованиями» была использована правительством при издании фабричных законов, явившихся в результате стачечного движения 80-х гг..

2. Зачатки профессиональных организаций.

Полуполитические-полуэкономические организации.

Северно-Русский рабочий Союз [1]. «Северно-Русский Рабочий Союз» естественно возник из того ядра петербургской рабочей организации, которое, как я говорил в первой статье, составилось из «старых» испытанных революционеров-рабочих.

Формальное основание Союза относится, насколько могу припомнить, к концу 1879 г. Уже с первых недель своего существования он насчитывал не менее 200 членов, а вокруг него группировалось по крайней мере столько же сочувствующих, но еще не посвященных в организационную тайну рабочих. Большинство членов его принадлежало к числу «заводских». В каждом значительном рабочем квартале Петербурга были особые кружки, составлявшее местную ветвь Союза. Каждая ветвь имела *свою кассу и свою конспиративную квартиру*. Для заведывания ее делами выбирался небольшой комитет. Члены местного комитета были в то же время членами *Центрального Кружка,* который собирался через известные промежутки времени по общим делам Союза. В распоряжении *Центрального Кружка* находилась особая касса, а также союзная *библиотека*. Центральная касса, как и местные кассы, пополнялись членскими взносами. Около времени второй стачки на Новой Бумагопрядильне в ней было руб. 150—200. Эта «свободная наличность» вся ушла на поддержку стачечников, но члены Союза исправно делали свои взносы, и потому пустою касса его никогда не оставалась. Что касается библиотеки, то ею особенно дорожил и гордился Союз. И, действительно, она была самым ценным его достоянием...

Практика скоро обнаружила главнейший недостаток новой организации. Союз, как целое, мог действовать только по решению Центрального Кружка, собиравшегося раза два в неделю. Занятые работой и живущие в различных частях города, а иногда и за городом, члены Центрального Кружка не могли встречаться чаще. Но в промежуток времени между двумя его собраниями могли совершиться события, требовавшие немедленного действия со стороны Союза. Как поступить в таком случае, устав не говорил. Когда началась вторая стачка на Новой Бумагопрядильне, до очеред-

[1] Г. Плеханов. „Русский рабочий в рев. дв.", стр. 65—70, изд. 1919 г.

ного собрания Центрального Кружка оставалось два дня. Халтурин[1]), тотчас узнавший о ней, очутился в очень затруднительном положении: до *очередного* собрания стачка легко могла быть подавлена полицией, а между тем, чтобы обегать всех членов Центрального Кружка и созвать их на *чрезвычайное* собрание (известно, что к почте русские революционеры, по понятной причине, прибегают очень неохотно), надо было тоже не менее двух дней. Замедление во всяком случае было неизбежно, и Халтурину пришлось на первое время ограничиться личными сношениями со стачечниками. Придать организации Союза большую легкость и подвижность можно было лишь избранием особого распорядительного комитета, состоящего из небольшого числа лиц и имеющего право, в важных случаях, действовать по собственному усмотрению, не дожидаясь собраний. К этой мысли, кажется, и пришли потом члены Союза.

Возникновению Союза нельзя было не радоваться даже с нашей тогдашней, народнической, точки зрения. Но программа его причинила нам не малое огорчение. В ней—о, ужас,—прямо было сказано, что рабочие считают завоевание политической свободы необходимым условием дальнейших успехов своего движения. Мы, презиравшие «буржуазную» свободу и считавшие ее опасной ловушкой, оказались в положении высидевшей утят курицы. В особой заметке, посвященной обзору новой программы, редакция «Земли и Воли» мягко, но решительно высказалась против рабочей ереси. В заметке повторены были те доводы, которые обыкновенно выставлялись народниками и бакунистами против «политики». Но членам Союза такие доводы перестали казаться убедительными. В ответ на заметку они прислали длинное письмо в редакцию, в котором говорили, что решительно не видят, как может успешно итти рабочее движение при отсутствии политической свободы, и каким образом для рабочих может быть невыгодно приобретение ими политических прав. Тяжело было народникам слышать от рабочих столь «буржуазные» рассуждения. Но еще тяжелее поразило их почудившееся им в письме презрение Союза к крестьянству. Дело в том, что защищая свое требование политической свободы, авторы письма сказали, между прочим, что ведь они, рабочие, *не Сысойки*. Это выражение истолковано было революционной интеллигенцией в смысле кичливого презрения к деревне. Но правильно ли было подобное истолкование. Конечно, нет. Слова—«мы не Сысойки» свидетельствовали только о том, что русские рабочие уже тогда стояли бесконечно выше того «простонародья», на которое ссылались все социалисты—противники политической свободы. С давних пор наши социалисты «из интеллигенции» утверждали, что «простонародью» не нужно свободы печати, так как книг и газет оно не читает и, следовательно, цензурным уставом не интересуется; что ему не нужно политических прав, так как, задавленное бедностью, оно политической жизнью своей страны не интересуется; что его интересы затрогиваются только экономическими порядками, политические же формы для него безразличны и т. п., и т. п. Так

[1]) Душа Союза, один из его основателей, по профессии—столяр.

рассуждал иногда еще Чернышевский, и так же рассуждали и мы, когда предостерегали рабочих от увлечения политикой. Но развитому рабочему очень трудно было согласиться с нами. «Как же это так. Простому человеку не нужно свободы печати, потому что он *ничего не читает;* не нужно политических прав, потому что он *не интересуется* борьбою политических партий. Что же хорошего в простом человеке, отличающемся подобными отрицательными свойствами. Ведь это Сысойка. И ведь пока простонародье будет состоять из Сысоек, социализм останется несбыточною мечтою. Простонародье *должно* читать, и потому *должно* добиваться *свободы печати; оно должно интересоваться* политическими делами своей страны, и потому *должно добиваться политических прав; оно должно иметь свои союзы и собрания, и потому должно добиваться свободы союзов и собраний.* И не только *должно.* Оно отчасти *уже* читает книги, *уже* чувствует потребность в союзах и собраниях, *уже* стремится выступить на политическую арену. Оно *уже* переросло Сысоек. Мы, рабочие, *уже* не таковы, каким воображают народ его интеллигентные доброжелатели. Доказательством этому служит наше собственное движение. Но все это только начало. Если мы хотим итти вперед, нам непременно нужно сбить заграждающие наш путь полицейские рогатки». Вот — смысл ответного письма Союза и в особенности слов: «мы не Сысойки». Может быть авторы письма не выяснили его себе тогда со всех сторон; может быть, Сысоек они упомянули не затем, чтобы одним метким словом характеризовать тот идеальный «народ», который бунтари готовы были противопоставлять будто бы зараженному буржуазным духом петербургскому пролетариату. Но характеристика все-таки была дана, хотя бы и не преднамеренно. Северно-Русский Рабочий Союз сознавал, что он состоит не из Сысоек. И именно это сознание свидетельствовало об его политической зрелости.

Как бы там ни было, будущий историк революционного движения в России должен будет отметить тот факт, что в семидесятых годах требование политической свободы явилось *прежде всего в рабочей программе.* Это требование сближало «Северно-Русский Рабочий Союз» с западно-европейскими рабочими союзами, придавало ему *социал-демократическую* окраску. Говорю—*окраску,* потому что вполне социал-демократической программу союза признать было невозможно. В нее вошла не малая доза народничества. Этой прилипчивой болезни трудно было избежать в России, да притом авторы программы, разойдясь с нами [1], по коренному вопросу о политической свободе, не чужды были, кажется, желания позолотить пилюлю, порадовав нас народническими требованиями...

Известие об основании Союза радостно встречено было рабочими всюду, куда доходило. Варшавские рабочие приветствовали петербургскую организацию адресом, в котором говорили, что пролетариат должен быть выше национальной вражды и преследовать общечеловеческие цели. Союз отвечал им в том же духе, выражал надежду на скорую победу над общими

[1]) Т. е. с народниками.

врагами и заявлял, что не отделяет своего дела от дела рабочих всего мира.. Это был едва ли не первый пример дружеских сношений русских рабочих с польскими.

Союз не думал ограничивать поле своей деятельности одним Петербургом. Самое название его *(Северно-Русский союз)* принято было лишь на время, лишь до тех пор, пока не пристанут к нему рабочие провинциальных городов. Идеалом вожаков Союза была единая и стройная *всероссийская рабочая организация.*

Южно-Русский рабочий Союз [1]). Николаеву предстоит, на ряду с Одессой, сделаться на юге центром рабочего движения. Первая соц.-дем. организация—«Южно-Русский Рабочий Союз»—возникла там в 1897 г. Пользуясь опытом движения других мест, Союз начал прямо с массовой агитации. Кроме прокламаций, которые успешно возбуждали рабочих к борьбе против злоупотреблений в отдельных заведениях, Союз издавал в 100 экземплярах гектографированную газету или, вернее, журнал «Наше Дело», где появлялись статьи по общественно-политическим вопросам; так, например, о законе 2 июня, о национальной вражде, о фабричных инспекторах, о шпионстве, затем биография Лассаля. Как мы уже говорили, появилось всего три номера журнала. Кроме того, Союз распространял и другие соц.-демократические издания, получавшиеся из Одессы.

Политическая полиция в Николаеве, до тех пор не знавшая «неблагонадежных» элементов, и потому неопытная в шпионском деле, относительно долго не могла напасть на след Рабочего Союза, несмотря на его очень плохую конспиративную технику. К январю 1898 г. Союзу удалось организовать около 200 распропагандированных рабочих в небольших кружках с максимальным числом в 25 чел. Шесть месяцев после образования Союза была основана *центральная Касса,* которою заведывал центральный комитет. *Половина дохода предназначалась для стачечного фонда, одна треть — для взаимопомощи и одна шестая — для библиотеки.*

Но дни Союза уже были сочтены. В ночь с 21 на 22 января 1898 г., после десятимесячной деятельности, произошли первые аресты и притом по доносу предателя.

Первичные формы профессиональных организаций.

(С. Айнзафт.—„Первый этап проф. движения в России", стр. 19—35, изд. 1924 г.).

Нелегальные стачечные кассы в Западном крае. ...Еще в 1889 году возникает в Варшаве «Союз Польских Рабочих», стоявший на социал-демократической платформе, и ставивший одной из своих главных задач руководство экономической борьбой рабочих... Он, организо-

[1]) Из „доклада о русском с.-д. движении Международн. социал. конгрессу 1900 г. в Париже"—Революция и Р.К.П., т. I. Южно-русский раб. союз следует отличать от Южно-российского, организованного Е. Заславским в Одессе в 1874 г.

вал (преимущественно в Варшаве) стачечные кассы в различных профессиях. По словам Л. Кульчицкого, к 1892 г. число рабочих, организованных в нелегально существующие кассы, доходило до 6000 чел.

О деятельности этого же «Союза» рассказывается также в брошюре Юзефовича «Очерки профессионального движения Польши». По словам этого автора, «Союз польских рабочих стремился организовать на почве повседневных нужд рабочих широкую массовую борьбу за улучшение условий труда и за политическую свободу». «В целях вовлечения широких рабочих масс в орбиту своего влияния и своих действий «Союз Польских Рабочих» приступил, на ряду с устройством нелегальных кружков, к организации так называемых *касс сопротивления,* явившихся по существу первичными формами современных профессиональных союзов. Кассы сопротивления явились отнюдь не организациями взаимопомощи, но боевыми организациями рабочих для борьбы с предпринимателями». Целый ряд пунктов уставов этих касс свидетельствует об этом. Так, в устав были, по словам указанного автора, включены пункты о том, что суммы кассы предназначаются только для бастующих, которые получают из кассы единовременное и еженедельное пособие; каждый член кассы обязан принимать участие во всех стачечных выступлениях. Членские взносы равнялись для мужчин 20 к., для женщин 12 коп. ежемесячно. Во главе кассы стояло выборное правление, из 6 членов и 1 кассира. «Первые кассы, по словам Юзефовича, возникли в Варшаве, затем в Лодзи и в других промышленных центрах Польши».

Почти одновременно с Польшей такие организации начинают организовываться в Вильне среди еврейских рабочих.

Дело в том, что первые социал-демократы, начавшие в 1887 г. вести пропаганду среди еврейских рабочих, натолкнулись на сравнительно благоприятные условия для перехода к более широким формам работы, чем узкая кружковщина. Еврейские ремесленные рабочие Западного края вообще и в Вильне в частности по своему происхождению — элемент городской. Здесь он и его семейство выросли и воспитались, и вполне естественно, что у него имеется больше связей с местным населением вообще и рабочим в частности, чем у фабрично-заводского пролетария, в своем огромном большинстве недавно покинувшего деревню. Тот факт, что при ремесленном ручном труде личная квалифицированность и искусность имеет большое значение, обусловливает относительное постоянство кадра рабочих в определенной профессии, это же, в свою очередь, вместе с ограниченностью количества рабочих, приводит к тому, что между ремесленными рабочими определенной профессии быстрее устанавливаются прочные связи, чем среди фабрично-заводских рабочих...

...«Первая касса (чулочниц) была организована около 1888 года, за ней последовали кассы у портных, заготовщиков, конвертниц»... Эта работа начинает перебрасываться в другие города. В Варшаве организовываются кассы в нескольких профессиях, в Минске создаются 4 кассы, с 220 участниками. Устраиваются кассы у кожевников в Ошмянах и Сморгони; в Вильне

число касс доходит до 12, число членов касс Вильны в середине 1895 года достигает 500, а в конце года доходит до 850, и эти кассы об'единяют рабочих 27 профессий. Число членов касс Минска в этом году доходит до 870, а число касс до 15, в Варшаве число касс в этом году доходит до 13-ти. В этом же году начинают возникать стачечные кассы в Креславке, Брест-Литовске и Белостоке.

Таким образом, движение по организации стачечных касс, чем дальше, тем больше расширяется и к моменту составления отчета [1]), из которого мы почерпнули указанные сведения, во многих городах в стачечных кассах организован значительный процент еврейских рабочих. Так, по сведениям доклада, в Белостоке организовано до 20%, в Вильне 24%, в Гомеле почти 40%, в Минске 35—40% рабочих. В этом же докладе приводятся абсолютные цифры организованных рабочих для некоторых городов: Двинск—40 организованных рабочих, Белосток—1000 рабочих, Вильно—400, Гомель—360, Минск около 1000, кроме того—кожевенников 700 и щетинщиков 800,—60% всех рабочих этого производства.

Эти организации, не являясь еще профессиональными союзами в полном смысле этого слова, оказываются прямыми предтечами последних, так как выполняют основную задачу профессиональных союзов — организацию массы для экономической борьбы...

Слабая сторона организации состояла в ее вынужденной конспиративности. С одной стороны, проводится принцип выборности снизу до верху, а с другой стороны, конспирация является одним из основных организационных принципов и даже выделена в качестве особого раздела устава. Это приводит к отрыву организации от массы, как только наступает период экономического затишья, а вместе с этим, и затишья в стачечной борьбе.

Стачечные кассы в Западном районе получили широкое распространение в период интенсивной стачечной борьбы 90-х годов. Но как только начинается экономический кризис, кассы начинают терять свое значение...

Нелегальные кассы в Петербурге, в Центральной России и на Юге.

Стачечные кассы организовывались в течение 90-х годов не только в Западном крае, но и в промышленных центрах центральной России. По мере того, как стачечное движение росло и развивалось, нарастала и потребность в организациях, которые вносили бы планомерность в это движение...

«Начавшаяся среди рабочих,—читаем мы (т. е. в брошюре Тахтарева)—особенно со времени летней стачки 1896 года, организация постоянных стачечных касс не прекратилась. Теперь уже часто приходилось слышать, что то на той, то на этой фабрике рабочие устроили кассу с целью поставить свое дело на более прочных основаниях. Образцом этих касс может служит касса, устроенная рабочими на фабрике Кожевникова на Обводном канале. Насколько я знаю, у этой кассы не было никакого притока средств со

---

[1]) Речь идет о докладе Бунда интернац. социал. конгрессу в 1900 г. в Париже.

стороны, так что сравнительно большой ее денежный оборот может быть об'яснен лишь деятельным участием в ней местных рабочих. В описываемое время ее расход был около 300 руб. (за несколько месяцев), ее наличность состояла из ста руб. Питалась она членскими взносами. Расходование шло на таких основаниях: ¼ всех сумм шла на стачки, остальное делилось на 4 части: из них две части на взаимопомощь, одна часть на книги, одна часть составляла постоянный фонд. Состав касс в большинстве случаев был смешанный. В них принимались просто надежные рабочие независимо от того, к какому цеху они принадлежали».

Как стачка 1896 года пробудила у питерских рабочих стремление к организации стачечных касс, можно видеть также из статьи, напечатанной в органе питерского Центрального Бюро «Профессиональный союз» в 1906 г., к десятилетнему юбилею этой стачки. В этой статье пишется: «Июньская стачка 1896 года дала первый сильный толчек и положила начало профессиональному движению в России. Практика этой стачки создала почву для организации боевых стачечных союзов и касс... убедила наиболее сознательных рабочих в необходимости таких союзов, и никогда еще до того времени среди петербургских рабочих не проявлялось такого интереса к боевым кассам и союзам, как после летней стачки... У «Союза борьбы» рабочие требовали издания примерных уставов таких организаций. Сами рабочие составляли проекты уставов и передавали в «Союз» для напечатания... Образовывались небольшие рабочие группы с боевыми кассами на случай новой забастовки, в помощь товарищам в общей борьбе».

Как видим из приведенных выдержек, ход организации стачечных касс в Петербурге несколько отличается от аналогичного процесса в Западном крае. Там стачечные кассы возникали по непосредственной инициативе социал-демократических элементов, работавших среди еврейских рабочих; здесь же, в виду обширности рабочей массы, социал-демократический «Союз борьбы» только идейно руководил стачечной борьбой. Стачечные же кассы в значительной степени возникали помимо его участия, и здесь роль «Союза борьбы» самое большое сводилась к идейному и техническому содействию кассам, но не к практическому руководству ими.

Немного своеобразно обстояло дело в этом отношении в Москве. О том, что в середине 90-х годов в Москве были организованы нелегальные стачечные кассы, мы находим целый ряд указаний в «Истории Российской Социал-демократической Партии» Лядова. Так, например, рассказывая о маевке 1895 г., положившей начало «Московскому рабочему союзу», он пишет: «На маевке было единогласно принято решение немедленно же приступить к осуществлению широкой организации». Излагая принятый проект организации, Лядов пишет: «Относительно касс постановляется, что они должны быть фабричными, а не разделяться по профессиям. Решено было взаимопомощь отодвинуть на задний план... Главная же цель касс должна быть боевая. Они должны доставлять средства на приобретение литературы, на помощь арестованным и потерявшим работу за агитацию, на стачечный фонд, и

только остатки от всех этих сумм — на оказание поддержки рабочим в других случаях».

Из книги Лядова можно видеть, что практика организации стачечных касс в Москве в некоторой степени отличалась от таковой практики в Питере. В то время, как в Петербурге, по словам Лядова, кассы возникали самопроизвольно без воздействия со стороны организации, в Москве дело обстояло немного иначе. Из изложения Лядовым организационных планов принятых Московской С.-Д. организацией, видно что по этим планам кассы должны быть не самостоятельными организациями, а первичными, низовыми ячейками Соц.-Дем. организации, находящимися в тесном соприкосновении с широкой рабочей массой и стремящимися эту массу организовать...

Стачечные кассы возникали в 90-х годах почти везде, где в то время существовало массовое рабочее движение, вышедшее из первого фазиса своего развития, фазиса стихийной стачечной борьбы, сопровождающейся часто разгромами фабрик и т. д. Из имеющихся обзоров рабочего движения 90-х годов в целом ряде городов (Костромы, Иваново-Вознесенска, Одессы, Екатеринослава, Харькова), изданных в 1900 г. в Женеве, видно, что почти во всех этих городах в середине 90-х годов организовались нелегальные стачечные кассы. Так, в Костромском обзоре мы читаем: «Под влиянием последнего (кружка интеллигентов) возникла рабочая касса, в которую входило человек 40 рабочих, и устраивались вечеринки, на которых также присутствовали рабочие. После того, как упомянутый кружок летом 1888 г. распался, «за дело теперь принялись сами рабочие, устроили несколько тайных рабочих касс и ряд рабочих собраний, на которых читалась нелегальная литература и обсуждалось положение рабочих».

В Одесском обзоре приводится целый ряд более или менее подробных фактов об организации и деятельности стачечных касс. Так, при описании стачки папиросников в 1895 г. говорится: «Стачка подготовлялась долго. Была образована касса почти исключительно для предстоящего столкновения... и к моменту возникновения стачки в кассе было 150 руб...».

О распространении стачечных касс в Екатеринославе мы находим целый ряд указаний в брошюре «Рабочее движение в Екатеринославе», являющейся отчетом Екатериносл. комитета Р.С.-Д.Р.П. о своей деятельности до конца 1899 г. На 3-й странице этого обзора мы читаем: «Летом 1897 г. началось движение среди ремесленных рабочих. В некоторых ремеслах возникли кассы борьбы, и произошло несколько стачек». А несколькими страницами дальше говорится: «В течение 1899 года продолжало развиваться также движение среди ремесленных рабочих. За этот период возникло несколько новых профессиональных касс борьбы, происходили некоторые мелкие стачки, и в некоторых ремеслах рабочим удалось добиться значительного сокращения рабочего дня, увеличения заработной платы и т. п. улучшений. Зародившись среди рабочих ремесленных предприятий, это движение впоследствии начинает перебрасываться на фабрики...

Таким образом, в течение девяностых годов, по мере того, как в рабочее движение начинают вноситься элементы организованности, во многих

промышленных пунктах начинают создаваться нелегальные стачечные кассы, которые, безусловно, нужно считать зародышами профессиональных союзов. Стачечные кассы ставят себе, в общем и целом, те же задачи, что и профессиональные союзы,—руководство экономической борьбой рабочих и развитие их классового самосознания.

Конечно, профессиональными союзами, в полном смысле этого слова, их считать нельзя, ибо как методы выполнения ими этих задач, так и их организационное строение глубоко отличны от таковых же у профессиональных союзов. Профессиональные союзы в своей деятельности опираются, главным образом, на самодеятельность рабочей массы; эти же кассы, благодаря своей нелегальности, не могут быть широкими, массовыми организациями.

Но не будучи еще сами профессиональными союзами, в полном смысле этого слова, они подготовляли почву для организации этих последних; они приучали рабочую массу к мысли о необходимости профессиональных союзов... Самая же деятельность стачечных касс была в миниатюре, в примитивной форме деятельностью этих последних.

Но подготовка почвы для профессионального движения выливалась в 90-х годах не только в форму организации стачечных касс. Вся тактика социал-демократических элементов, перешедших к агитации среди рабочих масс на почве их повседневных нужд, весьма сильно содействовала проникновению в рабочую массу сознания необходимости профессиональных союзов.

4. Социал-демократические группы и зарождение профдвижения.

Переход социал-демократии от пропаганды к агитации.

(Л. Мартов.—„История Российской социал-демократической Р. П.", стр. 24—27, изд. 1923 г.).

Прилив массы интеллигентских сил к пропагандистским группам социал-демократов и начинающееся массовое движение позволили социал-демократии выйти из *кружкового* периода своей деятельности.

В *Вильне,* среди еврейских и, частью, литовских рабочих раньше, чем в других местах, началось изживание «кружкового» периода. Ряд успешных стачек в разных ремеслах происшедших в 1892—1893 г.г., поставил ребром вопрос о расширении деятельности с.-д. группы и изменении ее приемов.

Одновременно с городами Литвы, в Москве также соц.-дем. группы стали искать выхода на широкую дорогу агитации в массах. Уже в 1894 году здесь делались попытки расширить деятельность за пределы кружков саморазвития. В том же направлении развивалось дело и в Одессе, где социал-демократы нашли благоприятную почву в двух слоях местного пролетариата — среди артелей строительных рабочих и моряков торгового флота.

В 1895 году то же «агитационное» направление стало определяться и в Петербурге. Уже в предыдущие годы были случаи, когда во время забастовок

или других конфликтов социалистами выпускались гектографированные или литографированные прокламации для поддержки требования рабочих и призывов к пролетарской солидарности. К середине 1895 года две соц.-дем. группы «стариков» (во главе с Н. Лениным) и «молодых» (во главе с И. Чернышевым) стали выпускать подобные прокламации при каждом крупном случае вспыхнувшего или назревающего конфликта...

...Обладая большим количеством сил и связей в рабочей среде и в провинции, первая группа к осени 1895 года решила перейти к планомерной и широкой агитационной работе в указанном выше направлении, но с тем, чтобы дополнить ее и политической агитацией при помощи нелегальной газеты. Для издания последней группа вступила в сношения с существовавшей в Петербурге «группой народовольцев» (Беловский, Ергин и др.), которая к тому времени заметно изменяла свои взгляды в сторону социал-демократизма. Группа народовольцев обладала с 1892 года нелегальной типографией. Соглашение между обеими организациями состоялось, и составленный с.-д. группой первый номер газеты «Рабочее Дело» был совсем готов, когда разразился «провал» (дек. 1895—янв. 1896 г.г.), нанесший удар обеим с.-д. группам и расстроивший выпуск газеты. В конце декабря 1895 г. остатки центра «стариков» решили оформить организацию, дав ей имя «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»,—имя, которому суждено было вскоре приобрести громадную популярность.

Пополнившись новыми элементами (Ф. Дан, Б. Горев, А. Потресов, М. Лурье и мн. др.), «Союз» в течение первой половины 1896 года развил весьма широкую агитационную деятельность при помощи многочисленных прокламаций, тайных собраний, устройства стачечных касс, распространения нелегальных брошюр. Впервые к 18 апреля в Петербурге появились листки с призывом к празднованию 1 мая. Вся эта работа подготовила то массовое выступление ткачей и прядильщиков, которое, начавшись стихийно по случайному поводу, быстро деятелями Союза было оформлено, сконцентрировано вокруг требования сокращения рабочего времени и проведено весьма организованно. Новый ряд полицейских разгромов, унесший также многих активных рабочих и работниц (Ф. Шапувал, П. Желабина, ткач В. Щеглов, ткачиха П. Бобкова, Федин и др.), уже не мог задержать роста движения и организации. Типография «группы народовольцев», уже успевшей, между прочим, встать всецело на с.-д. точку зрения, была взята полицией, но, тем не менее, уже в конце 1896 года появился № 1-й подпольной газеты «Союза Борьбы» (мимеограф) под названием «Петербургский Рабочий Листок». Второй номер газеты вышел уже в печатном виде в начале 1897 г...

Роль „Союзов Борьбы“ в стачечном движении.

(К. Тахтарев.—„Рабочее движение в Петербурге 1893—1901 г.г.“, стр. 52—66, изд. 1924 г.).

...Не могу не упомянуть о некоторых событиях, а главное о том общем настроении, которое складывалось среди петербургских рабочих под влиянием агитационной деятельности Союза. Отдельные забастовки были на ткацкой фабрике Лебедева, У. Кенига, на Сампсоньевской мануфактуре, на бумагопрядильне Воронина, в Новом Адмиралтействе, на Александровском чугунном заводе (в апреле), опять у Воронина (в апреле же), на Сестрорецком оружейном заводе (5 апреля), на Калинкинской мануфактуре, в мастерских Варшавской железной дороги, на Балтийском судостроительном, вновь у Лаферма... Всякий раз или до стачки, или во время и после ее на сцену выступали листки Союза с изложением дела и требований рабочих и с приглашением твердо и дружно стоять за рабочее дело. Союз старался не пропустить ни одного случая безобразий фабричной жизни, чтобы не указать на него рабочим. Попутно на примерах раз'яснялась и та роль, которую играют правительственные власти во взаимных отношениях хозяев и рабочих. Впрочем, пока дело ограничивалось лишь указанием на роль полиции, жандармерии и фабричных инспекторов, ибо с представителями высшей власти рабочие столкнулись лицом к лицу лишь во время летних стачек 1896 года, о чем речь будет впереди.

Надо заметить, что репутация Союза гремела по всему Петербургу, и о листках шли разговоры по всем фабрикам. Рабочие тех фабрик, где не было никого, кто бы имел сношения с Союзом, молили всех богов, чтобы и к ним как-нибудь проникли «студенты» со своими листками.

Вот как сами рабочие описывают день первого появления листков на какой-нибудь фабрике: «С самого утра начинается необычное праздничное оживление». «Листки», слышится то шопотом, то вполголоса. Тут и там кучки, происходит чтение вслух. Кучки делаются все гуще и гуще «Ловко». «Так, так»: «Совершенно верно» и другие возгласы прерывают чтение. «К директору. Послать к директору». Но... посылать не приходится. Заводские ищейки уже все пронюхали и донесли, кому следует. Начинается переполох. Мастера, директора, хозяин — все приходит в движение. Посылаются гонцы во все стороны — к жандармам, в полицию, к фабричному инспектору. Впрочем, последние иногда даже предупреждают приглашение, ибо Союз потом усвоил обыкновение рассылать листки по почте фабричным инспекторам, в жандармское управление и градоначальнику, иногда министрам.

На завод наезжали власти всех сортов. На глазах у рабочих фабричная инспекция и жандармский полковник производили исследования, пробовали тухлую некипяченую воду в баках, вешали гири, проверяли весы, меряли куски... Словом, эффект получался полный. Настроение у рабочих было

самое радостное, особенно когда после всей этой встряски уничтожались уже очень очевидные злоупотребления...

Союзом выпускались листки и для поддержания колеблющегося духа бастующих на той или другой фабрике, и для приглашения к стачке тех фабрик, которые еще не стали. Бывало, что под влиянием листка стачечники, принявшиеся было за работу, снова бросали ее, как например—у Кенига.

Союз по силе возможности старался помогать и деньгами. Но, как уже было сказано, у него не было достаточно средств, чтобы оказать существенную денежную помощь. В этом отношении деньги, раздаваемые Союзом, имели, мне кажется, более нравственное значение, чем материальное. Одни слухи о том, что Союз помогает, равно как и о том, что заграничные рабочие обещали свою помощь, поднимали падающий дух не у одной сотни рабочих.

Социал-демократические группы и нелегальные кассы [1]).

(Материалы к истории еврейского рабочего движения, стр. 67—70, изд. 1906 г.).

В основании организации «Бунда» лежат боевые (стачечные) кассы. Профессиональные организации существуют главным образом в ремеслах, где относительно небольшое число занятых рабочих является благоприятным моментом для образования касс; что касается фабрик, то, при многочисленности занятых на них рабочих, устройство на них касс сопряжено с большими трудностями, так как при существующих в России полицейских условиях, тайные кассы с большим числом участников почти невозможны. Кассы имеют большое распространение и в некоторых городах охватывают значительное число рабочих...

Главное назначение касс — способствовать улучшению экономического положения рабочих. Но было бы ошибочно думать, что этим исчерпывается их значение, что они служат только средством экономической борьбы; наоборот кассы являются также центрами, из которых расходится в широкой массе пропаганда соц.-демократич. идей, и сильным орудием для развития классового и политического сознания рабочих. Кассы почти всегда связаны с учреждениями, назначение которых проводить в сознание рабочих социал-демократические идеи и развивать их в политическом отношении, каковы: нелегальные библиотеки, кружки из лучших членов кассы, где главное внимание обращается на усвоение рабочими начал социализма, «общие чтения» для всех членов кассы, где занятия носят не систематический характер и отличаются большим разнообразием. На ряду с более элементарным, чем в кружках, изучением вопросов о заработной плате, рабочем дне и вообще начатков социализма, комментируются с точки зрения интересов пролета-

[1]) Приводим этот отрывок из истории Бунда, в районе действия которого нелегальные кассы были больше всего распространены.

рката особенно поучительные факты текущей жизни: стачки, дающие яркую картину экономической эксплоатации рабочего класса и раскрывающие отношения к нему правительства, резкие проявления полицейского произвола и политического деспотизма и пр. Кроме того, кассы празднуют свои кассовые юбилеи, на которых читаются речи на политические темы. Таким образом кассы, открывая двери всякому рабочему, желающему принять участие в экономической борьбе, с одной стороны помогают его борьбе за повседневные насущные интересы, с другой — стремятся выработать из него социал-демократа и подготовить его к пониманию тех политических задач, которые ставит перед российским пролетариатом русская жизнь. Боевые кассы представляют сложное целое, заключающее в себе элементы экономич. и политич. организации: одной своей стороной — кассой в собственном смысле слова — она соприкасается с широкой массой, открывая в нее, т. е. в «собственную» кассу, доступ всякому рабочему, желающему бороться за улучшение своего материального положения, не требуя для этого ничего, кроме простой добропорядочности, и обещая защиту экономических интересов, — другой своей стороной — учреждениями, образующими политическую надстройку экономического здания «собственной» кассы— она примыкает к социал-демократ. и политической организации «Бунда» в лице его местных комитетов, Центрального Комитета и Заграничной Организации, и образует в нем одно органическое целое. В «Бунде» мы не находим той обособленности профессиональной организации от политической, с какой мы встречаемся в некоторых странах. «Бунд» так сложился, что не представляется возможным определить, где кончается экономическая организация его и где начинается политическая. И несмотря на то, что «Бунд» носит яркую социал-демократическую и политическую окраску, в нем может найти место всякий «массовой» рабочий (т. е. рабочий, классовое сознание которого еще не проснулось), желающий примкнуть к экономич. борьбе. Характер организации «Бунда» об'ясняется главным образом политическими условиями России. Там, где простое участие в стачке, не имеющей и тени политического характера, наказуется тюрьмой и без следствия и суда, одной властью полиции и жандармов, и даже ссылкой в Сибирь по одному распоряжению министра внутр. дел (как это было во время белостокской стачки ткачей летом 1898 г.), профессиональные организации неизбежно приходят к сознанию необходимости борьбы с правительством и, кроме экономических задач, начинают себе ставить политические.

* *
*

К спору об истоках профдвижения (Э. Гершензон).

По вопросу об «истоках» профессионального движения ведется в последнее время устная и письменная дискуссия среди работников истпрофа. Спорят о том, возникли ли союзы из нелегальных боевых касс или из первых революционных групп и организаций социал-демократии или также из легальных обществ и касс взаимопомощи путем перерождения последних в профсоюзы; какова роль легальных обществ и касс взаимопомощи, нелегальных касс и, наконец, революционного рабочего движения в начальной истории профдвижения. Этот спор не может еще в настоящее время считаться окончательно разрешенным, ибо весь период, до 1905 г. пока еще недостаточно изучен; последнее слово в спорах, касающихся, так называемого, «доисторического» периода профдвижения, принадлежит в конце концов фактам.

Не подлежит, однако, сомнению, что дискуссия по вопросу об «истоках» профдвижения выяснила в значительной степени вопрос о незначительной, скорее отрицательной роли *легальных* организаций взаимопомощи в возникновении Российского профессионального движения [1]).

Откуда же берет свое начало Российское профессиональное движение и где его первоначальные, наиболее простые формы?

Можно почти утверждать, что профессиональные союзы, в том числе и Российские, зарождались в результате все возрастающей стачечной борьбы рабочих с предпринимателями. Сначала стихийные — стачки приобретают все более организованный характер, стачки начинают подготавливаться, на время стачки возникают стачечные комитеты, подготавливается почва для более длительных боевых об'единений рабочих, для возникновения профсоюзов. К. Маркс (см. «Нищета философии») так и описывает процесс возникновения профсоюзов в Англии; он говорит: «Здесь, в Англии, дело не ограничивается организацией коалиций частных, цель которых ограничивалась бы *стачкой данного момента* и которые затем распались бы по окончании последней. Здесь создались прочные *долговременные* коалиции, профессиональные союзы, роль которых в борьбе работников с предпринимателями аналогична роли цитадели». Союзы возникают из борьбы; борьба же — их главная цель и задача. Нарастание организованности в стачечном движении, толкающей на путь более или менее длительных об'единений, мы видим также и в России (см. выше). Если же у нас об'единения долгое время ограничивались, главным образом, стачкой данного момента, то виной этому были кошмарные условия, в которые царизм ставил рабочее движение в России. Вот почему профессиональное движение, об'ективно назревшее у нас уже с 70-х годов прошлого столетия, *на долгие годы затормозилось* в

1) См. ниже отрывок „Роль обществ и касс взаимопомощи“.

своем развитии, принимало характер мелких одиночных нелегальных боевых (стачечных) касс и сделалось массовым лишь в начале 1905 г., когда силы царизма были надломлены.

Особенностью Российского профессионального движения было также наличие революционной социал-демократии, *стоявшей у колыбели профессионального движения*. Революционная социал-демократия (ныне коммунисты) не давала профессиональному движению принижаться до уровня трэд-юнионизма, а поднимала его до уровня революционного — социал-демократического сознания, придала ему *общеклассовый характер*. С другой стороны, и эту особенность необходимо подчеркнуть,—Российская Социал-Демократия при отсутствии профессиональных союзов, очень часто выполняла задачи последних, брала на себя непосредственное руководство экономической борьбой пролетариата (вспомним роль «Союзов борьбы», «листовок», и т. д.—см. выше). В силу всего этого необходимо признать не только колоссальную роль с.-д. групп и организаций в возникновении Российского профдвижения, но также отчасти признать последнюю одним из «истоков» самого профдвижения.

Такой ответ кажется нам наиболее правильным.

IV. Профессиональное движение накануне 1905 г.

1. Ослабление организации и руководства экономической борьбой пролетариата.

(С. Айнзафт.—„Первый этап профессионального движения в России", стр. 35—38, изд. 1924 г.).

Девяностые годы были годами самого сильного расцвета агитационной тактики и вместе с тем годами наибольшего расцвета стачечных касс.

Дальнейшее развитие классово-рабочего движения и революционной социал-демократии должно было привести и привело к изживанию агитационной тактики. Дело в том, что, достигая определенной ступени, рабочее движение не может дальше развиваться в рамках самодержавного строя. Дальнейшее развитие экономической борьбы становится невозможным без усложнения и упрочения организаций, руководящих этой борьбой, чему абсолютным препятствием являются полицейские рогатки самодержавия.

К тому же полицейский аппарат в первое время как будто растерявшийся перед сравнительно новым для него явлением, организованным рабочим движением, — чем дальше, тем больше стал приспосабливаться к выполнению своих функций в рабочей среде — вылавливания активных элементов. Это также крайне затрудняло существование нелегальных стачечных касс, уже по своей сущности не могущих быть совершенно законспирированными организациями, ибо они таким образом совершенно отрывались бы от рабочей массы. Ко всем этим обстоятельствам присоединился еще сильный экономический кризис, наступивший в конце 90-х годов и в начале девятисотых годов, что опять сделало экономическую борьбу рабочих, при отсутствии сильных и прочных организаций, в значительной мере бесплодной.

Все эти обстоятельства должны были привести к тому, чтобы революционное рабочее движение повернуло с пути экономической борьбы на путь борьбы политической. Этот новый поворот привел к тому, что и организационные формы стали иные. Если стачечная борьба привела к созданию

стачечных касс, как органов связи с массами, то политическая борьба требовала других форм организации, более законспирированных, недоступных для посторонних глаз, ячеек профессиональных революционеров, и процесс организации стачечных касс должен был заглохнуть.

Что в районе Бунда стачечные кассы стали с конца девяностых годов сходить на нет, мы уже видели. И в промышленных центрах Центральной России мы в течение этого периода не встречаем существования стачечных касс. Все сведения о стачечных кассах, имеющиеся в нашем распоряжении, относятся к 90-м годам. Как мало обстановка первых годов XX века благоприятствовала созданию зародышевых органов профессионального движения, можно видеть на примере созданного в конце 1903 года нелегального «Союза Московских печатников для борьбы за улучшение условий труда». Эта организация, история которой подробно изложена в книге Шера, зародилась в процессе подготовки в течение лета 1903 года забастовки типографских рабочих, происшедшей в октябре 1903 года. Уже в период подготовки стачки из наиболее сознательных и активных рабочих создался самочинный, никем не избранный центр, который руководил как подготовкой стачки, так и ее проведением. После стачки этот центр и оформился, как нелегальный союз.

Но быть массовой организацией при тогдашних политических условиях «Союз» не мог. Постоянной интенсивной стачечной борьбы, которая всегда поддерживала бы живую тесную связь между ним и рабочей массой, тогда не было. При таких обстоятельствах «Союз» был обречен на то, чтобы оставаться узким замкнутым кружком, оторванным от широкой рабочей массы. Деятельность «Союза» поэтому скорее походила на деятельность партийной ячейки, чем на деятельность профессионального союза, тем более, что «Союз» вскоре официально об'явил себя партийно-соц.-демократическим...

На участи этой организации особенно ярко проявилась общая судьба всех зачаточных экономических организаций, которые в периоде экономического затишья и политического возбуждения обречены на отмирание. В течение этого периода 1900—1905 г.г. все зачаточные экономические организации или распались, или превратились в ячейки партийных организаций. Этой общей участи не мог избежать и Московский нелегальный союз печатников, хотя он организационно был более самостоятелен и устойчив, чем создавшиеся в 90-х годах стачечные организации.

Но хотя, как мы видим, период 1900—1905 года не был благоприятен для дальнейшего развития организации руководства экономической борьбой, тем не менее и в этот период сознание необходимости профессиональных союзов не уменьшилось, а наоборот нарастало в рабочей массе.

2. Первые нелегальные массовые союзы.

В этот период появляются в разных местах нелегальные профсоюзы, возникающие из боевых касс или в результате длительной подготовки стачки. Эти профорганизации организационно еще не оформлены и, естественно, не могут превратиться в широкие массовые союзы. К сожалению, этот предреволюционный период пока еще не достаточно исследован. Поэтому приводим ниже лишь отдельные отрывки. Считаем полезным привести отрывки также о союзах щетинщиков и кожевников, возникших еще в 90-х годах XIX стол., ибо в их лице мы имеем уже „эмбрион" (зародыш) массового профсоюза, переходную ступень от боевых масс к профсоюзам; а также и потому, что эти союзы действовали и в начале XX века.

а) Союз щетинщиков.

(С. Айнзафт.—„Первый этап профессионального движения в России", стр. 23—24, изд. 1924 г.).

Среди экономических организаций, созданных «Бундом», имеется 2 таких, которые носят даже не местный характер и являются областными организациями, это — союзы щетинщиков и кожевников. Эти производства носили на половину кустарный характер и были расположены территориально на сравнительно небольшой площади, особенно первая из этих профессий. Между рабочими различных местностей имелись постоянные сношения, — это облегчало создание общей организации всей профессии целого района. Вот как рассказывается о возникновении союза щетинщиков в специальном листке-манифесте выпущенном вскоре после основания союза в 1898 году:

«Несколько лет тому назад еврейские рабочие щеточники (щетинщики) в некоторых городах Западного края стали организовываться для борьбы со своими хозяевами. По особым условиям щеточного производства, рабочим приходится переезжать из одного города в другой для приискания себе работы. Эти частые переезды дали возможность щеточникам разных городов ближе ознакомиться друг с другом; знакомство же помогло им заметить общность своих интересов и вызвало среди них профессиональную солидарность», и далее, «общность интересов, приводя щеточников к общей борьбе против своих эксплоататоров, вместе с тем вызвала к жизни с'езды представителей местных организаций рабочих щеточников. Первый с'езд состоялся в 1895 г., с этих пор было 5 с'ездов». Описав дальше, как фабриканты об'единились и образовали между собою нечто вроде союза для борьбы с рабочими, листок указывает, что «это заставило рабочих усилить свою солидарность и привело их к мысли образовать из всех местных организаций союз щеточников.

Образование союза выразилось конкретно в выборе Центрального Комитета, основной задачей которого являлось координирование стачечного движения и урегулирование переездов рабочих с места на место таким обра-

зом, чтобы это не мешало стачкам и не увеличивало безработицы в отдельных местах. Итак, мы видим, что союз щетинщиков явился просто результатом организационной связи между самостоятельно зародившимися стачечными кассами этого района, — организационной связи, которая была создана именно потому, что обстановка данного производства этому крайне благоприятствовала...

б) Организация союза кожевников.

(А. Лев.—„На заре нашего движения"; см. Матер. по истории профдвижения № 2, изд. 1924 г.).

Одна из самых светлых страниц истории российского рабочего движения принадлежит кожевникам. Кожевники были из первых, поднявших знамя революционной борьбы как среди еврейского пролетариата, так и в общероссийском масштабе. В то старое, далекое время, когда все еще кругом было мертво, они незаметно стали творить дело освобождения рабочего класса.

История организации Союза кожевников очень интересна и поучительна.

Во мраке царизма, под тройным гнетом — экономическим, политическим и национальным, — в удушающей атмосфере проклятой «черты» зародились первые профессиональные организации кожевников. С самого начала это были чисто классовые организации, первые вестники классовой борьбы и носители социалистической мысли среди российских рабочих.

Пробуждение кожевников начинается еще в 80-х годах. В 1886—1887 г.г. в Вильне уже существовала организация сапожников, которая насчитывала несколько сот рабочих. Одним из энергичнейших деятелей среди кожевников был тогда Яков Ноткин, погибший в 1889 году во время известной Якутской драмы. Из Вильны движение быстро перебросилось в Сморгонь, Ошмяны, Минск и друг. города Северо-Западного края. В начале 90-х годов мы здесь встречаем первые ячейки кожевников, тогда уже состоявшие из довольно больших групп сознательных рабочих, воспитанных в духе классовой борьбы и социалистических идей. Между прочим, Виленский и Минский районы имеют самые старые стачечные кассы кожевников, заготовщиков, сапожников и чулочников.

Надо отметить, что рабочие массы об'единяла тогда не определенная партийная программа, а, главным образом, стремление к улучшению своего экономического положения. Центром об'единения, естественно, были стачечные кассы, вокруг которых группировались наиболее сознательные рабочие. Движение среди кожевников росло, углубляясь и расширяясь.

На IV Международном социалистическом конгрессе в 1896 году, в Лондоне, на ряду с другими представителями России был уже дан мандат общему делегату от кожевенного района, который приветствовал конгресс от имени минских, виленских, ошмянских и сморгоньских кожевников, щетинщиков, ременьщиков, перчаточников и заготовщиков.

— Еврейский рабочий в России уже пробудился, — сказал он, — и готов броситься в бой, чтобы разорвать цепи рабства.

К тому времени начинается целый ряд забастовок сапожников и кожевников в Вильне, Минске, Ковно, Сморгони, Ошмянах, Белостоке и других городах и местечках. Еще теперь находятся на профессиональной работе товарищи, руководившие этими забастовками: т. Рачковский из Витебска, проводивший крупную забастовку в Минске, т. Райчук, руководивший тогда забастовкой сапожников в Вильне, и другие товарищи. Волна забастовок охватила весь кожевенный район. За один 1895—1896 г. в городах Сморгони, Белостоке, Вильно, Ошмянах было около 30 забастовок на мелких и крупных предприятиях, в которых принимало участие больше тысячи рабочих. Летом 1897 года начинается крупная забастовка кожевников в Крынках, которая длилась 8 недель. Бастовало около 1000 рабочих. Забастовка окончилась полной победой над хозяевами. Автор этих строк был участником последней забастовки и живо помнит то впечатление, которое она произвела на весь кожевенный район. Это был сигнал ко всем рабочим кожевенной промышленности, который несся из города в город. Бастовали кожевники, ременьщики, заготовщики, сапожники в Крынках, Сморгони, Варшаве, Вильно, Ковно, Гродно, Витебске и других городах. Это забастовочное движение оказало большое влияние и на рабочих других отраслей промышленности. Кожевники помогали им проводить свои забастовки.

Помимо улучшения материального положения, забастовки имели колоссальное моральное значение. Многие рабочие, до тех пор стоявшие в стороне от движения, примыкают к нему, становясь ярыми поборниками движения. Таким образом, с каждым днем все больше и больше росло сознание среди рабочих и готовность к борьбе. Классовое самосознание развивалось. Было уже много рабочих, проникнутых идеями марксизма. Весь этот период стоил не мало жертв. Не один товарищ томился в царских тюрьмах за мужественную защиту своих прав, но рабочие не падали духом. В результате борьбы рабочий день всюду был сокращен на три часа; заработная плата повышена на 25—30%. Добились также человеческого отношения со стороны эксплоататоров и мастеров. Мысль об организации централизованного Союза кожевников—подобно Союзу щетинщиков, существовавшему с 1894 года, возникла у более сознательных товарищей давно на совещании представителей некоторых местных организаций кожевников и стачечных касс.

В 1898 году с этой целью был созван с'езд кожевников. С'езд высказался за организацию всеобщего союза кожевников, чтобы об'единить всеобщее движение. Был разработан план создания во всех городах и местечках, где находятся рабочие-кожевники и намечены меры к укреплению уже существующих организаций. Для проведения в жизнь этого плана был избран комитет, который связался со всеми местными организациями. Союз вырос, окреп, давал себя чувствовать все больше и больше, хотя его существование, как централизованной организации, еще не было официально.

Спустя 7 месяцев состоялся второй с'езд, на котором были представлены все кожевники — евреи Северо-Западного края. Делегаты избирались на рабочих сходках. На этом с'езде было выработано нечто вроде устава, обсуждалось несколько профессиональных вопросов—о рабочих подростках,

о сдельщине, и т. д. На этом с'езде присутствовал тов. Соркин, ныне состоящий активным работником нашего Киевского Губотдела.

На третьем с'езде, в 1900 году был уже поднят вопрос об официальном прокламировании профессионального союза кожевников. Тогда стал вопрос о рабочих-кожевниках других национальностей. Кожевники-поляки, русские, белоруссы еще стояли в стороне от движения и почти никакого участия в борьбе не принимали. А всеобщий профессиональный союз, состоящий только из евреев, по мнению всех, не будет иметь никакого значения. После долгих горячих прений с'езд принял резолюцию: «Так как евреям-кожевникам приходится в своей работе и борьбе постоянно встречаться со своими товарищами из других национальностей, необходимо, чтобы последние также были организованы. А так как идея всеобщего союза еще недостаточно популярна среди самих еврейских рабочих, с'езд считает преждевременным прокламирование союза и рекомендует всем организациям евреев-кожевников уделять больше внимания своим товарищам других национальностей, стараться насколько возможно развивать их классовое самосознание и содействовать созданию у них организации. Для того, чтобы популяризировать среди еврейских рабочих идею всеобщего союза, с'езд постановил открыть в центральном органе «Бунда»—«Арбейрштиме»—страничку «Что слышно у кожевников».

Новая задача — создание организации среди рабочих других национальностей — была проведена лишь с частичным успехом. Это удалось лишь в некоторых городах. С остальными же была установлена только связь через посредство наиболее сознательных товарищей.

На IV с'езде, когда подошли к окончательному решению вопроса о прокламировании Союза, создалось очень серьезное запутанное положение. Никто не сомневался в том, что союз должен был социал-демократическим, а согласно постановлению с'езда, он должен был влиться, как автономная секция, в «Бунд». Тут, естественно, выплыл вопрос о том, могут ли рабочие—поляки, русские, белоруссы и литвины быть членами союза, который входит в «Бунд». Чтобы выйти из этого положения, с'езд пришел к решению: строить союз на федеративных началах — каждая национальная группа входит, как автономная часть, в соответствующую социал-демократическую организацию. Вновь избранному комитету было поручено вступить в переговоры с польской социал-демократией. Когда польская соц.-демократия согласилась на создание федеративного союза, был созван экстренный пятый с'езд евреев-кожевников. С'езд нашел возможным опубликовать решение о создании Всероссийского Союза кожевников и принял устав предложенный комитетом. Согласно уставу, Союз должен состоять из различных секций, соответственно входящим в него национальностям. Члены Союза каждой национальной группы образуют отдельную секцию со своим комитетом, который занимается вопросами, касающимися исключительно данной национальной группы. Общие же вопросы, касающиеся всех кожевников, разрешает федеративный комитет, который конструируется из представителей всех национальных групп.

Осенью 1901 года было созвано два отдельных с'езда—еврейских и польских кожевников, на которых был утвержден устав и избраны организационные комиссии. От польской федерации был избран журналист Трусевич (Залевский), один из основателей польской социал-демократии. От еврейского федеративного комитета вошли интеллигенты — Розенталь, доктор Избицкий (Михалевич), Абрам («папаша») — истинный создатель Союза кожевников, и Мордхе из Ружан и Бендет из Крынки — рабочие. На этих обоих с'ездах было решено прокламировать существование социал-демократического федеративного Союза кожевников. Решено было опубликовать манифест об этом событии на трех языках—русском, польском и еврейском.

Трудно передать ту радость, то воодушевление, которым кожевники встречали этот манифест. Сотни рядовых рабочих со слезами радости целовали этот манифест, как святыню. Повсюду, в честь появления манифеста, устраивались вечеринки, а «папашу» Абрама, который развозил манифест по кожевенному району, буквально носили на руках. Старшие товарищи его целовали, и слезы радости лились из сияющих глаз.

И, правда, было чему радоваться. Чем-то сильным, мощным веяло от этой маленькой книжки—первого манифеста кожевников. Все чувствовали, что начинается новая эра в жизни борющихся кожевников. Мы чувствовали и сознавали, что никакая сила в мире не сокрушит мощную организацию — об'единенных рабочих-кожевников разных национальностей. Наши предчувствия нас не обманули: мы боролись, мы имели поражения, мы побеждали и, в конце концов, все же победили.

в) Союз вязальщиков.

(В. Перазич.—„Вестник Профсоюзов" № II, 1924 г., стр. 78—79).

Зародышевые формы профессионального союза возникли на некоторых текстильных предприятиях Петербурга в виде стачечных касс во время знаменитой летней стачки ткачей и прядильщиков в 1896 г. Под перекрестным огнем хозяйских прижимок и полицейских преследований наметились и первые попытки об'единить эти стачечные кассы в нелегальный профессиональный союз. К сожалению, ни в литературе, ни у живых свидетелей нам до сих пор не удалось найти указаний относительно размеров и деятельности этих касс. Глухо известно лишь, что попытки об'единения стачечных касс у текстилей делались, главным образом, со стороны квалифицированных рабочих.

Заслуга осуществления первой такой нелегальной организации среди текстильщиков принадлежит вязальщикам. Повидимому, идею ее в Питер к вязальщикам занесли выходцы из Западного края, где уже в начале 90-х годов существовали такие организации среди еврейских и польских ремесленников... В центральном кружке, в который кроме И. Вихорева и Эстрина, входили еще и Цаплин, Крицын, потом И. Лукинский, изучалась Эрфуртская программа Каутского (в то время еще нелегальная). Они да еще побывавший в ссылке в Якутской губернии приказчик Степан Богоносов и явились руководителями движения. Одно время они носились с мыслью

создать свою собственную кооперативную мастерскую, которая в их мечтах должна была убить все частные мастерские, но затем оставили эту мысль и решили образовать профессиональный союз — для экономической борьбы с хозяйчиками. По свидетельству т. Лукинского и др., он был основан в 1902 г. Союз на первых порах охватил человек 25 вязальщиков из мастерских Игнатьева, Чугунова, Михайлова, Крылова, позднее он об'единил в нелегальную организацию около 100 человек, из всех почти более крупных в то время существовавших в Питере 15 вязальных мастерских. Вязальщики в то время ниже 1½ рублей в день не зарабатывали, и членские взносы на первых порах были назначены довольно высокие, по рублю в месяц. Несмотря на то, что впоследствии членские взносы были снижены до 25 коп., в кассе союза накоплялось бывало и до 500 рублей.

Первыми казначеями союза были т.т. Лукинский, Капустин, затем Хромцов. Правления оформленного в то время у союза вязальщиков не существовало. На квартире у Лукинского, жившего вместе с Капустиным на Могилевской улице, собирались наиболее активные члены союза по несколько человек, чтобы разрешать текущие дела. А то собирались для этого где-нибудь в трактире, за бутылочкой пива. Союз оказывал помощь безработным по 5 руб. в месяц, уезжающим давал на дорогу, смотря по дальности расстояния. Помощь стачечникам оказывалась особыми сборами по 50 коп. с каждого члена, точно также и помощь административно-высланным из Питера товарищам.

Первая стачка была проведена союзом в 1902 году в мастерской у Чугунова, а после него стачки прошли перекатным огнем по всем мастерским.

Борьба с хозяевами шла за повышение заработной платы. Обыкновенно осенью хозяевам пред'являлось требование прибавки по 5 коп. за штуку.

Стачка обыкновенно кончалась выигрышем,—народ был стойкий. Зато летом, когда кончался сезон и производство сокращалось, хозяева навер'стывали свое и без церемонии снижали расценки. Осенью кампания начиналась снова.

Рядом с этим союз вел культурно-просветительную работу среди своих членов. Для руководства занятиями кружков стали приглашать интеллигентов. На 1 мая, начиная с 1902 года, вязальщики ежегодно собирались по 50 челов. и больше где-нибудь в лесу за Охтой, за Лесным и т. д.

г) Московский союз печатников.

(В. Шерр,—„История профессион. движения рабочих печатного дела в Москве", стр. 115—151, изд. 1911 г.).

За полгода до начала забастовки, в апреле месяце (речь идет о 1903 г.), наборщики типографии Лисснера подняли между собою вопрос о повышении заработной платы и сокращении рабочего дня; в виду неудобств, сопряженных с собраниями в мастерской, последние были перенесены за город. Там к лисснеровским рабочим присоединились наборщики других типографий, и вопрос, естественно, получил более широкую постановку: со-

брание стало обсуждать условия труда всех московских наборщиков вообще и намечать пути к их улучшению.

...В результате всех имевших место собраний, среди рабочих создалась очень неоформленная и непрочная, но все же некоторая организация. Без всяких выборов, как-то сама собой сложилась *исполнительная комиссия* состоявшая из рабочих, выделившихся на собраниях в качестве лучших ораторов. Далее, столь же самопроизвольно, создалась организация представителей от отдельных предприятий, которые поддерживали непосредственную связь комиссии с последними, осведомляли ее о настроении рабочих и санкционировали ее наиболее важные постановления. Комиссия собирала деньги на предстоящую борьбу, организовывала собрания, издавала даже листки..

...Исход забастовки 1903 года был сравнительно очень благоприятен для рабочих печатного дела; условия их труда значительно изменились к лучшему. Но кроме этих непосредственных выгод, печатники получили некоторые выгоды не материального характера, которые стоили не меньше, чем полученные ими уступки в области рабочего дня и заработной платы: на вполне реальном примере они научились ценить значение организаций,— так как в значительной степени благодаря предварительной подготовке и той организации, которая — как мало оформлена они ни была — сложилась среди рабочих, стачка началась так единодушно, протекала так дружно и имела столь удачные результаты.

Вскоре после стачки 1903 года, еще до того времени, как начала складываться зубатовская организация печатников, возникает нелегальный «Союз Московских Типографских Рабочих для борьбы за улучшение условий труда». Эта организация просуществовала, правда, с перерывами, целых два с лишним года. Внутреннее ее содержание менялось с течением времени: вначале она сильно напоминает ту стачечную ячейку, которая была до забастовки; впоследствии — это обычный тип социал-демократического районного комитета, с некоторыми лишь своеобразными чертами, унаследованными от прошлого.

Но даже и в первые моменты своего существования Союза Типографских Рабочих уже отличался от той организации, которая была его предтечей В нем участвовали, во-первых, не только рабочие: Союз был основан при содействии социал-демократической интеллигенции, которая оказывала свое влияние и на его дальнейшее развитие. Во-вторых, он сразу должен был конструироваться, как нелегальная, подпольная ячейка: административные репрессии не позволяли ставить дело так, сравнительно, широко, как до стачки 1903 года.

Основан был Союз при следующих обстоятельствах. После окончания забастовки на свободе остались лишь двое из прежней стачечной комиссии, да некоторые из представителей от типографии; на их плечи легла помощь пострадавшим от административных репрессий во время борьбы. На этой почве и произошло сближение бывших деятелей стачки с корректорщей, Софьей Германовной Хренковой, через посредство которой поступали денежные сборы, производившиеся среди широких слоев московской интелли-

генции. Хренкова, по убеждениям своим примыкавшая к социал-демократии, но в партийной организации не состоявшая, еще раньше имела знакомых среди рабочих, деятелей стачки; тем легче ей удалось войти в их среду и завоевать их доверие.

Мало-по-малу около нее начинают группироваться остатки прежней стачечной организации: члены комиссии, представители типографий и вообще все выделившиеся за время движения рабочие. Возникает ядро Союза—так называемый Центр. Вскоре он заявляет о своем существовании: издает один за другим два номера «Вестника Союза», отпечатанных на гектографе, выпускает несколько летучек, в частности против зубатовцев, обзаводится печатью, изобретает себе свой собственный девиз, «право бороться—право человека», — словом конструируется в качестве самостоятельной организации.

Число членов этой конспиративной ячейки было невелико: в сущности, весь Союз сводился к небольшому кружку рабочих с С. Г. Хренковой во главе, к Центру. Никакой оформленной организации вокруг него не было; правда, кое-где остались представители предприятий, но они не были организованы. Главное, что составляло силу Союза,—это личное влияние рабочих, членов Центра; многие из них уже проявили себя опытными руководителями во время борьбы, к их голосу прислушивались, и потому влияние Союза было много шире его организационных рамок.

Но в течение зимы 1903—1904 года это влияние не только не крепло, организация не только не росла, а, наоборот, происходил обратный процесс: прежние связи утрачивались, традиции «славной забастовки» забывались, а Центр все дальше и дальше отходил от массы.

Происходило это в силу целого ряда причин. Прежде всего в силу того, что вслед за сентябрьской стачкой опять наступило полное затишье в отношениях труда и капитала в печатном производстве. Хозяева переложили те уступки, которые они сделали рабочим, на заказчиков, и не сделали попыток вернуться к старым порядкам; рабочие сознавали, что добиваться, после сравнительно удачной стачки, дальнейших уступок было бы безрассудно, и о новой стачке не думали. Таким образом, за зиму 1903/4 года не имело места ни одного сколько-нибудь крупного конфликта в печатных заведениях Москвы. Вместе с тем для Союза не было почвы сколько-нибудь раздвинуть свои рамки, обновить свои силы, проявить себя в качестве организации «для борьбы за улучшение условий труда». В изданиях Союза за всю зиму мы не находим ничего почти, что можно было бы назвать попыткой руководить типографщиками в экономической борьбе, если не считать двух заметок о сверхурочных работах. Но и эти заметки противоречат одна другой: в № 4 «Вестника» рекомендуется требовать, по примеру рабочих типографии Сомовой, повышенного расценка за сверхурочные работы, а в № 5—отказываться от них совершенно.

Другая причина постепенного ослабления Союза лежала в том, что ему были отрезаны все пути какой-либо легальной или полулегальной деятельности. Итти к зубатовцам на собрания и полемизировать там открыто с

Красивским, Буазилье и другими, было небезопасно, и Союз лишь громил их в листках и в «Вестнике», призывая к бойкоту этой организации. В Вспомогательной кассе было очень нелегко завоевать себе влияние, да к тому же принципиальное отношение Союза к взаимопомощи вообще было крайне невыясненным и неустойчивым: с одной стороны, в его органе рекомендуется рабочим участвовать в Кассе и «провести в правление тех из своих товарищей-рабочих, которым дороги интересы своего класса», а с другой стороны, в том же номере «Вестника» заявляется, что никакой действительной пользы подобные общества рабочим не принесут.

Таким образом, Союз совершенно не вел экономической борьбы и замыкал свою деятельность узким кругом подпольной ячейки. Главным содержанием деятельности организации была политическая агитация; все издания Союза полны статьями и заметками на общеполитические темы. В этом и проявлялась деятельность Центра; члены его писали статьи и воззвания и распространяли свои произведения среди рабочих...

Мало-по-малу организация совсем перестала откликаться на экономическую борьбу печатников; в ее органе перестают даже отмечаться случаи конфликтов рабочих с предпринимателями...

Почти также обстояло дело и с политической агитацией. Принимая социал-демократическую программу, Центр понимал ее по-своему, по-простому. Больше всего его интересовала программа минимум в области рабочего законодательства: тотчас вслед за постановлением, об'являющим принятие Союзом социал-демократической программы, мы читаем под заголовком «чего нам следует добиваться», такие строки: «Прежде всего, отмены закона 30 мая 1903 года, по которому фабричные инспектора обязаны действовать под непосредственным руководством губернаторов, т.-е. становятся полицейскими чиновниками и, во-вторых, свободы рабочих организаций»; а затем следуют 16 пунктов социал-демократической программы-минимум (8-ми час. раб. день, полная отмена сверхурочных работ и т. д.). О задачах социализма и общеполитических требованиях в этой программной статье не говорилось ничего.

Вот еще одна выдержка, характеризующая взгляды Центра Союза: «Классовая борьба, т.-е. борьба трудящегося класса за верховную власть, — читаем мы в передовой того же № 5-го,—должна носить характер в большей или меньшей степени политический, так как ни одна из существующих государственных форм не представляет той республики, которая требуется политической социал-демократической программой». Или, другими словами, борьба рабочего класса, как борьба политическая, кончается с завоеванием демократической республики. Подобную же неразбериху можно встретить и в других статьях, посвященных общеполитическим вопросам.

Таковы были результаты сочетания плохопереваренной социал-демократической программы с чисто типографскими традициями самостоятельной и независимой стачечной организации. Словом, к концу зимы 1903/4 года Союз был одновременно оторван и от партии, с ее программой и тактикой, которых он не понимал, и от рабочей массы, которая не понимала его...

В течение лета 1904 года Союз фактически не существовал. Осенью организация восстановляется: снова возникает Центр, снова издается «Вестник» Союза. Обновился лишь несколько состав рабочих, входивших в организацию, да на место высланной из Москвы С. Г. Хренковой вступил в число членов Центра другой интеллигент, социал-демократ. По существу же жизнь Союза изменилась очень мало: как и раньше, главная сторона его деятельности—политическая агитация, выпуск прокламаций и «Вестника»; как и раньше, он мало уделяет внимания профессиональным, экономическим интересам рабочих, оставаясь в то же время самостоятельной, не входящей в партию ячейкой.

Если что и изменилось, так это, пожалуй, характер той литературы, которая издавалась за это время Союзом: в № 6 «Вестника» и в тех прокламациях, которые выходили за это время, нет тех промахов с точки зрения социал-демократической программы, которые мы отмечали в изданиях Союза предыдущего года. Но об'ясняется это не тем, что рабочие, члены Центра, более полно усвоили за этот промежуток времени принципы социал-демократии: почти все статьи и прокламации пишутся интеллигентами, которые за это время начинают вступать в организацию, оказывая все больше и больше влияния на деятельность Центра. Союз утрачивает мало-по-малу свою своеобразную физиономию самобытной рабочей ячейки и все больше напоминает обычный тип социал-демократического комитета. В таком положении застали его события 9 января...

V. Идеология профессионального движения этого периода.

1. Социальные корни „экономизма“.

(В. Астров. „Экономисты“, предтечи меньшевиков, изд. 1923 г., стр. 26—39).

Ключа к его (экономизма) пониманию не дает одна голая ссылка на промышленный под'ем, к которой обычно прибегают. Это видно хотя бы уж из того, что в 1912—14 г.г. у нас был под'ем не меньший, а стачки на его основе окрасились в ярко-политический цвет. С другой стороны, в начале 80-х годов был кризис, а стачки были чисто экономическими. Для понимания «экономизма» надо от исследования *об'ективной* обстановки еще обратиться к его *суб'ективным* предпосылкам в рабочем движении, к самому действующему лицу—*пролетариату,* и здесь поискать причин, почему иллюзии оппортунизма так значительно переросли свою материальную базу.

Прежде всего, насколько, в итоге первых крупных шагов русского капитализма, рабочий класс *отдифференцировался от других классов.* Здесь первым делом бросается в глаза тот факт, что за десятилетие 90—900 г.г. фабрично-заводский пролетариат удвоился. Рост этот шел в подавляющем большинстве за счет деревни. *Полуторамиллионная крестьянская масса* притекла в город за годы стачечного движения и, значит, в бой шли, в той или иной степени, «свежие» эшелоны.

Каким же вступал русский пролетариат в 90-е годы. Нет никакого сомнения, что чистый, лишенный собственности и живущий исключительно на заработную плату и даже *потомственный* пролетариат уже был. Статистические исследования 84—85 г.г. показали, что больше чем у половины (у 55% из опрошенных 18.576 ч.) рабочих Московской губернии отцы работали на фабриках. На полевые работы уходило с фабрик в страдную пору только 14,1%, остальные же работали круглый год (хотя 94% числились «крестьянами», по паспорту). Важнейшей причиной к разрыву связи с землей оказывался переход от ручного производства к механическому. Все это марксистская литература с полным правом противопоставляла в свое время

утопической болтовне народников об отсутствии пролетаризации и капитализма в России. Но та же марксистская литература не закрывала глаз на оборотную сторону медали, не преувеличивала «европеизации» русских рабочих. Тем более мы обязаны придерживаться этих традиций и после цифр, говорящих *за* пролетариат, привести цифры, говорящие *против* пролетариата.

Связь его с землей не исчерпывалась уходом на страду. На ситце-набивной фабрике Цинделя, типичной для Московского района, в 1898 году мы имеем такое выражение степени связи рабочих с землей:

	В процентах.
1) Уходящих на полевые работы и ведущих самостоятельное хозяйство	11,9
2) Не уходящих, но ведущих самостоятельное хозяйство при помощи семей	61,4
3) Не ведущих хозяйства, но сдающих надел в аренду	12,3
4) Не имеющих надела, но имеющих постройки в деревне	3,6
5) Не имеющих с деревней никакой связи	10,8
	100

Полукрестьянский элемент висел балластом на ногах русского пролетариата прежде всего в чисто экономическом отношении, *снижая заработную плату*. Уходящий на заработки в город крестьянин часто смотрел на это, как на занятие не основное, подсобное к своему деревенскому хозяйству и мирился с более низкой оплатой своего труда...

В связи русских рабочих с деревней находит себе об'яснение тот факт, что в 80-х годах русский рабочий имел реальную заработную плату *втрое ниже* американского.

Но полукрестьянин неизбежно накладывал *отпечаток консервативности* и на самые формы рабочего движения...

На стачку и бунт он решается не сразу: в Ростове, например, поденщиков и обойщиков в жел.-дор. мастерских в 94 году рабочие других цехов *сгоняли с работ каменьями*. Земля, мелкая собственность в цепких лапах держит полурабочего, вместе со спутником «деревенского идиотизма» — невежеством. Зато, как только впервые порывается крестьянская пуповина, рабочий тем сильнее начинает бунтовать, чем ниже тот уровень «необходимого продукта», получаемого от капиталиста, который он сам вчера еще поддерживал в качестве полукрестьянина. Его вчерашний день кажется ему уже далеким невозвратимым прошлым, которое он способен даже ненавидеть.

Но в какие же формы выливается первый стихийный процесс рабочего. В тех же Сормовских волнениях 99 года необычайно ярок элемент *неорганизованного бунта*. Разгром квартиры директора, канцелярии и пристава, электрической станции, ренскового погреба о-ва потребителей и в довершение всего—расправа с наиболее ненавистными заводскими служащими, шнырявшими в толпе, подслушивавшими разговоры рабочих и подстрекавшими к разгрому. В результате вмешательство властей, войска и суд. ...В Екатеринославе бунт Брянского завода тем же летом принял форму еврейского

погрома, но не избежал избиения и господин полицмейстер. В результате, арестовано 1200 человек, 500 выслано на родину...

...Промышленный под'ем давал возможность начать немедленную и отчаянную борьбу за получение рабочими «необходимого продукта» полностью из рук капиталиста. Стряхивая с ног груз мелкой собственности, описываемый слой рабочих (который, смело можно сказать, составлял большинство, хотя еще далеко не в большинстве участвовал в стачках активно), освобождал для борьбы *энергию не только свою,* но и тех рабочих, чьи условия труда и найма он ранее снижал. Косвенно, это не могло не отразиться на всех группах рабочих без исключения и тем усилило общий стачечный натиск. Но, становясь «классом в себе», пролетариат не сразу становится классом «для себя». В русских условиях это получило свое выражение в том, что вчерашний крестьянин, активное выступление которого оказало такое сильное влияние на ход стачек, становясь экономически рабочим в полном смысле слова, *по своей психике* еще оставался некоторое время крестьянином. С низким уровнем материальных и культурных интересов, не привыкший еще в рядах пролетариата шагать в такт, мало поддающийся организации и дисциплине, он попытался на фабрике провести, примерно, деревенский уклад: чечевичную похлебку с иконой и царским портретом в углу. Что его классовый интерес рабочего лежит гораздо дальше, об этом он узнал далеко не сразу. Его *мелко-буржуазное* заблуждение и послужило основой для «экономизма», за счет которой последний так уродливо перерос свою материальную базу. Отраженно, мелко-буржуазная психология, в свою очередь, переходила на прочие группы рабочих, ибо непосредственный его носитель давил своим количеством, и тем усиливала те иллюзии, которые вызывал под'ем и успех стачек у всего пролетариата в целом.

Но идеология не отстает от экономики надолго. Кризис разрушил недолговечные заблуждения, и через несколько лет тот же самый рабочий требует, чтобы его учили, «как в бой итти, как в бою воевать». Характерно, что первые политические требования рабочей массы в Петербурге в 90 годах идут также от текстилей (завод Масквелля и Паля в 98 году, Северная мануфактура в 99 г.). Разумеется, огромное значение в смысле медленного политического пробуждения рабочих сыграла и часть социал-демократии этого периода, но об этом речь впереди.

Наш очерк был бы односторонен, если бы мы не задались вопросом о другом полюсе русского фабрично-заводского пролетариата, о другой группе «маленьких буржуа» (по выражению Каутского)—*о рабочей «аристократии»*. Какова ее роль в возникновении «экономизма». Участник деятельности «Союза Борьбы» Я. К. передает, как один из наборщиков императорских театров, выслушав «подходы» пропагандиста, заметил ему: «чего мне нужно добиваться. Вы хотите 8-часового рабочего дня, а я 7 часов работаю, и жалованья мне хватает». В других типографиях, добавляет автор воспоминаний, наборщики были податливее. М. Лядов приводит споры в Москве с представителями лучше оплачиваемой части заводских рабочих — машинистов, токарей, модельщиков — по вопросу о кассе. *Модельщики* завода

Гоппера, имея свою кассу, не хотели вступить в общую, мотивируя тем, что центральная касса может предложить им бастовать, когда им невыгодно. Этим модельщикам Гоппер первым ввел добровольно 9-часовой рабочий день в 96 году. *Групповой* интерес у них явно преобладает над *классовым*.

Таким образом, «рабочая аристократия» также составляла социальный базис для «экономизма». Говоря о ней, нельзя не иметь в виду того, что ряд крупных заводов были связаны с поставками на казну и в момент кризиса особенно интенсивно получали «внеуставные» ссуды, им искусственно создавались заказы, затевалась постройка дорог и пр...

Прослойка «чистой», обуржуазившейся рабочей «аристократии» была очень узка и приходилась, главным образом, на заводы, связанные с казной. В сущности, *только* для этой узкой прослойки рабочих «экономизм» и имел свой настоящий смысл *трэд-юнионизма*. Ее материальный интерес был огражден при проведении в жизнь программы «чисто рабочей» политики, т. е. свободы экономической борьбы, которую «экономисты» выдвигали для всего рабочего класса. Но, по условиям момента, ее лозунги нашли себе гулкое эхо в огромной массе вчерашних крестьян...

2. Сущность экономизма.

(Передовая из № 1 органа экономистов „Рабочая Мысль" — см. В. Астров „Экономисты"...).

«Рабочее движение в России теперь может считаться приобщенным к общеевропейскому рабочему движению. Теперь, конечно, никто не станет сомневаться, что руке в синем обшлаге не удержать его постепенного, неуклонного развития. То погасая до едва тлеющей искры, то разрастаясь в море огня, оно все шире и глубже захватывает рабочие массы и, хотя медленно, но прочно дисциплинирует их, научая борьбе с врагом. Такой живучестью рабочее движение обязано тому, что рабочий сам берется за свою судьбу, вырвав ее из рук руководителей. Это вполне понятно. До тех пор, пока движение было лишь средством для успокоения больной совести кающегося интеллигента, оно было чуждо самому рабочему. Масса была холодна и безучастна к делу; убежденные рабочие — бойцы за свое собственное дело являлись в виде исключений, и во всяком случае не могли дать по количеству заметной окраски движению. Средства доставлял тощий студенческий кошелек. За что сражаться, с кем, по какому поводу. На это совсем не было ответа у рабочего не интеллигентного, а рядового из массы, который собственно и значит все для движения. Да и не могло быть на это ответа, потому что экономическая основа движения была затемнена стремлением постоянно не забывать политического идеала; вопрос был поставлен так, что не давал сам по себе ответа, а раз'яснить каждому нет возможности, потому что обычные *занятия* обнимают сравнительно очень небольшой круг людей. Одним словом, можно сказать, что средний рабочий стоял вне движения. Стачки 1896 г. можно считать первым и пока единственным проявлением самостоятельной рабочей мысли, воплотившейся в стройные формы,

если не считать прежде бывших стачек, возникших более или менее стихийно, взрывом, а не как борьба по обдуманному плану. Раз вопрос, за что бороться, ясен, раз враг перед глазами, русский рабочий умеет бороться, он уже доказал это. Борьба за экономические интересы — самая упорная борьба, самая сильная по количеству душ, которым она понятна, и по геройству, с которым самый обыкновенный человек отстаивает свое право на существование. Таков закон природы. Политика всегда послушно следует за экономикой и, в общем итоге, политические оковы разбиваются попутно. *Борьба за экономическое положение, борьба с капиталом на поле ежедневных насущных интересов и стачки, как средство этой борьбы—вот девиз рабочего движения.* Эта борьба понятна всем, она закаляет силы и сплачивает рабочих. В ней каждый шаг вперед есть улучшение в жизни, есть новое средство к дальнейшим победам. Раз привлечена вся масса рабочих, этим обеспечены средства к борьбе. Движение перестает быть нищим, живущим подачками со стороны. Средства должны давать сами бойцы, и каждый трудовой грош, вложенный в дело, будет дороже тысяч, данных со стороны. Стремление рабочих заводить кассы знаменует переход к вполне сознательной эпохе движения. *Эти кассы должны давать в будущем средства прежде всего не для занятий, не для книг, а для насущного хлеба во время разгара боя,* во время стачек. Вокруг касс должны группироваться рабочие, и каждая из них дороже для движения, чем сотня других организаций. Конечно, и дело самообразования должно итти своим чередом, воспитывая интеллигентные единицы. Пусть *рабочие ведут борьбу, зная, что борются они не для каких-то будущих поколений, а для себя и для своих детей,* пусть помнят, что каждая победа, каждая пядь, отбитая у врага, есть пройденная ступень лестницы, ведущей к их собственному благополучию; пусть имеющие силы призывают слабых к борьбе и строят их в ряды сами, не расчитывая ни на чью помощь. Победа впереди, и только тогда верх будет одержан бойцами, когда девизом их будет: *«рабочие для рабочих».*

3. Экономизм и революционная тактика социал-демократии.

(Н. Ленин. „Что делать"?, стр. 38—47, изд. 1924 г.).

...На передовице, этой (т. е. Раб. Мысли) стоит остановиться—настолько рельефно выразила она *весь дух* «Раб. Мысли» и экономизма вообще.

Указав на то, что руке в синем обшлаге не удержать развития рабочего движения, передовица продолжает: «...Такой живучестью рабочее движение обязано тому, что рабочий сам берется, наконец, за свою судьбу, вырвав ее из рук руководителей», и этот основной тезис подробно развивается дальше. На самом деле, руководители (т. е. социал-демократы, организаторы Союза борьбы) были вырваны полицией из рук, можно сказать, рабочих,—а дело представляется так, будто рабочие вели борьбу с этими руководителями и освободились от их ига. Вместо того, чтобы звать вперед к упрочению революционной организации и расширению политической деятельности, стали

звать *назад*, к одной трэд-юнионистской борьбе. Провозгласили, что «экономическая основа движения затемняется стремлением постоянно не забывать политический идеал», что девиз рабочего движения — «борьба за экономическое положение», или, еще лучше, «рабочие для рабочих»; об'яснялось, что *стачечные кассы «дороже для движения, чем сотня других организаций*. ...Словечки в том роде, что во главу угла надо ставить не «сливки» рабочих, а «среднего» рабочего, массового рабочего, что «политика всегда послушно следует за экономикой» и т. д., и т. д., сделались модой и приобрели неотразимое влияние на массу привлекаемой к движению молодежи, знакомой в большинстве случаев только с обрывками марксизма в легальном его изложении.

Это было полным *подавлением сознательности стихийностью*—стихийностью тех «социал-демократов», которые повторяли «идеи» г-на В. В., стихийностью тех рабочих, которые поддавались тому доводу, что *копейка на рубль ближе и дороже, чем всякий социализм* и всякая политика, что они должны вести «борьбу, зная что борются они не для каких-то будущих поколений, *а для себя и своих детей*» (передовая № 1 «Раб. Мысли»). Подобные фразы составляли всегда излюбленное оружие тех западно-европейских буржуа, которые, ненавидя социализм, сами работали (вроде немецкого «социал-политика» Гирша) над пересаживанием английского трэд-юнионизма на родную почву, говоря рабочим, что только профессиональная борьба есть именно борьба для самих себя и своих детей, а не для каких-то будущих поколений с каким-то будущим социализмом,—и теперь «В. В. русской социал-демократии» принялись повторять эти буржуазные фразы. Важно отметить здесь три обстоятельства, которые нам очень пригодятся при дальнейшем разборе *современных разногласий*.

Во-первых, указанное нами подавление сознательности стихийностью произошло тоже *стихийным путем*. Это кажется каламбуром, но это—увы—горькая правда. Оно произошло не путем открытой борьбы двух совершенно противоположных воззрений и победы одного над другим, а путем «вырывания» жандармами все большего и большего числа революционеров—«стариков» и путем все большего и большего выступления на сцену «молодых» «В. В. русской социал-демократии». Всякий, кто — не скажу: участвовал в *современном* русском движении, а хотя бы только нюхал его воздух, — превосходно знает, что дело обстоит именно так. И если мы тем не менее особенно настаиваем на том, чтобы читатель вполне уяснил себе этот общеизвестный факт, если мы для наглядности, так сказать, приводим данные о «Рабочем Деле» первой формации и о споре между «стариками» и «молодыми» в начале 1897 г., — то это потому, что на незнании широкой публикой (или совсем юной молодежью) этого факта спекулируют люди, хвастающиеся своим «демократизмом». Мы вернемся еще к этому ниже.

Во-вторых, уже на первом литературном проявлении экономизма мы можем наблюдать то, в высшей степени своеобразное и крайне характерное для понимания всех разногласий в среде современных социал-демократов явление, что сторонники «чисто-рабочего движения», поклонники самой тес-

ной и самой «органической» (выражение «Раб. Дела») связи с пролетарской борьбой, противники всякой не-рабочей интеллигенции (хотя бы это была и социалистическая интеллигенция) вынуждены прибегать для защиты своей позиции к доводам *буржуазных* «только—трэд-юнионистов». Это показывает нам, что «Раб. Мысль» с самого своего начала принялась—бессознательно для самой себя —осуществлять программу «Credo» [1]). Это показывает (чего никак не может понять «Раб. Дело»),—что *всякое* преклонение пред стихийностью рабочего движения, всякое умаление роли «сознательного элемента», роли социал-демократии, *означает тем самым,—совершенно независимо от того, желает ли этого умаляющий или нет,—усиление влияния буржуазной идеологии на рабочих... ...Всякое* умаление социалистической идеологии, *всякое отстранение* от нее означает тем самым усиление идеологии буржуазной. Толкуют о стихийности. Но *стихийное* развитие рабочего движения идет именно к подчинению его буржуазной идеологии, *идет именно по программе* «Credo», ибо стихийное рабочее движение есть трэд-юнионизм, только профессиональная борьба, а трэд-юнионизм означает как раз идейное порабощение рабочих буржуазией. Поэтому наша задача, задача социал-демократии состоит в *борьбе с стихийностью,* состоит в том, чтобы *совлечь* рабочее движение с этого стихийного стремления трэд-юнионизма под крылышко буржуазии и привлечь его под крылышко революционной социал-демократии...

Вспомните пример Германии. В чем состояла историческая заслуга Лассаля пред немецким рабочим движением. В том, что он *совлек* это движение с того пути прогрессистского трэд-юнионизма и кооперативизма, на который оно стихийно направлялось (*при благосклонном участии Шульце-Деличей и им подобных).* Для исполнения этой задачи нужно было нечто, совсем не похожее на разговоры о преуменьшении стихийного элемента, о тактике-процессе, о взаимодействии элементов и среды и т. п. Для этого нужна была *отчаянная борьба с стихийностью,* и только в результате такой, долгие-долгие годы ведшейся борьбы достигнуто было, например, то, что рабочее население Берлина из опоры прогрессистской партии сделалось одной из лучших крепостей социал-демократии...

В-третьих первый номер «Раб. Мысли» показывает нам, что название «экономизм» (от которого мы не думаем, разумеется, отказываться, ибо так или иначе, а эта кличка уже установилась) недостаточно точно передает сущность нового направления. «Раб. Мысль» не отрицает совершенно политической борьбы: в том уставе кассы, который напечатан в № 1 «Раб. Мысли», говорится о борьбе с правительством. «Рабочая Мысль» полагает лишь, что «политика всегда послушно следует за экономикой» (а «Рабочее Дело» варьирует этот тезис, уверяя в своей программе, что «в России более, чем во всякой другой стране, экономическая борьба *неразрывна* с политической»). Эти положения «Рабочей Мысли» и «Рабочего Дела» совершенно

[1]) Credo означает символ веры, представляло собою, программу экономистов, написанную Е. Д. Кусковой.

не верны, *если понимать под политикой социал-демократическую политику.* Очень часто экономическая борьба рабочих бывает связана (хотя и не неразрывно) с политикой буржуазной, клерикальной и проч., как мы уже видели. Положения «Раб. Дела» верны, если понимать под политикой политику трэд-юнионистскую, т. е. общее стремление всех рабочих добиваться себе от государства тех или иных мероприятий, направленных против бедствий, свойственных их положению, но еще не устраняющих этого положения, т. е. не уничтожающих подчинения труда капиталу. Это стремление действительно обще и английским трэд-юнионистам, враждебно относящимся к социализму, и католическим рабочим, и «зубатовским» рабочим, и проч. Есть политика и политика. Таким образом, мы видим, что и по отношению к политической борьбе «Раб. Мысль» проявляет не столько отрицание ее, сколько *преклонение пред ее стихийностью,* пред ее бессознательностью. Вполне признавая стихийно вырастающую из самого рабочего движения политическую борьбу (вернее: политические пожелания и требования рабочих), она совершенно отказывается от *самостоятельной выработки* специфической *социал-демократической политики,* отвечающей общим задачам социализма и современным русским условиям...

4. Первые споры о профессиональных и политических организациях.

(Н. Ленин, „Что делать", стр. 118—125).

Приводимый ниже отрывок характеризует основные разногласия, существовавшие в то время между так наз. „экономистами" и революционными социал-демократами в вопросе о профессиональных и политических организациях пролетариата. „Экононисты" переоценили значение экономической борьбы, тем самим недооценивали роль политической борьбы, что выражалось организационно в смешении экономической и политической организации пролетариата и на деле принижало классовую борьбу. В противоположность им революционные социал-демократы, борясь против принижения борьбы пролетариата до уровня трэд-юнионизма, придавали громадное значение организации революционеров (соц.-дем.), способной руководить *всей* революционной борьбой пролетариата; в то же время революционные с.-д. считали необходимым самостоятельное существование широких профессиональных организаций.

Если понятие политической борьбы для социал-демократа покрывается понятием «экономической борьбы с хозяевами и правительством», то естественно ожидать, что понятие «организация революционеров» будет для него более или менее покрываться понятием: «организация рабочих» [1]. И это, действительно, случается, так что, разговаривая об организации, мы оказываемся буквально говорящими на разных языках. Как сейчас помню, например, разговор с одним довольно последовательным экономистом, которого мне не доводилось знать раньше. Речь зашла о брошюре: «Кто совершит политическую революцию». И мы быстро сошлись на том, что ее основной недостаток — игнорирование вопроса об организации. Мы воображали уже,

[1]) Под организацией революционеров Н. Ленин подразумевает соц-демократию, а под организацией рабочих—проф. организацию.

что мы солидарны друг с другом — но... разговор идет дальше, и оказывается, что мы говорим про разное. Мой собеседник обвиняет автора за игнорирование стачечных касс, обществ взаимопомощи и т. п., я же имел в виду организацию революционеров, необходимую для «совершения» политической революции. И, как только обнаружилось это разногласие, — я не запомню уже, чтобы мне приходилось вообще по какому бы то ни было принципиальному вопросу соглашаться с этим экономистом.

В чем же состоял источник наших разногласий. Да именно в том, что экономисты постоянно сбиваются с социал-демократизма на трэд-юнионизм и в организационных, как и в политических задачах. Политическая борьба социал-демократии гораздо шире и сложнее, чем экономическая борьба рабочих с хозяевами и правительством. Точно также (и вследствие этого) организация революционной и социал-демократической партии неизбежно должна быть *иного рода,* чем организация рабочих для такой борьбы. Организация рабочих должна быть, во-первых, профессиональной; во-вторых, она должна быть возможно более широкой; в-третьих, она должна быть возможно менее конспиративной (я говорю разумеется, здесь и ниже, имея в виду только самодержавную Россию). Наоборот, организация революционеров должна обнимать, прежде всего и главным образом, людей, которых профессия состоит из революционной деятельности (потому я и говорю об организации *революционеров,* имея в виду революционеров — социал-демократов)...

Организации рабочих для экономической борьбы должны быть профессиональными организациями. Всякий социал-демократ—рабочий должен, по мере возможности, оказывать содействие и активно работать в этих организациях. Это так. Но вовсе не в наших интересах требовать, чтобы членами «цеховых» союзов могли быть только социал-демократы: это сузило бы размеры нашего влияния на массу. Пусть в цеховом союзе участвует всякий рабочий, понимающий необходимость об'единения для борьбы с хозяевами и правительством. Самая цель цеховых союзов была бы недостижима, если бы они не об'единяли всех, кому доступна хотя бы только одна эта элементарная ступень понимания, если бы эти цеховые союзы не были бы очень *широкими* организациями. И чем шире эти организации, тем шире будет и наше влияние на них, влияние, оказываемое не только «стихийным» развитием экономической борьбы, но и прямым сознательным воздействием на товарищей социалистических членов союза. Но при широком составе организации невозможна строгая конспирация (требующая гораздо большей подготовки, чем необходимо для участия в экономической борьбе). Как примирить это противоречие между необходимостью широкого состава и строгой конспирации? Как достигнуть того, чтобы цеховые организации были возможно менее конспиративны? Для этого может быть, вообще говоря, только два пути: либо легализация цеховых союзов (в некоторых странах предшествовавшая легализации социалистических и политических союзов), либо сохранение организации тайной, но настолько «свободной», мало оформленной, как говорят немцы, чтобы конспирация для массы членов сводилась почти к нулю...

Посредством легализации *решать* вопрос о создании возможно менее конспиративной и возможно более широкой профессиональной организации мы не можем (но были бы очень рады, если бы Зубатовы и Озеровы открыли нам хотя частичную возможность такого решения,—для чего нам следует как можно энергичнее воевать с ними). Остается путь тайных профессиональных организаций, и мы *должны* оказать всякое содействие рабочим, которые уже вступают (как нам доподлинно известно) на этот путь. Профессиональные организации не только могут принести громадную пользу в деле развития и упрочения экономической борьбы, но и стать весьма важным пособником политической агитации и революционной организации. Для того, чтобы достигнуть этого результата, для того, чтобы направить начинающееся профессиональное движение в желательное для социал-демократии русло,— необходимо прежде всего ясно представить себе нелепость того плана организации, с которым вот уже почти пять лет носятся петербургские экономисты. План этот изложен и в «Уставе рабочей кассы» июля 1897 года («Лист. Раб.», № 9—10, стр. 46,—из № 1 «Раб. Мысли») и в «Уставе союзной рабочей организации» октября 1900 года (особый листок, напечатанный в С.-Петербурге и упомянутый в № 1 «Искры»). Основной недостаток обоих уставов — детальное оформление широкой рабочей организации и *смешение с этой последней организации революционеров...*

Социал-демократия «исполнительные группы» по отношению к экономической борьбе рабочих! Трудно было бы рельефнее демонстрировать, как сбивается мысль экономиста с социал-демократизма на трэд-юнионизм, как чуждо ему всякое представление о том, что социал-демократ должен прежде всего думать об *организации революционеров, способных руководить всей освободительной борьбой пролетариата...*

5. Споры с экономистами об организационных формах нелегальных касс.

(В. Астров.—„Экономисты“, предтечи меньшевиков, стр. 65—66 1923 г.).

Имеющиеся в литературе материалы позволяют нам проследить первые разногласия между «стариками» и «молодыми» в Петербургском «Союзе Борьбы» и в Московском «Рабочем Союзе». И там и здесь эти разногласия начинаются с области *организационной* и связаны с вопросом о характере и роли *рабочих касс.*

В Москве на собрании представителей фабрик и заводов в марте 1896 г. в вопросе о кассах, как мы упоминали выше, сталкиваются два направления. С.-д. руководители и большинство рабочих стоят за устройство центральной кассы с ее разветвлениями на местах. Представители лучше оплачиваемой группы заводских рабочих стоят за организацию местных касс, желают первоначально укрепить их, а затем уже думать о соединении их в одну общую центральную кассу. «Защитники местных касс стали на точку зрения трэд-юнионов,—говорит Лядов,—для них касса была не организационным и аги-

тационным средством классовой борьбы, она являлась *целью сама по себе*». Модельщики Гоппера даже мотивируют тем, что «общая касса поддерживает ту забастовку только, которую поддерживает Центральный к-т». Лядов не говорит, поддерживал ли кто-нибудь из интеллигентов это течение. В Питере подобный спор в несколько измененном виде возник еще раньше, в ноябре 95 г., на таком же собрании представителей фабрик и заводов. Одна сторона настаивала на организации «*чисто рабочей*» кассы, другая «проводила идею, чтоб все деньги шли к ним, в *с.-д. кассу*».

Ленин приводит сообщение Ванеева о сходных спорах в петербургском «Союзе Борьбы» в начале 97 года. Течение «молодых» защищало устав *самостоятельной* рабочей кассы, «старики» говорили, что нам нужно прежде всего не это, а упрочение «Союза Борьбы» в организацию революционеров, которой должны быть *соподчинены* различные рабочие кассы, кружки для пропаганды среди учащейся молодежи.

* * *

Ниже приводим отрывки об обществах и кассах взаимопомощи и о полицейском «социализме». Легальные организации взаимопомощи частично создавались рабочими, частично насаждались «сверху» царским правительством и предпринимателями для отвлечения внимания рабочих от революционной деятельности. Все эти организации в лучшем случае были центрами «мирной» взаимопомощи и культурнической работы, за небольшими исключениями, и стояли в стороне от революционного рабочего движения, сыграв в нем скорее отрицательную роль. Однако, их место и роль должны быть оценены. Что касается полицейского «социализма» (зубатовщина, гапоновщина), то он не только развращал рабочее движение, но под видом экономических организаций рабочих провоцировал последних. Однако, движение, созданное царскими агентами, помимо их воли, принимало в условиях царизма широкий массовый характер и успешно использовалось революционным рабочим движением. С этой стороны полицейский «социализм» должен быть также отмечен в истории профессионального движения.

VI. Легальные общества и кассы взаимопомощи.

1. Общества и кассы взаимопомощи.

(Э. Гершензон, „Пролетарские кассы взаимопомощи“, стр. 32—36, изд. 1924 г.).

Полное политическое бесправие рабочего класса и его организаций, тяжелые преследования и репрессии царского правительства привели к тому, что развитие профессионального движения, несмотря на нараставшее классовое самосознание российского пролетариата, сильно затормозилось. Массовые легальные профессиональные союзы рабочих не могли возникнуть вплоть до 9 января 1905 г. Единственной формой легальных рабочих организаций были общества и кассы взаимопомощи, больничные, похоронные, пенсионные кассы и т. п... Такие общества и кассы организуются в значительном количестве в течение всего XIX стол.; наибольшее распространение они получают в Царстве Польском, в Прибалтийском и Северо-Западном крае, где они возникают в тесной связи с цеховым строем и где каждый цех имел свою кассу взаимопомощи и похоронную кассу. К концу XIX века насчитывается в Прибалтийском крае до 100 касс и обществ взаимопомощи и свыше 100 всесословных похоронных касс. Возникают кассы среди типографов Петербурга (1883 г.), Москвы, Одессы, Киева и т. д.; также среди горнорабочих, где они насаждаются правительством и капиталистами на частных заводах; в Польше такие кассы взаимопомощи среди горнорабочих возникают очень рано (в Кельцах «братская касса» горнорабочих организуется в 1821 г.), на Урале — с 1862 года, причем существуют на 2 или 3-х процентные вычеты из заработка рабочих, таких же взносов предпринимателей и из штрафов с рабочих.

Сильно распространены были в России общества взаимопомощи приказчиков, которых в 1894 г. насчитывалось 74 в России (без Польши, Прибалтийского края и Финляндии). На втором Всероссийском С'езде обществ взаимопомощи приказчиков в Москве (1898 г.) было представлено около 20.000 членов этих обществ.

Что касается фабрично-заводских рабочих, то среди них организуются больше всего кассы взаимопомощи, причем они возникают в Польше и в Северо-Западном крае значительно раньше, чем в остальной России. Всего таких касс и обществ взаимопомощи, созданных в большинстве случаев правительственными органами, было в 1896 году—195.

Помимо вышеупомянутых касс и обществ взаимопомощи, среди рабочих и служащих были распространены различные их разновидности (вспомогательные кассы, сберегательные, сберегательно-вспомогательные и т. д.).

Основной и главной задачей огромного большинства различных рабочих касс и обществ была *взаимопомощь* — выдача пособий на похороны, вдовам, сиротам, инвалидам, ссуды, пособия нуждающимся, врачебное лечение, пособия больным и т. п.; при этом пособия часто носили характер вполне *благотворительный,* а не настоящей товарищеской поддержки. Большинство касс и обществ принимало пожертвования от предпринимателей, которые фигурировали у них в качестве почетных членов (у приказчиков—13% членов-благотворителей).

Кассы и общества взаимопомощи рабочих или служащих в течение XIX столетия являлись лишь учреждениями взаимопомощи, а не классовыми пролетарскими организациями, им были чужды за небольшими исключениями элементы борьбы за улучшение общих условий существования. Царское правительство, само насаждая кассы, с громадным подозрением относилось к малейшему проявлению самодеятельности в рабочей массе, тщательно устраняло из уставов все, что могло иметь хоть отдаленную связь не только со стремлением рабочих к борьбе с царизмом, но и к простому улучшению своего положения. Царизм делал все, чтобы вытравить дух борьбы из рабочих организаций и направить их на мирный путь исключительно взаимопомощи.

Очень характерны были уставы фабрично-заводских *правительственных* касс взаимопомощи: с прекращением договора найма рабочего прекращалось его участие в кассе. Чем больше материальной пользы касса приносила малосознательному рабочему, тем больше он ею мог дорожить, тем он был более податлив в отношениях к администрации. Это было не плохим средством для предупреждения стачки, ибо в случае ее возникновения все средства кассы поступали в собственность предпринимателя, что, естественно, должно было запугивать отсталую часть рабочих...

Понятно, бывали и исключения. Так, Харьковское общество взаимопомощи механических рабочих под видом обыкновенных пособий поддержало (1900 г.) рабочих, пострадавших за первомайскую демонстрацию. Но в общем и целом легальные общества и кассы взаимопомощи имели известное значение лишь вначале как собиратели рабочих, будившие в них впервые чувства солидарности цеховой, групповой—и только. Впоследствии же, когда медленно, шаг за шагом, начало расти революционное рабочее движение, тогда организации взаимопомощи выполняют уже определенно отрицательную роль, ибо деятельность большинства этих организаций приводила к примирению классовых противоречий и к затушеванию классовой борьбы...

2. Роль обществ и касс взаимопомощи в истории профдвижения.

(С. Айнзафт—см. „Материалы по истории профессионального движения в России", № 2, стр. 75—101, изд. 1924 г.).

Среди организаций, до сих пор обычно подводившихся под одну общую скобку обществ и касс взаимопомощи, мы имеем совершенно разнородные организации. И если среди них мы находим такие организации, как, например, кассы взаимопомощи приказчиков и печатников, относительно которых теоретически можно допустить, что они сыграли роль предшественников профессиональных союзов, то рядом с этим включаются и такие организации, относительно которых не может быть сомнения в том, что они никоим образом не могли играть такой роли. ...Кроме ссудо-сберегательных товариществ и касс, из списка организаций, которые могли сыграть роль предтеч профессионального движения, нужно исключить также железнодорожные пенсионные и вспомогательные кассы, а также вспомогательные кассы горнорабочих. Эти кассы построены на принципе принудительного участия. При том условии, что руководство ими находилось в руках администрации, эти организации для участников были только излишней обузой, но отнюдь не местом товарищеского общения со своими товарищами по профессии...

К этим двум видам касс железнодорожных и горнозаводских нужно присоединить и вспомогательные кассы при отдельных фабриках и заводах. Из фактических данных, приведенных там же, видно, что управление этими кассами почти везде находилось в руках администрации предприятия, вычеты, доходившие до 3% с заработка, были обязательны и удерживались заводоуправлением независимо от согласия рабочих.

Конечно, ни о какой самодеятельности рабочих здесь речи быть не может. Об'ективный смысл этих касс состоял в том, что они как бы привязывали рабочих к предприятию.

Повидимому, эти кассы организовывались фабрикантами чаще всего в тех случаях, когда они не были достаточно обеспечены постоянной рабочей силой. Так, эти кассы больше всего были распространены в Польше, отчасти в Литве и Прибалтийском крае, где было много иностранных рабочих и где создание этих касс, повидимому, служило средством удерживать рабочих от возвращения на родину. Образование таких касс при фабриках и заводах в центральной России могло иметь своей целью способствовать удержанию рабочих от периодических возвращений к крестьянскому хозяйству. Аналогичную же роль сыграли и горно-заводские товарищества в деле обеспечения рабочей силой горно-заводских предприятий.

...Компактную массу обществ взаимопомощи мы имеем только среди приказчиков и печатников; в остальных профессиях количество их незначительно. Выяснение поставленного нами вопроса мы начнем с обществ взаимопомощи приказчиков, как потому, что они составляют собою значи-

тельное число общего количества обществ взаимопомощи вообще, так и потому, что среди приказчиков это движение вообще получило наибольшее развитие...

Физиономия приказчичьих обществ взаимопомощи получила особенно яркое выражение на двух Всероссийских с'ездах этих организаций, состоявшихся во второй половине 90-х годов — первый в 1896 г., а второй в 1898 г. На первом из этих С'ездов, кроме обществ взаимопомощи, были приглашены также представители Нижегородского ярмарочного комитета, а также допущены к участию владельцы торгово-промышленных предприятий.

Не лучше первого был второй С'езд. Уже состав с'езда указывает на далеко не пролетарский его характер...

Физиономия С'езда не лучше его состава. Он открывается молебствием и трехкратным исполнением «боже царя храни», «по единодушному требованию присутствующих». Председатель общества купеческих приказчиков в Москве в своей речи при открытии С'езда выразил благодарность от имени Московского общества «нашим уважаемым принципалам за внимание и доверие к нему и за их всегдашнюю готовность помочь в его нуждах», после чего С'езд отправил благодарственные телеграммы министру внутренних дел, московскому генерал-губернатору и сенатору Баранову, содействовавшему разрешению первого С'езда.

Обер-полицмейстер вычеркнул из программы С'езда вопросы: о праздничном отдыхе, о сокращении рабочего дня и об урегулировании отношений между приказчиками и хозяевами. Докладчик по вопросу о расчетных книжках, сравнительно лево настроенный делегат — С. В. Курнин — пытался в своем докладе затронуть и эти вопросы, причем в резолюции, предложенной им С'езду, предлагалось ходатайствовать перед правительством об обязательном введении во всех торговых предприятиях расчетных книжек с точным обозначением условий труда. Кроме того, в его предложении выдвигаются требования: 1) чтобы владелец установил у себя такие условия труда, которые не причиняли бы излишнего вреда здоровью торговых служащих, 2) чтобы в хозяйских спальнях каждому служащему давалась отдельная кровать и не менее одной куб. сажени воздуха, 3) чтобы служащие имели не менее 8-ми часов для сна и 1 часа на обед, а в праздничные дни—время для отправления религиозных обязанностей, 4) чтобы служащий, прослуживший у хозяина не менее года, имел право во время болезни до месяца получать жалованье, 5) чтобы, при ликвидации предприятия, владелец был обязан выдать своим служащим вознаграждение за месяц или два.

Все эти скромные предложения вызвали целую бурю протеста со стороны части С'езда. Один из делегатов Казачков высказался, например, следующим образом: «Выслушав доклад Курнина, приходится притти к заключению, что хозяева — какие-то вампиры; от них служащему непременно нужно взять до мельчайших подробностей обязательства, а между тем, докладчик ни слова не говорит о том, что дадут служащие хозяину. Так обсуждать нельзя»...

Секция, в которой предварительно рассматривалось предложение Курнина, предложила оставить только пункт о расчетных книжках, заменив остальные пункты туманной формулой: «ходатайствовать перед правительством об улучшении быта приказчиков».

Характерны также следующие слова председателя, которыми он пытался успокоить С'езд, *когда страсти* вокруг этого вопроса *разгорелись:* «Старинный купец смотрит свысока на своих служащих, но современный купец смотрит иначе... Старые времена прошли, все изменяется к лучшему, многие хозяева и служащие стали другими. Нет никакого сомнения, что со временем улучшатся обоюдные отношения хозяев и служащих настолько, что они будут друзьями. Но пока то, о чем я говорю, осуществится, требуется создать некоторые формы».

Но эти елейные речи не помогли, и когда дело дошло до голосования предложения Курнина, 8 делегатов, не желая нести ответственность за решения по этому вопросу, покинули заседание. Предложения Курнина были приняты С'ездом. Но крупные общества не решились взять на себя инициативу возбуждения такого ходатайства перед правительством, и только Тульское общество решилось на это.

Мы видим, как оба эти С'езда были далеки от того, чтобы быть истоками профессионального движения. На их примере приказчичья масса могла учиться только быть почтительной к хозяевам и начальству, но никоим образом не могла взять у них урока по части классовой борьбы. А они ведь происходили не тогда, когда еще не было массового рабочего движения, а в то время, когда массовая экономическая борьба приняла особенно широкие размеры и во многих местах стали складываться организации, руководящие этой борьбой.

Что касается общей физиономии касс печатников, то в сводном докладе, приложенном к протоколам конференции печатников, об этом говорится: «Состав касс далеко не пролетарский: в большинстве из них участвуют управляющие, а в некоторых и хозяева. Разумеется, это так или иначе отражается на их политике». Дальше приводятся данные только об одном обществе печатников, превратившемся в боевой классовый союз, и о 3-х обществах, решивших ликвидироваться, передав свои капиталы местным союзам печатников...

Когда говорят о роли касс взаимопомощи в рабочем движении, то многие выдвигают такую мысль, что если «старые» общества взаимопомощи, созданные еще до 90-х годов, действительно не сыграли никакой роли в рабочем движении России, то «новые» общества, созданные в 90-х годах и позднее, уже сыграли некоторую роль в рабочем движении.

Но если мы присмотримся к делу поближе, то окажется, что это не так. Со слов Л. Мартова следует, что так называемые «общественники» как раз не были сторонниками создания организаций для обслуживания стачечного движения; по словам Мартова, они «держались в стороне от стачечного движения», были недовольны «односторонним развитием экономической агитации вширь» и находили темп, принятый классовой борьбой в России,

«слишком ускоренным». Словом — это были элементы, которые не только «стояли в стороне от рабочего движения», но они стояли в стороне от стачечного движения.

Поэтому нельзя считать, что на деятельности этих «новых» обществ отразилось стачечное движение, что они явились результатом взрыхления почвы стачечным движением. Их как раз оттолкнуло от себя стачечное движение, и они пошли в легальные мирные общества заниматься «чистым культурничеством» в противовес массовому стачечному движению...

Библиотеки, курсы и школы в тот момент не могли быть предназначены для широкой массы рядовых рабочих, которая имела такие тяжелые условия труда, что ей никакие курсы, библиотеки и школы в голову лезть не могли. Прежде чем заниматься повышением своего культурного уровня, широкой массе рабочих необходимо было отвоевать более сносные условия жизни, чтобы они имели физическую возможность заниматься удовлетворением своих культурных потребностей и чтобы эти потребности у них могли появиться.

В этой обстановке все эти библиотеки, читальни, школы, курсы и клубы об'ективно могли иметь одно значение—они были предназначены к тому, чтобы удовлетворить культурные потребности наиболее обеспеченной верхушки рабочего класса, создать для нее «уютную», «культурную» обстановку и тем самым способствовать отрыву ее от широкой рабочей массы, от ее невзгод и борьбы. Ясно, что это также не могло способствовать тому, чтобы общества пропитывались духом классовой борьбы.

...Общества взаимопомощи не были предшественниками российских профессиональных союзов, если термин (предшественники) не толковать в том смысле, что общества взаимопомощи хронологически предшествовали профессиональным союзам.

Та классовая выдержанность, тот боевой дух, которым с самого начала насквозь проникнуты наши профессиональные союзы, также являются подтверждением того, что среди истоков, которые влились в широкое русло российского профессионального движения, не было обществ взаимопомощи. Иначе они внесли бы в наше профессиональное движение мутную струю рабочего аристократизма, умеренности и оппортунизма.

VII. Полицейский „социализм“.

1. „Экономизм“ и полицейский социализм.

(М. Рафес—Очерки по истории „Бунда“, стр. 64—65, изд. 1923 г.).

Процитируем еще один документ, приводимый нами ниже в приложении и относящийся к Минскому движению 1900 года. Это программа рабочих кружков, выработанная пропагандистским центром «Бунда» в Минске и санкционированная Комитетом «Бунда».

Нам могут возразить, что на этом документе имеется специфическая печать, ибо он, действительно, выработан группой, большая часть которой впоследствии стала в Минске во главе зубатовской рабочей организации, но, повторяем, эта программа была санкционирована Минским комитетом, который позже вел борьбу с идеей зубатовщины. Да к тому же в этой программе нет ничего специфического. Это одна из многих программ конца 90-х годов и начала нового столетия. И если уже искать связи между этой программой и идеологией будущих «зубатовцев»—а такая связь несомненно есть,—то она скорее обратного свойства. Связь эта была в свое время блестяще вскрыта в статье «Искры» (№ 9) под заголовком «Политический разврат или экономическое тупоумие», посвященной программе минских «независимцев».

Квинт-эссенция всей Минской с.-д. программы-пропаганды, о которой мы говорим, заключается во втором ее разделе:

а) Препятствия экономической борьбы.

б) Правительство.

в) Требование устранения препятствий борьбы: 1) свобода сходок и т. д.

Авторы программы предупредительно раз’ясняют (по известной «теории стадий»): «Лишь после некоторой подготовки и ознакомления рабочего с первым отделом программы — экономическим, рабочий приходит к сознанию необходимости политической борьбы». Но и эта вторая стадия говорит о политике в ограниченном ее значении. Она говорит об устранении препятствий экономической борьбы, т. е. о «трэд-юнионистском» содержании политики.

Необходимо устранить самодержавие как препятствие экономической борьбы. «Ну, а если само самодержавие эти препятствия устраняет—тогда что». Это невероятно, но вот явился Зубатов, ему часть деятелей еврейского рабочего движения поверила, искренне поверила, и идеологическая канва для «независимой» партии была создана. Вот такова именно связь между экономизмом и его полицейским извращением—«зубатовщиной».

2. Причины Зубатовщины.

(К. Шелавин—„Рабочий класс и его Партия", ч. II, стр. 67—68, изд. 1924 г.).

Зубатовщина с необычайной силой выявила, будучи как бы кривым зеркалом, в котором отразился экономизм, *что значит — несознательность* рабочего класса, что значит — держать рабочий класс вдалеке от политики и призывать его только к борьбе экономической. Эта история «полицейского социализма» несомненно поучительна.

Как смотрел на дело Зубатов, видно по секретному докладу Трепова московскому генерал-губернатору от 8 апреля 1898 г.

Доклад писан Зубатовым, бывшим революционером, потом провокатором и, наконец, начальником московского охранного отделения.

Зубатов прежде всего наметил, как надлежит правительству бороться с социал-демократической агитацией.

«Чтобы обезоружить агитатора, — заявляет Зубатов, — надо открыть и указать рабочему *законный* исход из затруднительных случаев, имея в виду, что за агитатором пойдет лишь наиболее юная и энергичная часть толпы, а средний рабочий предпочтет всегда не столь блестящий, но более покойный, *законный* исход. Расколотая таким образом толпа потеряет свою силу».

Правительство, стало быть, должно противопоставить *свою* организацию рабочих—организации революционеров, *свою* агитацию—агитации революционеров. «Чем занят революционер, тем должна быть занята и полиция».

Однако, в 1898 г. правительство еще не решалось утвердить «полицейский социализм». Но вмешательство «чинов полиции», т. е. министерства внутренних дел, в фабричные дела практиковалось довольно усиленным образом, все время вызывая протесты министерства финансов.

Интересы капиталистической промышленности с начала 90-х годов тесно сплелись с политикой министерства финансов. Цель последнего заключалась в следующем: спаять торгово-промышленную буржуазию с самодержавием, не давая буржуазии никаких политических прав, *но ограждая все ее интересы*.

На этом пути министерство финансов как раз и приходило к откровенно враждебному отношению к рабочему классу.

В смысле защиты интересов капиталистов, министерство финансов даже забегало далеко вперед желаний самих русских капиталистов.

Интересы земельного дворянства, как известно, начиная с 90-х годов, приносились в жертву финансовой и экономической политике. Отсюда «оппозиционное» настроение дворянства и его враждебность «капитализму».

В своем месте мы упомянули о зарождении *зубатовщины*. В девятисотых годах развитие ее получило глубокое обоснование...

Кризис девятисотых годов выбил почву из под ног той политики, которая строилась на союзе промышленной буржуазии и правительства.

Промышленность нынче сама нуждалась в правительственной поддержке вместо того, чтобы стать источником могущества самодержавного государства.

Промышленная буржуазия сама попадает в разряд «недовольных» правительством. Появляется название—«либеральная буржуазия». Она сливается со всем общественным движением против самодержавия, так называемым оппозиционным движением.

Тогда-то *расширяется* цель *зубатовщины*: дворянско-бюрократические реакционные круги ставят целью ее не *только отвлечь пролетариат от социал-демократии, но и столкнуть его со всем общественным оппозиционным движением.*

3. Зубатовщина.

(Прокламация Киевского комитета Р. С.-Д. Р. П. — „*Конец Зубатовщины*", см. „Красная Летопись" № 2—3, 1922 г.).

Зубатов пал... Тот самый Зубатов, который являлся руководителем всей тайной полиции и вдохновителем внутренней политики правительства, этот Зубатов сам сделался жертвой административного произвола: был, как передают, обыскан и выслан из Петербурга в какое-то захолустье. Злые языки прибавляют, что в последнее время у него обнаружилась та слабость к казенным деньгам, которая вообще часто встречается среди доблестных защитников престола. Как бы там ни было, во всяком случае не эта слабость была причиной падения. Правительство наше снисходительно... к ворам. Опала Зубатова — явление гораздо более крупное и знаменательное. Но чтобы понять его значение, нужно обратиться к биографии Зубатова и истории зубатовщины.

О Зубатове впервые начали говорить в Москве, когда он, исключенный из гимназии за либеральный образ мыслей, поступил вольнослушателем в университет, где имел обширный круг знакомых среди революционно настроенной части студенчества. Зубатов принимал деятельное участие в кружках самообразования, кассах взаимопомощи, вел противоправительственную пропаганду, распространял нелегальную литературу, пока не увидел, что его знания революционной среды и обширные знакомства среди революционной молодежи вполне достаточны для того, чтобы блестящим образом начать карьеру провокатора. Он предал всех, кого знал, и затем уже совершенно открыто вступил в число «деятелей» Охранного Отделе-

ния. Его способности, энергия и отсутствие всякой совести способствовали его быстрому возвышению. Однако говорят, что пост начальника Охранного Отделения ему достался только после того, как он, подстрекнув своего начальника Бердяева начать какое-то нелепое дело, сам же и донес на него в департамент полиции, после чего за ним окончательно установилась его провокаторская репутация и он был поставлен благодарным правительством во главе московского Охранного Отделения. На этом позорном посту он продолжал свою карьеру, особенно деятельно распространяя провокацию. Его влекло именно к такого рода предательству: казалось, провокация была его врожденною склонностью.

В 1898 году были крупные аресты в Северо-Западном крае среди еврейских рабочих. Этими арестами руководил Зубатов, и ему же было поручено вести дознание по делу Бунда. С этого времени Зубатов становится лучезарной звездой самодержавия. Знакомясь с деятельностью социал-демократов, он легко мог заметить, что они встречают массовое сочувствие рабочих именно потому, что их партия тесно связана с жизненными интересами рабочего класса; но он видел, конечно, и то, что широкая масса рабочих обращает внимание лишь на свои непосредственные интересы, не сознавая политических задач рабочего класса вообще. И в голове Зубатова родилась мысль, которую его провокаторский талант развил в целую систему. Им был составлен доклад, ставший евангелием тайной полиции. Основные мысли доклада заключаются в следующем. Правительство должно пойти навстречу экономическим требованиям рабочих: возвышению заработной платы, сокращению рабочего дня, улучшению гигиенических условий труда. Конечно, Зубатов не предлагал правительству серьезных реформ, скорей он предлагал ему сделать только вид, будто оно стоит за новые реформы. На стачечную борьбу рабочих, по мнению его, можно иногда смотреть сквозь пальцы. Можно разрешить рабочим и общества взаимопомощи: такие общества могут даже оказать правительству очень ценную услугу, если туда ввести достаточное количество шпионов и предателей. Таким образом рабочие будут обмануты правительством; они будут видеть в нем своего защитника, социал-демократы потеряют их сочувствие. Нужно вспомнить, что в то время, когда Зубатов писал свой доклад, в нашей партии еще господствовало то глубоко ошибочное направление, которое получило название «экономизма»; это направление отрицало готовность рабочих вести политическую борьбу. Думали, что рабочие в настоящее время могут бороться только с отдельными капиталистами, но еще не созрели настолько, чтобы понять необходимость борьбы с самодержавием. Соответственно этому воззрению политическая деятельность нашей партии в то время была чрезвычайно слаба. Только в небольших кружках социал-демократы открывали слушателям все свои цели, а перед широкими массами они выступали лишь с требованиями повышения заработной платы, отмены сверхурочных работ, устранения каких-либо злоупотреблений и т. п. И Зубатов мог естественно думать, что раз правительство будет смотреть сквозь пальцы на борьбу за такие мелкие требования или даже притворно станет на сто-

рону рабочих,—оно этим убьет социал-демократию. Доклад был одобрен правительством, и Зубатов получил разрешение осуществить на деле свои предположения. И вот мы видим, как его агенты основывают в Москве партию «независимых», как «независимые» переезжают в Одессу и там расставляют свои провокаторские сети. А сам Зубатов в 1901 году в Москве организует знаменитое общество рабочих механического производства. Несколько шпионов едут затем в Петербург с тою же целью. Первоначальные предположения разрастаются в грандиозный план всеобщего предательства. Зубатов мечтает охватить своим обществом весь рабочий класс и все стороны жизни рабочих. В этом обществе будут свои профессора, свои юристы, свои попы... Фабричная инспекция должна быть отдана также в его распоряжение. Зубатов получает высшее назначение при департаменте полиции и становится руководителем всей внутренней политикой правительства.

В его планах черпают вдохновение для своих «временных правил» один за другим все министры народного просвещения. От его влияния не ускользает даже полный ненависти к нему Витте. Зубатовщина проникает всюду и становится душой правительства. Казалось, Зубатову предстоят высшие почести в сей жизни и судьба Серафима Саровского после смерти. И вдруг— «где стол был яств, там гроб стоит»...

Зубатов, а с ним все правительство, не сумел оценить первых проблесков политического сознания в рабочих массах и не расчитал сил революционеров. А между тем еще накануне образования общества рабочих механического производства в той же Москве рабочие громадными массами примкнули к политической демонстрации студентов. Следующий же год дал целый ряд политических демонстраций по всем городам юга России; еще через год мы видим демонстрации на Кавказе и в Сормове. Революционные идеи все более и более проникают в рабочую массу; заблуждения экономизма позабыты; наша партия открывает жестокий поход против политического рабства и крики: «долой самодержавие»—становятся, по выражению одного жандарма, известной русской погозоркой. В такой атмосфере зубатовщина не могла хорошо развиться, и действительно мы видим, как затеи Зубатова начинают быстро терять свое значение. Под давлением агитации революционеров московские профессора должны были отказаться от позорного сотрудничества с Зубатовым. В Петербурге посланные с проповедью зубатовщины московские шпионы Слепов и К° были встречены рабочими уже враждебно. В Западном крае агитация Бунда расстроила планы жандармского ротмистра Васильева и его «независимых». Но работа зубатовцев все еще продолжалась. Окончательное крушение она потерпела только нынешним летом. В Минске в конце июля «независимые» выпустили заявление, в котором признавались, что рабочая масса встретила их как врагов, вследствие чего они должны были прекратить свою деятельность. Вслед затем и в Одессе «независимые» потерпели полное поражение во время всеобщей забастовки; тут им нельзя уже было играть двойную игру царских шпионов и друзей рабочего класса, и они показали себя настоящими шпионами. Во время этой забастовки они действовали рука об руку

с полицией, стараясь не допустить социал-демократов стать во главе движения. Это им не удалось: социал-демократы одержали верх, а они окончательно погубили себя во мнении одесских рабочих. Там зубатовцы должны были отдать революционерам две весьма важных позиции.

Зубатов проиграл игру. Его мысль остановить рабочее движение оказалась химерой. Он потерял свое значение и должен устраниться от руководства правительством. Его удаление от должности было, таким образом, последним событием в борьбе его шпионских организаций с социал-демократией из-за политического влияния на рабочие массы. Зубатовщина была, несомненно, хорошо задуманным планом войны с революционерами и грозила рабочему движению сильным ударом. Политическое чутье рабочих и деятельность революционеров предотвратили эту опасность, и царское правительство лишилось последнего средства, на которое оно могло сколько-нибудь серьезно расчитывать.

Правда, правительство и впредь не оставит рабочих своею милостью. Теперь уже прошло то время, когда для поддержания трона было достаточно одной вооруженной силы. Теперь уже и царское правительство поняло, что и ему необходимо найти хоть каплю доверия в народе и прежде всего в рабочем классе, в том самом классе рабочих, для которого оно не жалело ни пуль, ни нагаек, ни тюрем... Но что делать. Рабочий класс—единственный класс в России, который уже теперь несомненно представляет из себя крупную силу. Вот почему без него невозможна никакая политика даже в самодержавной России; вот почему правительство поставлено в роковую для него необходимость искать сторонников среди рабочих. Но с падением Зубатова и отказом от зубатовщины в распоряжении правительства для этого остается только Демчинский, Богданович да Мещерский. Они будут заместителями Зубатова у царского трона. Но если Зубатов со своими шпионскими организациями был хоть сколько-нибудь опасен для революционного движения, если с ним нужно было бороться, то эти господа заслуживают только презрения. Зато, чем больше правительство будет убеждаться в бесплодности всех попыток привлечь на свою сторону рабочих, чем чаще оно будет прибегать к жандармам, прокурорам, казакам, нагайкам и войскам, тем скорее возбудит оно против себя негодование всего народа, тем ближе конец самодержавия, потому что достаточно увидеть врага, чтобы победить.

Вот почему банкротство зубатовщины есть несомненный предвестник скорой гибели самодержавия.

Итак, да здравствует социал-демократия.

Долой самодержавие.

Киевский Комитет Российской Социал-Демократической
Рабочей Партии.

Киев, 22 октября 1902 года.

4. Легальные организации и Зубатовщина.

(Н. Ленин—„Что делать“, стр. 122—124, изд. 1924 г.).

Легализация не-социалистических и не-политических рабочих союзов в России уже началась, и не может подлежать никакому сомнению, что каждый шаг нашего быстро растущего социал-демократического рабочего движения будет умножать и поощрять попытки этой легализации,—попытки, исходящие, главным образом, от сторонников существующего строя, но отчасти и от самих рабочих и от либеральной интеллигенции. Знамя легализации уже выкинуто Васильевыми и Зубатовыми, содействие ей уже обещано и дано г.г. Озеровыми и Вормсами, среди рабочих есть уже последователи нового течения. И мы не можем отныне не считаться с этим течением. Как считаться,—об этом среди социал-демократов вряд ли могут быть два мнения. Мы обязаны неуклонно разоблачать всякое участие Зубатовых и Васильевых, жандармов и попов в этом течении и раз'яснять рабочим истинные намерения этих участников. Мы обязаны разоблачать также всякие примирительные, «гармонические» нотки, которые будут проскальзывать в речах либеральных деятелей на открытых собраниях рабочих,—все равно, берут ли они эти ноты в силу искреннего своего убеждения в желательности мирного сотрудничества классов, в силу ли желания подслужиться начальству или, наконец, просто по неловкости. Мы обязаны, наконец, предостерегать рабочих от той ловушки, которую им ставит зачастую полиция, высматривая «людей с огоньком» на этих открытых собраниях и в дозволенных обществах, пытаясь чрез посредство легальных организаций ввести провокаторов и в нелегальные.

Но делать все это — вовсе не значит забывать о том, что *в конце концов* легализация рабочего движения принесет пользу именно нам, а отнюдь не Зубатовым; напротив, как раз своей обличительной кампанией мы и отделяем плевелы от пшеницы. Плевелы мы уже указали. Пшеница, это—привлечение внимания еще более широких и самых отсталых слоев рабочих к социальным и политическим вопросам, это — освобождение нас, революционеров, *от таких функций, которые по существу легальны* (распространение легальных книг, взаимопомощь и т. п.) и развитие которых неизбежно будет давать нам все больший и больший материал для агитации. В этом смысле мы можем и должны сказать Зубатовым и Озеровым: старайтесь, господа, старайтесь! Поскольку вы ставите рабочим ловушку (в смысле ли прямого провокаторства или в смысле «честного» развращения рабочих «струвизмом») — мы уже позаботимся о вашем разоблачении. Поскольку вы делаете действительный шаг вперед, — хотя бы в форме самого «робкого зигзага», но шаг вперед, — мы скажем: сделайте одолжение! Действительным шагом вперед может быть только действительное, хотя бы миниатюрное расширение простора для рабочих. А всякое такое расширение послужит на пользу нам и ускорит появление таких

легальных обществ, в которых не провокаторы будут ловить социалистов, а социалисты будут ловить себе адептов. Одним словом, наше дело теперь бороться с плевелами. Не наше дело растить в комнатных горшках пшеницу. Вырывая плевелы, мы тем самым очищаем почву для возможного прорастания семян пшеницы. И покуда Афанасии Ивановичи с Пульхериями Ивановнами занимаются комнатным растениеводством, мы должны готовить жнецов, которые сумели бы и косить сегодняшние плевелы и жать завтрашнюю пшеницу.

Итак, посредством легализации *решать* вопрос о создании возможно менее конспиративной и возможно более широкой профессиональной организации *мы* не можем (но были бы очень рады, если бы Зубатовы и Озеровы открыли нам хотя частичную возможность такого решения,—для чего нам следует как можно энергичнее воевать с ними).

ВТОРОЙ ПЕРИОД.

(1905—1917 г.г.).

А. Развитие массового профессионального движения.

(1905—1907 г.г.).

I. Экономическое состояние России.

(А. Финн-Енотаевский—„Современное хозяйство России“, стр. 204—213, 331, 332—334, 351—353, изд. 1911 г.).

Русско-Японская война и экономический кризис.

В 1903 году наступил период так назыв. «покоя» в цикле движения нашего промышленного капитала. Торговля и промышленность начинают оправляться от пережитых крахов, но угнетенное состояние все еще *продолжается*. Улучшившееся состояние международного денежного рынка и сравнительно благоприятные у нас урожаи 1902 и 1903 г.г. начинают вселять надежду, что промышленный кризис совсем прошел и что мы вместе с Западной Европой идем по пути к новому «под'ему»... Однако вспыхнувшая в начале 1904 года война разбила совершенно все эти надежды. Разразился денежный кризис, который отразился и на все еще находившейся в летаргии торгово-промышленной жизни. Получился *рецидив* торгово-промышленного кризиса, и это в то самое время, когда в Западной Европе уже в 1903 г. явно наметился новый промышленный под'ем...

Разразившийся в начале войны денежный кризис сейчас же отразился, как мы уже отметили, на промышленности и торговле: появился снова торгово-промышленный кризис. Так, исследуя положение в Польше, г. Нейман (Вестн. Фин. № 2, 1907 г.) указывает, что в 1903 г. начало замечаться улучшение, но война изменила дело... Производство начало сильно сокращаться. В 1905 и 1906 г.г. положение еще более обострилось... «Весь 1904 г. превзошел все самые мрачные ожидания: действительно, казенные и частные постройки в столицах и по линиям железных дорог сократились, фабрики стали уменьшать производство, домашние кустарные промыслы под влиянием

угнетенного настроения рынка сократились. Заработная плата по всей линии промыслов была сбита до невозможности»... (В. Ф. № 29, 1906 г.). И в другой статье, по поводу состояния фабричной промышленности в этой же губернии мы находим: «Фабричное дело в начале 1905 года под влиянием общего угнетенного состояния промышленности *от войны* значительно сократилось даже по отношению к 1904 году» (В. Ф. № 17, 1906 год).

Наконец, у нас есть официальные данные насчет общего положения промышленности в стране в то время. В 1904 году наше министерство финансов произвело через фабричных инспекторов анкету о «производительной силе» промышленных заведений с числом рабочих более 50 человек (за исключением казенных и горных заводов, не подчиненных этому министерству). Для сравнения с 1903 г. были взяты *три летних месяца;* опрошены были в Европ. России и Закавказье 26% всех промышленных предприятий по данным 1902 года, в которых числилось 70% всего числа рабочих, занятых в обследованных отраслях. И оказалось, что «по количеству рабочего времени производительность обследованных фабричных заведений уменьшилась — как пишет г. Коковцев в своем докладе о росписи на 1905 г. — *всего* на 25%. Однако, приводимые им же самим данные о положении *отдельных* производств в 1904 г. сравнительно с *застойным* 1903 годом показывают совсем иное, чем эта *средняя* цифра. Так:

производства хлопка *сократились*—по рабочему времени	на	5,9%
" шерсти	"	15,4%
" шелка	"	25,7%
смешанные производства по обработке волокнистых веществ	"	7,1%
обработка минеральных веществ	"	6,8%
питательных и химических продуктов	"	2,0%
Возросла производительность: обработки льна	"	8,6%
писчебумажное	+	4,3%
обработка дерева	+	4,1%
металлов, машин и орудий ремесл	+	6,3%
животных продуктов	+	8,9%
и производства, не вошедшие в другие группы	+	9,2%

Что говорят эти цифры? Прежде всего — о сокращении производства предметов «роскоши», что характерно для кризиса. Далее уменьшилось производство хлопчатобумажных изделий, расчитанное на широкие массы, при чем министр финансов сам признает, что пострадал в этом отношении не только Привислянский район, но и Московский. Сократили, далее, свое производство «все виды промышленности, производящие строительные материалы — кирпич, цемент и проч.», что также в высшей степени характерное явление. Уменьшились, наконец, производства сахароваренное, дрожжевое и пивоваренное... (Последнее за весь 1904 г. показывает застой против 1903 г.; душевое же потребление пива сократилось). С другой стороны оказывается, что производительность возросла, главным образом, в тех отраслях, кото-

рые изготовляли предметы, необходимые для войны: вагоны, снаряды, кожу, холст. На это указывается и самим министром финансов.

...Железная и каменноугольная отрасли, поднявши свое производство под влиянием войны в начале 1904 г., к концу его также подверглись влиянию разразившегося кризиса. Точно также и нефтяная промышленность, работавшая успешно на внешний рынок, благодаря под'ему на Западе, на внутреннем рынке испытала сокращение потребления.

Замедление роста рабочей силы.

Важнейшей производительной силой являются *рабочие*... Данные относительно нашей фабрично-заводской промышленности за 1887—1897 г.г. показывают, что число рабочих в Империи возрастало за это время ежегодно на 6%, а за 1897—1900 г.г. на 4,4%. Но прибавим к рабочим крупной ф.-з. промышленности железнодорожных служащих и рабочих: по последним данным число их возросло за 1902—1907 г.г. с 563 до 733 тысяч. Тогда окажется, что число рабочих в крупной промышленности возросло за это пятилетие с 2.894 до 3.152 тысяч, т.-е. на 258 тысяч или на 8,9%, что составляет ежегодный прирост в 1,7%. Этот прирост совпадает с % прироста населения в стране. И эти данные определенно указывают, что в 1900—1908 г.г. движение промышленного капитала упало сильнейшим образом по сравнению с 90-ми годами.

Кризис и дальнейшая концентрация капитала.

Несмотря на *общий застой,* промышленный капитал все же обнаружил за 1900—1909 г.г. *внутреннее* движение. Мы отмечали уже выше, что происходило улучшение техники в различных отраслях; это наблюдается повсюду во время кризисов; повлияло у нас в этом направлении и рабочее движение. Но этот прогресс техники был очень слабый...

Рядом с улучшением техники мы наблюдали в различных отраслях *концентрацию* и *централизацию* производства. Погибали под влиянием кризисов и депрессии большею частью мелкие предприятия. Слабые экономически, но технически сносно оборудованные крупные предприятия сливались с более сильными экономически или переходили в новые руки и, таким образом, могли снова продолжать работать. Короче говоря, и у нас происходило то же, что и везде в капиталистических странах во время кризисов: выживали и развивались более сильные, и это на счет более слабых. Для иллюстрации процесса концентрации и централизации производства во всей нашей промышленности за последнее десятилетие нет общих данных. Данные же сводов фабричных инспекторов в виду постоянных изменений—под влиянием различных и случайных причин — числа подчиненных им промышленных заведений мало к этому пригодны. Однако, кое-что они все же дают. Если принять поправки г. Микулина к вычислениям Туган-Барановского, оперировавшего этим данными, то получается следующая картина движения числа рабочих (в тысячах) в заведениях, подчиненных надзору инспекции, за 1901—1907 г.г.; за 1904—1909 г.г. Туган-Барановский приводит более точные данные:

Число рабочих (в тысячах) на фабриках и заводах, имеющих:

	1901 г. (начало года).	1907 г. (конец года).	Увеличение или уменьшен. в % %.	1904 г.	1909 г.	+ или — в % %.
До 100 рабочих . . .	418,7	402,7	— 4	362,0	357,9	— 11
„ 100— 500 раб. . .	495,3	550,6	+ 11	466,0	484,5	+ 4
„ 500—1000 „ . . .	272,0	286,3	+ 5	273,8	274,4	—
1000 „ . . .	525,6	655,2	+ 25	561,3	671,8	+ 20

Из этой таблицы явствует, что мелкое производство сокращалось; особенно сильно сократилось число рабочих в заведениях, имеющих до 20 рабочих; за 1904—1909 г.г. на 5%. В то же время сильнее всего возросло наиболее крупное производство, что указывает на сильный рост *концентрации* производства. Концентрация и централизация производства иллюстрируется и тем, что большинство закрывшихся за это время предприятий были мелкие: за 1901—1909 г.г. было закрыто 6.398 заведений с 232,7 тысяч. рабочих, что составляет 34, 8 рабочих на одно предприятие, а за 1904—1909 г.г. закрылось 3.770 заведений с 140,7 тысячами или 37,3 раб. на предприятие. Возобновили в 1907—1909 г.г. работу 361 заведение с 17,5 тысяч рабочих, или 48,4 раб. на предприятие. Г. Туган-Барановский поэтому совершенно прав, когда указывает на концентрацию нашей фабр.-заводской промышленности за время застоя, «на значительный рост крупного капитала на счет мелких промышленных заведений, которые были не в силах перенести застоя и должны были ликвидировать дела». Крепли преимущественно «гигантские» предприятия.

Тенденция нашего промышленного капитала, позже выступившего на арену истории и потому выдвинувшего в первую голову крупный капитал, заключается и в дальнейшем в развитии этого последнего. Процесс, отмеченный нами в период под'ема, продолжался и в период застоя. Этому содействовало и сильно развившееся у нас за последнее десятилетие синдикатское движение.

Экономическое положение рабочих.

Одним из спутников торгово-промышленных кризисов является, как известно, повсюду рост безработицы. Состояние безработицы служит верным показателем состояния промышленности в данный момент. В периоды под'ема число безработных — известная резервная армия существует всегда в капиталистическом хозяйстве — сокращается...

...В 1903 году безработица немного утихла, но уже весной 1904 года газеты были опять полны данными о растущей безработице. Об этом сообщалось из Баку, Риги, Одессы, Петербурга, Владимирской губ. и в осо-

бенности из Ц. Польского. И чем дальше, тем она больше разрасталась. «Русские Вед.» в августе 1904 года отметили, что в Привислянском крае даже администрация сочла нужным организовать концерты для оказания помощи безработным. В 1905 году положение еще более обострилось. Мы не станем, однако, останавливаться на тех лишениях, которые перенес пролетариат, в особенности его передовые слои, от кризиса и забастовок в 1905 г. Всем памятен этот год, когда почти вся тяжесть борьбы со старым режимом легла на плечи пролетариата. В. Варзар определяет убытки рабочих от стачек в 1905 г. только в подведомств. фабрич. инспекции заведениях и в горной промышленности (не считая бакинских нефт. промыслов) приблизительно в 30 милл. руб. Это составляет в среднем на одного рабочего— а не стачечника—крупной фаб.-зав. промышленности 13,3 рубля. Рабочие отдельных отраслей потеряли гораздо больше: металлисты, например, минимум вдвое. Лишь незначительную часть своих убытков рабочим удалось тогда переложить на предпринимателей; последние же свои убытки большею частью переложили на потребителя, подняв неимоверно цены. Следует, далее, отметить, что в конце 1905 года в одних только столицах было выброшено на мостовую более 170 тысяч рабочих вследствие закрытия фабрикантами и заводчиками около 100 заведений. Но то же наблюдалось и в других промышленных центрах (Центральном, Прибалтийском и других районах)...

Безработица в 1906 г. свирепствовала на всем пространстве России.

II. Общий ход первой революции.

1. Этапы первой революции.

(М. Ольминский—см. кн. Н. Батурина „Очерки Ист. с.-д. в России", стр. 118—125, изд. 1917 г.).

До 1905 г. в России царило голое самодержавие, не прикрашенное даже помещичьей государственной думой. Оно давило не только пролетариат и крестьянство, но и среднюю буржуазию. Бюрократически организованное правительство включало в себя лишь верхи дворянского сословия, верхи самого крупного землевладения. Но русская дворянская аристократия давно уже познала сладость капиталистической эксплуатации и в своей экономической политике неразрывно связала себя с интересами самых верхних слоев финансовой и торгово-промышленной буржуазии. Политическим результатом такого положения было то, что самодержавный строй поддерживался верхами из помещичьего дворянства и буржуазии.

А в оппозиции были не только средние слои буржуазии, но и средние и мелкие землевладельцы. Таким образом образовался длительный политический конфликт между правительством, с одной стороны, и земством и городскими думами—с другой.

Разразилась в начале 1904 года русско-японская война. Это была чистейшая авантюра самых верхушек дворянства и буржуазии. Неудача за неудачей преследовала русскую армию во время этой позорной войны. Всеобщее недовольство росло. И больше всего волновался пролетариат и крестьянство.

Но рабочие, даже в Петербурге, в массе своей еще верили в царя-батюшку. На почве этой веры, под руководством попа Гапона, созрела среди петербургских рабочих масс мысль итти к царю с просьбой (петицией) о своих нуждах. Социал-демократы предупреждали рабочих о бессмысленности всяких петиций, но рабочие нас не слушали. И 9 января сотни тысяч рабочих Петербурга,—с иконами, хоругвями и с царскими портретами вместо оружия,—двинулись к царскому дворцу со всех концов города.

Произошло то, о чем социал-демократы предупреждали рабочих: царские войска встретили рабочих ружейными залпами. Убитые и раненые,—

мужчины, женщины и дети,—падали в снег сотнями. Число погибших точно неизвестно, но, во всяком случае, их было более 1.000 человек.

В день 9-го января царскими войсками была навсегда расстреляна старинная вера народа в царя.

И после 9 января начинает быстро расти революционное движение по всей России,—можно сказать, во всех слоях населения.

Под влиянием этого роста буржуазия и помещики, даже те, кто стоял за самодержавие, начинают терять веру в способность старого правительства защитить буржуазные и помещичьи интересы. Растет оппозиция земств и городских дум. Получается впечатление общенационального возмущения против самодержавия. Широкой волной разливается по России забастовочное движение рабочих и аграрное (за землю) движение среди крестьян.

Но общее возмущение против самодержавного правительства имело в своем основании побуждения прямо противоположные.

Рабочие и крестьяне возмущались тем, что самодержавие душит их в угоду буржуазии и помещикам.

А буржуазия и помещики возмущались тем, что самодержавие оказалось неспособным задушить рабочее и крестьянское революционное движение.

Исходя из интересов прямо противоположных, та и другая сторона по видимости одинаково настраивались враждебно по отношению к самодержавию.

На основе этой видимости единства интересов всех классов создалась особо благоприятная почва для политического влияния того промежуточного слоя населения, который называется интеллигенцией. Это, преимущественно, студенчество, а также высшие и средние служащие всякого рода,—инженеры, врачи, учителя, литераторы, адвокаты и т. п.

Летом 1905 года самодержавие решило сделать первую уступку; оно поручило министру Булыгину составить проект учреждения государственной думы. Булыгинский проект вызвал широкое возмущение и рабочих, и так называемой интеллигенции. Разразилась всеобщая октябрьская забастовка, в которой приняли участие и буржуазные литераторы и адвокаты, инженеры, чиновники и всякого рода подобная публика.

Результатом этой забастовки явился прославленный манифест 17 октября, обещавший дать государственную думу с законодательными правами, а также суливший свободу печати, слова, собраний и т. п.

Наступили знаменитые «дни свободы», продолжавшиеся около шести недель. В процессе октябрьской забастовки образовались по городам Советы Рабочих Депутатов. Но значительным влиянием пользовался только петербургский Совет.

В течение 1905 года до «дней свободы» разногласие между большевиками и меньшевиками сосредоточивалось главным образом на оценке либерально-буржуазного движения против самодержавия и на тактике социал-демократии по отношению к либеральной буржуазии. Большевики утверждали, что либерально-буржуазное движение по существу своему контр-

революционно, а меньшевики больше всего заботились о «подталкивании» буржуазии. Меньшевик Г. В. Плеханов выдвигал даже лозунг «изолировать реакцию» путем «общенационального об'единения».

В противоположность меньшевикам, большевики выдвигали лозунг «революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства», которая должна быть достигнута путем вооруженного восстания.

«Дни свободы» застали в России, в сущности, не одну, а две социал-демократических партии: и меньшевики и большевики имели свои особые центры и почти во всех крупных городах—свои особые организации...

«Дни свободы» продолжались недолго. Правительство использовало эти дни, чтобы составить списки выдающихся деятелей революционного движения. В первых числах декабря начались по этим спискам аресты по всей России. В Петербурге полиция явилась на заседание Совета Рабочих Депутатов и всех арестовала. Газета «Начало» и «Новая Жизнь» были закрыты.

На место этих двух газет появилась одна — «Северный Голос», а затем через день или два «Наш Голос» (вышел, помнится, только один номер). В этих двух газетах об'единенная редакция (большевиков и меньшевиков) работала почти без трений и разногласий: острота политического момента об'единила на короткое время обе стороны.

В ответ на преследования со стороны правительства,—в Москве, в декабре 1905 г. разразилось вооруженное восстание, длившееся несколько дней и закончившееся победой правительства. Москва была залита кровью тысяч рабочих, погибших в бою, и еще больше—расстрелянных по приказу генерал-губернатора адмирала Дубасова и командира Семеновского полка генерала Мина.

Петербург не смог оказать вооруженной помощи восставшим в Москве: он поддержал восстание только всеобщей забастовкой.

Поражение Москвы первое время не казалось еще поражением революции. Напротив, большевики считали, что революция поднялась на новую, высшую ступень развития,—что московские события только рассеяли наивную веру в возможность мирной революции, в роде того, как день 9 января рассеял наивную веру народа в царя.

Жизнь показала, что большевики были в этом и правы и не правы. Они ошиблись, думая, что вслед за усмирением Москвы скоро поднимется новая волна революции. Напротив, теперь уже известно, что после декабря революция 1905 года пошла на убыль.

Но большевики были правы, когда указывали, что декабрьское восстание 1905 года в Москве привело революцию к высшей ступени развития, к революционной вооруженной борьбе: в феврале 1917 г. Петербург, можно сказать, начал революцию с того места, на котором она остановилась в Москве 1905 г.

В период времени с декабря до апреля споры между большевиками и меньшевиками вращались вокруг вопроса о близости нового революционного под'ема. Считая близкий под'ем неизбежным, большевики боролись против «конституционных иллюзий» (обманчивых надежд) и стояли за бойкот госу-

дарственной думы, начиная с первой стадии выборов. Меньшевики также стояли за бойкот самой думы, но считали нужным использовать первые стадии выборов для организационной работы в широкой рабочей массе.

И большевики и меньшевики считали, что, благодаря отсутствию свободы агитации и цензовому избирательному закону, дума получится реакционная. Но к апрелю, ко времени об'единительного с'езда, стала обнаруживаться возможность использовать и участие в самой думе для революционных целей. Меньшевики на с'езде провели резолюцию за участие в думе. Большевики на деле также признали необходимость использовать думу.

Первая государственная дума открылась 27 апреля 1906 г. В ней получила руководящую роль кадетская партия...

Эта дума была разогнана правительством через 2½ месяца, 9 июля. Реакция усиливалась с каждым днем. Против разгона Думы не последовало достаточно серьезных массовых протестов. Революционное настроение шло на убыль.

В новой думе, созванной в конце февраля 1907 года, в социал-демократической фракции оказалось много депутатов,—более 50 человек.

Вскоре правительство решило разогнать вторую государственную думу, да кстати и расправиться хорошенько с социал-демократической фракцией. С помощью провокаторов был состряпан наскоро «военный заговор»; те же провокаторы явились в с.-д. фракцию в качестве делегатов от военной организации; за разговор с этой делегацией были притянуты к суду все депутаты. В ночь на 3 июня 1907 г. полиция арестовала тех депутатов, которых сумела захватить. Государственная дума была разогнана. Издан новый закон о выборах в думу, сузивший права рабочих, крестьян и государственных окраин и отдавший думу в руки помещиков и крупных капиталистов. Разгон второй думы и даже арест депутатов, как и разгон первой думы, не вызвали движения сколько-нибудь опасного для правительства. Началось время полного торжества реакции, торжества помещиков и капиталистов. Учреждение государственной думы, с урезанными избирательными правами, сохранилось. Но такая дума не расшатывала правительства, а скорее укрепляла его положение.

Казалось, надолго был раздавлен пролетариат, обескровлена революция, и нет просвета впереди...

2. Революция и контр-революция.

(Ленин—том VIII, стр. 488—496).

В октябре 1905 года Россия переживала наибольший революционный под'ем. Пролетариат отбросил с своей дороги Булыгинскую Думу и вовлек широкие народные массы в прямую борьбу с самодержавием. В октябре 1907 года мы переживаем наибольший, повидимому, упадок открытой массовой борьбы. Но период упадка, начавшийся после декабрьского поражения 1905 года, принес с собой не только расцвет конституционных иллюзий,

но и полный крах их. Третья Дума, созываемая после разгона двух Дум и государственного переворота 3 июня, кладет явный конец периоду веры в мирное сожительство самодержавия с народным представительством и открывает новую эпоху в развитии революции.

В такой момент, как переживаемый нами, сравнение революции и контрреволюции в России, периода революционного натиска (1905 г.) и периода контр-революционной игры в конституцию (1906 и 1907 г.г.) напрашивается само собой...

Период революционного натиска показал *в действии* классовый состав населения России и отношение разных классов к старому самодержавию. События научили теперь всех и каждого, даже совершенно чуждых марксизму людей, вести летосчисление революции с 9 января 1905 г., т.-е. с первого *сознательно*-политического движения *масс,* принадлежащих к одному определенному *классу*. Когда социал-демократия из анализа экономической действительности России выводила руководящую роль, гегемонию пролетариата в нашей революции, — это казалось книжным увлечением теоретиков. Революция подтвердила нашу теорию, ибо она единственная действительно революционная теория. Пролетариат на деле шел все время во главе революции. Социал-демократия на деле оказалась идейным передовым отрядом пролетариата. Борьба масс развивалась, под руководством пролетариата, необыкновенно быстро—быстрее, чем ожидали многие революционеры. На протяжении одного года она поднялась до самых решительных, какие только знает история, форм революционного натиска, до массовой стачки и вооруженного восстания. Организация пролетарских масс с поразительной быстротой росла в самом ходе борьбы. Вслед за пролетариатом стали организовываться другие слои населения, составившие боевые кадры революционного народа. Организовывалась полупролетарская масса всякого рода служащих, затем крестьянская демократия, профессиональная интеллигенция и т. д. Период пролетарских побед был периодом невиданного в России, гигантского даже с европейской точки зрения, роста массовой организованности вообще. Пролетариат добился в это время целого ряда улучшений в условиях своего труда. Крестьянская масса добилась «сокращения» помещичьего произвола, понижения арендной и продажных цен на землю. Вся Россия добилась значительной свободы собраний, слова и союза, добилась всенародного отречения самодержавия от старых порядков и признания конституции.

Все, что завоевано доныне освободительным движением в России, завоевано всецело и исключительно революционной борьбой масс с пролетариатом во главе их.

Поворот в развитии борьбы начинается с поражения декабрьского восстания. Контр-революция шаг за шагом переходит в наступление по мере ослабления массовой борьбы. В эпоху первой Думы эта борьба выразилась еще очень и очень внушительно в усилении крестьянского движения, в широком разгроме гнезд крепостников-помещиков, в целом ряде солдатских восстаний. И реакция наступала тогда медленно, не решаясь сразу произвести

государственный переворот. Лишь после подавления Свеаборгского и Кронштадтского восстаний июля 1906 г. она делается смелее, водворяет военно-полевой режим, начинает по частям отнимать выборное право (сенатские раз'яснения), наконец, окончательно окружает полицейской осадой вторую Думу и ниспровергает всю пресловутую конституцию. Всякие самочинные, свободные организации масс сменились в это время «легальной борьбой» в рамках полицейской конституции, истолковываемой Дубасовыми и Столыпинами...

За либералами нет ни одного завоевания за все время русской революции, ни одного успеха, ни одного сколько-нибудь демократического дела, организующего народные силы в борьбе за свободу.

До октября 1905 г. либералы держали иногда сочувственный нейтралитет по отношению к революционной борьбе масс, но и тогда уже они начали выступать против нее, посылая депутацию с подлыми речами к царю, поддерживая Булыгинскую Думу не из-за недомыслия, а из-за прямой вражды к революции. После октября 1905 года либералы только и делали, что позорно предавали дело народной свободы.

В ноябре 1905 года они подсылали г-на Струве интимно побеседовать с г. Витте. Весной 1906 года они подрывали революционный бойкот и своим отказом открыто перед Европой высказаться против займа помогали правительству добыть миллиарды на завоевание России. Летом 1906 года они торговались с заднего крыльца с Треповым о министерских портфелях и боролись с «левыми», т.-е. с революцией, в 1-й Думе. В январе 1907 года они опять забегали к полицейским властям (визит Милюкова у Столыпина). Весной 1907 года они *поддерживали* правительство во II-й Думе. Революция замечательно быстро разоблачила либерализм и показала на деле его контрреволюционную природу...

И социалистические и демократические задачи рабочего движения в России определились несравненно резче, выступили на первый план настоятельнее под влиянием революционных событий. Борьба с буржуазией поднимается на высшую ступень. Капиталисты сплачиваются во всероссийские союзы, теснее соединяются с правительством, чаще пускают в ход самые крайние средства экономической борьбы вплоть до массовых локаутов, чтобы «обуздать» пролетариат.

III. Революция и стачечная борьба.

(Ленин—„Рабочее движение в России в эпоху первой революции". См. сборн. „Статьи и речи по вопросам проф. движения", стр. 115—122, 130—131, изд. 1924 г.).

Вполне установлен, прежде всего, тот факт, что стачки в России в 1905—1907 г.г. представляют из себя явление невиданное в мире. Вот данные о числе стачечников в тысячах по годам и странам:

Среднее.	Россия.	Соединен. Штаты Америки.	Германия.	Франция.
За 1895—04 г.г.	43	—	—	—
„ 1905	2863	—	—	—
„ 1906	1108	660	527	438
„ 1907	740	Максимум за все пятнадцатилетие		
„ 1908	176	1894—1908 г.г.		
„ 1909	64	—	—	—

Трехлетие 1905—1907 г.г. выдается из ряду вон. Минимум числа стачечников в России за это трехлетие превышает максимум, когда бы то ни было достигавшийся в наиболее капиталистических странах мира. Это не значит, конечно, что русские рабочие развитее или сильнее, чем на Западе. Но это значит, что человечество до сих пор не знало, какую энергию *способен* развить в данной области промышленный пролетариат. Своеобразие исторического хода событий выразилось в том, что приблизительные размеры этой способности впервые обнаружились в одной отсталой стране, переживающей еще буржуазную революцию.

Чтобы уяснить себе, каким образом в России, при небольшом, по сравнению с Западной Европой, числе фабрично-заводских рабочих могло быть так велико число стачечников, надо принять во внимание *повторные* стачки. Вот данные о числе повторных стачек по годам в связи с отношением числа стачечников к числу рабочих:

Годы.	Процентное отношение числа стачечников к общему числу рабочих.	Процентн. отнош. числа повторных случаев стачек к общ. числу стачек.
1895—1904	1,45% — 5,10%	36,2%
1905	163,8%	85,5%
1906	65,8%	74,5%
1907	41,9%	51,8%
1908	9,7%	25,4%

Мы видим отсюда, что трехлетие 1905—1907 г.г., выходящее из ряду вон по общему числу стачечников, выделяется также по частоте повторных стачек и по высоте процентного отношения числа стачечников к общему числу рабочих.

Для более точного суждения следует взять данные по районам России и сопоставить число стачечников с числом фабрично-заводских рабочих. Вот сводка этих данных:

Фабрично-заводские округа.	Число фабрично-завод. раб. в 1905 г. в тысячах.	Число стачечников (в тыс.) за годы.				
		1895—1904 г. в сум.	1905	1906	1907	1908
I. Петербургский	298	137	1.033	307	325	44
II. Московский	567	123	540	170	154	28
III. Варшавский	252	69	887	525	104	35
IV-VI. Киевский, Поволжский и Харьковский	543	102	403	106	157	69
Всего . . .	1660	431	2863	1108	740	176

Рабочие разных районов неравномерно участвовали в движении. В общем, 1.660 тыс. рабочих выставили 2.863 тыс. стачечников, т.-е. 164 стачечника на каждую сотню рабочих, или, говоря иными словами, несколько больше, чем половина рабочих бастовала в 1905 г. в среднем по два раза. Но эти средние затушевывают коренное различие между петербургскими и варшавскими округами, с одной стороны, и всеми остальными с другой. В петербургском и варшавском округах вместе ⅓ всего числа фабрично-заводских рабочих (550 тысяч из 1.660), а стачечников они выставили ⅔ всего числа (1920 тыс. из 2.863). В этих округах каждый рабочий бастовал в среднем почти по 4 раза в 1905 году. В остальных округах приходится на 1.110 тыс. рабочих 943 тыс. стачечников, т.-е. пропорционально вчетверо меньше, чем в двух вышеназванных...

По вопросу о территориальном распределении стачечников следует отметить еще, что громадное большинство их приходится на *шесть* губерний с сильно развитой промышленностью и с большими городами в пяти из них. Вот эти шесть губерний: Петербургская, Московская, Лифляндская, Владимирская, Варшавская и Петроковская. В этих губерниях было в 1905 г. 827 тыс. фабрично-заводских рабочих из всего числа 1.661 тыс., т.-е. почти половина общего числа. Стачечников же в них было за десятилетие 1895—1904 г.г. в сумме 246 тыс. из 431 тыс., т.-е. около 60% всего числа стачечников; в 1905 году—2.072 тыс. из 2.863 тыс., т.-е. около 70%; в 1906 г.—852 тыс. из 1.108 тыс., т.-е. около 75%; в 1907 году—517 тыс. из 740 тыс., т.-е. около 70%; в 1908 году—85 тыс. из 176 тыс., т.-е. менее половины [1]).

[1]) В 1908 году во главе губерний с значительным числом стачечников стоит Бакинская с 47 тыс. стачечников. Последние могикане массовой политической стачки!

Итак, роль этих шести губерний в трехлетие 1905—1907 г.г. была *выше*, чем в период предыдущий и последующий. Ясно, значит, что крупные городские и в том числе столичные центры развили за это трехлетие гораздо более высокую энергию, чем все остальные местности. Рабочие, разбросанные по деревням и по сравнительно мелким городским и промышленным центрам, составляли половину общего числа рабочих, выставили в 1895—1904 г.г. 40% всего числа стачечников, а в 1905—1907 г.г. всего 25—30%. Дополняя вышесделанный вывод, мы можем сказать, что крупные города проснулись, а мелкие и деревни в значительной степени еще спали...

Живущие в деревнях фабрично-заводские рабочие наименее подготовленные к борьбе десятилетием 1895—1904 г.г. проявили наименьшую устойчивость, всего быстрее перейдя в отступление после 1905 года. Авангард, т.-е. фабрично-заводские рабочие, в 1906 году употреблял особые усилия, а в 1907 году еще *большие*, чем в 1906 году, чтобы задержать это отступление.

Рассмотрим далее распределение стачечников по производствам. Для этого мы выделим четыре главные группы производств: А) металлисты, Б) текстильные рабочие, В) типографы, деревообделочники, кожевники и рабочие химических производств, Г) рабочие в обработке минеральных веществ и в производстве питательных продуктов. Вот данные по годам:

ГРУППА ПРОИЗВОДСТВА.	Все число фабр.-зав. рабочих в 1904 г. в тысячах.	Число стачечников (в тыс.) за годы.				
		1895—1904 в сумме.	1905	1906	1907	1908
А.	252	117	811	213	193	41
Б.	708	237	1296	640	302	56
В.	277	38	471	170	179	24
Г.	454	39	285	85	66	55
Всего	1691	431	2863	1108	740	176

Металлисты были лучше всего подготовлены десятилетием перед 1905 г. За это десятилетие из них бастовала почти половина (117 из 252). Будучи наилучше подготовлены, они стоят впереди всех и в 1905 году. Число стачечников у них *более, чем втрое*, превышает число рабочих (811 против 252). Еще рельефнее выступает роль этого авангарда при разборе помесячных данных за 1905 год (подробное рассмотрение этих данных невозможно в краткой статье, и мы откладываем его до другого места). Из всех месяцев 1905 г. у металлистов максимум стачечников приходится не на октябрь, как во всех остальных группах производств, а на январь. Авангард с максимальной энергией начал движение, «раскачивая» остальную массу. За один январь месяц 1905 года у металлистов бастовало 155 тыс. человек, т.-е. две трети всего числа металлистов (252 тыс.); за один месяц число стачечников значительно

больше, чем за десять лет перед этим (155 против 117). Но эта, почти сверхчеловеческая, энергия исчерпывает силы авангарда к концу 1905 года: металлисты стоят на первом месте по размеру упадка движения в 1906 году. Уменьшение числа стачечников у них максимальное: с 811 до 213, т. е. почти вчетверо. К 1907 году авангард собирается опять с силами: число стачечников уменьшается очень незначительно в общем (с 213 до 193), а по трем главнейшим производствам из группы производств по обработке металлов, именно по машиностроительному, судостроительному и чугунолитейному, число стачечников *увеличивается* с 104 тыс. в 1906 году до 125 тыс. в 1907 году.

Текстильщики составляют главную массу русских фабрично-заводских рабочих, немного менее ½ общего числа (708 из 1.691). По подготовке за 10 лет перед 1905 годом они стоят на втором месте: бастовала ⅓ общего числа (237 из 708). По силе движения в 1906 году тоже на втором месте: около 180 стачечников на 100 рабочих. Они втягиваются в борьбу позже, чем металлисты: в январе у них было немногим больше стачечников, чем у металлистов (164 тыс. против 155), в октябре больше, чем в два раза (256 тыс. против 117). Позже втянутая в движение, эта главная масса всех более стойко держится в 1906 году: упадок в этом году всеобщий, но у текстильщиков он *меньше всех,* у них уменьшение вдвое (640 против 1.296), у металлистов почти вчетверо (213 и 811), у остальных в 2½—3½ раза. Лишь к 1907 году силы главной массы оказываются тоже исчерпанными: с 1906 по 1907 год именно в этой группе упадок *самый большой,* больше, чем вдвое (302 против 640).

Не останавливаясь на детальном разборе данных по остальным производствам, отметим только, что позади всех стоит разряд Г, наиболее слабо подготовленный и наиболее слабо участвовавший в движении. Если взять за норму металлистов, то можно сказать, что за разрядом Г «осталось в долгу» свыше миллиона стачечников за один 1905 год...

Было бы чрезвычайно интересно проследить детально, как именно в течение всего трехлетия втягивались в движение новички. Данные об этом основном материале есть, ибо сведения получались на карточках о каждой стачке отдельно. Но обработка этих сведений в официальной статистике очень неудовлетворительна, и масса богатейшего материала, имеющегося в карточках, пропала, не войдя в обработку. Некоторое приблизительное представление дает следующая таблица о числе случаев стачек в процентах к числу заведений различных размеров:

Число случаев стачек в %% к числу заведений:

Группы заведений.	За 10 лет. (с 1895-1904) в сумме.	за 1905 г.	за 1906 г.	за 1907 г.	за 1908 г.
До 20 рабочих	2,7	47,0	18,5	6	1
„ 21 — 50 „	7,5	89,4	38,8	19	4
„ 51 — 100 „	9,4	108,9	56,1	37,7	8
„ 101— 500 „	21,5	160,2	79,2	57,5	16,9
„ 501—1000 „	49,9	163,8	95,1	61,5	13
Свыше 1000 „	89,7	231,9	108,8	83,7	23

Тот передовой строй, который мы наблюдали до сих пор по данным о различных районах и различных группах производств, выступает теперь по данным о разных группах заведений. Общим правилом за все годы является повышение процента заведений со стачками по мере увеличения размеров заведений. При этом для 1905 года характерно, во-первых, то, что повторных стачек тем больше, чем крупнее заведение, а, во-вторых, что, по сравнению десятилетия 1895—1904 г.г. с 1905 годом, увеличение процента тем стремительнее, чем *мельче* заведение. Это ясно указывает на особенную быстроту втягивания новичков, привлечения никогда еще не участвовавших в стачках слоев. Быстро вовлеченные в движение в эпоху максимального под'ема, эти новички оказываются наименее устойчивыми; падение процента заведений с стачками с 1906 г. по 1907 год всего сильнее в мелких заведениях, всего слабее в крупных. Авангард дольше всех, настойчивее всех работает над приостановкой отступления.

IV. Возникновение массовых профессиональных союзов.

1. Общие замечания.

(С. Айнзафт — „Первый этап проф. движения в России", стр, 45—46, изд. 1924 г.).

Способы возникновения союзов были крайне разнообразны не только для союзов различных местностей, но часто и для различных союзов одной и той же местности. Так, например, в Питере мы видим, с одной стороны, союз печатников возникает почти вполне легально, а союзы конторщиков, приказчиков и фармацевтов возникают полулегально через об'явления в газетах. В то время, как союз печатников организовывается путем созыва общего собрания, союзы приказчиков и фармацевтов составляются из отдельных кружков. На ряду с этими союзами создается несколько совершенно нелегальных союзов, как союзы портных, часовщиков и сапожников.

Такое же, если еще не большее, разнообразие наблюдается в способах создания профессиональных союзов в Москве. Здесь союзы создаются путем реорганизации партийно-профессиональных ячеек, как у печатников, из советов депутатов, как у столяров, табачников, кондитеров и др.; имеются также случаи преобразования в профессиональный союз обществ взаимопомощи, как у официантов. Союзы создаются также инициативными группами, как у портных.

В провинции способы возникновения союзов не менее разнообразны. Мы уже видели, как в Харькове союзы возникают из стачечных организаций отдельных предприятий и профессий, в Нижнем из стачечного фонда у булочников и стачечного комитета у приказчиков. В Варшаве, Вильне, Лодзи союзы возникают по непосредственной инициативе партийной организации «Бунда». Бывают случаи, когда инициатива создания союза исходит от союза аналогичной профессии другого города. Так, еще летом 1905 г. в Москве и Харькове открылись филиальные отделения питерского союза печатников, а позже, в 1906 г. и 1907 г., мы имеем много местных союзов, особенно в Московской области, возникших, как местные отделения союза централь-

ного города, напр., Москвы для Московского промышленного района. Были иногда случаи, когда общества взаимопомощи преобразовывались в профессиональные союзы. Такие случаи имели место у печатников в Екатеринославе и Орле, у приказчиков в Екатеринославе, Саратове, Нижнем-Новгороде, Курске и в некоторых других городах.

Наконец, с момента установления связи между местными союзами какой-нибудь местности и создания центрального бюро, эти последние стали органами, стимулирующими возникновение союзов в тех профессиях, где таковые к этому моменту еще не были созданы. Так, например, известна та роль, которую сыграли питерские и московские центральные бюро профессиональных союзов в деле организации союзов: металлистов—в Питере и текстильщиков—в Москве. Был ряд и других случаев, когда союзы возникали по инициативе центрального бюро.

2. Революционный порядок организации профессиональных союзов.

(В. Гриневич—„Проф. движение рабочих в России", стр. 21—22, изд. 1922 г.).

Выступление петербургских рабочих 9 января и прокатившаяся за ним по всей России волна всеобщей забастовки, в знак сочувствия петербургскому пролетариату, пробили крупную брешь в «старом порядке». Старому режиму был нанесен первый серьезный удар; не была сломлена физическая сила, не были еще завоеваны новые формальные права, но уже был непоправимо подорван его моральный престиж; и, более того, старый режим сам чувствовал свое моральное банкротство, сам изверился в своих испытанных средствах борьбы и защиты. Вызванные этим колебания государственной власти дали возможность пробуждающимся общественным силам проводить в жизнь «явочный порядок» и осуществлять так называемое «захватное право», сыгравшие такую крупную роль в событиях 1905 года. Старый режим как будто еще существовал, старые законы еще не были отменены, но новая, молодая жизнь уже не считалась с ними, она прокладывала свои новые пути.

Рабочий класс, расшатавший своими героическими усилиями устои старого режима, первый пытается использовать плоды своих жертв. Январские забастовки,—этот грандиозный политический протест пролетариата всей России против петербургских зверств, — послужив исходным пунктом революционных событий 1905 года, явились вместе с тем поворотным пунктом в истории русского рабочего движения.

Разбуженные ружейными залпами 9 января, вовлеченные стихийно в политическую всеобщую забастовку, — часто непосредственным чувством возмущения безвинно пролитою кровью своих братьев и сестер, — широкие слои рабочей массы начинают просыпаться к сознательной жизни. Почти одновременное выступление с тождественною целью более полумиллиона рабочих во всех концах России не могло не внушить самой рабочей массе уважения к собственным силам, не могло не убедить их в огромном значе-

нии для собственных интересов планомерности выступлений, товарищеской солидарности и дисциплины.

Для вкоренения в рабочие массы сознания необходимости *организации* не остались бесследными и те организации, которые должны были служить для развращения рабочего класса. Полицейская подоплека Зубатовских и Гапоновских обществ, союзов Шаевича и др. была известна только руководящим элементам, она действовала деморализующим образом поэтому только на них. *Рабочая же масса,* которая, как показала история этих обществ, определяла в конце концов их судьбу, видела в этих обществах только единственно доступную форму широкой и открытой организации для защиты своих интересов.

В смысле популяризации идеи организованности названные общества имели известное значение и, против воли своих инициаторов и закулисных руководителей, сослужили своего рода службу рабочему движению.

После январских событий уже стоял вопрос не о том, что нужно организоваться, а о том, *как нужно организоваться*. Все больше и больше выяснялась невозможность для подпольных замкнутых организаций удовлетворить запросам разросшегося рабочего движения, все больше проявлялось несоответствие их с размахом рабочего движения. Рабочее движение требовало широких и открытых организаций. Однако, сопротивление старого режима еще не было настолько поборено, чтобы вывести из подполья политическую партию рабочих — социал-демократию. Процесс перехода из подполья, применение рабочими «явочного порядка» совершается поэтому по линии наименьшего сопротивления, в области экономической борьбы. В условиях полицейского режима, правда, уже расшатанного первыми ударами революции, рабочим удается положить начало первым в России открытым и широким боевым организациями для руководства своей экономической борьбой—*профессиональным союзам.*

Эти новые для России формы организации экономической борьбы возникают раньше всего в столицах, где более сильный натиск рабочего движения давал возможность рабочим осуществить «захватное право» и где более высокий уровень культурности и сознательности рабочей массы давал возможность ей выделить из своей собственной среды достаточное число руководителей и тем обеспечить работоспособность новых организаций.

3. Роль комиссии Шидловского.

(А. Ельницкий—«История рабочего движения в России», стр. 172—175, изд. 1923 г.).

...В самом Петербурге и по окончании стачки (в январе 1905 года) рабочие продолжали глухо волноваться, и правительство чувствовало, что для предотвращения нового взрыва необходимо предпринять определенные шаги.

...« Для *безотлагательного выяснения причин недовольства рабочих в г. С.-Петербурге и его пригородах* и изыскания мер к устранению таковых в будущем» 29 января была образована еще особая комиссия под председательством сенатора Н. В. Шидловского, причем в ней должны были принять

участие, на ряду с представителями разных ведомств и фабрикантов, также выборные представители рабочих.

В опубликовании высочайшего повеления 29 января об образовании этой комиссии рабочие усмотрели ответ на свою петицию (9 января), придали ему расширительное толкование и, не дожидаясь дальнейших указаний, приступили на фабриках и заводах к выбору депутатов на основе всеобщего и прямого избирательного права.

Когда же 10 февраля был опубликован установленный порядок избрания представителей, рабочие лишь подтвердили свои первоначальные выборы, а новые собрания использовали для обсуждения тех требований, которые должны были выдвинуть представители рабочих в комиссии Шидловского. Среди этих требований неизменно повторялось: введение 8-часового рабочего дня, участие рабочих в установлении расценок, свобода слова, собраний, союзов и стачек.

Согласно установленному порядку выборов, на 208 казенных, общественных, частных и железнодорожных предприятиях Петербурга, с общим количеством 145.259 рабочих, было избрано всего 372 выборщика, которые должны были, разбившись на 9 групп, по производствам, выбрать отдельно установленное для каждой группы число представителей. Но избранные рабочими выборщики решили не ограничиваться одним механическим избранием представителей, а попытались добиться права, предварительно обсудив свои требования, наметить кандидатов и добиться расширения рамок работ комиссии, которые бюрократия стремилась сузить, чуть ли не ограничив одними задачами анкетного характера.

Инициаторами выступили выборщики четвертой группы—металлического производства, пославшие к сенатору Шидловскому 4-х депутатов с следующим заявлением:

«В виду того, что всем депутатам необходимо обсудить сообща нужды рабочих и столковаться о них, мы, депутаты рабочих четвертой группы, заявляем, что до тех пор не можем приступить к выборам депутатов в комиссию, пока нам не дадут возможности собраться всем отделам вместе».

Когда же просимое разрешение было дано, на общем собрании всех выборщиков от имени рабочих всего г. Петербурга были выработаны следующие условия для участия рабочих в комиссии:

1) немедленное открытие 11 фабрично-заводских отделов «Собрания» [1]) и 2) возможность представить в комиссию наши нужды правдиво и в полном об'еме, для чего необходимо: а) чтобы депутаты все присутствовали на общих заседаниях комиссии, а не призывались по несколько человек для опроса; б) чтобы депутатам была предоставлена полная свобода слова в заседаниях комиссии; в) чтобы заседания были гласными, т.-е. чтобы отчеты о них печатались в газетах без всякой цензуры; 3) гарантия неприкосновенности личности и жилища для всех рабочих и 4) привлечение в комиссию представителей от рабочих мелких производств».

---

[1]) „Собраниями" назывались организации, созданные в районах города Гапоном.

Необходимость открытия отделов Собрания выборщики мотивировали тем, что «только с открытием отделов мы, получив свободу собраний, сможем путем обмена мнений с рабочими разных фабрик и заводов выработать и об'единить все наши требования, и только в отделах наши депутаты могут давать отчеты о работах в комиссии своим товарищам-избирателям».

Сенатор Шидловский, которому выборщики пред'явили эти условия, заявил, что разрешение их не входит в его компетенцию. Тогда рабочие-выборщики отказались от выборов депутатов и, вернувшись на заводы, прекратили работы по всем мастерским. Кроме того, ими было выпущено заявление, в котором они отдавали отчет своим избирателям.

Трудно переоценить ту роль, какую сыграла эта комиссия в дальнейшем развитии рабочего движения не только в Петербурге, но и во всей России. Она прежде всего вовлекла в самом Петербурге в движение новые слои городских рабочих, затем она дала петербургскому пролетариату столь *недостававшую ему организацию рабочих по заводам,* очень приспособленную к задачам момента. Созыв комиссии, кроме того, явился грандиозной демонстрацией, которая опровергла все утверждения правительства, будто движение рабочих 9 января было навязано рабочим злонамеренными лицами, и выставленные от имени рабочих требования «ничего общего с их нуждами не имеют». Он демонстрировал далее, что за истекший месяц рабочие Петербурга выросли политически: в то время, как в январе они только лишь соглашались подписывать эти требования, теперь, месяц спустя, эти требования вошли в плоть и кровь и были ими самостоятельно написаны для своих выборщиков в комиссию. Наконец, по отношению к остальной России комиссия Шидловского сыграла роль набатного колокола: о ее работах широко оповещала вся легальная печать, и рабочие самых отдаленных уголков России стали интересоваться ею; когда же стало известно о крушении комиссии, они стали при формулировании своих требований руководствоваться заявлением депутатов комиссии.

4. Профессиональные союзы в 1905 г.

(Д. Антошкин — «Профессиональное движение в России», стр. 90—95, изд. 1924 г.).

В Петербурге первым организовался союз рабочих печатного дела вследствие забастовки, явившейся в результате борьбы за новый тариф и невозможности провести его без общей организации рабочих.

На общем собрании 21 июня принят устав союза; устав был послан градоначальнику на утверждение, но союз приступил к деятельности с 1 июля, не дожидаясь ответа от градоначальства.

Почти одновременно возник союз конторщиков и бухгалтеров, по инициативе конторщика Е. А. Соловьева, призвавшего к организации своих товарищей письмом через газету. 27 февраля состоялось первое организационное собрание. 6 июля состоялось учредительное собрание, избравшее совет союза...

...Союз конторщиков и бухгалтеров об'единил служащих в различного рода конторах, акционерных и страховых обществах, фабрично-заводских предприятиях и т. д. С организационной стороны союз сразу занял одно из первых мест, но о его выступлениях не было слышно,—он носил на себе отпечаток какого-то общественного «благородства» и благообразия и, при умеренном характере деятельности этого союза, его хороший организационный аппарат проигрывал. По существу он больше походил на общество взаимопомощи, чем на боевой профессиональный союз. Задачи союза в уставе определялись как защита правовых и профессиональных интересов своих членов и содействие улучшению материальных и нравственных условий их жизни. Но какими средствами? Устав отвечает: денежные пособия и беспроцентные ссуды, бесплатная или удешевленная медицинская помощь, содействие в дешевой покупке предметов домашнего обихода и т. д. и т. п.

О стачке устав не заикнулся.

За такую благонамеренность союз надеялся получить утверждение устава и санкцию на существование задолго до тех пор, когда союзы стали создаваться явочным порядком.

Свою интеллигентскую сущность союз выявил тем, что занимался почти исключительно разговорами и «прожектами» на политические темы, вырабатывая записки на имя земцев-конституционалистов и войдя в связь с «Союзом Советов» (политическое либеральное об'единение различных групп интеллигенции).

Весной же в марте—апреле начинается тяга к организации и среди петербургских приказчиков. Началось с организации во всех районах полулегальных «кружков», регулярно собиравшихся для обсуждения вопросов организации служащих и их борьбы за улучшение условий труда; в кружках велись беседы и на общеполитические темы; вошедшие в кружки торговые служащие вели агитацию среди своих товарищей по работе и втягивали в сферу «кружковой» организации все более широкие массы. На 29 мая в 11 часов утра руководители движения назначили митинг торговых служащих Петербурга под открытым небом, на Сенатской площади...

Первый митинг и демонстрация не удались по причине плохой организации и непривычки к открытым массовым выступлениям. «Кружки» же продолжали работать, накапливая силы, чтобы через несколько месяцев открыто об'явить о существовании профессионального союза приказчиков Петербурга.

Ко времени официального об'явления о деятельности союза он об'единял уже около 2.000 приказчиков.

В то же время организовался и союз фармацевтов.

Союзы ремесленных рабочих—часовщиков, портных и скорняков, рабочих сапожного и башмачного дела вели подпольное существование вплоть до октябрьской забастовки. При своей организации они натолкнулись на препятствия и со стороны хозяев, и со стороны полиции: ни та, ни другая сторона не разрешали созывать собраний (см. Гриневич, «Профессиональное

рабочее движение в России» изд. 3-е, стр. 26), вследствие чего они лишены были возможности легально организоваться.

В Москве первым начинает действовать—как и в Петербурге—профессиональный союз печатников... Летом 1905 года параллельно с ним было организовано филиальное отделение петербургского союза печатников, которое не пользовалось влиянием среди московских типо-литографских рабочих. После сентябрьской стачки 1905 г. на место двух союзов был создан один — московский союз рабочих печатного дела.

Среди московских торговых служащих попытки организовать союз делаются весной в результате движения за сокращение рабочего дня и праздничный отдых.

Там создалось сразу несколько инициативных групп, занявшихся разработкой устава: чуть не в каждой отрасли торговли предполагался самостоятельный союз. Но многие из них не доканчивали дела и распадались. Лишь при одной из них при содействии московской группы социал-демократической партии удалось образовать в июне профессиональный союз торгово-промышленных служащих, который об'единял до 300 человек. Он принял в качестве платформы социал-демократическую программу-минимум.

В сентябре 1905 г. организовался союз приказчиков, торгующих с'естными припасами. Осенью этого же года был организован союз торговых служащих под названием «В единении сила».

Почти все союзы московских служащих организовались таким образом, как «В единении сила». Созывалось собрание, выбиравшее комиссию для выработки устава, комиссия по окончании своих работ опять устраивала собрание, которое утверждало устав и выбирало постоянный орган для ведения дел союза.

Был еще в Москве организован союз бухгалтеров с характерным для этой профессии пунктом в уставе, выставлявшим требование устройства корпорации бухгалтеров по образцу присяжных поверенных. В уставах всех союзов, кроме пунктов экономического характера, выставлялись требования элементарных гражданских свобод.

Московский союз торговых служащих за полтора месяца устроил до 20 собраний, на которой перебывало до 25.000 человек; все собрания—как и в других союзах—заканчивались речами по вопросам текущей политической жизни. Работа велась под руководством социал-демократов. В ноябре 1905 г. был организован еще один союз под названием «1-й союз торговых служащих», об'единивший 1200 человек.

Союз рабочих хлебопекарного производства возник после их весенней стачки при ближайшем содействии московского комитета большевиков; он сразу принял партийный характер (см. у Гриневича, стр. 28) и играл значительную роль в осеннем движении рабочих.

Во многих провинциальных городах профессиональные союзы так же, как и в столицах, начали организовываться до октябрьской забастовки, как, например, союз типографских рабочих в Харькове, союзы рабочих пищевого

производства в Одессе, союз булочников и стачечный комитет приказчиков в Нижнем.

Но полных и более или менее точных сведений о профессиональных союзах в провинции до осенних событий нет.

Широкая организация профессиональных союзов по всей России и во всех производствах начинается после октябрьской забастовки, а в отраслях крупной промышленности даже только с весны 1906 г. Вообще надо сказать, что и союзы, возникшие до октября, начали оформляться только в конце 1905 и в начале 1906 г.

Союзы, организовавшиеся до осеннего движения, сыграли в последнем большую организационную роль. Движение началось в Москве среди типографских рабочих, начавших общую типографскую забастовку.

Для руководства забастовкой был выделен, при помощи социал-демократических печатников, совет депутатов типографских рабочих. Забастовка вызвала уличные демонстрации и вооруженные столкновения с полицией. Вслед за печатниками забастовали рабочие булочной Филиппова. Поведение полиции и войск обострило настроение московских рабочих и послужило одним из поводов расширения их движения. 7 октября началась забастовка на Московско-Казанской жел. дор. Из Москвы движение перебросилось в Петербург, где оно тоже началось с печатников—трехдневной их забастовкой-демонстрацией для моральной поддержки требований московских товарищей.

Это забастовочное, в первое время экономическое движение и происходившие многолюдные собрания в высших учебных заведениях подготовили всеобщую октябрьскую политическую забастовку, в результате которой был издан манифест 17 октября с обещанием куцой конституции. В результате движения организуется Петербургский Совет Рабочих депутатов.

После всеобщей политической забастовки во всех пунктах России спешно строятся профессиональные союзы фабрично-заводских рабочих, ремесленников, служащих. К концу 1905 года в Петербурге насчитывалось 44 профессиональных союза, в Москве—50.

5. Заводские комиссии, Советы Депутатов, Фабзавкомы и т. д.

(А. Панкратова — „Фабзавкомы в борьбе...“, стр. 94 — 96, 110 — 119, изд. 1923 г.).

В сознание рабочих и в обиход их жизни и борьбы крепко внедрялась необходимость организации, и то, что еще в 1903 году приходилось насаждать (правда, во имя других целей), в 1905 году возникло естественно и неизбежно, как-то само собой, самотеком, стихийно, из инстинктивной тяги массы к самоорганизации. Вот почему в это время легко и быстро почти во всех предприятиях, вне всяких законом установленных рамок, возникают рабочие представительные фабрично-заводские организации — в лице ли фабричных старост, заводских или фабричных депутатов, уполномоченных, заводских комиссий или комитетов и рабочих советов.

В какой степени они являлись продуктом рождавшей их революционной обстановки и обостряющейся классовой борьбы пролетариата, видно из того, что эти не всегда достаточно оформленные рабочие ячейки немедленно становились во главе борющихся рабочих своего предприятия и руководителями этой борьбы, выступая от имени стоящей за ними рабочей массы, формулируя и отстаивая ее требования и интересы.

Точно такую же картину, в своем роде, самопроизвольного и стихийного рождения рабочих фабрично-заводских организаций,—мы видели позже, в революции 1917 года, только в гораздо большем масштабе, соответственно масштабу Великой Революции.

Значит, истоки, рождение настоящей рабочей представительной ячейки нужно искать в недрах самой рабочей массы в моменты ее наивысшего напряжения и под'ема,—в моменты, связанные с революцией или ее более или менее близким наступлением, ее отдельными вспышками.

Обратимся к происхождению и развитию фабрично-заводских организаций в России в период первой русской революции.

Развитие стачечной борьбы вызвало потребность в ее организаторах и руководителях, и во главе фабр.-завод. массы на более или менее продолжительный срок становятся избранные ею стачечные комитеты, кассы сопротивления, фабр.-зав. партийные ячейки и т. п.

Вот эти боевые группы, выдвинутые рабочей массой в моменты под'ема движения, и можно считать, если не предшественниками, то по духу наиболее близкими родственниками фабр.-зав. комитетов как органов боевого сопротивления рабочего класса.

Но в большинстве случаев эти фабр.-зав. стачечные организации—органы *экономической* борьбы рабочего класса.

Бесправие рабочего класса не давало им развернуться и достигнуть значительных успехов в этой борьбе. Но экономическая борьба неизбежно становится и борьбой за улучшение правового положения пролетариата. Это в сущности две стороны одного процесса освобождения рабочего класса «своею собственной рукой».

1905 революционный год был годом развернутой борьбы рабочего класса не только за экономическое улучшение, но, главным образом, за правовое оформление рабочего класса. «Права наемного рабочего» становятся фокусом рабочего революционного движения в 1905 году. Из них оно исходит, к ним приурочиваются и требования экономического характера и требования политических свобод.

Вот как об этом пишет «Искра»: «Стремясь поднять свой собственный экономический, социальный и культурный уровень, пролетариат заражает той же жаждой улучшения, тем же страстным стремлением выпрямить согнутую спину, почувствовать себя человеком, оградить свое достоинство, добиться человеческих условий существования огромный слой тружеников, до сих пор пассивно и индифферентно несших тяжелое ярмо подневольного труда. Быть может, нет более выразительного примера этого жадного стремления к «выпрямлению» человеческой личности, чем Виленская забастовка

против «хозяек» самых отверженных париев современного о-ва—«несчастных проституток».

Первыми завоевали рабочее самоуправление рабочие нефтяного дела. Нам приходилось указывать, что характер крупно-промышленного капитала в Баку и особенности его развития обусловили и характер взаимоотношений между рабочими и капиталистами.

Бакинский пролетариат задолго до октября 1905 года уже был в боевой готовности: сильному, организованному крупному капиталу мог противостоять только такой же сильный и организованный рабочий класс. Годы 1903—4 были особенно благоприятны для русской нефтяной промышленности.

Естественно, бакинский пролетариат не мог не использовать благоприятной кон'юнктуры для пред'явления своих векселей растущему за его счет капиталу. Уже июльская всеобщая стачка 1903 года была первой брешью, пробитой в старых крепостнических, полурабовладельческих распорядках нефтяных промыслов. Но только декабрьское движение 1904 года положило им конец, заставив капиталистов 1—2 января подписать с рабочими *первый в России коллективный договор.* Но на нем бакинский пролетариат не мог остановиться. Нужно было брешь пробить и дальше. И непрерывным рядом ударов в годы 1905—6 он пробивал эту брешь до тех пор, пока не завоевал свою «мазутную конституцию».

Что представляла из себя эта «конституция»?

Она явилась дополнением к декабрьскому коллективному договору 1904 года лишь после октябрьской всероссийской схватки с капиталом, когда бакинский пролетариат почувствовал себя одним из боевых отрядов восставшей армии российского пролетариата.

В сущности, в Баку, как и повсюду, *автономные рабочие комиссии* явились продуктом революционной стихии, очень часто вырастая из забастовочного комитета или иной боевой организации, руководившей стачкой. И только в октябре 1905 года нефтепромышленники подписали дополнение к коллективному договору, заключавшее в себе обязательство для промышленников, чтобы некоторые внутренние распорядки (распределение квартир, предоставление отпусков и т. п.) *«выяснить соглашением администрации с рабочей комиссией предприятия».*

Но, тоже как и повсюду, *рабочие комиссии скоро вышли далеко за пределы оговоренных в договоре рамок и стали органом всесторонней защиты рабочего класса,* добиваясь *вмешательства в вопросы найма и увольнения, установления внутренних распорядков и т. п.*

Ставши центром рабочего представительства по всем решительно вопросам рабочей жизни, заводские комиссии в Баку прочно завоевали свою автономию и сохранились даже тогда, когда во всей остальной России реакция свирепо уничтожала последние остатки революционных «конституционных» правил на фабриках.

Самый коллективный договор мог быть проведен в бакинских промыслах и заводах только потому, что заводские и промысловые комиссии были постоянным, бдительным органом контроля над его выполнением на фабриках,

заводах и промыслах. *Сначала при полном отсутствии професс. союзов, а затем при отвлечении профсоюзов задачами политической борьбы заводские комитеты брали на себя в полной мере функции профсоюзов.*

В холерную эпидемию заводские комиссии стояли во главе «холерной» кампании. Во время непрерывных стачек, перебрасывавшихся с промысла на промысел, заводские комиссии формулировали и отстаивали от лица рабочих требования забастовщиков.

Когда по всему бакинскому району с 15 октября по 1 ноября разгорелась борьба в рабочей среде по вопросу об участии в совещании с нефтепромышленниками, превратившаяся в политическое столкновение двух с.-д. течений (большевиков и меньшевиков), заводские комиссии тоже разбились на два воюющих лагеря «коллективистов» (меньш.) и бойкотистов (больш.). Словом, не было ни одного вопроса из области экономической или политической жизни, который прошел бы мимо заводских рабочих комиссий.

Примерный устав комиссии формулировал цели, права и обязанности заводской комиссии довольно широко, а жизненная практика их работы эти рамки раздвигала еще шире:

«Цель Комиссии об'единить рабочих на промыслах и заводах для более успешной защиты своих интересов перед администрацией и согласовать действия и плановую работу отдельных фирм с общими задачами бакинского движения».

Ведению рабочих комиссий подлежит:

«1) Обсуждение и решение всех предложений, исходящих как от рабочих, так и от предпринимателей и проф. союзов.

2) Улаживание конфликтов как между самими рабочими, так и между рабочими и администрацией.

3) Рабочие комиссии ведут переговоры с администрацией, вырабатывают желательные для рабочих правила внутреннего распорядка, представляют интересы рабочих при выработке или изменении этих правил администрацией, устанавливают порядок выдачи зараб. платы, определяют возможные вычеты из нее, обсуждают каждый случай увольнения рабочих, следят за тем, чтобы вновь поступающие рабочие принимались по очередному списку, обсуждают случаи нарушения правил внутреннего распорядка, допускаемые заведывающими и рабочими и т. п.».

Даже эта схема прав и обязанностей, приведенная из устава комиссии одной из фирм (типичная и для остальных), в своей широкой и детальной формулировке раздвигает рамки фабричного самоуправления значительно дальше, чем все известные нам «конституции», за исключением разве печатников, которых мы коснемся ниже. А жизнь, условия революционной борьбы и вовсе не считались с уставными границами, то и дело выскакивая из них...

Подобных успехов в борьбе за «фабричную конституцию» удалось достигнуть только печатникам. Как в нефтепромышленности, это об'ясняется той высокой ступенью капиталистического развития, какой достигло типолитографское производство в России, с его усовершенствованной техникой,

концентрацией производства и общим внутренним капиталистическим укладом в предприятиях.

И здесь *стачечные коллективы и партийные боевые группы* в предприятиях *были предшественниками* более широких *массовых организаций и их исполнительных фабрично-заводских органов.*

Впервые вводит у себя «конституционное» устройство типография Сытина после январской стачки 1905 г.

Весной во всех крупных предприятиях печатного производства уже функционировали *депутатские совещания,* послужившие во время сентябрьской забастовки источником «конституционных» настроений и лозунгов фабрично-заводского пролетариата.

25—26 сентября совет депутатов печатного дела оформил эти настроения и лозунги, пред'явив хозяевам ряд требований. Центральным пунктом «требований» было признание выработанного рабочими-печатниками «Положения о фабричных депутатах». Вот наиболее важные пункты этой «фабричной конституции» печатников. «Как принимать участие в выборах, так и быть избранными,—гласит п. 4 этого «Положения»,—имеют право все рабочие отделения, независимо от пола и времени поступления на фабрику, в возрасте от 18 лет».

Такой широко-демократической постановкой вопроса сразу определяется весь характер «конституции».

«Фабричная администрация не имеет права уволить депутата до истечения годового срока, на который он выбран. В случае желания администрации уволить депутата немедленно по окончании срока его полномочий, она обязана сообщить об этом за месяц до срока всем рабочим» (п. 8).

Категоричность тона этого и следующих пунктов, устанавливающих неприкосновенность личности избираемых рабочими представителей, свидетельствует, что рабочий класс не только уже осознает свои права, но и умеет отстоять их.

Какие же функции возлагает он на своих представителей?

Все дела по сношению с администрацией, решение, совместно с нею, вопросов о приеме и увольнении рабочих, защита интересов всех рабочих фабрик—вот обычный круг деятельности рабочих депутатов. Но печатники идут дальше. В своем стремлении как можно больше отвоевать прав, они даже не замечают, как переходят границы подлинного рабочего самоуправления и захватывают функции предпринимателя.

«Депутаты следят за неуклонным исполнением фабричных правил, установленных последним соглашением как со стороны рабочих, так и со стороны администрации» (п. 13).

«Депутаты несут на себе ответственность за поддержание внутренних распорядков на фабрике и за все проступки товарищей» (п. 15).

А в «Руководстве для депутатов в их правах и обязанностях» эти пункты «Положения» получают конкретизацию, свидетельствующую о том, что фабричное «самоуправление» грозило перейти в свою противоположность и

создать для рабочих нового «погонялу» и надсмотрщика из своих же представителей, ошибочно действующих в интересах предпринимателей.

Вот какие обязанности возлагало на депутатов это «Руководство».

«Рабочие следят за поддержанием внутреннего порядка на фабрике во время работы. Рабочие, явившиеся или оказавшиеся во время работы в нетрезвом виде и, вообще, мешающие правильному ходу работы, должны беспрекословно повиноваться распоряжениям депутатов. В случае отказа это сделать, депутаты созывают по окончании работы собрание отдела и ставят вопрос об увольнении рабочих» (п. 3).

«Депутаты отделов должны следить за прогульными днями каждого рабочего. В случае прогула более 3 дней сряду совет депутатов делает по этому поводу свое постановление и передает на обсуждение всех рабочих данного отдела. По постановлению отдела прогулявший может быть оставлен или уволен» (п. 4).

«Депутаты следят, чтобы не нарушались нигде установленные правила, чтоб рабочие не начинали нигде раньше звонка, чтоб не производили сверхурочных работ» и т. п.

Столкновение на этой почве между рабочими и депутатами и подрыв авторитета выборной организации были совершенно неизбежны. «Автономные комиссии» печатников, еще недавно игравшие роль застрельщиков в деле организации рабочих, вследствие неправильного направления, какое получила рабочая «конституция» в капиталистической фабрике, послужили ферментом разложения и распада в рабочей среде...

Активная борьба рабочих-металлистов очень рано вызвала у них потребность в массовой организации. Толчком к их созданию были выборы в комиссию Шидловского. На некоторых заводах *депутаты* сохранили свои полномочия и превратились в *фабричных* или *заводских депутатов.* Под давлением рабочих они сначала полуофициально признавались администрацией, а потом были легализованы под официальной маркой закона 10 июня 1903 г. о старостах. Рабочие просто и как-то само собой раздвинули рамки закона 1903 года и из старост-«дворников» получили *свободно избранных, авторитетных рабочих представителей.*

Например, рабочие Семянниковского завода произвели выборы на основании всеобщего избирательного права и заявили, что других старост они не признают. Администрация поморщилась, но признала выборы.

К концу октябрьской забастовки *заводские комиссии* или *комитеты* существовали почти во всех крупных заводах. Высшего пункта своего развития они достигли в период кратковременной власти Питерского Совета Раб. Деп. По образцу питерских, возникали подобные фабр.-заводские организации и в других промышленных центрах.

Доклады представителей союза рабочих-металлистов на первой конференции проф. союзов работников по металлу Московского промышленного района с участием представителей Бакинского, Петербургского, Донецкого и других районов рисуют почти аналогичную картину возникновения фабр.-заводских представительных ячеек.

«*Комиссии возникали,* по словам представителя питерских металлистов, *в процессе борьбы.* В глазах рабочих авторитет их очень велик».

Функции комиссий были чрезвычайно разнообразны. Комиссии входили во все мелочи заводской повседневной жизни, следили за соблюдением условий устного договора, разрешали конфликты, *следили за поступлением заказов заводам,* за распределением рабочих, организовывали помощь безработным и пострадавшим от правительственных репрессий, становились во главе стачек, если конфликты не разрешались мирным путем.

Представитель донецких рабочих-металлистов рассказал о деятельности так назыв. «*Депутатского собрания*» из представителей от всех цехов, которые упорно боролись внутри завода за самоуправление и к лету 1906 года фактически являлись хозяевами заводов (завод Гартмана). «Без воли Депутатского собрания администрация не делала ни одного шага. Все негодные администраторы по требованию Депутатского собрания заводоуправлением уволены. Рабочие, пострадавшие за убеждения и забастовки, Депутатским собранием восстановлены на старых местах в заводах. Депутатское собрание не только руководит в заводе, но имеет неограниченное влияние среди городских жителей».

Тот же депутат из Донбасса делает следующие выводы из этой ярко-революционной деятельности ф.-з. представительства:

«Все бралось захватным порядком. *До организации союза громадную роль играло делегатское собрание.* Популярность его распространилась на весь город. Всеми завоеваниями рабочие обязаны, главным образом, борьбе при посредстве делегатского собрания».

Политическая линия фабр.-зав. представительных организаций была четко-классовой. Когда промышленники, в лице министерства торговли и промышленности, захотели «домашним образом» (после краха комиссии Коковцева) узнать мнение рабочих по поводу изготовленных ими законопроектов, и директор департамента торговли и промышленности пригласил к себе семяниковских старост для беседы по этому поводу, старосты устроили ряд рабочих собраний и вынесли резкую резолюцию осуждения и недоверия законодательным фокусам правительства.

В результате были произведены обыски у старост.

Через своих фабр.-зав. представителей рабочие откликались на все политические события. После Цусимы депутаты проводили на общезаводских рабочих собраниях революционные резолюции. *Все политические выступления рабочих возглавлялись их депутатами.*

Так интенсивно и глубоко, по революционному, шла работа у депутатов-металлистов.

Только благодаря этому характеру деятельности депутатов металлисты добились в этот период больших завоеваний в области рабочего дня, заработной платы, а главное—в области «заводской конституции».

Какие можно сделать выводы из рассмотренных «конституционных» достижений русских рабочих в революционном 1905 году?

1) Происхождение фабр.-зав. представительных организаций связано с боевыми усилиями рабочего класса освободиться от последних остатков крепостнических отношений.

Почва, их создавшая—стачка.

Ближайший родственник и предшественник — фабр.-заводская стачечная организация.

2) Значит, и атмосфера деятельности, и круг задач, и об'ем функций фабр.-заводск. организаций должны определяться революцией, родившей их. С под'емом революционной волны поднимается и напор фабр.-заводских органов на капитал, в особенности в области правовой.

3) Широкий размах, который принимает их деятельность в области фабричного самоуправления, неизбежно приводит к выходу «через границы», установленные капиталистическим способом производства. Стремясь к расширению своих прав в области установления «фабричной конституции», желательной рабочему классу, но *не изменяя* капиталистического способа производства, фабрич.-заводская организация приходит к самоотрицанию и *об'ективно* служит в пользу капиталиста, разлагая рабочие ряды (автономные комиссии печатников).

4) Деятельность фабр.-зав. представительства не может в условиях политического бесправия и экономического угнетения со стороны государственной власти ограничиваться сферой узко-экономических и тем более только своих «домашних» вопросов. Экономическая борьба фабр.-зав. комиссий, депутатов и т. п. неизбежно переплетается с борьбой правовой, политической (у металлистов особенно ярко).

6. Роль Советов Рабочих Депутатов.

(А. Ельницкий — «История рабочего движения в России», стр. 195—211, изд. 1923 г.).

К средине 1905 года самые отсталые слои рабочих начали сознавать необходимость созидать собственные организации и приступали к устройству профессиональных союзов или выбирали делегатов для руководства своей борьбой. Так было, например, в Иваново-Вознесенске, Одессе, Саратове и многих других городах. Во время октябрьской стачки типографских рабочих в Москве был сделан дальнейший шаг в этом направлении в смысле создания более правильного представительства и придания самой организации большей определенности.

Наконец, в Петербурге новый тип широкой революционной организации рабочего класса получил свое завершение. Призыв социал-демократов, предложивших рабочим перед началом всеобщей забастовки образовать, путем всеобщих выборов по заводам, революционный рабочий комитет, нашел быстрый отклик в рабочей среде.

Уже 13 октября состоялось первое заседание Петербургского Совета рабочих депутатов в здании Технологического института, на котором при-

сутствовали представители 40 фабрик и заводов. Было внесено решение немедленно же призвать пролетариат столицы к всеобщей политической забастовке и к выборам депутатов...

Постепенно к нему примкнули все промышленные заведения, значительное число торговых заведений и профессиональные союзы, так что общее число рабочих депутатов в середине ноября достигло до 562 чел. и в Совете были представлены 147 фабрик и заводов, 34 мастерские и 16 профессиональных союзов. По производствам состав Совета распадался в это время на следующие группы: от рабочих, занятых обработкой металлов—351 деп.; по обработке волокнистых веществ—57; рабочих бумажного и печатного производства—32 чел.; по обработке дерева—23 чел.; резинового, сапожного и кожевенного производств—15 чел.; табачного—13 чел.; приказчиков и служащих в экспедиции газет—12 чел.; рабочих производства взрывчатых веществ—11 чел.; рабочих, обслуживающих пути и средства сообщения—11 чел.; рабочих по обработке химических продуктов—9 чел.; конфектных фабрик—7 чел.; осветительных предприятий—7 чел.; лиц, занятых в конторах и аптеках—7 чел.; рабочих стеклянного производства—3 чел.; изготовляющих белье и платье—2 чел.; рабочих часового и ювелирного производства—2 чел.

Совет рабочих депутатов являлся в одно и то же время и *политической, и экономической организацией* петербургского пролетариата. Его задача состояла в том, чтобы придать единство революционной борьбе пролетариата. Тайна его могущественного влияния в том, что он, будучи естественным органом пролетариата, сознательно боровшегося за завоевание политической свободы, становится фокусом всех революционных сил страны в момент наибольшего напряжения революционной борьбы...

Многие, в том числе и реакционное суворинское «Новое Время», называли Совет «пролетарским правительством», и он, действительно, являлся зародышевым органом власти, осуществляя ее, поскольку это обеспечивала за ним революционная мощь рабочих масс и кварталов, при наличии общей слабости и деморализованности старой власти.

На ряду с политическими выступлениями *Совет рабочих депутатов взял на себя и руководство экономической борьбой рабочих,* которая продолжалась и после окончания всеобщей забастовки и даже расширялась, захватывая все новые и новые слои рабочих.

Он помогал рабочим организовывать профессиональные союзы, частью же заменял таковые, принял на себя миссию примирительной камеры в столкновениях между трудом и капиталом, содействовал открытию заводов и обратному приему рабочих и стремился обслуживать целый ряд повседневных нужд рабочей массы. Для более быстрого удовлетворения этих нужд организация Совета была разбита на районы, соответственно естественным группировкам рабочей массы, а также при нем вскоре был организован ряд отделов и комиссий по специальным отраслям деятельности...

Когда в декабре 1905 года последовал призыв Петербургского и Московского Советов к решительной борьбе с надвигавшейся реакцией, все эти

организации (С.Р.Д. в провинции) доказали, что они пользуются прочным и широким влиянием; им в большинстве случаев удавалось брать в свои руки всю власть на местах. Но, увы... не надолго.

Реакция уже надвигалась во-всю, и на окраины России, в виду их особой революционности, она двинула специальные «карательные экспедиции», стяжавшие себе громкую известность своей свирепой расправой с освободительным движением.

Для успешного противодействия стремлениям предпринимателей рабочие инстинктивно ухватились за создание своих собственных профессиональных союзов, начало которым было положено еще ранее; теперь же, под влиянием безработицы и натиска капиталистов, количество союзов и число членов в них стало быстро расти.

7. Революция, Советы Рабочих Депутатов и профессиональные организации.

(А. Панкратова — «Фабзавкомы России в борьбе за социалист. фабрику», стр. 119—123, изд. 1923 г.

Октябрьская революционная волна вынесла на свет не только самоуправляющиеся фабрично-заводские организации, но и создала самоуправление рабочего класса—орган его диктатуры—Совет Рабочих Депутатов.

Совет Рабочих Депутатов явился естественным завершением того процесса об'единения, который пошел снизу, создавая рабочих уполномоченных и депутатов и разрушая тем самым кажущуюся твердокаменность фабричного самодержавия капиталистов.

Чем был Совет Рабочих Депутатов и фабр.-зав. комитеты в революционной борьбе рабочего класса в этот период?

Фабр.-зав. комитеты (или иные соответствующие организации) были первыми орудиями, направленными с тысячи сторон в стену капиталистического самодержавия. Совет Рабочих Депутатов был тяжелой артиллерией, пришедшей на помощь в этой борьбе.

Борьбу нужно было об'единить, скоординировать, согласовать, соблюдать все правила военной стратегии и тактики. Это могла сделать такая авторитетная пролетарская организация, как Совет Рабочих Депутатов.

Совет Рабочих Депутатов *не только* рабочий парламент, он—боевой штаб рабочего класса, точно также и фабр.-зав. органы представительства рабочих—*не только* органы пролетарского самоуправления внутри фабрики, но и боевые орудия в руках пролетариата в его борьбе за полное экономическое и политическое освобождение.

Таково историческое происхождение и назначение и Советов и фабр.-зав. комитетов. Эволюция обоих органов борьбы пролетариата есть эволюция его наступательного движения на капитал. С реакцией погибли и Советы и фабр.-зав. комитеты, но идея, об'ективно в них заложенная, вошла внутрь пролетарского движения и стихийным потоком вышла в революцию 1917 г.

...По существу, по своей исторической роли и задачам, так же, как и по происхождению, Совет и фабр.-зав. комитеты—организации кровно родственные.

Отсюда вытекала и согласованность их боевой тактики и взаимная поддержка. Создавши Совет, фабр.-зав. организации вошли в его полное подчинение. Они стали его исполнительными ячейками, проводниками его решений, тесной органической связью между широкими массами пролетариата и органом пролетарской власти—Сов. Раб. Деп.

Центральным пунктом борьбы была борьба за 8-ми час. рабочий день. И так как здесь борьба рабочего класса выходила за границы, допускаемые буржуазией (в борьбе за Учредительное Собрание, шедшей частично с пролетариатом), ибо вторгалась в область прибыли капиталиста, то именно здесь пролетариат, в лице своих представительных органов, дал бой капиталу. Формально бой был проигран. Установить революционным порядком, при помощи фабр.-зав. представительства 8-часовой рабочий день было можно, но закрепить его было нельзя: соотношение сил было не в пользу пролетариата. Когда Совет дал распоряжение не проводить 8-часового рабочего дня, в виду изменившихся условий борьбы, фабр.-зав. комитеты проводили и это постановление, как и первое, стремясь на сколько возможно приблизить рабочий день к 8-часовому. Хроника социалистических газет («Новая Жизнь», главным образом) отмечает, с какой неохотой подчинялись этому решению Совета рабочие массы и даже их представители, не понимая еще того, что было ясно Совету,—что бороться дальше у пролетариата не хватало сил, но организующая и дисциплинирующая сила, в лице рабочих представительных ячеек, не дала этому настроению рабочих вылиться в анархические формы, дезорганизующие единство рабочего движения.

Совет Рабочих Депутатов и, особенно, его исполнительный комитет зорко следил за всем, что происходило в недрах фабрик и заводов, приходя во всех затруднительных случаях на помощь рабочим депутатам. Он содействовал разрешению конфликтов с предпринимателями, он помогал в разрешении вопросов профессионального характера. Тем более, что профессиональные союзы были еще в огромном большинстве молоды и некрепки. Занятые спешной организационной стройкой, собирая по горсточкам пролетариат, рассыпанный в разных производствах и профессиях, вырабатывая основы тарифов,—професс. организации просто физически не были в состоянии овладеть рабочим движением в его целом.

Вот почему некоторые обязанности проф. союзов брали на себя фабр.-зав. организации, а другие — Совет Раб. Деп. в каждом городе.

Профессиональные союзы признавали громадное значение и организующую роль этих организаций. Так, Питерский союз металлистов, как заявил его представитель на апрельской конференции 1906 г., «признавал все время громадное значение за заводскими советами, которые должны были стать основами организации на заводах и в то же время представителями рабочих данного завода перед его администрацией».

У печатников уполномоченные (выборные) от типографии представляли всех рабочих типографии и вместе с тем были органами союза. В неоформленных союзах уполномоченные играли роль правления союза (Тифлис, Таганрог), в оформленных входили в правление союза (Архангельск). В тех или других случаях они были постоянно действующим учреждением, принимавшим непосредственное участие в делах союза и в сношениях с администрацией.

Таким образом, в большинстве случаев устанавливалась связь между фабр.-зав. комитетами или комиссиями и проф. союзами. Эта связь необходима была в интересах единства рабочей борьбы. Вот почему профессиональные союзы, поскольку у них хватает сил, отстаивают права фабр.-зав. организаций от всяких покушений на них со стороны капиталистов.

Эта тесная связь между заводскими комиссиями и проф. союзами помогла печатникам сохранить основы организованности рабочих даже тогда, когда проф. союзы в административном порядке были разгромлены.

8. Влияние социал-демократии.

(С. Айнзафт — «Первый этап проф. движения в России», стр. 46—48, изд. 1924 г.).

В целом ряде мест, преимущественно в Западном крае, но отчасти также и в Москве (союзы печатников, приказчиков, кондитеров, булочников, столяров и некоторые др.) союзы сразу конструируются как партийные, т.-е. примыкают к социал-демократии и находятся под ее руководством; здесь прямое влияние социал-демократии очевидно.

Но и союзы, об'явившие себя беспартийными, в своем огромном большинстве возникли под прямым или косвенным влиянием социал-демократии. Стоит только просмотреть хронику питерской профессиональной печати в период возникновения союзов, чтобы сейчас заметить, что хотя питерские союзы в своем абсолютном большинстве были формально беспартийными, тем не менее они все возникли под влиянием и при содействии социал-демократии. Точно также, если взять общую сводку данных о союзах печатников, составленную на основании докладов с мест 1-й всероссийской конференции печатников, то мы увидим, что союзы печатников возникли под непосредственным влиянием социал-демократии в следующих городах: Москва, Одесса, Елисаветград (Самара, Уральск, Баку, Тифлис, во всех городах Северо-Западного края и Польши). А в том же самом обзоре указывается, что почти все союзы за исключением союзов печатников Северо-Западного края и Польши, а также Таганрога, стоят на точке зрения партийной нейтральности.

Такие же сведения мы получаем из отчетов с мест делегатов 1-й конференции союзов металлистов. Из этих отчетов видно, что союзы металлистов организовались под непосредственным влиянием социал-демократии в следующих городах: Иваново-Вознесенск, Саратов, Самара, Астрахань, Ви-

тебск, Петербург. В отчете из Донбасса не указывается, возникли ли союзы при содействии социал-демократии, но указывается, что по инициативе местной социал-демократической организации была созвана губернская конференция профессиональных союзов. Эти сведения, конечно, крайне неполны, но и они доказывают, что непосредственное влияние социал-демократии в деле возникновения профессиональных союзов было огромно.

Но даже там, где прямого влияния ее и не было, она оказывала влияние косвенное. Так, если мы возьмем историю возникновения питерского союза печатников, то мы увидим, что хотя он возник вне прямого влияния социал-демократической организации, тем не менее косвенное идейное влияние последняя оказывала на деятельность этого союза с первого же момента его возникновения. Это выразилось в том, что союз сразу стал не на узко-цеховую, а на широко-классовую точку зрения, стремился об'единить все специальности полиграфического производства, содействовать развитию профессионального движения среди рабочих других профессий и основанию союзов печатников в других городах. Эти последние стремления получили свое яркое выражение в открытии формальных отделений союза в Москве и Харькове, об'езде представителем союза ряда городов, в активной роли, которую союз играл в деле созыва первой всероссийской конференции профессиональных союзов и создании для этой цели питерского «районного бюро», зародыша питерского центрального бюро профессиональных союзов. Косвенное влияние социал-демократии имело место также тогда, когда союзы возникали при содействии сконструировавшихся центральных бюро профессиональных союзов; идейное влияние социал-демократии в огромном большинстве центральных бюро было господствующим.

9. Почему первыми организовались в союзы ремесленные рабочие и служащие.

(Д. Антошкин — «Профессиональное движение в России», стр. 82—89, изд. 1924 г.).

Самой доступной, можно сказать, единственной формой организации распыленных ремесленников и служащих, вступающих в экономическую борьбу, является профессиональный союз. *Стачечная борьба фабрично-заводских рабочих могла развиваться и достигнуть определенных результатов и при отсутствии профессиональных союзов;* отсутствие их до известной степени могло компенсироваться внутренней спайкой, вырабатывавшейся в самом процессе производства; стачка на большом заводе или фабрике сама по себе есть крупный общественный факт и при наличии определенных условий она с одного предприятия легко перебрасывается на соседние и стихийно переходит во всеобщую, распространяя свое возбуждающее влияние и на предприятия других производств, и на другие промышленные центры; даже при полном отсутствии какого бы то ни было организованного руководства стачечное движение могло неограниченно расширяться

и принуждать предпринимателей к уступкам. В моменты промышленных под'емов и локальная стачка на одном крупном предприятии могла оканчиваться успешно для рабочих, так как упорство предпринимателя сламывалось в предвидении огромных потерь; и чем выше стояло в техническом отношении предприятие, тем труднее и невозможнее было заменить бастующих рабочих другими даже при наличии безработных и при отсутствии профессиональной организации, регулирующей рынок труда устранением на нем конкуренции. Совершенно иное дело в ремесленном производстве, в торговле и т. п.: локальная стачка в одном предприятии здесь обречена на полный провал, если она не ведется сплоченной организацией; даже в последнем случае она редко может оканчиваться победой наемного труда; в этих отраслях хозяйства на успех могут расчитывать только групповые и общие стачки, да и то при известных благоприятных условиях, сопутствующих стачечной борьбе. Такие стачки в мелких предприятиях проводить при отсутствии хорошо сплоченной организации невозможно.

Этим и об'ясняется, что как только создались благоприятные условия для экономической борьбы рабочих и служащих в мелкой промышленности, ремесле и торговле, среди них сейчас же начинают появляться профессиональные организации. В одних случаях они предшествуют началу борьбы, в других—вырастают в момент об'явления борьбы и в ее процессе, оформляясь из временных стачечных организаций в постоянные профессиональные союзы.

Гриневич, несомненно, впадает в ошибку, когда, на ряду с другими причинами более поздней организации союзов у промышленных рабочих, выдвигается об'яснение, что промышленные рабочие целиком отдавали свои силы политической борьбе и не уделяли большого внимания экономическим выступлениям, следовательно, профессиональным союзам. Статистика стачек только на предприятиях, подчинявшихся надзору фабричной инспекции, показывает, что экономические выступления составляли в 1905 году 52% всех стачек. Экономическая борьба промышленных рабочих по своей широте и интенсивности значительно превосходила все предыдущие периоды.

Что дело не в том факте, что политическая борьба отвлекала, определенно видно в последующие периоды профессионального движения: 1) при под'еме революционного движения и широком участии рабочих в политических выступлениях в 1912—14 г.г. профессиональные союзы росли и крепли; 2) то же и в 1917 г.—профессиональные союзы восстанавливаются сразу во всех производствах на ряду с организацией фабричных и заводских комитетов.

Очевидно, что в первый год революции различные заводские организации—фабричные и заводские комиссии, старосты, депутаты и проч. удовлетворяли применявшейся в борьбе тактике и условиям, в которых велась борьба; суррогаты фабричных и заводских организаций при наличии партийных организаций не вызывали большой потребности в оформленной профессиональной организации. Такая потребность настоятельно выявилась только при общем организованном наступлении капитала и политической

реакции, когда требовалась определенная оформленность оборонительной борьбы. Политический разгром революции влиял в направлении оформления двух форм классовой организации—политической и профессиональной—и вызывал необходимость дифференциации, разделения — по тактическим и стратегическим соображениям — классовой борьбы на политическую и экономическую, поскольку была возможность при надлежащей организации оборонительной борьбы отстоять некоторые экономические и правовые завоевания, добытые в революционной борьбе. Именно *после разгрома декабрьского восстания в Москве, а затем и в ряде других городов и после ареста Петербургского Совета Рабочих Депутатов фабрично-заводские рабочие начинают организовываться в профессиональные союзы.*

Неправильно было бы об'яснять более позднее возникновение профессиональных союзов у индустриальных рабочих в России, по сравнению с ремесленниками, тем, что «пестрая масса» промышленного пролетариата «к моменту возникновения рабочего движения» обычно еще не успевает окончательно «перевариться в фабричном котле». Во-первых, 1905—1906 г.г. не есть момент «возникновения рабочего движения», а являются революционным периодом рабочего движения. Во-вторых, к этому моменту мы имеем уже значительные кадры пролетариев, успевших «перевариться в фабричном котле» и количественно представлявших столь внушительную силу, что могли увлечь на путь революции весь рабочий класс и потрясти до самых основ самодержавно-полицейский строй. И ремесленники, если отбросить узкую область Северо-Западного края, впервые примкнули к широкому рабочему движению и впервые стали строить классовые организации именно в результате потрясений, произведенных рабочими крупной промышленности. Революционное движение 1905—1906 г.г., конечно, предполагает наличие вполне созревшей способности рабочего класса к устойчивой и выдержанной организации, ибо без такой способности революция не делается. С. Айнзафт без всяких сомнений заявляет, что масса промышленного пролетариата, «недавно согнанная на фабрику, еще не успела освоиться со своим новым положением и не способна к устойчивой и выдержанной организации». Конечно, не поголовно все рабочие были способны к этому. Больше того,—в одних отраслях промышленности рабочие были более, в других менее революционны, устойчивы и выдержанны. В наибольшей степени этими качествами обладали рабочие наиболее концентрированной и механизированной металлической промышленности. Но нельзя же говорить, что рабочие российской промышленности не были способны к устойчивой и выдержанной организации в то время, когда они встали во главе российской революции и втянули в нее большие группы наемного труда, дотоле совершенно не затронутые революционным движением, в том числе и ремесленников...

Тот факт, «что союзы ремесленных рабочих в первый период нашего массового профессионального движения, в 1905—1907 г.г., сыграли гораздо большую роль, чем в последующую эпоху, моментами превосходя по своему значению союзы фабрично-заводских рабочих, особенно текстильщиков и

горнорабочих» (там же, стр. 166), об'ясняется, главным образом, тем обстоятельством, что в предыдущий период ремесленные рабочие не вели никакой борьбы со своими хозяевами именно из-за отсутствия организации, почему они и находились в значительно худшем положении, чем фабрично-заводские рабочие. Вести эту борьбу—как указано выше—они могли только при наличии организации, об'единяющей, по крайней мере, большинство ремесленных рабочих данной отрасли. Поэтому-то, как только представилась возможность организоваться, ремесленные рабочие приступили к организации профессиональных союзов, чтобы через них вступить в борьбу с хозяевами за улучшение своего положения. Фабрично-заводские рабочие могли на первых порах развернуть—и развернули борьбу без профессиональных союзов, пользуясь для об'единения своей борьбы, когда это надо было, другими формами организаций, в том числе и политическими—в лице Российской Соц.-Дем. Раб. Партии.

Сомнительно также, чтобы власти после того, как закрыли отделы гапоновского «Собрания» потерпели широкие открытые об'единения рабочих в весенние и летние месяцы 1905 г., когда они еще чувствовали под собой сравнительно твердую почву и надеялись ликвидировать движение раньше, чем оно достигнет высшей точки. Власти могли еще мириться с организациями ремесленных рабочих и служащих, которые имели весьма малое значение в революционном движении. Да и то до осени большинство этих организаций вели полулегальное и нелегальное существование или не выступали в качестве оформленных профессиональных союзов...

10. Профессиональные союзы в цифрах.

(Д. Антошкин — «Професс. движение в России», стр. 171—173, 387—390, изд. 1924 г.).

Полных и точных данных о количестве союзов и количестве организованных рабочих и служащих не имеется. Цифровые сводки о числе союзов и их членов имеются на 1907 год—они собраны комиссией по созыву с'езда (не состоявшегося) профессиональных союзов. Эти данные далеко не представляют полной картины. И не только потому, что комиссия не имела сведений от всех существовавших в то время союзов, а и потому, что в самих союзах, работавших в боевой революционной обстановке, не был поставлен статистический учет. Но они все же дают приблизительное количественное представление о профессиональных союзах для 1907 года. Количество организованных в професс. союзы по этим данным равнялось в среднем 3,5 процентам, причем наименьший процент организованных был среди рабочих иглы и горных рабочих (1,2 и 1,5%) и наибольший у печатников (47,5%).

Представление об организованности по отдельным отраслям промышленности дает следующая таблица (на стр. 134).

По данным главного по фабричным делам присутствия (приведены у Святловского—«Профессиональное движение в России», стр. 171), к 1 июля

Группы производств и занятий.	Число союзов.	Число членов союзов.	%% организованных к общ. числу рабочих.
Горное дело	6	3.475	1,5
Обработка дерева	38	9.927	2,4
„ кожи	85	12.066	7,1
„ металла	81	54.173	8,6
Изготовление одежды	59	14.402	1,2
Печатное дело	72	28.654	47,5
Производство питательных продуктов.	78	24.848	7,2
Строительное дело	43	12.396	1,7
Текстильное производство	25	37.214	3,9
Торговля	101	32.475	2,2
Прочие	65	17.005	—
Итого	653	246.635	3,5

1907 года в 59 губерниях и областях числилось по заявлениям о своем существовании 861 профессиональное общество; из них действующих было 643 (74,7%), отказанных в регистрации—187 (21,8%) и закрытых 31 (3,6%).

По данным «Записки о профессиональном движении в империи» количество действовавших союзов к 1908 году определялось числом 890 (из них 99 не легализованных). Союзы охватывали рабочих и служащих 102 профессий.

Наиболее развито профессиональное движение было в крупных промышленных центрах. Косвенно это подтверждается тем, что наибольшее количество союзов было сосредоточено в немногих пунктах России, а именно: свыше 10 союзов в городе имели 15 городов, от 5 до 9 союзов—19 городов, по 2—3 союза—28 городов и по одному союзу—69 городов. О том же говорят и цифры, относящиеся к 1906 г. и приведенные Айнзафтом («Первый этап» и т. д. «Вестник Труда», за 1923 год, № 4 стр. 131—132): в 17 городах в то время было организовано 69 союзов, причем на долю 9 крупных промышленных центров приходилось 52 союза и на остальные восемь менее значительных—17 союзов. С 1907 года это положение если и изменялось, то именно в сторону уменьшения роли небольших промышленных центров в профессиональном движении, так как профессиональные союзы проявляли и большую жизненность, и более стойкую сопротивляемость в крупных центрах рабочего движения, которые совпадали с крупными центрами фабрично-заводской промышленности.

С такими итогами вступило наше легализованное профессиональное движение в полосу реакции.

V. Закон 4-го марта 1906 г.

1. Причины издания закона.

(А. Гудван—см. „Вестник Труда“ № 7, стр. 242—243, за 1924 г.).

Самым характерным явлением в рабочем движении в годы первой революции, несомненно, следует считать развившееся профессиональное движение. Широким потоком разлилось оно по городам и весям необ'ятной России и всюду пробудило к жизни самые отсталые слои рабочего класса. Кто только не всколыхнулся тогда! Начиная с представителей высших, наилучше оплачиваемых отраслей труда и кончая самыми отсталыми профессиями и категориями наемных рабочих вроде трактирных полотеров, домашней прислуги, дворников и т. д., и т. д.

Ответом на движение, охватившее всю страну, явились, с одной стороны, небывалые до тех пор репрессии и разгромы созданных профессиональных организаций, а с другой стороны издание временных правил 4 марта 1906 года.

Не имея возможности задавить профессиональное движение рабочих, правительство решило наложить на него узду, издав для этой цели *«Временные правила о профессиональных обществах, учреждаемых для лиц, занятых в торговых и промышленных предприятиях, или для владельцев этих предприятий»,* получившие в профессиональной печати название «закона 4 марта».

В журнале заседания Комитета Министров от 28/31 января 1905 г. по вопросу о том, следует ли правительству *«организовывать вне закона* рабочие союзы, входя в них через особых доверенных агентов и руководителей рабочих, по указанию полицейских властей», после ссылок на печальные практические результаты этой «меры» занесено: *«Случившееся несчастие непоправимо.* Но тем большее значение должен иметь *опыт,* полученный столь тяжкою ценою, и последствия его должны быть достаточны, чтобы *навсегда покончить с мыслью о возможности вмешательства полицейской власти в сферу экономической жизни».*

«Идея подобного рода политики,—об'ясняет записка министра внутренних дел,—вытекала из желания своеобразно примирить непримиримое: необходимость признания рабочих организаций самодержавным режимом».

Позорный провал зубатовщины, а затем Гапона, вместе с усилением наступательного движения пролетариата, изменили соотношение сил. Весною 1905 г. правительство решило, наконец, выработать и издать закон о профессиональных рабочих союзах.

Свой проект закона министр торговли и промышленности (В. И. Тимирязев) внес в Совет Министров при отношении, в котором подчеркивалась крайняя *необходимость немедленно определить дальнейшее отношение правительства к вопросу о профессиональных союзах, на основании манифеста 17 октября 1905 года.* Тимирязев предлагал в виду того, что в Петрограде и других городах стали организовываться профессиональные союзы, которые в некоторых случаях носят *«несомненно здоровое в своем корне начало»,* впредь до издания общего узаконения о профессиональных обществах и союзах издать «временные по сему предмету правила».

Одновременно с «правилами 4 марта» опубликованы были комментарии к ним Государственного Совета, ясно показывающие, какие мысли и намерения одушевляли наших законодателей. Указав на то, что рабочие ассоциации росли, несмотря «на противодействие правительства», Гос. Совет признает необходимость их легализации, чем для рабочих «открывается законный путь к удовлетворению совместными усилиями их материальных и духовных потребностей, а с тем вместе *ослабляется для них соблазн уклонения в сторону политики».*

Такое нежелательное уклонение в сторону политики происходило, по мнению Гос. Совета, благодаря тому, что до последнего времени среди рабочих не допускалась самодеятельность, а отсюда как бы следовало, что «правительство само берет на себя все заботы удовлетворения их многочисленных потребностей». Благодаря такому положению отрицательные стороны жизни рабочих естественно ставились всегда в укор правительству, и «движение рабочих, *вместо того,* чтобы задаться целью улучшения их экономических и социальных условий, приняло характер *революционной борьбы* с существующим государственным порядком».

Отсутствие закона «побудило рабочих ко вступлению в общества, образованные под руководством и при участии посторонних лиц, преследующих *политические цели,* что вовсе нежелательно *с точки зрения поддержания порядка в означенной среде».*

Мечтая снова втиснуть рабочее движение в журчащий ручееек мирных соглашений с предпринимателями под строгим надзором полиции, Совет как бы оправдывается в своей наивности и ссылается на заявление председателя совета министров, в котором, между прочим, говорится следующее: «В настоящее время имеются довольно благоприятные условия для воздействия в указанном направлении (читай: в смысле отвлечения рабочих от социализма и политики.—А. Г.) на рабочие массы. В настроении их за последние месяцы замечается сильная перемена. Среди фабричного и заводского населения начинает проявляться стремление к утверждению более близких ему экономических интересов». Революционное движение, по его мнению, сменяется менее опасным социалистическим движением. «При таких условиях

издание закона, нормирующего это движение, вводящего его, так сказать, в законное русло, представляется в настоящее время необходимым и даже вполне неотложным». По личному же об'яснению ст.-секр. графа Витте, проект... «указывает пути к миролюбивому разрешению возникающих на почве борьбы капитала с трудом споров и недоразумений между рабочими и владельцами фабрично-заводских предприятий».

Из приведенных цитат видно, к чему стремилось правительство гр. Витте.

2. Сущность закона.

(В. Гриневич—„Профессиональное движение рабочих в России", стр. 59—62, изд. 1922 г.).

Мы остановимся здесь только на главных чертах закона 4 марта. Уже само оглавление закона вводит крупное ограничение. «Свобода» союзов распространяется только на лиц, «занятых в торговых и промышленных предприятиях, или для владельцев этих предприятий». Все сельско-хозяйственные рабочие, железно-дорожные рабочие и служащие, служащие телефонов и телеграфов лишены даже и этой «свободы». Кроме того, закон вводит ограничение (§ 7) даже и для тех лиц, которые могут пользоваться этой «свободой». Он требует, чтобы «профессиональные общества» составлялись из лиц, «занятых одинаковыми, однородными, либо имеющими между собою связь работами или промыслами». Ниже мы увидим, что этот параграф дал повод местной администрации вмешиваться даже в вопросы внутреннего строения союзов.

Закон 4 марта не только ограничивает круг лиц, которые могут им пользоваться, но и пытается своим определением целей профессиональных обществ направить профессиональное движение по определенному руслу. Госуд. совет отверг даже сверхскромную формулировку правительственного проекта: «профессиональные общества имеют целью исследование и защиту экономических интересов и улучшение условий труда своих членов». По его мнению, «защита интересов предполагает как бы боевое к ним отношение и легко может натолкнуть рабочих на мысль, что борьба с предпринимателями составляет главную задачу предусматриваемых проектом обществ. Между тем, *цель сих последних должна заключаться в мирном разграничении сталкивающихся интересов труда и капитала и в возможном их согласовании*».

Этот манчестерский взгляд о гармонии интересов труда и капитала госуд. совет пытается навязать нашим союзам. § 1 закона 4 марта говорит: «Профессиональные общества имеют целью *выяснение и согласование* экономических интересов, улучшение условий труда своих членов»... § 2 указывает, что «в частности профессиональные общества могут ставить себе целью: а) изыскание способов к устранению, посредством соглашения или третейского разбирательства, недоразумений, возникающих на почве договорных условий между нанимателями и нанимаемыми; б) выяснение раз-

меров заработной платы и других условий труда в различных отраслях промышленности и торговли и т. д.».

Эта формулировка пытается вытравить из уставов профессиональных союзов всякий намек на их боевой характер и приблизить их к типу гирш-дункеровских касс взаимопомощи.

В остальной своей части закон 4 марта является самобытным творчеством государственных мужей, пытавшихся нормировать «свободу союзов» под углом зрения «охранения государственного спокойствия и порядка».

Об'явленный торжественно в § 2 разд. I явочный порядок открытия обществ и союзов («общества и союзы могут быть образованы без испрошения на то разрешения правительственной власти») в ряде статей закона превращается для профессиональных союзов фактически в старый дискреционный [1]) порядок открытия союзов. Вместо мин. вн. дел, теперь разрешает или «регистрирует» устав союза губернское или городское по делам об обществах присутствие, состоящее в своем большинстве из чиновников, в своем меньшинстве из представителей городского и земского самоуправления, т. е. представителей дворянства и крупных землевладельцев и крупной буржуазии. От этого «присутствия» зависит регистрация устава. Оно может разрешить или отказать в регистрации, сообщив в последнем случае мотивы отказа (раз'ясн. пр. сен.). Подача заявления обставлена целым рядом тягостных формальностей, а устав, представляемый по закону для регистрации, фактически же для утверждения, должен подробно регламентировать всю жизнь союза. Однако, этим не ограничивается вмешательство администрации во внутреннюю жизнь союза. Союз обязан извещать ее о составе правлений, об изменении устава, об открытии и закрытии отделений и т. д.

Закрытие союзов находится в еще большей зависимости от администрации, чем их открытие. Всякое формальное нарушение устава может повлечь за собою закрытие союза, постановление о котором предоставлено делать по предложению губернатора и градоначальника тому же присутствию по делам об обществах. Но, кроме того, в случае «если деятельность общества угрожает общественной безопасности и спокойствию»,—о том, как растяжимо это понятие, говорит вся русская действительность,—губернатор или градоначальник в праве «приостановить собственною властью действие общества, о закрытии его предложить на разрешение губ. или гор. по делам об общ. присутствия» (§ 35, I).

Закон 4 марта вводит, наконец, для профессиональных союзов еще одно очень серьезное ограничение. Определив общество как «соединение нескольких лиц, которые, не имея задачей получение для себя прибыли от ведения какого-либо предприятия, избрали предметом своей совокупной деятельности определенную цель, а союзом—соединение двух или нескольких таких обществ, хотя бы через посредство их уполномоченных»,—закон 4 марта воспретил безусловно соединение профессиональных обществ в союзы

[1]) Произвольный, не основанный на законе.

(§ 6, II), мотивировав свое решение той же пресловутою «серьезною опасностью для общественного спокойствия и порядка» (стр. 41).

С другой стороны, разрешив профессиональным обществам открывать отделения, закон сильно ограничил это право условием, «чтобы означенные отделения не имели особого от общества управления». (§ 5, II).

Мы не будем останавливаться на дальнейших деталях закона. Думаем, что и сказанного выше достаточно для того, чтобы убедиться, в какой степени закон 4 марта соответствует праву коалиции. Извратить истинную сущность союзов, превратить боевые союзы рабочих для борьбы с предпринимателями за улучшение условий труда в соглашательские кассы взаимопомощи, установить зависимость открытия и закрытия союзов от местной администрации, санкционировать вмешательство со стороны последней как во внутреннюю жизнь, так и строение союзов, ввести целый ряд тягостных ограничений деятельности их—это едва ли может означать «открыть рабочим законный путь к удовлетворению совместными усилиями их материальных и духовных потребностей».

3. Отношение союзов к закону 4 марта.

(Д. Антошкин—„Профессиональное движение в России", стр. 162—166, изд. 1924 г.).

Появление закона 4 марта было встречено враждебно всеми без исключения профессиональными союзами. Это вполне естественно, ибо—как сказал т. Рязанов на II конференции профессиональных союзов—закон являлся полицейской ловушкой для существовавших союзов и совершенно искажал существо профессиональных союзов, превращая их в невинные общества взаимопомощи. В отрицательной оценке значения закона все сходились. Но при постановке вопроса о практическом отношении к закону выявились две резко противоположные точки зрения: одни предлагали ни в какой мере не подчиняться ему и действовать по-старому явочным порядком, совершенно игнорируя наличие закона; другие, наоборот, настаивали на том, что надо легализовать профессиональные союзы и регистрировать их согласно закона, исходя из того, что рабочий класс уже не в силах осуществить захватное право. Проще говоря, они считали революцию оконченной и в соответствии с этим выдвигали тактику, расчитанную на легальные формы организации.

В противоположность им, противники использования закона 4 марта оценивали положение, создавшееся после разгрома декабрьского восстания, совершенно иначе. Они считали, что революция еще не кончена, что революционная волна, временно опустившись, снова поднимется и сбросит реакцию. Основываясь на оценке экономического положения страны и, в частности, состояния промышленности, эти товарищи доказывали, что в ближайшее же время неизбежно новое расширение стачечного движения, которое также неизбежно примет политическую революционную окраску. В этом отношении они были совершенно правы; в первой половине 1906 г. наблю-

далось повышение политического настроения, и стачечное движение не свернуло своего фронта, причем, так же, как и в 1905 г., оно носило ярко выраженный политический характер. Во всяком случае, 1906 г. был революционным годом, и свертывание революционных знамен, как делали меньшевики, было преждевременно и основывалось не на особом даре предвидения и правильного учета обстановки, что задним числом ставили себе в заслугу меньшевики. Меньшевики жаждали легальной спокойной обстановки, торопились занять уютные местечки в парламенте (государственной думе), революционная буря утомила их, и они торопились опередить события, об'явив революцию оконченной. Они полностью отвергали мысль о нелегальных, подпольно действующих союзах, тогда как сторонники революционных методов борьбы — большевики — считали более правильным временный уход профессионального движения в подполье, чем подчинение реакционному закону, принижавшему классовую сущность профессиональных союзов. Возражение меньшевиков о несовместимости широкого рабочего движения и, в частности, профессионального движения с нелегальными его формами красноречиво опровергалось всей историей российского рабочего движения—в особенности в 1905 и 1906 годах, когда и профессиональные союзы возникали и действовали «незаконно», а большинство их в 1906 году принуждено было действовать подпольно, что не мешало ему развертываться и оформляться; в годы же реакции и упадка революционного движения, чем легальнее были союзы, тем меньшее значение они имели и не становились более широкими организациями по сравнению с теми союзами, которые действовали нелегально или полулегально. Конечно, открытое существование профессиональных союзов неизмеримо удобнее, чем подпольное; но оно допустимо только при условии, когда задачи профессиональных союзов, как классовых организаций, не урезываются, не принижаются.

Обе точки зрения резко столкнулись на второй конференции профессиональных союзов, собравшейся в феврале 1906 г., т.-е. еще до издания закона. В принятой конференцией резолюции нашли свое отражение обе точки зрения. Так, в одном пункте резолюции определенно сказано, что «конференция считает легализацию профессиональных союзов при современных политических условиях безусловно невозможной», и, «считая в то же время крайне важным для развития профессионального движения широкую и открытую деятельность союзов, конференция рекомендует при организации и деятельности профессиональных союзов продолжать принимать так называемый явочный порядок». А в последнем пункте резолюции в качестве уступки сторонникам легализации конференция заявила, что «в случае же, если проектируемый закон войдет в силу, конференция считает допустимым, в виде исключения, при полной невозможности существования союзов на других основаниях, использовать этот закон, превращая его из орудия закабаления рабочего класса в исходный пункт новой, еще более упорной борьбы для завоевания права стачек и коалиций» («Резолюции Всероссийской конференции и с'ездов профессиональных союзов»).

После издания закона вопрос об использовании его снова становится на обсуждение профессиональных союзов. В течение марта месяца выносятся постановления о легализации профессиональных союзов в Петербурге и Москве. Петербургское Ц.Б. профессиональных союзов выносит также постановление не бойкотировать присутствия по делам об обществах и союзах. В провинции наблюдается та же тяга к легализации. Таким образом, на практике резолюция второй конференции не была осуществлена, за исключением немногих союзов, а также союзов Северо-Западного края, приступивших к легализации во второй половине 1906 года. Такое быстрое отступление от резолюции конференции можно об'яснить тем, что профессиональные союзы были уверены, что легализация не наложит печати на их деятельность и в то же время позволит избавиться от закрытия союза. На деле, конечно, так и было; до роспуска 1-й государственной думы закон 4 марта по существу не применялся. Решительный поход против профессионального движения совпал с роспуском государственной думы, когда правительство, опасаясь контр-атаки со стороны рабочего класса, приступило к ликвидации всех рабочих организаций, в том числе и профессиональных союзов, совершенно справедливо считая последние опасными базами, которые могли стать исходными пунктами нового революционного наступления рабочего класса. Легализация не охраняла профессиональные союзы от разгрома, поскольку они оставались организациями классовой борьбы. Легализация не избавляла профессиональное движение от подполья.

В своей практике в годы реакции российское профессиональное движение, когда не было никакой возможности осуществлять явочный порядок организаций союзов, сочетало внешнее существование *по закону 4 марта* и свою деятельность *в соответствии с классовыми задачами пролетариата*, не считаясь с законом, в обход его. Иначе говоря, профессиональное движение сочетало внешне законное существование с «незаконной» деятельностью.

В общем, закон 4 марта не мог иметь решающего значения в оформлении профессиональных союзов, так как и сам он был вызван к жизни определенной политической обстановкой и применение его на практике целиком регулировалось соотношением классовых сил. В зависимости от размаха рабочего движения, он был то весьма стеснительным, то его оболочка разрывалась без всяких усилий. Союзы закрывались бы целыми пачками, профессионалисты арестовывались и высылались бы в годы реакции с такой же беспощадностью, как если бы закона 4 марта и не было, или вместо него был бы прекрасный во всех отношениях закон. С этой точки зрения преклонение меньшевиков перед легальными формами движения и полное отрицание необходимости нелегальной подпольной организации являлось отрицанием необходимости революционной борьбы рабочего класса и вообще всякой его классовой самостоятельности: петициями и подчинением закону 4 марта нельзя было добиться свободы стачек и коалиций; этого можно было добиться только революционными методами борьбы, которыми владели подпольные революционные организации. И характерно, что открытые профессиональные союзы лучше действовали и были крепче там, где они были связаны с

подпольными партийными организациями или и сами в своей деятельности применяли нелегальные способы. Там же, где этого не было, профессиональные союзы чахли и не могли ничем проявить себя как классовые организации.

4. Закон 4-го марта на практике.

(В. Гриневич—„Профессиональное движение рабочих в России", стр. 62—77, изд. 1922 г.).

Однако, в сравнении с практикой применения в жизни закона 4 марта, последний может казаться идеально гарантирующим свободу союзов. Переходя к рассмотрению этой практики, мы вступаем в область «неограниченных возможностей». Мы не думаем, конечно, исчерпать этой темы, она заняла бы слишком много места, но мы попытаемся здесь только наметить наиболее характерные черты из практики применения закона 4 марта в жизни.

На первом месте необходимо отметить обычное в русской административной практике ограничение закона министерским циркуляром...

Совершенно произвольно вводился новый критерий для ограничения деятельности союзов: существование или отсутствие «связей с социал-демократическими группами», причем определение последнего обстоятельства принадлежит ведь той же местной администрации. Не трудно понять, как далеко расширяются этим пределы ее полномочий. Ведь в глазах каждого «администратора» социал-демократическая прокламация, найденная в кармане у кого-либо—даже случайного посетителя при обыске помещения союза, может служить достаточным доказательством связи профессионального союза с социал-демократическими «группами». Нужно сказать к тому же, что в этих случаях местная администрация прекрасно понимает даваемые свыше указания.

Впрочем, вряд ли вообще нужны подобные специальные указания. Местная администрация всегда прекрасно улавливает «дух времени», чрезвычайные полномочия, которыми она облечена почти по всей России, предоставляют ей возможность безгранично толковать этот «дух».

Так, например, кременчугский генерал-губернатор признал вообще «несвоевременным» образование в подвластном ему генерал-губернаторстве профессиональных союзов...

Мы могли бы привести еще бесконечно много подобных примеров из разных концов России, но думаем, что и вышесказанного достаточно для того, чтобы охарактеризовать практику применения в жизни закона 4 марта.

Было бы, конечно, большою ошибкою думать, что вместе с зарегистрированием устава профессионального союза прекращаются его мытарства. Можно сказать, что, наоборот, с этого момента они только и начинаются. Правда, теперь становится трудно отличить, где вмешательство и преследования администрации совершаются на основании закона 4 марта, где в силу чрезвычайных положений об охране. Конечно, для самих союзов последнее обстоятельство было безразлично.

Несомненно только то, что зарегистрированные на точном основании закона союзы были стеснены в своих самых элементарных действиях. В Одессе градоначальник, напр., издал приказ, чтобы в помещении правлений союзов одновременно не собиралось *более трех лиц*. Ясно, что таким приказом убивалась в корне деятельность союза. Достаточно было быть в помещении правления трем должностным лицам союза, чтобы никто из посторонних не имел права войти в него. При этом полиция неусыпно следила за точным исполнением этого приказа. Этим не ограничилось вмешательство полиции. Последовало приказание открывать помещения правления только на те промежутки времени, которые были раньше об'явлены как приблизительные часы приема. Наконец, ключ от помещения правления должен храниться не у дежурного члена правления, а у дворника или хозяина дома.

Подобное вмешательство отнюдь не является исключительною особенностью одесской полиции. Повсюду, не исключая и столиц, полиция ограничивает совершенно произвольно деятельность союзов. Запрещение собираться в помещении союза, аресты собраний в последних, даже если там заседает только правление союза (Ростов-на-Дону, Петербург), бесконечные обыски как помещений союзов, так и членов правлений и, наконец, бесконечные и беспричинные аресты, высылки и даже ссылка различных должностных лиц союзов,—таковы условия, при которых приходится действовать нашим легальным профессиональным союзам.

Особенно тяжело отражались на деятельности союзов преследования администрации при устройстве общих собраний и при вмешательстве последней в экономическую борьбу.

Агитация — одно из самых необходимых условий для успешного развития профессионального движения — была сведена в деятельности русских профессиональных союзов до минимума, благодаря невозможности свободно собираться. Не говоря уже о том, что за время существования союзов право собраний неоднократно отменялось властью местной администрации (напр., в Петербурге в периоды с половины декабря 1905 г. до конца января 1906 г., после роспуска 1-й гос. думы до начала 1907 г., после роспуска 2-й гос. думы в течение 1½ месяцев,—нельзя было вообще получить разрешение на собрание), но даже в «либеральные» периоды собрания «разрешались» с большим трудом, и в лучшем случае эти разрешения обставлялись целым рядом стеснительных обстоятельств.

Мы уже указывали в другом месте на петербургскую практику, в провинции она была еще более стеснительна. В Одессе, наприм., одно время собрания были запрещены по воскресным и праздничным дням и могли происходить только в будни, причем только от 4 до 8 часов. Это стеснительное распоряжение было отменено только после угрозы (машино-строительных рабочих) забастовкой и посылки ходока в гос. думу. Но оно сменилось всякими придирками: «Требовали нотариального засвидетельствования подписей лиц, хлопотавших о собраниях, разрешали исключительно «деловые» собрания, для выслушания отчетов и выборов, окончательно перестали раз-

решать учредительные собрания для образования новых союзов, а в последнее время стали запрещать и общие собрания уже существующих союзов».

...Не миновали профессиональные союзы и сенатских «раз'яснений». 16 мая 1907 г. правит. сенат раз'яснил, что «профессиональные общества не могут быть признаны имеющими право устраивать публичные собрания», а 6 июня, что «профессиональные общества не имеют права устраивать концерты, спектакли и вечера, так как это право не упомянуто в законе о профессиональных обществах».

В свое время как в профессиональной, так и в общей печати указывалось, что эти раз'яснения настолько же вводят новые сильные ограничения в деятельность союзов, насколько не соответствуют тем законам, которые они раз'ясняют.

Среди сенатских раз'яснений мы находим только одно, действительно правильное, именно о том, что «профессиональные общества имеют право составлять капиталы для выдачи пособий своим членам во время стачек, ибо законом 2 декабря 1905 г. экономические стачки не запрещены». Позже мы увидим, что местные администраторы «раз'яснили» и это раз'яснение, но, тем не менее, оно не теряет своего громадного принципиального значения для деятельности союзов.

Чтобы закончить картину тех ограничений и репрессий, которым подвергалась деятельность профессиональных союзов под флагом закона 4 марта, мы должны остановиться еще немного на практике *закрытия союзов.*

Нам незачем, конечно, и говорить, что, насколько затруднительно было возникновение союза и его существование, настолько же легко было прекращение деятельности союзов.

Союзы закрываются и за нарушение мелких формальностей, как было недавно (октябрь 1907 г.) закрыто петербургское общество печатников; за напечатание в уставе не на соответственном месте подписи г. градоначальника, как московский союз техников; и за «вредную агитацию» и найденную в помещении союза «брошюрку тенденциозного содержания», как проф. об-во рабоч. и работниц пробочного производства в Одессе; и за поддержку забастовавших товарищей, как союз приказчиков в Харькове; и за сбор в пользу жертв лодзинского локаута, как союз рабочих по обработке металла в Брянске; и из-за «могущих быть незакономерных действий», как общество взаимопомощи прислуги в Тифлисе...

5. Легальные и нелегальные союзы.

(С. Айнзафт—„Первый этап...“, стр. 79—82, изд. 1924 г.).

Было бы большой ошибкой считать «легальность» единственной формой существования профессиональных союзов. Просматривая фактический материал о профессиональных союзах того времени, мы видим, что, на ряду с «легальной» формой, союзам приходится пользоваться и нелегальной формой существования. Правда, союзов, которые существовали нелегально «добровольно», т.-е. отказались от попыток легализоваться — крайне мало,

особенно среди союзов центральной России. Но если не по добровольному желанию, то по нужде от нелегальной формы существования многим и многим союзам не приходилось отказываться. Дело в том, что очень мало было союзов, особенно деятельных, которые, раз легализовавшись, продолжали бы свое легальное существование в течение всего этого периода.

В Петербурге 28 июля 1906 года, в связи с роспуском 1-й Государственной Думы, сразу были закрыты все легальные союзы. Большинство из них были снова легализованы не ранее начала 1907 г. Союзы после закрытия не распались, а перешли на нелегальное положение. У некоторых союзов это положение тянулось до весны 1907 г. (союз металлистов был снова легализован только в мае 1907 г.); у иных еще больше (союз булочников был снова легализован только в августе 1907 г.).

В Москве мы не имеем такого случая «огульного» закрытия сразу всех союзов, но почти всем союзам приходилось,—одному раньше, другому позже,—переходить с легального положения на нелегальное, и обратно. Так, после разгона 1-й Государственной Думы в июле 1906 г. были закрыты московские союзы булочников и печатников. Первый был снова легализован через два месяца, но пережил во второй раз период нелегального существования с июня 1907 г. по ноябрь 1908 г., а союз булочников существовал нелегально еще в мае 1907 года. Московский союз металлистов был закрыт вскоре после 1-й конференции металлистов, состоявшейся в феврале 1907 г., союз текстильщиков был закрыт в связи с готовившейся областной забастовкой, союз чаеразвесчиков—в феврале 1907 года, союз портных—летом 1907 года.

В «Профессиональном Вестнике» от 26 сентября 1907 г. в статье «Некоторые данные о состоянии профессионального движения в Московском промышленном районе» сообщается, что 6 союзов Москвы существуют нелегально после закрытия (среди них союзы: печатников, металлистов, портных и чаеразвесчиков; союзы железнодорожников и ленточников совершенно не легализовались).

Относительно провинции у нас нет никаких определенных данных. Но если мы возьмем Западный район (Северо-Западный край и Польша), то мы увидим, что там безусловно значительное число союзов существовало нелегально. Из бундовской «Фолкс-цайтунг» можно видеть, что не только во всех губернских, но и в большинстве уездных городов и промышленных местечках существовали союзы рабочих целого ряда ремесленных профессий: портных, производства обуви, табачников, деревообделочников, приказчиков и т. п.

Дело в том, что союзы еврейских рабочих вначале добровольно отказывались использовать закон 4 марта, а когда они, с конца 1906 г. и начала 1907 года, решили приступить к легализации, то они уже встретили гораздо больше препятствий к легализации со стороны административной власти, чем те союзы, которые стали легализоваться в первой половине 1906 года, и многие из них так и остались не легализованными. Известно также, что щетинщики Западного района на своем с'езде в сентябре 1906 года решили не легализоваться и придерживались этого своего решения до 2-го с'езда в

июле 1907 г., когда уже поздно было легализоваться. Среди профессиональных союзов Польши, стоявших на классовой точке зрения, в течение этого периода было очень мало легализованных союзов. Союзы, находившиеся под влиянием Польской социал-демократической партии, принципиально были против легализации.

Что среди союзов того времени было определенное количество нелегальных, свидетельствует еще целый ряд фактов. Так, на 1-й всероссийской конференции печатников из 57 союзов было 12 нелегальных и 17, не указавших существовали ли они легально или нет; но если мы примем во внимание, что большинство союзов, не ответивших на этот вопрос, являются союзами Северо-Западного края и Польши, то мы можем полагать, что и среди них имеется определенное количество нелегальных. Таким образом мы видим, что среди союзов печатников весною 1907 года было определенное, и далеко не незначительное, число нелегальных союзов.

Все эти факты дают нам право утверждать, что наряду с легальной формой существования союзы пользовались и нелегальными формами. Профессиональные союзы того времени не делали фетиша из «легальности». Даже пользуясь всеми возможностями, которые дал им закон 4 марта, они никогда не забывали своей основной задачи — руководства экономической борьбой рабочих, и они не отказывались от выполнения этой своей задачи и тогда, когда закон 4 марта не только не давал им никакого размаха в их работе, а, напротив, стал лишать их даже законных прав. Конечно, нелегальные формы существования в общем и целом стесняли работу союзов и уменьшали масштаб их деятельности, но, с другой стороны, не нужно представлять себе дела так, что эти нелегальные союзы были какими-то узкими, законспирированными организациями. *Они и нелегально продолжали оставаться массовыми об'единениями.*

VI. Строение профессиональных организаций.

1. Что способствовало централизации профсоюзов.

Концентрация и синдицирование промышленности[1]**).**

Русско-японская война и вспыхнувшая затем, как ее непосредственный результат, революция 1905 года дали новый толчек развитию синдикатского движения в России...

Главной ареной, на которой разыгрывается отныне превращение старых форм производственных отношений в новые, вполне европейского типа, становятся окончательно железоделательная, угольная и нефтяная отрасли нашей промышленности, оказывающие сильнейшее давление и на все смежные производства. Насколько при этом процесс концентрации промышленности давал все основания для такого перевоплощения, можно судить хотя бы по следующим данным, относящимся к металлургической промышленности.

Годы:	Число акционерных предприят.	Основной капитал (в милл. рубл.).	Производство в милл. пудов:	
			Чугуна.	Готов. изделия.
1900	21	143,96	91,55	59,25
1901	20	148,40	91,71	64,44
1907	19	150,51	111,03	73,14
1909	19	155,35	122,88	88,98
1910	19	165,61	126,38	99,43
1911	18	177,21	147,86	10[illegible],46
1912	18	197,98	173,38	120,87
1913	18	224,18	189,16	132,87

[1]) Г. Цыперович—„Тресты и синдикаты“, стр. 38—41, изд. 1920 г.).

Этот процесс усиленной концентрации капитала и централизации производства настолько определял общую основную линию политики как иностранных, так и русских капиталистов, что прямой вывод в сторону синдицирования, а за последние годы и трестирования основных и даже второстепенных отраслей промышленности напрашивался сам собой.

Было, однако, еще одно весьма важное обстоятельство, которое если не прямо содействовало усиленному развитию синдицирования нашей промышленности, то во всяком случае создавало благоприятную атмосферу для него в торгово-промышленных и финансовых кругах, это—неожиданно огромный для них размах рабочего движения в 1905—1906 г.г. На мгновение соблазнившиеся широкими перспективами, открывшимися перед Россией, благодаря решительному выступлению рабочего класса, капиталистические слои очень скоро поняли, что революция 1905 года не ограничится простым завоеванием свободы, но неизбежно приведет и к подкреплению завоеванных пролетариатом политических позиций социальным переворотом; и широкое профессиональное движение, охватившее всю страну, давало слишком достаточно данных для такой оценки революционного взрыва.

При таком положении вещей размах колебаний буржуазного класса вообще, и особенно его верхних слоев, между старым порядком и революцией не мог быть очень велик. Первые же выступления пролетариата в области экономической и социальной решительно отбросили этот класс назад, и капитал подал руку абсолютизму в беспощадной борьбе с рабочим революционным движением. Политическая революция 1905 года была совместными усилиями фабрикантов и генералов-усмирителей разбита очень скоро. Но рабочие сдались не сразу в области экономической борьбы. Окопавшись в профессиональных организациях, они продолжали отчаянно защищать свое право на жизнь, и эта самозащита благодаря солидарным выступлениям пролетариата оказалась настолько действительной, что представители капитала очень скоро вынуждены были воспринять их тактику и в дальнейшем повести свое наступление *сомкнутыми рядами*. Начавшие свою работу еще в 1905 году союзы работодателей, специально приспособленные для разрушения профессиональных рабочих организаций, распустились пышным цветом в последующие годы и приостановили, или, вернее, свели к минимуму, свою деятельность не раньше, чем рабочее движение было окончательно ликвидировано.

Но с прекращением деятельности большинства работодательских союзов и с сокращением деятельности остальных их методы и приемы борьбы с рабочим движением не исчезли бесследно. Употребление локаутов, применение «черных списков», использование «желтого труда», взаимное страхование от забастовок и т. п. испытанные средства, повсюду употребляемые капиталом для удушения рабочих организаций, были переданы в арсенал синдикатов и трестов, руководители которых унаследовали от периода жестокой борьбы 1905—1907 г.г. глубокое убеждение, что только путем об'единения и организованного отпора можно вообще бороться с современным пролетарским движением. И этот вывод дал сильный толчек дальнейшему раз-

витию в России об'единительного процесса в капиталистических кругах, прекрасно понимавших, что регулирование производства и нормировка цен есть лишь производная величина, в основе которой лежит неизменный закон эксплоатации труда капиталом, и что без железного осуществления этого закона даже самая образцовая частно-монополистическая организация заранее осуждена на неудачу.

Особенности классовой борьбы российского пролетариата [1]).

Оба эти факта — и концентрация, и синдицирование — на ряду с другими формами об'единения предпринимателей—с неизбежной необходимостью ставили перед рабочим классом задачу строить свою организацию так, чтобы она не оказалась бессильной перед мощными об'единениями предпринимателей, словом, чтобы она соответствовала тем условиям, в которых надо было вести оборонительную и наступательную борьбу против капиталистов, вооруженных до зубов и об'единенных во внушительные по своей силе организации.

Те или иные формы концентрации производства определяют те характерные и непосредственные условия, в которых рабочие принуждены вести экономическую борьбу. Одно дело, когда рабочие имеют перед собой ряд конкурирующих между собой предпринимателей в данной области промышленности, другое — когда им противостоит всегда и во всех случаях единый фронт предпринимателей, об'единенных в синдикаты или тресты, или в специальные союзы различных отраслей промышленности (союз фабрикантов и заводчиков, например), которые, поддерживая в своих рядах единство и дисциплину, всей своей силой давят на каждое выступление рабочих. В первом случае отдельный предприниматель, при известных условиях, готов пойти на уступки, лишь бы не доводить дело до стачки или быстрее прекратить ее. Во втором случае он не всегда волен сделать уступки или при поддержке об'единения экономически может ничего не терять от стачки, а поэтому и не проявлять уступчивости. Отсюда: 1) необходимость централизованной борьбы рабочих, которую можно проводить при централизованном союзе; 2) необходимость об'единения различных союзов для совместной борьбы при общем наступлении капиталистов или при оборонительной борьбе рабочих разных отраслей промышленности; это ведет к организации местных межсоюзных об'единений и центрального. Далее, совершенно ясно, что при наличии синдикатов, трестов и специальных союзов предпринимателей нет никакого смысла строить союзы по профессиям, так как при таких условиях выступление против предпринимателя может расчитывать на успех только тогда, когда оно ведется сообща со всеми рабочими данного предприятия, во-первых, и данной отрасли промышленности, во-вторых. Изолированные выступления отдельных цехов поэтому почти бесполезны и невыгодны по своим результатам. При таких условиях даже для высококвалифицированных и трудно заменимых рабочих отрезан путь для изолированных

---

[1]) Д. Антошкин — „Проф. движение....", стр. 99—102, изд 1924 г.

выступлений. Кроме того, цеховщина этих групп пролетариата в России не получила большого развития, так как: 1) промышленность росла не на развалинах цехового строя, 2) период так называемой мануфактуры был краток, 3) промышленность сравнительно в короткий период механизировалась и концентрировалась, 4) квалифицированные рабочие в своей массе создавались на фабрике и заводе и воспитывались в обстановке крупного кооперативного производства, а не в ремесленном производстве с его цеховым корпоративным духом, 5) русский капитализм, поздно выступивший на арену мирового рынка, не мог предоставить привилегированного положения отдельным группам квалифицированных рабочих, что препятствовало развитию в них духа аристократизма; внутренний же рынок был беден и нищ—несмотря на свою обширность, для возможности предоставления привилегий рабочим; 6) поздно выступивший русский капитализм, в процессе первоначального накопления, давил своей эксплоатацией и квалифицированную рабочую силу, иногда в одинаковой степени, как и не квалифицированную; 7) иностранный капитал был также заинтересован в больших прибылях, и когда надежда на них не оправдалась, у него не было ни возможности, ни тенденции к выделению квалифицированной рабочей силы в привилегированные группы. Вот, по нашему, основные условия слабого развития аристократизма и цеховщины у квалифицированных рабочих промышленности.

Отсутствие сильно развитого аристократизма и цеховщины предохранило русский пролетариат от резкого расслоения на группы по признаку цеховых интересов. Особые условия, в которых развивалась классовая борьба, усиливали тенденцию к сплочению и ослабляли и без того слабые предпосылки к расслоению пролетариата. Тот факт, что задолго до возникновения оформленных экономических организаций — профессиональных союзов — во главе классовой борьбы встала политическая партия рабочих в лице Р.С.-Д.Р.П., действовал в том же направлении, противодействуя развитию цеховых стремлений среди пролетариата, всегда выставляя перед ним общеклассовые интересы и заостряя на этом пункте все выступления рабочих. Такая пропаганда и практика партии воспитывала в рабочем классе дух общности и сознание необходимости общеклассовой солидарности. Эти качества воспитывались в русском рабочем классе и самой практикой его борьбы в условиях полицейского строя.

...Вот все те обстоятельства, которые заставили первых организаторов нашего профессионального движения сразу положить во главу угла его организационной структуры: 1) производственный принцип строительства, 2) об'единение по горизонтальной линии или местное и центральное межсоюзное об'единение, 3) вертикальное или централизованное об'единение местных организаций каждого союза во всероссийском масштабе.

В первые годы своего существования профессиональные союзы больше стихийно, чем сознательно и планомерно, подошли к этим принципам, да в те короткие дни «свобод» они не могли подойти вплотную к разрешению организационных задач, так как непосредственная борьба захватывала все силы без остатка; организационные вопросы разрешились самой жизнью и

структура профессиональных союзов складывалась вчерне в соответствии с потребностями сегодняшнего дня. А быстро росшая реакция с параллельным упадком революционного движения мешала развитию полного оформления профессиональных союзов в соответствии с классовыми задачами пролетариата. К тому же на внешней, по крайней мере, стороне профессиональных организаций сильно отражалось влияние закона 4 марта 1906 года, так как профессиональные союзы были вынуждены применяться к этому закону.

Вертикальные и горизонтальные об'единения так и погибли, не доразвившись, или существовали в подполье. В условиях убийственной реакции и упадка революционного движения и производственный принцип строения профессиональных союзов не только не мог успешно проводиться в жизнь, но и прямо душился чиновниками и полицией царского правительства...

2. Строение профессионального союза [1]).

Профессиональные и цеховые союзы.

В 9 основных профессиях (в 17 городах) уже в течение 1906 года сконструировались 65 союзов, охватывающих все специальности. О том, что эти союзы были жизненными, свидетельствует то обстоятельство, что в своем большинстве они возникали в столицах, областных и других промышленных центрах. Так, если мы из общего количества 17 городов выделим 9 таких крупных промышленных центров, какими являлись Петербург, Москва, Киев, Нижний-Новгород, Баку, Варшава, Вильно, Лодзь и Одесса, то мы увидим, что на их долю падает 52 из указанных 69 союзов, что составляет больше ¾ указанного числа.

Жизненность этих союзов подтверждается также тем фактом, что, как правило, там, где они были организованы, параллельных цеховых союзов не встречается. Исключениями из этого правила являются, кажется, только следующие союзы: Московский союз текстильщиков, где на ряду с общим союзом существовали параллельные союзы аппретурно-красильных рабочих и ленточников; Московский союз металлистов, где существовали параллельные союзы техников, чертежников и модельщиков; Московский союз приказчиков, где параллельно с общим союзом существует ряд союзов приказчиков отдельных специальностей.

Этот процесс строения союзов по производствам получает еще более рельефное выражение в течение 1907 года. По словам составителя сводки данных о строении союзов на основании опросных листов Организационной комиссии по созыву всероссийского с'езда профсоюзов, в общих союзах по дереву об'единено до 57% всех организованных рабочих этого производства, по металлу—80%, печатного дела—93%, строительного дела—80% и текстильщиков 96%. Такие же, приблизительно, сведения мы получаем из материалов конференций отдельных союзов, состоявшихся в 1907 году. Так,

---

[1]) Первые три отрывка взяты из С. Айнзафта „Первый этап ...", стр. 84—103, изд. 1924 г.

из 61 союза печатников, участвовавших на 1-ой всероссийской конференции союзов печатников и распределенных по 50 городам, только в 7 городах было 18 параллельных союзов, в остальных 43 городах было по одному союзу, охватывающему рабочих всех специальностей данного производства. Приблизительно такую же картину дают материалы первой конференции союзов металлистов. Из 19-ти городов, о которых имеются сведения в этих материалах, только союз Витебска был союзом одного цеха—кузнецов, да в Москве, на ряду с общим союзом металлистов существовало 3 мелких союза: водопроводчиков, техников и электро-монтеров. В остальных городах существовали единые союзы металлистов.

Но хотя наше профессиональное движение с самого начала стало нащупывать правильный путь, ведущий к организации союзов по производствам, оно, тем не менее, не могло совершенно избегнуть ошибок молодости и миновать стадию цеховой раздробленности. Поэтому мы видим, что, на ряду с производственными[1]) союзами, в описываемый нами период создается также большое количество союзов цеховых. Так, например, мы видим, что в Москве еще в мае 1907 г., на ряду с общим союзом торгово-промышленных служащих, существует до 7 союзов служащих отдельных специальностей, как, напр., служащих в винных складах, в колониальных лавках, в мясных, зеленных и рыбных магазинах, в магазинах готовой обуви, в аптекарских магазинах. В текстильном производстве в Москве, на ряду с общим союзом текстильщиков, существуют союзы ткацко-вязальщиков и аппретурно-красильщиков. В металлургическом производстве в Москве к этому времени существуют, на ряду с Московским союзом металлистов, союзы электротехников и чертежников. На ряду с общим союзом строительных рабочих, в Москве существуют союзы слесарно-строительного производства. Кроме этого, в Москве существуют такие цеховые союзы, как союзы: ленточников, пуговичников, обойщиков, полотеров и т. д.

В мире питерских союзов мы находим аналогичную картину. Если мы возьмем список союзов, вошедших в питерское Центральное Бюро в декабре 1905 года, мы найдем там такие союзы, как союзы рабочих-трубочистов, басонно-галунного дела, резинщиков, садовников, красильщиков, чертежников, модисток и т. д. Цеховые союзы этого типа мы встречаем в Питере не только в начале этого периода, но и позже. Так, если мы рассмотрим приведенный в книге Святловского «Профессиональное движение в России» список 44 профессиональных союзов из общего количества в 62 союза, существовавших в Питере к весне 1907 года, то мы там встретим такие цеховые союзы, как союзы вязальщиков, зеркальщиков, красильщиков, книжников, мраморщиков, стеаринщиков, чертежников и т. п. Это доказывает, что, хотя процесс укрупнения союзов углубился и расширился, тем не менее, рядом с этими крупными союзами, существует значительное количество мелких, цеховых союзов.

---

[1]) Необходимо отметить, что чисто-производственных союзов тогда не было, так как принцип „единое предприятие—единый союз" не проводился в жизнь. Э. Г.

Это явление наблюдается не только в Москве и Петербурге, но и в других городах. Так, если мы возьмем те же города, относительно которых были приведены данные о производственных союзах, то мы увидим, что во всех этих городах на ряду с производственными союзами имеется ряд союзов узко цеховых. Так, в Одессе мы имеем такие союзы, как союзы рабочих винного дела, городского водопровода, машинистов и развозчиков искусственных вод. По данным, приведенным одесским делегатом на 2-й всероссийской конференции профессиональных союзов, в Одессе существовали союзы агенто-комми-вояжеров, дамских портных, шляпочниц, гильзовщиц, ювелиров и т. п. Среди союзов, существовавших в Киеве к марту 1907 года, мы находим союзы: кроватчиков, фотографов, фармацевтов, заготовщиков и прачечников. Среди союзов Варшавы мы находим союзы: лакировщиков, кельнеров, маляров, посадчиков, кирпичников, каменщиков, штукатуров, кучеров и переплетчиков; в Екатеринославе—союзы мельников, лесопильщиков и маляров.

Список узко-цеховых союзов можно продолжать до бесконечности. Какую бы местность мы ни взяли, всюду мы найдем союзы, организованные по цехам.

Но кроме этих двух крайностей — союзов, охватывающих все специальности какого-либо производства, и союзов, охватывающих только одну специальность или один цех, мы встречаем тогда определенное количество союзов, охватывающих, если не все профессии определенного производства, то рабочих нескольких профессий. Например, мы в это время почти еще не находим союзов по обработке кожи, которые охватывали бы рабочих всех профессий этого производства. Но вместе с тем существует ряд союзов по изготовлению обуви, охватывающих несколько профессий этого производства (сапожников простой и механической обуви и заготовщиков, иногда в эти союзы входили также перчаточники, кошелечники и т. д.). Такое же положение и с союзами швейного производства. Союзов, которые охватывали бы все профессии швейного производства, нет, но большинство существующих тогда союзов портных охватывает несколько профессий (мужских портных, дамских портных, модисток, белошвеек и т. д.). В пищевой промышленности мы в описываемый период также не находим еще союзов, об'единяющих рабочих всех видов этой отрасли народного хозяйства, но в целом ряде мест имеются союзы, охватывающие то пекарей и булочников, то булочников и кондитеров и т. д.

Если мы захотим составить себе полную картину организационного строительства союзов, то мы должны были бы признать, что единства плана в ней нет. Тут и союзы, вплотную приближающиеся в своем организационном строительстве к производственному признаку, здесь же и союзы, частично проводящие этот принцип, здесь же и союзы, совершенно цеховые по своей организации. Но, присматриваясь внимательно к этой пестрой картине, уже можно наметить неясные очертания будущих форм российского профессионального движения, наметившуюся тенденцию в сторону организации союзов по производственному признаку. Так, уже тогда можно

было заметить, что в тех производствах, которым суждено было играть наиболее важную роль в профессиональном движении России,—в металлообрабатывающем, текстильном, полиграфическом производствах, а также отчасти среди приказчиков, портных, деревообделочников и т. п.—тенденция к созданию производственных союзов была особенно сильно выражена.

С течением времени мы видим, как некоторые союзы эволюционируют в сторону слияния. Так, например, организовавшийся еще в конце 1905 г. Питерский союз лепщиков в феврале 1906 года реорганизовывается в союз архитектурно-строительных рабочих, в июне 1906 года Питерские союзы золото-серебряников и бронзовщиков сливаются в один союз; 22 мая 1906 года в союзе рабочих меховой обуви в Питере обсуждается вопрос о вхождении в общий союз сапожников; в феврале 1907 года союз шапочников в Питере вступает в союз портных. В Одессе в начале 1906 г. к моменту 2-й всероссийской конференции, в швейной промышленности существовал целый ряд цеховых союзов: дамских портных, мужских портных, шляпочниц, модисток и т. д.; в конце 1906 года мы уже видим там об'единенный союз рабочих портных и шапочников, охватывающий, по словам корреспондента в сборнике «Освобождение труда», 13—14 отдельных отраслей портняжного производства. Приведенные факты относятся, главным образом, к Петербургу и Москве, но это обусловлено тем, что фактическая история профессионального движения Питера и Москвы наиболее известна. Собирание фактического материала, подробно освещающего ход профессионального движения в провинции, вероятно покажет, что и в провинции аналогичные факты имели место.

Цеховые секции. С усилением реакции стал на очереди вопрос о присоединении нескольких мелких союзов к более крупным союзам того же производства (союза литографов к союзу печатников, союза шапочников к союзу портных), о расформировании союза кораблестроительных рабочих и слиянии его с союзом металлистов или деревообделочников. В таких случаях вопрос о секциях приобретал известную остроту. Например, принятие секционного принципа в Питерском союзе печатников было обусловлено переговорами с союзом литографов о слиянии. И обзор деятельности Питерского союза печатников за 1906 год, приведя резолюцию о секционном строении, прибавляет: «Практически эти пункты соглашения дали возможность сблизиться обоим союзам, которые до сего времени были резко обособлены». Точно также вопрос о секции шапочников в союзе портных был вызван тем, что существовавший раньше самостоятельно союз шапочников решил присоединиться к союзу портных.

Таким образом, мы видим, что вопрос о секциях чаще всего возникал в связи со слиянием родственных союзов, и секции часто являются своего рода компенсацией наиболее слабым союзам за утерянную ими самостоятельность. При таких условиях секции должны чаще всего носить временный характер и отмирать вместе со сращиванием разношерстной массы членов в процессе развития деятельности союза.

Какова же была руководящая позиция профессионального движения по данному вопросу? Резолюции конференции союза печатников, металлистов и архитектурно-строительных рабочих, несмотря на расхождение в оттенках, в общем и в целом дают однородный ответ на этот вопрос. Существование секций они допускают в случае крайней необходимости, но при условии *единства кассы и единства общего руководящего органа — правления, которому подчинены секции, особенно в области экономической борьбы.* Руководящие органы профессионального движения поэтому борются против обнаруживающейся иногда тенденции к созданию самостоятельных секционных касс и самостоятельных секционных правлений. Так, например, когда в секции модельщиков Москвы стали обнаруживаться тенденции к созданию самостоятельной кассы и самостоятельного Правления, то Московское Центральное Бюро по этому поводу одобрило следующую резолюцию: «Принимая во внимание, что выделение модельщиков в особую секцию, с отдельным правлением, с отдельной кассой, должно тяжело отозваться на интересах как союза, так и модельного цеха, собрание модельщиков высказывается против организации подобной секции, но признает необходимым устройство общих и делегатских цеховых собраний и выбор цеховой комиссии».

Делегатские собрания. Одной из особенностей строения профессиональных союзов в этот период нужно считать широкое распространение института делегатов и делегатских собраний. Этот институт под различными, быть может, наименованиями (уполномоченных, выборных, делегатов и т. д.) существовал почти везде, где существовали более или менее *крупные* союзы.

Уже с самого момента возникновения союзов институт делегатских собраний играл определенную роль. Но по мере развития профессионального движения, роль этого института должна была увеличиваться. Большинство союзов, возникших в горячий послеоктябрьский период, сразу еще не были вполне оформленными, организационно-выкристаллизовавшимися организациями. «Это были скорее организации для агитации професс. движения в данной местности» — говорится о Питерских союзах октябрьско-декабрьского периода в докладе из Петербурга на 2-й всероссийской конференции профессиональных союзов, и эти слова можно с полным правом отнести ко всем союзам того момента. И поэтому, когда эти союзы, по мере своего дальнейшего развития, должны были более оформиться и приобрести более твердый организационный скелет, то вполне естественно, что этот институт делегатов и делегатских собраний получил еще большее распространение. И мы, действительно, видим, что в период 1906—1907 г.г. институт делегатов начинает получать повсеместное распространение, *особенно в более значительных союзах.*

Так, напр., если мы обратимся к Питерским и Московским союзам, то мы увидим, что в наиболее крупных и оформленных союзах существует институт делегатских собраний. Относительно Петербурга мы получаем исчерпывающие данные в помещенной в № 6 «Профессионального Вестника»

сводке данных о состоянии Питерских союзов, составленной на основании материалов организационной комиссии по созыву всероссийского с'езда профессиональных союзов. Из этой сводки, суммирующей сведения за 1906 г.,— ибо № 6 «Профессионального Вестника» вышел 3 апреля 1907 года,—видно, что из общего количества 35 союзов, о которых имеются сведения в сводке, делегатские собрания существуют в 16-ти, а в 19-ти союзах делегатских собраний нет, но в число 16-ти союзов, имеющих делегатские собрания, входят наиболее крупные союзы (металлистов, текстильщиков, печатников, конторщиков, портных, кожевников и др.). Из сводки видно, что в этих 19 союзах уплатили вступительный взнос каких-нибудь 5 тысяч членов, а в 16 союзах уплатили больше 40 тысяч членов. Так же обстоит дело и с уплатой ежемесячных членских взносов: в 19-ти союзах регулярно уплачивают членский взнос от 920 до 1360 членов, а в 16 союзах от 8.240 до 10.180 членов. Одни эти цифры достаточно ясно показывают нам, что 16 союзов, в которых имеются делегатские собрания,—самые крупные и охватывают 80—90 процентов всех членов Питерских союзов.

Что касается Московских союзов, то по хронике Московского «Рабочего Союза» за 1906 г. нам удалось установить, что делегатские собрания тогда существовали в следующих союзах: рабочих водопровода и отопления, деревообделочников, производства обуви, торгово-промышленных служащих, портных, чаеразвесчиков, текстильщиков, аппретурно-красильщиков. К этим союзам нужно еще прибавить союзы печатников и металлистов, о существовании делегатских собраний в которых имеются указания не только в протоколах конференций соответствующих союзов, но и в целом ряде других источников... Этот список для Москвы будет далеко не полным, делегатские собрания безусловно существовали и в других союзах, но случайно сведения об их существовании не попали в хронику «Рабочего Союза».

Что касается сведений о существовании делегатских собраний в провинции, то здесь сведения, которыми мы располагаем, уже носят совершенно отрывочный характер. Но и отрывочные единичные факты дают представление о широком распространении института делегатских собраний в провинции. Так, из 61 союза, представленных на 1-ой всероссийской конференции печатников, только в 12 совершенно нет уполномоченных, а в других 7 союзах уполномоченные существуют, но не во всех предприятиях, и не принимают участия в управлении союзом; в остальных же союзах делегатские собрания существуют как орган, принимающий активное участие в работе союза, причем в 16 наиболее крупных союзах, насчитывающих $^4/_5$ всех членов, представленных на конференции, делегатские собрания являются постоянно действующим органом.

Какова же была роль делегатских собраний? Конечно, не во всех союзах они играли одинаковую роль. Это чаще всего зависело от конкретных условий времени и места, но что роль этого института в жизни союзов была велика, видно из целого ряда фактов... Красноречивые указания относительно роли делегатского собрания в союзной жизни мы находим в уже упомянутой брошюре, описывающей историю Питерского союза металлистов.

«Роль делегатов,—читаем мы там,—была весьма велика, можно сказать, что это были столпы организации. На них лежала вся черная работа по привлечению членов, по сбору денег, по распространению литературы, по созыву собраний и пр. И они же играли почетную роль представителей союза на заводе.. они должны были влиять на товарищей в духе союзных решений, являться проводниками союзной политики. От отношения делегатов к делу зависела вся работа: понукал делегат членов — значит, взносы поступали, являлись в союз, районные секретари могли иметь перед собой ясную картину положения дел, члены могли расчитывать на своевременное удовлетворение их запросов, посещал собрания—значит, было о чем говорить, что предпринять, было из кого выбирать должностных лиц. Стоило делегату запустить дело, и число членов редело, в районах царила мерзость запустения. Было доверие к делегату, доверяли и союзу; делегат, уронивший себя в глазах членов, ронял честь и достоинство союза».

И далее: «Общегородской делегатский совет имел довольно постоянный состав и определенную физиономию. Значение его в жизни союза было громадное. Это было сравнительно легкое, подвижное учреждение и в то же время довольно полно представлявшее массу членов и отражавшее ее настроение. Здесь можно было тщательнее и серьезнее, чем на общих собраниях, взвешивать все «за» и «против». Сходясь регулярно, сталкиваясь на почве общесоюзных вопросов, делегаты создавали живую связь между всеми районами; совет являлся лучшим выражением единства союза. Значение совета легко было учесть на союзной работе. Лишь только собрания делегатов налаживались, уровень работы быстро повышался, и всюду являлось бодрое оживление. Наоборот, лишь только внешние обстоятельства прерывали деятельность совета, союзная жизнь замирала». Что институт делегатского собрания играл роль не только в Питерском союзе металлистов, можно видеть из описания роли делегатского собрания в союзе Московских печатников в книге Шера. «Депутаты или уполномоченные, как их стали называть впоследствии», читаем мы там, «сразу приобрели громадное значение во всем строе организации. Они обсуждали на своих собраниях и выносили решения по важнейшим вопросам союзной жизни и, будучи выбранными всеми рабочими (их выбирали и члены и не члены союза), подчиняли своему влиянию само правление; последнее охотно шло на встречу этому контролю, укрепляя и расширяя сферу своего влияния на массы.

Приведенные выдержки характеризуют роль делегатских собраний не только в тех союзах, о которых шла речь; они дают яркую характеристику роли делегатских собраний в жизни союзов вообще.

Особенно большую роль должны были играть делегатские собрания в моменты вынужденного нелегального или полулегального существования того или иного союза. О созыве общих собраний союза в такой момент не может быть и речи, за исключением самых мелких союзов, состоящих из нескольких десятков человек (а такие моменты в жизни тогдашних союзов были не редким явлением). Так, например, известен факт закрытия всех Петербургских союзов после разгона 1-й Государственной Думы. Но закры-

тые тогда союзы не распались, а перешли на нелегальное или полулегальное положение. Так же обстояло дело и с закрытым тогда же Московским союзом печатников: он также не распался, а в течение нескольких месяцев существовал нелегально. Подобных случаев закрытия союзов и их нелегального существования в течение некоторого времени было очень много. И вот, *в эти-то периоды нелегального существования, которые в некоторых случаях продолжались несколько месяцев, роль делегатских собраний была особенно велика.* Они и на своих плечах выносили всю тяжесть союзной работы и были единственным цементом, который спаивал разрозненных членов.

Бывали случаи, когда делегатское собрание возникало не в процессе организационного строительства союза вообще, а только на почве конкретной массовой кампании, предпринятой союзом. Типичным примером возникновения делегатского собрания таким способом может служить Петербургский союз булочников и кондитеров, где делегатское собрание (совет выборных) возникло в процессе подготовки всеобщей стачки булочников, вспыхнувшей в июне 1906 г..

В связи с ростом значения института делегатских собраний в союзной жизни приобрел определенное значение вопрос о том, кем *должны быть выбраны уполномоченные или делегаты.* Дело в том, что в тот период, о котором у нас идет речь, делегаты или уполномоченные чаще всего выбирались всеми рабочими предприятия, членами союза и не членами, и они играли роль не только органа связи между правлением и массой членов, но и представительства рабочих перед администрацией, и по мере того, как делегатские собрания приобрели значение в деле управления союзом, получилось противоречивое положение: в управлении союзом принимали участие делегаты, выбранные и не членами союза.

Но это противоречие было как раз сильной стороной в положении союза.

Дело в том, что в тот момент сила союза не зиждилась только и даже преимущественно на численности его членов, величине его фондов и т. д., а на его влиянии на широкую рабочую массу. Организованные члены союза составляли только организационное ядро, вокруг которого группировалась широкая рабочая масса. И самые границы, отделявшие в тот момент организованную от неорганизованной части рабочих, были крайне неопределенными. Мы уже видели, что в Питерских союзах в конце 1906 года вступительные взносы уплатили больше 40 тысяч рабочих, а ежемесячные взносы уплатило меньше 10 тысяч рабочих; ясно, что мощь Питерских союзов в 1906 г. базировалась не на этих 10-ти тысячах регулярно платящих членов, которые были только авангардом движения, а на периферии, более широкой даже, чем те 40 тысяч рабочих, которые уплатили вступительные взносы.

Такое, приблизительно, положение было везде. Влияние союзов простиралось гораздо дальше, чем их непосредственная организационная связь. И вот, делегаты, выбранные всеми рабочими, были теми организационными нитями, которые связывали авангард с массой, которые давали возможность союзам охватить своим организационным влиянием почти всю рабочую

массу, по крайней мере, те ее значительные слои, которые, формально не принадлежа к союзу из-за отсутствия соответственных организационных навыков, готовы были пойти за профессиональным союзом в его борьбе за интересы рабочих.

Членский взнос[1]. Мы не имеем возможности останавливаться здесь на других вопросах союзной организации. Скажем только несколько слов об организации кассы. Вторая конференция рекомендовала установить «при вступлении в союз, по возможности, невысокий вступительный членский взнос, одинаковый для всех». «Периодические взносы, по мнению конференции, желательны в виде процентного отчисления с заработка, и только в тех союзах, где невозможен и затруднителен учет заработка, вводятся взносы определенного размера».

Однако, союзная практика представляет в этом отношении очень пеструю картину. Размеры вступительных и месячных взносов сильно различаются даже в однородных союзах различных городов. Так, доклад Орг. Бюро печатников делает следующую сводку: *вступительный взнос* равен: 25 к.—в двух союзах, 50 к.—в 18 союзах, 1 р.—в 14 союзах, 3 р.—в 1 союзе; в 3 союзах процентный, в одном 3-х процентный; в двух союзах взнос неопределенный, в 8 союзах взнос установлен по разрядам получаемого жалованья; *месячный взнос* равен: 20 коп.—в 3 союзах, 25 коп.—в 3 союзах. 50 коп.—в 3 союзах, 1 р.—в 1 союзе, 1 р. 80 к.—в 1 союзе, 1%—в 18 союзах, 1½%—в 2 союзах, 2%—в 7 союзах и 4 союза имеют взносы по разрядам.

Из 18 организаций, представленных на первой конференции союзов рабочих по металлу, вступительные взносы имели: 1 р.—3 союза, 50 коп.—11 союзов, 25 коп.—3 союза и 20 коп.—1 союз, *месячные взносы:* 25 коп.—10 союзов, 1%—4 союза, 2%—3 союза и 2½%—1 союз. Не менее разнообразны вступительные взносы и в польских союзах. Напр., в Варшаве вступ. взносы 30, 60, 90 к.; в Лодзи—1 р. 30 к., в Домброве, Сельцах, Заверце—50 к., 75 к. и 1 р.; в Ченстохове—25, 40, 60 к. и т. д.

Союзная и межсоюзная централизация.

а) Центральные бюро профессиональных союзов.

(Д. Антошкин—„Проф. движение...“, стр. 110—113, изд. 1924 г.).

Мы уже видели, что российское профессиональное движение начало организовываться в то время, когда вся обстановка классовой борьбы диктовала рабочему классу необходимость максимального об'единения сил и согласования действий его отдельных групп. Этим и об'ясняется, что вскоре после возникновения профессиональных союзов для согласования их действий в данной местности и постоянного руководства по общим для всех

---

[1]) В. Гриневич—„Проф. движение...“, стр. 85, изд. 1922 г.

союзов вопросам создавались местные об'единения—«центральные бюро профессиональных союзов». Поводом для их создания в Питере и Москве послужили совещания представителей нескольких об'единений по вопросу о созыве с'езда профессиональных союзов; их первоначальной задачей являлось—подготовка с'езда союзов и содействие развитию местного профессионального движения. Такие бюро были организованы во всех крупных центрах рабочего движения с той же основной задачей — содействовать развитию местного профессионального движения. Они помогали союзам налаживать организационный аппарат, оказывали содействие в создании новых союзов, организовали юридическую помощь членам союза и медицинскую помощь при союзах. Ц. б. не ставили своей задачей непосредственное руководство экономической борьбой, вопросов о стачках не решали и вмешивались в них в исключительных случаях, когда то или иное выступление могло иметь последствия для всех профессиональных союзов.

Центральные бюро создавались на основе выборности представителей от отдельных союзов. При этом однообразных форм представительства не было установлено, так как профессиональное движение было лишено возможности оформиться, и центральные бюро не могли создать в то время всероссийского органа.

По этому вопросу наметились две основных точки зрения: одни исходили из того, что представительство должно осуществляться пропорционально количеству членов союзов, другие же считали необходимым установить равное представительство от всех союзов, исходя из того, что в центральном бюро более всего нуждались мелкие союзы, которые при пропорциональном представительстве были бы подавлены крупными союзами.

До тех пор, пока центральные бюро не выполняли функций руководящего характера, а ограничивали свою задачу «содействием развитию местного профессионального движения», вопрос о способах представительства не мог иметь большого практического значения. При расширении же и углублении их задач до задач руководящих органов профессионального движения вторая точка зрения по существу была бы неправильна и опасна с точки зрения выдержанной классовой линии профессионального движения. А так как на деле центральные бюро не могли строго ограничиться той задачей, которая была на бумаге, особенно в острые моменты классовой борьбы, то надо признать, что петербургское центральное бюро нашло правильную линию при определении нормы представительства, приняв пропорциональную систему (союзы с менее чем 500 человек посылают 2 представителей, от 500 до 1000—3-х; свыше 1000—по одному на каждую следующую тысячу, но не больше 7 представителей от одного союза). Финансы Ц. б. составлялись из процентных отчислений об'единяемых союзов; отчисления колебались от 3% месячных доходов союзов (Петербург, Москва, Симферополь и друг.) до 4% (Киев) и 5% (Ковно). Отчисления производились недостаточно аккуратно и иногда центральным бюро приходилось изыскивать средства из других источников.

В качестве рабочего органа центральные бюро избирали на определенный срок секретариаты, которые вели всю текущую работу, а также вспомогательные органы (редакционные комиссии и проч.).

В вопросе о роли центральных бюро в основном наметились также два течения: одно считало необходимым придать центральным бюро руководящий характер, другое же ограничивало их роль служебно-техническими функциями. На практике,—по крайней мере, в крупных центрах профессионального движения,—центральные бюро выполняли функции и руководящего характера, и подсобно-технического, в зависимости от характера вопросов и условий, в которых проводился тот или иной вопрос. Наметившаяся и проявившаяся в практике тенденция к превращению центральных бюро в руководящие органы была правильна и соответствовала тем условиям, в которых строились профессиональные союзы. Весь дальнейший ход профессионального движения полностью оправдал эту тенденцию, зародившуюся вместе с массовым профессиональным движением и обусловленную причинами, намеченными в четвертом параграфе этой главы. Негодование меньшевиков на «повторение того принципа построения руководства сверху, который лежит в основе организации социал-демократической партии» (Гриневич, стр. 56), и при организации центральных бюро профессиональных союзов—вполне естественно; но в этом вопросе история классовой борьбы и профессионального движения, в частности, высказалась против них, предлагавших и в партийном, и в профессиональном строительстве мягкотелые формы — без углов и прочно связывающего цемента. Из решения этого общего вопроса о роли центральных бюро вытекало и решение конкретного вопроса об обязательности постановлений центральных бюро для входящих в них профессиональных союзов. Единства мысли и линии поведения в этом вопросе также не было. Например, по уставу петербургского Ц. б., «все решения Ц. б. принимаются простым большинством голосов, причем, по требованию ⅓ союзов, решение в особо важных случаях считается обязательным для всех союзов лишь по предварительном обсуждении вопроса отдельными организациями» (у Гриневича стр. 56, примечание).

б) На пути к союзной централизации.

(В. Гриневич—„Проф. движение...“, стр. 182—194, изд. 1922 г.).

Мы видели, что русские капиталисты и предприниматели прекрасно усвоили опыт западно-европейского капитализма. Создавая, с одной стороны, синдикаты и тресты для монополизирования производства, с другой стороны—союзы предпринимателей для борьбы с рабочими организациями, они в то же время применяют в борьбе с последними самые усовершенствованные приемы: локауты, черные списки, взаимное страхование от убытков во время стачек, специальные организации штрейкбрехеров и т. д. Вот почему об'единение профессиональных рабочих организаций в областные и всероссийские централизованные союзы является для русских профессиональных союзов, чуть ли не с момента их возникновения, *вопросом их существования.*

Остановимся раньше на первом из них. Мы уже знаем, что связь между союзами отдельных городов одного и того же производства устанавливается с момента их возникновения. Поездка, летом 1905 года, представителя петербургского союза печатников установила связь между союзами печатников Петербурга, Москвы и Харькова. Эта связь была скреплена затем октябрьскими событиями. В ноябре 1905 г. московский союз печатников посылает своих делегатов в провинцию в связи с проведением свободы печати и для созыва конференции союза печатников. В дальнейшем работа по об'единению союзов одного и того же производства совершалась, с одной стороны, путем непосредственной организационной подготовки: переписки, рассылки делегатов, агитации в печати и т. п., и, с другой стороны, если можно так выразиться, органическим путем: совместным выполнением еще до формального об'единения некоторых союзных функций, взаимной поддержкой в экономической борьбе, взаимным обменом целого ряда необходимых для союзной деятельности сведений и т. д.

Первым формальным моментом об'единения союзов является обыкновенно созываемая ими конференция представителей: областная или всероссийская. Инициатива созыва конференций исходит от какого-либо отдельного союза (у портных из Вильны, у металлистов из Саратова); подготовительная же работа производится или специальным учреждением: Орган. Бюро (комиссией), как, напр., у печатников, где Орган. Бюро было составлено по выбору правлений петербургского и московского союза рабоч. печатн. дела, или отдельным союзом какого-либо города, как, наприм., у приказчиков, где 2-й с'езд общ. взаим. лиц частного служебного труда поручил моск. общ. взаим. коммерческих служащих созвать следующий с'езд, или союзом того города, где должна происходить конференция, как у рабочих по металлу, портных и т. д. При областных конференциях крупная роль по их организации выпадает на долю Центр. Бюро тех городов, которые являются центрами промышленных районов. Особенно крупную роль сыграло в этом отношении московское Центр. Бюро по организации московского промышленного района; Симферопольское Центр. Бюро способствовало об'единению проф. союзов Крыма, одесское—союзов юго-западной России, Н.-Новгород и Саратов — союзов Поволжья, Екатеринослав—южно-промышленного района.

Мы не только не беремся здесь рассмотреть подробно работы всех многочисленных конференций професс. союзов отдельных производств, но даже и их всех перечислить. Наиболее важные конференции следующие: всероссийская конференция союзов рабочих печатного дела в Гельсингфорсе (апрель, 1907 г.), первая конференция союзов рабочих по металлу московского промышленного района с участием представителей бакинского, петербургского, витебского и луганского союзов в Москве (февраль, 1907 г.), первая областная конференция проф. союзов рабочих по обраб. волокн. веществ в Москве (февраль, 1907 г.), третий с'езд общ-в взаимопомощи лиц част. служ. труда в Москве (июнь, 1906 г.), первая конференция профессиональных союзов портновского цеха в Москве (август, 1906 г.), первая конференция рабочих архитектурно-строительного дела в Москве (февраль, 1907 г.), пер-

вая конференция рабочих чайных развесок в Москве, конференция техников в Петербурге (апрель, 1907 г.); учредительный с'езд профессион. союзов рабочих кожевенников Северо-Зап. края; поволжская конференция професс. союзов печатников; областные конференции торговых служащих и портных моск. района; конференция беспартийных союзов приказчиков Литвы; конференция беспартийных союзов ткачей (Р. Р. S.) Царства Польского; конференция рабочих по изготовлению одежды Поволжья и Урала; с'езд союзов рабочих сахарного производства Царства Польского; конференция торговых служащих в Екатеринославе; конференция союзов приказчиков Крыма и т. д. и т. д.

Наилучше подготовленной и наиболее полно представленной была первая *всероссийская конференция печатников.* На ней присутствовало 72 делегата от 57 союзов из 43 городов, представлявших собою 29.197 чл. союза (из них 20.162 платящих аккуратно членские взносы); на конференции *союзов рабочих по металлу* присутствовали 29 делегатов от 18 союзов, представлявших 27.431 членов союза; на конференции *текстильных рабочих* присутствовали 16 делегатов с решающим голосом (13 с совещательным) от 13 союзов, представлявших около 10.000 рабочих; *на конференции портных* присутствовали 9 делегатов от шести городов, представлявших около 4.000 организованных рабочих; на с'езде *кожевенников* (Сев.-Зап. края), присутствовали 26 делегатов от 17 союзов, представлявших около 4½ тысяч организованных рабочих; на 3-м с'езде *обществ взаим. лиц част. служ. труда* присутствовали 111 делегатов от 41 общества взаим. и проф. союзов; на конференции беспартийных *союзов ткачей Ц. Польского* присутствовали с решающим голосом 17 представителей из 9 городов, насчитывавших (по отчетам) до 25.000 рабочих; на с'езде *союзов рабочих сахарного производства Ц. Польского* присутствовали 76 делегатов из 35 пунктов, представлявших 3.080 организованных рабочих.

Не останавливаясь на цифровых данных о более мелких конференциях, можно из вышеприведенного видеть, насколько конференция и с'езды профессиональных союзов широко охватывали рабочие массы.

в) Всероссийские межсоюзные конференции и подготовка к с'езду.

(В. Святловский—„История профессион. движения в России“, стр. 234—238, изд. 1924 г.).

Инициатором в 1904 году общих совещаний был Харьков. Здесь в значительном по тогдашнему времени пролетарском об'единении—«Харьковском обществе занимающихся ремесленным трудом» (рабочих механического производства) впервые был выдвинут вопрос о необходимости установить тесную и живую связь между отдельными, разбросанными по всей России профессиональными союзами. Рабочие чувствовали необходимость об'единиться вокруг какого-нибудь руководящего центра. Решение, принятое совещанием, начало понемногу осуществляться. Харьковское общество разослало нескольких уполномоченных по различным местам России с целью

агитировать о созыве первого всероссийского с'езда представителей профессиональных союзов. Затем, летом 1905 г. Харьковское общество приступило к подготовительной работе по созыву этого с'езда. В то же время установилось живое общение между Харьковом и многими городскими и промышленными центрами. Значительные пункты (обе столицы, на юге—Николаев, Одесса и Екатеринослав, по Волге—Нижний Новгород, Самара и Саратов, в центре — Воронеж, Киев, Кострома и Иваново-Вознесенск на востоке—Оренбург) об'единились, чтобы определеннее выявить классовую волю организованного в союзы русского пролетариата.

Тогда же в Харькове с этою целью состоялось первое «совещание» местных союзов. Было постановлено разделить работу по созыву с'езда между пятью пунктами, организовав районные бюро. Такие бюро были намечены: для обеих столиц, для Харькова, для Поволжья и для губерний так назыв. Привислинского края. Было выяснено, что самым влиятельным центром являлся Петербург, а потому из Харькова были перенесены предварительные совещания в Петербург, где окончательно были решены вопросы о составе с'езда и о времени его созыва. В Петербурге было оформлено создание районного бюро и затем послан в Москву специальный уполномоченный для создания такого же организованного центра. Он образовался при «Музее содействия труду», где собиралось московское Ц. б. и тогда издавался периодический журнал: «Бюллетени Музея труда».

В начале октября 1905 г. в Москве происходило первое совещание официальных представителей московских профессиональных союзов при участии уполномоченных Петербургского и Харьковского Ц. б. профессиональных, кооперативных и иных рабочих организаций. Участвовали представители 26-ти различных рабочих организаций кооперативных, взаимопомощи и профессиональных. Кроме них на третий день совещания (совещание продолжалось четыре дня) приняли участие представители десяти иногородних профессиональных об'единений. На этом совещании были сорганизованы три подготовительных бюро: Харьковское, Царства Польского и Петербургское, каждое в центре своего района. Московское районное бюро—для центральных губерний—еще не существовало.

Октябрьское Петербургское совещание обсуждало два вопроса: об образовании Московского районного бюро и о подготовительных работах к с'езду.

По первому вопросу было решено организовать московское районное бюро уполномоченных союзов, включая представителей партий, «участвующих в рабочем движении». По второму—подготовить созыв с'езда в декабре 1905 года в Москве. Перед с'ездом было решено собрать еще небольшое предварительное совещание в ноябре в Москве из уполномоченных Центральных бюро. Собравшись, оно выпустило «Циркулярное обращение к профессиональным союзам, обществам взаимопомощи и рабочим организациям», а также установило примерную программу с'езда, исходя из принципов, установленных еще в Харькове обществом взаимного вспоможения занимающихся ремесленным трудом, и положений Московского совещания. События

этого времени поставили непреодолимую преграду для исполнения плана, намеченного совещанием. Подавление революционного движения 1905 года и пролетарское восстание Москвы в декабре 1905 года отодвинули момент созыва первого с'езда. Вместо с'езда пришлось собрать сравнительно малочисленную так наз. вторую конференцию профессиональных союзов. Она была созвана в конце февраля и в начале марта 1906 года в Петербурге и как бы, с одной стороны, завершала первый этап движения, с другой—подводила ему общую теоретическую базу. Поэтому конференция явилась очень важным в истории всего русского профессионального движения моментом. К тому же пролетариату было необходимо выявить и определить свое отношение к первому важному завоеванию—к закону 4 марта 1906 года.

Личный состав этой конференции был по тому времени значительный. Местные Центральные бюро прислали наиболее видных и солидных представителей своего района. Партии также были представлены руководящими силами своих Центральных комитетов. От профессиональных союзов прибыли представители 10 районов: обеих столиц, Варшавы, Киева, Харькова, Одессы, Вильно, Лодзи, Нижнего-Новгорода и Николаева с обстоятельными докладами с мест...

Программа конференции заключалась в заслушании 13 обстоятельных докладов с мест от районных бюро и трех больших союзов (Московского союза раб. печ. дела, Киевского булочников и кондитеров, Ярославского торгово-промышленных служащих), в обсуждении ряда докладов по существенным вопросам профессионального движения. Впереди других шел вопрос о партийности или нейтральности союзов, затем вопрос об оформлении и легализации союзов и вопрос о характере союзов и организации их или по профессиям, или по производству.

Конференция выбрала Организационную Комиссию из пяти лиц (Гриневич, Андреев, Литвак, Круглов и Захаров) для созыва будущего Всероссийского с'езда профессиональных союзов. Эта первая обстоятельная конференция тщательно выяснила общие теоретические положения всего профессионального движения. Поэтому ее резолюции и решения являлись показательными и принципиальными.

VII. Боевая деятельность союзов.

1. Политическая и экономическая стачка.

(Н. Ленин—„Русский рабочий...“, см. сб.: „Статьи и речи по вопросам проф. движения“, стр. 126—135, изд. 1924 г.).

Для изучения волнообразного характера стачечного движения годичный период слишком велик. Мы имеем теперь статистическое право сказать, что в трехлетие 1905—1907 г.г. *каждый месяц шел за год* (курсив мой—Э. Г.). Рабочее движение за три года прожило 30 лет. В 1905 году число стачечников ни в одном месяце не опускалось ниже *годового* минимума стачечников за 10-летие 1895—1904 г.г., а в 1906 и 1907 г.г. таких месяцев было только по два.

К сожалению, разработка помесячных данных, как и данных по отдельным губерниям, очень неудовлетворительна в официальной статистике. Многие сводки приходится делать заново. По этой причине, а также по соображениям места мы ограничимся пока данными о *четвертях* года. Заметим по поводу разделения экономических и политических стачек, что официальная статистика дает не вполне сравнимые данные за 1905 и за 1906—1907 г.г. Смешанные стачки по официальной номенклатуре разряды 12, с экон. треб. и 12 б. о экон. треб.—в 1905 г. считались политическими, а позднее—экономическими. Мы и за 1905 год относим их к экономическим.

Число стачечников в тысячах:

Годы:		1905 г.				1906 г.				1907 г.			
Четверть года:		I	II	III	VI	I	II	III	IV	I	II	III	IV
	Всего. .	810	481	294	1227	269	479	296	63	146	323	77	193
В том числе.	экономич.	604	239	165	430	73	222	125	37	52	52	66	30
	политич.	206	242	129	847	196	257	171	26	94	271	11	169

Чертой обведены те периоды, которые показывают наибольший под'ем волны. Уже с первого взгляда на таблицу бросается в глаза, что эти периоды совпадают с кардинальной важности политическими событиями, характеризующими все трехлетие. 1905 г. 1—9 января и его последствия; 1905—IV—октябрьские и декабрьские события; 1906—II—1-я Дума; 1907—

II-я Дума; в последней четверти 1907 г. под'ем наименьший, об'ясняемый политической забастовкой в ноябре (134.000 стачечников) по поводу суда над втородумскими рабочими депутатами. Таким образом, этот период, заканчивающий трехлетие и являющийся переходным к иной полосе русской истории, есть как раз такое исключение, которое подтверждает правило; если под'ем стачечной волны не означает здесь общего социально-политического под'ема, то при ближайшем рассмотрении оказывается, что не было и стачечной *волны*, а была одиночная стачка-демонстрация.

...Перейдем к изучению соотношения экономических и политических стачек. Официальная статистика дает по этому вопросу интереснейшие данные. Возьмем сначала общие итоги по отдельным годам рассматриваемого трехлетия:

	Число стачечников в тысячах.		
	1905 г.	1906 г.	1907 г.
Экономических	1.439	456	200
Политических	1.424	650	540
Итого	2.863	1106	740

Первый вывод отсюда тот, что экономические и политические стачки находятся в самой тесной связи. Они вместе поднимаются и вместе падают. Сила движения в эпоху наступления (1905 г.) характеризуется тем, что политические стачки как бы воздвигаются на широком базисе не менее сильных экономических стачек, которые, даже взятые отдельно, далеко оставляют позади цифры за все десятилетие 1895—1904 г.г.

При упадке движения число экономических стачечников падает быстрее, чем число политических. Слабость движения в 1907 году характеризуется, несомненно, отсутствием широкой и прочной базы экономической борьбы. С другой стороны, более медленное падение числа политических стачечников вообще и особенно небольшое падение этого числа с 1906 по 1907 год указывает, видимо, на знакомое уже нам явление: передовые слои с наибольшей энергией стараются приостановить отступление и превратить его в наступление...

Совершенно очевидно теперь, какова именно взаимозависимость экономической и политической стачки: без их тесной связи действительно широкое, действительно массовое движение невозможно; конкретной же формой этой связи является, с одной стороны, то, что в начале движения и при втягивании новых слоев в движение чисто экономическая стачка играет преобладающую роль, а, с другой стороны, политическая стачка будит и шевелит отсталых, обобщает и расширяет движение, поднимает его на высшую ступень...

Но вернемся к данным соотношений экономической и политической стачки. Данные по четвертям года за все трехлетие показывают, прежде всего, что все крупные под'емы связаны с под'емом числа не только политических, но и экономических стачечников. Некоторым исключением является

лишь под'ем весной 1907 года, когда максимум экономических стачечников приходится не на II, а на III четверть года.

В начале движения (I-я четверть 1905 года) мы видим громадное преобладание числа экономических стачечников над политическими (604 и 206 тыс.). Апогей движения (IV-я четверть 1905 г.) дает новую волну экономических стачек, более слабую, чем январская, при сильном преобладании политической стачки. Третий под'ем весной 1906 года показывает опять очень большое увеличение числа и экономических и политических стачечников. Одних уже этих данных достаточно для опровержения того мнения, будто соединение экономической и политической стачки было «слабой стороной движения». Такое мнение неоднократно высказывали либералы; его повторял, по отношению к ноябрю 1905 года, ликвидатор Череванин; недавно его повторял по отношению к той же эпохе также и Мартов. Особенно часто в подтверждение такого взгляда ссылаются на неудачу борьбы за 8-часовой рабочий день.

Факт этой неудачи бесспорен, бесспорно и то, что всякая неудача означает слабость движения, но либеральная точка зрения сказывается в признании «слабой стороной движения» именно соединения экономической борьбы с политической; марксистская [1]) точка зрения видит слабость в недостаточности этого соединения, в недостаточно значительном числе экономических стачечников. Статистика наглядно подтверждает правильность марксистского взгляда, обнаруживая «общий закон» трехлетия: усиление движения при усилении экономической борьбы. И этот «общий закон» логически связывается с основными чертами всякого капиталистического общества: в нем всегда будут существовать столь отсталые слои, которых может разбудить лишь самое экстренное обострение движения, а иначе как с экономическими требованиями отсталые слои не могут втянуться в борьбу.

...Чрезвычайно поучительные данные официальной статистики о результатах стачек. Общие итоги этой статистики таковы:

Процент числа стачечников в стачках с указанными результатами:

Результаты стачек.	За 10 лет. (1895-1904 г.).	1905 г.	1906 г.	1907 г.	1908 г.
В пользу рабочих	27,1	23,7	35.4	16,2	14,1
Взаимные уступки (компромисс).	19,5	46,9	31,1	6,1	17,5
В пользу хозяев (против рабоч.).	51,6	29,4	33,5	57,6	65,8

Общий вывод отсюда, прежде всего, тот, что максимальная сила движения означает и максимальный успех рабочих. Всего выгоднее для них 1905 год, когда напор стачечной борьбы был наибольший. Этот год выделяется также необыкновенной частотой компромиссов: стороны еще не приспособились к новым, необычайным условиям, предприниматели растерялись под влиянием частоты стачек, и дело чаще, чем когда бы то ни было,

[1]) Статья написана в легальном большевистском журнале, чем и об'ясняется ее «Эзопов» язык: под словами «марксистская точка зрения» имеется в виду точка зрения большевиков.

кончалось компромиссом. В 1906 году борьба становится упорнее, случаи компромисса несравненно реже, но рабочие в общем все еще побеждают: процент стачечников выигравших больше, чем процент проигравших. Начиная с 1907 года, поражения рабочих непрерывно усиливаются, при уменьшении случаев компромисса...

Чтобы подвести краткие итоги перипетиям экономической борьбы за 1905 и 1906 годы, можно употребить такой прием. В 1906 году ясно выделяются три главные под'ема стачечной борьбы, вообще, и экономической в частности: январь, май и октябрь. За эти три месяца вместе число экономических стачечников составило 667 тыс. из всего числа 1.439 тыс. за год, т.-е. не четверть, а близко к половине, и все эти три месяца были месяцами побед рабочих в экономической области, т.-е. превышения числа рабочих, выигравших стачки, над числом рабочих, проигравших стачки.

В 1906 году явственно разделяются в общем и целом первая и вторая половина года: в первой—приостановка отступления и большой под'ем; во второй—большой упадок. На первую половину года приходится 295 тыс. экономических стачечников, на вторую 162 тыс. Первая половина дала рабочим победу в экономической борьбе, вторая поражение.

Эти общие итоги вполне подтверждают тот вывод, что не «атмосфера сочувствия», не симпатии буржуазии, а сила натиска играла решающую роль в экономической борьбе.

2. Характер экономических требований.

(В. Гриневич—„Профессиональное движение рабочих в России“, стр. 115—122, изд. 1922 г.).

Бросая ретроспективный взгляд на ход экономической борьбы рабочих за последние два года, мы замечаем то же явление, которое, как мы видели выше, характеризует стачечную борьбу осени 1905 г.—преобладание стачек ремесленников, служащих торгово-промышленных, городских и других учреждений, архитектурно-строительных рабочих над стачками фабрично-заводских рабочих. Основная причина этого явления заключалась в том обстоятельстве, что в производствах первой категории, из которых большинство переживало впервые экономическое движение рабочих, господствовала хищническая эксплоатация труда, и потому об'ективно, по условиям производства, делала возможным значительное удовлетворение требований рабочих. Напротив того, в производствах второй категории, где рабочее движение сумело добиться долголетней упорной борьбой значительных улучшений условий труда, эта об'ективная возможность дальнейших уступок была сравнительно гораздо больше исчерпана. К тому же, в первом случае профессиональным союзам приходилось руководить стачками сравнительно небольших масс рабочих против, по большей части, неорганизованных предпринимателей, а во втором случае приходилось бы руководить стачками крупных предприятий или ряда крупных предприятий против, по большей части, орга-

низованных предпринимателей, или таких, которым легко быстро организоваться.

Если мы остановимся на движении фабрично-заводских рабочих, то заметим, что оно охватывает преимущественно рабочих текстильного производства, из горно-обрабатывающей промышленности заметно только рабочих нефтяных промыслов, и гораздо меньше рабочих металлургической промышленности... Наиболее пострадала от кризиса металлургическая промышленность. Причем, конечно, *пострадали рабочие металлургической промышленности.* Закрытие заводов, массовый расчет как ответ на октябрьскую революцию, безработица — падали своею главною тяжестью на рабочих по обработке металла.

Вполне понятно, что при этих условиях рабочие по металлу не могли вести какой-либо широкой кампании стачек за улучшение условий труда. Даже отдельные, сравнительно небольшие наступательные стачки в громадном большинстве случаев заканчивались неудачно. Только в некоторых городах (Саратов, Витебск, Астрахань) стачки заканчиваются завоеванием 9-часового рабочего дня. Преобладают в металлургической промышленности оборонительные стачки, во-первых, для защиты довольно крупных завоеваний, сделанных в 1905 году в области сокращения рабочего дня, а во-вторых, для борьбы со сверхурочными работами, которыми капиталисты пытаются покрыть прежние уступки. Союзы рабочих по металлу ведут теперь усиленную агитацию против сверхурочных работ, которые, помимо всего прочего, еще больше усиливают безработицу, так сильно угнетающую деятельность союзов.

В текстильной промышленности, переживающей известный промышленный под'ем, центром тяжести экономической борьбы является повышение заработной платы... Главным завоеванием 1905 года является значительное сокращение рабочего дня. В докладе из Москвы о положении прядильно-ткацкой промышленности в России на конференции союзов рабочих текстильного производства мы находим следующие дополнительные данные: «Грандиозное стачечное движение 1905 и 1906 годов принесло рабочим прядильно-ткацкой промышленности громадное сокращение рабочего дня. В Московской губернии в 1896 году, т.-е. до закона 1897 г. из 150.000 рабочих по обработке волокнистых веществ 67.000 были заняты односменной денной работой и 83.000 двухсменной. Денные смены работали обыкновенно 13 и 14 часов и доходили до 18 часов чистой работы в сутки. Среди двухсменных решительно преобладали двухсменные ночные работы. В 1905 году, в первую половину года, из 180.000 огромное большинство работало еще по 11½ часов (около трех пятых) и тысяч сорок рабочих работали односменной 10-ти часовой и двухсменной 9-ти часовой. Через год, в 1906 году, картина резко изменилась: на 11½ часовой работе осталась ничтожная горсть,—всего одна восьмая рабочих: главная масса, почти поровну, распределилась на односменной 10-ти часовой и двухсменной 9-ти часовой. В прядильно-ткацкой промышленности установился рабочий день в 10 и 9 часов.

Ночные работы сохранились всего на 20 фабриках с 5.000 рабочих, работающих двумя комплектами день и ночь».

Этому сравнительно крупному сокращению рабочего дня совершенно не соответствовало завоеванное одновременно повышение заработной платы. Безусловно выиграли только те немногие группы рабочих, которые состоят на месячном или поденном жаловании. Увеличение же расценок на 5—20%, которого добились работающие сдельно и составляющие в прядильно-ткацкой промышленности огромное большинство было почти целиком поглощено сокращением рабочего времени, принимая уже во внимание увеличение производительности труда. В итоге повышение заработной платы было очень незначительное.

Но и это повышение заработной платы было сведено на нет небывалым повышением цен на продукты первой необходимости, начавшимся в конце 1906 г. и продолжающимся и по сию пору. Пуд кислого хлеба поднялся в Москве в цене с 89 коп. (средняя цена в январе 1905 года) до 1 р. 09 к. (средняя в январе 1907 г.),—на 20 коп. или на 24%. В Петербурге в январе 1907 г. цена на хлеб поднялась с 1½ коп. за фунт до 3 и 4 коп. Из доклада на текстильной конференции из Кохмы (Владимирской губ.) мы узнаем о следующем росте цен в центральном промышленном районе (цены потребительской лавки):

	1905 г.	1906 г.	1907 г. Январь.	1907 г. Февраль.
Мука ржаная пуд.	— р. 35 к.	1 р. — к.	1 р. 10 к.	1 р. 15 к.
„ обдир. „	1 „ 05 „	1 „ 20 „	1 „ 25 „	1 „ 30 „
„ пш. I гол. „	1 „ 97 „	2 „ 10 „	2 „ — „	2 „ 50 „
„ „ II „	1 „ 77 „	1 „ 90 „	2 „ — „	2 „ [illegible] „
„ „ 1 „	1 „ 87 „	2 „ — „	2 „ — „	2 „ 40 „
Масло льнян. фунт	— „ 11¼ „	— „ 12 „	— „ — „	— „ 13½ к.
Керосин „	— „ 3½ „	— „ 3¾ „	— „ — „	— „ 4½ „

Это непомерное повышение цен на предметы первой необходимости подрывало все значение завоеванного повышения заработной платы. Условия жизни остались те же, если не сделались еще хуже.

Между тем необходимо принять во внимание, что революционные события последних лет, пробудив широкие рабочие массы к сознательной жизни, сильно повысили ее культурные потребности. С вовлечением рабочих масс в профессиональные организации эти культурные потребности растут, и стимул для борьбы за повышение заработной платы, следовательно, и за улучшение условий жизни повышается.

Нужно впрочем сказать, что если влияние только что перечисленных факторов и проявляется в текстильной промышленности более резко, то тем не менее оно не является ее исключительной особенностью. Напротив того, влияние этих факторов в большей или меньшей степени можно проследить и во всех других производствах.

После того, как союзы раб. печ. дела добились значительного сокращения рабочего дня, пред ними стал также резко вопрос об увеличении заработной платы. Вот почему первая всеросс. конференция печатников, обсуждавшая в связи с вопросом о выработке тарифа экономические требования печатников, выставила в первую очередь на ряду с требованиями 8-ми часов. рабочего дня и полной отмены сверхурочных работ—требования установления минимума заработной платы и замены сдельной платы повременной. Из других реальных требований, выставлявшихся печатниками в ходе экономической борьбы и, в некоторых городах, в той или иной степени уже удовлетворенных, мы отметим требования: обязательного воскресного и праздничного отдыха; введения автономных фабричных комиссий, пользующихся правом увольнения и приема рабочих; замены ученичества профессиональным образованием; равноправности и равноплатности женского труда и т. д.

Сокращение рабочего дня и увеличение заработной платы являются, конечно, главными основными требованиями, выставляемыми в ходе экономической борьбы и всеми другими ремесленными производствами. В то же время каждое из последних имеет свои специальные наболевшие мучительные вопросы, различные косвенные пути эксплоатации, озлобление против которых накоплялось десятилетиями и борьба из-за которых еще больше сплачивала ряды пробудившихся к сознательной жизни рабочих.

У *булочников* из таких наболевших вопросов можно отметить требования уничтожения хозяйских квартир и выдачи взамен каждому рабочему дополнительного вознаграждения к заработной плате. Хозяйские квартиры и харчи в руках предпринимателя являются не только источником добавочной эксплоатации, но и средством держать рабочих на низшем культурном уровне, при котором только и возможна хищническая эксплоатация труда. Упорной борьбой булочникам удалось во многих местах добиться воскресного и праздничного отдыха (в Петербурге даже признания праздниками 19 февраля и 1 мая), которого до тех пор булочники были *совершенно лишены.*

У *портных, сапожников, шапочников* и т. п. производств злободневным вопросом является борьба против посредников (они называются также хозяйчиками, штучниками, ланцетниками и т. п.), и работы на дому, и против поштучной платы.

Главным содержанием борьбы *торгово-промышленных служащих,* преимущественно приказчиков, является защита завоеванного осенью 1905 г. воскресного и праздничного отдыха и требование сокращения рабочего дня до 10 часов с обеденным перерывом. В тех торговлях, где имеются хозяйские квартира и пища, ведется борьба против них. Нищенская оплата труда приказчиков выдвигает повсюду требование увеличения жалования. Часто встречающееся требование вежливого обращения указывает на под'ем человеческого сознания даже в наиболее отсталых слоях приказчиков.

Основными требованиями стачечного движения последних лет являются таким образом:

1. Сокращение рабочего дня.
2. Повышение заработной платы.

3. Отмена сверхурочных работ.

4. Замена сдельной платы повременной и

5. Признание профессиональной организации и как представителей ее: в ремесленных мастерских — выборных (уполномоченных) рабочих, в фабрично-заводской промышленности —рабочих комиссий (комитетов).

Последнее требование не только выставлялось в целом ряде производств, но и во многих производствах было удовлетворено. На первый взгляд может казаться странным, что то, чего с таким трудом добиваются долгие годы сильные западно-европейские профессиональные союзы, достигнуто в течение двух лет нашими молодыми профессиональными организациями. Не нужно, однако, обманываться относительно прочности этих завоеваний. Наша фабрично-заводская «конституция» не прочнее ее политической тезки. Предприниматели охотно шли на первых порах на переговоры с представителями союзов, потому что видели в них силу, регулирующую стачечное движение, уничтожающую существовавшую до тех пор «анархию» стачек, и орган, с которым можно входить в те или иные взаимные обязательства. Но чем больше предприниматели убеждались, что професс. союзы, помимо охраны производства от «дезорганизации», ставят себе главною и основною задачею борьбу за улучшение условий труда, и чем реальнее проявлялось это последнее значение союзов, тем резче менялось отношение предпринимателей к союзам рабочих. Мы видим уже с их стороны не только резкий отказ признать организацию рабочих, но и активные шаги (локауты) специально для уничтожения профессиональных союзов рабочих...

3. Руководство стачками и стачечная тактика.

(Д. Антошкин — „Профессиональное движение в России", стр. 121 — 129, изд. 1924 г.).

Роль союзов в экономической борьбе.

К сожалению, нельзя сколько-нибудь отчетливо выявить роль профессиональных союзов в стачечной борьбе 1905—1906 г.г., их влияние на ход и результаты стачек. Во-первых, значительное количество стачек в 1905 году возникало часто без всякого организованного руководства, и только с момента возникновения стачки во главе ее становился стачечный комитет; иногда стачки проводились фабрично-заводскими комиссиями. Во-вторых, профессиональные союзы фабрично-заводских рабочих возникают только в 1906 году. Профессиональные же союзы ремесленников и служащих часто возникали в 1905 году уже в процессе стачек или после них; кроме того, проследить стачечную борьбу этих групп и восстановить ее картину в более или менее цельном виде пока еще не представляется возможным; да и сами профессиональные союзы в большинстве случаев в течение 1905 года не успели оформиться в сколько-нибудь стройные организации, за исключением очень немногих из них. Это конечно, не значит, что они не играли никакой роли в организации стачечной борьбы и руководстве ею; но, порожденные

стихийным движением, равного которому по силе и размаху еще не было, профессиональные союзы не могли полностью подчинить своему планомерному руководству экономическую борьбу и принуждены были поспевать за ходом событий, не всегда идя впереди них, и уже в процессе самой борьбы осуществляли свое оформляющее влияние.

В 1906 году, вместе с возникновением профессиональных союзов фабрично-заводских рабочих, профессиональное движение принимает более оформленные контуры, и роль союзов в экономической борьбе становится вполне отчетливой; они начинают целиком подчинять своему руководству стачечную борьбу, регулируя ее и проводя по определенно намеченным планам и правилам (стачечные регламенты).

Наиболее значительной по сравнению с другими союзами была роль союза печатников в экономической борьбе, который об'единял большинство рабочих, занятых в типографском производстве. И стачечная борьба среди них была наиболее интенсивной. Оба эти факта находились в зависимости от того, что в печатном производстве, в сравнительно небольшом количестве предприятий, занята более или менее однородная по составу рабочая сила; при этом рабочие печатного дела являются большей частью высококвалифицированными при небольшом количестве подсобных неквалифицированных рабочих. Такая однородность и небольшое количество предприятий облегчали союзу организационную работу. Этот же факт влиял и на организованность их стачек. Интенсивность же стачечной борьбы печатников об'ясняется сравнительной легкостью, с которой они вырывали уступки у предпринимателей: последние вынуждались к этому и расширением печатного дела в 1905—1906 г.г. и строгой календарностью значительного количества работ (выпуск газет, журналов); при расширившемся производстве и срочности работ стачки вдвойне были неудобны для предпринимателей, и они предпочитали уступать рабочим, чтобы не терять заказов. В годы реакции, когда печатное дело сильно сократилось, печатники не могли с такой же легкостью бороться за свои требования (наоборот, предприниматели перешли в наступление так же, как и в фабрично-заводской промышленности).

Оценивая роль профессиональных союзов в стачечной борьбе 1905—1906 г.г., необходимо отметить, что в эти годы стачечное движение вступило на новый путь — на путь организованного проведения стачек, резко отличаясь этим от предыдущих лет, когда большинство стачек возникало стихийно и организованное руководство в них было очень слабо и далеко не во всех.

Планомерная организованность стачек особенно рельефно выявилась в 1906 году. В ряду других в этом отношении сильно выделяется забастовка петербургских рабочих хлебопекарного производства, произведенная в июне 1906 года.

Вопрос о забастовке возник в массах членов союза после общего собрания в апреле 1906 года. Правление всесторонне обсудило поступившее заявление о необходимости забастовки и пришло к выводу, что разрозненные выступления отдельных мастерских не приведут к положительным

результатам и что только общая стачка всех мастерских хлебопекарного производства может расчитывать на успех. К общей стачке не были подготовлены ни рабочие, ни правление союза; многие мастерские еще не примкнули к союзу; поэтому было решено провести подготовительную работу, прежде чем об'явить стачку. Правление бросило лозунг о выборах делегатов от мастерских, нашедший живой отклик среди рабочих, и в течение короткого времени через уполномоченных в союзную жизнь были втянуты и мастерские, стоявшие дотоле в стороне от союза. Делегаты-уполномоченные на своих собраниях приступили к выработке требований. В мае собрался «совет» уполномоченных в количестве 150 человек и, обсудив выработанные требования, одобрил их и постановил начать стачку.

Для ведения стачки на этом же совете был избран стачечный комитет, которому было поручено в течение двух недель проделать все подготовительные работы, об'явить стачку и руководить ею до конца; начало и конец стачки и все переговоры во время ее целиком поручались стачечному комитету; правление же союза формально должно было стоять в стороне, так как по закону 4 марта 1906 года союз не мог руководить стачкой.

Стачечный комитет и выборные уполномоченные провели энергичную организационную работу при активной поддержке рабочих, тесно сомкнувшихся всей тридцатитысячной массой вокруг своего союза. Настроение было напряженно-торжественное, к схватке готовились серьезно, как к тяжелому и важному делу; среди рабочих даже заметно сократилось пьянство. Сильно увеличился приток новых членов и взносы в кассу союза.

День начала стачки никому неизвестен, кроме стачечного комитета. Собравшись 1 июня, стачечный комитет заслушал отчеты о подготовительной работе по районам и, найдя, что все готово, постановил об'явить стачку на 3 июня после окончания дневной работы.

В назначенный день, в 4 часа дня, стачка началась во всех булочных и хлебопекарнях как в городе, так и в пригородах.

В первые же дни полиция приступила к арестам стачечников; последние в ответ на это обратились к таким средствам, как битье стекол в булочных. Чтобы не дать повода полиции разгромить стачку, стачечный комитет энергично призвал рабочих отказаться от таких методов борьбы.

По одиночке хозяева обращались в союз с целью переговоров, но неизменно получали ответ, что это дело стачечного комитета и что никакие переговоры с отдельными предпринимателями вестись не будут. 7 июня хозяева собрались для обсуждения требований рабочих и постановили: лишить стачечников харчей и выселить из общежитий.

Полиция также начала давить на забастовщиков. Вследствие запрещения полицией, выдачу пособий из помещения союза пришлось перенести в помещение совета безработных; но и туда явились казаки и разогнали стачечников, а через несколько дней то же повторилось и на Куликовом поле. Пришлось разбить выдачу пособий по районам. (Пособия начали выдаваться на четвертый день стачки в размере 20 коп. в день). 9 июня состоялось совещание комиссии хозяев со стачечным комитетом, на котором обе стороны

пришли к соглашению о передаче спора в примирительную камеру. Но на первом же заседании камеры переговоры были прерваны из-за неуступчивости хозяев. И только 14 июня вновь начались переговоры с 28 владельцами «московских» булочных, закончившиеся соглашением. По этому соглашению стачка закончилась 15 июня в 6 час. вечера. Таким образом, забастовка продолжалась 13 дней, и, благодаря стойкости рабочих и хорошей организации, хозяева принуждены были пойти на значительные уступки. Сокращение рабочего дня до 11 час., праздничный отдых, повышение заработной платы и т. д. (см. Б. Иванов—«Профессиональное движение рабочих хлебо-пекарно-кондитерского производства», ГИЗ, 1920 г., стр. 34—48).

Мы не можем здесь подробно описывать хотя бы наиболее значительные стачки, проводившиеся профессиональными союзами, и в дальнейшем ограничимся общей сводкой стачечной тактики профессиональных союзов, техники проведения их и проч.

Тактика стачечной борьбы.

Несмотря на молодость профессионального движения, союзы уже с 1906 года проявили большое уменье в технике и тактике стачечной борьбы. Примером этому служит и стачка булочников и печатников и ряда других профессий.

Тут сказались три фактора, определявшие эту зрелость: 1) возникновение союзов при развитом революционном движении рабочих; 2) выработавшаяся привычка, приобретенный опыт в дореволюционной стачечной борьбе и 3) возможность использования стачечного опыта западно-европейских профессиональных союзов.

Но как в организационном отношении профессиональные союзы рассматриваемых лет не могли окончательно оформиться по причине наступившей реакции и упадка рабочего движения, так и в отношении стачечной тактики и техники оформление не могло быть доведено до конца по тем же причинам.

Рабочие России в своем стачечном движении выработали две основные тактики: 1) Тактика локальных (местных), частичных (по отдельным предприятиям или группам их) стачек, и 2) тактика общих стачек. Первая практиковалась по преимуществу до 90-х годов: в то время общих стачек не наблюдалось, по причине слабого классового развития рабочих; они начинают применяться с половины 90-х годов и особенно в 900-х, когда рабочий класс делает последние шаги к оформлению в революционный класс.

Профессиональные союзы усвоили в своей практике обе тактики в зависимости от условий стачечной борьбы, состояния производства и рынка труда, тактики предпринимателей, целей стачечной борьбы; стачечная тактика определялась также в значительной степени тем, к какой отрасли промышленности принадлежали об'единяемые тем или иным союзом рабочие и какие формы производства господствовали в данной отрасли. Но на практике такого резкого разделения двух тактик по отдельным союзам, конечно, не могло быть и не наблюдалось: один и тот же союз, в зависимости от ряда

условий, применял ту или иную тактику, и именно ту, которая могла расчитывать на больший успех в данных условиях.

Характерно, что два рабочих союза различных отраслей производства, резко отличавшиеся по составу рабочих, высказались за разные тактики. Конференция союзов печатников, в резолюции по экономической борьбе, признавая, что нельзя установить на всякий случай общей тактики и что она должна отличаться гибкостью в соответствии с условиями места и времени, заявляет, что «единовременные выступления целых городов и областей, требующие особенного напряжения сил и средств рабочих организаций и крайне опасные для них в случае поражения, требуют самого осторожного к себе отношения, самого внимательного учета. Конференция, поэтому, считает целесообразным вести борьбу партизанским путем, концентрируя ее единовременно на отдельных городах и предприятиях. Отмечая, однако, что при некоторых условиях партизанские выступления могут быть для рабочих невыгодны, конференция предостерегает от увлечения ими и их переоценки («Протоколы I Всеросс. конфер. раб. печатн. дела», ст. 111—112, заимствовано у Гриневича, стр. 126—127).

Осторожность, проявленная конференцией, вполне естественна и показывает, что она отчетливо представляла себе необходимость варьирования (разнообразия) тактических приемов в экономических стачках. Отдав все же предпочтение партизанским стачкам, конференция исходила, несомненно, из учета сил союзов и условий, в которых находилось производство; определенное влияние имело и то обстоятельство, что, при сравнительно хорошо налаженных местных организациях, всероссийское об'единение было в стадии первоначального оформления.

Московская конференция текстильщиков предложила «главным и наиболее действительным средством для поднятия экономического положения текстильных рабочих района областную забастовку в текстильной промышленности района». Частичные забастовки конференция допускала только: 1) для отпора посягательствам капиталистов, 2) как средство воспитания и организации наиболее отсталых масс, еще не втянутых в движение, и 3) там, где условия труда наиболее тяжелы». (Первая областная конференция профессиональных союзов рабочих по обработке волокнистых веществ», стр. 61, у Гриневича на стр. 127).

Тут заметно сказалось влияние концентрации производства и скученности предприятий этой отрасли промышленности в данном районе, наличие синдикатской организации текстильных фабрикантов, а также и некоторый опыт предыдущих стачек до революции 1905 года.

Гриневич (см. стр. 127—128), основываясь на том, что частичные стачки типографских рабочих во многих городах оканчивались успехом, а областная московская стачка текстильщиков в июле 1907 г. окончилась полной неудачей, приходит к выводу, что тогдашним условиям и силам профессиональных союзов больше соответствовала тактика частичных стачек. Надо заметить, что успех одной тактики в печатном производстве и неуспех другой в текстильном еще ничего не доказывает, так как неизвестно, к каким

результатам привела бы тактика частичных стачек в текстильной промышленности в июле 1907 года, когда вообще стачечная борьба оканчивалась поражением рабочих и когда капитал перешел в жестокое наступление.

Тактика частичных стачек типографских рабочих могла расчитывать на определенный успех уже в силу того, что в этом производстве конкуренция предпринимателей не ограничивалась рамками таких об'единений, как синдикаты, и предприниматели в большинстве городов стояли против рабочих в одиночку. Не таково было положение в текстильной промышленности Московской области. При известном об'единении предпринимателей частичные стачки в типографском производстве не имели успеха, когда с одной стороны типографское дело несколько сузилось вследствие разгрома свободной печати, и, с другой стороны,—предприниматели—под влиянием расширения производства в 1905—1906 г.г. и интенсивной стачечной борьбы—ввели наборные машины и ротационки, значительно повысившие производительность труда. Владелец типографии, пораженной стачкой, переносил заказы в другие типографии и мог продержаться против забастовки до того момента, когда силы рабочих иссякли (при вмешательстве полиции энергия стачечников подрывалась раньше времени), и тактика частичных стачек в таких случаях обрекала выступления рабочих на полное или значительное поражение; при равенстве других условий, на успех можно было расчитывать только при тактике общих забастовок (для типографских рабочих забастовки в городском масштабе по преимуществу). Преклонение перед тактикой частичных стачек ни на чем не основано, особенно если говорить о времени после 1906 года. Каждая тактика с точки зрения непосредственных результатов для рабочих была одинаково приемлема, в зависимости от всех условий, при которых она проводилась; в одном случае была выгоднее одна тактика, в другом—другая. В годы же упадка рабочего движения инициатива борьбы находилась в руках предпринимателей, и рабочим приходилось обороняться, не всегда имея возможность выбирать наиболее выгодную для них тактику.

Мы уже видели, что руководство местными стачками по существу находилось в руках правлений союзов, причем роль стачечных комитетов в одних случаях была большей, в других—меньшей; иногда вопрос о стачке решался выборными делегатами, которые избирали и стачечный комитет.

Руководство областными стачками при известных ограничениях поручалось областным органам союза, но все принципиальные вопросы о таких стачках и решение самого вопроса, об'явить стачку или нет, сохранялось за областными конференциями (у текстильщиков и у печатников). Несмотря на слабость областных об'единений и зачаточные формы всероссийских, местные и областные стачки проводились в случаях необходимости при поддержке союзов других городов и областей и часто при поддержке союзов других производств и профессий.

Полная централизация стачечной борьбы была проведена в союзах щетинщиков и кожевников Северо-Западного края. Например, в центральные бюро союза кожевников, по постановлению конференции, местные союзы

должны были отчислять 50% своих доходов, из которых 30% шло в централизованный стачечный фонд, и из него местные союзы могли получать средства на ведение стачки только в том случае, если она об'являлась с согласия центрального бюро (Гриневич, стр. 128).

Вопрос о руководстве местными стачками лучше всего был разработан в петербургском союзе металлистов, инструкции и регламенты которого оказали большое влияние на выработку таковых и в других союзах.

По инструкции органам управления петербургского союза металлистов, «все забастовки экономического характера, как оборонительные, так и наступательные, подлежат общему руководству со стороны правления союза».

Далее, при назревании экономических столкновений правлению союза должно было представляться заявление с указанием: «а) общего числа рабочих в данном предприятии или мастерской и сколько из них членов союза, б) сколько из членов союза находится в организации свыше шести месяцев, в) требований, которые предполагается выставить, или, если столкновение носит оборонительный характер, произведенных или предполагаемых ухудшений, г) когда предполагается выставить требования, д) продолжительности рабочего дня, размера заработной платы, количества сверхурочных часов и размера их оплаты».

Причем, если правление решает вопрос о стачке в положительном смысле, то «забастовка об'является только тогда, когда не менее трех четвертей рабочих, занятых в данном предприятии, высказывается при тайной подаче голосов за прекращение работы». Техническое руководство стачкой поручалось стачечному комитету, при установлении безнадежности стачки правление имело право об'явить ее оконченной (у Гриневича, на стр. 125).

4. Другие способы экономической борьбы.

(Д. Антошкин — „Профессиональное движение в России", стр. 129—132, изд. 1924 г.).

Бойкот. Бойкот, как форма экономической борьбы рабочих, не получил широкого применения. Это средство борьбы, действительное только при массовом применении его и не только теми группами, которые непосредственно заинтересованы в исходе борьбы, требует, чтобы бойкот был популярен и чтобы он направлялся на те пункты, которые серьезно могут пострадать от бойкота пролетарских и сочувствующих им слоев потребителей; в противном случае, он не достигает своей цели. Трудность применения бойкота кроется еще в том, что внешне эта форма борьбы не заключает в себе боевых элементов, требующих иногда определенных тяжелых жертв, но зато легче возбуждающих волю к борьбе. В стачке все ясно: боевая обстановка и средства стачечной борьбы поддерживают боевой дух бастующих. Бойкот требует других качеств: в повседневной, обыденной жизни помнить, что такой-то об'ект под бойкотом; особенно трудно это для тех групп, которые непсредственно и прямо незаин-

тересованы в бойкоте, а их выступление необходимо из солидарности. Нужна очень большая выдержка и дисциплинированность, чтобы бойкот окончился успешно.

Этим, вероятно, и об'ясняется, что редко применявшийся бойкот имел благоприятный по своим результатам исход исключительно во время революции, когда было повышено общее политическое настроение, чувство солидарности и когда всякое выступление, хотя бы и небольшой группы пролетариата, сейчас же возбуждающе действовало на волю не только рабочих, но и значительных слоев интеллигенции, в той или иной степени примыкавших к революции.

В этом отношении характерен бойкот газеты Б. Суворина «XX Век» («Русь», позже—«Новая Русь»). Бойкот был организован весной 1906 года петербургским союзом рабочих печатного дела из-за отказа Суворина ввести в своей типографии полный воскресный отдых. Стачка, об'явленная союзом, потерпела поражение, так как Суворину удалось набрать на места бастующих штрейкбрехеров. Бойкот был поддержан не только социалистическими организациями и профессиональными союзами, но и некоторыми слоями интеллигенции. Чрез две недели Суворин сдался, и дело было разрешено в третейском суде в пользу союза.

Как мы видим, бойкот оказался в данном случае более действительным, чем стачка. Это обусловливалось тем обстоятельством, что газета не являлась органом определенной политической партии и тираж ее был расчитан не на определенную классовую группу, а на самые широкие слои читательской массы прогрессивного направления, значительное количество которых легко было втянуть в бойкот, раз цель его была популярна; несомненно, бойкот потерпел бы неудачу, если бы газета имела своих читателей и в среде определенной политической или классовой группировки, враждебной интересам рабочих.

Больше того, годом позже бойкот той же газеты «XX Век» не мог бы иметь успеха, так как те группы интеллигенции, которые готовы были поддержать треобвание рабочих о воскресном отдыхе в 1906 г., в 1907 году оказались бы равнодушны к призыву рабочего союза: интеллигенция отхлынула от революции и занялась другими делами, ничего общего не имевшими с рабочим движением. А политическая дифференциация интеллигенции отбросила во враждебный рабочему движению лагерь значительные ее группы, примыкавшие к революции.

Из других случаев бойкота необходимо отметить бойкот табачных продуктов в Харькове, проведенный осенью 1905 года одновременно со стачкой, и в Москве бойкот чайной фирмы Высоцкого во время забастовки рабочих и работниц чайной развесочной этой фирмы: одновременное применение стачки и бойкота обеспечивало успех рабочим. В Петербурге союзом приказчиков был об'явлен бойкот фирме А. М. Карякина, вследствие противодействия введению 10-часового рабочего дня. К бойкоту были призваны потребители Петербурга, приказчики провинции (фирма полуоптовая и имела покупателей среди провинциальных торговцев), а также и рабочие-портные.

В некоторых городах Северо-Западного края бойкот проводился приказчиками активно, вплоть до посылки обратно ранее закупленных у этой фирмы суконных материалов; но в общем он окончился неудачно, так как успешное проведение его требовало активной борьбы приказчиков и портных со своими хозяевами, покупавшими товары у этой фирмы.

Экономический террор.

В бурные 1905—1906 годы во время стачек рабочие и служащие часто применяли экономический террор. Чаще всего он вызывался вмешательством полиции в стачечную борьбу и репрессиями против стачечных органов; вмешательство полиции и репрессии, нарушая правильный ход стачки и сильно изменяя соотношение сил в пользу предпринимателей, раздражало рабочих и служащих; экономический террор применялся в качестве меры воздействия и в качестве способа мести.

Крупнейшие факты экономического террора наблюдались в Одессе, в Лодзи и Варшаве.

Во время забастовки моряков черноморского торгового флота административные репрессии и выступления черносотенцев против бастовавших сделали невозможным ведение стачки и вызвали со стороны моряков взрывы и поджоги пароходов. На той же почве полицейских репрессий и невозможности вести легально экономическую борьбу развился экономический террор в Лодзи и Варшаве.

Экономическим террором, как средством борьбы за праздничный отдых и сокращение рабочего дня, широко пользовались торговые служащие, по преимуществу в Петербурге. Он выражался, главным образом, в битье зеркальных окон крупных магазинов, особенно в рынках; применялась также в значительных размерах химическая обструкция в лавках с'естных продуктов.

Оценивая экономический террор, как *подсобное* средство экономической борьбы, мы не можем согласиться с огульным отрицанием его пользы, как делает Гриневич. Нельзя отрицать, что, как самостоятельный метод борьбы, экономический террор не мог расчитывать на положительные результаты; наоборот, он вызывал усиление репрессий против рабочих и их организаций. При осторожном и умелом применении экономического террора последний мог влиять на исход борьбы в положительную для рабочих сторону. Так, например, торговые служащие Петербурга очень быстро вынуждали к уступкам строптивых купцов, срывавших праздничный отдых и 10-часовой рабочий день. Применение экономического террора в неподходящей для успешной борьбы обстановке, конечно, не могло расчитывать на успех. Несомненная ошибка совершилась тогда, когда экономическим террором подменяли массовое движение, когда превращали его из подсобного средства при стачечной борьбе в главное орудие борьбы. Но и как подсобное средство его можно было применять с большой осторожностью и не всегда, и не везде. (Чтобы не быть превратно понятым, оговоримся, что здесь нет речи о борьбе с техническими нововведениями в предприятиях; такая борьба,

по существу, всегда носила в себе консервативные тенденции и не могла помочь рабочим). Нас нисколько не смущает вопрос о закономерности экономического террора и обвинение применявших его—в «варварстве». Всякое средство борьбы закономерно, если оно верно направлено в цель и достигает тех результатов, которые преследуются рабочим движением.

5. Борьба за правовое положение.

(А. Панкратова—„Фабзавкомы России в борьбе за социалистическую фабрику", стр. 96—109, изд. 1923 г.).

Рост правосознания рабочих усиливает в 1905 году и борьбу рабочего класса за свои права.

Эта правовая борьба рабочих сказывается и на увеличении стачек, поводом к которым являлись тяжелые условия жизни рабочих: вычеты и штрафы в предприятиях, действия фабричной администрации и т. п., причем соотношение между исходом стачек в пользу предпринимателей или в пользу рабочих меняется:

Для заработной платы, требования повышения которой наиболее распространены, кончается:

в пользу рабочих	81%	стачек.
„ „ предпринимателей	19%	„

Для требования сокращения рабочего времени:

в пользу рабочих	79,4%	стачек.
„ „ предпринимателей	20,6%	„

Для требований, *связанных с порядками и правовыми условиями* жизни и труда рабочих:

в пользу рабочих	63,8%	стачек.
„ предпринимателей	36,2%	„

Кульминационного пункта борьба рабочего класса в области оформления его правового положения достигает в месяцы наивысшего под'ема революции: октябрь — ноябрь. Проблема решительного изменения внутреннего строя старой фабрики и регулирования взаимоотношений труда и капитала ставится впервые самими рабочими во весь рост. Разрешения ее рабочий класс ищет по линии превращения прежних «летучих» представительных организаций, недостаточных в новой обстановке, в полномочные и свободные органы рабочего представительства. Право на самоуправление внутри фабрики— вот как в конечном счете формулируется новая задача.

Борьба начинается по всему фронту: требованиями увольнения нежелательной фабричной (главн. обр.) администрации, участия во всех сторонах жизни предприятия, признания выборных депутатов и т. п.—предпринимает рабочий класс свой штурм последних остатков крепостнической фабрики.

Проследим этот процесс взрывания старой фабрики в его наиболее характерных моментах.

Впервые он назревает в январские дни 1905 г. в Путиловском заводе, откуда революционная искра перебросилась сначала на другие заводы Петрограда, а потом уже всероссийским пламенем во все рабочие города России.

Уже 4 января общее собрание рабочих Путиловского завода постановило: «для выяснения нужд забастовавших должно состояться совещание между выбранной самими рабочими депутацией и представителями акционерных о-в Путиловских заводов. При совещании *рабочие имеют равное число голосов с представителями завода*».

И вечером того же дня депутация завода пред'явила администрации наряду с требованиями увольнения мастера Тетявкина и введения 8 часового рабочего дня еще два требования, ставшие потом неизменными пунктами требований всех заводов Петрограда и России, поддержавших Путиловскую стачку. Эти требования гласили: п. 3—«Расценка новых изделий после испытания должна устанавливаться мастерами по *добровольному соглашению с выборными рабочими* из мастерских и затем должна считаться обязательной. Что же касается старых расценок, то они должны быть вновь пересмотрены на том же основании». Пункт 4.—«Должна быть учреждена на Путиловском заводе *постоянная комиссия из выборных рабочих,* которая совместно с администрацией разбирала бы все претензии отдельных рабочих... Увольнение рабочих не может состояться иначе, как с постановления комиссии». И дальше обычные пункты экономических требований (о высоте заработной платы, сверхурочных работ, женском труде, медицинские и санитарные требования и т. п.).

Выделив эти два пункта «требований», мы должны прибавить, что именно они легли в основу всех дальнейших проектов «фабричной конституции», которая являлась, в большей или меньшей степени, только развитием этих основных требований...

Путиловские «требования» становятся программой революционных действий всего русского пролетариата. Пожар начинается с военных и морских заводов, работающих на «оборону». Поражения на Дальнем Востоке ими чувствуются особенно остро, ибо противоречия и гнилость старого строя им виднее, чем другим рабочим. С одной стороны они видят чрезмерный рост капиталов, вызванный военными поставками и заказами, премии и награды заводчикам частных и казенных заводов, изготовляющих суда, негодные для дальнего плавания, со свинцовыми заклепками и шпаклевками вместо чеканки, а с другой — совершенно неслыханную эксплоатацию рабочих на этих заводах, находящихся под двойным гнетом—капитала и полицейской опеки. Сознание собственного достоинства и протест против своего положения рабочие военных заводов обнаруживают раньше других.

7 января 1905 года депутаты от Балтийского судостроительного завода пред'явили свои «требования», тон которых звучит далеко не по-старому.

«Рабочие Балтийского завода требуют, чтобы заводская администрация пошла навстречу их нуждам откровенно, не прибегая к уловкам и обещаниям, которых потом не выполняют, и к содействию полиции».

Далее рабочие Балтийского завода «требуют учреждения при Балт. заводе постоянной комиссии из выборных от рабочих, вежливого обращения с рабочими, увольнения 14 грубых и ненавидимых мастеров и выговора 5 агентам администрации—и «чтобы все выговоры означенным лицам были сделаны в присутствии рабочих».

«Мастеровые, подмастерья, указчики и вообще вся администрация должны обращаться с рабочими, как с людьми, но не как с вещью, и в разговоре слов лишних не употреблять, как это у нас принято»...

9 января в Петрограде пробуждает правосознание во всей стране. Стачки, уличные демонстрации, политические лозунги, борьба с полицией— это отклики 9 января на рабочей улице во всех городах России. И с революционной улицы рабочий возвращается к себе на фабрику уже не прежним безгласным рабом. Он требует признания за ним права голоса во всех сторонах его жизни.

В Москве раньше всех организуются печатники, потом металлисты, слабее откликаются текстили, классовое сознание которых еще не совсем ушло из плана деревенской покорности и забитости.

Движение захватывает Московский район, переносится в Поволжье, на юг, в Западный край, на Кавказ.

Картина везде одна и та же: рабочие выступают на борьбу против рабства в стране и ее отражения у себя на фабрике.

Требования почти всех забастовщиков рабочих однообразны. Путиловская конституция становится всероссийской. Места вносят лишь то, что у них еще особо наболело.

Уже в начале февраля вырабатываются 25 пунктов «Требований» на фабриках Саввы и Викулы Морозовых. Главное требование — признание избранных рабочими старост и депутатов.

В Иваново-Вознесенске во время майской стачки избранными от каждой фабрики депутатами пред'являются подобные же 31 требование.

К октябрьской всероссийской забастовке 1905 г. рабочий класс приходит, таким образом, если не хозяином фабрики (до этого еще далеко), то отнюдь не прежним бесправным и угнетенным «живым скотом».

...Рабочие не нуждались в «разрешении» (для организации) ни со стороны законодательства, ни со стороны предпринимателя, ибо черпали право в сознании своей силы.

Октябрьские (1905 г.) завоевания пролетариата эту силу превратили в право.

...Но с первых же дней рабочие должны зорко отстаивать свое завоевание от покушения на него со всех сторон. На этой почве создаются непрерывные конфликты.

Рабочие депутаты ведут отчаянную борьбу с предпринимателями, вырывая каждую их уступку буквально зубами. Широкая масса рабочих дружно и энергично защищает своих представителей от каждого на них покушения...

6. Способы соглашения с предпринимателями.

а) Примирительные камеры и третейские суды.

(А. Кац—„Вестник Труда" 1923 г., № 10, стр. 185—187).

Уже на первых шагах профессионального движения в 1905—1907 г.г. благодаря тому, что рабочим профессиональным организациям удалось быстро добиться своего признания со стороны предпринимателей, российские профсоюзы ввели такие приемы профессиональной борьбы, которые были достигнуты западно-европейским профдвижением только на высшей ступени его развития. В частности, уже тогда мы встречаемся с организацией примирительных камер. Так, еще осенью 1905 г. в Петербурге образовалась примирительная камера с целью предупреждения и улажения конфликтов и недоразумений, возникавших между владельцами петербургских типографий и рабочими, входящими в состав «Союза рабочих печатного дела». Вслед за петербургскими на путь организации примирительного разбирательства вступили также и московские, и одесские печатники. Примирительные камеры состояли из равного числа рабочих и предпринимателей. Однако, решения камер, как видно из резолюции конференции печатников, могли быть обязательными для рабочих только после утверждения их союзом. Как более или менее постоянно функционирующие учреждения, примирительные камеры встречались почти только у печатников[1]).

После Петербурга, Москвы и Одессы примирительные камеры были организованы также и у рабочих печатного дела в Вологде, Орле, Симферополе и Риге.

Кроме того, как непостоянно функционирующие учреждения, но предполагающие со стороны предпринимателей союзов или отдельных предпринимателей признание рабочих союзов как равноправной стороны при разрешении конфликтов, организовывались также третейские суды и камеры соглашений.

Последние, как непостоянные учреждения, не имели определенных регламентов и пределы их компетенции устанавливались в каждом отдельном случае.

Вышеупомянутая 1-я Всероссийская Конференция рабочих печатного дела, состоявшаяся в апреле 1907 г., следующим образом определила функции этих учреждений (третейских судов, камер соглашения и примирительных камер):

«1. Конференция считает целесообразным для выяснения положения дел и во избежание напрасной траты сил, в отдельных случаях столкновений с

[1]) Попытка петербургского союза рабочих по металлу в конце 1907 г. организовать примирительную камеру для разбора дел об увечьях и несчастных случаях окончилась неудачей благодаря сопротивлению петербургск. о-ва фабр. и зав.—В. Гриневич, „Проф. движение раб. в России", стр. 132 изд., вып. I изд. ВЦСПС.

предпринимателем, сначала передавать конфликт в камеру соглашения, составленную поровну из представителей обоих сторон; при этом необходимо, чтобы решения камеры являлись необязательными, а утверждались каждым союзом в отдельности.

2. Примирительные камеры, составленные поровну из представителей предпринимателей и рабочих, и третейские суды, где к этим представителям присоединяется выборное или нейтральное лицо, конференция считает *ни в коем случае недопустимым для вынесения обязательных решений по каким-либо вопросам боевого характера*, полагая, что решение таких вопросов может *покоиться* только *на силе обеих организаций*, для учета которых указанные учреждения совершенно непригодны» (Протоколы конференции, стр. 114 и 115).

Первое заседание петербургской примирительной камеры, образованное для улажения недоразумений, возникавших между владельцами петербургских типографий и рабочих печатников, состоялось 14 ноября 1905 г. На этом заседании были рассмотрены и к удовлетворению обеих сторон удачно разрешены 5 случаев столкновения рабочих с хозяевами. Эта же камера действовала при крупном столкновении петербургских рабочих печатников с типографиями Кирхнера и Сойкина. В дальнейшем камера занималась также разными тарифными вопросами и, главным образом, по нормировке заработной платы в различных специальных категориях печатного дела.

В июле 1906 года начала свою деятельность в Петербурге примирительная камера, образованная при о-ве архитекторов-художников с целью разбора недоразумений, возникающих между подрядчиками и архитектурно-строительными рабочими. К этой камере обращались, между прочим, каменщики, забастовавшие в количестве 400 человек, на постройке одного из флигелей резиновой мануфактуры.

Крупная стачка булочников в июне 1906 г. в Петербурге, охватившая несколько тысяч рабочих, и стачка каталей летом того же года в Петербурге закончились договором, заключенным между хозяевами и рабочими, посредством камеры соглашения. Еще раньше, в камере соглашения был заключен договор между рабочими и администрацией пробочного завода Арпса в Одессе.

Из разрешенных посредством третейского суда конфликтов следует отметить два случая, имеющие серьезное значение в истории профессионального движения печатников. В первом случае, благодаря удачному бойкоту газеты «XX-й Век», издатель ее А. А. Суворин вынужден был предложить разрешить спор между ним и союзом третейскому суду. Союз принял предложение. Третейский суд, заседавший больше месяца, допросивший целый ряд свидетелей, вынес по обоим спорным вопросам (введение воскресного отдыха и обратный прием уволенных рабочих) решение в пользу союза печатников.

В другом случае, союз типо-литографов-хозяев в Москве пытался заменить 8-ми часовую ночную смену 9-ти часовой. Попытка была сделана

через печатное заведение Яковлева; однако, хозяева натолкнулись на сопротивление рабочих, поддержанное союзом печатников (о-во рабочих граф. искусств). Конфликт разросся до локаута со стороны союза хозяев. Союз рабочих держался стойко и получил сильную поддержку со стороны провинциальных союзов, между тем в союзе хозяев очень скоро наступил разлад, и они должны были пойти на уступки рабочим. Все требования рабочих были удовлетворены: была восстановлена 8-ми часовая ночная смена в типографии Яковлева, были признаны уполномоченные, и 2-х недельный расчет был вычеркнут. Спорным остался вопрос об уплате за прогульное время.

Этот вопрос и стал предметом рассмотрения третейского суда. Суд единогласно признал за всеми рабочими союзных типографий, лишившихся работы в связи с настоящим конфликтом, право на уплату хозяевами полного заработка за все время прогула, вплоть до совершения нотариальной записи о настоящем третейском суде.

Вполне понятно, что благоприятные для рабочих резолюции этих третейских судов, как и сравнительно успешная, несмотря на отсутствие регламентирующего закона, деятельность примирительных камер об'ясняется исключительно революционным под'емом рабочего движения 1905—1907 г.г. С наступлением реакции предприниматели, разумеется, поспешили отнять все завоевания рабочих. Революционное движение уходило в подполье; профсоюзы разгонялись, а примирительные камеры, немыслимые без профессионального движения, прекращали свою деятельность.

б) Коллективные договоры.

(В. Гриневич—„Профессиональное движение рабочих в России“, стр. 134—136, изд. 1922 г.).

Отмеченный нами выше факт признания со стороны предпринимателей рабочих организаций, как равноправную сторону, уже на первых стадиях развития русского профессион. движения обусловил раннее возникновение *коллективных договоров*. Наши капиталисты, часто бессознательно (?—Э. Г.), делали ту принципиальную уступку,—коллективным договором с рабочей организацией предопределяли условия индивидуального договора,—которая вызывала, да и до сих пор еще вызывает упорное сопротивление со стороны капиталистов Запада.

Часто значение такого коллективного договора не вполне ясно и для другой заключающей его стороны, оно сознается только в процессе его функционирования. Вполне оформленный коллективный договор, с монопольным правом приема и увольнения служащих, мы находим у моряков черноморского торгового флота до закрытия их профессиональной организации «Регистрации». Коллективным договором заканчивается в примирительной камере стачка Петербургских булочников. Подробно выработанные условия труда должны были быть внесены в расчетные книжки рабочих. Целый ряд коллективных договоров мы встречаем в печатном произ-

водстве, в нефтяной промышленности, в ремесленных производствах Северо-Западного края и Царства Польского.

Тарифные соглашения мы встречаем в печатном производстве в Прибалтийском крае между союзом хозяев и союзом рабочих; у польских литографов имеется признанный хозяевами минимум платы. В некоторых городах имеются тарифные соглашения между отдельными предпринимателями и союзом (Вильно, тип. Сыркина). В Петербурге и Москве выработка тарифа союзами продолжалась около года. В Петербурге тариф был почти уже окончательно выработан в смешанной комиссии из представителей союзов рабочих и хозяев, но заседания ее были прерваны из-за сравнительно незначительного разногласия по вопросу об отпусках. Последовавшее вскоре вслед за разрывом переговоров закрытие градоначальником Общества рабочих печатного дела грозит оттянуть заключение этого наиболее тщательно выработанного тарифного соглашения на долгий срок.

Преимущества коллективного договора перед индивидуальным отмечается в резолюциях как конференции союзов портных, так и союзов печатников. Последняя находит целесообразным «заключать такие (тарифные) соглашения или без указания срока, или на срок не свыше одного года».

Соглашаясь с тем, что заключение тарифных соглашений на долгие сроки вообще невыгодно для рабочих, а тем более теперь у нас, мы считаем, что при заключении соглашения без срока последнее теряет большую часть своей ценности. Отсутствие срока в договоре позволяет, ведь, не только рабочим, но и предпринимателям нарушить его в любой момент. А главное, значение тарифного соглашения для рабочих заключается в том, что, обеспечивая себя на известный срок определенными условиями труда, они это время используют для укрепления своей организации и подготовки борьбы за следующие завоевания, для которых коллективный договор является в сущности только регистратором. В конечном счете как условие коллективного договора, так и его прочность определяются только силою профессиональных организаций.

в) Смешанные комиссии.

(„Профессиональный Вестник“ за 1907 г. № 8, ст. П. Ивановского).

Полгода прошло с тех пор, как министерство Столыпина осчастливило ремесленников и приказчиков первым детищем своего «социального» законодательства. Закон 15 ноября (1906 г.) везде и повсюду встретил со стороны пролетариата самую резкую отповедь, самую единодушную оценку. Лишь по вопросу о том, как лучше использовать этот предвыборный подарок Столыпина, сразу же наметились две тактики. Теперь, когда министерство внесением закона в Думу продлило его срок, важно подвести некоторые итоги этим двум тактикам пролетариата по отношению к закону, двум тактикам по отношению к смешанным комиссиям.

Защитники первой — назовем ее «непримиримой», тактики намечали такой план действия: ремесленники и приказчики вырабатывают опреде-

ленные требования, сначала предварительные как непременные условия участия в комиссиях — это требования неприкосновенности депутатов, права собраний для дачи отчетов о заседаниях смеш. комиссии, публичности заседаний. Если эти требования удовлетворяются, то далее в комиссиях для приказчиков пред'являются требования, принятые на 3-м с'езде професс. обществ приказчиков, для ремесленников — экономические требования программы-минимум соц.-дем. раб. партии. Заранее считалось доказанным, что через подобные комиссии и через Городские Думы не могут пройти решения, в выполнении которых мог бы оказаться заинтересованным ремесленный или приказчичий пролетариат.

С точки зрения этой тактики не допускалась, как оппортунизм, всякая попытка принимать участие в голосовании за требования, не совпадающие с указанными выше, и отвергалась мысль о возможности принять участие в органической работе смешанных комиссий.

Другая тактика рекомендовала приказчикам и ремесленникам не только отстаивать максимальные требования как предварительные, так и в комиссии, но и, считаясь с фактическим положением на местах труда приказчиков и ремесленников, отстаивать, опираясь на организованную защиту своих прав, все завоевания, какие только можно сделать на почве использования закона 15 ноября. Мало одной революционной агитации, говорили защитники этой тактики, надо добиться массе ремесленников и приказчиков такой жизненной обстановки, чтобы они действительно могли принять сознательное участие в общей пролетарской борьбе; там, где этими слоями пролетариата уже достигнуты крупные завоевания, закрепление их законом лишь отобьет у хозяев охоту черезчур быстро, при первой благоприятной кон'юнктуре, отбирать завоеванные позиции. Нечего опасаться, что законы останутся на бумаге—каждый закон становится делом только под давлением организованных сил, и потому и закон 15 ноября под прессом пролетарского движения выдавит из себя совершенно неожидаемые хозяевами сюрпризы.

Еще у многих товарищей, живущих жизнью пролетариата, свежа в памяти эта полемика.

Теперь на фактах мы можем проверить, какая тактика оказалась более плодотворной.

В Царстве Польском закон до сих пор не обнародован, с южного Кавказа за закрытием местной прессы почти нет никаких известий, и предметом наших наблюдений будут служить, главным образом, Северо-Западный край, Юг, примкнувшие ко второй тактике, и центральная Россия, усвоившая по преимуществу первую тактику.

В Центральной России, кроме Смоленска и Иваново-Вознесенска, где создание комиссий еще впереди, смеш. комиссии умерли в одних местах—благодаря полному равнодушию в применении этого закона, проявленному местными партийными и проф. организациями (Ярославль, Кострома, Кохма, Орел, Тула и др.), в других, как в Москве, благодаря заранее намеченной тактике; ремесленники ушли после непринятия большинством смеш. комис-

сии предварительных условий (публичности и права предварительных собраний), а приказчики—после отвержения смеш. ком. 42-го часового непрерывного воскресного отдыха.

Вызванная деятельностью смеш. комиссии, находящейся всецело под руководством местных професс. и партийных организаций, организационная работа среди приказчиков и ремесленников приняла небывалую напряженность и высоту. В Вильне, Белостоке, Бердичеве, в Харькове, в Екатеринославе и др. городах устраиваются до сих пор, особенно в «черте оседлости» Бунда, тысячные собрания, на которых делегаты дают отчеты перед избирателями о своих шагах в смеш. комиссиях. В некоторых городах, как, например, в Москве, Харькове присутствует на заседаниях смеш. комиссии посторонняя публика, рабочие и хозяева, получающие здесь «наглядный пример гармонии» интересов тех и других.

Автор статьи резко критиковал непримиримую тактику; он упускал из виду, что добиваться ограничения эксплоатации ремесленных рабочих и служащих можно было в конце концов не путем разговоров и соглашений в смешанных комиссиях, а постоянной борьбой с предпринимателями и капитализмом. Определенное значение имела агитационная кампания, которая велась вокруг смешанных комиссий. Уступки же, которых добились, в отдельных случаях, рабочие и служащие, сводились скоро на нет, особенно с наступлением реакции,—Э. Г.

7. Способы борьбы предпринимателей.

Об'единение предпринимателей [1]).

Одной из особенностей обстановки, в которой развивалось российское профессиональное движение, несомненно оставившей глубокий след во всей его истории, было то, что профессиональным союзам России с самого начала приходилось вести борьбу не с отдельными, разрозненными предпринимателями, а с об'единенным капиталом.

Еще во время январских событий 1905 г. петербургским рабочим пришлось встретиться с упорным сопротивлением об'единенных фабрикантов, которые на ряде совещаний в январе 1905 г. решили не итти на уступки. В Москве инициативу в деле об'единения фабрикантов взял на себя Московский Биржевой Комитет, который в начале 1905 г. выделил из своей среды специальную «Комиссию по рабочему вопросу» и провел в марте 1905 г. совещание по рабочему вопросу, имевшее всероссийский характер, с участием представителей промышленников различных районов России.

Но процесс об'единения предпринимателей для борьбы с рабочими стал принимать особенно резко выраженную форму с конца 1905 и начала

[1]) Оба отрывка взяты из ст. С Айнзафта— см. „Вестник труда“ № 4, 1924 г., стр. 256—267.

1906 г.г. В ответ на боевые выступления рабочих, фабриканты выдвинули лозунг единого фронта для борьбы против рабочих.

В Петербурге в качестве боевого органа выступает Общество фабрикантов и заводчиков; в Москве начинает складываться Общество фабрикантов и заводчиков центрального промышленного района, в целом ряде крупных провинциальных городов (Рига, Одесса, Лодзь, Варшава, Белосток и др.) создаются местные союзы фабрикантов и заводчиков; во многих случаях создаются местные и централизованные союзы фабрикантов отдельных производств [1]). Тогда же сложилась централизованная всероссийская организация об'единенного капитала — Совет с'ездов промышленности и торговли.

Первая, самая элементарная задача, поставленная себе этими организациями по отношению к рабочему вопросу — это задача выработки между собою соглашения «на предмет установления... перечня тех требований, по которым уступки не должны быть отпускаемы». Почти во всех этих организациях учреждаются специальные фонды для борьбы с забастовками.

Локауты [2]). Но фабриканты не ограничивались только одними методами пассивной обороны; в своей борьбе с рабочими союзы предпринимателей считали необходимым применять в самых широких размерах метод активной наступательной борьбы—локаут. В секретной записке, поданной в союз владельцев - типографов Москвы группой членов этого союза, следующим образом мотивируется выгодность локаута:

«Если при забастовке хозяевами положения являются рабочие... то при локауте хозяевами положения являются владельцы, и от их доброй воли будет зависеть вступить с рабочими в то или иное соглашение... Такого рода организованный... локаут представляет собою оружие, во много раз более действительное, нежели вспомогательный капитал, употребляемый на поддержку бастующих фирм».

Такова «философия» локаута. Но буржуазия не только «философствовала» о локаутах, но и претворяла свои слова во вполне реальное дело. Особенно широко локаутная эпидемия распространилась с 1906 г. По одной только бундовской «Фолксцайтунг» нам удалось подметить до 40 локаутов среди еврейских рабочих Западного края и Юга России. Общее количество

---

[1]) В № 283 „Торгово-Промышленной газеты" за 1907 г. приводятся сведения о 120 союзах предпринимателей, зарегистрированных на основании закона 4 марта 1906 г. Территориально эти союзы распределяются следующим образом: Южный район—39 союзов, Прибалтийский край—19, Польша—15, Центральный промышленный район—14, Северо-Западный—11, Северный—10, Юго-Западный—9.

По профессиям эти союзы группируются след. образ.: владельцев торгово-промышленных заведений—43 союза, фабрикантов и заводчиков—18, владельцев портняжеских мастерских—11, владельцев типографий—9, владельцев пекарен и кондитерских—9 владельцев сапожных и заготовочных мастерских—8, извозопромышленников—3 и проч. профессий—23 союза.

[2]) Локаут—слово английское и означает „выбросить вон".

локаутов по всей России за период 1906—1907 г.г. безусловно гораздо больше.

Отсутствие полных и подробных данных о локаутах не дает возможности полностью восстановить картину локаутной борьбы того времени. Восстановить в основных своих чертах характер этой борьбы возможно лишь путем ознакомления с отдельными, наиболее значительными локаутами того времени, о которых остались более подробные сведения.

Наиболее значительный из всех локаутов того времени, оставивший глубокий след в истории профессионального и рабочего движения того времени—это локаут в текстильном производстве в Лодзи, охвативший до 30 тысяч рабочих.

В Польше в конце 1906 г. создались крайне напряженные взаимоотношения между предпринимателями и рабочими. Рабочие Польши, благодаря целому ряду обстоятельств, вели особенно усиленную и успешную борьбу за улучшение своего положения, и им действительно удалось завоевать значительные улучшения. Со второй половины 1906 г. фабриканты начинают готовиться к контр-наступлению против рабочих, чтобы отобрать у них завоевания 1905—1906 г.г. О той атмосфере, которая тогда создалась в Польше, можно судить по следующим словам корреспондента в № 204 бундовской «Фолксцайтунг» из Польши. «Не будет преувеличением, если я скажу, что почти по всей Польше возникли союзы капиталистов, которые поставили перед собой две одинаково рабочим опасные и вредные цели: ослабить экономическую мощь рабочей массы, вырывая у нее уже завоеванные права и привилегии и уничтожить ее политическую силу—социал-демократические организации. Локаут стал главным средством для достижения первой цели, политическая провокация—для достижения второй... Локаут у хозяев не оборонительное, а наступательное средство для отнятия добытых завоеваний. Локаут стал здесь почти настоящей эпидемией, перебрасывающейся из города в город, из местечка в местечко, по мастерским, фабрикам и заводам».

В этих словах, написанных еще в начале ноября, уже как бы сквозит предчувствие лодзинского локаута; во всяком случае, из них видно, что атмосфера была крайне напряженная. И в самом деле, до этого времени в Варшаве уже было несколько локаутов, а в Лодзи летом дело чуть не дошло до локаута в 22 текстильных предприятиях.

Вот эта напряженная атмосфера и подготовляла лодзинский локаут. Конкретный же повод для локаута — факт вывоза на фабрике Познанского инженера на тачке—сам по себе настолько мелок, что он может быть рассмотрен только как внешний предлог, за который ухватились фабриканты, уже давно решившие дать рабочим бой. Дело в том, что одной из самых сильных предпринимательских организаций был союз лодзинских текстильных фабрикантов, повидимому, об'единявший наиболее крупные предприятия Лодзи, и он ухватился за упомянутый случай, чтобы посчитаться с рабочими. В первых числах декабря рабочим фабрики Познанского было об'явлено, что, в виду нанесения оскорбления инженеру, администрация за-

крывает фабрику на две недели, а по истечении двух недель рабочие могут приступить к работе на новых выработанных условиях.

Новые условия состояли в том, что предприниматель увольняет в наказание по одному человеку на каждые пять рабочих—всего 98 рабочих, и что оставшиеся должны дать обещание вести себя в дальнейшем «чинно и благородно». Рабочие смотрели на эти требования, как на вызов, и решили дать отпор фабриканту. Они отказались приступить к работе без 98 рабочих, намеченных к увольнению. Когда рабочие, по истечении двухнедельного закрытия фабрики, отказались приступить к работе на «новых» условиях, то к локауту присоединились еще шесть крупных фабрикантов—Шейблер, Генцель, Куницер, Громан, Штейкарт и Бидерман. Они закрыли свои предприятия до того момента, пока рабочие Познанского не согласятся на предложенные условия. Таким образом, было выброшено на улицу до 30 тысяч рабочих.

Кроме того, что благодаря локауту огромная масса рабочих, выброшенная на улицу в тяжелые зимние месяца, была обречена на голод и холод, на помощь фабрикантам пришла также местная власть в лице генерал-губернатора: последний издал постановление, что те из бастующих рабочих, которые не являются местными жителями, должны выехать навсегда из Лодзи, фабрикантам же были предоставлены особые военные патрули для охраны фабрик и т. д.

На помощь фабрикантам пришли также польские националисты-народовцы. Помимо того, что они с самого начала начали обвинять «агитаторов» в том, что они вызвали локаут, чтобы «половить рыбку в мутной воде», созданный ими «Народный рабочий союз» стал проявлять себя активными действиями... Начались нападения со стороны вооруженных отрядов этого союза на членов социалистических партий. Те, в свою очередь, оказывали вооруженный отпор, и, по газетным сведениям, за первые пять суток 1907 г. пострадало в этой братоубийственной борьбе 55 человек, из которых 14 было убито и 41 ранено. Эти вооруженные нападения, повидимому, входили в расчеты фабрикантов, которые думали такими мерами дезорганизовать рабочие ряды и сломить их солидарность.

И все же рабочие держались стойко, несмотря на свое тяжелое положение. В одной из корреспонденций «Фолксцайтунг» за январь мы читаем:

«Страдания рабочих — неописуемы. Десятки людей падают на улице от голода. Рабочие уже продали все, что только возможно, лишь бы как-нибудь день-два поддержать существование своих семейств, а теперь остались совершенно без средств к существованию». «Полиция мешает организовать поддержку бастующим и выселяет массами непокорных рабочих из Лодзи»...

Но, несмотря на эту ужасную обстановку, рабочие не перестают бороться. Профессиональные союзы и социалистические партии по мере возможности старались организовать поддержку локаутированным. По газетным сведениям, социалистические партии с первого же времени старались выдавать рабочим по 1 рублю в неделю для холостых и по два рубля для семейных. С начала января 1907 г. была образована смешанная локаутная

комиссия из представителей всех социалистических партий, профсоюзов текстильщиков и других профессий.

Эта комиссия подняла кампанию среди бастующих рабочих (текстильщиков и других) за оказание помощи локаутированным, путем отчисления 5% с заработка. В некоторых текстильных фабриках женщины, мужья которых работали, уступали свою работу локаутированным. Кампания помощи лодзинским рабочим приняла всероссийский характер. Петербургское Центральное Бюро с января подымает агитацию за сбор пожертвований среди членов союзов в пользу лодзинских рабочих, и в течение января и февраля было собрано свыше шести тысяч рублей; такой же сбор пожертвований был организован Московским Центральным Бюро и Областным Бюро текстильщиков Центр. Пром. Района. Поддержка лодзинским рабочим прибыла также из-за границы. Германская Центральная Комиссия Профсоюзов прислала 12.000 рублей...

...Фабриканты вели борьбу не за тот или иной отдельный пункт, а за уничтожение классовой силы и мощи рабочих. Это понимали лодзинские рабочие, а вместе с ними весь российский — и не только российский — пролетариат. Это и воодушевляло лодзинских рабочих на то, чтобы, несмотря на ужасные лишения, голод, холод, преследования, они долго, в течение нескольких месяцев (лодзинский локаут продолжался 18 недель), были в состоянии сопротивляться нападению фабрикантов. Но в конце концов, нужда и лишения взяли верх, и рабочие были вынуждены согласиться на требования фабрикантов...

Этот локаут был одним из самых крупных классовых столкновений рабочих и капиталистов в течение изучаемого периода, и хотя лодзинские рабочие текстильщики не вышли победителями из этой борьбы, тем не менее она безусловно представляет собою одну из самых ярких страниц в истории классовой борьбы российского пролетариата того времени.

Следующим по своему значению является локаут, об'явленный фабрикантами-щетинщиками западного района осенью 1906 года.

Рабочие этой профессии до этого уже больше двух десятилетий были вовлечены в экономическую борьбу...

Создание централизованного союза вызвало контр-действие со стороны предпринимателей. В Межеричах, крупном центре щетинного производства, в начале октября предприниматели, желая сразу не дать окрепнуть созданному централизованному союзу, образовали между собою союз и об'явили локаут, требуя от рабочих, чтобы они отреклись от союза, и чтобы фабриканты могли увольнять и принимать рабочих по своему произволу, не имея дела с союзом. На улицу было выброшено около 900 рабочих-щетинщиков.

Этот межеричский локаут служил исходным пунктом для общего локаута в щетинном производстве, охватившего все щетинные предприятия Польши и часть щетинных предприятий Северо-Западного края. Когда локаут в Межеричах затянулся и рабочие стойко выдержали борьбу, фабриканты в декабре, когда сезонное время стало подходить к концу, решили поддержать своих межеричских собратьев, собрали свой с'езд и решили распро-

странить локаут на все щетинные предприятия Польши, выставив рабочим те же требования, что и межеричские фабриканты, прибавив еще требование перехода на сдельную работу. Локаут с этого момента охватил около 2 тысяч рабочих.

С конца декабря локаут стал распространяться и по щетинным предприятиям Литвы. Фабриканты Литвы также устроили совещание, после которого присоединились к требованиям фабрикантов польского района. Но здесь локаут не был всеобщим, охватив только часть предприятий с 500—600 рабочими... Этот локаут затянулся до начала февраля и окончился полной победой рабочих. Его особенный интерес как в упорстве, проявленном обеими сторонами, так и в том, что он охватил целый большой район.

Из локаутов Москвы и Петербурга большое значение имели локауты питерских булочников и московских типографов...

...Из приведенного нами краткого изложения хода некоторых наиболее значительных локаутов мы можем составить себе общее представление о характере локаутной борьбы того времени вообще. Основная черта этой борьбы—та, что она фактически, а чаще всего и формально ведется не за те или иные отдельные пункты условий труда рабочих, а за уничтожение рабочих организаций вообще. В таких случаях, как лодзинский локаут, локаут питерских булочников, щетинщиков и одесских моряков, это само собою ясно; но даже в таких случаях, как локаут московских печатников, где борьба идет будто бы за увеличение рабочего дня, фактически борьба шла за право хозяев по своему произволу устанавливать рабочее время; т.-е. и эта борьба была попыткой ограничить права союзов рабочих, завоеванные предыдущей борьбой.

Обе стороны — и хозяева и рабочие — прекрасно понимали, что уничтожение рабочих организаций является главным делом, а остальное — ухудшение условий труда — само приложится. Этим об'ясняется упорство, которое обычно проявлялось обеими сторонами. Локауты чаще всего продолжались месяцами, а иногда месяца 3—4.

Другой характерной чертой локаутов является то, что здесь сотрудничество властей и предпринимателей еще более тесное, чем во время забастовок. Предприниматели, подготавливая наступление против рабочих, обычно заранее заручаются поддержкой властей; на головы рабочих, как только начинается локаут, кроме голода и холода, начинает сыпаться и град репрессий. Дело даже доходит до того, что в Варшаве, например, полиция арестовывала владельцев портняжных мастерских, не примыкавших к локауту портных зимы конца 1906 г. и начала 1907 г. (см. сборник «В помощь рабочему», стр. 268).

Эта обстановка локаутной борьбы привела к тому, что, независимо от ее прямых результатов, она сыграла огромную роль в деле развития классового сознания рабочих и закаливания их революционной воли. *Классовые противоречия в локаутной борьбе резко обнажились;* друг против друга стояли об'единенные предприниматели и рабочие. На одной стороне — на стороне предпринимателей оружием были: голод, полицейские преследования

и т. д., на другой — пролетарская солидарность, преданность интересам своего класса, сознание человеческого достоинства и невозможность жить в совершенном подчинении господству капитала.

Итак, одним из тех обстоятельств, которые толкали наше профессиональное движение на путь революционной классовой борьбы, было то, что уже с перых шагов ему пришлось наткнуться на организованное сопротивление об'единенного капитала, который напряг всю свою мощь для того, чтобы не дать рабочим, хотя бы частично, освободиться из под его гнета. И нужно сказать, что там, где рабочему классу, действительно, пришлось столкнуться с об'единенной силой крупного капитала, там ему не только не приходилось помышлять о дальнейшей наступательной борьбе, но чаще всего приходилось терпеть поражения и в борьбе за отстаивание уже завоеванных позиций. Примером поражения в наступательной борьбе может служить областная забастовка текстильщиков; примерами таких поражений в оборонительной борьбе — могут служить поражения в лодзинском и одесском локаутах. *Такое положение должно было толкать российское професс. движение на путь более высоких организационных форм,* с одной стороны, и на путь более высоких форм борьбы, на путь тесной *связи экономической и политической борьбы*—с другой. В таких классовых стычках, какими были областная забастовка текстильщиков, лодзинский и одесский локауты, победа могла быть на стороне рабочих только в случае умелого сочетания в этой борьбе методов экономической и политической борьбы. Наступившее усиление реакции и политическое ослабление рабочего класса не давали возможности поднять экономическую борьбу рабочих на эту более высокую ступень, но, во всяком случае, поражения послужили хорошим уроком для российского профессионального движения.

Когда вопрос о борьбе с локаутами стал злободневным в профессиональной прессе и обсуждался на некоторых конференциях (металлистов, текстильщиков и др.), то единственным ответом на этот вопрос было: «1) создание сильных профессиональных организаций и об'единение их в областные и всероссийские союзы; 2) полная согласованность действий экономической и политической организаций рабочего класса».

Практика экономической борьбы против об'единенного капитала дала рабочему классу России прекрасные предметные уроки необходимости поднять борьбу за улучшение своего положения до уровня общепролетарской классовой борьбы.

Черные списки[1]). Широкое распространение получает также и другой способ борьбы против рабочих организаций, также заимствованный русскими предпринимателями от своих западных коллег— *система черных списков.* Черные списки — это, в сущности, более жестокая разновидность локаута; они распространяются или на всех рабочих какого-либо одного предприятия, когда организация локаута невыгодна предприни-

---

[1]) Оба отрывка взяты из В. Гриневича—„Професс. движение“, стр. 142—144, изд. 1922 г.).

мателю, или же на отдельных рабочих, более выдающихся или своею сознательностью и влиянием среди товарищей, или энергичною деятельностью в пользу профессионального союза или политической партии. Занесенный в черные списки обрекается на голодную смерть, он не может получить работу по своей специальности ни в одной местной фабрике или заводе, а если союз предпринимателей распространяет свое влияние шире, то и в других местах.

Один из первых секретных документов союзов предпринимателей, разоблаченных профессиональною печатью, касался введения системы черных списков. Циркуляр Спб. Общ. для содействия улучшению и развитию фабрично-заводск. промышленности от 14 августа 1906 года № 507 предлагает петербургским заводам (в довольно категорической форме), в ответ на бойкот, об'явленный рабочими пяти петербургским фабрикам и заводам «а) не принимать на заводы и фабрики рабочих с закрытых фабрик и заводов, *согласно спискам, которые будут препровождены каждому члену общества;* б) распространить означенное постановление и на тех рабочих, которые могли бы быть принятыми с означенных фабрик и заводов до получения заводоуправлением оговоренных списков».

Пример петербургских заводчиков оказался очень заразительным. Петербургские печатники опубликовывают «конфиденциальный» (тайный) циркуляр петербургского союза владельцев печатных заведений от 18 января 1907 г. за № 61, извещающий о введении системы черных списков, а московские печатники опубликовывают документ московского союза хозяев типографиии от 20 января 1907 г. уже с приложением списка рабочих и с предписанием, что «*все эти лица ни в одно из союзных предприятий без разрешения комитета приняты быть не могут*». Система черных списков применяется союзом хозяев булочников в Петербурге, союзом хозяев портных в Москве, большинством союзов предпринимателей в Царстве Польском и Северо-Западном крае.

Как и с локаутами, профессиональные союзы могут бороться с системой черных списков только путем укрепления и развития своих организаций и энергичной поддержкою занесенных в черные списки товарищей... Союзы выдают своим членам пособие в зависимости от того или иного срока пребывания члена в организации, но к тем членам союза, которые подвергались репрессии за свою деятельность в интересах союза, это ограничение не применяется.

Желтые союзы. Союзы предпринимателей пытаются, наконец, использовать для борьбы с рабочими организациями самих же рабочих. Правда, им приходится для этого пользоваться отбросами рабочего класса и, в лучшем случае, босяцкими, люмпен-пролетарскими элементами. Задача их заключается в том, чтобы иметь постоянно в своем распоряжении запас подчиненных капиталу штрейкбрехеров. Нужно сказать, что до сих пор русским предпринимателям не удалось организовать более или менее прочные и постоянные «*желтые синдикаты*», хотя в целом ряде случаев организованное доставление штрейкбрехеров имело решающее влияние на исход стачек.

Конечно, эти попытки дезорганизовать рабочее движение идут, в большинстве случаев, или непосредственно от *«союза русского народа»* (союз черносотенцев) или же под его политическим покровительством, причем его орган «Русск. Знамя» заявил, что, «неустанно борясь с крамолой и революционным движением, союз русского народа *решил не допускать больше никаких забастовок в России,* это злое оружие, которое постоянно употребляют враги родины, изменники России, господа освободители». По инициативе бывшего председателя монархических организаций в Москве, К. А. Грингмута, была даже попытка повести дело организации штрейкбрехеров в большом стиле, для чего решено было использовать специалиста по этой части, вождя французских «желтых» синдикатов Петра Биетри, воззвание которого к «братьям, русским рабочим» было перепечатано во всех черносотенных газетах. Но, очевидно, г. «специалист» потребовал слишком высокое вознаграждение, и франко-русское сближение черносотенцев не состоялось.

Особенно вредную роль сыграли организованные штрейкбрехеры во время забастовки моряков черноморского торгового флота в Одессе, где они совместно с административными репрессиями сорвали забастовку. Правда, колоссальные убытки, причиненные владельцам пароходов этими «моряками», надолго отобьют охоту пользоваться их услугами. В Польше честь организации штрейкбрехеров принадлежит местным черносотенцам и отчасти «народной демократии». Организованный последней союз «Едность» сыграл во время лодзинского локаута довольно двусмысленную роль.

Вмешательство «союза русского народа» в целом ряде других случаев экономической борьбы имеет больше характер обычной для этой организации буффонады [1]), и если бы не постоянное содействие местной администрации, то на нем можно было бы даже не останавливаться.

8. Царское правительство защищает предпринимателей.

а) Вмешательство в экономическую борьбу рабочих.

(В. Гриневич—„Профессиональное движение рабочих в России“, стр. 144—147, изд. 1922 г.).

Борьба союзов предпринимателей против профессиональных рабочих организаций значительно облегчалась постоянным покровительством органов государственной власти. Изменение правовых условий экономической борьбы, созданное, как мы указывали в начале этой главы, отменой наказаний за мирные стачки указом 2 декабря 1905 г., ничуть не изменило систему вмешательства местной административной власти в профессиональную борьбу рабочих под предлогом «охранения общественного порядка»,—системы, характеризующей весь до-революционный период русского рабочего движения.

[1]) Буффонада—пустозвонство, пускание пыли в глаза, шутовство.

Это вмешательство в пользу предпринимателей не изменилось даже в форме своих проявлений, доходя только в соответствии с усилением политической реакции казалось бы иногда до конечных границ.

Мы не думаем здесь исчерпать всю эту богатую тему и приведем только некоторые типичные примеры.

Закон 2 декабря 1905 г. разрешил мирные стачки, а сенатское раз'яснение, установившее законность образования профессиональными союзами стачечных фондов и выдачу стачечникам пособий, допустило руководство стачек профессиональными союзами. Казалось бы поэтому, что до тех пор, пока стачка протекает мирно, ни один орган государственной власти *не имеет права* вмешиваться в нее. Практика, однако, показывает другое.

На механическом заводе Грачева, в Москве, происходила в октябре 1906 г. вполне мирная, местная стачка. Московский градоначальник счел нужным вмешаться в нее. Одновременно с запрещением профессиональному союзу рабочих по металлу руководить стачкой под угрозой его закрытия на заводе появилось следующие об'явление: «Его прев-во г. моск. градоначальник приказал об'явить рабочим завода «Грачев и К°», что если завтра, 11 октября, после обеда, рабочие литейного цеха не приступят к работам *по новому найму в количестве потребном для деятельности завода, то они будут считаться безработными и немедленно будут удалены из Москвы на основании положения об усиленной охране.* 3 уч. Пресн. части пристав ....».

Приблизительно в то же время в Москве было разрешено союзу портных собрание бастующих рабочих Мандля, но пристав не разрешил говорить о стачке..

Не один только московский градоначальник придерживался своей точки зрения на существующие законы. Елисаветградский генерал-губернатор, полковник Рудницкий, приказал всем чинам полиции обязать всех хозяев фабрик и заводов тотчас же при возникновении забастовок сообщать полиции список агитаторов (!) для привлечения их к ответственности, а равно список лиц, участвующих в этих забастовках. «При этом предупреждаю,—заявляет Елисаветгр. ген.-губ.,—что хозяева, не сообщившие означенных сведений, будут подвергаться штрафу до 3.000 руб. или тюремному заключению до трех месяцев». Бакинский генерал-губернатор идет еще дальше и грозит тюремным заключением хозяевам, идущим на уступки или желающим вознаградить рабочих за забастовочное время. Прибалтийский генерал-губернатор Меллер-Закомельский воспретил, под угрозой 3.000 руб. штрафа, прием на заводы рабочих, уволенных за забастовку, а также наказанных административно или по суду. В эру военно-полевых судов местные администраторы пытаются подвести под их юрисдикцию и участие в стачках. Временный генерал-губернатор закавказских жел. дор. причисляет к делам, которые будут подсудны вновь учрежденным военно-полевым судам, также и дела об устройстве стачек и возбуждении к ним. Временный двинский генерал-губернатор в циркуляре, разосланном бюро местных проф. союзов, угрожает военно-полевым судом, «если окажется, что союз налагает штраф на владельцев торгово-промышленных заведений и заводов».

Характерно, между прочим, то, что в этих случаях местная администрация подымается до «государственной» точки зрения, оставляя в стороне «национальную» политику. Не только поляки, но и евреи-предприниматели пользуются полным ее покровительством, и для борьбы с рабочими (без различия национальностей) в их распоряжении охотно предоставляется как полиция, так и войска.

Политика одностороннего вмешательства административной власти в экономическую борьбу рабочих и предпринимателей не только находит одобрение центральной правительственной власти, но и вопреки существующим законам ею самою практикуется. Особенно ярко это вмешательство проявилось во время забастовки судовых команд каспийского торгового флота в Баку, бывшего даже предметом запроса во 2 государственной думе (2 апреля). Несмотря на то, что стачка моряков протекала совершенно мирно, на десятый день ее был вдруг командирован из Петербурга в Баку жандармский генерал фон-Таубе с диктаторскими полномочиями. Нужно сказать, что в это время владельцы пароходов начали уже переговоры с представителями судовых команд в совместной комиссии. Назначение Таубе, присылка военных команд для замены моряков сильно пошатнули шансы последних на победу. Как понимал генерал Таубе свою роль, видно из изданного им через две недели по приезде об'явления:

«...Находя дальнейшее ведение переговоров бесполезною тратою времени, только лишающею рабочих их нормального заработка,—я, на основании высочайше предоставленной мне власти, об'являю во всеобщее сведение следующее мое обязательное постановление: 1) капитанам, помощникам их и механикам всех степеней быть на своих судах в пятницу, 13 сего апреля, к 5 часам дня. Виновные в нарушении этого будут мною подвергнуты тюремному заключению до трех месяцев или штрафу до 3.000 рублей, или высылке в отдаленнейшие местности; 2) команды, не явившиеся в вышеуказанный срок на свои суда, будут немедленно расчитаны и высланы в административном порядке...» («Нов. Вр.»).

Если, несмотря на это неслыханное насилие, моряки каспийского флота добились значительного улучшения своего экономического положения, то они обязаны этим только своей стойкости, дисциплинированности и солидарности.

б) Репрессии против Союзов.

(Из запроса в Государств. Думу—см. „Кузнец", орган металлистов, № 3—4 1908 г.).

Применение временных правил местными по делам об обществах и союзах присутствиями, и особенно распоряжения и действия местной администрации лишают рабочих почти всякой возможности пользования даже и этими незначительными правами. Местные присутствия дают самые различные толкования отдельным пунктам закона 4 марта, отказывая одному союзу в том, что разрешено другому, не мотивируют своих постановлений, не выполняют

во многих случаях требований закона 4 марта о приглашении заинтересованных лиц на заседания, когда рассматривается дело о регистрации или закрытии какого-либо общества. Противоречивая практика присутствий вызвала уже многократные раз'яснения сената, далеко недостаточные, однако, чтобы уничтожить произвол присутствий и поставить разрешение и закрытие обществ в гарантированные точным законом рамки.

Деятельность и развитие уже разрешенных профессиональных обществ рабочих оказываются почти невозможными, благодаря мероприятиям местной администрации, выражающимся в систематических единоличных и массовых высылках их деятельных членов, в неразрешении и стеснении собраний, в приостановлении и закрытии самих обществ, в конфискации и прекращении органов профессиональной печати. Особенно усилились все указанные преследования вслед за циркуляром департамента полиции (за № 72182 от 10 мая), в котором рекомендовалось «местным властям обратить на состав и деятельность профессиональных союзов самое пристальное и серьезное внимание, допускать их легализацию в порядке закона 4 марта лишь при наличности несомненных данных об отсутствии их связей с социал-демократическими группами, а при первых попытках со стороны означенных организаций к отступлению от установленных пределов деятельности закрывать их в порядке указанного закона». Широкое и постоянное применение административных мер, при которых не соблюдаются самые элементарные гарантии в установлении истинности фактов, виновности отдельных лиц и степени соответствия с нею возлагаемых на них наказаний, должно быть признано совершенно недопустимым по отношению к нарушениям закона 4 марта, ибо для ограждения его силы специально установлены высокие кары, и по общему правилу дела о таких нарушениях должны направляться в судебном порядке. Между тем, случаев привлечения виновных в судебном порядке почти не наблюдается, и административные меры, могущие допускаться лишь в виде исключения, стали общим правилом. В доказательство вышеизложенного приведем следующие факты:

Из деятельности присутствий. Уставы профессиональных обществ рабочих, определяя преследуемые ими цели, на первом месте всегда ставили «защиту правовых и экономических интересов своих членов». Большинство присутствий такую формулировку находит вполне законной и уставы с соответствующим пунктом регистрирует.

Между тем, с.-петербургское городское присутствие в регистрации союзов с такой формулировкой цели отказывает, требуя замены слова «защита» словами: «выяснение и согласование» на том основании, что «защита» указывает «на боевое отношение» к вопросу, и требуя исключения слова «правовых», ибо профессиональным обществам заботиться о «правовых» интересах своих членов не предоставлено...

Если в приведенных постановлениях неправильность каких-либо из противоречивых толкований может быть установлена только при принятии за правильное какого-либо одного из них, то в дальнейшем можно указать примеры уже прямого нарушения присутствиями законных прав союзов.

16 мая 1907 года сенат раз'яснил, что «союзы имеют право составлять капиталы для выдачи пособий своим членам во время стачек, ибо законом 2 декабря 1905 г. экономические стачки не воспрещены». Между тем, помощь бастующим членам союза выкидывается петербургским городским присутствием из уставов рабочих волокнистых веществ (15 июня 1907 года) и общ. служащих буксирных пароходов (31 июля 1907 г.) т.-е. спустя два месяца после раз'яснения сената, вполне определенного по смыслу и, конечно, известного и петербургск. присутствию.

Закрытие союзов. С 1 июня 1907 г. местными присутствиями закрыты: в С.-Петербурге—3 союза (литографов—31 июля 1907 г., печатников—10 сентября 1907 г., портных—18 марта 1908 г.); в Одессе—12 союзов (рабочих слесарно-механического дела и заготовщиков—12 сентября 1907 г.; типографских рабочих, портных и шапочников, рабочих дамских верхн. платьев и служащих в транспортных и пароходных предприятиях—29 окт. 1907 г.; приказчиков—28 ноября 1907 г.; рабочих по обработке дерева, чайных развесок и жестяных фабрик—5 февраля 1908 г.; рабочих золото-серебр. и часового производства и служащих фармацевтов—29 февраля 1908 г.); в Симферополе—4 (раб. конфектчиков и мельников—10 октября; сапожников и заготовщиков—23 октября; портных—7 ноября); в Витебске—3.

За короткое время закрыт 81 союз.

Почти все закрытия присутствиями произведены вследствие признания деятельности союзов «угрожающей общественной безопасности и спокойствию». Самые же причины такого признания в большинстве случаев не указываются совсем (Ведомости Одесского Градоначальства №№ 199 и 233 от 1907 г.; №№ 26, 31 и 50 от 1908 г.).

Высылки, аресты, обыски, неразрешение и стеснение собраний. Одновременно с закрытием какого-нибудь союза правление его, нередко в полном составе, высылается за пределы данной губернии на все время чрезвычайных положений. Так было выслано правление печатников в Москве (июнь 1907 г.); литографов—в Петербурге (август 1907 г.), приказчиков в Минске (июль 1907 г.). При этом администрация совершенно не входит в рассмотрение вины каждого члена правления в отдельности. Высылки, поэтому, происходят часто при обстоятельствах в роде нижеследующего: председатель общества рабочих графических искусств, Иванов, с 20 апреля 1907 года выехал из Москвы и жил у себя на родине, в деревне Волоколамского уезда, Московск. губ., не принимая никакого участия в деятельности общества; между тем, когда общество было закрыто (в июне 1907 г.) за деятельность, проявившуюся без него, Иванов, на ряду со всеми прочими членами правления, был выслан из Моск. губ. на время чрезвычайных положений по распоряжению градоначальника; согласно этому Иванов 12 июля 1907 г. был выслан из своей деревни.

Высылка всего правления в целом практикуется, впрочем, в виде исключения; обычно же и при закрытии союзов, и во время их деятельности высылаются наиболее энергичные из их членов, чем деятельность союза, конечно, сильно затрудняется, а часто и прекращается совсем. При закрытии

обществ раб. печатного дела в Москве и в Петербурге, кроме членов правления, было выслано несколько десятков выборных из отдельных печатных заведений; не закрывая союзов, администрация выслала большую часть членов правления союзов портных и печатников в Бердичеве, металлистов и портных в Ковне. В Петербурге систематически высылаются председатели и секретари союзов, редакторы органов профессиональной печати...

То же делается и по другим городам. Во время деятельности союзов производятся без всяких поводов частые обыски в их помещениях, задержание собирающихся там членов, административные кары в виде арестов и штрафов. Собрания разрешаются с большим трудом и препятствиями, администрация вычеркивает из порядка их дня ряд вопросов, имеющих непосредственное отношение к деятельности союзов (ремесленным союзам в Петербурге совершенно не дозволяется, напр., говорить о смешанных комиссиях по закону 15 ноября). В Западном крае (Вильне, Витебске, Гродне, Ковне и т. д.) на собраниях не позволяется употреблять местные языки; и так как большинство рабочих по русски не понимает, то это запрещение фактически повело к полной отмене всех собраний.

Профессиональная печать. Наконец, нужно отметить особенно усиленные конфискации и запрещения органов профессиональной печати; в них не позволяется говорить даже того, что находит себе место в общей прессе. И так как для постоянной связи членов большинства союзов печатный орган является положительно необходимым, то его воспрещение опять-таки имеет результатом препятствие развитию профессиональных организаций. За короткое время закрыто 27 професс. органов в Петербурге, 4—в Москве, 3—в Одессе, 2—в Харькове, 2—в Варшаве и по 1—в Екатеринославе и Ревеле. Всего 41 проф. орган.

VIII. Вспомогательная деятельность союзов.

(В. Гриневич—„Профессиональное движение в России", стр. 86—108, изд. 1922 г.).

Место взаимопомощи в профдвижении.

Вопрос о *взаимопомощи* в жизни русских профессиональных союзов является одним из наиболее острых [1]). Союзная практика еще далеко не разрешила его, и нам, поэтому, придется здесь только указать те вехи, по которым намечается путь для разрешения вопроса о взаимопомощи в союзах. Трудность вопроса заключается в следующем. Едва только профессиональные союзы, приступив к своей деятельности, чуть чуть приподняли завесу, за которой скрывались условия труда и жизни русских рабочих, как перед ними открылось море горя и печали: нищенский заработок, ужасные санитарно-гигенические условия работы и еще более ужасные жилищные условия, полная необеспеченность в случае безработицы, болезни или смерти главы семьи, отсутствие медицинской помощи и над всем этим еще ежеминутно давящий правовой гнет. Пред профессиональными союзами, правда, была поставлена задача изменить коренные причины зла, улучшить общие условия труда, но в то же время профессиональные союзы не могли уйти от повседневной жизни. Потому что, уже не говоря о том, что борьба профессиональных союзов требует времени, что улучшение условий труда совершается постепенно, это улучшение условий труда, как бы относительно в массе оно ни было велико, не уничтожает индивидуальной нужды. Несчастные случаи: болезнь, смерть и безработица остаются висеть попрежнему над головой рабочего. И при отсутствии какой бы то ни было организации государственного или муниципального страхования рабочих, при отсутствии самостоятельных касс взаимопомощи, организации мелкого кредита, медицинской и юридической помощи—мысль рабочего направляется к профессиональному союзу как к организации, которая должна не только стремиться улучшить условия труда в будущем, но и помогать в нужде рабочего в настоящем.

---

[1]) Нужно, впрочем, сказать, что профессиональное движение всех стран переживало, каждое в свое время, острый кризис в этом вопросе.

Пред профессиональными союзами стояла трудная дилемма. Потому что пойти навстречу этим запросам, ввести в деятельность союзов страховые функции на случай смерти, болезни и т. д., это означало бы понизить боевую способность союзов, уменьшить шансы той борьбы, которая является основною целью союзов; заменить улучшение общих условий труда помощью в отдельных несчастных случаях; это означало бы, наконец, вместо интересов массы поставить на первое место интересы отдельных лиц.

Против такого превращения боевых профессиональных союзов в кассы взаимопомощи говорили и другие соображения. Страховые функции в союзах предполагают крупные взносы и сосредоточение в союзах крупных денежных капиталов, а последнее возможно только при более или менее правовом положении рабочих организаций и «союзов и обществ» вообще...

...Признавая принципиально невозможным для союзов отказываться от функций взаимопомощи, они, союзы, вводят у себя—по крайней мере в переживаемый период—только те функции взаимопомощи, *которые связаны с боевыми задачами союзов: помощь во время безработицы, дорожную помощь, юридическую помощь и, только отчасти с ними связанную, медицинскую* помощь.

Так, вторая конференция професс. союзов, указывая, что «профессиональный союз ни в каком случае не должен превращаться в кассу взаимопомощи, а быть боевой организацией рабочих для борьбы против капиталистов», и что «поэтому большая часть всех поступлений должна отчисляться в особый стачечный фонд», допускала, что «союзы могут устанавливать выдачу пособий на случай безработицы, дорожную помощь при переездах для отыскания мест..., а в случае крайней необходимости, напр., при массовой безработице, при союзе могут быть организованы особые сборы, дополнительное обложение и пр.». («Вторая конференция», стр. 30).

Различные виды взаимопомощи. Действительно, *помощь во время безработицы* является, как показывает союзная практика, одним из наиболее серьезных — после помощи во время стачек — видом материальной взаимопомощи в русских союзах ¹).

Безработица, этот бич рабочих в капиталистическом производстве, висит кошмаром над русским профессиональным движением с момента его возникновения до настоящего времени. Промышленный кризис, переживаемый Россией, главным образом, в металлургической промышленности, был значительно осложнен политической реакцией после декабрьских поражений рабочих. Правительство ответило рабочим на октябро-ноябрьские политические забастовки, на попытки революционного проведения 8-часового рабочего дня, на декабрьские выступления закрытием целого ряда казенных заводов. Частные предприниматели следовали примеру правительства и выбра-

¹) Петербургский союз печатников за 1½ года (по 1 июля 1907 г.) израсходовал на помощь стачечников 10,077 р. 42 к. (26½%), на помощь безработным 8248 р. 56 к. (13½%), см. „Жизнь Печатн.", Спб. 1907 г. № 13—14).

сывали тысячи рабочих с семьями на улицу зимою, обрекая их на холод, голод, нищету...[1]). К тому же страна, еще не оправившаяся от последствий войны, была передана в руки нескольких десятков генерал-губернаторов...

При таких условиях организовывать более или менее удовлетворительным образом помощь безработным для профессиональных союзов, только что возникших, слабо оформленных, без каких бы то ни было или при очень слабых денежных средствах являлось, очевидно, непосильной задачей. А между тем необходимость притти на помощь безработным диктовалась профессиональными союзами не только чувством товарищеской солидарности, но и интересами той борьбы, которая стоит в центре деятельности профессиональных союзов. Ведь армия безработных есть то орудие, которым капиталисты так охотно пользуются во время стачек для поставки штрейкбрехеров.

Конечно, в первое время в организации союзами помощи безработным отсутствовала какая бы то ни было планомерность. В отдельных союзах, в производстве которых имелись безработные, организовывались специальные сборы по заводам и мастерским, и затем эти деньги раздавались более нуждающимся безработным, причем некоторым союзам удавалось организовать недурно это дело; так, в Петербурге союз рабочих картонно-картонажного производства собирает на безработных в декабре 1905 г. 440 р. 77 к., союз рабочих золото-серебряного производства с декабря по апрель 1906 г. 1.518 р. 33 к., союз рабочих печатного дела по 1 марта 1906 г. 1.344 р. 77 к., союз тружеников трактирного промысла постановляет отчислять 10% с заработка и собирает 2.111 р. 78 к. По сделанному нами к 1 сентября 1906 г. далеко не полному подсчету в 11 петербургских союзах поступило на безработных 10.547 р. 55 к. и выдано пособий безработным 7.208 р. 39 к.

Конечно, все эти суммы могли только в очень ограниченном размере удовлетворить нужды той массы безработных, которые были выброшены в декабре 1905 г. на улицу. Отсутствие в то время профессиональных союзов рабочих по металлу, которые составляли главный контингент безработных, вызвало необходимость создать в обеих столицах специальные организации безработных — «советы безработных». ...Представители профессиональных союзов входили как в общегородской совет, так и в районные советы безработных. Представители Петербургского Центр. Бюро професс. союзов входили как в исполн. ком. совета безработных, так и в комиссии при петербургской городской думе по исполнению безработными общественных работ. С другой стороны, профессиональным союзам приходилось открыто бороться с тенденциями, существовавшими в сов. безр., присвоить последнему функции руководства экономической борьбой и превратить его в своеобразное повторение Сов. Раб. Деп.

С упадком деятельности С. Б. и ростом профессиональных союзов функции первого переходят постепенно к последним. В Москве, где попытка

[1]) „По сведениям Петерб. Сов. безработных, 63% безработных уволены с фабрик и заводов за стачки и „политику“ (Наше Дело“, М. 1906 г. № 8, стр. 6).

сов. безр. добиться общественных работ окончилась неудачно и сам С. Б. был распущен, функции его всецело переходят осенью 1906 г. в руки московского Центр. Бюро професс. союзов. При Ц. Б. организуется об'единенная комиссия для помощи безработным. Комиссия составляется из представителей комиссий безработных, при отдельных союзах. Союзы отчисляют из своих специальных средств на помощь безработным 50—70% на содержание столовых. Вся организация безработных находится под контролем Центр. Бюро професс. союзов и социалистических партий. Столовые управлялись отдельными союзами и находились только в общем ведении об'единенной комиссии. При столовых обыкновенно концентрировалась вся организация безработных. Здесь производилась регистрация безработных, существовало бюро для спроса и предложения труда и т. д. В Ялте организация безработных находилась также всецело в руках профессион. союзов.

Однако, эта организация являлась все же только паллиативом. С ростом профессиональных союзов пред ними все серьезнее становилась задача организации планомерной помощи во время безработицы, по крайней мере, *своим членам*. Первым шагом в этом направлении была правильная и систематическая регистрация безработных союзом данной профессии и выработка точной инструкции о выдаче пособий во время безработицы. Действительно, как в столицах, так и в провинции союзы идут этим путем. Так, отчет Орг. Бюро печатников устанавливает, что во время конференции (апрель 1907 г.) помощь во время безработицы оказывается *согласно инструкции* в нижеследующих союзах: Петербург, Москва, Смоленск, прибалтийский союз, Варшава (п.с.д. и «Бунд»), Лодзь (бесп.), Киев, Одесса, Екатеринослав, Харьков, Нижний, Саратов, Самара, Уральск, Армавир,—как раз все крупнейшие союзы. Размер помощи определен: в Петербурге в 25 к. на холостого, в Екатеринославе 35 коп., в Нижнем-Новгороде 25 коп. Помощь оказывается лишь членам союза обыкновенно после трехмесячного их пребывания в союзе, т. е. аккуратной уплаты взносов. Срок оказания помощи обыкновенно ограничен: в Петербурге и Нижнем-Новгороде до 3-х месяцев, в Екатеринославе не более 100 дней в году. Почти во всех союзах помощь на этих же основаниях оказывается иногородним членам союзов,—разумеется, когда они представляют соответствующие удостоверения.

...Петербургский союз рабочих по металлу устанавливает следующие сроки: для получения пособий при стачках, локаутах и репрессиях требуется пребывание членом союза в течение *шести* полных месяцев, для получения юридической помощи—в течение *трех;* для получения пособий на случай крайней нужды—в течение *двадцати* полных месяцев (§ VI, 2). Размеры пособий инструкция устанавливает в 1 р. 75 к. одинокому и 2 р. 50 к. семейному еженедельно, сверх того на каждого ребенка старше 14 лет по 30 к...

...Регистрация безработных кладет начало организации союзами бюро по найму труда, которые до сих пор имелись в союзах только в зачаточном виде. С другой стороны, регистрация безработных является необходимым условием правильной организации *дорожной помощи,* являющейся одною из наиболее серьезных разновидностей помощи во время безработицы.

Давая возможность безработному уехать из данного города, союз не только оказывает помощь данному лицу, но и освобождает местный рынок от излишней конкуренции.

Из других видов взаимопомощи, связанных, правда, скорее не с боевыми задачами союзов в экономической сфере, а с политическим бесправием страны, необходимо отметить пособия арестованным, высланным и сосланным членам союзов, которые иногда требуют от союзов значительных затрат.

Если взаимопомощь в русских профессиональных союзах можно охарактеризировать в виде общего правила как связанную с боевыми задачами союзов, то это не исключает, конечно, того, что в тех или иных случаях союзы оказывают помощь своим членам и в различных несчастных случаях: болезни, на похороны и т. п.

В виду вполне случайного характера взаимопомощи при несчастных случаях она нигде не регулируется точными инструкциями, и вопрос о выдаче пособий решается обыкновенно правлением союза от случая до случая.

Юридическая и медицинская помощь. Из форм нематериальной взаимопомощи лучше всего организована в русских професс. союзах *юридическая помощь.*

В громадном большинстве случаев каждый профессиональный союз имеет своего специального юрисконсульта (крупные петербургские союзы обыкновенно двух), который или дежурит в определенные дни и часы при правлении союза или же назначает для членов союза определенные приемные часы в определенные дни (2—3 раза в неделю) у себя. Члены союза получают юридическую помощь бесплатно, не члены союза, обращающиеся к союзным юристам во время их дежурства в союзе, обыкновенно должны уплачивать небольшое вознаграждение: 10 к. за совет, 20 коп. за прошение (Екатеринослав). Однако, в последнее время многие союзы оказывают юридическую помощь только членам союза.

Первая попытка более или менее подробно нормировать оказание юридической помощи, подчиняя ее в то же время основной задаче союзов, борьбе с предпринимателями за улучшение общих условий труда, сделана в инструкции органам управления петербургского союза рабочих по металлу, выработанной общегородским делегатским советом (1907 г.). Последняя не только лишает права пользования бесплатною юридическою помощью *не членов* союза, но и ограничивает это право для членов союза требованием уплаты ежемесячных взносов за последние три месяца. Это ограничение не применяется в случаях оказания юридической помощи лицам, пострадавшим за принадлежность к союзу или за деятельность в прямых его интересах. Инструкция ограничивает также круг тех вопросов, в которых члены имеют право на бесплатную юридическую помощь... Оказание юридической помощи находится под постоянным контролем правления союза. Поэтому, очевидно, во избежание таких выступлений юрисконсульта союза, которые шли бы в разрез с экономической политикой последнего, инструкция устанавливает.

что «во всех тех случаях, когда для оказания юридической помощи требуется выступление юрисконсульта союза перед каким-либо судебным установлением, дело не может быть начато без разрешения правления союза. В этих случаях юрист обязан доставить правлению точное изложение обстоятельств дела и свое заключение по его поводу. Этим же правилом он должен руководствоваться всякий раз при переводе дела из одной инстанции в другую. Обо всяком выигранном или проигранном деле юрист представляет подробный отчет правлению союза» (VII, 5 и 6).

Организация *медицинской помощи* поставлена гораздо слабее. Попытки организовать ее коллективно при посредстве местных Центральных Бюро профессиональных союзов окончились во многих местах неудачно. В некоторых городах эти попытки теперь только делаются. В отдельных союзах, там, где удалось организовать медицинскую помощь, она носит по большей части вполне примитивный характер. Союзы приглашают одного или двух врачей, обыкновенно за определенную плату, которые оказывают членам союза медицинскую помощь бесплатно.

В Киеве союз раб. по металлу имеет четырех врачей-специалистов (внутр. и детск., венерич., зубн., акуш. и женск.) и одну фельдшерицу-акушерку с постоянным ежемесячным содержанием: врачам по 30 рублей в месяц и акушерке-фельдшерице 25 руб. Врачи оказывают бесплатно помощь членам союза и их семьям у себя на дому ежедневно в определенные часы. Они обязаны бесплатно выезжать на квартиру к членам союза по вызову последних, причем проездные деньги (днем трамвай, ночью извозчик) уплачивает врачу вызывающий к себе на квартиру член союза. Акушерка-фельдшерица оказывает бесплатно помощь во время родов. Как медицинской, так и юридической помощью могут пользоваться только те члены, которые уплатили свой членский взнос и добавочный в 15 копеек, на что им выдается особый талон на каждый месяц. Талоны пред'являются врачам или юристам. Исключение составляют безработные члены союза, которым до тех пор, пока они не станут на работу, талоны правлением выдаются бесплатно. В Витебске члены союза кузнецов и слесарей пользуются бесплатно медицинской помощью от «сочувствующих» союзу врачей. Нуждающиеся во время болезни получают один рубль в неделю. В Баку союз рабочих механического производства, благодаря плохой постановке фабрично-заводской медицинской помощи, имеет для членов союза трех врачей: по внутренним, по глазным и зубным болезням. Кроме того, союзом организована врачебная комиссия для экспертизы увечных... В области организации медицинской помощи Центр. Бюро проф. Союзов в Екатеринославе удалось сделать больше, чем где бы то ни было. Местному союзу рабочих по металлу удалось, кроме того, после долгих стараний видоизменить существовавшее там «консультационное бюро для освидетельствования увечных», так что в него входят лишь вольнопрактикующие врачи (а не заводские), избранные правлением союза раб. по металлу и правлением общества врачей промышленных предприятий.

Культурно-просветительная работа союзов.

Культурно-просветительную деятельность ставят себе задачей русские профессиональные союзы с момента своего возникновения.

В целом ряде профессиональных союзов мы встречаем собственные *библиотеки.* Из 35 петербургских союзов 14 имели в начале 1907 г. свои собственные библиотеки. Петербургский союз печатников израсходовал на библиотеку 240 р. 68 к. Правда, эта библиотека больше находится в охранном отделении, чем в пользовании членов союза. Громадное большинство провинциальных союзов заводят у себя библиотеки и даже читальни (Москва, Саратов, Астрахань, Екатеринослав, Луганск, Кострома — союз рабочих по обраб. волокн. вещ., Баку, Витебск, Вильна и т. д.).

Гораздо хуже обстоит дело с *лекциями.* Здесь является, помимо всего прочего, еще одно препятствие — отсутствие лекторов. Отчасти это об'ясняется также правительственными репрессиями, но кроме того, конечно, причиною служит и «кризис интеллигенции». ...На отсутствие интеллигентов-лекторов жалуются не только в таких углах, как Баку, Витебск, Астрахань, Луганск, но даже и в центрах: Петербурге, Москве, Саратове и др.

Саратовский союз раб. по металлу пользуется услугами народного университета, получая 200 бесплатных билетов. В Баку были прочитаны 15 лекций до образования союза рабочих механического производства, но сыгравшие большую роль в его возникновении. Читаются лекции в Екатеринославе, в Москве, в последнее время в Петербурге. Но все это носит совершенно случайный характер. В Петербурге в свое время был выработан план более правильной и систематической постановки лекционного дела. Предполагалось организовать специальный курс лекций по теории и практике профессионального движения для членов правления союзов в целях научной подготовки из рабочей среды секретарей союзов. Чрезвычайная охрана, введенная в Петербурге после роспуска 1-й государственной думы, заставила отложить исполнение этих планов до более благоприятного времени.

Некоторыми союзами организованы специальные вечерние курсы. В Баку союз рабочих механического производства учредил в двух районах технические курсы, в них занимаются свыше 100 человек. В Воронеже при союзе приказчиков имеются библиотека, читальня и вечерние курсы коммерческой арифметики и бухгалтерии. Союз рабочих по металлу Гартмановского завода в Луганске имеет школу для детей членов союза в возрасте от 8 до 10 лет. Всех учащихся в школе 110 человек (мальч. 53, девоч. 57). Школа помещается в здании, временно предоставленном заводом в распоряжение союза. Союз имеет двух учителей, которым платит 120 р. в месяц. Лекции при союзе не читаются за отсутствием лекторов.

Культурное влияние союзов на рабочих достигается, конечно, не только одною просветительною деятельностью. Самое существование организации спаивает уже моральною связью рабочих, подымает членов союзов в культурном отношении над общим уровнем рабочей массы. Интересно, например, отметить, что сами рабочие видят в «выборных» тех представителей союза, которые обязаны бороться с пьянством, руганью, грубостью в

обращении. В целом ряде статей рабочих в профессиональных органах можно найти отражение того взгляда, что принадлежность к союзу обязывает членов его бороться с невежеством, с пороками, что членство в союзе накладывает моральное обязательство не только в пределах завода, фабрики и мастерской, но и в общественной и частной жизни рабочего.

Профессиональная печать.

Невозможность вести открыто устную агитацию заставила профессиональные союзы обратить усиленное внимание на агитацию *письменную, на создание профессиональных газет и журналов*. Первый рабочий профессиональный орган появляется в Петербурге летом 1905 г. у печатников, одновременно с возникновением их профессионального союза «*Печатный Вестник*».

В декабре 1905 г. «П. В.» перешел в собственность союза, но на 5 № был приостановлен. Взамен него весною 1906 г. стал выходить «*Вестник Печатников*». В начале и весною 1906 г. в Петербурге появляется уже целый ряд профессиональных органов: «*Листок для Рабочих Портных, Портних и Скорняков*», «*Голос Приказчика*» (позже «*Приказчик*»), «*Листок Булочников и Кондитеров*», «*Голос Извозчика*», «*С.-Петербургский Сапожник*», «*Ткач*», «*Строительный Рабочий*», «*Садовник*», «*Конторщик*», «*Голос Фармацевта*» (позже «*Отклики Фармацевта*»), позже начинает выходить регулярно «*Рабочий по Металлу*» и т. д.

Большинство из этих органов связывает свое появление с невозможностью для рабочих свободно собираться и с необходимостью для развития профессиональных союзов общения между рабочими, хотя бы через посредство газеты.

Центром издания профессиональной печати попрежнему остается Петербург, хотя в Москве и в провинции появлялись также органы отдельных союзов. Что касается до распределения органов по профессиям, то осталось, кажется, очень мало профессий, которые не пытались бы выпускать свои печатные органы. Печатники имели свои органы в Петербурге, Москве, Киеве; приказчики—в Петербурге, Москве, Н.-Новгороде, Омске, Астрахани, Одессе, Кременчуге; конторщики — в С.-Петербурге; булочники — в Петербурге и Москве; портные — в Петербурге и Москве; рабочие по металлу — в Петербурге, Москве, Варшаве; табачники — в Петербурге и Москве; раб. волокн. веществ — в Петербурге и Москве; чертежники и техники — в Петербурге и Москве; железно-дорожные рабочие — в Москве; городские служащие — в Москве, кроме того в Петербурге имели свои органы парикмахеры, извозчики, конфетчики, садовники, сапожники, кожевники, раб. по обраб. дерева, строительные рабочие, фотографы, красильщики, экипажники, часовщики, кузнецы, золото-серебряники и т. д. и т. д.

На ряду с профессиональной печатью, посвященною защите интересов отдельных профессий, создалась профессиональная печать, обслуживающая все местные союзы и посвященная разработке общих вопросов теории и практики профессионального движения. Из всех подобных органов более или менее прочное существование вел только петербургский орган: «*Про*-

фессиональный Союз» (№ 1—21) и сменивший его *«Профессиональный Вестник»* (до сих пор вышло 18 №№). Первый номер «Пр. С.» вышел 21 ноября 1905 г. как орган Петербургского Центр. Бюро...

Попытка создать в провинции местные общепрофессиональные органы оканчивалась по большей части неудачно. В Москве при Ц. Бюро были изданы в 1905 г. и в начале 1906 г. *«Бюллетени Музея Содействия Труду»* (2 №№) и *«Материалы по Профессиональному Движению Рабочих»* (1 №), содержащие богатый фактический (сырой) материал о первых шагах професс. движения. В конце 1906 г. (октябрь—декабрь) в Москве выходил *«Рабочий Союз»,* который хотя и не был официальным органом Моск. Центр. Бюро, но являлся до некоторой степени руководящим органом московских союзов. Вышло всего 10 номеров. В Одессе вышли, один за другим, три журнала местного Ц. Б. осенью 1906 г.: *«Южный Професс. Листок», «Рабочее Дело»* и *«Союз»,* и все они немедленно прекращались местною властью. Та же участь постигла орган Харьковского Ц. Б.—*«Союз»,* которому удалось выпустить всего три номера, и выпущенный вслед за этим один номер *«Труда»*. В Екатеринославе вышло десять номеров *«Вестника Труда»,* в Воронеже семь номеров *«Голоса Труда»,* а в Астрахани три номера *«Профессионального Листка»* и т. д.

Административные запрещения, привлечение редакторов к суду, тюремное наказание, денежные штрафы до 3.000 рублей (орган Московских печатников)—все это применялось для того, чтобы убить профессиональную печать. Особенно сильны были репрессии после роспуска 1-ой гос. думы, во время выборов во 2-ю гос. думу—в связи с участием проф. союзов в избирательной кампании, и ко времени созыва 3-й гос. думы, когда бюрократия пытается ликвидировать все завоевания революционной эпохи.

IX. Идеология профдвижения.

1. Активное участие профессиональных союзов в политической борьбе.

(Д. Антошкин—„Профессиональное движение в России“, стр. 146—148, изд. 1924 г.).

Профессиональные союзы России зародились в революционную эпоху, когда обострение классовых интересов достигло высшей точки, и поэтому они в общем сразу приобретают боевой классовый характер. Прошлое рабочего движения также обеспечивало такой характер русского профессионального движения: до возникновения союзов в России действовала организовавшаяся ранее буржуазных партий социал-демократическая партия, руководившая экономическими и политическими выступлениями рабочего класса и была признана им выразительницей его интересов и идейной руководительницей. Условия самодержавного строя неизбежно вели к соединению экономической борьбы с политической, так как рабочий класс на опыте убедился в необходимости политических завоеваний для большей свободы экономической борьбы.

Основная задача союза определялась как борьба с капитализмом; средством борьбы для этого считалась стачка, для чего создавались стачечные фонды.

Возникшее в ходе революции, профессиональное движение не могло остаться чуждым политической борьбе, и уже с октября союзы принимают в ней участие—в политических забастовках, в Советах Рабочих Депутатов, позже—в выборах в государственную думу. Пока вопрос о бойкоте государственной думы еще не был окончательно решен, Центральное бюро профессиональных союзов Петербурга и Москвы предлагало записываться в выборательные списки. Московский и петербургский союзы печатников и Петербургский союз приказчиков активно выступили в агитации за бойкот государственной думы.

В 1906 г. профессиональные союзы приняли участие в первомайской агитации и организации демонстраций.

Во время выборов во II государственную думу профессиональные союзы повсеместно приняли в них активное участие, ведя агитационную и органи-

зационную работу в выборной кампании. Подавляющее большинство профессиональных союзов высказалось за социал-демократических кандидатов, призывая рабочих голосовать за них.

...Подсчитать долю влияния большевиков и меньшевиков в профессиональном движении не представляется возможным, так как у нас нет таких данных, которые говорили хотя бы о количестве большевиков и меньшевиков в руководящих органах союзов.

Во всяком случае, влияние не было одинаковым во все годы; оно изменялось: то увеличивалось влияние большевиков, то меньшевиков, в зависимости от многих общественно-политических условий (мы не говорим о других группах, пытавшихся утвердиться в профессиональном движении: эсерах, анархистах, тред-юнионистах, ушаковцах и т. д. и т. п. Решающего значения в профессиональном движении они не приобрели, хотя иногда им и удавалось проникать в тот или иной союз).

Итак, с момента своего возникновения российское профессиональное движение не страдало болезнью «нейтрализма» и «независимости» ни в отношении политической борьбы, ни в отношении связи с пролетарской партией, признавая руководящее начало последней и в области профессионального движения.

2. О нейтральности и партийности профессиональных союзов.

(В. Ногин,—см. сборник статей: „5-й С'езд партии", стр. 53—67, изд. 1923 г.).

Принимая непосредственное участие в экономической борьбе пролетариата, социал-демократия не могла устраниться от работы в организациях, облегчающих эту борьбу. На своем об'единенном с'езде, бывшем в Стокгольме в начале 1906 года, партия приняла резолюцию, признающую необходимость «поддерживать стремление рабочих к профессиональной организации и всеми мерами содействовать образованию беспартийных професс. союзов». Но, к сожалению, эта резолюция была принята с обсуждением ее только в комиссии, а не на самом с'езде, а потому в протоколах с'езда нет указания на мотивы, которыми руководился с'езд, принимая ее. Благодаря этому установилось неправильное мнение, будто с'езд высказался за *нейтральность* професс. союзов и против *партийности* их на все времена. Это произошло потому, что *дух резолюции* не был должным образом усвоен. Резолюция говорит о необходимости сочетания экономической борьбы пролетариата с его политической борьбой (§ 4); в §§ 5 и 6 резолюция указывает, что профессиональные союзы втягивают массы в непосредственную политическую борьбу, что политически об'единенные массы все более и более становятся под знамя соц.-демократии. Наконец, в своем заключительном пункте резолюция, рекомендуя всем членам партии вступать в профессиональные союзы, указывает, что они должны, «принимая активное участие во всей деятельности союзов и постоянно укрепляя среди членов классовую их солидарность и классовое сознание, *органически, в борьбе и агитации связывать союзы с партией*».

Итак, основная мысль и «дух» резолюции—это сплочение масс под знаменем соц.-демократии и энергичная работа в союзах для установления связи между союзами и партией. Цель резолюции—*не раз'единение* союзов и с.-д. партии, а их *сплочение*. Ясно отсюда, что беспартийность союзов предполагалась как нечто *временное* и зависимое от *местных условий*.

Но год работы в профессиональных союзах, прошедший со времени Стокгольмского с'езда, показал, что «дух» резолюции забыт, не понят, и в умах многих работников господствует мертвая буква Стокгольмской «беспартийности», которая была к тому же обращена в «нейтральность» союзов.

Год союзной *практики* поставил перед Лондонским с'ездом партии вопрос о профессиональных союзах более резко, чем перед Стокгольмским, когда он стоял, главным образом, *теоретически*. Но к большому сожалению, в виду того, что работы Лондонского с'езда затянулись, вопрос об отношении союзов к партии был обсужден только в комиссии, как и на Стокгольмском с'езде... Сама резолюция гласит следующее:

«Подтверждая резолюцию об'единительного с'езда о работе в профессиональных союзах, с'езд напоминает партийным организациям и соц.-демократам, работающим в профессиональных союзах, об одной из основных задач соц.-демократической работы в них,—содействии признанию профессиональными союзами идейного руководства с.-д. партии, а также установлению организационной связи с ней, — и о необходимости там, где местные условия позволяют, проводить эту задачу в жизнь».

Как видим, ничего противоречащего стокгольмской резолюции в лондонской нет. Последняя является лишь напоминанием одной из основ первой, учитывая сделанные в течение года профессиональным движением шаги, делает шаг вперед. В комиссии, где она обсуждалась, *она вызвала возражения со стороны меньшевиков*, одним из которых было прямо заявлено, что он считает самую мысль о партийности вредной. Это заявление и последующие возражения, делавшиеся потом против лондонской резолюции, лишь подтверждают мысль о том, что «дух» стокгольмской резолюции был забыт.

Противники резолюции Лондонского с'езда высказываются за нейтральность профессиональных союзов. Рассмотрим по отношению к кому и к чему могут быть нейтральны профессиональные организации пролетариата.

Нейтральными они могут быть: 1) к политике, 2) не чуждаясь политики, они могут быть нейтральны ко всем политическим партиям, 3) относясь враждебно к буржуазным партиям, профессиональные союзы могут быть нейтральны к разным социалистическим партиям, 4) примыкая к социалистической партии, они могут быть нейтральны к ее фракциям.

Политическое положение России вообще и рабочего класса в частности таково, что никакая организация пролетариата не может относиться безучастно к политике. Всевозможные попытки, вроде Зубатовских «независимых» партий, удержать рабочий класс в чисто-экономической сфере кончались крахом и приводили к противоположным результатам.

Теоретики политической нейтральности союзов в России пока отсутствуют. Но необходимо отметить, что к политическому индифферентизму

неизбежно должны притти союзы, если они признают первоначально лишь нейтральность по отношению к политическим партиям. Германские профессиональные союзы, желающие оставаться нейтральными по отношению к социал-демократической партии, начинают занимать позицию, все более и более напоминающую старую позицию английских *трэд-юнионов,* ту позицию, которую англичане принуждены покинуть, убедившись в ее непригодности. *Нейтральность германских союзов опирается* на стремление поставить интересы профессии выше *интересов класса.* Это стремление было вскрыто на последних *партейтагах германской социал-демократии* и создало очень большие трения между партией и союзами. Вместо того, чтобы рассматривать празднование первого мая с точки зрения классовых интересов, германские профессионалисты смотрели на него с точки зрения интересов своих касс..

...*Признание союза нейтральным ведет его к отказу от классовой точки зрения.* У нас в России некоторые союзы указывали в своих уставах, что союз ставит своей целью защиту «классовых» интересов рабочих. Наиболее последовательные «нейтралисты» выступали против этого. Роза Люксембург в предисловии к своей брошюре «Всеобщая забастовка и немецкая социал-демократия» рассказывает о собрании, бывшем в мае 1906 г. в Киеве, «на котором был основан профессиональный союз печатного дела и на котором социал-демократический оратор выступал против включения в устав союза параграфа, гласящего, что союз ставит своею целью защиту «классовых» интересов рабочих на том основании, что, мол, слово «классовые» интересы придает союзу «партийную окраску», борьба же пролетариата сама по себе не может не быть классовой, и ее социал-демократический характер обусловливается самой природой пролетарского движения». Лучшим ответом на ошибочность взглядов таких нейтралистов может быть указание на Бринкмана, председателя союза плотников в Германии, строящего новую теорию, профессионального движения, независимую от теории классовой борьбы. «Нейтральность» обязывает.

В № 1 одесского профессионального журнала «Союз» приводится письмо к председателю «Регистрации» от истинно-русских людей, в котором они под угрозой смерти предлагают ему завести в библиотеке и в читальне черносотенную литературу, «раз нейтральность, так нейтральность», говорят они. Но к большему счастью, наши нейтралисты не все так последовательны, как «Киевлянин». Громадное большинство наших профессиональных союзов открыто становятся на классовую точку зрения. Классовые противоречия в России настолько обострились, что работа социал-демократии не могла остаться без успеха. Проповедь «гармонии интересов труда и капитала» не находит в среде фабрично-заводского и ремесленного пролетариата многочисленных сторонников. Даже в среде торгово-промышленных служащих, *самом отсталом* в этом отношении слое пролетариата, классовая точка зрения начинает приобретать все более и более широкие круги сторонников. Попытки буржуазных партий вмешаться в дело профессиональных организаций повсюду получают отпор. Несмотря на различные заигрывания к.-д.

с профессиональными союзами, последние отказываются от их либеральных услуг.

Необходимость отделить себя от буржуазных партий наши союзы признают; изменение отношения к ним никто из членов комиссии Лондонского с'езда точно также не отстаивал. Но необходимость сделать такое изменение подсказывается неизбежно, если только последовательно проводить точку зрения «нейтральности». При затишье революционного движения мы, вероятно, дождемся, что кто-либо из социал-демократов, противников резолюции Лондонского с'езда, начнет проповедь за соблюдение союзами «полной нейтральности», тем более, что «нейтральность», «беспартийность» так облегчают всякие «соглашения»...

Большинство социал-демократов — противников Лондонской резолюции—считает, что профессиональные союзы, решительно отмежевываясь от всех партий, защищающих интересы капитала, должны быть в то же время нейтральны по отношению к социалистическим партиям. В этом смысле истолковывалась и резолюция Стокгольмского с'езда.

Обратимся к практике нашего профессионального движения и посмотрим, кому приносит пользу такая нейтральность.

В первый период своей деятельности российская социал-демократическая рабочая партия руководила громадным большинством экономических выступлений пролетариата. *Годы борьбы приучили пролетариат видеть в социал-демократической партии своего вождя.* С появлением партии социалистов-революционеров, которая также претендовала на эту роль, перед социал-демократией *встала задача выяснения мелко-буржуазной подоплеки П.-С.-Р.* и борьбы против ее попыток сгладить противоречия между интересами пролетариата и мелкой буржуазии. В то время, как *с.-ры стояли за беспартийность* и за всевозможные об'единения, — *социал-демократия отстаивала необходимость партийной определенности и строго-классовой точки зрения...*

...Теперь, когда жизнь доказала правильность взгляда соц.-демократической партии на с.-р., соц.-демократы, вместо того, чтобы продолжать разоблачать с.-р-ов, начинают способствовать поднятию их значения в глазах масс. Делается это нашими нейтралистами в силу неправильного толкования резолюции Стокгольмского с'езда.

Происходит это так. В то время, когда союз, организованный социал-демократами (а таких большинство), решает предпринять какое-либо мало-мальски крупное дело или рассмотреть важный вопрос, организатор этого союза — социал-демократ — вносит предложение пригласить *представителей социалистических партий* или поручить исполнить это социалистическим партиям. Делается это даже тогда, когда в данной местности организация с.-р. очень слаба и не в силах исполнить поручение. То же самое происходит на собраниях Центральных Бюро, на различных конференциях. Когда выбираются какие-либо комиссии, напр., лекционная, то соц.-демократы опять предлагают пригласить в них не *представителя* соц.-дем. партии, а представителей социалистических партий. В результате с.-р.

получают возможность, по предложению с.-д-ов, обойти все союзы и попасть во все комиссии...

Такое поведение соц.-демократов (меньшевиков) в профессиональных союзах наносит вред движению и вместе с тем очень выгодно соц.-революционерам. Ничего нет поэтому удивительного в том, что соц.-рев. стоят за нейтральность союзов. В своих журналах «Профессиональное движение» и «Знамя Труда» они очень горячо отстаивают нейтральность союзов по отношению к соц.-дем. партии и партии соц.-рев...

Итак, мы видим, что проповедь нейтральности и беспартийности профессиональных союзов выгодна всем борющимся с социал-демократией партиям и организациям...

Самое тесное об'единение профессиональных союзов с социал-демократической партией диктуется всем развитием рабочего движения, поскольку последнее никаким образом нельзя разбить на два русла, в каждое из которых входили бы различные слои пролетариата. Борясь за полное уничтожение современного гнета, пролетариат во всех своих шагах обязан руководиться этой целью. Борьба социал-демократической партии за освобождение *класса* должна быть поддерживаема организациями, охватывающими лишь *части класса*. Всякие разногласия между политической партией пролетариата и его экономическими организациями приносят безусловный вред движению. Разногласия могут быть устранены только тогда, когда экономические организации будут руководствоваться теми же идеями, что и политическая партия класса. «Практика» последнего времени доказывает, что многими социал-демократами, работающими в профессиональных союзах, была забыта одна из основных задач социал-демократической работы в них: содействие признанию союзами идейного руководства с.-д. партии. Лондонский с'езд и напоминает об этом всем партийным организациям.

До возникновения профессиональных союзов большинством экономических выступлений руководили соц.-демократы. Это способствовало укреплению влияния соц.-дем. на самые широкие массы. Деятельность многих соц.-демократов в профессиональных союзах увеличивала их влияние и в самих союзах. Среди професс. союзов есть некоторые, которые в соц.-дем. партии видят своего идейного вождя. Что же должны делать в таких случаях соц.-демократы, когда ясно, что «в борьбе и агитации» между союзом и партией установилась связь, как не признать эту связь и организационно ее закрепить?

Лондонская резолюция и рекомендует «*проводить эту задачу в жизнь*», *где местные условия позволяют это.*

Противники Лондонской резолюции называют ее «вывесочной», рекомендующей *механически* устанавливать связь с союзами. Что это, как не фраза, доказывающая полное нежелание вдуматься в содержание критикуемой резолюции?

В «Профессиональном Вестнике» в одной из статей, посвященных Лондонской резолюции, партии делают упрек в том, что она не учла того обстоятельства, что происходит областное и всероссийское об'единение сою-

зов. Автор статьи говорит, что местный партийный союз будет тормозить это об'единение, и спрашивает, что в таком случае должен делать такой союз. Ответ на это простой — как отдельный социал-демократ, работающий в беспартийном союзе, обязан способствовать обращению его в партийный, то же самое должен делать и союз, считаясь, понятно, с условиями и поступая тактично.

Кончая, приведу одну историческую справку. На первой общерусской конференции, т.-е. конференции меньшевиков, бывшей весной 1905 г., была принята, между прочим, и резолюция о профессиональных союзах. В этой резолюции § 5 гласит, что партийные организации должны вступать в организационную связь с *партийными* союзами. Социал-демократия в прошлом никогда не шла так резко против *партийности союзов,* как это делают теперь некоторые соц.-дем., которые хотят «обезвредить» Лондонскую резолюцию, предлагая всевозможные «оговорки» к ней.

Необходимость совместного действия в экономической борьбе заставит всех признать правильность постановления последнего партийного с'езда...

3. Резолюция ЦК Р. С.-Д. Р. П. о профессиональных союзах.

(„Пролетарий" № 21—1908 г.).

1) Усиленная работа с.-д. в профессиональном движении, предписываемая всем современным положением вещей, должна вестись в духе Лондонской и Штутгартской резолюций, т. е. ни в каком случае не в духе принципиального признания нейтральности или беспартийности профессиональных союзов, а, наоборот, в духе неуклонного стремления к возможно *более тесному сближению союзов с с.-д. партией.*

Признание профессиональных союзов социал-демократическими должно быть результатом исключительно пропаганды и организации с.-д. внутри профессиональных союзов и не должно нарушать единства экономической борьбы пролетариата.

2) Профессиональные союзы не успели в большинстве случаев создать сплоченные организационные ячейки в отдельных предприятиях, что обнаружилось как во время различных выступлений пролетариата, так и после них. Поэтому репрессии правительства привели не только к закрытию массы союзов, но и к полному разрушению некоторых из них; в виду этого на первую очередь выдвигается в настоящее время *задача создания таких сплоченных организационных ячеек.* Без таких ячеек нельзя ни построить устойчивые профессиональные союзы, ни руководить экономической борьбой пролетариата.

3) В существующих легальных профессиональных союзах, а также там, где можно еще вновь основывать таковые, *эти ячейки должны быть организуемы на всех фабриках и заводах, ремесленных и торговых предприятиях,* т. е. должны быть созданы первичные профессиональные организации. Члены

с.-д. партии должны образовывать сплоченные группы во всех таких организациях для систематического воздействия на них в с.-д. духе под руководством местных партийных центров.

4) А там, где полицейские репрессии совершенно разбили профессиональные союзы и где исчерпаны все возможности для возобновления их на легальной почве, *необходимо немедленно приступить к организации нелегальных профессиональных союзов.* В основу каждого нелегального союза, как и в основу легальных союзов, должна быть положена организация возможно большего числа рабочих в профессиональную ячейку данного предприятия, причем внутри этой ячейки необходимо особо организовать проф. группу с.-д-ов данного предприятия.

Для об'единения всей с.-д. работы в профессиональных союзах необходимо организовать професс. группы с.-д. каждой профессии, об'единяющие профессиональные группы отдельных предприятий.

Все эти группы должны быть об'единены и вести свою работу в тесной организационной связи с местным партийным центром.

5) Что касается легальных обществ такого типа, как общество взаимопомощи, общество трезвости и т. д., то необходимо образовать в них сплоченные группы с.-д. для ведения партийной работы среди возможно более широких масс пролетариата.

При этом необходимо раз'яснить, что такие легальные общества не могут заменить боевых профессиональных союзов и что рамками таких обществ не может быть ограничена организованная деятельность пролетариата.

6) Нелегальные союзы должны вести упорную борьбу за легальность, причем легальное существование не должно принижать боевых задач профессиональной организации пролетариата.

Б. Годы упадка.

(1908—1911 г.г.).

---

1. Промышленный застой и рост эксплоатации рабочих.

а) Состояние промышленности.

(А. Финн-Енотаевский, „Соврем. хозяйство России“, стр. 354—5, 357, 358, 360, изд. 1911 г.).

В 1908 г. положение обострилось: промышленная депрессия усилилась. На это указывают отчеты фабричных инспекторов из различных районов. На механическом заводе «Сормово» число рабочих с 10 с лишком тысяч в январе этого года было сокращено до 4.278 в августе. Инспектор Гродненской губ. писал, что сокращение производств в шерстяном деле путем перехода на работу в течение только 4, 3 и даже 2 дней оказалось недостаточным; многие фабрики сократили число рабочих и, наконец, стали «совсем прекращать производство целыми районами». То же наблюдалось и в кожевенном производстве. В Петроковском районе «кризис продолжался». В Симбирске, Нижнем, Саратове происходило сокращение числа рабочих и приостановка фабрик на льняных суконных фабриках и пр. Положение рабочих в Баку было «отчаянное». И. Ларский собрал ряд данных, иллюстрирующих безработицу за 1908—1909 г.г.[1]). В Москве число безработных, обращавшихся за помощью в городской дом Трудолюбия, насчитывалось в 1903 г.— 14 тыс., в 1904—16½ т., 1905—15½ т., 1906—26 т., 1907—25½ и в 1908 г. за 9 месяцев около 26 тысяч. Кризис в хлопчатобумажной промышленности Центр. района вызвал в 1908—9 годах увеличение здесь числа безработных: о массовом увольнении рабочих получились сведения из Шуйско-Ивановского мануфактурного района, улицы были полны безработных в Орехове-Зуеве и Иванове-Вознесенске. В Петербургском районе в начале 1909 г. было расчитано 7.000 ткачей, т.-е. почти 10% мужчин, работающих здесь в текстильной промышленности; они были заменены женщинами и детьми. В феврале этого же года на трех ткацких фабриках было уволено 2.000 человек.

---

[1]) I. Ларский.—Вопросы текущей жизни „Совр. Мир“, июль 1909 г.

То же самое наблюдалось и на чисто-механических заводах: за этот же месяц было уволено на них 900 человек, в июле расчеты производились на Семяниковском — около 4% всех рабочих, на Обуховском 110 человек, на Путиловском, СПб. металлическом и др. металлургических заводах. Усиливалась безработица и среди рабочих по обработке дерева. Союзом древообделочников зарегистрированы увольнения в этом году у Лесснера, Сан-Галли, на Путиловском, Балтийском и др. Велико было число безработных и на юге среди горнопромышленных рабочих и рабочих металлургических заводов. В Николаеве безработица в конце 1908 г. и начале 1909 г. особенно сильно свирепствовала. За 40 дней существования комитета помощи безработным к нему обратилось около 10.000 человек. Увеличилось число безработных на Урале с его хроническим кризисом. То же самое наблюдалось и в Баку... Из Архангельска сообщалось о наплыве туда безработных из Костромской, Ярославской, Нижегородской губ. для поисков работ на местных заводах («Русск. Вед.» от 15 мая 1909 г.). Наплыв безработных из провинции наблюдался в это время и в Варшаве, где и местных безработных была масса. Приостановка работ на суконных и щетинных фабриках, а также мельниц в Саратовской губ., вызвала и в 1909 г. увеличение здесь безработных. Об острой нужде среди мельничных рабочих—вследствие остановки и сокращения работы на товарных мельницах — сообщалось в течение этого года из Екатеринослава, Кременчуга, Ростова на Дону...

Безработица продолжала наблюдаться и в *1910 г.* в связи с кризисом в нефтяной и каменноугольной промышленности (Донецком бассейне), приостановкой мельниц в различных местах (особенно на Юге), сокращением казенных заказов (Кронштадте, Николаеве и т. д.). Так, в мае 1910 в Донецком бассейне было уволено 10.000 раб., а в течение 1908 г.—28.000 раб. Весною наблюдалось массовое увольнение и в мастерских юго-запад. ж. д. Безработица имела место летом и среди типографских рабочих Петербурга, о ней сообщалось и из Урала... Все эти данные [1]) достаточно показывают что мы и в 1908—1909 г.г. находились в сильном промышленном застое и что отдельные крупные отрасли производства продолжали и в 1910 г. переживать кризис.

Пользуясь реакцией и ростом резервной рабочей армии — результат сильнейшей депрессии в промышленности и притока безработных из деревни вследствие неурожаев 1905—1908 г.г.—промышленная буржуазия за последние годы всячески старалась отнять назад позиции, завоеванные рабочими в годы революции...

...На ряду с увеличением интенсивности труда при прежней, а чаще пониженной заработной плате, на ряду с широким распространением сверхурочных работ, сводящим на нет добытое сокращение рабочего дня, наблюдается за последние годы сильная замена мужской рабочей силы—женской

[1]) Число закрывавшихся ежегодно заведений, подчиненных надзору фабричной инспекции, колебалось за 1903—1909 г г. от 597 с 20 тыс. рабочих до 745 с 28,7 т. раб. Кроме того, числилось, но не работало в течение года в 1906—597; 1907—591; 1908—566 и в 1909—519 заведений.

и подростков, а то и малолетних. Происходит также замена рабочих-инородцев, как менее спокойных, русскими; это практикуется и капиталистами-инородцами... Здесь приведем еще несколько общих данных. Своды отчетов фабричных инспекторов констатируют сильное возрастание за 1906—1909 г.г. числа работниц как абсолютно, так и в их % отношении к числу мужчин. Так, в 1901 г. в заведениях, подчиненных фабричн. инспекции, работало 383,9 тыс. *взрослых* женщин, в 1905 г.—412,9, 1906 г.—435,2, 1908 г.—472,1 и в 1909 г.—489,7 тыс. Общее число женщин—считая и подростков и малолетних—возросло с 453,4 в 1901 г. до 538,8 в 1907 г., 546,3—1908 г. и 565,1 тыс. в 1909 г., т.-е. на 24,7%, между тем как увеличение общего числа рабочих за это время равнялось 8,3%...

б) Наступление капитала и положение рабочих.

(Статья „Наступление капитала" — см. большевистский журнал „Пролетарий" № 39, 1908 г.).

„Вопрос идет о том, кто будет хозяином на фабрике: мы или рабочие".
(Из речи Лодзинского фабриканта).

Завоевания 1905 года почти везде отобраны. Расценки понижены на 10%—50%. Вот примеры: СПб. металлический завод — расценки понижены на 40%. В вагонн. мастерск. в СПб.—на 30%. Расценки понижены на заводах Посселя, Сименс и Гальске, Сестрорецком металлическом заводе, Сестрорецком оружейном заводе. То же самое наблюдается на заводах Балтийском, Обуховском, Семяниковском и др. металлических заводах («Вестник рабочих по обработке металла», «Кузнец»). Нет ни одной отрасли производства, где расценки не были бы понижены. Перечислять заводы, это значит перебрать всю промышленность. То же самое сообщают с Урала, из Баку, Киева, Екатеринослава, Донецкого союза, Польши и т. д. «Заработная плата сокращается безнаказанно: у деревообделочников сокращена на 5—10—15%, на многих ткацких фабриках на 20%, то же в апретурно-красильном производстве, сокращается у парфюмеров, (Чепелевецкий, Ралле), у металлистов (Гужон, Гогентоль), у водопроводчиков. На Невском стеариновом заводе месячный заработок сократился на 7 рублей» («Рабочее Знамя» № 2). Это явление не местное, а общерусское.

Рядом с уменьшением расценок идет удлинение рабочего дня. 84% рабочих по металлу г. Киева работают 10 и больше часов («Совр. Труд»). На всех казенных заводах Петербурга рабочий день удлинен: в ремонтных мастерских Ник. жел. дор. работают 13 часов, на гвоздильном заводе 12 час., экспедиция заготовления госуд. бумаг ввела такую сложную систему, при которой рабочий день фактически удлинен до 12—14 часов. На монетном дворе вместо 8 час. ввели 9-час. раб. день. Колбасники Петербурга вместо 10 час. работают теперь 13 часов. Профессиональные органы «Надежда», «Кузнец», «Бакинский рабочий» и др. переполнены корреспонденциями со всех концов России: рабочий день везде удлинен. Только в отдельных местах и то, главным образом, только среди печатников рабочий день пока тот же, но это—исключения.

«Рабочий день увеличен: у путовичников (Ротшмеллер—10 ч. вместо 9), у парфюмеров (у Константинова 11 ч. вместо 10), у деревообделочников (постепенный переход к 10-ти и 11-ти час. рабочему дню), у водопроводчиков (10 вместо 9). В ткацкой промышленности рабочее время также увеличивается на 2—3 часа в неделю, то же и в металлообрабатывающей промышленности» («Рабочее Знамя» № 2).

Сверхурочные работы идут рядом с понижением расценок. Тот ничтожный заработок, который рабочий получает, недостаточен, и замечается поголовное «увлечение» сверхурочными работами. Напрасно протестуют наиболее сознательные рабочие. Сверхурочные работы введены по старому, причем, чтобы выжать все соки из рабочих, введена теперь почасовая плата, но последним словом эксплоатации является «американск. система» (премия за скорость). Рабочие лезут из кожи вон, чтобы выработать возможно больше.

Процветает восстановленная во всей красе система штрафов. Штрафуют за случайный выход на лестницу, за питье чаю в 5 часов, за переход из одной мастерской в другую и даже за «долгое» пребывание в ватерклозете (фабр. Хаймовича в СПб.). Штрафуют за мытье рук за 5 минут до гудка, за курение табаку от 1—2 руб. (Кабельный завод). Штрафуют за ожог, причиненный самому себе (Трубочный завод). Штрафуют за «дерзость», за «грубость», и штрафы часто превышают двухдневный заработок. Чуть только кто запротестует—немедленный расчет...

Капитал об'единяется и давит рабочего как потребителя. За короткое время возник целый ряд синдикатов, в связи с чем цены поднялись.

Секретарь совета с'ездов насчитывал в 1907 году 120 союзов предпринимателей. Вот цифры, показывающие повышение цен на главнейшие продукты. Если принять средние цены за десятилетие 1890—1899 г.г. за 100, то получим следующее повышение в процентах:

	1906 г.	1907 г.
Хлебные продукты . . .	19,8%	42,3%
Животные продукты . .	37,3%	48%
Прядильн. материалы .	39,4%	47,1%
Бакалейные товары . .	24,2%	30,8%
Ископаем. продукты .	37%	41,8%

(Официальн. издание министр. торг. и промышленности). Т. е., если в 1890—1899 г.г. рабочий платил за хлебные продукты 1 руб., то в 1907 г. за то же самое количество приходится платить 1 р. 42 к., за животные продукты—1 р. 48 к. и т. д. 120 организаций предпринимателей—вот тот пресс, который поднимает цены на продукты. В связи с понижением заработной платы такое повышение цен делает положение рабочих невыносимым. «Наших рабочих можно заставить образумиться только с помощью голода»,—сказал известный эксплоататор Познанский. Об'единенный капитал железным кольцом охватывает рабочего и проводит в жизнь этот лозунг.

Посмотрим теперь, как капитал использует в своих интересах и для борьбы с рабочими государственную власть. Новое орудие для борьбы с ра-

бочими дал капиталу Сенат. Этот дом... юстиции «раз'яснил», что требование рабочих увольнения мастера есть «дерзость», и хозяин имеет право расчитывать рабочих в таких случаях без предупреждения и платы за две недели (Раз'яснение Сената 10 мая 1906 г.). Совет с'езда предписал всем своим членам пользоваться этим раз'яснением сената «неукоснительно». На заводе «Феникс» в Петербурге это раз'яснение было применено. В ноябре 1907 г. (по делу фабрики Лаферм) сенат решил: «если на фабрике забастуют несколько десятков человек, то администрация,—раз забастовка приостанавливает ход производства,—имеет законное право не допускать всех прочих рабочих к работе и не обязана им платить за прогульное время»...

2. Падение стачечной волны.

(А. Финн-Енотаевский—„Совр. хоз. России“, стр. 366—372, изд. 1911 г.).

Ослабев в 1904 году—год кризиса и войны—стачечная волна быстро и высоко поднялась в 1905 г., в следующем году она опускается, уровень ее уже вдвое ниже предыдущего года; в 1907 г. понижение волны продолжалось и она стоит на уровне, который уже почти в 4 раза ниже, чем в 1905 г.; в 1908 г. она падает еще сильнее, это падение продолжается в 1909 г. На сильный под'ем стачечной волны в 1905—1907 г.г. сравнительно с 1895—1904 г.г. повлияли политические забастовки и демонстрации.

Число *экономических* стачек за 1905—1909 годы было:

Результаты экономич. забастовок (в %%).

Годы.	Число стачек.	В %% к общему числу стачек.	Участников.	В %% к общему числу бастовавш.	В пользу рабочих.	Взаимн. уступки.	Против рабочих.
1905	4388	31	1.051.209 [1]	36,6	34,3	43,7	22,0
1906	2545	41,6	457.004	41,2	40 8	34,0	25,2
1907	973	28	200.004	27,0	22,3	32,3	45,4
1908	428	48	83.407	47,3	22,4	22,4	55,2
1909	290	85,3	55.803	87,0	29,3	16,5	54,2

Мы видим отсюда, что за 1905—1907 годы число экономических стачек составляло в общем ⅓ всех стачек, то же самое и по числу забастовщиков. В 1908 г. число экономических стачек и участников в них достигает почти половины общего числа стачек и участников, в 1909 г. их уже было $^5/_6$, а в

[1]) По Ленину, число стачечников, участвовавших в экономических стачках в 1905 г. (см. стр. 166), равнялось 1.439.000, что об'ясняется тем, что для сравнимости со следующими годами Ленин причислил смешанные стачки к экономическим.

1910 г. почти все. Однако было бы ошибочно из низкого % экономических стачек в 1905—1907 г.г. заключать, что экономическая борьба была отодвинута на задний план, что экономические интересы страдали от этого. Разделение стачек на политические и экономические часто искусственно. Влияние политических стачек на улучшение материального положения было громадно. Рабочий класс проявил силу, с которой должны были считаться и правительство, и капиталисты. Рабочим в эти годы незачем было прибегать постоянно к стачкам для поднятия заработной платы, сокращения рабочего дня или других улучшений условий труда. Они этого достигали часто и без посредства стачки. Капиталисты вынуждены были тогда проявить значительную уступчивость. Это видно и по успешным результатам экономических забастовок для рабочих. В 1905 и 1906 г.г. 78 и 75% этих стачек окончились благоприятно для рабочих... Высокие политические волны конца 1905 г, разбившись в центрах и докатившись до отдаленных непромышленных и малонаселенных окраин, вызвали здесь высокие местные волны... В 1907 г. мы опять видим под'ем политической волны, но это лишь в некоторых губерниях, преимущественно в Петербурге. Потерпев поражение, политическая стачечная волна в следующем году резко и глубоко спадает, и в 1909 г. число политических стачек уже ничтожно... Вместе с тем сильно упали в 1908—1909 г.г. и экономические стачки...

...В 1906 г. и в первую половину 1907 г. рабочие вели еще *наступательную* борьбу. Организованным выступлениям предпринимателей противопоставлялись еще более стойкие выступления организованных рабочих. Профессиональное движение в то время развивалось, повышалась сознательность рабочих масс. Эта *наступательная экономическая борьба* в *период промышленного застоя диктовалась* не только благоприятными для рабочих *политическими условиями,* но *и прежним тяжелым положением.* Она вызывалась и сильным вздорожанием цен на продукты первой необходимости в эти годы (Движение против вздорожания продуктов проявилось особенно в начале 1907 г.). В конце 1907 года положение изменяется. Политическая сила пролетариата была сломлена, и все организующийся капитал переходит в энергичное наступление. Уже в 1907 г. мы видим ряд *оборонительных* стачек. *В 1908 году рабочим приходится вести* уже, главным образом, *оборонительную борьбу.* При этом им приходится все больше и больше терпеть поражения. Уже в 1907 г. число неудачных экономических стачек возросло до 45% против 25% в 1906 году, в 1908 г. этот процент поднялся до 55,2, а в 1909 г. он равнялся 54,2% всех экономических стачек.

...Как и раньше, так и в последние годы преобладающими являются кратковременные стачки. Число повторных стачек упало до 15% против 85% в 1905 г. и 50% в следующие два... Предприниматели обнаруживают значительно меньше уступчивости, чем в прошлые годы... Тем не менее в отдельных отраслях рабочие в 1909 и 1910 г.г. несомненно проявили большое упорство в проведении стачек и в достижении поставленных целей. Вместе с оживлением некоторых отраслей поднялось в них стачечное движение. Так, уже в 1909 г. по числу бастующих во главе всех производств шли ра-

бочие мануфактурных фабрик, причем самое крупное участие в стачках этого года приняли рабочие заведений по обработке хлопка. И это стояло в известной связи с улучшением кон'юнктуры рынка для этой отрасли, благодаря урожаю. Однако, в 1909 г. *стачки носили* еще *оборонительный* характер.

В 1910 г. появились признаки поворота. Данные периодической печати, несмотря на их отрывочность, ясно показывают, что в рабочей среде наблюдается теперь не только большее сопротивление непрекратившимся еще стремлениям предпринимателей ухудшить условия труда, но имеет место и переход в *наступление*.

3. Состояние профдвижения.

а) Репрессии против союзов.

(Д. Антошкин—„Профессиональное движение в России", стр. 175—178, изд. 1924 г.).

Теперь приведем некоторые итоги насильственных репрессивных мер правительства против профессионального движения за годы реакции... За 1906—1910 г.г. было насильственно закрыто 497 профессиональных союзов; за тот же период было 604 случая отказов в регистрации профессиональных союзов. По отдельным годам этого рода репрессии распределяются так:

ГОДЫ.	Закрыто союзов.		Отказано в регистрации.	
	Абсолютное число.	В %% к общему итогу.	Абсолютное число.	В %% к общему итогу.
1906	53	10,7	104	17,2
1907	159	32,4	169	28,2
1908	101	20,3	127	21,1
1909	96	19,3	107	17,3
1910	88	17,3	97	16,2
Общий итог	497	100	604	100

Но это еще не полный перечень ударов, нанесенных реакцией профессиональному движению. На ряду с этим применяются закрытие печатных органов союза, запрещение собраний, аресты правлений союзов, обыски, аресты и высылки руководителей союзов—таковы общие условия деятельности последних. Вот цифры арестованных и высланных (данные Гудвана из его неопубликованной еще работы «Профессиональное движение служащих»):

Годы	Арестовано.		Выслано.	
	Количество.	В %% к общему итогу.	Количество.	В %% к общему итогу.
1906	183	20,2	79	20,7
1907	309	34,2	116	30,3
1908	197	21,8	91	24
1909	118	13,5	57	15
1910	99	10,3	38	10
Общий итог. . .	906	100	381	100

Обе приведенные таблицы сходны между собой в одном: они показывают значительное усиление репрессий против профессиональных союзов в 1907 году (год закрепления победы буржуазно-помещичьей контр-революции) и с 1908 года—ослабление размаха репрессий до 1910 г. включительно, когда рабочее движение совершенно замерло. Таким образом, размах репрессий падал параллельно с падением и ослаблением профессионального движения—с уменьшением об'ектов репрессий. Это вполне естественное явление, нисколько не говорящее о том, что «добрая воля» жандармов и полиции давить и душить рабочие организации ослабла в виду «успокоения». Просто сузилась база для проявления нисколько не ослабевшего рвения царских слуг в области удушения рабочего движения. Сопоставление соответствующих данных за рассматриваемый период с данными за 1911 и следующие годы как раз показало бы, что вместе с усилением профессионального движения усиливаются и репрессии против него; изменялись, вероятно, только формы и виды репрессий (уменьшалось, может быть, количество закрытых и неразрешенных союзов, но увеличивалось количество закрытых собраний, арестованных и высланных).

За период 1906—1910 г.г. подверглись насильственному закрытию (прекращению издания) 101 орган профессиональной печати (в Петербурге было прекращено 39 органов, в Москве—12, в Одессе—8, в Харькове, Екатеринославе, Киеве и Варшаве—по 3 и по 5 и в ряде других крупных и мелких городов по 1—2 органа).

Таковы далеко не полные итоги насильственных мер, направленных к удушению профессиональных союзов.

Политические репрессии против профессионального движения дополняли репрессии, направленные против экономических интересов рабочих.

Прежде всего так называемые фабричные законы начали изменяться в пользу предпринимателей. Ряд предприятий изымается из ведения фабричной инспекции. В 1907 году число из'ятых предприятий достигает 82 с 4,9 тысяч рабочих, в 1908 году—313 с 7,5 тысяч рабочих, в 1909 году—814 с 14,4 тыс. рабочих. Причем на ряду с мелкими изымались и крупные предприятия с ко-

личеством рабочих на одно предприятие в среднем — 59,2 — в 1907 году, 23,9 — в 1908 году и 17,7 — в 1909 году. Рядом циркуляров фабричным инспекторам предписывается легко относиться к нарушениям законов предпринимателями; вследствие этого число нарушений фабричных законов увеличилось, а количество протоколов на них уменьшилось.

Буржуазия и помещичье правительство, одержав победу над первой революцией, стремились, с одной стороны, добить сохранившиеся организованные отряды рабочего движения, чтобы обезопасить себя от второй революции, с другой стороны, пользуясь ослаблением рабочего движения, буржуазия давила на пресс эксплоатации, чтобы больше выжать из рабочих прибавочной стоимости.

Но уже 1910 год, по существу, является переломным, а с 1911 года, под влиянием начавшегося улучшения в экономической жизни страны и таких политических событий, как Ленский расстрел рабочих, пролетариат начинает первые атаки против вражеского стана и уж не останавливается в своем движении до начала империалистической войны.

б) Разгром фабричных организаций.

(А. Панкратова—„Фабзавкомы в борьбе...", стр. 133—135, изд. 1923 г.).

В годы кризиса промышленности, контр-революции и упадка рабочего движения промышленники не только усилили пресс эксплоатации, понижая зараб. плату, увеличивая рабочий день и т. п., но препятствовали малейшей попытке об'единиться для борьбы с капиталом. Никогда не было таких свирепых гонений на рабочие организации.

И, конечно, никаких фабр.-заводских конституций капиталисты не допускали.

Даже наиболее сильные группы рабочих, удерживавшие до сих пор в той или иной мере завоевания революции 1905 г., уже к 1908—9 г.г. их теряют. Автономные комиссии печатников, заводские и промысловые комиссии нефтяных рабочих именно в этот период уничтожаются совсем.

В Петрограде на Семяниковском заводе фабр.-зав. комитет, существовавший 3 года, больше не признается директором завода. Заводские комиссии на Патронном и других заводах, презрительно именуемые «Заводскими Думами», разгоняются. Дольше других сохранившийся заводский к-т фабрики бр. Леонтьевых ликвидируется к 1909 году под нажимом хозяев. В Вильне в 1908 г. локаутом предприниматели добиваются отмены фабричного самоуправления.

Крупнейший в Одессе завод Р.О.П. и Т., где с 1905 года установился прочный порядок, что администрация во всем сносится с выборными и без их согласия не может уволить никого, подвергся «чистке» от депутатов и сознательных рабочих элементов. На заводе Юлиуса депутаты, отстаивавшие интересы рабочих, были арестованы и высланы. Одесская полицейская административная власть, закрывая рабочие организации, арестовывая депутатов,

одновременно рекомендует и поощряет вступление рабочих в черносотенный союз русского народа.

Так с господством политической реакции торжествовал свою победу над рабочим «самоуправством» и фабричный абсолютизм капиталиста. Но ненадолго. Реакция — время накопления, собирания энергии и боевой воли рабочего класса.

«Разве теперешний рабочий тот же, что был 3—4 года тому назад? Разве на фабриках и заводах те же отношения, что были тогда? Нет. Все изменилось, все переродилось. Прежде в мастерской товарищ не верил товарищу, рабочий боялся шпионства, доноса, не решался взять в руки нелегальный листок. Теперь же полиция бессильна проникнуть в мастерскую. Между рабочими создалось прочное товарищеское единение, о которое разбивается всякий сыск. Если бы правительство захотело теперь арестовать всех сознательных, революционных рабочих, ему пришлось бы сажать в тюрьмы целые фабрики. А посмотрите, что в таком рабочем центре, как Петербург. Когда был суд над нашими депутатами 2-й Думы, 75 тысяч рабочих бастовало в знак солидарности и протеста. Правительство и хозяева ничего не могли с ними поделать. А в годовщину 9 января на всех фабриках и заводах были многолюдные митинги. Отчего же? Оттого, что за три года борьбы рабочий класс вырос у нас на целую голову. Он ясно понял свои интересы, он стал сознательнее. Сознательности же из человека плетью не вышибешь» (см. Одесский рабочий — № 1, 1908 г.).

в) Союз металлистов в тисках реакции.

(Ф. Булкин-Семенов—„На заре профдвижения", стр. 209—215, изд. 1924 г.).

За отсутствием сводочного материала приводим отрывки, описывающие жизнь и деятельность союзов. О петерб. союзе металлистов (см. первый отрывок) необходимо отметить, что во главе этого союза стояли в эти годы меньшевики, которые не только не боролись против упадочного настроения в рабочей массе, но и сами шли „по течению", приспособлялись к легальной работе и все время боялись закрытия союза. Наоборот, союзы с большевистскими правлениями вели усиленную борьбу с апатией в рабочей массе, не боялись нелегальной деятельности и одинаково успешно работали как в легальных, так и нелегальных союзах.

Апатия в рабочей массе.

В течение 5-ти лет, с 1907 по 1912 г., союз рабочих по металлу существовал легально. Это не значит, конечно, что ему удалось развернуть во всю ширь профессиональную работу. Ведь как раз эти годы были самыми тяжелыми и мрачными в истории русского рабочего движения. Разгул реакции, дикая свистопляска национализма и черносотенства, неприкрытая мстительность буржуазии, ценой политического отступничества получившей возможность свободно давить рабочих, торжество упадочных настроений среди интеллигенции—такова была картина русской общественности...

Как следствие политических гонений, а также на почве непрекращающегося промышленного кризиса и ухудшения условий труда наблюдается усиленная тяга рабочих в деревню, оживление среди них крестьянской идео-

логии, ослабление общественных навыков. Каждый стремится уйти в свою нору, замкнуться в своих личных делах; заботы о личном благополучии заглушают у рядового рабочего интерес к общему рабочему делу.

Все продолжающиеся и усиливающиеся массовые расчеты повели к тому, что над всем рабочим классом навис грозный призрак безработицы. Рабочие живут в полной неуверенности в завтрашнем дне, в непрерывном страхе и трепете. Психология рабочего-массовика того периода характеризуется подавленностью и приниженностью. Масса начинает приспособляться, ограждать себя такими приемами, которые в 1905—1906 г.г. показались бы чудовищными.

Даже мысль о совместной работе, о совместных попытках улучшения своего положения идет по руслу крохоборчества: у рабочих проявляется тяга ко всякого рода кассам взаимопомощи, ссудосберегательным товариществам и проч.

На этом фоне гнетущей апатии, упадка настроения, разложения происходил общий кризис рабочего движения, рабочих организаций. Сотни профессиональных союзов были распущены, почти все партийные организации разгромлены, уничтожены. Социалистическая пресса была задушена. Активные работники частью сняты с постов, частью просто ушли с арены борьбы. И приходится только удивляться, как на этом разгромленном кладбище сохранилось еще несколько рабочих организаций, уцелел союз металлистов. Сохранившиеся рабочие организации были островками, на которых сосредоточивалось все, что оставалось еще живого и активного в рабочем классе Профессиональные союзы, и в частности союз металлистов, были поставлены при этом в несколько более благоприятные условия, чем, например, культурно-просветительные общества, потому что задачи и работа их затрагивали непосредственные интересы рабочих. Союз заинтересовывал рабочую массу своей экономической работой, постановкой взаимопомощи, пособиями безработным...

Работа союза.

Но что мог союз делать в этот период безвременья, чем мог он заинтересовать своих членов? Стачечная борьба почти совсем сошла со сцены. И не потому, конечно, что градоначальник издал грозный приказ, запрещавший союзу руководство экономической борьбой рабочих. Нет, забастовки были просто не под силу рабочим. Об'ективная обстановка, промышленный кризис, безработица делали забастовку бессильной, превращали ее в холостой заряд, который даже не оглушал предпринимателя. Больше того, сами предприниматели при малейшем протесте рабочих очень часто прибегали к локауту (локауты на заводах Эриксон, Крейтон, зав. Александрова и др.). И у союза не было фактически никакой возможности для борьбы с предпринимателями, об'единенными в мощную организацию — Общество заводчиков и фабрикантов...

Можно было заняться взаимопомощью, но для этого нужны были большие средства. А союз едва сводил концы с концами; расходные статьи часто превышали доходы союза. Повысить же членский взнос не представлялось никакой возможности, так как и без того союз об'единял преимущественно

наиболее квалифицированную, сравнительно наилучше обеспеченную, наиболее высоко-зарабатывающую категорию рабочих. Повышение членского взноса грозило окончательно преградить доступ в союз чернорабочим и вообще низкооплачиваемым рабочим. И союз не решался на такую реформу. Много говорили о взаимопомощи на собраниях, спорили, горячились, а воз фактически остался не сдвинутым с места—взаимопомощь не была расширена.

Пришлось при таком положении вещей союзу заняться удовлетворением таких нужд рабочих, которые в общем не входят в круг непосредственного ведения профорганизаций и которые в нормальное боевое время остались бы, конечно, совершенно вне поля его зрения, или во всяком случае заняли бы очень скромное место в его деятельности. Это—организация бесплатной или льготной медицинской и юридической помощи своим членам. Сначала пришлось положиться исключительно на добровольные услуги 2—3 «сочувствующих» врачей и юристов; но по мере того, как союз становился на ноги, входить с ним в деловые сношения не представлялось уже необычным и рискованным предприятием, и слова «союзный врач» потеряли всякий политический налет, врачи охотно стали предлагать услуги союзу. К 1910 г. члены союза обслуживаются на определенных условиях 32-мя врачами (и зубными врачами), а также 6-ю юристами.

Заняться культурно-просветительной работой также не представлялось никакой возможности. Полиция считала, что профессиональные союзы не имеют права на эту отрасль работы в силу закона 4-го марта 1906 г. об обществах и союзах... Единственным серьезным культурно-просветительным предприятием было издание журнала—двухнедельника. Он был и главным союзным пропагандистом, и агитатором, и организатором. Посредством журнала поддерживалась связь не только с членами союза, но и со всеми металлистами Петербурга и даже России... Меняя свое название, при нескончаемом чередовании редакторов, выбывавших волею цензуры и полиции, журнал продолжал оставаться на своем посту, продолжал будить, звать рабочих к организации и самодеятельности. Журнал был единственным активным проявлением в жизни союза, во всем остальном замечалась какая-то вялость, угнетенность и усталость; на всех начинаниях союза лежал какой-то отпечаток нерешительности, недоверия к своим силам: «следует ли предпринимать что-нибудь», — «все равно не разрешат», «закроют» — вот обычные опасения, парализовавшие волю и энергию союза. А вместе с тем, союзу нужно было проявлять себя, чтобы жить.

При таких условиях, естественно, лозунг участия в общественных с'ездах, устраиваемых буржуазно-демократической интеллигенцией, приобретал для союза особенно важное значение. Союз смотрел на это участие как на одну из возможностей проявления своей самодеятельности. Тут открывалась некоторая возможность, правда, тоже очень ограниченная, дать выход накопившейся в союзе, но замкнутой произволом администрации, общественной энергии. А вместе с тем, общественные с'езды, по мнению союза, должны были быть также ареной, откуда союз мог бы разоблачать практику административного полицейского произвола и призвать рабочих к организации, об'еди-

нению в борьбе. Таковой был практический подход к этим с'ездам работников союза. Представители союза принимали живое участие во всех общественных с'ездах 1908—1912 г.г., начиная со с'езда обществ народных университетов и кончая гигиенической выставкой...

Сужение размаха союзной работы за период реакции 1907—1911 г.г. не могло не отразиться и на общем тоне союзной жизни. Дух крохоборчества, «малых дел» стал мало по малу раз'едать союз. Подчеркивание его боевого характера, боевых задач превращалось в простую казенную фразу. Всякие начинания, всякие проекты гибли в этой удушливой атмосфере. В центре союзных забот по необходимости стояла организация взаимопомощи и техническое улучшение союзного аппарата.

г) Профессиональное движение в Москве.

(„Пролетарий“ № 49, окт. 1909 г.).

За последние полгода в профессиональном движении в Москве замечается несомненное оживление. По мере развития деятельности профессиональных союзов растут и увеличиваются репрессии. Закрывают собрания, не разрешают собраний, прерывают ораторов, лишают их слова, составляют протоколы, конфискуют воззвания союзов и профессиональные журналы, сживают союзы с квартир, ревизуют их деятельность, арестовывают профессиональных деятелей. Целому ряду союзов запретили читать доклады о с'езде фабричных врачей. В бюро союзов мануфактуристов и кожевенников стал часто являться околодочный, запускал глаза и руки туда, куда вовсе не следовало. Против бюро союзов сапожников, кошелечников и деревообделочников поселился околодочный и сделался постоянным посетителем бюро. В союзе портных околодочный требует письменных мандатов от делегатов. Союзы печатников, фармацевтов и фотографов заставили с'ехать с квартиры. Союз портных не успел устроиться в новой квартире, как уже вынужден ее оставить. Управляющие домами прямо и говорят, что действуют по приказанию полиции. До сих пор никак не удается зарегистрировать союз металлистов, хотя и подано около десяти заявлений. Особенно плохо приходится двум самым сильным и большим союзам: 1-му обществу торг. служащих и обществу рабочих печатного производства. *1-е общество:* закрыто собрание Сухаревского района; не разрешено целых три собрания на том основании, что градоначальник не получил соответствующего заявления (таковое, конечно, было послано); идет ревизия дел об-ва, затребованы протоколы и прочие документы; в помещении об-ва несколько раз устраивались облавы и обыски. Градоначальник потребовал от правления об-ва, чтобы ему, вместе с заявлением о разрешении собрания, сообщались также фамилии ораторов, которые *будут* выступать на этом собрании. До сих пор указывались лишь докладчики, а теперь извольте заранее знать, кому вздумается сказать несколько слов на предстоящем собрании. Наконец, в августе арестован секретарь об-ва и секретарь бюро безработных членов об-ва; конфискован

корректурный оттиск воззвания об-ва к служащим в булочных; типография оштрафована на 250 руб.

У союза рабочих печатного производства в этом отношении дела обстоят еще хуже: как уже сказано выше, им пришлось переменить квартиру; кроме того, арестовано воззвание к литографам и разогнано собрание литографов; конфискован № 8 «Русского печатника»; на собраниях придираются к каждому слову, делают оратору предупреждения за произнесение слова «штрейкбрехер» на том основании, что это «пахнет забастовкой, а устраивать забастовки союзы не имеют права». Запрещают употреблять слова «рабочий класс», «буржуазия», «славные прошлые годы» и даже просто «прошлые годы»...

В ночь на 13 сентября был обыск в бюро городских служащих. Наложен арест на №№ 1, 2, 3, 4 и 5 профессионального журнала «Рабочее Дело». Градоначальник издает тайный приказ, чтобы на всех устраиваемых союзами собраниях присутствовали не околодочные, а непременно пристава или их помощники. Примером того, при каких условиях приходится работать союзам и как они не уверены в своем «законном» существовании, может служить следующий достопримечательный факт. Какой-то шутник или любитель сильных ощущений звонит по телефону в помещение, где происходит с ведома полиции собрание членов союза, и советует немедленно распустить собрание. И что же—собрание немедленно распускается. Раньше вызывали по телефону кареты скорой медицинской помощи или пожарные команды, чтобы полюбоваться их быстрой ездой, теперь эти господа изобрели новый вид спорта.

И все же, несмотря на все эти и многие другие издевательства, союзы живут, действуют, напоминают всем и каждому о своем существовании. Деятельность союзов все развивается, несмотря на то, что профессиональных работников, которые могли бы отдать себя общегородской работе, почти нет; что центральное бюро собирается сравнительно редко и никогда—в полном составе; что временно у Ц. Б. даже не было секретаря; что тот пяток или десяток товарищей, которые работают в союзах своей профессии, до того завалены работой своего союза, что им некогда вспоминать о существовании других союзов, не то что обслуживать их. А работа все же идет, союзы все же крепнут, значение их все растет, влияние их расширяется.

Если московские рабочие проявили за последнее время небывалый доселе интерес к деятельности Гос. Думы и к законодательству вообще, то это является в значительной степени заслугой профессиональных союзов. За последние 3 месяца прочтено около 50 докладов по государственному страхованию рабочих на случай болезни и увечий. Всего же за этот период устроено было около 60 общих, районных и агитационных собраний. Количество присутствующих на собраниях колеблется от 100 до 600 человек, в среднем на собраниях присутствует около 250 человек, таким образом, за последние 3 месяца на устраиваемых профессиональными союзами собраниях перебывало около 15.000 человек. На этих собраниях обсуждаются всевозможные вопросы, так или иначе связанные с госуд. страхованием (безрабо-

тица, положение промышленности, закон 2 июня 1903 г., профессиональные болезни и т. д.)...

Значительную пользу профессиональному движению принес профессиональный журнал «Рабочее Дело».

Что касается внутрисоюзной, организационно-технической работы, то и в этом отношении сделано не мало, хотя и гораздо меньше того, что следовало бы и можно было сделать в этом отношении. Целому ряду союзов пришлось столкнуться с фактом слишком быстрой смены членов правления. Благодаря этому, ни о какой преемственности в работе не могло быть и речи, тем более, что и протоколы и счетоводство велись в высшей степени небрежно. Волей-неволей всякому новому составу правления приходилось начинать сначала. Это отнимало массу времени совершенно непроизводительно. Доходило до того, что после 2—3 заседаний правления в нем оставалось меньше половины вновь выбранных. Собрания почти не устраивались, а если и устраивались, то очень редко, некому было на них выступать, или выступали неумело, без подготовки. Союзы начали разлагаться. В целом ряде союзов на бумаге числилось по несколько сот членов, аккуратно же платили членские взносы и более или менее интересовались союзной работой членов 10—20. Стало ясно, что так дальше продолжаться не может, что необходимо выйти из этого тупика. Решили нанять платных секретарей, которые, по примеру западно-европейских «союзных чиновников», посвятили бы все время и все свои знания союзной работе. И эта, на первый взгляд, мелкая реформа дала неожиданно хорошие результаты. Взять хотя бы союз кожевенников. К концу июня в нем осталось всего 9 членов; к концу августа мы уже имеем свыше 200 членов. В союзе рабочих по изготовлению мануфактурных товаров *числилось* около 200 человек, из которых аккуратно платило членские взносы менее половины. К началу сентября, после исключения всех неаккуратных плательщиков, союз насчитывает около 300 аккуратно платящих членов. Жалованье секретарям колеблется от 10 р. (городские служащие) до 50 р. (печатники).

К началу этого года многие союзы знали лишь правление и общие собрания. Никаких связующих звеньев никак не удавалось наладить. А так как общие собрания созывались редко, то фактически всеми делами союзов заведывали правления, членам же союзов оставалось платить членские взносы, выбирать правление и голосовать за или против того или иного решения правления. Такое положение дел не нравилось, конечно, ни правленцам, ни, тем более, членам союзов. С первых же месяцев этого года приступили к организации делегатских собраний и различного рода комиссий— культурно-просветительных, библиотечных, лекторских, по обследованию труда и т. д. В настоящее время союзные ячейки такого характера имеются уже в большинстве союзов. Разумеется, благодаря этому большое количество членов союзов втянулось в работу, и дела пошли лучше.

д) Профессиональное движение в 1909 г.

(„Единство", орган металлистов, № 13, 1910 г.).

Мало перемен произошло в истекшем году и во внешних условиях союзного существования. Ответ г. Курлова на запрос о союзах в Думе и недавний циркуляр г. Столыпина, являющийся как бы ответом на прошедшую в Думе резолюцию октябристов, показывают, что отношение об'единенного правительства к союзам остается прежним. Практика самого последнего времени, закрытие союзов в Екатеринославе, Москве и т. д. неопровержимо подтверждают то же самое. Впрочем, в этой политике проявляются и новые черты: расправы с союзами чаще чинятся не на основании чрезвычайных положений, а на строго законной почве. Закон 4 марта необыкновенно благоприятен для этих новых приемов борьбы с союзным движением, позволяя влагать в свои неясные выражения крайне невыгодный для союзов смысл (напомним хотя бы о запрещении союзам публичной деятельности).

Что же удивительного, что в такой неблагоприятной и ненормальной обстановке плохо тает в массах лед пассивности и равнодушия—плод невыносимых материальных условий существования и неосуществленных упований недавнего прошлого? В СПб. за год с 1 июля 1908 г. по 1 июля 1909 г. в 8 крупных союзах число платящих членов убавилось с 7.418 до 5.418, т.-е. на 27%. А СПб. союзы поставлены еще в сравнительно сносные условия и имеют дело с наиболее развитой частью рабочего класса. В провинции, даже в таких рабочих центрах, как Баку, в Екатеринославе, бывали случаи постоянного или временного самозакрытия союзов из-за отсутствия или апатии членов.

Сейчас боевые союзы предпринимателей в связи с усилением реакции еще более ухудшают положение рабочих, и тем настойчивее становится потребность в массовых рабочих союзах. Практика 1909 г. лишний раз подтверждает это. Всесторонняя ликвидация недавних приобретений, отбрасывающая условия труда далеко к до-октябрьским временам, вызвала весной в центральном районе волну полустихийных забастовок (у Морозова в Орехове-Зуеве и на других текстильных фабриках), и все они на 2—3 день кончались поражением рабочих. Также неудачно закончилась и плохо организованная двухнедельная забастовка трамвайщиков в СПб. Наоборот, гораздо большей напряженностью и продолжительностью отличались те стачки, в которых в той или иной мере принимали участие рабочие союзы. Пусть и в этом случае только единичные крупные конфликты окончились успешно для рабочих — первое место занимает здесь, конечно, победа щетинщиков Сев.-Зап. края, отстоявших 8-часовой рабочий день.

В других случаях, где поражение рабочих не было результатом привходящих обстоятельств (месячная стачка у Леонтьевых в СПб.), оно являлось следствием недостаточной организованности рабочих. Виленский локаут кожевников кончился неудачей для рабочих в силу разлада в их собственной среде.

Предпраздничная борьба одесских печатников была сломлена неорганизованными заместителями. Наоборот, чуть не поголовно организованные СПб. стекольщики почти вырвали уже у хозяев выгодный для себя тариф.

...Факты последних месяцев показывают, что, повидимому, острый период внутреннего кризиса союзами уже пережит. В Питере один союз за другим начинает становиться на ноги. И даже СПб. союз металлистов, уже больше 1½ лет живший за счет прежних сбережений, последние 2—3 месяца сводит бюджет без дефицита.

4. Идеология профессионального движения.

(Д. Антошкин—„Проф. движение..", стр. 174—175 и 179—187, изд. 1924 г.).

Приведенные Курловым [1]) данные дают ценный штрих для определения состава членов союзов в указанные годы в отношении высоты их классовой сознательности. Вполне понятно, что чем больше ослабевала борьба рабочих и их сопротивляемость, чем безнадежнее становилась эта борьба в отношении ее непосредственных результатов, тем скорее покидали организацию наименее сознательные с наименее развитой классовой солидарностью рабочие и служащие и оставались в организации те, которые являлись авангардом рабочего класса в полном смысле этого слова. Несомненно, что отход части рабочих от своих организаций вызывался и теми опасностями, которым подвергал себя в то время организованный рабочий. Приводимые ниже данные мы принимаем условно, так как проверить их в данный момент нет возможности. Если согласиться на том, что в этих числах речь идет не только о партийных социал-демократах, а и о сочувствующих, то у нас нет оснований подвергать сомнению эти числа. Из выше указанных 47.963 чл. союзов в 1907 г. было 16.045 (или 33,5%) социал-демократов, а в 1909 г. из 27.619 членов союзов было 13.475 (или 48%) социал-демократов.

Таким образом, мы видим, что с уменьшением общего количества членов союзов в 1909 году против 1907 года на 42,5% количество членов союзов социал-демократов уменьшилось только на 16%. Если из общего количества членов союзов отнимем количество социал-демократов, то для 1907 года будем иметь количество беспартийных 31.918, а в 1909 году—14.144, т. е. количество беспартийных членов союза уменьшилось в 1909 г. на 55,6%; в абсолютных цифрах количество беспартийных членов союзов уменьшилось почти в шесть раз больше, чем социал-демократов...

Связь профессиональных союзов с социал-демократией, а отчасти и с эс-эрами можно установить и по составу правлений союзов. Упоминавшийся выше Курлов заявлял и государственной думе, что из 36 союзов, о которых он приводил цифровые данные, в 35 союзах 18 правлений целиком состояли из социал-демократов, 9 правлений из эс-эров и 8 правлений из беспартийных...

[1]) Курлов—тов. министра внутренних дел—отвечал в 3-ьей Государств. Думе на запрос о преследованиях профессиональных организаций.

Рассмотрим, как относились к профессиональному движению большевики и меньшевики в годы темной реакции...

В 1909 году меньшевик Мартов в «Голосе Социал-Демократа» еще и еще раз высказывается против партийности профессиональных союзов, за равноценность профессиональной организации с политической.

«Профессиональные союзы не должны превращаться в орудие узкопартийных целей», говорил он... «И к профессиональному движению нужно подходить без всяких предвзятых фракционно-партийных тенденций: вопросы профессионального движения, профессиональной борьбы и организации никогда не должны решаться под углом зрения интересов партийной организации... Свою партийную политику социал-демократия должна устанавливать с точки зрения развития рабочего движения в целом». Тут намечена линия полной независимости профессионального движения от пролетарской партии и идея равноправности профессионального движения с партией. Это вполне согласовалось с идеей широкой рабочей организации, рабочего с'езда и с практикой ликвидации партии как гегемона, руководителя в классовой борьбе пролетариата (позиция ликвидаторства выявилась уже вполне отчетливо к этому времени)...

Ликвидаторское течение среди меньшевиков не ограничивалось стремлением оторвать профессиональные союзы от партии; они прилагали большие усилия, чтобы парализовать всякое влияние большевиков в профессиональных и других рабочих организациях и сделать профессиональные союзы исходными пунктами для создания легальной широкой рабочей партии с соответственно урезанной программой и тактикой, в противовес партии революционных социал-демократов, выставлявших необходимость вести борьбу за неурезанные революционные лозунги и стремившихся, связывая в той или иной форме союзы с партией, превратить их в революционные классовые организации, способные стать во главе экономической борьбы рабочего класса и координировать (сообразовать) свою деятельность с деятельностью партии, с общеклассовыми интересами пролетариата, выразительницей которых и являлась партия революционных социал-демократов (больш.),—авангард в классовой борьбе с капиталистами.

Упадок революционного движения и разгром рабочих организаций не мог не отразиться вредно на тактике и содержании работы отдельных профессиональных союзов, не мог не вызвать шатания мысли у отдельных руководителей союзов. На этой почве появляются стремления в большей или меньшей степени перевести деятельность профессиональных союзов на рельсы взаимопомощи, мотивируя это отсутствием почвы для экономической борьбы и иной работы и необходимостью и возможностью привлечь рабочих в союзы, сосредоточивая внимание последних на элементарных интересах пролетариев и обслуживая эти интересы. Такой уклон несомненно грозил большой опасностью судьбе профессионального движения в смысле умаления и принижения его роли в классовой борьбе...

В феврале 1908 г. Ц. К. партии опубликовывает письмо, в котором предостерегает, что «профессиональная деятельность, в случае ее оторван-

ности от обще-пролетарских интересов и идеалов, обречена на бессилие и вырождение в деятельность узко-корпоративную». Отметив необходимость массовой борьбы пролетариата против буржуазии и необходимость организации, которая руководила бы этой борьбой, письмо обращает внимание на то, что «всякое замедление, всякое сужение и ограничение борьбы сулит еще большее укрепление буржуазии и еще более наглую эксплоатацию масс». Отсюда, не принижать классовые задачи профессиональных союзов до взаимопомощи, до маленьких дел, ограниченных рамками легальности, а надо, чтобы профессиональные союзы вели дело экономической борьбы пролетариата в направлении социализма. Описав организационную неустойчивость профессиональных союзов и их слабую сопротивляемость неблагоприятным условиям существования, невозможность для них из-за их слабости развивать боевую деятельность и непригодность союзного аппарата для руководства выступлениями, — письмо намечает организационные мероприятия, направленные на укрепление профессиональных союзов [1]).

Пленум Ц. К. партии признал необходимым создание организационных ячеек по предприятиям для сплочения масс, организованных в профессиональные союзы. В согласии с этим письмо предлагает «во всех существующих легальных союзах, а также там, где можно еще вновь основать таковые, Ц. К. рекомендует организовать такие ячейки на всех фабриках, заводах, ремесленных и торговых предприятиях. Втянутые в организационную жизнь, заинтересованные в судьбе своей организации, массовые члены союзов безусловно смогут оказать большее сопротивление разрушающим союзы силам, чем теперь» (там же, стр. 187).

Известно, что в годы реакции во многих городах не было никакой возможности организовать профессиональные союзы, из-за огульного отказа в регистрации их. Вследствие этого, наметилось стремление вместо профессиональных союзов организовать об-ва взаимопомощи с приданием им функций профессиональных союзов. В частности, во многих городах (в Сибири и на юге) торговые служащие пользовались вывеской обществ взаимопомощи, чтобы вести в них профессиональную деятельность (на этом основано заблуждение защитников обществ взаимопомощи, говорящих, что последние не чуждались функций профессиональных союзов, и потому, дескать, их нельзя не причислять к профессиональным союзам); это делалось по той же причине: невозможность получить разрешение на открытие профессионального союза. Ц. К. партии в своем письме предостерегает, чтобы такие общества не становились самоцелью; когда речь идет только о названии организации, то «социал-демократы могут брать на себя инициативу создания таких обществ», но «только в том случае, когда в наличности есть уже боевая нелегальная организация»; сами по себе общества взаимопомощи не могут улучшать экономического положения рабочих и хоть в какой-нибудь степени «заменить боевые профессиональные союзы». Общества взаимопомощи

[1]) См. резолюцию Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. о проф. союзах на стр. 219 этой хрестоматии.

ценны для партии только как прикрытие для боевых союзов. Вообще же Ц. К. партии рекомендовал в случае невозможности организации легальных союзов «немедленно приступить к организации нелегальных профессиональных союзов», считая такой путь наиболее продуктивным и целесообразным в тогдашних условиях. На ряду с этим Ц. К. предлагал не оставлять попыток и борьбы за легализацию, при этом он полагал, что именно нелегальные союзы явятся фундаментом для легальной профессиональной организации, особенно ячейки на предприятиях.

...Партия подошла к вопросу о профессиональных союзах с самым серьезным вниманием, и не оставила без ответа ни одного вопроса, имевшего значение для развития революционного профессионального движения.

К этому же времени относится организация при Ц. К. партии постоянной комиссии по вопросам профессионального движения.

Вопрос о профессиональных союзах обсуждался и на конференции в 1908 г. В 1910 году январский пленум снова возвращается к профессиональному движению, признав необходимым усилить экономическую борьбу и организацию рабочих в профессиональных союзах.

Такое внимание со стороны партии к профессиональному движению вполне оправдалось всей дальнейшей историей его развития.

С 1912 года профессиональное движение крепнет и начинает снова подниматься на ноги, освеженное первыми ветрами революционных бурь.

В. Новый революционный под'ем.
(1912—1914 г.).

I. Промышленное оживление.

(К. Пажитнов—„Положение раб. класса“, т. III, стр. 10—22, изд. 1924 г.).

...Оживление промышленности продолжалось вплоть до начала войны. Наглядным показателем его является рост капиталов, вкладываемых в главнейшие отрасли нашего народного хозяйства. Общая сумма капитала сооружения железных дорог (общего значения) составляла в конце 1904 года 5.854 милл. рублей; в концу же 1913 г. общая сумма затрат достигла 7.620 милл. руб. Как видно отсюда, за промежуток времени в девять лет сумма затраченного капитала увеличилась на 1.760 милл. руб. или на 30%.

Еще более энергичным темпом происходил приток средств, вкладываемых в добывающую и обрабатывающую промышленность.

К началу 1905 г. число акционерных обществ составляло 1.369, а акционерный и облигационный капитал их — 2.636.372.000 руб. Нижеследующая таблица показывает рост акционерных торгово-промышленных компаний, открывших свои действия в последующие двенадцать лет, и общей суммы их основных капиталов:

	Число компаний.	Общая сумма основных капиталов.
1905 г.	41	47.356.500 руб.
1906 „	42	51.360.050 „
1907 „	65	56.284.224 „
1908 „	95	101.461.327 „
1909 „	77	74.147.688 „
1910 „	104	119.260.400 „
1911 „	166	185.303.100 „
1912 „	208	239.742.100 „
1913 „	242	403.443.000 „

За девять лет здесь прибавилось 1.040 новых акционерных обществ, с капиталом в 1.278 миллионов рублей, что составляет увеличение (капитала) на 48,5%.

Под влиянием затраты новых средств производительность главнейших отраслей народного хозяйства значительно возросла, несмотря на промышленную депрессию, затянувшуюся на все первое десятилетие нового столетия.

Эксплоатационная длина железных дорог общего значения, открытых для правильного движения, составляла (без Финляндии) к концу 1904 года 54.280 верст, из коих 37.323 приходились на казенные и 16.957 на частные линии; к концу 1913 г. соответственная цифра равнялась 63.830 верстам (47.726 казенных и 19.104 частных).

...Только нефть и цинк показывают некоторое сокращение; производство же остальных предметов увеличилось весьма значительно: чугуна на 55%, золота — 64%, угля — 83%, серебра — 104%, меди — 243%, свинца—1.430%.

Количество предприятий обрабатывающей промышленности, подчиненных надзору фабричной инспекции, с 14.615 в конце 1904 г. поднялось до 17.877 в конце 1913 г.

Данные внешнего товарообмена также свидетельствуют о значительном повышении активности нашего народного хозяйства в целом за указанный промежуток времени: привоз с 651,4 милл. руб. в 1904 г. поднялся до 1.374 милл. руб. в 1913 г., а вывоз—с 1.006 до 1.520 милл. руб. По расчету на душу населения это составляет 17,2 рубля против 11,4 руб. в 1904 году...

...Промышленная жизнь в промежуток времени с 1905 г. по 1910 г. стояла под знаком депрессии, начавшейся еще ранее, на самом рубеже нового столетия; эта депрессия затем сменилась оживлением, которое продолжалось до начала войны. В соответствии с этим возросла и численность рабочего класса.

Общее количество железнодорожных служащих и рабочих выросло с 711.992 в 1904 г. до 815.502 человека в 1913 г. или на 14,6%. Из 815.502 чел. на долю постоянных служащих и рабочих приходилось 492.018 чел. (60,3%), временных было 45.566 (5,6%) и поденных рабочих—277.818 чел. (34,1%).

Значительно сильнее увеличилась численность фабрично-заводских рабочих. К концу 1904 г. в ведении фабричной инспекции находилось 1.663.080 рабочих, а к концу 1913 г.—2.319.577, что составляет увеличение на 39,5%.

II. Под'ем рабочего движения.

1. Начало оживления.

(**Ленин**, том XI, из № 19—20 „Социал-демократа", янв. 1911 г.).

Признаки под'ема в некоторых отраслях промышленности, летние и осенние забастовки рабочих, намечающееся оживление в профессиональном движении, студенческое движение, уличные манифестации — впервые после нескольких лет контр-революции—все это вместе взятое безусловно должно быть охарактеризовано как *начало* оживления в общественной жизни нашей страны. Исходным пунктом поворота послужило начало оживления в рабочем движении, выразившееся, главным образом, в экономических стачках. Больше всего ударов контр-революции обрушилось на рабочий класс. Но это не может помешать ему *первому* занять боевые позиции, вновь открыть эпоху политического оживления в стране, вновь ободрить на революционную борьбу те из пролетарских слоев населения, которые способны активно сопротивляться режиму 3 июня. Рабочие *начали* с экономического движения, на знамени которого написаны были изолированные, зачастую совершенно элементарные экономические требования. Но для нынешней эпохи крайне знаменательно и такое начало. И это чисто «экономическое» *начало* нисколько не исключает «политического» *продолжения*. Ведь во всей русской революции экономические забастовки рабочих теснейшим образом переплетались с политическими и—наоборот. После пережитых лет контр-революции и натиска капитала *первые* шаги рабочих не могли быть, конечно, столь же уверенными и решительными, как в пору высочайшего политического под'ема, т.-е. в 1904—1905 годах.

...Всюду на фабриках и заводах явственно начинает пробивать себе дорогу новый молодой рабочий руководитель и «зачинщик», целое новое поколение рабочей молодежи, которое за годы контр-революции возмужало физически и теперь начинает становиться на ноги *политически*.

Либералы и те, кто подвержен либеральным влияниям, наверное почтут это слабостью начинающегося движения. На самом деле это — признак его силы. Приток свежих молодых сил есть верный залог прочности движения, его жизненности, его революционности. Пусть свежие ратники не закалены в боях, пусть не вкусили они от сладкого древа упоительных политических

побед, но зато они не отведали и тех горьких поражений, которые так ошеломляюще подействовали на многих и многих ныне «бывших людей». И чем активнее, чем громче заявит о себе поколение рабочих, тем быстрее возвратятся в «ряды и шеренгу» рабочие вожаки «старого» поколения, начинающие оправляться от пережитого разгрома; тем бодрее почувствуют себя те из наших рабочих «стариков», которые, несмотря ни на что, с.-д. рядов не покидали ни на минуту даже во времена самых худших испытаний.

...Внешние поводы к состоявшимся политическим манифестациям, повторяем, были более или менее случайны. Но отнюдь не случайно то, что во все более широких массах накопляется революционная энергия, раньше или позже прорывающаяся наружу. Не случайно то, что даже в монархии Толмачева, в таких «покоренных» городах, как Одесса, прорывается открытый протест демократии. Не случайно то, что начинает шевелиться рабочий класс, позволяющий себе в конце 1910 г. невиданную у нас за последнее время «роскошь» устройства десятков демонстративных забастовок. Движение начинается медленно, робко, исподволь. Оно будет становиться тем более энергично, уверенно, планомерно, чем скорее пролетариат—и теперь стимулирующий движение—вновь соберется с силами и станет определенно во главе демократических масс, как он стоял во все время революции.

2. Наростание революционного под'ема.

(М. Ольминский. См. „История Р. С.-Д. Р. П." Батурина, стр. 142—185, изд. 1923 г.).

В под'еме рабочего движения 1911 г. интересы политические оказались тесно связанными и переплетенными с интересами экономической борьбы.

В области политической—усиленный интерес к партии и партийной литературе, интерес к рабочей газете. В области экономической — рост экономических забастовок. В начале 1912 г. были опубликованы еще не совсем полные сведения о забастовочном движении; но и по этим неполным сведениям рост забастовок бросался в глаза. Вот эти сведения:

	В 1909 г.	В 1910 г.	В 1911 г.
Всего было забастовок	340	222	422
В забастовках участвовало человек	61.166	46.623	96.054
Число забастовочных дней	418.768	256.385	768.556

В 1912 г. и позже вплоть до войны забастовочное движение все усиливалось...

Характерной чертой экономических забастовок 1911 г. является то, что больше половины их (70%) возникло вследствие требования рабочих об увеличении заработной платы. Таким образом, движение носило не оборонительный, а *наступательный* характер: рабочие перешли от обороны к нападению. И большинство забастовок 1911 г. (57%) окончилось полной или частичной победой рабочих...

В истории рабочего движения и социал-демократии, в период под'ема после 1911 г., знаменитый ленский расстрел сыграл крупную историческую роль. ...Расстрелы рабочих во имя барышей капитала и раньше в России не были редкостью. Во время усмирения Московского восстания было проявлено усмирителями еще больше свирепства, чем 4 апреля на ленских приисках. Для истории же рабочего движения новостью явился не расстрел, а то, как встретили этот расстрел рабочие массы по всей России.

...В заседании государственной думы 11 апреля обсуждался запрос о ленских событиях. И тут министр внутренних дел Макаров дал под аплодисменты правых депутатов свой знаменитый ответ:

«Так было и так будет впредь»!

Телеграф разнес ответ Макарова по всей России. Никакая революционная агитация не произвела бы такого сильного впечатления, какое произвели эти слова министра. Не только со всех заводов Петербурга, но и со всех концов России полетели по телеграфу известия о резолюциях и забастовках протеста: из Киева, Харькова, Николаева, Кадиевки, Томской губернии, Саратова, Одессы, Херсона, Екатеринослава, Риги, Гельсингфорса, Вильны, Юзовки, Киренска, Нахичевани, Архангельска, Нижнего-Новгорода, Хабаровска, Сосновиц, Варшавы, Белостока, Юрьева, Вологды, Бобруйска, Баку, Самары, Ростова на Дону, Луганска, Сормова и других городов.

В Москве забастовки протеста приняли форму перекатывающейся волны: сегодня бастуют одни, завтра—другие. Забастовки захватывали здесь самые крупные предприятия, преимущественно металлургические: Гужона, Бромлей, Густав Лист и другие, а также Мытищинский вагоностроительный завод. Забастовки проходили дружно и превращались в митинги и демонстрации. Почти везде отчислялся однодневный заработок в пользу семейств ленцев.

В Петербурге, кажется, не было предприятия, рабочие которого бы не выразили протеста в той или иной форме. Забастовка сплошь и рядом стихийно превращалась в уличную демонстрацию с пением «Вы жертвою пали» и с красным знаменем. Иногда демонстрации предшествовал митинг («массовка»)... Ответ на ленский расстрел, по своему духу протеста и по единодушию рабочих, явился повторением того ответа, который был дан рабочими после расстрела 9 января в Петербурге. Стало ясно, что воскресает революция, задушенная пять лет назад...

«Ленские дни» чрезвычайно повысили интерес рабочих к газете и усилили приток пожертвований (всего до 4.000 р.). 10 апреля в «Звезде» было напечатано об'явление о выходе с 15 апреля ежедневной рабочей газеты... Первый номер «Правды» вышел 22 апреля.

Благодаря громадному сочувствию рабочих, с нетерпением ждавших своей газеты, «Правда» сразу стала на ноги и начала окупать себя, несмотря на то, что номер продавался газетчиками только по 2 коп.

В июле в статье «Итоги полугодовой работы» («Правда», №№ 78—81) была приблизительно подсчитана степень участия рабочих в создании своей газеты. Всего было собрано до 5 мая 4.288 р. 84 к. Но справедливо указывалось, что в данном случае важна не столько сумма денег, сколько коли-

чество рабочих групп, активно работавших над сбором денег. На основании напечатанных отчетов было точно подсчитано, что групповые рабочие сборы были произведены: в январе—14 раз, в феврале—18, в марте—76, в апреле—27, в мае—135, в июне—34, всего в сборе приняли участие 504 рабочих группы (не считая столичных пожертвований). Это было явление небывалое в истории и газетного дела и рабочего движения в России...

Понадобился бы большой том, чтобы подробно рассказать о росте рабочего движения и социал-демократии в России в годы перед войной: профессиональное движение, страховая кампания, вовлечение в движение работниц, формы и рост партийных организаций, избирательная кампания 1912 г., деятельность фракции в государственной думе и отклики рабочих на жизнь думской фракции, забастовки на экономической почве, принципиальные забастовки из-за некоторых острых вопросов рабочей жизни, стачки протеста против отдельных случаев произвола и насилия со стороны хозяев, правительства и думского большинства; далее — очередные забастовки 9 января, 4 апреля и 1 мая, митинги, демонстрации и, наконец, открытая борьба на улицах Петербурга перед самым началом войны,—таковы были главнейшие проявления жизни сознательного пролетариата в те годы.

Обычно главнейшими боевыми днями русских рабочих были 9-е января и 1-ое мая. По этим дням можно было судить о революционном настроении рабочих. После 1912 г. прибавился еще день ленского расстрела—4 апреля.

В 1911 году 1-ое мая прошло настолько мало заметно, что о нем не было даже отчета в тогдашней «Звезде»: очевидно, размер движения еще не смог разорвать рамок подполья. В 1912 году, по цензурным условиям, только что народившаяся «Правда» не могла развить первомайской агитации. В самый день 1 мая в газете появилась лишь на третьей странице статья справочно-исторического характера «1-е мая в России», да передовица под заглавием «Почему вы так беспокоитесь», в конце которой, вместо призыва, сказано только: «русский рабочий отпразднует свой праздник. Да здравствует 1-е мая! Свободу и права русскому пролетариату!»

Но если нельзя было развить агитацию легально, зато нелегальная работа кипела. Не сидела спокойно и охранка: производила бесчисленные обыски и аресты по квартирам, а в ночь на 28 апреля разгромили редакции и конторы «Правды» и ликвидаторской газеты «Живое Дело».

Правительственное сообщение о 1 мая 1912 г. определяло число бастующих по Петербургу в 100.000 человек. На самом деле бастовало больше. Появились красные флаги. На Невском проспекте манифестанты проявили большую настойчивость, несмотря на то, что весь день лил дождь, а полиции и казаков было небывалое количество...

На следующий день появились телеграммы о первомайских забастовках из Киева, Одессы, Харькова, Саратова, Томска, Архангельска, Херсона, Варшавы, Люблина и других городов.

В 1913 г. весь апрель прошел в повышенном настроении. В годовщину ленского расстрела были в Петербурге и в провинции дружные забастовки с демонстрациями. Затем стали поступать телеграммы из-за границы, Польши,

Финляндии и Прибалтийского края, где 1 мая празднуется 18 апреля: везде в этом году празднование прошло с большим под'емом. Не успели умолкнуть эти отзвуки 18 апреля, как наступило 22 апреля—первая годовщина «Правды». В первомайском номере «Правды» призыв зазвучал уже более громко, чем год назад...

На этот раз в одном только Петербурге бастовало 250.000 рабочих—с неизбежными манифестациями.

В 1914 г. апрель прошел с неменьшим под'емом: к забастовке 4 апреля прибавилась около 20 апреля забастовка-протест против изгнания думским большинством социал-демократических депутатов на восемь заседаний.

1 мая в Петербурге бастовало свыше 250.000 рабочих,—опять почти весь пролетарский Петербург. На этот раз поддержала и Москва, в те годы сильно отстававшая от других городов.

Все эти три года агитацией перед 1 мая руководил Петербургский Комитет партии, выпускавший нелегальные воззвания.

Что касается дня 9 января, то и здесь замечается не меньший под'ем. В 1912 г. этот день почти не оставил по себе следа в легальной печати. Были только нелегальные листки. В 1913 г., кроме листков, появились и в «Правде» статьи: «Девятое января» и «Могилы 9 января», а также беллетристический фельетон «9 января». Бастовало по первоначальному подсчету в Петербурге 72.000; но затем был опубликован дополнительный, длинный список бастовавших предприятий. Всего же в крупнейших городах России 9 января 1913 г. бастовало около 300.000 рабочих. В 1914 г. в одном Петербурге число бастовавших превышало 140.000, а в Москве было около 50.000.

В первых числах июля 1914 г. в «Трудовой Правде» был напечатан фельетон «Значение последних забастовок». В заключительной части статьи, носящей подзаголовок «Перед бурей», было сказано:

«Пролетариат России поднимается для новой борьбы. Пусть слепые и глухие не видят буревестника, но он реет и вьется все шире, дальше и глубже... Рабочая Россия молчала семь долгих лет, а теперь опять раздался ее могучий и властный голос, требующий права на жизнь; и голос этот проникает даже в медвежьи уголки России... В Баку и на нефтяных промыслах об'явлено осадное положение. *А в рабочих кварталах Петербурга уже гремят выстрелы...* Движения последних лет зародились в Питере, вышли из него, перебросились в провинцию, охватывают ее все шире и шире и опять возвращаются в Питер, дабы вовлечь в борьбу отставших... Это только начало борьбы, разливающейся из столицы широким потоком... Армия российского пролетариата должна деятельно готовиться к новой, серьезной борьбе, которая неминуемо наступит».

«В Петербурге уже гремят выстрелы»,—говорил автор фельетона, писавший свою статью почти под выстрелами.

Это началось в четверг 3 июля на Путиловском заводе. По Петербургу в это время с завода на завод перекатывались митинги и забастовки сочувствия бакинским рабочим. Во дворе Путиловского завода также собрался митинг в количестве около 12.000 человек. Перед окончанием собрания явилась

полиция. Заводские ворота закрылись, и началось избиение рабочих. За избиением последовали выстрелы. Двое рабочих было убито и около 50 ранено. Об этом тотчас было дано знать рабочим депутатам и в редакцию «Трудовой Правды». Депутат А. Е. Бадаев поспешил к путиловцам. На завод Бадаева не пустили. А в участке он нашел полную комнату избитых рабочих, приведенных для ареста: многие лежали, не будучи в силах подняться. Иных городовые отливали водой.

«Мучительные минуты пришлось пережить,—рассказывает Бадаев в «Трудовой Правде» от 5 июля:—стоны и страдания арестованных, грубые лица полицейских, заполнивших весь заводский район и на каждом шагу старавшихся подчеркнуть, что они здесь господа положения, и почти полное отсутствие на улицах рабочих. Жуткая, притаившаяся тишина, поддерживаемая вооруженной силой. Насилие и смерть,—и ликующий полицейский сапог...».

4 июля уже забастовало в Петербурге 90.000. На следующие дни число бастующих увеличивалось. Чувство всеобщего возмущения вызывало толпы народа на улице. Рабочие не рассеивались при появлении полиции, а встречали ее камнями. Полиция стреляла. Разгорались революционные страсти.

Партийная организация еще не считала эти дни днями решительной борьбы: она призывала только к трехдневной забастовке протеста. И с большим трудом удалось организованным рабочим успокоить стихию.

Было ясно, что Россия скорым шагом идет к революции. Но через две недели вспыхнула европейская война, давшая самодержавию отсрочку до февраля 1917 г.

3. Экономика и политика.

(Г. Зиновьев, статья „Итоги и перспективы"—см. журнал „Просвещение" № 2, 1914 г.).

Чтобы правильно вести осаду, надо прежде всего хорошенько изучить условия борьбы, надо знать не только силы своей армии, но и те особенности в приемах и передвижениях, которые неминуемо диктуются всем положением вещей. Вопрос о соотношении экономики и политики в современной стачечной борьбе российского пролетариата есть один из самых коренных вопросов всего рабочего движения. Изучить динамику движения в этой сфере—необходимейшая задача для всякого, кто хочет сознательно участвовать в рабочем движении.

Посмотрим с этой точки зрения на стачечное движение 1913 года. Каково было в нем соотношение экономики и политики?

Возьмите, напр., стачку 9 января. Движение, разумеется, чисто политическое. Но вот окончилась однодневная политическая стачка. Целый ряд фабрик и заводов налагают штраф на рабочих за участие в политической стачке, местами об'являют локаут и т. п. Рабочие не хотят покорно примириться с этими экономическими репрессиями. Они начинают экономическую стачку из-за штрафов и т. д. Фабрикант пробует сдать свою спешную

работу на другую фабрику, где рабочие 9 января, быть может, вовсе не бастовали. Из солидарности рабочие этой фабрики тоже об'являют экономическую забастовку и т. д.

Так было после 9 января 1913 года. Особенно сильно развились экономические стачки в связи с 9 января в Риге, Петербурге и т. д. и т. д.

И то же самое в широких размерах повторялось почти при каждой стачке—и 4 апреля, и во время «матросских» стачек и во время остальных политических стачек.

Так «политика» поощряла «экономику».

Можно привести сколько угодно примеров и обратного. Вот, напр., в 20-х числах мая в Петербурге произошла однодневная политическая стачка на одном из крупнейших металлических заводов Петербурга — на Балтийском. Чем вызвано это выступление? А вот чем. На заводе начался *экономический* конфликт. Но, по обычаю, скоро на сцену выступила «политика». Арестовывают уполномоченных от рабочих. И завод в виде протеста отвечает однодневной демонстративной стачкой.

Или—политическая стачка на заводе Феникс. В лесу на собрании задерживают рабочих, собравшихся обсудить ряд своих заводских дел. На задержанных 25 человек налагается штраф по 100 рублей. Завод отвечает однодневной демонстративной стачкой и заодно выносит резолюцию против гонений на рабочую печать и т. п.

Такие же политические стачки, вызванные репрессиями за экономическую борьбу, были в Ростове на Дону и в целом ряде других городов.

Так «экономика» порождала «политику».

Но не надо думать, что дело только в репрессиях. Нет, своеобразный ход движения у нас вызывается совокупностью целого ряда условий, всем вообще положением в России.

Особенно наглядно характеризуется это своеобразие *московским* стачечным движением, разыгравшимся в сентябре этого года. До этого времени Москва страшно отставала. Многие слои московских рабочих совсем не приобщились еще к движению. Москва раскачивается страшно медленно. Но вот среди одной группы рабочих—трамвайщиков—начинается брожение на чисто экономической почве. Брожение разрастается. Появляется много сторонников трамвайной экономической стачки. Но пока рабочие взвешивают все «за» и «против», — вмешивается неизбежная истинно-русская «политика»: администрация арестовывает наиболее передовых и деятельных трамвайных рабочих. Это вызывает бурю негодования. Стачка трамвайщиков становится неминуемой и сразу приобретает большую силу. В это же время десятки тысяч рабочих, до сих пор бывших как будто только безучастными зрителями, смело бросаются в борьбу. Подоспевает закрытие славной московской рабочей газеты «Наш Путь», сразу в 2 недели заслуженно приобретшей горячую любовь в самых широких кругах рабочих. Все, что накипело у рабочих, вырывается наружу в форме бурной *политической* стачки.

В борьбу ринулись совершенно свежие слои, до сих пор стоявшие как будто в сторонке. Политическая стачка одновременно пишет на своем зна-

мени протест против гонений на рабочую печать, выдвигает 3 старых «неурезанных» требования и в то же время имеет целью подчеркнуть свою солидарность с экономическими требованиями трамвайщиков. Движение перебрасывается в Петербург, где рабочие чутко прислушиваются к тому, что происходит в первопрестольной. Начинается экономическое брожение среди питерских трамвайщиков. Одновременно ускоряется назревающий политический протест в связи с походом против рабочей печати. Подымаются и здесь свежие слои, в движение втягиваются трактирные служащие, пожарные, мелкие чиновники, телеграфисты, дворники и т. п.

Спрашивается—кто отличит в этом московско-петербургском движении элементы «экономики» от элементов «политики»? Кто не видит, что здесь политика *неразрывно переплелась* с экономикой, что та и другая так превосходно дополняют одна другую, придавая мощь движению, втягивая новые резервы, собирая свежие силы, придавая свежесть, размах кампании?

Это видят и враги рабочих.

«Сдвиг рабочих с линии собственной экономической борьбы в последние два года наметился довольно ясно»—с досадой пишут шарфмахеры из Общества заводчиков и фабрикантов Московского района («Бюллетень» № 17, стр. 15).

«Собственно-экономическая» борьба переплетается с политической, одна оплодотворяет другую, дает ей силы, придает ей жизненность.

Так идет стачечное движение в России. Так создается своеобразная массовая стачка в России...

Только ликвидаторы настаивали на том, будто это переплетение «экономики» с «политикой» в современном русском стачечном движении является *слабой* его стороной и свидетельствует о «хаосе», стихийности и т. д. В «Европе», видите ли, такого переплетения нет.

Критикуя движение 1904—1906 годов, ликвидаторы (см. их труд «Общественное движение») находили, что ошибкой рабочих тогда было—«осложнять» политическую борьбу экономической.

В 1912 году после Лены те же ликвидаторы, оценивая новое движение, писали:

«Перед нами полоса экономических стачек. *Было бы непоправимой ошибкой, если бы они переплетались с политическими выступлениями рабочих*» («Невский Голос», ст. В. Ежова).

Выходит, что «политика» и «экономика» *всегда* должны жить врозь; ни политику не следует «осложнять» экономикой, ни—наоборот.

Над этой кабинетной постановкой вопроса жизнь жестоко посмеялась. И в «Европе» соц.-дем. вовсе не проповедуют полного и постоянного разрыва экономики с политикой. Ибо—это невозможно при современном развитии классовой борьбы.

А у нас, при наших исключительных условиях,—в особенности. Оплакивать наше переплетение экономики с политикой, видеть в нем «хаос»—значит совершенно не понимать сильных и слабых сторон нашего движения, значит сбиваться на либеральный путь.

Уже подводя итоги стачечному движению 1912 года, открывшему новую эпоху, русские марксисты[1]) следующим образом формулировали свой взгляд:

«Особенного внимания заслуживает характер стачечной борьбы 1912 г. Рабочие выставляют в ряде случаев экономические и политические требования одновременно, полоса экономических стачек сменяется полосою политических и обратно. Борьба с капиталистами за отнятые завоевания и растущая дороговизна жизни поднимают новые и новые слои рабочих, ставя перед ними политические вопросы в самой острой форме. Все эти виды соединения и переплетения экономической и политической борьбы являются условием и залогом мощи движения, создавая массовую стачку»...

4. Стачечная борьба в цифрах.

(Д. Антошкин—„Профес. движение в России", стр. 200—201, изд. 1924 г.).

Подведем общие итоги стачечной борьбы за рассматриваемые три года. По данным общества фабрикантов и заводчиков всего забастовало:

в 1912 г.—1.062.720 рабочих.
„ 1913 г.—1.184.985 (по подсчетам рабочих газет около 2 миллионов).
„ 1914 г.—1.337.458 (только в предприятиях, подчиненных надзору инспекции).

Если взять только данные о забастовках в предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции, то картина стачечной борьбы представится в следующем виде («Архив Истории Труда», кн. 8, стр. 169):

Годы.	Число всех стачек.	Общее число стачечник.	Экономич. стачки.		Политич. стачки.	
			Число стачек.	Число стачечник.	Число стачек.	Число стачечник.
1912	2032	725.491	732	175.678	1300	549.813
1913	2142	861.289	1181	365.895	961	495.394
1914	3543	1.337.458	969	278.347	2565	1.059.111

Число потерянных рабочих дней равнялось:

Годы.	Во всех стачках.	В экономических.	В политических.
1912	2.375.606(?)	863.113	512.493
1913	3.591.376(?)	3.027.005	364.371
1914	5.755.072	3.984.015	1.771.057

Таким образом, за три года имеем 7.717 стачек, 2.924.238 стачечников, 11.722.054 потерянных рабочих дней.

За первое полугодие 1912 г. рабочие потеряли зарплаты . . . . 1.284.904 р.
„ „ „ 1913 г. „ „ „ . . . . 1.363.526 р.
Прямые убытки промышленников за те же полугодия составляли . 767.443 р. и
793.593 р.

---

[1]) Читай—большевики.

III. Союзы в годы революционного под'ема.

1. Оживление в профессиональном движении.

(Д. Антошкин—„Проф. движение", стр. 202—206, изд. 1924 г.).

Новый под'ем рабочего революционного движения и усиление экономической борьбы рабочих влило свежие соки в профессиональное движение. Уже с 1912 г. в его рядах начинается оживление: восстанавливаются закрытые и разрушенные союзы; увеличивается количество членов союзов; устанавливается более живая и тесная связь с массами, в глазах которых авторитет союзов поднимается; союзы усиленно развивают организационную работу и активно вмешиваются в конфликты на предприятиях, организуют и проводят стачки. Правда, деятельность их во всех областях и, особенно, в области руководства стачечной борьбой была сильно стеснена и не могла быть развита в полной степени, так как пресекалась репрессиями—арестами руководителей и закрытием союзов. Политические условия существования союзов были очень неблагоприятны; несмотря на это, профессиональное движение в 1912—1914 годах сильно шагнуло вперед не только по сравнению с 1907—1911 годами, но и с 1905—1906 годами. Правда, в 1905—1906 годах по количеству об'единяемых рабочих и служащих оно было более внушительно, чем в 1912—1914 годах. Зато в эти последние годы мы имели значительно более оформленные и более сплоченные в организационном отношении профессиональные союзы, чем в первый период. Да и в самой деятельности союзов проявилась большая планомерность, тогда как в 1905—1906 годах союзы строились в общем и целом стихийно, и эта стихийность сказывалась и на их деятельности; оформиться же они не успели вследствие учиненного реакцией разгрома. Затем в 1905—1906 г.г. мы имели некоторое количество союзов, не имевших корней и почвы для существования; они быстро умерли и уже не восстанавливались.

В 1912—1914 годах профессиональное движение было более чистым по своему составу в классовом отношении.

Дальше, в противоположность первому периоду, в 1912—1914 годах главную роль — как и должно было быть — играли профессиональные союзы индустриальных рабочих, а не союзы служащих и ремесленных рабочих. Достаточно вспомнить такой колосс профессионального движения, как петербургский союз металлистов, приковывавший к себе внимание и партий и департамента полиции. Он был самым мощным союзом и стоял по существу во главе профессионального движения, задавая общий тон всему «оркестру» профессиональных союзов.

Свежая струя в профессиональном движении стала заметна уже в 1911 г., в связи с общим оживлением в рабочем движении и выходом легальной газеты «Звезда», которая начинала проникать и в провинцию (тираж ее доходил до 60 тысяч)...

Начавшееся в 1911 г., а в некоторых местах в 1912 году, оживление в организационной работе профессиональных союзов уже не замирало вплоть до начала войны, все развиваясь и углубляясь. При этом, если 1911, а отчасти и 1912 годы были посвящены большинством союзов собиранию сил и укреплению своих организаций, то в следующие годы жизни профессионального движения все большее и большее место начинала занимать деятельность, направленная на непосредственное осуществление практических задач, стоявших перед движением, организационная работа подчинялась определенным практическим задачам борьбы, а не оперировала в пустом пространстве в предвидении, что те или иные организационные движения когда-то и для чего-то пригодятся; теперь сама жизнь ставила задания перед организационной работой союзов и давала определенное направление последней.

А жизнь не ждала, движение все ширилось и углублялось, перед союзами все настойчивее выдвигалась задача—овладеть своим оформляющим и направляющим руководством областью экономической борьбы рабочих и связать последнюю, согласовать с политической борьбой рабочего класса.

Профессиональное движение в основном справилось с этой задачей и избежало, как и в первый период своего развития в 1905—1907 годах, ограничения себя рамками руководства лишь повседневной экономической борьбой рабочих за частичные требования; они сочетали свою деятельность в области профессиональной борьбы с общеклассовыми задачами, с классовой политической борьбой пролетариата. В связи с этим в течение 1912—1914 годов наблюдалось усиление влияния большевиков в профессиональном движении. Партия, руководившая революционной борьбой рабочего класса, не могла остаться в стороне от профессионального движения, а последнее, об'единяя активные элементы класса, могло пойти только по пути, по которому шел весь рабочий класс—под руководством партии большевиков: по пути революционной борьбы, отбрасывая от себя вождей ликвидаторов-меньшевиков.

«По внешности, ликвидаторы играли руководящую роль. Они меньше страдали от полицейских преследований. У них было много литературных, отчасти лекторских и, вообще, интеллигентских сил. Они считали себя го-

сподами положения». Но уже агитация большевиков перед общерусской партийной конференцией показала, что влияние ликвидаторов поверхностно.

По приезде в Петербург делегата партийного центра «по рабочему Петербургу точно пронеслась струя свежего воздуха, всколыхнувшая болото ликвидаторских мелочных задач и ликвидаторского приспособления к легальности» (из эпохи «Звезды» и «Правды», вып. I, стр. 24). Уже летом 1911 года стало чувствоваться, что существовавшие в Петербурге легальные организации перестали удовлетворять сознательных рабочих, так как деятельность их, сильно стесненная полицейскими рогатками, не могла развиваться в то время в направлении удовлетворения запросов классовой борьбы. А эти вопросы уже вновь встали перед рабочим классом. «Явилась вновь потребность осмыслить жизнь в ее целом и поставить на обсуждение широкие вопросы революционной борьбы. Обострилось стремление к нелегальному печатному слову; заграничная печать стала читаться нарасхват, так как профессиональная печать, весьма бедная и по количеству и по содержанию, уже не удовлетворяла рабочих» (там же стр. 24). Поэтому появившаяся «Звезда» встретила подготовленную почву. Она же сыграла значительную роль и в оживлении профессионального движения. Появившаяся в 1912 г. «Правда» являлась уже центром, распространявшим оформляющее влияние партии большевиков на рабочее движение и, в частности, на профессиональное. Она имела большое значение при вытеснении большевиками из профессиональных союзов завладевших ими ликвидаторов.

Под'ем в профессиональном движении быстро сказался на межсоюзном об'единении.

Петербургское Центральное Бюро профессиональных союзов, действовавшее в подполье, до начала массового рабочего движения в 1912 году мало чем проявляло себя во вне, как и отдельные профессиональные союзы, которые, кстати сказать, почти забыли о существовании Центрального Бюро. Только после ленского расстрела отношение к нему со стороны профессиональных союзов из пассивного становится активным. Союзы начали связываться с ним, посылая в него своих представителей. Но союзы, находившиеся под безраздельным руководством ликвидаторов, например, союзы металлистов и печатников, — и в это время оставались в стороне от работы Центрального Бюро. Правда, отдельные районы и заводы металлистов послали в него своих представителей с совещательным голосом, но правление союза не было представлено («из эпохи «Звезды» и «Правды», статья Б. Иванова, стр. 174).

Позже в петербургском союзе металлистов возникла мысль о всероссийском об'единении союзов металлистов, и с этой целью им были командированы представители для об'езда союзов металлистов в провинции. Осуществить эту мысль не удалось, так как петербургский союз металлистов был закрыт за несколько месяцев до начала войны, а именно 21 марта 1914 г. в связи со стачками по поводу отравлений на петербургских фабриках. 20 марта был об'явлен локаут, захвативший до 70 тысяч рабочих, главным образом, металлистов, а 21 марта был закрыт союз. С такими же

результатами велась об'единительная работа в союзах хлебопекарного производства и в ряде других. Период организационной работы был слишком короток, чтобы можно было достигнуть больших результатов в обстановке полицейских репрессий.

В 1913—1914 годах союзами реально ставился вопрос о международных связях, но осуществить их в полной мере большинству союзов не удалось из-за начавшейся в то время войны.

За эти годы оживилась и профессиональная печать.

Необходимо отметить характерную черту профессионального движения 1912—1914 годов: руководящие посты в нем заняли рабочие, как и вообще в рабочем движении. Интеллигенты считались единицами, отхлынув из рабочего движения в годы реакции. В 1912—1914 годах снова заметен их приток в рабочее движение, но не столь значительный, чтобы обслужить профессиональное движение. Рабочие выдвинули своих руководителей, вышедших из рабочей среды.

* * *

За отсутствием сводочного материала ограничиваемся дальше до конца этой главы описательными отрывками.

2. Петербургские союзы в 1913 г.

(Статья А. Званова—«Из практики проф. движения в Петербурге», ж. „Просвещение" № 11, 1913 г.).

Несомненно, что профессиональное движение русских рабочих проявилось всего ярче в Петербурге как крупном центре, где и рабочие развитее и сознательнее, чем в других городах, и где имеются свои рабочие газеты, сильно помогающие профессиональному движению. Поэтому некоторые цифры и факты, говорящие об этом движении за последние годы, будут небезынтересны, вероятно, нашим читателям.

Несмотря на гонения, закрытия, отказы в регистрациях — как и повсюду в России — в Петербурге имеется сейчас 22 профессиональных союза, об'единяющих до 20.000 рабочих разных профессий. И почти ⅓ этих союзов возникла в текущем году. К числу последних относится союз рабочих металлистов, союз рабочих золото-серебряного и бронзового производства, союз рабочих по производству изделий из картона и бумаги, союз торговых служащих в предприятиях, торгующих предметами хозяйства, союз приказчиков-с'естников и союз торговых служащих трактирного промысла. Кроме того делаются попытки организовать самостоятельные союзы электро-монтеров, водопроводчиков и конфетчиков; все больше сочувствия встречает мысль организовать особый союз городских служащих, рабочих и работниц, занятых на табачных фабриках и т. д.

Центральное место среди всех профессиональных петербургских организаций занимает, несомненно, союз рабочих металлистов, об'единивший за короткое время своего существования (с апреля 1913 г.) свыше 8.000 рабочих. Следующим по силе является союз печатников—4.000 членов, что со-

ставляет 13% общего количества рабочих, занятых в этом производстве (около 30.000 человек). К слову сказать, такого большого числа организованных нет ни в одном другом союзе. Наоборот, самый меньший процент организованных дает производство волокнистых веществ. В этом союзе насчитывается всего 700 человек, это на общее число рабочих и работниц в 50, приблизительно, тысяч. Этот ничтожный процент организованных об'ясняется, конечно, невыносимо тяжелым экономическим положением и культурной отсталостью рабочих текстильщиков, а также преобладанием более забитого трудящегося элемента женщин над мужчинами.

Из других профессиональных организаций следует прежде всего отметить союз рабочих по обработке дерева, насчитывающий свыше 1.000 членов, и союз рабочих булочно-кондитерского производства, имеющий в настоящее время около 1.300 членов, даже после недавнего исключения почти 400 членов за неаккуратную уплату ежемесячных членских взносов. Росту этого союза несомненно способствует сравнительно энергичная агитация за союз на местах. Замечается также значительное оживление в деятельности союза рабочих по выделке кожи и производству кожаных изделий, где идет довольно успешно привлечение в союз женщин-работниц. В союзе в настоящее время свыше 800 членов, тогда как в летние месяца вступало ежемесячно по несколько десятков членов, и из них на женщин приходилась одна-две или даже ни одной, в сентябре приток новых членов равнялся 120 мужчинам и 20 женщинам.

После летнего времени стал оживать и союз рабочих портняжного дела. Летнее время отразилось и на делах профессионального общества лиц, занимающихся конторским трудом в торговых и торгово-промышленных предприятиях. В каждом из этих двух союзов свыше 700 членов; но портных выбыло за лето очень много, а конторщикам не удавалось собрать общего собрания вплоть до октября месяца, несмотря на несколько попыток к этому в течение лета. Сравнительно немногочисленный союз рабочих золото-серебряного и бронзового производства после печатников самый организованный: из общего числа 4.000, занятых в этих профессиях рабочих, организованных до 500 чел., т.-е. 12%. Молодая организация нашла себе твердую опору в удачно проведенной весенней стачке, охватившей большинство мастерских данного производства.

Несравненно хуже положение других профессиональных организаций, как то: архитектурно-строительных рабочих, рабочих мраморно-гранитного производства, рабочих по производству изделий из картона и бумаги, рабочих экипажного производства, рабочих по производству изделий из кожи (футлярщиков), а также чертежников и, наконец, фармацевтов-служащих. Они представляют из себя пока слабые организации, все еще борются за свое существование, преодолевая на своем пути тысячи препятствий, пробуждая сознание в среде самых отсталых пролетарских кругов. О союзе кузнецов-молотобойцев никаких сведений в печати не имеется.

Среди торговых служащих замечается сильное оживление, особенно после летнего с'езда приказчиков. Они организованы теперь в 4 союза: при-

казчиков-мануфактуристов, с'естников, торговых служащих в предприятиях, торгующих предметами хозяйства, и торговых служащих трактирного промысла. Только первый из них существует с 1912 года, три остальных возникли за нынешний год. Все 4 профессиональные организации прокладывают себе новые, почти неизведанные пути. Поэтому торговым служащим приходится упорно работать, чтобы идея профессиональной организации проникала в широкую массу, над которой тяготеют еще «купецкие» нравы, которую держат в кабале помощью хозяйских квартир. Организации насчитывают пока всего по несколько сот членов (300—400), но надо отметить тот живейший отклик, который встретило профессиональное общество трактирных служащих среди массы официантов, поваров и маркеров. В какие-нибудь 1½ месяца число членов этого общества привлекло к себе свыше 400 членов.

Из общего обзора всех профессиональных союзов в Петербурге видно, что до сих пор в них состоит только незначительная часть рабочих. Самый большой процент организованных не превышает 12—13%. И это в то время, когда рабочее движение снова приобретает былую силу, когда оно захватывает сотни тысяч пролетариев, идущих под испытанным знаменем марксизма к новым событиям. Бодростью и смелой решительностью веет от выступлений пробужденного рабочего класса, но много еще остается ему сделать для укрепления своих организаций. «Истинно-русские» условия нашего строя не дают возможности окрепнуть открытым рабочим организациям, и участники их поневоле наталкиваются на те основные требования нашего времени, без осуществления которых рабочие организации не могут нормально развиваться. Ярким показателем того, что и в профессиональные организации проникает дух «неурезанных требований», служит тот несомненный факт, что либеральная рабочая политика—ликвидаторство—потеряла все свои позиции в профессиональном движении. Ликвидаторов «снимают с постов», как это произошло, напр., у металлистов, или ставят в ряды «отверженных» (напр., у печатников) и т. д.

...За последнее время замечался значительный контингент присутствовавших почти на всех собраниях металлистов, кожевников, булочников, портных, служащих трактирного промысла и др. Общее собрание является почти всегда большим событием в жизни союза; закипает работа по его подготовке, на самом собрании ведется агитация за укрепление союза, и в результате приток членов в общество увеличивается.

Но для союза кроме общих собраний, которые в конце концов являются все же редким праздником, имеет большое значение постоянная связь с массой, постоянное общение правления хотя бы с наиболее сознательными товарищами с отдельных фабрик, заводов, мастерских. Этой цели и должны были бы служить делегатские собрания представителей «с мест»... Делегатские собрания нигде не разрешаются, приходится отказаться от них, заменив их организацией сборщиков членских взносов, которые своим представительством «с мест» помогают правлению стать ближе к своим членам.

...Почти все профессиональные общества, по крайней мере более или менее деятельные, растут. Особенно быстрым темпом совершается рост числа

членов в союзе металлистов, как уже было указано, в союзе трактирных служащих, за последнее время у кожевников, печатников, деревообделочников. Но все еще союзам приходится бороться с неаккуратностью в уплате членских взносов. В большинстве союзов процент неплатящих очень велик, иногда превышает даже ½ всего количества членов. Сознание необходимости в постоянной поддержке союза еще далеко не везде проникло достаточно глубоко в рабочую среду.

Такова в кратких словах *внешняя сторона* жизни и деятельности профессиональных союзов Петербурга.

3. Деятельность отдельных союзов.

а) Союз металлистов в новом революционном под'еме.

(Ф. Булкин-Семенов—„На заре профдвижения", стр. 254—282, издание 1924 г.).

Борьба за легализацию союза.

Закрытие Профессионального общества рабочих по обработке металлов в марте 1912 г. совпало с моментом экономического, а главное политического оживления, захватившего широкие слои рабочих. Последовавшие за этим события: ленский расстрел рабочих в начале апреля 1912 года и празднование 1-го мая, всколыхнули рабочие массы, пробудили в них энергию и жажду борьбы. Союз не мог умереть, он продолжал свое существование; больше того, союз не ушел в подполье, а действовал легально, только под новой вывеской.

Старое правление союза учло своевременно возможность насильственного закрытия организации и имело, на всякий случай, запасный утвержденный устав «Профессионального общества рабочих по металлу». Когда над старым союзом разразилась гроза, этот припрятанный устав увидел свет и сослужил свою службу. Градоначальство, всегда такое предусмотрительное и проницательное, совершенно упустило из виду факт существования запасного устава, зарегистрированного еще в 1908 году, и оказалось на этот раз обманутым...

Первые же дни работы нового союза совпали с забастовками большинства фабрик и заводов Петербурга, носившими резкий характер классового политического столкновения. Сперва прокатилась шумная волна стачек протеста против Ленского расстрела рабочих.

Далее последовала внушительная демонстрация питерского пролетариата в день 1-го мая. Союз с чувством полного удовлетворения отметил, что с самого 1906 года рабочие не встречали всемирного праздника так солидарно и с таким воодушевлением. Для Общества заводчиков и фабрикантов такое выступление рабочих было совершенно неожиданно. По постановлению союза фабрикантов, были демонстративно оштрафованы «за прогул» все рабочие, не вышедшие на работу 1-го мая. Такая мера вызвала со сто-

роны рабочих новый бурный протест. Этот дружный отпор рабочих, выразившийся в целом ряде стачек, а также и нажим со стороны правительства, не желавшего осложнений, заставили хозяйский союз капитулировать и сложить штраф.

Гроза, разразившаяся над союзом в августе 1912 г., не была, конечно, неожиданностью. Вызванным в заседание присутствия по делам об об-вах представителям правления были пред'явлены 3 обвинения — в выдаче пособий безработным, недопущении чиновника градоначальства к ревизии и в руководстве забастовками. Первое обвинение особенно странным казалось потому, что до сих пор помощь безработным оказывалась беспрепятственно, на основании устава, — инструкции по оказанию этой помощи утверждались безоговорочно. Теперь же присутствие утверждало, что такая помощь противоречит закону, потому что безработный не может быть членом союза: в союз допускаются лишь лица, *занятые* в соответствующих предприятиях. Напрасно представители союза протестовали против такого чудовищного искажения самого принципа профессиональной организации, с помощью которого можно было в любой момент путем локаута лишить союз массы его членов. Это была лишь первая ласточка юридического похода против легального существования профорганизаций, завершившегося внесением в 1914 г. в Гос. Думу проекта новых правил об об-вах и союзах, в сравнении с которым закон 4 марта 1906 г. казался настоящей хартией вольностей.

Что касается руководства забастовками, то присутствие даже не дало себе труда указать конкретные факты, а попросту председателем и. д. градоначальника было заявлено, что он имеет об этом сведения «из частных источников». Здесь-то конечно и была зарыта собака; именно роль союза в забастовочном движении и заставила поторопиться расправой с ним.

Закрытие Профессионального общества рабочих по металлу в августе месяце 1912 г. было чувствительным ударом для организованных металлистов Петербурга. Второго запасного устава у управления не имелось, и союзу грозила неминуемая гибель. Необходимо было приложить усилия, чтобы не допустить распада организации, добиться во что бы то ни стало ее официального признания.

На ликвидационном собрании членов закрытого общества, состоявшемся 23 сентября 1912 г. в помещении Тенишевского училища, была избрана ликвидационная комиссия, на которую возложена была ликвидация дел и имущества общества. Комиссия состояла из 19 членов: 2 представителя от правления; 2 члена от ревизионной комиссии; по 2 представителя от каждого района и по 1 члену от пригородных районов. Кроме этих членов было избрано еще 7 кандидатов по 1 от каждого района.

Такой состав комиссии давал ей полную возможность поддерживать необходимую связь с районами, правильно информировать их о ходе работ комиссии. В свою очередь и районные отделения не распускались, не закрывались, а продолжали, правда несколько свернувшись, существовать.

Таким образом, союзный аппарат почти полностью сохранился. Ликвидационная комиссия была прикрытием, дававшим возможность продол-

жать союзную работу. Фактически она выполняла роль центрального правления союза, поддерживая жизнь организации в ожидании лучших времен.

Это стремление ликвидационной комиссии сохранить под своим флагом существование союза не могло, конечно, укрыться от бдительного ока охранного отделения. Оно открыло новую кампанию против союза. Начался систематический поход полиции на комиссию; один за другим работники комиссии подвергались арестам.

На ряду с борьбой за беспрепятственную работу ликвидационной комиссии принимались энергичные меры к восстановлению союза. Уже в начале октября 1912 г. учредителями М. Т. Наумкиным и А. М. Маргаритовым, по инициативе ликвидационной комиссии, было подано в Петербургское особое городское по делам об обществах и союзах присутствие заявление о регистрации нового профессионального общества рабочих, занятых в предприятиях металло-обрабатывающей промышленности.

Отказ присутствия в регистрации не убил энергию металлистов, а, наоборот, лишь заставил их с новыми силами приняться за борьбу. Явно незаконная мотивировка присутствием отказа в легализации профессиональному обществу рабочих, занятых в металлообрабатывающей промышленности, послужила для редакции «Металлиста» прекрасным агитационным материалом против того же присутствия.

В журнале «Металлист» от 14 декабря 1912 г. появилась красноречивая сводка того, что, по мнению присутствия, нельзя было делать профессиональным союзам. Оказывается, что запрещалось:

1. Содействовать умственному и нравственному развитию членов общества.

2. Устраивать общежития для безработных и приезжих.

3. Открывать чайные, столовые и т. п. учреждения, способствующие улучшению материального положения членов.

4. Устраивать вечера, экскурсии, собеседования.

5. Открывать библиотеки и читальни.

6. Учреждать бюро юридической помощи.

7. Иметь заведывающего делом медицинской помощи и вообще приглашать для заведывания какой-либо отраслью посторонних лиц.

8. Организовать справочное бюро для безработных.

9. Открывать цеховые секции или институт уполномоченных.

10. Иметь в составе членов безработных.

11. Оказывать помощь безработным.

12. Взимать членские взносы меньше чем за целый год.

13. Учреждать третейские суды.

14. Исключать членов, признанных третейским судом виновным в неблаговидных проступках.

15. Устраивать публичные вечера и концерты в пользу общества.

16. Передавать имущество общества, в случае его закрытия, однородной организации.

17. Вводить в устав такие слова: «и т. д.» «и т. п.».

Эти 17 пунктов были не выдуманы редакцией, а взяты из постановления присутствия от 6 октября «об отказе в регистрации профессионального общества рабочих, занятых в предприятиях металлообрабатывающей промышленности»...

Но металлисты проявили редкую настойчивость. Отказы присутствия, как мы уже говорили, не только не повергли их в бездеятельность, но, наоборот, возбуждали в них еще сильнее жажду борьбы за свои права. Неудача 6 октября не убила в них веры в успех их стремлений, и уже в конце 1912 года в присутствие поступило новое заявление учредителей П. Н. Маликова и М. Г. Порфирьева о регистрации «Профессионального общества рабочих металлистов».

При составлении этого устава учредители вынуждены были уступить некоторым требованиям присутствия и часть пунктов устава изменили в желательном для присутствия направлении. Тем не менее, рассмотрев новый устав на заседании 8 января 1913 года, присутствие вынесло свое обычное постановление: «в регистрации этого общества, на основании ст.ст. 23 и 29 отдела I-го и ст. 1, 2, 7 и 11 отдела II-го закона 4 марта 1906 г., отказать»...

Ясно было, что присутствие определенно издевалось, систематически отказывая металлистам легализовать их организацию. Но металлисты не разочаровывались, не опускали рук, а продолжали попрежнему вести настойчивую борьбу за союз... Оставался лишь один выход: вычеркнуть из устава все, к чему придиралось присутствие, что оно считало для себя неприемлемым. Важно было во что бы то ни стало получить легальную оболочку союза, а рабочее движение сумеет вложить в него свое революционное содержание. Устав обкарнали. И в этом обезображенном виде он был подан в начале марта 1913 года учредителем Порфирьевым на регистрацию...

Присутствию ничего не оставалось, как утвердить подобный устав. Придираться уже было больше не к чему. Отказать в регистрации подобного безобидного устава означало расписаться в своем ни на чем не обоснованном нежелании допустить легальное существование союза. Игнорировать в полной мере закон 4 марта присутствие было не в состоянии. 26 марта 1913 года устав «Профессионального Общества рабочих металлистов» был, наконец, зарегистрирован.

Деятельность революционного союза.

Уже один тот факт, что состав Правления значительно обновился, что во главе стали представители революционных настроений, выразители мнений и желаний масс, — одно уже это заставило рабочих изменить свое отношение к союзу.

Да и сами большевики, взяв в свои руки «бразды правления», делали все, чтобы завоевать доверие массы, сблизить, спаять ее с союзом.

И, действительно, работа союза приобрела теперь совершенно новый характер. О взаимопомощи, заводских кассах, петиционной кампании и т. д. больше не слышно. Все эти вопросы сняты с очереди самой жизнью. Зато в деятельности союза отмечается последовательное руководство экономическими забастовками, заканчивающимися полной или частичной победой ра-

бочих. Всякое злоупотребление сейчас же вызывает энергичный отпор со стороны рабочих и союза, использующих для этого силу своей классовой солидарности, стойкость профессиональной организации, рабочую печать и трибуну Государственной Думы.

Резко чувствуется, что в старые меха, в старые организационные формы союза влилось новое революционное вино. Оживает также и журнал и принимает боевой тон: на страницах его появляются статьи т.т. Зиновьева, Петровского и др.

На ряду с кропотливой организационной работой, правление союза обратило серьезное внимание на установление прочной связи с массами. Достигнуть этого можно было, лишь доказав рабочим, что союз кровно заинтересован в их борьбе за свои права, оказывая им поддержку в стачечной борьбе. Бросаясь в самую гущу экономической борьбы, стремясь захватить инициативу в свои руки, союз не мог пройти хладнокровно мимо всякого выступления рабочих против предпринимателей. Особенно близкое участие принял он в грандиозной стачке лесснеровцев, требовавших удаления мастера...

Интенсивное стачечное движение заставило союз принять участие в целом ряде забастовок: на заводах Круга, Заленского, Лангензипена, Айваз, Балтийском и др.

Деятельность союза не была, однако, замкнута кругом стачечного движения. На ряду с руководством экономической борьбой, союз принимал активное участие во всех общественно-политических проявлениях рабочего класса. Мы видим союз металлистов во главе организуемой питерскими рабочими депутации к германскому пролетариату в знак выражения сочувствия по поводу смерти вождя германской социал-демократии Августа Бебеля. Делегация из представителей рабочих организаций должна была также установить более прочные связи с германскими профессиональными союзами, завязать братские отношения между германским и российским пролетариатами, положить начало международному об'единению российских профессиональных союзов...

Союз живо откликался и на другие, волнующие умы рабочих, вопросы, организуя рабочих в отдельных политических выступлениях (9-ое января, 1-майская забастовка, забастовка в защиту рабочей печати и т. п.), укрепляя в них уверенность в своих силах для окончательного выступления на борьбу с самодержавием.

Союз был с рабочими, и уже одно это обстоятельство ставило его прочно на ноги. Начался прилив рабочих в организацию как из закрытого Общества рабочих по металлу, так и вступивших в союз впервые. К 20 июля 1913 г. в союзе насчитывалось уже 4.420 членов, причем впереди остальных районов шел Выборгский район (1.374 члена). Более слабо подвигалось дело в Нарвском районе, где количество членов, записавшихся к 20 июля, выражалось в небольшой цифре 212 человек. Причиной такой отсталости было несколько запоздавшее открытие районного отделения.

Росту и сплочению членов вокруг союза во многом содействовала *организация* на местах *заводских групп*. Эти группы представляли собой не что иное, как об'единение членов данного предприятия. На обязанности такой группы лежало разрешение всех вопросов, связанных с заводской жизнью, а также всестороннее участие в деятельности союза. Заводские группы были низшими союзными ячейками. Если прежде центральному правлению союза приходилось прощупывать настроение рабочих через *районные делегатские собрания,* то теперь оно имело полную возможность проверять настроение рабочих, знакомиться с волей и желанием рабочей массы непосредственно на заводах. Делегатские же районные собрания руководили работой заводских групп, об'единяли союзную работу в пределах района.

Благодаря организации заводских групп, правлению союза удалось подвести, наконец, под профессиональную организацию тот фундамент, которого так недоставало союзу за все время его существования. Теперь создавалась прочная, неразрывная связь с местами, содействовавшая успешному вовлечению в союз новых членов и укреплявшая общесоюзную работу. Так сплачивали, так укрепляли большевики союзную организацию не на словах, а на деле...

Количество членов союза неизменно повышалось: в июле 1913 г. союз насчитывал еще 5.025 чел. членов; в октябре было уже 6.811 чел., к январю 1914 года эта цифра выросла до 10.273 человек. К моменту закрытия союза, в марте 1914 года, в союзе было уже свыше 12.000 членов...

Одной из главных забот правления была разработка инструкции; существовавшая до того времени инструкция во многом устарела, нуждалась во многих исправлениях и дополнениях.

Обновленная инструкция была проведена на общем собрании членов в 1914 году 19 января. Центральным пунктом этой инструкции был порядок оказания помощи бастующим членам союза.

Большое внимание уделило правление также и организации института уполномоченных от фабрик и заводов. Тут необходимо было всячески лавировать, чтобы не дать полиции возможности придраться и закрыть союз.

Желая сблизить союз с малообеспеченной частью рабочих, правление союза сумело добиться от общего собрания понижения членского взноса для женщин и чернорабочих. Крупной заслугой большевистского правления было также и то, что оно первое подошло к вопросу о женском труде, поставило в порядок дня союзной работы привлечение в союз женщин. Вопрос о положении женщины-работницы не только освещался на страницах журнала «Металлист», но ему была посвящена также целая агитационная кампания. По районам и даже на отдельных заводах были поставлены правлением доклады о положении женщины в металлообрабатывающей промышленности. Докладчицами являлись работницы Алексеенкова и Афанасенкова. Агитация не прошла бесследно, и союзные ряды пополнились работницами. В начале 1914 года в союзе уже насчитывалось свыше 200 женщин, тогда как в 1913 г. работниц членов союза было всего лишь 25 человек.

Достойно внимания также то, что правление считало необходимым публиковать если не целиком, то хотя бы в выдержках протоколы своих заседаний, предоставляя таким образом самим рабочим производить оценку деятельности правления. Труднее было использовать другой путь общения с союзной массой—общие собрания. Разрешения на них давались сравнительно легко (хотя градоначальство и стало требовать программы докладов), но «по странному стечению обстоятельств» все большие помещения в центре города оказывались занятыми именно в необходимый союзу день. Бывало даже, что домовладелец, уже сдавши помещение, через день—два, под чьим-то невидимым давлением, спохватывался и возвращал задаток. Но нет худа без добра: трудности, с которыми было сопряжено устройство общегородских собраний, побуждали правление учащать собрания районные, которые бывали и многолюдней, относительно, конечно, и оживленней общегородских. Редкое собрание проходило гладко, без полицейского вмешательства и инцидентов...

Закрытие союза.

...Были неоднократные наскоки на союз. Так, например, в январе 1914 г. градоначальник потребовал представления ему книг правления для ревизии. Правление постановило не подчиняться этому требованию и предложило градоначальству знакомиться с делами общества на месте, само же решило, что дни союза сочтены, и даже обсуждало уже вопрос о том, призвать ли рабочих к забастовке протеста в случае закрытия союза.

Решающий удар союзу был нанесен чуть ли не в тот самый день, когда «О-во фабрикантов и заводчиков» одним росчерком пера выбросило на улицу 70.000 рабочих. Локаут был об'явлен 19 марта 1914 г., в наказание за забастовки протеста, которыми реагировали рабочие на массовое отравление своих товарищей на фабрике «Треугольник».

Локаут раскалил и без того уже сгущенную атмосферу. Перед союзом стал во всю ширину вопрос о неизбежности столкновения с обнаглевшим капиталом.

Еще острее, пожалуй, стоял вопрос о необходимости повести союзную массу в решительный бой с самодержавием. Но правительство в свою очередь предугадывало намерение союза, к тому же надвигалась угроза мировой войны. Полиция решила действовать, ей необходимо было освободить себя от всего того, что могло помешать «единому патриотическому настроению, единой патриотической воле». Градоначальник решил поэтому «дерзнуть». В конце марта 1914 г. решено было: «на основании статьи 35 приложений к ст. 1181 о предупреждении и пресечении преступлений т. XIV, действия профессионального общества рабочих металлистов приостановить».

«Металлист» справедливо подчеркивал, что тут было не простое совпадение, что не случайно союз закрыт именно тогда, когда рабочие особенно сильно нуждались в его моральной и материальной поддержке. «Это был»—говорит журнал—«наглядный урок политической экономии, ничем не запутанный, ничем не прикрашенный». Это яркое обнажение классовой борьбы делает совершенно несущественным вопрос о том, какие именно прегрешения

были поставлены в вину союзу, неправильное ведение протоколов, не представление сметы общему собранию, финансирование журнала «Металлист» и т. п.

«Рабочие не должны забывать»—пишет тот же «Металлист»—«что закрытие союза это только простая формальность, что тут дело не в отдельном решении присутствия, а в соотношении борющихся сил. И это соотношение уже заранее определило и постановление градоначальника и решение присутствия».

Но еще более, чем в 1913 г., 12-тысячная масса членов союза не склонна была складывать оружие. «Металлисты вынуждены разойтись, чтобы завтра снова сойтись. Мало одной подачи нового устава на регистрацию, нужно эту подачу обвить тесным кольцом рабочей самодеятельности», — говорит передовица журнала...

Действительно, линия рабочего движения неудержимо шла вверх, и трудно было представить себе, чтобы рабочие металлисты остались распыленными, не сумели добиться признания своей организации. Но налетевший шквал мирового империализма спутал все карты...

Союз и департамент полиции.

...Охранное отделение серьезно было озабочено положением дел в союзе, заинтересовано в его максимальной работоспособности и серьезно опечалено тем, что в правление союза попали люди «неспособные, неделовые». В действительности же охранка просто на просто стремилась возможно больше ошельмить большевиков в глазах начальства, чтобы хоть этим несколько скрасить весьма неприятный факт—победу большевиков. Таким освещением факта большевистской победы охранка хотела еще больше вооружить департамент полиции против союза металлистов и тем самым возможно скорее разделаться с причиняющей ей столько забот организацией.

Но департамент полиции не нуждался в таких подстрекательствах. Он не меньше, если даже не больше охранного отделения, боялся союза металлистов, ненавидел его и стремился к его уничтожению. Чрезвычайно интересна в этом отношении переписка директора департамента полиции Белецкого с начальником главного управления по делам печати графом С. С. Татищевым по поводу сравнительно невинной статьи «Металлисты, организуйтесь», помещенной в ликвидаторской газете «Луч».

Департамент полиции несколько раз обращался в главное управление по делам печати с настойчивыми письмами, прося сообщить, какие меры наказания предприняты управлением по отношению к автору статьи и редакции газеты. Такая настойчивость заставила Татищева обратиться лично к Белецкому с письмом, в котором он просил об'яснить, чем вызван особый интерес департамента к этой статье (прошедшей, по всей вероятности, незамеченной со стороны менее искушенного в делах сыска управления по делам печати). И Белецкий раз'яснил ему в своем ответном письме.

«Милостивый государь граф Сергей Сергеевич! Вследствие письма вашего сиятельства от 4-го сего июня за № 7489, имею честь уведомить вас, что просимые мною сведения по поводу помещенной в газете «Луч» статьи под заглавием «Металлисты, организуйтесь», интересует меня в целях избежания возможности двойного преследования редактора названной газеты, так как за помещение указанной статьи могло быть наложено административное взыскание на редактора и по распоряжению градоначальника.

«Наконец, вопрос о репрессии в той или иной форме за помещенную статью, явно агитационного характера, вызывает с моей точки зрения необходимость принятия соответствующих мер против усиливающейся вредной деятельности общества металлистов по организованию им рабочих, о каковой деятельности в настоящее время при Петербургском охранном отделении производится переписка в порядке положения о государственной охране.

«Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении и преданности. *Белецкий»*.

Не говоря даже о самой деятельности, один только призыв к укреплению организации привел, оказывается, департамент полиции в неистовое бешенство.

Теперь уже не одна полиция, а и охранное отделение также всесторонне интересуется союзом, информирует высшие инстанции о каждом проявлении его деятельности.

В то время, как полиция систематически тормозила деятельность союза, не разрешая районных и общих собраний членов, препятствуя созывам делегатских совещаний, охранка своими сообщениями подготовляла постепенно юридическую смерть союза...

Обескураженный победой большевиков, департамент полиции решил действовать напролом. Градоначальнику дается определенная и ясная директива—закрыть союз металлистов во что бы то ни стало. 7 сентября директор департамента полиции Белецкий обращается к Петербургскому градоначальнику со следующим письмом:

«Директор департамента полиции. Доверительно.

Милостивый государь Даниил Васильевич!

Последнее собрание членов профессионального общества рабочих металлистов, состоявшееся 25-го прошлого августа в помещении Центрального общественного собрания (Кронверкский пр., д. 11), выборами нового правления указало, что большинство членов собрания названного общества находится под непосредственным влиянием Российской социал-демократической рабочей партии, так как все 12 вновь избранных лиц принадлежат к Российской социал-демократической рабочей партии.

Результат этих выборов указывает на огромный успех названной партии, которая проводит в жизнь постановление IV с'езда представителей социал-демократических организаций в г. Стокгольме в 1906 г., подтвержденное следующим Лондонским с'ездом в 1907 г. и последующими с'ездами.

Этими постановлениями с'ездов установлен тот принцип, что одной из основных целей социал-демократов в профессиональных союзах является

признание профессиональными союзами идейного руководства пролетарской партии и установление организованной связи между союзами и партией.

Таким образом, судя по выборам 25-го августа, нельзя не притти к заключению, что цель Российской социал-демократической рабочей партии в этом профессиональном союзе вполне достигнута.

В виду изложенного и принимая во внимание, что профессиональный союз рабочих металлистов два раза уже закрывался и вновь разрешенный к открытию в мае текущего года, повидимому, следует примеру предыдущей своей деятельности, я покорнейше просил бы ваше превосходительство не отказать в распоряжении о принятии самых действительных мер к тому, чтобы в ближайшем будущем деятельность этого союза была авторитетно раз'яснена присутствием по обществам и союзам. О последующем буду ждать ваших сообщений. *Белецкий.*

№ 103870, 7-го сентября 1913 г. За нач. отделения (подпись)».

Мы видим, что участь союза фактически была уже предрешена. Департамент полиции не мог допустить легального существования большевистского правления, не мог спокойно наблюдать усиление мощи революционного союза. Успех, достигнутый большевиками, вывел департамент полиции из состояния равновесия. Не успело правление еще как следует опериться, наметить определенные рамки работы, как в «сферах» решено было избавиться от беспокойного союза.

В то время как новое правление, окунувшись в гущу революционных событий, строило планы борьбы, разрабатывало тактику наступления и на капитал и на правительство, в лаборатории полицейщины, в свою очередь, разрабатывался план закрытия красного союза.

Решено было «авторитетно раз'яснить союз», то-есть против него должно было быть создано какое-либо фиктивное дело в нарушении правил 4 марта 1906 года...

б) Союз печатников Прибалтийского края.

(А. Пирейко, см. „Материалы к истории проф. движения“ № 1, стр. 121—132, изд. 1924 г.).

...Рижский профессиональный союз печатников на данной стадии его развития был больше цеховым союзом, чем профессиональным, об'единяющим всех рабочих данного производства. Правда, в 1911 году особых запретительных рогаток со стороны правления профессионального союза, чтобы не пускать в профессиональный союз неквалифицированных рабочих, не было, и всякий сознательный рабочий, хотя бы он был и чернорабочий, мог при желании вступить в профессиональный союз. Но ведь этого мало. Тут надо было еще правлению вести большую работу в смысле воспитания неквалифицированной рабочей массы, чтобы она вступала в ряды профессионального союза. Правление же, состоящее из Вильде, Мишке, Трейманов и Прувли и других (все они были высококвалифицированные рабочие и половина из них уже тогда занимала административные посты в типографиях), не только не

предпринимало никаких шагов к тому, чтобы втянуть необученных рабочих в профессиональный союз, но, наоборот, считало их для союза балластом... Предстояла нелегкая задача чисто-цеховой профессиональный союз, который об'единял тогда верхушку рабочего класса, превратить в такой профессиональный союз, который бы об'единял всех рабочих данного производства. В этом направлении правление не только не работало, но всячески ставило палки в колеса и тому, кто хотел работать.

Между прочим, переплетчики были почти на таком же положении, как и чернорабочие; они почему-то хуже оплачивались, чем печатники. Наборщики и переплетчики неохотно принимались в профессиональный союз.

Для меня и для многих других товарищей, приехавших в Ригу из Петрограда и Москвы, все это казалось очень диким, потому что в России никогда не было случая отказа в приеме чернорабочих в профессиональный союз, как это имело место в Риге у печатников. Никакие наши доводы на тогдашних деятелей рижского профессионального союза печатников — о том, что без помощи чернорабочих немыслима борьба с капиталистами, не действовали. Они с ослиным упрямством твердили одно: «в Германии профессиональные союзы печатников начали свою работу с организации по цехам, и мы должны так делать. Что вы там говорите про Россию? Россия страна отсталая и она должна учиться у более передовой страны, как Германия». Словом, рижские деятели профессионального союза печатников того времени копировали Германию по-обезьяньи. Там профессиональное движение возникло при совершенно иных условиях, и в Германии уже тогда переходили от цеховых профессиональных союзов к производственным. И зачем нам все это повторять? На все это наша маленькая, тогда оппозиционная группа, во главе с т. Г. И. Фрейвальдом, указывала. Но пока мы не завоевали известного влияния в рабочих массах, с нами не только не считались, над нами смеялись: больше того, считали нас просто болтунами, которые мешают работать. И тут пришлось взяться за работу основательно. Тогда в профессиональном союзе были комиссии печатников, наборщиков и переплетчиков. Мы предложили организовать еще комиссию неквалифицированных рабочих и учеников. Под нажимом с нашей стороны это было разрешено. Во главе комиссии стал т. Г. И. Фрейвальд.

Комиссия переплетчиков и неквалифицированных рабочих, в особенности последняя, были самыми живыми, революционными комиссиями. На первых порах своей деятельности мы столкнулись с двумя следующими вопросам: во-первых, слишком велики членские взносы, и, во вторых, все собрания ведутся на немецком языке, которого большинство рабочих не понимает...

...Состав правления, как главы профессионального союза, нужен был другой, и этого необходимо было добиться, так как осенью 1912 года назревала экономическая стачка печатников всего Прибалтийского края, ибо срок тарифного договора с хозяевами кончался осенью 1912 года, и то, что хозяева добровольно не пойдут на уступки — этого не отрицали и цеховики, сидящие в правлении, но это правление не способно было вести массы пе-

чатников за собой... Работа нашей комиссии, так называемой «неквалифицированной», еще более оживилась, и переплетчики, во главе с тов. Елковским-Терновым (Михаилом Ивановичем), к нам примкнули. Эти две комиссии превратились во что-то на подобие фракции. Все более революционные силы профессионального союза в ней сконцентрировались и твердо решили использовать весну и лето и устраивать собрания свои на вольном воздухе, в лесу, так как комиссии наши стали уже настолько многолюдны, что правление наших собраний ни за что не стало бы терпеть в союзе. Так и сделали: в профессиональном союзе сходились только президиумы этих комиссий, а все общие собрания были в лесу. Февральское собрание дало сильный толчек для борьбы за перерождение професс. союза. Тут уже подоспели Ленские события, на которые мы также реагировали своими собраниями и резолюциями... Забастовка печатников была назначена на сентябрь 1912 г., чуть ли не за полгода, с согласия правления. Вообще, нужно сказать, против такой законной забастовки правление не возражало, если предприниматели не примут нового тарифа. Старый тариф, в виде коллективного договора, был заключен с предпринимателями 5 лет тому назад. Он касался, главным образом, квалифицированных рабочих. Новый же тариф уже включал и значительную категорию вспомогательных рабочих, сиречь неквалифицированных. К этому времени, т.-е. к моменту забастовки, был избран стачечный комитет, и правление, опасаясь, что деньги будут конфискованы, а денег в профессиональном союзе по тогдашним временам было много (15.000 руб.), переслало их в Германию в профессиональный союз печатников, и оттуда во время забастовки деньги присылали на имя тех лиц, которые были вне всяких подозрений.

Забастовка из-за тарифа была об'явлена за 2 недели вперед, вполне по закону, как полагалось тогда при расторжении договора найма. И это предупреждение о забастовке за 2 недели вперед правлением было разослано по всем типографиям всех 9 городов Прибалтийского края. Делегаты правления предварительно об'езжали все провинциальные отделы. И вот эта немецкая аккуратность предупреждать о забастовке за две недели и дала возможность предпринимателям сплачиваться и давать отпор рабочим, как только получалось на местах предупреждение, что, в случае неудовлетворения пред'явленных требований, может возникнуть забастовка...

Профессиональный союз был, разумеется, закрыт полицией еще до окончания забастовки. При обыске в помещении профессионального союза, после которого последовало закрытие профессионального союза, полиция придралась к тому, что в профессиональном союзе не оказалось денег. На этом, якобы, основании профессиональный союз и был закрыт. Все это, конечно, чепуха: если бы оказались деньги, то их бы просто конфисковали и нашли бы другую причину для закрытия профессионального союза, так как ни один профессиональный союз дореволюционного времени во время забастовки не мог уцелеть от разгрома полиции. То, что деньги были пересланы в Германию и во время забастовки израсходованы на бастующих,—было сделано умно...

С осени 1912 г. по 1913 г. легально профессионального союза не было, но он существовал фактически нелегально, руководимый, главным образом, фракцией большевиков. Работа, главным образом, свелась к тому, что под нашим давлением был выработан и подан на регистрацию новый устав профсоюза. Целый год мы готовились к тому, чтобы с легализацией профессионального союза посадить в правление других людей и не допустить тех, которые были в старом правлении, и осенью 1913 года, когда союз был легализован под названием «Общество рабочих графических искусств», на учредительном собрании нового профессионального союза в сентябре 1913 г. мы выступили против цеховиков во всеоружии и вполне организованно. Последние выступили тоже организованно и старались в утвержденный губернским присутствием об обществах и союзах устав внести целый ряд поправок: они хотели превратить профессиональный союз в еще более реакционный, чем он был до забастовки 1912 года... Наш устав прошел целиком. Да иначе и быть не могло! Тут, как раз на этом собрании, роли переменились. Наша оппозиционная группа превратилась в господствующую, а прежняя господствующая группа должна была стать к нам в оппозицию, но цеховики оказались неспособными быть в оппозиции, а просто заявили, что они уходят из такого профессионального союза. В новое правление нам удалось провести людей, которые все были сторонниками того, что союз должен об'единять всех рабочих данного производства, без всякого деления на квалифицированных и неквалифицированных...

Новое правление профессионального союза понизило членские взносы: неквалифицированные платили 10 коп., ученики—5 коп. в неделю; для квалифицированных остался прежний взнос с уничтожением I разряда (50 коп. в неделю). Таким образом, профессиональный союз стал более доступен для широкой массы. В журнале печатались корреспонденции с мест и статьи на 3 языках — латышском, немецком и русском. Велась культурно-просветительная работа при помощи лекций, экскурсий, и для членов профессионального союза, желающих посещать вечерние курсы, была устроена большая скидка. Кроме того профессиональный союз много сделал в области организации больничных касс...

В 1913 году при требовании полиции от всех обществ и союзов, существовавших на основании закона 4 марта 1906 года, представить список всех членов общества, под нашим давлением печатники впервые отказались его выполнить. Это была неслыханная дерзость со стороны союза печатников, правление которого в 1911—12 г.г. все свои статьи в журнале сдавало в предварительную цензуру, когда этого от них никто не требовал. Но наша фракция большевиков не могла себя проявить в дальнейшем в связи с тем, что началась война, а, как известно, на Риге, как на революционном центре, война слишком отразилась, в особенности на печатниках. В связи с войной, большинство типографий было закрыто, и лучшая, более активная часть рабочих была мобилизована...

в) Союз пекарей и кондитеров в подполье.

(Б. Иванов — „Проф. движение рабочих хлебо - пекарно - кондит. произв.", стр. 120—122, изд. 1920 г.).

1914 год был годом, когда волны рабочего движения поднялись высоко, когда весь ход движения напоминал вновь период 1905 и 1906 годов...

Начало года для рабочих пекарей и кондитеров принесло один из очередных ударов реакции — закрытие союза по распоряжению петербургского градоначальника; одним росчерком пера разрушилась и уничтожилась рабочая организация, просуществовавшая около семи лет, воспитавшая не один десяток деятелей рабочего движения, связавшая вокруг себя около двух тысяч рабочих...

...Но в ответ на это закрытие орган союза «Жизнь Пекарей» ответил в своей статье не словами уныния, а словами бодрости и призыва к борьбе.

«Мы знаем, — говорит автор передовой статьи журнала, — что в рядах тружеников, услышавших эту весть, вместе с печалью о закрытом союзе вновь вспыхнет живая вера в создание новой организации.

Рабочий класс России, несмотря на все препятствия, полон творческих сил, и потому он не может жить без организации, она уже вошла в плоть и кровь пролетариев, пронесена в пылу непрерывных жарких битв труда с капиталом, бывших за последнее десятилетие. И разрушенный союз, вновь возродившись, станет реальной силой момента».

На закрытие союза рабочие массы пекарей и кондитеров ответили целым рядом резолюций, принятых на собраниях по районам города, в пригородах и по отдельным предприятиям, в каковых политика удушения рабочей организации резко осуждалась рабочими, и везде раздавался единодушный крик: Да здравствует новый союз! И этот союз появился на месте закрытого союза.

На собраниях было решено подать на регистрацию новый устав на открытие союза под названием «Союз рабочих мучных изделий», а пока основать нелегальный союз, и эта идея, конечно, не осталась в воздухе, *нелегальный союз возник*. Ему в деле основания и существования помогли существующие общежития безработных: они явились основным фундаментом данного союза, и потом, когда месяца через два союз рабочих мучных изделий был зарегистрирован особым присутствием, то нелегальный аппарат союза полностью перешел во вновь открытый союз и этим фактом почти не остановил жизни рабочей организации.

4. Роль союзов в стачечной борьбе.

а) Петербургские металлисты руководят стачками.

(Ф. Булкин-Семенов—„На заре профдвижения", стр. 277—279, 407, изд. 1924 г.).

Верный союзник всех рабочих организаций, большевистская социал-демократическая фракция Государственной Думы выработала к началу 1914 г. законопроект о максимальном 8-ми часовом рабочем дне. Не располагая

готовым материалом в области условий труда, социал-демократическая фракция обратилась к призывом ко всем рабочим организациям заняться сбором статистических данных о положении рабочих.

Союз металлистов подхватил призыв фракции, предпринял ряд практических шагов в этом направлении и выпустил специальную анкету, долженствовавшую осветить условия труда рабочих металлообрабатывающей промышленности Петербурга. Но одно дело собрать данные об условиях труда, а другое добиться хоть какого-нибудь улучшения в этой области. И вполне понятно поэтому, что центр внимания правления союза сосредоточился на том, чтобы охватить массовое экономическое движение рабочих и придать ему планомерность, указать рабочим, когда можно переходить в наступление и когда осторожней и выгодней сдержанность. Острием экономической борьбы союз стремился сделать требование социал-демократической фракции о 8-ми часовом рабочем дне. За 8 месяцев 1913 г. через правление союза прошло 117 конфликтов. В некоторых случаях предложения союза о переговорах имели успех, главным образом, в мелких предприятиях, владельцы которых не состояли в предпринимательском союзе. Несколько иначе обстояло дело в крупных предприятиях, администрация которых не считала нужным вести переговоры с рабочей организацией (Трубочный завод, 8-я мастерская, Вулкан, Сименс-Гальске и др.). Далеко не все конфликты оканчивались в пользу рабочих, но тем-то и отличается период под'ема от упадочной полосы, что даже поражение не угнетало духа масс, а ощущалось лишь как временная заминка, которую нужно преодолеть и с еще большей энергией приняться за борьбу.

А под'ем боевого настроения рабочих и созданное им революционизирование союза не было ни случайным, ни преходящим. Несомненно, что здесь имело место наростание революционной классовой энергии, аналогичное 1905 г. и приостановленное затем войной на целые 3 года. И этот период 1912—1914 г.г. характеризуется в жизни союза еще более тесным переплетением политики и экономики, чем то имело место в 1905 г. В 1912 г. рабочие реагировали забастовками на арест своих уполномоченных, на запрещение обсуждать на союзных собраниях страховые законы. В 1913 г. мы имели 6 всеобщих политических стачек: 9 января, 4 апреля (годовщина ленского расстрела), первомайскую забастовку протеста по поводу суда над кронштадтскими матросами, по поводу суда над обуховцами (6 ноября) и против преследований рабочей печати. Сверх того, ряд наступательных экономических стачек. И всюду союз являлся руководящим центром.

Стачечная борьба выражалась в ряде длительных конфликтов, причем рабочие с одинаковым упорством защищали как чисто экономические требования, так и такие, которые связаны были с признанием их человеческого достоинства и права на организацию.

Очень характерна в этом отношении была упомянутая нами выше забастовка на заводе Лесснер в 1912 г., когда возмущенные рабочие потребовали удаления мастера; администрация не пошла ни на это, ни на предложенный ей третейский суд, и в результате вспыхнула забастовка, осложнившаяся

экономическими требованиями и продолжавшаяся 110 дней. При этом ряд других заводов счел нужным 2-3 дневными забастовками выразить свою солидарность с лесснеровцами.

Основной задачей правления было создать настолько тесную связь с массой, чтобы все экономические забастовки проходили под руководством союза, и все растущая революционная энергия находила себе выход в широких организованных кампаниях. О разграничении политики и экономики нечего было и думать: наоборот, союз считал своим долгом подымать стихийное экономическое движение на высоту политической классовой борьбы...

Победа давалась рабочим очень и очень не легко. На каждого участника экономической борьбы приходилось 16,1 потерянных рабочих дней. В отдельных схватках с капиталом рабочие проявляли максимальную выдержку и стойкость, которая могла бы служить примером даже для организованных в мощные союзы западно-европейских рабочих. Стачка осейно-кузнечной мастерской зав. Нобель тянулась 3 с лишним месяца, с 2 апреля до 3 июля. Стачка закончилась победой рабочих. Стачка на заводах Металлическом и Розенкранц продолжалась по 5 недель. На заводе Эриксон борьба закончилась лишь по истечении 7 недель. И, наконец, известная забастовка на заводах Сименс-Гальске продолжалась 91 день, стоила рабочим 118.000 потерянных рабочих дней, 250.000 руб. заработной платы. Забастовки были проиграны. Но после того только, как был арестован стачечный комитет, арестованы 200 участников забастовки и 100 рабочих высланы из Петербурга. Рабочие были не побеждены, а разгромлены.

На ряду с общими экономическими требованиями, сводившимися в общем к возвращению утерянных позиций 1905—6 г.г., рабочие выставляют требования организационно-правового характера: введение фабричных старост или уполномоченных или признания заводских комиссий. Инициатором этого движения был завод Речкина. В резолюции, принятой на собраниях бастующих речкинцев, говорится:

«Институт заводских старост является одним из способов построения рабочей организации... Мы будем вести борьбу за введение его у себя на заводе и предлагаем другим заводам делать у себя то же самое».

Это требование выставляют путиловцы, рабочие Невского завода, эриксоновцы и др. Редко можно было отметить стачку, где бы рабочие опустили этот пункт и не требовали бы создания на заводе института старост, выборных от рабочих.

И действительно, по всей России констатировано до 300 случаев пред'явления этого требования при 74.000 бастующих; из них на долю питерских металлистов приходится 44 случая при 25—27 тыс. участников.

Вместе с тем, эти требования вызывают самый резкий отпор со стороны хозяев. О-во фабрикантов и заводчиков особым циркуляром предписывает своим членам скорей соглашаться на экономические уступки, чем поступаться своими хозяйскими правами, отказываться от принципа «хозяйская рука—владыка»...

О размерах стачечного движения 1913—14 г.г. можно судить по тому, что в мае и первой половине июня, т. е. за полтора только месяца, зарегистрировано 50 экономических забастовок и свыше 10 тыс. участников. Требования: увеличение зарплаты, вежливое обращение, удаление зарвавшихся администраторов и т. п. Встречаются требования отмены сверхурочных работ, сокращение рабочего времени.

Характерно также и упорство, с каким рабочие ведут экономическую борьбу. Петербургский Арматурно-электрический завод бастует 67 дней. Стачка не окончена. Парвиайнен бастует 50 дней. Гвоздильный завод— 60 дней. Стачка маляров на Путиловском заводе продолжается 50 дней.

Нами приведен для примера не какой-либо исключительный по интенсивности стачечного движения месяц. В октябре 1913 г. наблюдается то же самое. За 1 месяц возникло 40 экономических забастовок с 4.360 участниками, между тем как в предыдущие годы годовые итоги были ниже этих цифр.

К сожалению, в нашем распоряжении нет более или менее точного учета экономических забастовок 1913—14 г.г. и их результатов. Но во всяком случае достижения их вполне опровергли доктринерские утверждения меньшевистских руководителей союза, что пока большинство рабочих не будет организовано, пока не удастся изменить «правовые условия» (сиречь, вырвав у самодержавного правительства право коалиций), рабочим нечего и думать о широкой экономической борьбе...

...Опыт 1912—14 г.г. показал, что при сочетании экономического под'ема страны с политическим под'емом рабочего класса экономическая борьба даже неорганизованных масс может не только дать реальные результаты в смысле конкретных завоеваний, но и содействовать росту классового сознания, сплоченности и организованности масс. Так, союз металлистов хотя и не превратился в эти годы в массовую организацию в смысле охвата массы своими организационными рамками, но по своему влиянию, авторитетности и духовной сращенности с рабочими-металлистами может смело стать на одну доску с профсоюзами по-революционной эпохи.

Об'единяя ничтожный, сравнительно, % петербургских металлистов, союз руководил их стачечной борьбой и приводил рабочих к победе не с помощью богатой кассы и педантических инструкций, а своим умением бить в слабое место своего противника — капитала и мобилизовать в пользу борющихся рабочих самое сильное оружие пролетариата, его классовую солидарность.

Говоря так, мы не думаем, конечно, отрицать громадное значение профессиональной организованности, как не отрицали ее и большевики-профессионалисты в 1912—14 г.г. Напротив, один из виднейших членов правления Киселев в программной статье («Металлист» № 9 за 1913 г.) выдвигает на первый план организационную работу союза в массах и внесение планомерности в стачечную борьбу. И не будь катастрофы 1914 г., союз наверное развил бы кипучую организационную работу. И все же какими жалкими кажутся 12.000 рублей, накопленные союзом в течение 5-летнего прозяба-

ния в сравнении с 12.000, собранными в течение 2 месяцев 1913 года на поддержку одной лишь забастовки, собранными силой революционного энтузиазма и пробуждения классовой солидарности пролетарских масс.

Этот революционный энтузиазм и делал союз сильным и опасным и для буржуазии, и для правительства. Если в 1907—1910 г.г. союз, несмотря на свои сбережения, правда очень незначительные, вынужден был под натиском союза фабрикантов сдавать одну позицию за другой, то в 1913—14 г.г. молодой, неокрепший, без какого бы то ни было стачечного фонда союз неоднократно вел революционные колонны металлистов к победе...

б) Союз рабочих-портных в стачечной борьбе.

(И. Меньшинин—„Проф. союз рабочих-портных г. Харькова", см. Матер. по ист. проф. движ. № 1).

Все лето (1912 г.) работа правления была направлена в сторону подготовки к борьбе с хозяевами-портными во время предстоящего осеннего сезона. К концу лета в каждой большой портняжной мастерской имелись такие товарищи, на которых можно было вполне положиться во время борьбы с хозяевами-портными. Был разработан приблизительный план проведения кампании. В таком положении было дело к началу сезона.

Пришла осень. У портных наступила страдная пора. Прижившиеся во время летней безработицы рабочие-портные — все на местах и, стараясь побольше заработать, работают днем и ночью. Безработных совсем нет. Хозяева-портные, желающие нанять новых рабочих-портных, не могут этого сделать. Момент для пред'явления требований самый удобный, и правление союза решает его использовать.

Первыми пред'явили требования рабочие дамского верхнего платья магазина Папирова. Эта мастерская была выбрана первой для пред'явления требований потому, что в ней производилась работа высокого качества, выполнявшаяся специалистами-портными, которых было трудно заменить вообще, а тем более в сезон. Рабочие и работницы этой мастерской были сравнительно хорошо организованы, работали помесячно и почти все в мастерской. В этой мастерской работал член правления т. Нодельман, через которого правление и оказывало воздействие на рабочих. Хозяину мастерской г. Папирову были известны все плюсы, имевшиеся на стороне рабочих, и он не допустил до прекращения работы, удовлетворив требования своих рабочих полностью.

Расчет правления союза оказался верен, и первая мастерская, пред'явившая требования, выиграла их полностью. Выигрыш в начавшей движение мастерской был особенно важен, так как он поднимал настроение среди остальных рабочих-портных; именно с этим расчетом в мастерской Папирова и были требования пред'явлены первыми...

Дружно проведенные забастовки у Бейзеля и Волкова показали хозяевам-портным, что рабочие-портные не на шутку взялись за улучшение своего положения и что на их карманы готовится покушение. Сознав это, хозяева-

портные забегали друг к другу и начали созывать свои хозяйские собрания. Движение среди хозяев возглавлялось Г. Г. Купчинским, ярым противником рабочего движения. Под председательством Купчинского состоялось несколько хозяйских собраний. На одном из этих собраний хозяевами-портными было решено не итти на уступки требованиям рабочих, в случае же забастовки и продолжения ее более трех дней об'явить бастующим локаут.

О собраниях хозяев и выносимых на них решениях мы узнали, хотя они и старались не допускать на них никого из рабочих. Решение хозяев не испугало рабочих, и после окончания бейзелевской и волковской забастовок были пред'явлены требования рабочими магазина военного платья Комиссарова.

Рабочих в этом магазине было 30 человек, из них 10 человек работало в мастерской, а остальные на своих квартирах. 2 октября требования были пред'явлены, и Комиссаров обещал дать ответ на утро следующего дня. Когда на следующее утро делегаты явились за ответом, то Комиссаров сказал им: «Я еще не успел глаз продрать, а вы уже хотите ответа. Ведь вы исписали целый лист бумаги. По крайней мере, нужно два дня подумать, а потом я могу что-либо сказать». После получения такого ответа рабочим ничего не осталось, как об'явить забастовку, и она была об'явлена 3 октября. При об'явлении забастовки была уверенность в том, что Комиссаров не сможет долго держаться. Уверенность эта основывалась на том, что сезон был в полном разгаре, и у Комиссарова было много срочных заказов. Действительность не оправдала этих предположений и не оправдала потому, что была недооценена организованность хозяев-портных. Хозяева запретили Комиссарову итти на уступки и в виде компенсации за упускаемое сезонное время стали выполнять комиссаровскую работу в своих мастерских, под видом своей работы. Борьба осложнилась. Вместо одного хозяина, у которого забастовали рабочие, приходилось иметь дело с несколькими, и такими, у которых забастовки не было. Когда правление союза узнало, что хозяева начали вести борьбу организованно и активно помогают Комиссарову сломить упорство его бастующих рабочих, то пришлось об'явить забастовку в тех мастерских, хозяева которых брали комиссаровскую работу и под видом своей давали ее рабочим. Об'явлены были стачки у Купчинского, Ищенко и Басс.

У Купчинского в это время начали работать, так как он не счел нужным выполнять проведенное собранием хозяев решение и удовлетворил требования своих рабочих полностью.

Через несколько дней Комиссаров и Ищенко позвали на переговоры своих рабочих и пришли с ними к соглашению. Рабочими были сделаны некоторые уступки, и прибавка выразилась в 1 р. 50 к. на крупную вещь и соответственно меньше на мелкие.

Последними пред'явили требования рабочие-портные мужского платья магазина Бургиньон. Руководитель магазина Бургиньон, мосье Морель, отказался удовлетворить требования своих рабочих на том основании, что он давно уже платит те цены, какие начали платить другие после забастовок этого сезона. Этот ответ рабочих не удовлетворил, и они прекратили работы...

Забастовка в магазине Бургиньон закончилась полным удовлетворением требований рабочих.

Целый ряд забастовок, бывших среди рабочих-портных за короткий период времени поставил на ноги администрацию Харькова.

В помещении союза явился советник губернского правления Филонов и пред'явил секретарю союза т. Свердлину и казначею т. Чернышеву требование о представлении ему всех дел союза. Просмотрев дела, Филонов взял с собой один экземпляр устава союза, книгу записи членских взносов, отчет правления союза, приходо-расходную книгу, книгу протоколов, денежные и другие документы. Союз же был закрыт администрацией. Но работа его не пропала даром. Результатом организованного движения было общее повышение заработной платы рабочим-портным гор. Харькова.

в) Результаты экономических стачек.

(Д. Антошкин—„Проф. движ.", стр. 199—200, изд. 1924 г.).

В экономических стачках приняли участие: в 1912 г.—207.720 рабочих, в 1913 г.—365.000 (подсчетам рабочих газет около 750 тысяч), в 1914 г.—278.340 (в предприятиях, подчиненных надзору фабр. инспекции).

Стачки этих лет—особенно 1913—1914 г.г.—носили ярко-выраженный наступательный характер, причем среди требований на первом месте, например, в 1913 г. стояло увеличение заработной платы (215.400 стачечников), затем следовали: сокращение рабочего дня, улучшение санитарных условий, отмена штрафов, отмена сверхурочных, выдача квартирных, сокращение рабочего дня под праздники, отпуски и т. д. В 1914 г. было 474 стачки из-за заработной платы и 349—из-за рабочего времени.

По официальным данным результаты экономических стачек были неблагоприятны для рабочих в 1913 г.; полным или частичным успехом стачки окончились для 82.870 рабочих из 269.470, т.-е. для 69,2% участников стачки окончились поражением. В 1914 г. из 969 экономических стачек окончилось победой рабочих 89 или 9,1%, соглашением—72 или 7,5%, поражением рабочих—808 или 83,4%. Как видим, по результатам экономические стачки стали еще более невыгодными, чем в 1913 г. Одной из причин неудач экономической борьбы в эти годы, несомненно, является небывалое обострение классовых отношений и в связи с этим небывалое упорство предпринимателей, об'единенных в боевые союзы, причем буржуазия стояла плечом к плечу с дворянско-помещичьим государством против пролетариата. У рабочих же отсутствовали сильные профессиональные союзы, которые могли бы придать большую устойчивость рабочим в борьбе.

Чем труднее было вырвать экономические уступки у капиталистов, тем настойчивее разгоралась политическая борьба, что мы уже видели на цифрах политических стачек. При этом рабочий класс все решительнее становился под знамя большевиков, которые фактически руководили движением; ликвидаторы же скрежетали зубами, не будучи в силах остановить «стачечный азарт», как они изволили выразиться.

IV. Идеология профессионального движения.

1. Ликвидаторы и рабочее движение.

(Л. Каменев—„Между двумя революциями“, стр. 492—498, изд. 1924 г.).

...Лозунг открытой партии стал явным, громко высказываемым лозунгом целого течения, органом которого является «Луч».

Как возник этот лозунг? Под ним ведь должно крыться известное представление и о политическом моменте и о тенденциях современного рабочего движения. Каково же это представление? Оно исходит из того воззрения, что Россия изжила уже эпоху коренных демократических потрясений.

«Очищение пути капиталистического развития от абсолютистских остатков произойдет без всякой революции, просто в силу интересов... господствующих классов... Феодализм принужден будет уступить, самоисчерпав себя... Очередной задачей является... проникновение широких кругов руководящей идеей о том, что в наступившем периоде рабочий класс должен организоваться не «для революции», «не в ожидании революции», а просто-таки для твердой и планомерной защиты своих особых интересов».

Так в 1910 году писал в ликвидаторском журнале «Возрождение» Ю. Ларин.

В этом откровенном и ясном изложении совершенно точно указаны и общее направление развития России и специальные задачи рабочего класса. Очищение России от абсолютистских остатков—по мысли Ларина—произойдет без всякого коренного потрясения существующих форм политической и экономической жизни и лишь в силу интересов самих господствующих классов. «Кризис, к которому в настоящее время движется русская жизнь, будет кризисом конституционным», — пояснял слова Ларина Мартов. Но раз так, то, конечно, превращаются в пустые абстракции, в «голую фразу» (выражение «Нашей Зари») лозунги 1905 года. Они теряют всякую «жизнеспособность», ибо общественные отношения современной России не представляют для них питательной почвы. Они должны отмирать, поскольку в социальной жизни им не соответствует никакой материальный

конфликт. Ведь отмер же в практике рабочего движения Германии и Англии известной эпохи ряд демократических требований. Эти требования могли остаться в программе, могли быть предметом пропагандистских раз'яснений, но они утеряли способность собирать вокруг себя активные массы и направлять их усилия.

Таково отношение к лозунгам 1905 г. тех, кто в вопросе о судьбах России придерживается вышеизложенных взглядов Ларина-Мартова.

Но если требование коренной перестройки современного политического и экономического, главным образом земельного, уклада России не может уже служить руководящим принципом рабочего класса и рабочей партии, то где же этот руководящий принцип?

Ларин ответил на этот вопрос в вышеприведенной выписке совершенно ясно: «Рабочий класс должен организоваться для твердой и планомерной защиты своих *особых интересов*».

Мы подчеркнули слово «особые интересы», ибо в нем сущность дела. Совершенно ведь ясно, что Ларин противопоставляет «особые интересы» общим интересам «очищения России от абсолютистских остатков». У рабочего класса в России есть же,—полагает Ларин,—«особые интересы», которые могут быть защищаемы вне какой бы то ни было связи с борьбой против 3-е июньского режима в целом. На них он и предлагает сосредоточить энергию рабочего класса, оставив в стороне всякое попечение об организации в целях общей демократизации всего режима. Рассуждающий параллельно с Лариным Мартов высказал это в такой форме.

«Рабочий класс имеет полную возможность... вырывать от поднимающейся к власти буржуазии частичные уступки... Таков смысл формулы «борьба за легальность».—Эта идея должна стать «регулирующей идеей», проникающей собой все частные и частичные усилия».

Если, таким образом, до 1905 года «регулирующей», направляющей, верховной идеей рабочего класса и рабочей партии была идея коренного изменения всей общественной обстановки, «политический вопрос в его полном виде и размере», то теперь, в 1910—13 г.г. такой руководящей, верховной идеей рабочего движения должна стать идея «частичных уступок», частично-осуществляемой легализации рабочего движения.

Таков смысл формулы «борьба за легальность». Но как в 1905 году, так и в 1913 году пролетариат остается в самом низу общественной пирамиды. Его влияние на государство поэтому и в 1905 и 1913 г.г. одинаково прямо пропорционально общему об'ему политических прав всего населения. Чем больше политических прав у всего населения, тем сильнее политические позиции пролетариата. Поэтому об'ективным предварительным условием успешной борьбы рабочего класса за его классовые цели является полнота политических прав для всей страны. Поэтому же совершенно нелепо в современной бесправной России противопоставлять, по Ларину, «особые интересы» рабочего класса задачам «очищения России от абсолютистских остатков», борьбу за легализацию рабочего движения, по Мартову, борьбе за коренное изменение социальных и политических устоев режима 3 июня.

Это противопоставление имеет, как мы видим, лишь один смысл: отказ рабочего класса от непосредственного участия в определении политических судеб всего населения и замыкание его в кругу узко-профессиональных интересов.

Нечего говорить, что подобное замыкание нанесло бы прежде всего неизгладимый ущерб именно профессиональным интересам наемных рабочих. Всякий сознательный рабочий в 1913 году сумеет сам по достоинству оценить такого проповедника, который стал бы убеждать рабочий класс: оставим вопрос об общем политическом и социальном положении в России, сосредоточимся на своих «особых» интересах.

Подобная проповедь лишь по внешности была бы отрицанием политики. На деле это было бы скверной политикой, политикой, более всего полезной либеральной буржуазии. Поэтому-то, в полном согласии с теоретическими построениями ликвидаторов, «Речь» по поводу апрельско-майского движения прошлого года поспешила отметить: «В рабочем движении выступила вперед на первый план не его революционность, а его строго-профессиональный характер».

Правда ли это или нет, мы покуда разбирать не будем. Ясно и так, что «Речь» обрадовалась именно тому, что движение — будто бы! — подтвердило схему Ларина-Мартова. Ясно ведь, что «Речь» была бы очень рада, если бы в действительности эта схема осуществилась, если бы в рабочем движении современной России выступила на первый план не его коренная противоположность основам режима 3-го июня, если бы эта взаимо-враждебность была замаскирована требованием «частичных уступок» и «борьбой за легальность». На своем языке «Речь» и выразила это, воспев будто бы «строго-профессиональный» характер первой волны массовых стачек.

Логика обязывает. Поэтому-то в оценке движения 1912—13 г.г. за либеральной «Речью» должны были потащиться те, чьи воззрения она только формулировала в своих словах: «не революционность, а строго-профессиональный характер». Оценка «Речи» стала общим достоянием всего ликвидаторства. Идя за «Речью», Троцкий в «Нашей Заре» заявил, что основой могучего отклика в стране, которым встретили ленские события, является борьба за свободу коалиций.

Почему именно «борьба за свободу коалиций, а не борьба со всем общественно-политическим укладом «обновленного строя»?—Потому что эта формула предписана ликвидаторам их собственным воззрением на политические судьбы страны. Если же эти воззрения и эта формула приходят в прямое противоречие с действительным содержанием рабочего движения и с его действительной формулой, — то — по мнению ликвидаторов — тем хуже для наличного рабочего движения. Систематические выступления «Луча» против стачек [1]), — когда стало трудно препарировать их характер в стиле «строгого профессионализма» «Речи», — лишь логическое заклю-

[1]) „Забастовка — орудие тонкое... И если от частого ее применения одни перестанут ей сочувствовать, другие перестанут ее замечать, она постепенно будет терять свое общественно-политическое значение. *Петербургские рабочие подошли к этой*

чение столкновения действительного характера современного рабочего движения со схемой, предуготовленной для него ликвидаторами в вышеприведенных рассуждениях Ларина, Мартова, Троцкого и др.

Стоит сопоставить следующие формулы:

«Не революционность, а строго-профессиональный характер» («Речь»).

«Организация не «для революции», а «для защиты особых интересов» (Ларин).

«Не революционный кризис, а борьба за легальность» (Мартов).

Не «голый лозунг для немногих», а «борьба за свободу коалиций» (Троцкий).

«Борьба за открытую рабочую партию» есть только дальнейшее конкретное воплощение идей ликвидаторов, счастливо совпавших с построениями либералов.

Если руководящей идеей рабочего движения в современной России должна стать «борьба за легальность», а не идея о коренном изменении основ режима 3-го июня, то совершенно логично, что основной задачей партии должно стать — по изложению Л. Седова, одобренному редакцией «Луча», — превращение ее в открытую легальную «организацию». Открытая рабочая партия мыслится, таким образом, как одна из возможных «частичных уступок», как результат постепенного взаимоприспособления современного режима и рабочего движения. Полный смысл проповеди открытой рабочей партии вскроется только тогда, если мы скажем, поэтому, что эта партия может быть только *легальной партией реформ, партией легальной борьбы за частичные уступки*...

Лозунг открытой рабочей партии не только не отражает действительных тенденций современного рабочего движения, он находится в прямом противоречии с этими тенденциями. Открытая рабочая (?) партия возможна при современных условиях лишь как орудие приручения рабочего класса, поскольку эта задача приручения пролетариата вообще станет перед «обновленным строем», она возможна, поскольку «обновленный строй» способен вместить в себя (или даже нуждаться в чем-либо подобном!) партию, реальный смысл которой в противопоставлении себя старой организации, ее традициям, ее духу, ее неурезанным лозунгам. Следовательно, даже сама партия легальной борьбы за частичные уступки возможна лишь в результате бурного обострения борьбы партии неурезанных лозунгов с «обновленным строем». Как побочным результатом октябрьского движения рабочих в 1905 году было рождение либеральной партии, так не исключена возможность появления легальной партии ликвидаторов. Но она невозможна как массовая рабочая организация...

Содержание рабочего движения дается не теми или другими проповедниками, а всей совокупностью общественно-политических отношений данной страны в данную эпоху.

грани. Дальше начинается уже не борьба, а стачечный азарт". „Этот азарт свидетельствует только о том, что массы неспособны к систематическому действию". См. передовую № 53 ликвидаторской газеты „Луч"—Э. Г.

Эти общественно-политические отношения в Англии во второй половине XIX века предопределили временно трэд-юнионистское направление рабочей политики. Эти же общественно-политические отношения в третьеиюньской России предопределяют в рабочем движении господство идей, прямо противоположных трэд-юнионизму, а равно и «легализму» наших ликвидаторов. Попытка «Речи» и ликвидаторов ввести рабочее движение в современной России в рамки «строгого профессионализма», «борьбы за легальность» и «открытой партии» уже осуждены историей, историей подлинного рабочего движения 1912—13 г.г.

2. Различные оценки стачечного движения.

(Ленин—„Эконом. и политич. стачка", сборник „Марксизм и ликвидаторство", стр. 110—113, изд. 1924 г.).

...Научные данные статистики за целый ряд лет вполне подтверждают собственный опыт и наблюдение каждого сознательного рабочего относительно необходимости соединения экономической и политической стачки и неизбежности такого соединения в действительно широком и общенародном движении.

Теперешняя волна стачечного движения равным образом вполне подтверждает этот вывод. В 1911 г. число стачечников возросло вдвое против 1910 г. (100 тыс. против 50), но все же это число было крайне мало; чисто экономические стачки оставались сравнительно «узким» делом, не получая еще общенародного значения. Напротив, все и каждый видят теперь, что именно такое значение получило стачечное движение текущего года после апрельских событий.

Крайне важно поэтому с самого начала дать отпор тому извращению характера движения, которое стараются внести в него либералы и либеральные рабочие политики (ликвидаторы). Либерал г. Северянин в «Рус. Ведомостях» поместил статью против «примешивания» к первомайской забастовке экономических или «каких-либо» (вот даже как!) «требований», а кадетская «Речь» с сочувствием перепечатала главные места этой статьи.

«Связывать такие забастовки, — пишет г. Либерал, — с моментом именно 1-го мая чаще всего неосновательно... Да и странно как-то: празднуем день всемирного рабочего праздника и по этому случаю требуем прибавки в 10 проц. на миткаль таких-то сортов» («Речь» № 132).

Либералу «странно» то, что рабочему вполне понятно. Только защитники буржуазии и ее непомерных прибылей могут насмехаться над требованием «прибавки». А рабочие знают, что именно широкий характер требования прибавки, именно всесторонний характер стачек всего более привлекает массу новых участников, всего более обеспечивает силу натиска, всего больше гарантирует как успех самих рабочих, так и общенародное значение их движения. Поэтому против либерального извращения, проповедуемого г. Северянином, «Рус. Ведомостями» и «Речью», надо решительно

бороться и всеми силами предостерегать рабочих от подобных горе-советчиков.

Ликвидатор г. В. Ежов в первом же номере ликвидаторской газеты «Невский Голос» выступает с таким же чисто-либеральным извращением, хотя подходит к вопросу несколько с иной стороны. В. Ежов в особенности останавливается на стачках, вызванных наложением штрафа за первое мая. Справедливо указывая на недостаточную организованность рабочих, автор из этого справедливого указания делает самые ошибочные и самые вредные для рабочих выводы. Неорганизованность г. Ежов видит в том, что на одной фабрике бастовали просто ради протеста, на другой присоединяли экономические требования и т. д. На самом же деле в этом разнообразии форм стачек нет еще ровно никакой неорганизованности: глупо представлять себе организованность непременно в виде однообразия. Неорганизованность заключается совсем не там, где ее ищет г. Ежов.

Но еще гораздо хуже его вывод:

«Благодаря этому» (т.-е. благодаря разнообразию стачек и различным формам сочетания экономики с политикой) «в значительном числе случаев принципиальный характер протеста (ведь не за четвертак бастовали) стушевался, он был осложнен экономическими требованиями».

Это поистине возмутительное, насквозь лживое и насквозь либеральное рассуждение. Думать, что требование «четвертака» способно «стушевать» принципиальный характер протеста, значит опускаться до уровня кадета. Наоборот, г. Ежов, требование «четвертака» не насмешечки заслуживает, а полного признания. Наоборот, г. Ежов, это требование не «стушевывает», а усиливает «принципиальный характер протеста». Во-первых, вопрос об улучшении жизни есть тоже принципиальный и важнейший принципиальный вопрос, а, во-вторых, я не ослабляю, а усиливаю свой протест, когда протестую не против одного, а против двух, трех и т. д. проявлений угнетения.

Всякий рабочий с негодованием отвергнет возмутительное либеральное извращение дела г. Ежовым.

А у г. Ежова это отнюдь не обмолвка. Он пишет дальше еще более возмутительные вещи:

«Собственный опыт должен был подсказать рабочим, что нецелесообразно осложнять свой протест экономическими требованиями, точно так же, как и обыкновенную стачку осложнять принципиальным требованием».

Неправда и тысячу раз неправда! Позор «Невскому Голосу», что он печатает такие речи. Вполне целесообразно то, что кажется г. Ежову нецелесообразным. И собственный опыт каждого рабочего и опыт очень большого числа русских рабочих в недавнем прошлом говорит обратное тому, чему учит г. Ежов.

Только либералы могут протестовать против «осложнения» хотя бы самой «обыкновенной» стачки «принципиальными требованиями»; это во-первых. А во-вторых, глубоко ошибается наш ликвидатор, меряя теперешнее движение меркой «обыкновенных стачек».

И напрасно пытается г. Ежов прикрыть свою либеральную контрабанду чужим флагом, напрасно спутывает вопрос о сочетании экономической и политической стачки с вопросом о подготовке и той и другой. Конечно, подготовлять и подготовляться, при том как можно основательнее, дружнее, сплоченнее, обдуманнее, тверже, все это весьма желательно. Об этом не может быть спора. Но целесообразно, вопреки г. Ежову, именно сочетание обоих видов стачек.

«Перед нами полоса экономических стачек, — пишет г. Ежов, — было бы непоправимой ошибкой, если бы они переплетались с политическими выступлениями рабочих. Такое смешение вредно отразилось бы как на экономической борьбе рабочих, так и на политической».

Дальше, кажется, некуда итти! Падение ликвидатора до уровня дюжинного либерала яснее ясного видно из этих слов. Каждая фраза заключает в себе ошибку! Каждую фразу надо переделать в прямо противоположную, чтобы получить правду!

Неверно, что перед нами полоса экономических стачек. Как раз наоборот. Перед нами полоса не только экономических стачек. Перед нами полоса политических стачек. Факты, г. Ежов, сильнее ваших либеральных извращений, и если бы вы могли получить статистические карточки стачек, собираемые в министерстве торговли и промышленности, то даже эта правительственная статистика вполне опровергла бы вас.

Неверно, что «переплетение» было бы ошибкой. Как раз наоборот. Было бы непоправимой ошибкой, если бы рабочие не поняли всего своеобразия, всего значения, всей необходимости, всей принципиальной важности именно такого «переплетения». Но рабочие, к счастью, понимают это отлично и отметают от себя с презрением проповедь рабочих либеральных политиков.

Неверно, наконец, что такое смешение «вредно отразилось бы» на обеих формах. Как раз наоборот. Оно полезно отражается на обеих. Оно усиливает обе.

Г. Ежов поучает какие-то открытые им «горячие головы». Слушайте:

«Необходимо организационно закреплять настроение рабочих масс... Необходимо усилить агитацию за проф. союзы, вербовать им новых членов»...

Вполне справедливо, но... но, г. Ежов, непозволительно сводить «организационное закрепление» к одним проф. союзам. Помните это, г. ликвидатор.

«Это тем более необходимо, что среди рабочих находится теперь немало горячих голов, увлеченных массовым движением и выступающих на митингах против союзов, будто бы бесполезных и ненужных».

Это — либеральная клевета на рабочих. Не «против союзов» выступали рабочие, от которых солоно пришлось и всегда будет солоно приходиться ликвидаторам. Нет, рабочие выступали против того сведения организационного закрепления к одним только «проф. союзам», которое так ясно видно из предыдущей фразы г. Ежова.

Рабочие выступали не «против союзов», а против того либерального извращения характера их борьбы, которым пропитана вся статья г. Ежова.

Русский рабочий достаточно созрел политически, чтобы понимать великое общенародное значение своего движения. Он достаточно созрел, чтобы понимать всю фальшь, все убожество либеральной рабочей политики, и он всегда с презрением будет отметать ее от себя.

3. Тактика большевиков в профдвижении.

(Д. Антошкин—„Профессиональное движение в России", стр. 236—238, изд. 1924 г.).

Какой же тактики в профессиональном движении держалась сама партия в период под'ема революционного движения? На этот вопрос мы имеем ответ в двух резолюциях: 1) всероссийской партийной конференции, происходившей в Праге в январе 1912 г. и 2) совещания Ц. К. партии с партийными работниками в июне 1913 г. (резолюция была утверждена Ц. К. партии).

В первой резолюции («О характере в организационных формах партийной работы») были установлены следующие положения:

1. Необходимо самое деятельное участие нелегальных партийных организаций в руководстве *экономической борьбой* (стачки, стачечные комитеты и т. д.) и установление сотрудничества в этой области нелегальных партийных ячеек с профессиональными союзами, в особенности с социал-демократическими ячейками в профессиональных союзах, а также с отдельными деятелями профессионального движения.

2. Ячейки соц.-дем. в профессиональных союзах, организованные по признаку *профессиональному*, желательно, сообразуясь при этом с местными условиями, сочетать с партийными ячейками, построенными по признаку территориальному.

3. Необходима возможно большая инициатива в деле постановки социал-демократической работы в легальных обществах: союзы, читальни, библиотеки, различного рода рабочие общества развлечений, распространение профессиональных органов и направление профессиональной прессы в духе марксизма, использование думских речей социал-демократов, подготовка легальных лекторов из рабочих, создание (в связи с выборами в IV думу) рабочих и иных избирательных комитетов по районам, по улицам и т. д., социал-демократическая агитация в связи с выборами в органы городского самоуправления и т. п.

4. Необходимы энергичные усилия в деле укрепления и увеличения числа нелегальных партийных ячеек, подыскания новых, возможно более гибких, организационных форм этих ячеек, создания и упрочения руководящих нелегальных партийных организаций в каждом городе и пропаганды таких форм массовой нелегальной организации, как «биржи», заводские партийные собрания и т. п.

5. Кружки пропаганды желательно привлекать к повседневной *практической* работе: распространение нелегальной социал-демократической и легальной марксистской литературы и т. п.

6. Необходимо иметь в виду, что систематическая литературная социал-демократическая агитация и, особенно, регулярное распространение правильно и часто выходящей нелегальной партийной газеты могут иметь большое значение и в деле установления организационных связей как между нелегальными ячейками, так и между социал-демократическими ячейками в легальных рабочих обществах.

Резолюция «совещания» специально касается вопроса «о работе в легальных обществах» (резолюция так и названа). Приведем ее целиком:

1. В настоящий момент под'ема экономической и политической борьбы рабочего класса особенно необходимо усилить работу во всех легальных рабочих обществах (профессиональные союзы, клубы, больничные страховые кассы, кооперативы и пр.).

2. Вся работа в легальных рабочих обществах должна вестись не в духе нейтральности, а в духе Лондонского С'езда Р.С.-Д.Р.П. и Международного Конгресса в Штутгардте. Социал-демократы должны привлекать во все рабочие общества возможно более широкие круги рабочих, приглашая в состав членов всех рабочих без различия партийных взглядов. Но социал-демократы должны внутри этих обществ добиваться установления самых тесных отношений между ними и социал-демократической партией.

3. Опыт международного и нашего русского рабочего движения учит тому, что с самого зарождения таких рабочих организаций (профессиональные союзы, кооперативы, клубы и т. п.) необходимо добиваться того, чтобы каждое из этих учреждений было оплотом социал-демократической партии. Совещание приглашает всех партийцев иметь в виду эту важную задачу, которая является особенно жгучей в России, где ликвидаторы систематически пытаются использовать легальные общества *против* партии.

4. Совещание находит, что при выборах уполномоченных в страховые кассы, во всей работе профессиональных союзов и т. д. следует, отстаивая полное единство движения и подчинение меньшинства большинству, проводить линию партии, добиваться избрания на все ответственные посты сторонников партии и т. д.

5. Для учета опыта практической работы в легальных рабочих обществах желательно устройство более частых совещаний с активными участниками работы в легальных рабочих организациях на местах, а также привлечение, в возможно большем числе, на общепартийные конференции представителей от партийных групп, ведущих работу в легальных обществах.

Партия стремилась в рассматриваемый период овладеть профессиональным движением, вышибая оттуда ликвидаторов.

Завоевание партией профессиональных союзов и изгнание из них ликвидаторов предполагало активное участие партийцев в работе союзов. Обе резолюции указывают на это.

На практике революционная тактика большевизма одержала верх в профессиональном движении над тред-юнионистской тактикой ликвидаторов...

4. Победа большевиков в профессиональных союзах.

(Ф. Булкин-Семенов—„На заре профдвижения", стр. 261—272, изд. 1924 г.).

Новый союз возник в тот момент, когда рабочее движение начало принимать резко революционную окраску. Все более и более развивавшееся стачечное движение напоминало собою бурные 1905—06 г.г. Так же, как и в те годы, революционная волна одновременно направляла свои удары против капитала и против правительственной бюрократии. На фоне этого под'ема борьба оппортунистического и революционного крыльев социал-демократии принимала страстный, обостренный характер. До сих пор борьба между этими направлениями велась в сравнительно замкнутом кругу работников подполья и в верхушках легальных рабочих организаций; теперь же она была вынесена в широкие рабочие массы. И рабочая масса выносила свой приговор ликвидаторству. В целом ряде легальных рабочих организаций ликвидаторы уже были вынуждены к этому времени уступить свои позиции большевикам. Союз металлистов был одной из немногих организаций, где меньшевики, в силу традиции, чувствовали себя еще сравнительно прочно. В течение нескольких лет они владели аппаратом союза, создали кадр союзных работников, были известны широкой союзной массе в качестве деловых работников, все это создавало им положение в союзе, укрепляло их влияние.

Рядом с ними большевики совершенно стушевывались. Да и что могли противопоставить последние меньшевистской союзной аристократии? Свой революционный подход, свою связь с массами. Но достаточно ли это для победы?

Вполне понятно, что эти два течения неизбежно должны были столкнуться на учредительном собрании союза металлистов, в борьбе за правление.

Учредительное собрание союза металлистов состоялось 21 апреля 1913 г. в помещении «Нашего Театра» (Обводный канал, 147)...

Меньшевики, твердо расчитывавшие на победу во время выборов, были весьма неприятно удивлены, когда остались в подавляющем меньшинстве. Они пытались об'яснить победу большевиков исключительно случайностью и не стеснялись распространять слухи, что большевики добились благоприятных для них результатов выборов при помощи хитрости. По их уверению, большевики разослали именные билеты для входа на учредительное собрание лицам, не имевшим с союзом ничего общего, и только голосами этих подставных лиц они обязаны были своей победой. Поражение в союзе металлистов было совершенно неожиданным для меньшевиков. Первое время они растерялись. В «Луче», органе ликвидаторов, появился ряд статей, направленных против большинства правления, против большевиков. Создавалось сознательно паническое настроение среди рабочих, указывалось, что большевистский союз не может быть долговечным. Некоторые наиболее горячие головы определенно настаивали на расколе, на образовании нового союза. Но постепенно угар прошел. Решено было остаться в союзе. Меньшевики еще верили в близкую победу.

На следующих выборах меньшевики надеялись получить перевес, а для того, чтобы уронить большевиков в глазах масс, они несколько саботировали, уклоняясь от участия в ответственных решениях. Меньшевикам казалось, что стоит только им отойти от активной работы, как большевики сами докажут свое неумение, свою неспособность повести такую организацию, как союз металлистов. Среди большевиков, прошедших в правление, не было ни одного профессионалиста, и это-то обстоятельство и окрылило ликвидаторов надеждой, его они хотели использовать в своих фракционных целях.

Большевистской части правления союза приходилось не только бороться против саботажа меньшевиков, но ему грозила и другая, еще большая опасность со стороны правительственных органов охраны. С первых же шагов своей деятельности союз был взят под наблюдение охранным отделением. Чрезвычайно характерно, что в своем донесении департаменту полиции охранное отделение также надеялось, что большевистское господство в союзе продолжится недолго, и на будущих выборах обещало департаменту полиции победу оппортунистического крыла социал-демократии...

Выборы, произведенные на учредительном собрании 21 апреля 1913 г. имели лишь временный характер. 25 августа должны были состояться новые выборы правления. К собранию деятельно готовились не только большевики и меньшевики, но принимала активное участие в подготовке к выборам и полиция. Незадолго до общего собрания, 6 августа, полиция произвела неожиданный налет на помещение правления союза. Арестованы были казначей союза и два члена правления, а кроме того были конфискованы книги и документы союза.

Однако, это исключительное внимание полиции не остановило революционной работы союза металлистов; оно не только не ослабило, но, наоборот, укрепило позицию большевиков, с каждым днем усиливавших свое влияние на массу.

25 августа на почве перевыборов правления союза между большевиками и меньшевиками-ликвидаторами произошел решительный бой перед лицом 3-х тысячного собрания рабочих. Меньшевики думали сыграть на примиренчестве широкой массы и опубликовали кандидатский список, в который включили 2—3 менее «вредных», по их мнению, большевиков. Но эта уловка им не помогла. Бой закончился блестящей победой большевиков.

День этих выборов 25 августа 1913 г.—исторический день для петербургских металлистов. Трехтысячное собрание превратилось в бурный политический митинг, где представители двух политических мировоззрений боролись за овладение умом и душой рабочей массы и где каждый член этой массы принимал активное участие в борьбе, проявляя самым недвусмысленным образом свои симпатии и антипатии. «Собралось более трех тысяч самых сознательных передовых рабочих Петербурга, цвет сознательного пролетариата, в самом крупном рабочем центре и сказали: сознательные рабочие — против ликвидаторов, сознательные рабочие за последовательный неурезанный марксизм. Они отворачиваются от тех, кто отвернулся от подполья»...

Собранием были избраны в члены правления исключительно те кандидаты, которые были выставлены социал-демократами большевиками по списку, опубликованному в газете «Северная Правда» (большевистский орган), от 25 августа № 20. После окончания собрания, по предложению председателя собрания Яцыневича, присутствующие вставанием и поднятием рук почтили память германского социал-демократа Бебеля и тотчас же стали расходиться, аплодируя председателю»...

Таким образом, предсказания меньшевиков, переданные охранкой от 13 июня 1913 г. в департамент полиции, о предстоящем разгроме большевиков не оправдались. Рабочая масса лучше видела, кто ближе ей, кто лучше выражал ее волю, ее интересы.

Напрасно меньшевики ссылались на свой опыт, на свое знание профессиональной работы и выставляли большевиков как невежд в профессиональном движении.

Рабочие своим революционным чутьем сознавали необходимость включить профессиональную работу в общее русло своей революционной борьбы, сцементировать ее с общепартийной и политической работой...

С момента избрания большевистского правления союз до конца своего существования находился под влиянием представителей революционного социализма.

Г. В годы империалистической войны.

I. Война и промышленный кризис.

(Ст. Ари — „Кризис“, см. Револ. и Р.К.П. том VII, стр. 34—36).

Война вызвала небывалый кризис, какого Европа еще не видала. Но не только Европа подверглась его ударам: влияние его разлилось широкой волной по всей земле... Всюду, где только есть фабрики и заводы, всюду заглянул кризис, закрывая предприятия и лишь редко насаждая на их место новые. Во всяком случае действие кризиса особенно остро в Европе и в частности в воюющих государствах. Влияние войны на жизнь нейтральных заокеанских государств лишь косвенно: они перестроили свои фабрики и приспособили их к нуждам войны. Где раньше не изготовляли ни одного патрона, там теперь заняты лишь фабрикацией снарядов, пушек и пулеметов. Ежедневно сотни тысяч пудов стали выбрасывают пушки и пулеметы. Фабриканты стали и снарядов в нейтральных государствах богатеют, а все остальные отрасли промышленности тоже в застое.

Единственная отрасль промышленности, которая меньше всего подверглась случайностям и ударам кризиса, это — металлургическая промышленность, — она должна поставить коллосальные запасы железа и стали для нужд войны.

Кризис не носит какого-нибудь местного характера: он охватил всю Европу и мощно сжал ее в своих тисках. В каждом из воюющих государств миллионы рабочих оторваны от производительного труда, и все же оставшееся число слишком велико для потребностей рынка, и, как следствие, количество безработных растет со дня на день.

В России кризис дает себя чувствовать даже в наиболее военной отрасли промышленности — на металлургических фабриках и сталелитейных заводах. С самого начала войны закрылись все металлургические заводы Польши. Большинство заказов как казенных, так и частных распределили между собой заводы Донецкого бассейна. В течение нескольких месяцев они собирали золотую жатву доходов, но... пришло время, когда уменьшилась производительность шахт и копей... они не получали необходимого сырья, и производство резко сократилось.

Значительная часть южно-русских заводов прекратила прокатку металла, в виде временной меры, на несколько недель, но их деятельность не восстановляется. Наиболее крупные заводы прибегли к героической мере: они потушили значительную часть печей. Из 68 печей теперь работает 46, т. е. заводы сократили свою суточную производительность на 20—25%. Многие из них работают не более 3—4 дней в неделю; другие значительно сократили число рабочих.

В других отраслях промышленности действие кризиса еще сильнее, и процветают лишь заводы и фабрики, изготовляющие предметы государственной обороны: снаряжение солдат, амуницию и одежду или заготовляют фураж для армии.

Чем ближе к театру военных действий, тем больше застой в хозяйственной жизни страны. В Польше работает лишь весьма незначительное количество рабочих: число занятых в отдельных производствах составляет от ⅓ до ⅙ нормального числа. К тому же еще в большей степени сократилось количество рабочих дней. По данным анкеты промышленников Царства Польского, крупные фабрики потребляют лишь ⅕ того количества труда, какое они потребляли в нормальных условиях до войны. Еще острее кризис и связанная с ним безработица в домашнем и ремесленном производстве. В Прибалтийском крае около 20% безработных.

Влияние кризиса усиливает также и общая отсталость России. Производство второго важнейшего продукта для производства и техники — каменного угля — поставлено очень плохо. Южно-русские копи сильно отстали в техническом отношении от западно-европейских, и добыча угля очень часто носит примитивный и хищнический характер. Плата шахтерам страшно низка — при общей дороговизне жизни не может обеспечить даже самого скромного существования.

Министр торговли и промышленности недавно заявил, что число рабочих в Донецком бассейне сократилось почти вдвое, и производительность его упала в апреле с 135 милл. пудов, добытых за этот месяц в прошлом году, до 80 милл. Министр, не склонный представлять положение рабочих в слишком темных тонах, определенно заявил, что при той оплате труда, которая установилась на рабочем рынке Донецкого бассейна, нормальное производство немыслимо. Сокращение добычи угля способствовало кризису в сталелитейных и прокатных заводах.

Кризис и идущая с ним безработица главной своей тяжестью падают на плечи рабочих...

2. Постепенный под'ем стачечного движения.

(С. Вознесенский. — См. Архив истории Труда № 8, стр. 171—173, 1923 г.).

...В первые месяцы войны рабочее движение почти заглохло, но вскоре затем начало оправляться: количество стачек стало расти и среди них вновь появились политические стачки, число которых, чем дальше, тем больше

увеличивалось. Вот данные, указывающие на рост стачечного движения за годы войны по месяцам.

Стачечное движение в годы войны [1])

МЕСЯЦЫ.	Число стачек.	Число стачечников.	Экономические стачки.		Политические стачки.	
			Число стачек.	Число стачечников.	Число стачек.	Число стачечников
1914 год (август—декабрь)	68	34.752	61	31.907	7	2.845
1915 год	928	539.528	715	383.587	213	155.941
1916	1.410	1.086.374	1.167	743.258	243	343.121

Из приведенной таблицы видно, что за последние 5 месяцев 1914 г. в среднем в месяц происходило в предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции, при том без Варшавского округа, рано занятого немцами, в 1914 г. по 13 стачек с 7.000 участников, в 1915 г.—уже по 77 стачек с 45.000 участников, в 1916 году—почти по 118 стачек с 90.000 участников, наконец, в январе 1917 г.—267 стачек с 232.025 участниками [2]). Таким образом, рабочее движение за годы войны сначала значительно упало, но затем быстро оправилось и стало неуклонно расти.

С другой стороны, на первых порах оно носило преимущественно экономический характер, но вскоре уже вновь восприняло и ярко-политическую окраску. За 5 последних месяцев 1914 г. политические стачки составляли всего 10,3%, в 1915 г.—уже 23%, в 1916 г.—около 18%, а в январе 1917 г.—почти все стачки были сплошь политическими...

3. Профсоюзы под гнетом военного пресса.

(А. Киржниц.—„В годы империалистической войны", стр. 87—104, изд. 1924 г.).

В главных центрах рабочего движения наиболее мощные профсоюзы были разгромлены еще до начала империалистической войны. В Ленинграде, отчасти в Москве, на Урале и во многих других пунктах широкие рабочие массы упорно и напряженно боролись за свои профессиональные организа-

[1]) В статье В. Васильевской в № 1 „Пролетарская Революция" за 1918 г. сведения, приведенные на основании агентурных данных департамента полиции, за 1915 г. совпадают с нашими, а за 1916 г. значительно расходятся. Так, всего она насчитывает 1.593 стачки и из них политических 797. Это разногласие необходимо проверить.

[2]) Кроме того, в горных и горнозаводских предприятиях бастовало в 1915 г.—19.649 чел. (30 забастовок) и в 1916 г.—84.542 чел. (136 забастовок). Сокращено из примечания этой же статьи. Здесь привожу сокращенную таблицу С. Вознесенского.

ции, горячо протестовали против их преследования и даже устраивали специальные забастовки-протеста и уличные демонстрации, как это, например, имело место при последнем закрытии профсоюза металлистов в Ленинграде. Но практических результатов эта борьба в то время не давала, и к началу империалистической войны русское профдвижение было фактически разгромлено.

В Ленинграде к этому времени, кажется, не осталось почти ни одного союза. В Москве и некоторых других более крупных промышленных центрах сохранились союзы преимущественно не чисто пролетарские торгово-промышленных служащих, официантов и т. п. или же в тех отраслях труда, которые в данном районе не играют сколько-нибудь заметной роли.

С возникновением мировой войны преследования рабочего класса и его организаций, как известно, еще более усилились. И значительная часть из тех немногих профорганизаций, которые с трудом удалось удержать до начала войны, теперь погибли.

О создании новых союзов, вместо закрытых в первый период войны, конечно не могло быть и речи. Если и в «мирное» время вырвать у царской администрации разрешение на профессиональный союз представлялось делом весьма и весьма тяжелым и требовало невероятных усилий и бесконечного времени, то в условиях военного режима, когда вся власть перешла к генералам и жандармам, которые совершенно не считались даже с жалкими царскими законами, охотников затеять волокиту с канцеляриями об утверждении устава нового союза, естественно, не находилось.

Впрочем, и экономическое положение рабочих масс и настроение их не были такими, чтобы руководители рабочего класса — партийные организации — могли в них черпать энергию, достаточную для преодоления прямо таки невероятных затруднений, с которыми тогда было связано создание каждого нового союза.

В первый период войны экономический кризис давал себя довольно сильно чувствовать, безработица росла, рассеявшиеся по всей стране беженцы являлись невольными конкурентами местных рабочих, условия труда ухудшались, зарплата падала, рабочий день удлинялся, требования охраны труда совершенно игнорировались обнаглевшими предпринимателями. Что, в самом деле, могли бы при таких условиях сделать союзы, об'единяющие незначительную часть пролетариев данного производства, слабые, без средств и к тому же еще преследуемые властями?

Сказанное, однако, не следует понимать в том смысле, что деятели рабочего движения тогда не пытались воссоздать профдвижение. Конечно, нет. Там, где только была малейшая возможность поддержать существующий или создать новый профсоюз, это, конечно, делалось, не взирая на неизбежные и подчас весьма тяжелые жертвы. Но таких возможностей было чрезвычайно мало.

Таково было общее положение. В отдельных районах и производствах оно, разумеется, несколько отличалось от него в том или ином отношении.

В Москве, в Самаре, Саратове, Риге, Вильне, Киеве и ряде других городов к началу войны были отдельные профсоюзы, которые вскоре, как только они оправились несколько и пришли в себя после первых оглушительных ударов мировой бойни, начали снова проявлять кое-какие признаки жизни.

В чем же заключалась работа легальных профсоюзов в первый период войны?

Уже из сказанного ясно, что заниматься сколько-нибудь успешно в это время обычной профсоюзной работой — регулировать конфликты между своими членами и предпринимателями, руководить стачками и вообще защищать экономические интересы своей массы, — союзы, конечно, не могли. Ни об'ективная обстановка, ни их силы этого не позволяли. Но отсюда отнюдь не следует, что существовавшие в это время союзы совсем ничего не делали.

Главное внимание союзов,—вернее их руководящих марксистских кругов, — было обращено на использование тех немногих легальных возможностей, которые дает союз, в интересах всего рабочего класса и партии, в интересах развития политического сознания и углубления революционного духа своих членов.

И в этом отношении профсоюзы, как слабы они ни были, безусловно сыграли значительную роль. Наравне с другими рабочими организациями, профсоюзы в годы империалистической войны были хорошими школами революционного марксизма и последовательного интернационализма, которые впоследствии дали российскому пролетариату не одну сотню выдающихся бойцов...

Полицейские репрессии, естественно, совершенно обессиливали и без того бедные работниками союзы. Бывало и так, что в тюрьме оказывалось все правление и некому было даже созвать общее собрание для избрания нового.

Такое приблизительно положение было в московском союзе мануфактуристов (текстильщиков).

В конце 1915 года положение союза было чрезвычайно тяжелое. Членов оно насчитывало всего 70 человек и влачило жалкое существование. В течение трех месяцев союз почти совершенно бездействовал, и в правление никто не заглядывал. Но с середины января 1916 года союз начал постепенно оживать. Работа, хотя туго, но все-таки подвигалась вперед. Вскоре все правление было арестовано, и в марте 1916 года союз уже сидел без правления, т. к. новые выборы не были произведены.

В 1916 году, хотя репрессии против профсоюзов отнюдь не ослабевали, последние все же как будто начали проявлять более интенсивную деятельность. Надвигавшийся революционный шквал расшевелил и союзы...

Оживлялась понемногу и чисто профессиональная работа. Так, напр., на общем собрании членов самарского профессионального общества лиц, занятых в торгово-промышленных предприятиях, 31 января 1916 года, было постановлено расширить деятельность союза, для чего организовать при правлении бюро труда, конфликтную комиссию, медицинскую и юридическую

помощь членам союза, культкомиссию, созывать делегатские собрания и т. п. В начале февраля состоялось второе общее собрание, которое постановило организовать женскую секцию для подготовки и проведения предстоящего «женского дня», а также созвать ряд собраний для создания профессиональных секций.

Начали просыпаться от глубокой спячки и некоторые из киевских союзов. Особенно это относится к союзу портных, который насчитывал 344 чл., в том числе 163 женщины. Союз развил довольно заметную работу, в которую были втянуты и работницы. В правлении из 9 членов 8 были женщины, в культкомиссии их было 13 из общего количества 14, в комиссии по приисканию работы 5 из 12, конфликтной 1 из 8 и т. д. В общем в активную союзную работу было втяуто 73 члена союза (больше 20% всего их числа) в том числе мужчин 20, женщин 53.

И это при непрерывно усиливавшихся гонениях, при непрекращающихся арестах, высылках профработников и всяких других проявлениях грубого произвола, которые щедро сыпались на профсоюзы со всех сторон.

Весьма колоритный факт преследования профсоюзов имел место 2 февраля 1916 года в Саратове.

Общее собрание членов союза деревообделочников. Секретарь читает отчетный доклад правления, причем, указывая на рост дороговизны и ухудшающееся положение рабочих, он призывает членов сплотиться вокруг союза.

Присутствовавший на собрании полицейский чин ни с того, ни с сего вдруг приостановил чтение доклада. На недоуменные вопросы членов правления, чем вызван запрет, чин, не моргнув даже глазом, раз'яснил, что доклад запрещается, потому что он *не произносится устно, а читается по писанному, тогда как в повестке собрания ничего не сказано ни о чтении ни о чтеце...*

Все доводы правления ни к чему не привели: доклад пришлось прервать и приступить прямо к переизбранию правления.

Было бы однако несправедливо считать, что так усердствовали в преследовании союзов одни только провинциальные полицейские чины. Не меньше абсурдов творили и центральные царские власти, не исключая и самих толкователей законов и блюстителей «законности» в николаевской России.

На каком-то общем собрании членов Ленинградского союза рабочих по обработке дерева должна была, между прочим, обсуждаться инструкция по оказанию помощи безработным членам союза. Представитель градоначальника не допустил обсуждения этого вопроса на том основании, что *безработные, уж мол, не члены союза, а последний, следовательно, к ним отношения не имеет.* Правление союза обжаловало это «раз'яснение» в правительствующий сенат. Последний долго обдумывал этот «страшно сложный и запутанный» вопрос и, наконец, в начале 1916 года, он авторитетно заявил, что градоначальник прав, и отныне профсоюзы вообще не имеют права выдавать пособия безработным.

Это «сенатское раз'яснение» достаточно красноречиво говорит само за себя и ни в каких пояснениях безусловно не нуждается.

Довольно полное и всестороннее представление о жизни, деятельности, внешней и внутренней борьбе московских, а отчасти и всех вообще профсоюзов во вторую половину военного периода дает отчет московского общества рабочих печатного труда, опубликованный в № 1 журнала «Голос печатного труда».

«При современном положении, — говорится в отчете, — приходится считать чуть ли не чудом всякое появление на свет рабочей организации. От тех профсоюзов, которые существовали раньше, осталось одно воспоминание; возникшие же вновь также были недолговечны[1]). Они, как блуждающие светила, то появлялись на сером небе безвременья, то исчезали в бездне реакции.

Много трудов пришлось на долю тех, которые задались целью во что бы то ни стало добиться разрешения устава общества. Наконец, желание рабочих печатников осуществилось. 25 января был зарегистрирован устав, а 28 февраля состоялось учредительное собрание, на котором было избрано временное правление».

В первый период правление было занято преимущественно организационным строительством, выработкой инструкций для уполномоченных, созданием различных комиссий и т. п...

...Правлению пришлось руководить рядом конфликтов: в типографии Сытина, Михайлова, Сомовой, «Печатник» и др. Все конфликты кончились в общем благоприятно для рабочих.

За истекшее время было 4 общих собрания членов. Число членов правления было увеличено до 15. Было ассигновано 200 рублей на печатный орган и 100 рублей на библиотеку. Перед днем рабочей печати правление провело кампанию сборов в пользу пролетарской прессы.

Из-за частых арестов и высылок (арестованы и высланы председатель союза Бадров, Борщевский, Морозов, Перепечко и др.) состав правления часто менялся. В бюро союза был произведен обыск, взяты документы.

Тем не менее деятельность союза развивалась. Влияние его росло. К началу ноября 1916 года он уже насчитывал до 2.000 членов.

Значительную роль в жизни профсоюзов играли профессиональные органы печати, которые время от времени издавались отдельными союзами. Условия — политические и материальные — для существования пролетарской печати в годы империалистической войны, после всего сказанного, не трудно себе представить. Отказы в разрешении, конфискации, цензорские «плеши», аресты и высылки всех имевших малейшее отношение к изданию, до газетчиков включительно и т. п. и т. п.

---

[1]) В этом отношении чрезвычайно характерна судьба Ленинградского союза печатников: 20 июля 1914 года Ленинградское „Общество рабочих печатного дела“ было закрыто, 10 мая 1916 года, после почти двухлетних хождений по канцелярским мукам, был наконец утвержден устав нового союза „Печатник“; 5 июня состоялось его учредительное собрание, а 14 июля новый союз был закрыт.

4. Нелегальный союз пекарей и кондитеров.

(Б. Иванов — „Проф. движ. рабочих хлебо-пекарно-кондитерск. произв.“; стр. 126—127, изд. 1920 г.).

Рабочее движение данных годов среди настоящей профессии не имело всего того, что оно имело при нелегальном союзе в 1907 году. Об'ясняется это тем, что тогда полицейский гнет был все же не так силен, как в эти памятные годы, когда каждый звук о борьбе, о свободе душился беспощадно всесильным в то время охранным отделением. Но никакие силы царизма не смогут сдержать порывов рабочих к единению и организации, хотя это было мертвое время для всех проблесков разумной революционной мысли: вихрь ужасной грандиозной войны проник во все поры жизни, сотни лучших товарищей шли на фронт, десятки шли в тюрьмы, ссылку и каторгу, шли потому, что их сознание не могло терпеть всего гнета, каковой на них наложила жизнь, но в душных и жарких пекарнях эта мысль не могла быть задушена, она зрела и искала выхода для организации. Еще в декабре месяце 1914 года, среди пекарей булочной Кошкина (дом № 16 по Безбородкину пр.) возникла инициативная группа в 5 человек, каковая вновь кликнула клич к об'единению и организации (пишущий эти строки сам принимал участие в этой группе), к ней примкнули все остальные пекарни Кошкина по Безбородкину проспекту, и таким образом образовалось тесное нелегальное ядро рабочих человек в 60; уже в 1915 году к данной группе примкнули пекарни Сиднева, затем Сотова, и таким образом большинство пекарен стало членами нелегального союза. Первое правление данного нелегального союза пекарей состояло из товарищей Абрамова, Зюкова, Иванова, Будаева; к началу 1916 года данный союз об'единил вокруг себя не одну сотню рабочих, а уже к концу года его агитация и деятельность шагнули очень далеко: он совместно с партийной нелегальной большевистской организацией пекарей организовал подпольную типографию, каковая выпустила ряд прокламаций и различных листков. Данный союз успешно вел стачечную работу, выдавал пособия, хотя в небольшом размере. Совместно с ним работала подпольная партийная группа, влияние каковой все расширялось и расширялось и каковая в самый расцвет своей деятельности имела три или четыре кружка, с общим количеством членов около 70 человек. В данных кружках велась регулярная кружковая работа в области изучения партийной программы и ознакомления с различными общественными вопросами, а также шли рефераты по текущему моменту.

Вот тот оазис, в каком зрели и собирались силы для новых очередных схваток труда и капитала.

Ряд политических стачек 1916 года не прошел мимо данных двух организаций, и рабочие пекари также давали о себе знать.

5. Идеология военного периода.

а) Отношение к войне.

(Из ст. Ленина—„О поражении своего правительства в империалистической войне", том XIII, стр. 78—83; ст. в „Соц.-Демократе" за № 43, от 26/VII—1915 г.).

Революционный класс в реакционной войне не может не желать поражения своему правительству...

Революция во время войны есть гражданская война, а *превращение* войны правительств в войну гражданскую, с одной стороны, облегчается военными неудачами («поражением») правительств, а с другой стороны — *невозможно* на деле стремиться к такому превращению, не содействуя тем самым поражению.

От «лозунга» поражения потому и открещиваются шовинисты (с О. К., с фракцией Чхеидзе), что этот лозунг *один только* означает последовательный призыв к революционным действиям против своего правительства во время войны. А без таких действий миллионы революционнейших фраз о войне против «войны и условий и т. д.» не стоят ломаного гроша.

Кто серьезно хотел бы опровергнуть «лозунг» поражения своего правительства в империалистской войне, тот должен был бы доказать одну из трех вещей: или 1) что война 1914—1915 г.г. не реакционна; или 2) что революция в связи с ней невозможна; или 3) что невозможно соответствие и содействие друг другу революционных движений *во всех* воюющих странах. Последнее соображение особенно важно для России, ибо это — самая отсталая страна, в которой социалистическая революция непосредственно невозможна. Именно поэтому русские с.-д. должны были первыми выступить с теорией и практикой «лозунга» поражения. И царское правительство было вполне право, что агитация Р.С.-Д.Р. фракции — *единственный* образец в Интернационале не одной парламентской оппозиции, а действительной революционной агитации в массах против своего правительства, что эта агитация ослабляла «военную мощь» России, содействовала ее поражению. Это факт. Неумно прятаться от него.

Противники лозунга поражения просто боятся самих себя, не желая прямо взглянуть на очевиднейший факт неразрывной связи между революционной агитацией против правительства с содействием его поражению.

Возможно ли соответствие и содействие революционного в буржуазно-демократическом смысле движения в России и социалистического на Западе? В этом не сомневался за последнее 10-летие ни один высказывавшийся публично социалист, и движение в австрийском пролетариате после 17 октября 1905 г. *фактически* доказало эту возможность.

Спросите любого именующего себя интернационалистом социал-демократом, сочувствует ли он соглашению с.-д. разных воюющих стран о совместных революционных действиях против всех воюющих правительств? Многие

ответят, что оно невозможно, как ответил *Каутский* («Нэйе Цайт» от 2 октября 1914 г.), этим *вполне доказав* свой социал-шовинизм. Ибо, с одной стороны, это — заведомая, вопиющая неправда, бьющая в лицо общеизвестным фактам и Базельскому манифесту. А, с другой стороны, если бы это была правда, *тогда оппортунисты были бы во многом правы!*

Многие ответят, что сочувствуют. И тогда мы скажем: если это сочувствие не лицемерно, то смешно думать, что на войне и для войны требуется соглашение «по форме»: выбор представителей, свиданье, подписанье договора, назначение дня и часа! Думать так в состоянии лишь Семковские. Соглашение о революционных действиях даже в *одной* стране, не говоря о ряде стран, осуществимо *только* силой *примера* серьезных революционных действий, *приступа* к ним, *развития их*. А такой приступ опять-таки невозможен без желания поражения и без содействия поражению. Превращение империалистской войны в гражданскую не может быть «сделано», как нельзя «делать» революции, — *оно вырастает* из целого ряда многообразных явлений, сторон, черточек, свойств, последствий империалистской войны. И такое вырастание *невозможно* без ряда военных неудач и поражений тех правительств, которым наносят удары их собственные угнетенные классы.

Отказываться от лозунга поражения, значит — превращать свою революционность в пустую фразу или одно лицемерие.

И чем же предлагают нам заменить «лозунг» поражения? Лозунгом «ни побед, ни поражений» (Семковский в № 2 «Известий». То же *весь О. К.* в № 1). Но ведь это не что иное, как перефразировка лозунга «*защиты отечества*»! Это — именно перенесение вопроса в плоскость войны правительств (которые, по содержанию лозунга, должны *остаться* в старом положении, «сохранить свои позиции»), а не *борьбы* угнетенных классов против своего правительства. Это есть оправдание шовинизма *всех* империалистических наций, буржуазии которых всегда готовы сказать—и *говорят народу*—что они «*только*» борются «против поражения». «Смысл нашего голосования 4-го августа: не за войну, а против поражения», пишет вождь оппортунистов Э. Давид в своей книге. «Окисты», вместе с Буквоедом и Троцким *вполне* становятся на почву Давида, защищая лозунг: «Ни победы, ни поражения»!

Этот лозунг, если вдуматься в него, означает «гражданский мир», отказ от классовой борьбы угнетенного класса во всех воюющих странах, ибо классовая борьба невозможна без нанесения ударов «своей» буржуазии и «своему» правительству, а нанесение во время войны удара своему правительству *есть* государственная измена (к сведению Буквоеда!), *есть* содействие поражению своей страны. Кто признает лозунг «ни побед, ни поражений», тот лишь лицемерно может стоять за классовую борьбу, за «разрыв гражданского мира», тот *на деле* отрекается от самостоятельной пролетарской политики, подчиняя пролетариат всех воюющих стран задаче *вполне буржуазной:* охранять от поражений данные империалистские правительства. Единственной политикой действительного, не словесного, разрыва «гражданского мира», признания классовой борьбы является политика *использования* пролетариатом *затруднений* своего правительства и своей буржуазии

для их низвержения. А этого нельзя достигнуть, к этому *нельзя стремиться,* не желая поражения своему правительству, не содействуя такому поражению.

Когда итальянские с.-д. перед войной поставили вопрос о массовой стачке, буржуазия ответила им — безусловно правильно с ее точки зрения: это будет государственной изменой, и с вами поступят, как с изменниками. Это — правда, как правда и то, что братанье в траншеях есть государственная измена. Кто пишет против «государственной измены», как Буквоед, против «распада России», как Семковский, тот стоит на буржуазной, а не на пролетарской точке зрения. Пролетарий *не может* ни нанести классового удара своему правительству, ни протянуть (на деле) руку своему брату, пролетарию *«чужой»,* воюющей с «нами» страны, *не совершая* «государственной измены», *не содействуя* поражению, не помогая «распаду» *«своей»* империалистской «великой» державы.

Сторонники лозунга «ни побед, ни поражений» фактически стоят на стороне буржуазии и оппортунистов, «не веря» в возможность интернациональных революционных действий рабочего класса против своих правительств, *не желая* помогать развитию таких действий — задаче, бесспорно, нелегкой, но единственно достойной пролетария, единственно социалистической задаче. Именно пролетариат самой отсталой из воюющих великих держав должен бы, особенно перед лицом позорной измены немецких и французских с.-д., в лице своей партии выступить с революционной тактикой, которая абсолютно невозможна без «содействия поражению» своего правительства, но которая одна только ведет к европейской революции, к прочному миру социализма, к избавлению человечества от ужасов, бедствий, одичания, озверения, царящих ныне.

б) Социал-патриотизм и борьба с ним.

(Д. Антошкин—„Профессиональное движение в России", стр. 241—243, издан. 1924 г.).

И правительство и промышленники чувствовали нарастание революционных сил. На ряду с репрессиями против рабочего класса (наиболее дальновидные промышленники не одобряли вмешательства полиции и охранки в рабочее движение, так как последнее обострялось таким вмешательством и мешало нормальному ходу предприятий) они сделали попытку приручить рабочий класс, впречь его в колесницу милитаризма, как выразился т. Шляпников («Канун 17-го года», ч. I, стр. 85—122).

С этой целью было задумано привлечение рабочих к участию в «военно-промышленных комитетах».

Промышленники нашли живой отклик среди меньшевиков и всех других оборонцев. Большевики выступили против участия в военно-промышленных комитетах. На первом собрании уполномоченных петербургских рабочих большевики одержали верх, и выборы не состоялись. Петербургский пролетариат отказал в своей поддержке войне. Он заявил, что будет бороться с капитализмом в союзе с пролетариями всех стран. После такого исхода

собрания в ноябре 1915 г. охранка приступила к ликвидации петербургской большевистской организации, а меньшевики вместе с Гучковым приступили к подготовке нового собрания. На этом втором собрании присутствовало 153 выборщика. После оглашения декларации большевиков и нескольких заявлений зал заседания покидают большевики и часть левых народников, в общем уходят 89 выборщиков. Оставшиеся ликвидаторы, правые народники, беспартийные избрали 10 представителей в Центральный Военно-Промышленный Комитет (все ликвидаторы) и 6 в Областной Военно-Промышленный Комитет (из них 4 народника).

Приведем сжатую характеристику деятельности Рабочей Группы при Центральном Военно-Промышленном Комитете, данную тов. Шляпниковым (стр. 121):

«Антиреволюционная и противопролетарская физиономия Рабочей Группы при Центральном Военно-Промышленном Комитете скоро выявилась на практике.

Свое положение «представителей рабочих» в Военно-Промышленном Комитете оборонцы старались использовать для борьбы с развившимся стачечным движением. Они вырабатывали проекты примирительных камер (о попытках организации примирительных камер см. статью А. Каца «К истории примирительных камер в России», в «Вестнике Труда» за 1923 г., № 10, стр. 185—197), всюду совались со своим посредничеством и стремились всячески уменьшить количество открытых конфликтов. Через своих сторонников давали советы, чтобы рабочие обращались к ним с петициями, организовывали необыкновенную суетливость, но их дипломатические старания успеха не имели... Классовая борьба развивалась по своим законам, конфликты шли своим чередом и разрешались по линии силы».

Вторая попытка разрешения рабочего вопроса относится к весне 1916 г. путем введения на фабриках и заводах института старост по закону 1903 г. Но правительство обсчиталось и здесь. На крупных предприятиях, особенно в Петербурге, рабочие организовали заводские комиссии, которые составлялись из представителей цехов или мастерских. Эти комиссии ведали вопросами внутреннего распорядка. Они же представительствовали от имени рабочих при всяких конфликтах с предпринимателями. Существовали эти комиссии полулегально.

Подмена рабочих органов на предприятиях старостами по закону 1903 г. не прошла, несмотря на агитацию оборонцев.

Вот как ответили, например, рабочие завода «Новый Лесснер» на предложение заводоуправления организовать институт старост (Шляпников, Канун 17-го года, ч. I, стр. 153—154):

«Автор этого полицейского закона намеревался создать постоянную ячейку в рабочей среде, через которую можно было бы выловить наиболее активных работников.

«Закон имел целью парализовать революционную активность масс и заменить ее легальным и полюбовным содружеством с врагами пролетариата—капиталом и его пособником—правительством.

«Рабочий класс своим здоровым чутьем понял этот гнусный обман полицейских законников и решительным протестом отбросил от себя предложенную сделку.

«И вот теперь, через 13 лет, когда рабочий класс снова собирает свои силы для того, чтобы сосчитаться с разорившим его правительством, на сцену опять выполз этот самый закон.

«Рабочий класс не позволит одурачить себя и теперь.

«Решительно отвергая предложение заводоуправления, мы в то же время протестуем против тех мнимых друзей рабочих, которые стараются на страницах буржуазной прессы и с трибуны государственной думы оправдать этот поход на рабочий класс.

«Мы требуем *профессиональных союзов и свободы других классовых организаций пролетариата, восстановления рабочей печати и признания заводских комиссий, избранных на широких демократических началах*».

Все эти вопросы были разрешены революцией.

в) Профсоюзы в политической борьбе.

(А. Киржниц—„Труд“ № 175—1924 г.).

В первый период войны, примерно, до второй половины 1915 года, немногие, оставшиеся в живых после военного разгрома, профсоюзы группировали вокруг себя немногочисленные, но зато наиболее сознательные и активные элементы рабочего класса.

Центральные бюро, правления, а также и все другие союзные органы в своем большинстве состояли из лиц, тесно связанных или близко стоявших к партийным организациям и группам.

Вести при господствовавших тогда экономических и политических условиях обычную профсоюзную работу фактически не было никакой возможности, и руководители профсоюзов направили все свои силы на использование немногих легальных возможностей союзов в интересах расширения и углубления революционной работы среди пролетарских масс.

Особенно много, — конечно, относительно, — удалось сделать московским профсоюзам, которые во все время войны шли в первых рядах революционной части пролетариата, примыкая в своем большинстве к большевистским партийным группам.

Тов. Сапронов, принимавший активное участие в профсоюзной работе этого периода, в своих «Записках маляра» так характеризует направление работы и политические настроения союзов:

«Лучше всех организован союз портных. Две, три партийных группы. У строителей одна группа. Были также группы металлистов, — одна или две... Шевелились немного и булочники. Текстильщики имели кое-где на заводах группы. Была связь с Орехово-Зуевым... ЦБ (центральное бюро) служило скорее партийным центром, чем профессиональным... Доклады (о войне) устраивались в союзе торговых служащих... Отношение профессиональных союзов

к рабочему с'езду было отрицательное. Меньшевики в союзах абсолютно никакого влияния не имели, за исключением союза печатников».

Ряд фактов из деятельности московских и некоторых других союзов за этот период вполне подтверждает характеристику, данную т. Сапроновым, за исключением разве союза печатников, который вскоре также освободился из под влияния меньшевиков и официально принял большевистское руководство.

Еще в первые месяцы войны, — рассказывает тов. Меницкий, — как только московские партийные группы начали свою агитацию против войны, они привлекли к этой работе и профсоюзы. В частности профсоюзу печатников, который 24 ноября 1914 года был закрыт, официально инкриминировалось, что он даже во время «всеобщего патриотического под'ема» не переставал преследовать «преступные цели» и всячески стремился «провести в жизнь предначертания революционных партий».

В Петрограде легальных профсоюзов тогда не было, тем не менее и там в первые недели войны ряд партийно-профессиональных групп — печатники, кожевники, строители, железнодорожники и деревообделочники — выступил с ярко революционными воззваниями, в которых раз'яснялся смысл войны, и широкие массы призывались всемерно и активно бороться с ней.

Довольно ярким политическим выступлением московских профсоюзов следует признать попытку их организовать забастовку протеста против ареста и суда над пятью депутатами-большевиками (Петровский, Муранов и др.).

По агентурным сведениям, в связи с арестом депутатов, в профсоюзе булочников обсуждался вопрос о необходимости организовать демонстративное выступление и выступить с протестом. Большинство собравшихся, признавая выступление желательным, однако, находило, что оно уже запоздало и предложило приурочить выступление ко дню суда над депутатами.

Правление союза рабочих хлебопекарного производства постановило в день суда устроить забастовку. По его инициативе 8 февраля 1915 г. вопрос этот рассматривался на заседании центрального бюро профсоюзов, которое подавляющим большинством голосов приняло резолюцию протеста против суда над рабочими депутатами. Но накануне суда, в ночь с 9 на 10 февраля, среди наиболее активных профработников были произведены массовые обыски и аресты, закончившиеся высылкой из Москвы ряда товарищей.

В конце февраля — начале марта сконструировалась соц.-дем. группа при союзе металлистов «Единение». Группу эту, по сведениям охранки, возглавляли т.т. Маленков, Е. И. Беляев, И. А. и Богданов И. М. Тов. Маленкову было поручено составить и отпечатать листовку. Но и эта группа вскоре была арестована. Тов. Маленков был предан суду, который его приговорил к 4 годам каторжных работ.

Московские союзы принимали активное участие и в подготовке празднования 1 мая 1915 года. Союз портных назначил по этому вопросу специальное собрание на 23 апреля, а союз металлистов на 26 апреля. Собрания, эти разумеется, не были разрешены. Но так как союзы все же решили

собрания эти устроить, то осведомленная об этом охранка в ночь на 26 апреля «ликвидировала» кого следует, и кампания была сорвана.

Революционную и марксистски довольно выдержанную линию подавляющее большинство профсоюзов провело и на с'езде по борьбе с дороговизной, состоявшемся в Москве 11—13 июля 1915 года. Из 19 союзов, имевших своих представителей на с'езде, 15—16 всегда голосовали с революционным большинством рабочей делегации и полностью подчинялись руководству большевистского бюро фракции.

Весьма определенную позицию большинство профсоюзов заняло также по отношению к выборам в пресловутые «рабочие группы» при военно-промышленных комитетах и ко всей их последующей деятельности.

Не только в Петрограде, где большинство рабочих определенно высказалось против участия в выборах, но и в Москве, Харькове, Самаре и ряде других городов большинство профсоюзов бойкотировало выборы, а впоследствии отказывалось от всяких сношений с самозванными «рабочими группами».

В Москве резко отмежевывались от «рабочих групп» протестами против выборов и специальными постановлениями союзы официантов, портных, печатников и др.

В Самаре на общем собрании торгово-промышленных служащих был принят наказ, согласно которому «собрание всецело присоединяется к позиции, занятой большинством товарищей рабочих Петрограда».

Оренбургские служащие, выслушав на общем собрании 11 октября 1915 года доклад своих представителей в военно-промышленном комитете, признали их пребывание там «не только излишним, но и вредным», и постановили отозвать их.

И т. д. и т. п.

Сказанным, конечно, не исчерпывается участие профсоюзов в политической борьбе рабочего класса в период войны. Но и из приведенных фактов не трудно убедиться, что за редкими исключениями профсоюзы, действовавшие в военные годы, на ряду с партийными организациями вели активную революционную работу, энергично боролись против социал-оборонческих влияний в рабочем движении и были хорошими школами последовательного интернационализма и революционного марксизма.

ТРЕТИЙ ПЕРИОД.

(с 1917-го года).

А. От февраля к октябрю.

(Стихийное развитие профессионального движения).

---

1. Русская промышленность накануне революции.

(Л. Крицман—„Ежегодник Коминтерна", стр. 334—336, изд. 1923 г.).

...Русская промышленность перед войной была *наиболее концентрированной промышленностью в мире.* Почти четверть русских рабочих работали в предприятиях-колоссах, а в девятистах крупных предприятиях (с 500 рабочими и больше) насчитывалось почти столько же рабочих, как в 220.000 предприятиях мелкой промышленности. И рядом — миллионы кустарей с их примитивной прадедовской техникой и ничтожной производительностью, а за ними массы земледельческого населения с еще более примитивной техникой и производительностью.

Из отдельных отраслей русской промышленности на первом месте стояла перед войной *текстильная:* она занимала *треть* рабочих и давала *четверть* всего производства промышленности (по ценности); за 1900—1912 г.г. размеры производства увеличились почти *вдвое.*

Пищевая промышленность занимала *шестую* часть рабочих и давала *треть* всего производства.

Горная промышленность — около *шестой* части рабочих и *одну десятую* производства.

Металлическая промышленность — менее *пятой* части рабочих и одну *седьмую* производства.

За последние пять лет, перед войной, число рабочих крупной промышленности возросло с 2½ милл. до 2¾ милл., т. е. на 11% производства; производство же (по ценности) на 20%.

Особенности состояния и развития русской промышленности определяются, как видно из вышеизложенного, в значительной мере тем фактом,

что в России крупное производство могло возникнуть сразу в более совершенных формах, делавших невозможным длительное сопротивление примитивной докапиталистической и даже мелкой капиталистической промышленности. Следствием этого обстоятельства и является необычайная концентрация русской промышленности.

Не малую роль в перенесении в Россию крупного капиталистического производства сыграл *иностранный капитал.*

Из 2163 предприятий, принадлежавших перед войной в России акционерным обществам, с основным капиталом почти в 4.000 милл. руб., в 327 предприятий был вложен иностранный капитал в размере свыше 1.340 милл. руб., т. е. в *седьмую* часть предприятий в размере *третьей* части всего основного капитала всех акционерных обществ.

В частности, в горной и металлообрабатывающей промышленности иностранный капитал владел четвертью предприятий и *более чем половиной* акций, в электротехнической — почти половиной предприятий и *тремя четвертями* акций, в химической — почти четвертью предприятий и более чем *третью* акций, в предприятиях по благоустройству местностей более чем четвертью предприятий и почти половиной акций.

Как видно из этих цифр, в руках иностранного капитала были крупнейшие предприятия. В остальных отраслях промышленности участие иностранного капитала было невелико.

Почти половина иностранного капитала была вложена Францией и Бельгией, свыше четверти Германией, почти шестая часть Англией.

Донецкий бассейн с его угольной, металлургической и химической промышленностью почти весь находился в руках иностранного капитала.

Помимо капитала, русская промышленность получала из-за границы свыше *половины* (58%) своего оборудования, почти половину текстильного сырья и ряд других материалов (особенно химических).

Таково было состояние русской промышленности перед мировой войной.

Мобилизация 1914 г. лишила промышленность почти 40% рабочих, замененных другими, менее квалифицированными. Вся промышленность под влиянием войны значительно перестроилась. Общее количество рабочих, по-видимому, мало изменилось (точных всероссийских данных нет), но произошли значительные перемещения в отдельных отраслях и районах. Сократились лесной и строительный промыслы, производство строительных материалов.

Сильно возросли из отдельных отраслей промышленности работавшие на войну металлообрабатывающая (особенно производство снарядов и производство станков для обработки металлов) и химическая (напр., производство азотной кислоты с 1913 по 1916 г. в четыре раза, олеума вдвое и т. д.), возник ряд новых для России химических производств. Промышленность Польши, а в особенности в Прибалтике была эвакуирована внутрь России, зато увеличилось число рабочих Московского и особенно Петроградского районов.

За время с 1908 по 1916 г. число рабочих Петроградской губернии увеличилось в *2½ раза* (с 167 до 407 тыс. чел.) и составляло около 1/7 населения губернии, т. е. вдвое больший %, чем в Германии или в Соединенных Штатах. За годы войны, с 1914 по 1917 г., число рабочих в крупных предприятиях (свыше 500 чел.) возросло в Петроградской губернии почти *вдвое* (на 160 тыс. чел.).

Таким образом, к моменту революции в Петрограде около центрального аппарата власти оказался собранный военной промышленностью пролетарский кулак — около 400.000 фабричных рабочих, из коих больше трех четвертей (355 тыс. чел.) было собрано на 140 заводах-колоссах, в среднем по 2.400 человек на заводе.

Так как война сильнее всего отразилась на под'еме металлообрабатывающей промышленности, то больше половины (55%) этой армии пролетариев составляли как раз активнейшие из пролетариев—металлисты, давшие по всей России за время с 1911 по 1916 г. почти две трети всех участников политических забастовок.

Война привела в России, хотя позже и не так полно, как в других странах, к государственному регулированию промышленности, посредством чего пытались бороться с разрушительными влияниями войны на русскую промышленность: с транспортным и топливным кризисами, сырьевым кризисом и кризисом снабжения вообще. Русская промышленность, почти лишившаяся привоза оборудования, которое сильно изнашивалось вследствие сильной работы мобилизованной для нужд войны промышленности, непрерывно разрушалась. Вследствие бедности, Россия раньше и в большей мере, чем богатые передовые капиталистические страны, стала покрывать расходы на ведение войны за счет основных средств производства и понижения потребления в первую голову рабочих.

Положение рабочего класса резко ухудшилось. Уже в первые 1½ года войны цены на продукты первой необходимости поднялись в Москве на 50%, а заработная плата только на 19%.

Зато капиталисты получали сверх-прибыль. Так подготовлялась революция.

2. Пути и характер февральской революции.

Уроки Февральской Революции[1].

После свержения царской власти, государственная власть перешла в руки первого Временного Правительства. Оно состояло из представителей буржуазии, т. е. капиталистов, к которым присоединились и помещики. Партия «кадетов», главная партия капиталистов, стояла на первом месте как правящая и правительственная партия буржуазии.

---

[1]) Н. Ленин, т. XIV, стр. 33—42, изд. 1923 г., из ст. „Уроки революции".

Власть досталась в руки этой партии не случайно, хотя боролись с царскими войсками, проливали кровь за свободу не капиталисты, конечно, а рабочие и крестьяне, матросы и солдаты. Власть досталась в руки партии капиталистов потому, что этот класс имел в руках силу богатства, организации и знания. За время после 1905 г., и особенно в течение войны класс капиталистов и примыкающих к ним помещиков в России сделал больше всего успехов в деле своей организации...

Получив правительственную власть, кадеты все усилия направили на то, чтобы продолжать захватную грабительскую войну, которую начал царь Николай II, заключивший тайные грабительские договоры с английскими и французскими капиталистами. По этим договорам русским капиталистам обещан, в случае победы, захват и Константинополя, и Галиции, и Армении и т. д. От народа же правительство кадетов отделывалось пустыми отговорками и обещаниями, откладывая все решения великих, необходимых для рабочих и крестьян, дел до Учредительного Собрания и не назначая срока его созыва.

Пользуясь свободой, народ начал организовываться самостоятельно. Главная организация рабочих и крестьян, которые составляют подавляющее большинство населения России, были советы Р., С. и Кр. Депутатов. Эти советы стали образовываться уже во время Февральской Революции, и через несколько недель после нее в большинстве крупных городов России и во многих уездах все сознательные передовые люди рабочего класса и крестьянства были об'единены советами.

Советы выбирались вполне свободно. Советы были настоящими организациями масс народа рабочих и крестьян. Советы были настоящими организациями громадного большинства народа. Рабочие и крестьяне, одетые в военную форму, были вооружены.

Само собой понятно, что советы могли и должны были взять в свои руки всю государственную власть. Никакой иной власти в государстве, впредь до созыва Учр. Собр., кроме советов не должно было быть. Только тогда наша Революция стала бы действительно народной, действительно демократической революцией. Только тогда трудящиеся массы, действительно добивающиеся мира, действительно не заинтересованные в захватной войне, могли бы начать решительно и твердо проводить в жизнь такую политику, которая положила бы конец и захватной войне и привела бы к миру. Только тогда рабочие и крестьяне смогли бы обуздать капиталистов, наживающих бешеные деньги «на войне» и доведших страну до разрухи и голода. Но в советах меньшая часть депутатов была на стороне партии революционных рабочих, с.-д. большевиков, которые требовали передачи всей государственной власти в руки советов. Большая же часть депутатов в советах была на стороне партии с.-д. меньшевиков и эс-эров, которые были против передачи власти советам. Вместо устранения правительства буржуазии и замены его правительством советов эти партии отстаивали поддержку правительства буржуазии и соглашения с ним, образования общего с ним правительства. В этой политике соглашений с буржуазией партий, которым доверило боль-

шинство народа, эс-эров и меньшевиков, заключается главное содержание всего хода развития революции за все 5 месяцев, протекшие с ее начала [1])...

Капиталисты действовали оттяжками и отговорками, стараясь выиграть время. Ни единого сколько-нибудь серьезного шага для развития революции правительство капиталистов за это время не сделало. Даже для своей прямой непосредственной задачи, для созыва Учредительного Собрания, правительство не сделало ровнехонько ничего, не передало вопрос на места, не основало даже еще центральной комиссии по подготовке вопроса. Правительство заботилось об одном: возобновить тайком те грабительские международные договоры, которые царь заключил с капиталистами Англии и Франции, тормозить как можно осторожнее и незаметнее революцию, все обещать, ничего не исполнять. Эс-эры и меньшевики играли в «контактной комиссии» роль дурачков, которых кормили пышными фразами, обещаниями, «завтраками». Эс-эры и меньшевики, как ворона в известной басне, поддавались на лесть, с удовольствием выслушивали уверения капиталистов, что они высоко ценят советы и ни шагу не делают без них.

В действительности же время шло, и правительство капиталистов ровно ничего не сделало для революции. Против же революции оно успело за это время возобновить тайные грабительские договоры, вернее подтвердить их и «оживить» дополнительными столь же тайными переговорами с дипломатами англо-французского империализма. Против революции оно успело за это время положить основание контр-революционной организации (или, по крайней мере, сближению) генералов и офицеров действующей армии. Против революции оно успело начать организацию промышленников, фабрикантов, заводчиков, которые вынуждены были делать уступку за уступкой под напором рабочих, но в то же время начинали саботировать производство и подготовлять остановку его, выжидая для этого удобный момент.

Но организация передовых рабочих и крестьян в советах неуклонно шла вперед. Лучшие люди угнетенных классов чувствовали, что правительство, несмотря на его соглашение с Петербургским Советом и несмотря на велеречивость Керенского, несмотря на «контактную комиссию», остается врагом народа, врагом революции. Массы чувствовали, что если не сломить сопротивления капиталистов, то дело мира, дело свободы, дело революции будет неизбежно проиграно. В массах нарастало нетерпение и озлобление.

Оно прорвалось 20—21 апреля. Движение вспыхнуло стихийно, никем не подготовленное. Движение было настолько резко направлено против правительства, что один полк выступил даже вооруженным и явился к Мариинскому дворцу, чтобы арестовать министров. Всем стало до очевидности ясно, что правительство держаться не может. Советы могли «и должны были» взять власть в свои руки без малейшего сопротивления с чьей бы то ни было стороны. Вместо этого эс-эры и меньшевики поддержали падающее правительство капиталистов, запутали себя еще больше соглашательством с ним, сделали еще более роковые, ведущие к гибели революции шаги.

---

[1]) **Статья написана в июне 1917 г.**

Революция учит все классы с быстротой и основательностью, невиданными в обычное, мирное время. Капиталисты, наилучше организованные, наиболее опытные в делах классовой борьбы и политики, научились быстрей других. Видя, что положение правительства неудержимо, они прибегли к приему, который в течение целого ряда десятилетий после 1848 года практиковался капиталистами других стран для одурачения, разделения и обессиления рабочих. Этот прием — так называемое «коалиционное», т. е. соединенное, составленное из буржуазии и перебежчиков социализма, общее министерство...

Министры из перебежчиков социализма оказывались говорильными машинами для отвода глаз угнетенным классам, а весь аппарат государственного управления оставался на деле в руках бюрократии (чиновничества) и буржуазии.

На фронте в это время ту контр-революционную, империалистическую задачу возобновления империалистской, грабительской войны, ту задачу, которую не мог выполнить ненавистный народу Гучков, с успехом и блеском выполнял «революционный демократ» Керенский, новоиспеченный член партии социалистов-революционеров...

Так прошла вторая полоса русской революции, с 6 мая по 9 июня. Контр-революционная буржуазия усилилась, укрепилась под прикрытием и под защитой «социалистических» министров, подготовив наступление и против внешнего врага, и против внутреннего, т. е. революционных рабочих.

9 июня партия революционных рабочих большевиков подготовляла демонстрацию в Питере, чтобы дать организованное выражение неудержимо нараставшему недовольству и возмущению масс. Запутывавшиеся в соглашениях с буржуазией, связанные империалистской политикой наступления, эс-эсеровские и меньшевистские вожди пришли в ужас, чувствуя потерю своего влияния в массах. Поднялся всеобщий вой против демонстрации, — вой, об'единивший на этот раз контр-революционных кадетов с эс-эрами и меньшевиками. Под их руководством в результате их политики соглашательства с капиталистами поворот мелко-буржуазных масс к союзу с контрреволюционной буржуазией определился вполне, обрисовался с поразительной наглядностью. В этом — историческое значение, в этом — классовый смысл кризиса 9 июня.

Большевики отменили демонстрацию, вовсе не желая вести рабочих на отчаянный бой против об'единенных кадетов, эс-эров и меньшевиков. Но эти последние, чтобы сохранить хоть какой-нибудь остаточек доверия масс, вынуждены были назначить общую демонстрацию на 18 июня. Буржуазия была вне себя от ярости, справедливо видя в этом колебания мелко-буржуазной демократии на сторону пролетариата и решая наступлением на фронте парализовать действие демократии.

Действительно, 18 июня дало замечательно внушительную победу лозунгов революционного пролетариата, лозунгов большевизма среди Петербургских масс, а 19 июня было торжественно об'явлено буржуазией и

бонапартистом Керенским о начавшемся именно 18 июня наступлении на фронте.

Наступление означало фактически возобновление грабительской войны в интересах капиталистов, вопреки воле громадного большинства трудящихся. Поэтому с наступлением неизбежно было связано с одной стороны гигантское усиление шовинизма и переход военной (а следовательно, и государственной) власти к военной шайке бонапартистов, а, с другой стороны, переход к насилию над массами, к преследованию интернационалистов, к отмене свободы агитации, к арестам и расстрелам тех, кто против войны.

Если 6 мая привязало эс-эров и меньшевиков к победной колеснице буржуазии канатом, то 18 июня приковало их как слуг капиталистов цепью.

Озлобление масс вследствие возобновившейся грабительской войны естественно возросло еще быстрее и сильнее. 3—4 июля последовал взрыв их возмущения, — взрыв, который большевики пытались сдержать и которому они, разумеется, должны были постараться придать наиболее организованную форму.

Эс-эры и меньшевики, как рабы буржуазии, прикованные господином, согласились на все: и на привод реакционных войск в Питер, и на восстановление смертной казни, и на разоружение рабочих и революционных войск, и на аресты, преследования, закрытие газет без суда. Власть, которая не могла взять целиком буржуазия в правительстве, которую не хотели взять советы, власть скатилась в руки военной клики, бонапартистов, целиком поддержанной, разумеется, кадетами и черносотенцами, помещиками и капиталистами.

Со ступеньки на ступеньку. Раз вступив на наклонную плоскость соглашательства с буржуазией, эс-эры и меньшевики покатились неудержимо вниз и докатились до дна. 28 февраля они обещали в Петербургском Совете условную поддержку буржуазному правительству. 6 мая они спасли его от краха и дали превратить себя в слуг и защитников его, согласившись на наступление. 9 июня они соединились с контр-революционной буржуазией в походе бешеной злобы, лжи и клеветы против революционного пролетариата. 19 июня они одобрили начавшееся возобновление грабительской войны. 3 июля они согласились на вызов реакционных войск: начало окончательной сдачи власти бонапартистам. Со ступеньки на ступеньку.

Такой позорный финал партии эс-эров и меньшевиков не случайность, а подтвержденный много раз опытом Европы результат экономического положения мелких хозяев мелкой буржуазии...

б) Октябрьский переворот[1].

Товарищи! Рабочая и Крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась.

Какое значение имеет эта рабочая и крестьянская революция? Прежде всего, значение этого переворота состоит в том, что у нас будет советское

[1]) Ст. Ленина—„Об Октябрьской революции", том XV, стр. 11—12, изд. 1923 г.).

правительство, наш собственный орган власти, без какого бы то ни было участия буржуазии. Угнетенные массы сами создают власть. В корне будет разбит старый государственный аппарат и будет создан новый аппарат управления в лице советских организаций.

Отныне наступает новая полоса в истории России, и данная третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма.

Одной из очередных задач наших является немедленная ликвидация войны. Но для того, чтобы окончить эту войну, тесно связанную с нынешним капиталистическим строем, ясно всем, что для этого необходимо побороть самый капитал.

В этом деле нам поможет то всемирное рабочее движение, которое уже начинает развиваться в Италии, Англии и Германии.

Справедливый, немедленный мир, предложенный нами международной демократии, повсюду найдет горячий отклик в международных пролетарских массах. Для того, чтобы укрепить это доверие пролетариата, необходимо немедленно опубликовать все тайные договоры.

Внутри России громадная часть крестьянства сказала: довольно игры с капиталистами, мы пойдем с рабочими. Мы приобретаем доверие со стороны крестьян одним декретом, который уничтожит помещичью собственность. Крестьяне поймут, что только в союзе с рабочими спасение крестьянства. Мы учредим подлинный рабочий контроль над производством. Теперь мы научились работать дружно. Об этом свидетельствует только что происшедшая революция. У нас имеется та сила массовой организации, которая победит все и доведет пролетариат до мировой революции.

В России мы должны сейчас заняться постройкой пролетарского социалистического государства.

Да здравствует всемирная социалистическая революция!

3. Характер и формы организации профессиональных союзов.

а) Стихийный рост союзов и начало централизации.

(Д. Антошкин—„Профессиональное движение в России“, стр. 244—250, изд. 1924 г.).

Вековой гнет самодержавия сброшен. Рабочий класс быстро создает Советы Рабочих и Солдатских Депутатов — органы своей революционной борьбы, — пока еще слабые, добровольно уступающие власть комитету государственной думы и временному буржуазному правительству.

Одновременно с Советом Рабочих Депутатов, когда еще не успела затихнуть вооруженная уличная борьба, поспешно строятся профессиональные союзы в обеих столицах.

Союзы возникали во всех производствах и отраслях хозяйства и с первых же дней становились массовыми организациями. В Московском союзе металлистов ко времени учредительного собрания союза, состоявшегося 29 марта, было уже 16.423 члена.

Одновременно с созданием отдельных профессиональных союзов, возникают и их местные об'единения — Центральные Бюро. В половине марта Центральные Бюро уже функционируют в Петербурге и Москве.

Ко времени III конференции профессиональных союзов в июне 1917 г., московский союз металлистов насчитывал 50.000 членов, петербургский — 170.000. Печатники организуются почти поголовно. Быстрый рост союзов с первых же дней революции наблюдался во всех производствах и в городах. За март — апрель союзы возникли в 74 производствах и профессиях, за май — июнь в 35, во второе полугодие 1917 г. только 12.

На III Всероссийской конференции было представлено 967 союзов с общим количеством членов в 1.475.429 и 51 Центральн. Бюро, об'единявшие 1.120.819 членов; металлистов было представлено 387.110, текстильщиков—178.560, печатников — 55.291, рабочих швейной промышленности — 51.545, деревообделочников—28.601, торгово-промышленных служащих—45.981.

Предыдущий период профессионального движения — 1905—1914 г.г. в значительной степени облегчал строительство союзов в 1917 году, так как был накоплен некоторый организационный опыт и имелись кадры дельных организаторов, то и другое было использовано. Старые профессиональные работники приступали к созданию союзов уже с определенным навыком, а это увеличивало интенсивность организационной работы.

На быстрый повсеместный рост союзов оказывали влияние кроме причин политического характера: полная свобода коалиции рабочих и экономические причины как основные причины развития рабочего движения, вообще, и профессионального движения в частности...

Быстрый количественный рост союзов, спешная организация союзного аппарата — большею частью при полном отсутствии общего единого руководства, в условиях лихорадочной стихийной волны экономических забастовок и конфликтов и в атмосфере напряженной политической борьбы — не могли способствовать качественному укреплению профессиональных союзов, они в силу указанных причин не отличались единством организационных форм, стихийное строительство не поддавалось контролю, и на ряду с союзами, с первого же момента применявшими принцип производственного строительства об'единений, возникали отдельные союзы узких профессий — монтеров, кочегаров, водопроводчиков и т. д. Это обстоятельство усложняло руководство экономической борьбой... По тем же «указанным выше» причинам аппараты союзов были слабы; они, только что наспех построившись, не могли справиться сразу с колоссальным расширением союзов, происходившим в течение немногих недель и месяцев; они не могли так быстро установить профессиональную дисциплину, которая значительно пала, вследствие гибели на войне многих воспитавшихся в политической и экономической борьбе пролетариев, теперь замененных пришельцами из деревень, из городских мелкобуржуазных слоев, а также в большом количестве женщинами и подростками... Всем этим элементам, не прошедшим производственной школы и практики классовой борьбы, была чужда отчеканенная классовая дисциплина...

Экономическая борьба вызвала к жизни почти во всех союзах стачечные комитеты, конфликтные комиссии, бюро труда, комиссии и отделы по разработке тарифов. Для облегчения задачи руководства союзами, наиболее крупные из них организуют районные отделы и фабрично-заводские комитеты; последние возникали и помимо профессиональных союзов и часто раньше их, ведя непосредственную борьбу с хозяевами и администрацией своих предприятий...

Центральные Бюро... являлись по существу и формально содействующими органами, согласовывавшими деятельность союзов по преимуществу в их политических выступлениях, и только позже, с развитием и укреплением их аппаратов и с появлением большей планомерности в организации и деятельности союзов, местные об'единения постепенно приобретают руководящие функции.

Центральные Бюро не получали постоянных взносов от союзов да и в большинстве последних они не были еще строго урегулированы. Не было установлено однообразной формы представительства союзов в Центральных Бюро.

Недостаточно развитый, а иногда и совсем отсутствовавший аппарат не позволял им полностью и планомерно выполнять и функции содействия, как то: выработка общих уставов, инструкций, исследования по вопросам труда, непосильные для отдельных союзов, содействие в руководстве экономической борьбой, своевременная и полная информация, организация профессиональной печати, содействие в организации новых союзов. И только после III конференции в деятельности Центральных Бюро (переименованных в Советы профессиональных союзов) начинает замечаться некоторая планомерность и расширение их функций, но руководящими они станут только после Октябрьской революции...

20 июня собралась III конференция, положившая основание Всероссийскому об'единению профессионального движения и наметившая первоначальные основы строительства профессиональных союзов по производственному принципу; были намечены и общие контуры централизации союзной деятельности и руководства экономической борьбой (п.п. 5—8).

Конференцией был избран Всероссийский Центральный Совет Профессиональных Союзов. Принят устав I Всероссийского С'езда Профессиональных союзов, созыв которого был поручен ВЦСПС.

Во время III конференции было положено начало всероссийскому об'единению союзов металлистов; на состоявшемся совещании делегатов металлистов был избран Временный Комитет Всероссийского Союза Металлистов. Другие союзы также использовали конференцию для подготовки к Всероссийским об'единениям. Союзы железнодорожников и почтово-телеграфных служащих еще с первых дней сложились как всероссийские организации и занимали в профессиональном движении того времени обособленное место по той политической роли, которую они играли. Большинство же об'единений оформилось во всероссийские организации лишь после конференции и некоторые—после Октябрьского переворота.

б) Раздвоение профессионального движения.

(Я. Фин—„Фабрично-заводские комитеты в России", стр. 15—19, изд. 1922 г.).

Одновременно и параллельно с основной своей задачей — сохранение производства и производительных сил страны, а тем самым и обеспечение насущных интересов рабочего класса, фабрично-заводские комитеты выполняли большую работу в области защиты прав рабочих, охраны их труда, улучшения быта и т. д. Наблюдение за правильным соблюдением условий договора, а зачастую и заключение самого договора, разбор конфликтов между администрацией и рабочими, установление расценок, об'явление и проведение стачек и ряд других задач, составляющих целиком и полностью сферу компетенции профессиональных союзов, — все это выполнялось фабрично-заводскими комитетами в большинстве случаев, особенно в первый период после февральской революции, вполне самостоятельно.

Фабрично-заводские комитеты составляли таким образом как бы самостоятельную форму рабочего движения, оторванную от «экономических», организаций рабочего класса, от профессиональных об'единений.

Такое явление находило себе оправдание по ряду причин. Самодеятельность рабочих, схваченная за горло царским режимом, сохранила к моменту февральской революции жалкие остатки профессиональных организаций. Сводка анкетных данных, представленных делегатами первого всероссийского с'езда союзов, показывает, что к моменту переворота в феврале в России насчитывалось всего 24 профсоюза с крайне незначительным числом членов. Несмотря на то, что тяга к организации была среди промышленного пролетариата очень велика, несмотря на то, что волна широкого строительства профессиональных об'единений захлестнула всю Россию из края в край, профсоюзы, охватывающие массы рабочих, разбросанных по разным предприятиям, не могли развиваться так же быстро, как фабрично-заводские комитеты, организационные пределы которых строго ограничиваются стенами одного предприятия. Естественно поэтому, что фабричные комитеты захватили и выполняли ряд функций, которые обычно составляют исключительную компетенцию профсоюзов, или должны проводиться по их директивам и под их непосредственным и неуклонным руководством.

Такое положение имело свою положительную и свою отрицательную сторону. Положительная сторона заключалась в том, что профсоюзы еще не были достаточно развернуты, не обладали необходимой организационной крепостью, не охватили достаточно широких рабочих масс и не могли, следовательно, систематически и полно осуществлять свои задачи по всесторонней защите интересов и прав трудящихся, тогда как фабрично-заводские комитеты, стихийно организовавшиеся немедленно вслед за февральским переворотом, довольно прочно спаявшие рабочие массы в предприятиях, восполняли пробел, который у нас остро ощущался в связи с медленностью темпа развития профсоюзов. Благодаря наличию фабзавкомов, рабо-

чие с первых же дней легализации экономической борьбы не оставались без организованной защиты от натиска капитала.

Но действия фабрично-заводских комитетов, особенно вначале, были совершенно разрозненны. И в деле проведения коллективных договоров, и в установлении расценок на предприятиях для разных групп рабочих мы в связи с этим имели колоссальный разнобой. Что же касается об'явления и проведения стачек, то для всякого ясно, что именно здесь разрозненные действия крайне вредны, что именно в этой области требуется полная согласованность, строго продуманный метод и план действий по целой отрасли промышленности или по отдельному району.

Тут-то и крылась отрицательная сторона самостоятельного, вне органической связи с профсоюзами, существования завкомов.

Вредность самостоятельности завкомов стала скоро серьезно ощущаться и в области проведения ими рабочего контроля, так как при переходе от пассивного к активному контролю завкомы подходили вплотную к неразрешимым для них проблемам регулирования и перестройки всей производственной жизни страны.

Невозможность раздельного существования фабрично-заводских комитетов и профсоюзов, необходимость соподчинения их друг другу чувствовалась уже давно. Этот вопрос подвергался обсуждению на упоминавшейся нами не раз конференции фабрично-заводских комитетов в мае 1917 года в Петрограде. Учитывая тогда слабость профорганизаций, конференция не решилась подчинить завкомы союзам, и в соответствующей резолюции говорит лишь о тесном единении центров обеих организаций как в области контроля, так и в области организации всех боевых выступлений, об установлении организационной формы *сотрудничества* завкомов и профессиональных союзов.

III Всероссийская конференция профессиональных союзов ставит вопрос несколько шире, но тоже не дает ясного и категорического решения, очевидно, потому, что дух самостийности и некоторое недоверие к союзам еще не вполне был изжит завкомами. Подчеркнув в резолюции по вопросу о взаимоотношениях профсоюзов и фабр.-заводских комитетов, что в деле контроля над производством на долю заводских комитетов выпадает исключительного значения роль, конференция говорит:

«Профессиональные союзы должны энергично содействовать созданию и укреплению фабрично-заводских комитетов, *стремясь превратить их в свои опорные пункты на местах, проводя через них общую политику профессиональных союзов*. Выполняя функции представительства и защиты интересов рабочих данного предприятия, *фабрично-заводские комитеты являются первичной инстанцией* контроля как за соблюдением законов по охране труда, так и по соблюдению заключенных союзами коллективных договоров.

«*Заводские комитеты должны передавать руководство возникающими конфликтами профессиональному союзу*», представляя для этой цели весь свой аппарат в распоряжение союза для организованного ведения и ликвидации конфликта.

«...Лишь при правильном размежевании функций профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов и тесном их сотрудничестве возможно достигнуть полной согласованности, планомерности и единства в ведении экономической борьбы пролетариата и плодотворного участия их в деле контроля и регулирования государством хозяйственной жизни страны».

Мы нарочно привели такую большую выдержку из резолюции (п.п. 4, 7 и 9), чтобы подчеркнуть, что на третьей конференции впервые во всероссийском масштабе была сделана попытка сочетать работу двух однородных по своим задачам и целям организаций, причем попытка эта была крайне робкая, осторожная, превращение завкомов в опорные пункты профсоюзов намечалось лишь на дальнейшее время, на неопределенное будущее, когда обе организации смогут подойти ближе друг к другу, сработаться, ясно почувствовать взаимную неразрывную связь.

Попутно интересно отметить крайнюю слабость влияния профсоюзов на завкомы, большинство членов которых часто не состояли даже в том или ином профессиональном об'единении.

Так, на ряду с вышеприведенными пунктами и в резолюции говорится:

«Выборы в заводские комитеты должны производиться под руководством профессиональных союзов и по их спискам. Необходимо привлекать в союз всех членов заводского комитета, еще не состоящих в нем».

И дальше:

«Заводские комитеты в свою очередь должны вести агитацию за вступление в союз всех рабочих своего предприятия и поднимать авторитет союза в глазах неорганизованных рабочих».

в) Рост профессионального движения в период февральской революции.

(Н. Глебов—„Просвещение", стр. 120—124, изд. 1917 г.).

...В Петрограде уже к 1 июля 1917 года число членов достигало 350.000, а к 1 октября более полумиллиона. Следующие цифры наглядно показывают организованность отдельных профессиональных союзов в Петрограде:

	Число членов[1]: на 1 мая	на 1 июля	на 1 октября
Металлисты	80.000	126.000	200.000
Архитект-строительн. раб.	4.000	10.000	15.700
Печатники	18.000	26.000	25.100
Деревообделочн.	8.000	20.000	20.500
Кожевники	—	17.000	16.708
Рабочие химич. произв.	—	9.577	19.500
„ по обраб. волокнистых веществ	15.000	25.000	32.658
Табачники	14.000	14.000	14.000

[1]) Таблица сокращена. Всего было 44 союза.

Рабочие пищ. продукции	—	—	13.250
„ „ и работницы, работающие иглой	9.000	12.000	14.300
Торгово-промышленные служащие	16,000	25.000	25.000
Конторщики	—	—	20.000
Об'единенные раб. петрогр. д. общественных самоупр.	—	—	30.120
Парикмахеры	503	661	7.000
Железнодорожники	—	2.000	6.000
Моряки торгового флота	—	—	1.300
Почтово-телеграфн. служащие	4.500	—	10.700

Таковы цифры петроградских союзов. Здесь все же придется сказать, что эти цифры приблизительны и что эти *номинальные цифры* далеки от *действительных*. Число *платящих* членов несомненно меньше...

Последние данные, полученные на демократическом совещании 14 сентября 1917 г., показывают на усиленный рост профессиональных союзов в России. 115 представителей, входивших в профессиональную делегацию, представляют 1.893.100 организованных рабочих. По местным об'единениям количество членов распределялось следующим образом [1]):

Астрахань	40.000
Баку	40.000
Уральский Областной Союз	147.000
Екатеринослав	40.000
Киев	80.000
Москва	400.000
Н.-Новгород	70.000
Одесса	100.000
Петроград	400.000
Харьков	50.000
Иваново-Вознесенский профессиональный союз	105.000

Сюда не вошли еще ряд городов, не представленных на Совещании, а если к этому прибавить еще не прошедших об'единения железнодорожников, почтово-телеграфных служащих и др., то количество организованных членов профессиональных союзов в России будет значительно больше двух миллионов.

Из этого числа на всероссийские об'единения приходится 1.195.000 и распределяются по производствам следующим образом:

1) Металлисты	600.000
2) Кожевники	100.000
3) Портные	70.000
4) Печатники	70.000
5) Рабочие свекло-сахарной промышленности	100.000
6) Стекольщики	80.000
7) Текстильщики	175.000

[1]) Таблица сокращена.

Эти цифры организованных рабочих, об'единенных в местные и всероссийские организации, показывают нам, какою крепостью будут профессиональные союзы во всем рабочем движении.

4. Союзы в экономической борьбе.

(М. Томский—„Очерки профессионального движения в России", стр. 41—43, изд. 1924 г.).

Перспективы экономической борьбы в обстановке «ужасающего» развала промышленности, при сплоченной организации предпринимателей в лице общества заводчиков и фабрикантов, ясно доказывали, что обычные методы экономической борьбы, такие, как стачка, являются в данной обстановке заведомо негодным оружием.

Попытки закрепить достигнутые завоевания путем коллективных договоров встречали все большие сопротивления со стороны капиталистов, по мере обострения классовой борьбы. Если первые месяцы после революции экономические конфликты в значительной части своей могли разрешаться в примирительных камерах и третейских судах, *которые часто решали и спорные вопросы тарифов, то к осени* 1917 г. поведение предпринимателей ясно говорило уже о том, что никаких *соглашений* они не желают. Все реже оказывалось возможным достигнуть соглашения между рабочими и предпринимателями относительно супер-арбитра. Все реже обе стороны могли договориться в примирительной камере до какого-нибудь положительного результата, особенно по вопросам *правового характера.* Если в вопросах *о заработной плате,* о голых ставках предприниматели и соглашались пойти на кое-какие уступки, особенно когда речь шла о квалифицированных рабочих, то предложения фабрично-заводских комитетов о закреплении завоеванных прав неизменно встречали резкий отпор и наталкивались на полную непримиримость со стороны организованных предпринимателей.

Уже после июльских дней все рабочие журналы констатируют резкий поворот в тактике капиталистов. Журнал металлистов (№ 1—2) 17 августа пишет: «рабочие в интересах государства и революции идут на уступки и обещают, что они подымут производительность труда... Но рабочие требуют, чтобы и другая сторона шла на жертвы для спасения страны...».

«Революция от наступления перешла к обороне. Капиталисты от обороны перешли к наступлению»...

Это наступление привело к схватке в кожевенной промышленности. В виде уступки требованиям капиталистов, министром труда Скобелевым был издан циркуляр о фабрично-заводских комитетах, в основе своей отменявший обязательность найма и увольнения через заводские комитеты. Попытка провести этот циркуляр в кожевенной промышленности встретила резкий отпор со стороны союза кожевников, ответившего на это забастовкой, охватившей весь московский район. В этой забастовке, послужившей прелюдией к октябрьским дням, два класса вполне отчетливо стали друг

против друга: на одной стороне — об'единенные предприниматели кожевники, за спиной которых стояли крупные об'единения капиталистов; на другой—союз кожевников, на поддержку которого встали все рабочие союзы, ассигновавшие в пользу стачечников средства из союзных фондов, собиравшие пожертвования и отчислявшие полудневный и однодневный заработок для той же цели.

Этот процесс обострения экономических противоречий, при экономической кон'юнктуре, превращавшей, по отношению к основным отраслям нашей промышленности, стачку в бессмыслицу, при глубоко укоренившемся теперь в массах убеждении, что стачки в такой момент могут служить лишь интересам предпринимателей, будучи гибельны для производства, хранителем которого почувствовал и об'явил себя рабочий с его союзами, — достигает высшей точки к середине октября и значительно форсирует свержение потерявшей всякое доверие рабочих масс коалиции.

15 октября делегатское собрание Московского союза металлистов единогласно принимает резолюцию, которая, констатируя экономический развал, говорит: «Перед пролетариатом, как классом, война и революция выдвинули великую задачу: организовать и охранить производительные силы страны от той катастрофы, к которой сознательно ведут страну капиталисты».

Далее та же резолюция так определяет характер экономической борьбы в данный период: «Промышленный капитал, организованный в мощный синдикат, ставя себе целью, путем дезорганизации производства и вызываемой этим безработицы, смирить рабочий класс и вместе с тем подавить революцию, провоцирует рабочих на частичные забастовки, подрывающие и без того расстроенное производство».

И как вывод из этого: «Делегатское Собрание Московского Союза металлистов требует от Московского Совета Рабочих Депутатов немедленно стать на путь революционной организации всей промышленной жизни и, действуя в соглашении с Петроградским Советом Рабочих Депутатов, революционной властью немедленно прекратить забастовки, заставить предпринимателей удовлетворить все экономические требования рабочих и, в частности, издать декрет о контроле заводских комитетов над наймом и увольнением».

Мы приводим эту резолюцию как наиболее характерную, ибо в то же время в Москве аналогичную резолюцию вынес союз текстильщиков, а также целый ряд союзных собраний как в столицах, так и в провинции. Собрание всех правлений союзов Москвы совместно с Московским Бюро профессиональных союзов и следующее делегатское собрание металлистов 22 октября лишь конкретизируют и подтверждают данное решение и, наконец, Московский Совет Рабочих Депутатов постановляет путем декретов дать решение самых насущных требований, выдвигаемых профессион. организациями.

Подведенные в процессе экономической борьбы к необходимости перенести центр тяжести в область контроля над промышленностью и ее регулирования уже в мае—июне, русские рабочие и их союзы к октябрю отчетливо уяснили себе то положение, что не может быть речи о контроле

и регулировании, пока власть остается в руках класса капиталистов, что сама тактика экономической борьбы — в обстановке экономической разрухи и саботажа предпринимателей — подлежит коренному изменению, переходит в плоскость политической борьбы, борьбы за власть.

5. В борьбе за контроль над производством.

а) Саботаж предпринимателей.

(Г. Цыперович—„Задачи профессионального движения", стр. 13—24, изд. 1918 г.).

С падением самодержавия остались совершенно нетронутыми об'единения фабрикантов и заводчиков и их то должны были пустить прежде всего в ход в качестве дальнобойного орудия капиталистические круги против революционного движения пролетариата, потому что прибегать к старой системе явной непосредственной классовой борьбы, к локаутам, к черным спискам, штрейкбрехерству и т. д. было слишком рискованно в раскаленной атмосфере политической революции...

Чувствуя свое бессилие перед массовым выступлением рабочего класса в защиту его права жить по человечески, крупный об'единенный капитал поставил себе очередной задачей добиться ослабления своего противника путем раскола между рабочими массами и той политической силой, которая с первых дней революции стояла на его стороне, т. е. армией....

Попытка была сорвана, благодаря энергическим выступлениям профессиональных организаций и Советов, которые вынуждены были прибегнуть к приглашению особых делегаций с фронта, для того, чтобы показать им, что, где возможно и насколько возможно, заводы и фабрики работают полным ходом.

Точно такую же участь постигла и последовавшая затем попытка расколоть город и деревню на том же вопросе о падении производительности труда фабрично-заводских предприятий...

Из данного обстоятельства капиталистические круги сделали совершенно правильный вывод, который предопределил их дальнейшую тактику. Они поняли, что попытка расколоть революционный фронт одной лишь агитацией при массовом народном под'еме является недостаточной, что под нее необходимо подвести реальную основу, *что падение производительности должно стать фактом* и притом достаточно резким, чтобы результаты сами бросались в глаза. Само собой разумеется, что осуществление такого плана зависело всецело от организованности по крайней мере руководящих капиталистических сфер. И вот тут-то были широко использованы всевозможные финансовые предпринимательские и торговые организации, которые и до войны, но, конечно, в других формах, осуществляли задачу планомерного воздействия на производство в целях его сжимания, а также в целях борьбы с нараставшим рабочим движением. Под влиянием резко изменившихся условий прежняя система «локаута» с одной стороны, и регулирования про-

мышленности — с другой, перевоплотилась в новую систему... которая очень скоро получила совершенно правильное название «саботажа», что означало, что революционная демократия быстро разобралась в характере нового капиталистического приема борьбы.

Планомерному и строго продуманному осуществлению саботажа оказали существеннейшую помощь следующие обстоятельства. Прежде всего крупный капитал в общем и целом выступал организованно и руководствовался определенными производственными регулирующими и представительными центрами, т. е. синдикатами и трестами, обществами фабрикантов и заводчиков, биржевыми комитетами, советами с'ездов, банковскими консорциумами и т. д.; это в значительной степени облегчало единство действий и в то же время гарантировало отдельным предпринимателям, бравшим на себя роль выполнителей воли центров, что в случае победы класса в целом их предприятия будут восстановлены и убытки покрыты.

Кроме того, тесная связь между об'единенным промышленным капиталом и банковыми организациями, не только национальными, но и международными, давала возможность с внешней, формальной стороны закрывать различные промышленные предприятия на «законных основаниях». Мотив закрытия был всегда один и тот же: в виду «чрезмерных требований рабочих», «разрушительной и захватной деятельности профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов» банк, не имея достаточной гарантии, прекращает предприятию отпуск кредитов, и поэтому оно должно остановиться против воли предпринимателя. Такая формулировка переносила центр тяжести саботажа в область финансовых отношений и совершенно обезличивала в смысле ответственности руководителей промышленных предприятий. Поскольку последние оставались без средств, они естественно дальше работать не могли, что касается банков, то при подвижности и анонимности акционерного капитала было совершенно невозможно установить чью-либо личную ответственность за весь тот ущерб и за ту разруху, которая неизбежно следовала за каждым случаем прекращения кредита...

Нужно впрочем отметить, что активное вмешательство банковских сфер в борьбу между трудом и капиталом оформилось не сразу. Первые шаги саботажа делались на ощупь и часто предпринимались по личной инициативе отдельных наиболее активных предпринимателей или групп, недостаточно взвесивших силу сопротивляемости рабочего движения и не сумевших правильно учесть общее революционное настроение масс. Однако неорганизованные выступления отдельных заводчиков и фабрикантов, сначала наиболее резко обозначавшиеся в Северном, особенно в Петроградском районе, и совпавшие с подготовительными шагами к реставрации старого режима усилиями петроградских финансовых капиталистических сфер, в тесной связи с генеральным штабом, уже через несколько месяцев после февральских дней уступили место планомерному саботажу, который сначала охватил Московский район, а затем перебросился на Юг...

Так же как подготовка развала в петроградской военнометаллической промышленности не привела к успеху реакционных попыток в Петрограде,

искусственное разрушение текстильной промышленности в Московском районе не дало победы ни Рябушинским и К°, ни военным выразителям их воли — Корниловым в Москве. И вместе с тем высшим финансовым и капиталистическим кругам стало ясно, что необходимо серьезно ударить по производственному и особенно транспортному аппарату вообще, чтобы политика саботажа могла дать такие реальные результаты, которые покажутся достаточно убедительными и внушительными для народных масс. Но такого результата можно было достигнуть лишь в одном случае: если бы основа промышленности — уголь и железо, особенно уголь, — оказалась потрясенной до основания.

В данном случае вывод из предыдущих неудач вполне совпал с обычной практикой организованного капитала, который всегда и везде начинает захват промышленности в монопольное владение как раз таких основных отраслей производства, как уголь и железо. Однако для того, чтобы об'единенный организованный капитал вспомнил про этот обычный метод и попытался применить его в совершенно новой обстановке классовой борьбы, необходима была известная практическая школа, которая воздействовала бы соответственным образом на психологию предпринимательских слоев. Это и было сделано неудачей саботажа в Северной и Центральной областях, где он захватывал хотя и важные, но перерабатывающие отрасли промышленности, а не основные. Вот почему в дальнейшем волна саботажа перекатывается в Донецкий бассейн, куда одновременно переносится и группировка политической контр-революции вокруг Каледина и Богаевского.

На этот раз дело пошло гораздо успешнее. Группа фон-Дитмара, Свищина и других, действовавшая при поддержке высшего финансового мира и в полной солидарности с Калединым, приступила к массовому закрытию шахт и рудников с тем большей уверенностью, что к тому времени профессиональное движение в Донецком бассейне только начинало налаживаться.

Результатом деятельности указанной группы было то, что транспорт стал быстро сокращаться из-за недостатка топлива, а вслед за поражением этого основного нерва хозяйственной жизни страны началось и массовое закрытие предприятий, оставшихся без угля и антрацита уже не по отдельным районам, а по всей стране. Вместе с тем наступило расстройство и в передвижении продовольственных грузов.

Теперь основная цель саботажа была, наконец, достигнута. Пораженным оказался нервный узел, и паралич стал распространяться с одной отрасли хозяйственной жизни на другую, грозя полной приостановкой всего производства.

б) Рабочий контроль.

(Г. Цыперович — „Задачи профессионального движения", стр. 24—31, изд. 1918 г.).

В такой исключительной обстановке двойного обходного движения со стороны крупного организованного капитала и политической реакции, руководимых единым центром, и зародилась впервые идея о вмешательстве

рабочих организаций в самый ход производства в целях контроля. У пролетариата было собственно два пути: или признать себя побежденным и сдаться на милость предпринимательских кругов, или сделать попытку вырваться из западни, разорвать сети саботажа и выйти на широкую дорогу....

Второй путь, очевидно единственный, по которому еще могло пойти рабочее движение, расчитывая на известный успех, был тем не менее чреват серьезными опасностями, вытекающими как из общей неподготовленности нашего рабочего класса к роли организатора производства, так и его полной изолированности в рядах международного пролетариата...

Уже с первых месяцев революции в некоторых петроградских предприятиях, и среди них прежде всего металлургических, рабочие стали пробовать контроль, но в сравнительно легких и пассивных формах. Заметив, что предприниматели вывозят сырье, необходимое для производства, и продают его на сторону, утверждая в то же время, что фабрика и завод останавливаются, потому что сырья не хватает, или что из предприятий вывозятся готовые изделия, а затем работы прекращаются из-за недостатка денежных средств, рабочие стали устраивать наружные сторожевые посты, руководствуясь простым инстинктом самосохранения.

Переход от наружного сторожевого контроля на внутренние распорядки напрашивался сам собой: он произошел с тем большей легкостью, что наружная сторожевая охрана неопровержимо и во многих случаях установила факт тайного вывоза сырья, топлива и изделий, что дало обильную пищу недоверию по отношению к распорядительным органам заводоуправлений. С переходом наружного контроля во внутрь предприятий рабочие организации стали проверять, действительно ли эти предприятия не располагают достаточным количеством материалов для продолжения работ. И поскольку оказывалось, что и в том, и в другом случае недостаток действительно наблюдался, совершенно естественно и неизбежно возникал вопрос, почему именно их не хватает и можно ли сделать так, чтобы они были.

Необходимо и тут отметить, что это вовсе не было классовое любопытство, возбужденное ненасытным стремлением к захвату власти над производством во что бы то ни стало, а простое, часто стихийное стремление выяснить себе, что можно ждать на следующий день — продолжения работы или голодовки. То обстоятельство, что в процессе этого выяснения и в целях его оформления стали с лихорадочной, почти стихийной поспешностью возникать повсюду в промышленных предприятиях фабрично-заводские и рудничные комитеты, скорее опять-таки свидетельствует о тяге к контролю под давлением инстинкта самосохранения, чем о ясно осознанной задаче планомерного строительства на захваченных производственных позициях.

Фактически орудиями рабочего контроля, и притом активного, а не пассивного, как это было до октябрьских дней, фабрично-заводские и рудничные комитеты сделались лишь с того времени, когда политика саботажа развернулась по всему фронту...

Переход от пассивного к активному контролю начался собственно с того момента, как на основании учета топлива и сырья в предприятиях рабочие решились на самостоятельные попытки снабжения производства тем и другим, для того, чтобы избегнуть его прекращения, а стало быть и массовой безработицы.

С этой целью фабр.-зав. комитеты рассылают повсюду агентов, ищут сырье и топливо, грузят, «проталкивают», добывают соответственные разрешения в различных учреждениях по топливу, транспорту, т. е. фактически превращаются в органы производственного снабжения. Свою работу они осуществляют с такой энергией, что многие предприниматели просто отказываются обслуживать свои предприятия сырьем, как от слишком хлопотливой обязанности, и передают ее добровольно фабр.-зав. комитетам.

Но вполне законченные формы активный контроль приобретает лишь с того времени, как начинается поверка технического оборудования промышленности. Первые шаги в этом направлении были сделаны еще в начале революции, когда рабочим пришлось доказывать, что резкое падение производительности труда во многих отношениях об'ясняется расшатанностью и изношенностью станков и машин. Уже в то время, хотя и попутно, внимание рабочих направилось на ненормальное, и в известных случаях умышленно ненормальное, использование предпринимателями изношенных и разбитых технических средств вместо сохранившихся и совершенно новых, т. е. на неправильное соотношение технических возможностей. Но и тут понадобилось воздействие нового и такого серьезного фактора, как переход военной промышленности на мирное положение, для того, чтобы окончательно вскрыть общую ненормальность оборудования большинства наших предприятий, особенно металлургических, и таким образом отдельные случаи борьбы с злой волей или простой отсталостью предпринимателей в области технического оборудования обобщить и поставить на общепроизводственную почву.

Новая стадия технического контроля совпала с вполне обозначавшимся моментом организованного предпринимательского саботажа и создала в рабочих кругах крайне напряженное настроение, которое проявилось в многочисленных индивидуальных секвестрах предприятий по каждому отдельному случаю и без какой бы то ни было определенной общей системы хотя бы по тому или иному производству...

Попытки выяснить, насколько жалобы предпринимателей на недостаток денежных средств действительно обоснованы, провели через пассивный контроль над финансовой отчетностью предприятий к активному финансовому контролю и к его наивысшей форме активного финансирования производства.

Вопрос о национализации банков должен был выдвинуться на первый план с роковой неизбежностью.

Этим моментом собственно и заканчивается наиболее важная, наиболее знаменательная часть истории фабрично-заводских комитетов. Возникнувшие, как органы пассивного рабочего контроля в период бурной войны между

крепко организованным капиталом и слабо организованным трудом, они шаг за шагом переходили к контролю активному, который они естественно осуществлять не могли, потому что он подводил их неизбежно вплотную к важнейшим проблемам реорганизации и регулирования всей производственной жизни страны.

6. Идеология профдвижения.

а) Меньшевики и большевики в профдвижении.

(М. Томский—„Очерки...", стр. 34—41, изд. 1924 г.).

Центральным пунктом порядка дня 1-ой конференции фабрично-заводских комитетов Ленинграда был вопрос о контроле над производством...

Что контроль над производством был необходим при тех условиях, когда в обстановке грозного хозяйственного кризиса предприниматели отказывались вести производство и в большинстве случаев старались его сократить или приостановить совершенно, об этом уже 30 мая 1917 года никто не спорил, и спор между правой и левой велся только о том, кто будет контролировать.

На первый взгляд весь вопрос сводился лишь к количественному соотношению рабочих и не-рабочих в органах контроля, но на самом деле разногласия были более глубокими и далеко не исчерпывались спором о централизованном государственном контроле, который меньшевики противопоставляли идее якобы стихийных, обособленных захватов рабочими отдельных предприятий.

Сущность идей рабочего контроля заключалась в классовом контроле, как первой стадии к регулированию и обобществлению производства.

И ленинградский рабочий Наумов правильно формулировал политическую сущность разногласий: «да, контроль необходим, но какой контроль, как и кем организованный?»...

«Если хотят ввести государственный контроль, то пусть определенно договаривают: правительство какого класса будет осуществлять этот контроль?»...

И, конечно, ленинградские рабочие не пошли за идеей «государственного контроля», не испугались и «ответственности», которой их «стращали» г.г. меньшевики...

Итак, 30 мая 1917 года, через три месяца после февральского переворота, рабочая конференция Ленинграда установила *основные черты новой идеологии экономического движения пролетариата,* признав заинтересованность его в сохранении производства, необходимость перехода через контроль и регулирование — к его организации. Отвергнув попытку меньшевиков поставить государство коалиционного периода на высоту какого-то надклассового органа, ленинградские рабочие ясно показали, что они не верят во внеклассовое государство, что единственной силой, могущей выполнить их экономическую программу, является сам рабочий класс, и что единственным орудием для выполнения этой программы может быть лишь Власть Советов.

Ровно через месяц собралась III Конференция Профессиональных Союзов, и — что вполне понятно — одним из основных вопросов, стоявших в порядке дня ее, был вопрос о «контроле над производством и распределением и об организации производства в России»; и при обсуждении этого вопроса на Конференции снова произошло деление по линии: «государственный» или «рабочий» контроль. Но то, что было ясно для ленинградских рабочих 30 мая, то месяцем позже оказалось неясным для большинства III Конференции, состоявшего из провинциальных меньшевиков и эсеров, и по докладу большевика Милютина была принята резолюция меньшевика Череванина...

В упомянутой резолюции не только признается необходимость нормирования заработной платы, но дается абрис тарифной работы в области квалификации труда и тарифной разбивки по поясам. Но, признав необходимость регулирования производства и нормирования заработной платы, признав невозможным для рабочих масс и их союзов вне этого найти путь к улучшению экономического положения рабочего класса, Конференция не сумела, однако, сделать другой вытекающий отсюда вывод, а именно: вывод об изменении характера деятельности профессиональных союзов и самого движения в целом. Камнем преткновения на этом пути явился вопрос, поставленный питерским рабочим Наумовым: «*правительство какого класса будет осуществлять контроль?*» Правительство какого класса могло бы осуществить государственное синдицирование промышленности, определение предпринимательской прибыли, нормирование заработной платы через союзы и т. д.?

При каком государственном строе осуществима вообще подобная экономическая программа?

Мы знаем, что первая рабочая ленинградская конференция решительно заявила, «что это осуществимо лишь при переходе всей государственной власти в руки Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов».

III Конференция Профессиональных Союзов весьма незначительным большинством постановила «в интересах революции передать это дело государству, с привлечением к нему всех производительных слоев населения.

Февральская революция создала фабрично-заводские комитеты, сплотила рабочих и двинула их на борьбу за улучшение своего экономического положения. Рабочие комитеты не могли равнодушно смотреть на спекулянтские комбинации хозяев и превратились в зоркий пролетарский глаз, присматривающий за ловкими руками хозяев-дельцов. Уже одно это создало такую атмосферу, что представители «демократии», «революционные» буржуа, стали прибегать к локауту, саботажу и т. п. мерам, дабы сломить рабочих, избавиться от «незаконного» контроля и вернуться к старым условиям. Против этого срыва производства было выдвинуто требование планомерного контроля, регулирования производства, нормирования заработной платы и прибылей, и рыцари «святой невинности» г.г. меньшевики полагали, что это может быть осуществлено при том же самом государственном строе, тем же самым правительством, которое за 8 месяцев не могло уза-

конить 8-ми часовой рабочий день, которое открыто являлось орудием в руках класса капиталистов!

Но то, чего не решались договорить меньшевики, боясь «ответственности», то сама жизнь подсказала рабочим массам и профессиональным союзам, и как ни пугали рабочих меньшевики, как ни предостерегала их III Конференция, что профессиональные союзы «не могут брать на себя административно-хозяйственных функций в производстве, профессиональные союзы в процессе экономической борьбы самой историей были приведены к тому, что им пришлось не только принять деятельное участие как в центральных, так и в местных органах, учрежденных с этой целью» (резолюция III Конференции: «Взаимоотношения профессиональных союзов и фабр.-заводских комитетов»), но и взять в этой области под свое руководство фабрично-заводские комитеты, взять на себя строительство самих этих органов, без участия представителей демократии»...

Представители профессиональных союзов, принимая участие в органах регулирования, созданных войной и революцией, как то: в особом совещании по топливу, особом совещании по металлу и т. д. в процессе своего знакомства с работой этих учреждений приходили все больше и больше к убеждению, что эти органы регулируют промышленность далеко не в интересах рабочего класса. И все крепче складывалось у них убеждение в необходимости полной передачи этих органов в руки рабочих организаций.

б) Роль союзов в Октябрьском перевороте.

(А. Лозовский — „Профсоюзы в Советской России“, стр. 19—21, изд. 1920 г.).

Обострившиеся экономические конфликты поставили перед профессиональными союзами еще задолго до Октябрьской революции вопрос о необходимости насильственного низвержения коалиционного правительства. Крупнейшие союзы (металлисты, текстильщики), главнейшие центры рабочего движения (Петроград, Москва, Иваново-Вознесенск) уже на третьей конференции выступали за решительную революционную борьбу против коалиции. Когда в августе 1917 года правительство Керенского созвало государственное совещание, где была сделана попытка братания социал-демократов меньшевиков и эс-эров с либералами, Московский Совет профессиональных союзов выступил инициатором забастовки протеста против продолжающейся комедии. 500.000 московских рабочих забастовали, бросив в лицо Временному Правительству лозунг «Вся власть советам». Уральская конференция профессиональных союзов, об'единявшая 145.000 рабочих, вынесла резкий протест против «подмены представительства революционной России московским совещанием контр-революционных сил страны». В связи с Корниловским мятежом имеется ряд выступлений крупнейших профессиональных союзов с требованием немедленного разрыва коалиции, рабочего контроля и всей власти советам. Петроградский совет профессиональных союзов, констатируя, что временное правительство приносит интересы мира

и народных масс в жертву союзным и русским империалистам, требует в конце августа создания особого *комитета обороны Петрограда от контрреволюции.* Московские металлисты заявляют, что «нет отдельных конфликтов металлистов, текстилей, кожевников — есть один огромный всероссийский конфликт труда и капитала», а всероссийская конференция текстильщиков, состоявшаяся в сентябре, обещает «всемерную поддержку советам в их борьбе за власть, ибо только такая власть может спасти страну от экономического и политического развала и улучшить положение рабочего класса».

Насколько обострявшаяся экономическая борьба двинула влево профессиональные союзы, видно из того, что на общедемократическом совещании, состоявшемся в сентябре в Петрограде, $^{9}/_{10}$ делегатов профессиональных союзов, представлявших 1.893.100 чел., высказалось против коалиции, а 70% делегатов принадлежало к партии большевиков. В этой обострявшейся классовой борьбе профессиональные союзы и их органы на местах—фабрично-заводские комитеты—играли выдающуюся роль.

Весь сентябрь и октябрь месяц 1917 года проходят в острых столкновениях между союзами и предпринимателями, причем рабочие через свою собственную красную гвардию проводят в жизнь постановления союзов. Так, когда конфликт между союзом кожевников и обществом фабрикантов и заводчиков кожевенного производства затянулся, на многих фабриках началось стихийное изгнание предпринимателей и захват фабрично-заводскими комитетами предприятий. 5 октября 17 года московская областная конференция металлистов, на которой было представлено 138.000 рабочих, требует энергичной борьбы за коренное изменение начал экономической политики, национализации крупнейших синдицированных нефтяных, каменноугольных, сахарных, металлообрабатывающих и т. п. предприятий, национализации транспорта и национализации банков. Конференция дальше рекомендует «проводить на местах и поощрять инициативу в смысле скорейшего осуществления требования рабочего контроля над производством». Что значило в обстановке обостренной классовой борьбы «поощрять инициативу рабочего контроля», конечно каждый понимал: дело шло о насильственном и немедленном введении рабочего контроля. 9-го октября 1.000 делегатов от 200.000 текстильщиков московского района обещают поддержку советам, призывая их «к решительным действиям в борьбе с саботажем промышленников и предательской деятельностью временного правительства». Положение все больше осложнялось, вспыхивавшие то там, то сям частичные забастовки ни к чему не приводили; прекрасно организованные предприниматели намеренно провоцировали рабочих на частичные выступления, чтобы разбить их порознь. Борьба шла за фабрики, заводы, за право распоряжаться экономическими рессурсами страны. Рабочий класс России логикой классовой борьбы подошел вплотную к завоеванию государственной власти. Социальный узел нельзя развязать, его можно только разрубить. Это и было сделано Октябрьской революцией.

Б. Эпоха диктатуры пролетариата.

I. Период военного коммунизма.

(На пути к огосударствлению профессиональных союзов).

1. Сущность военного коммунизма.

(В. Яроцкий, ст. „К той же цели“, „Вестник Труда“ № 9, стр. 5—6, 1921 г.).

Что, в сущности говоря, мы переживали все три года, в течение которых наша экономическая политика характеризовалась как разверсткой в области продовольственной организации, так и массовой национализацией всех или почти всех имевшихся в Советской России предприятий, числом свыше 17 тысяч. Ответ ясен: мы переживали период гражданской войны. Октябрьский переворот, совершенный успешно в силу внутреннего ослабления капиталистического хозяйства, в силу глубочайшего разложения и без того слабого российского капитализма, под влиянием непомерного перенапряжения производительных сил в империалистическую войну, передал в руки пролетариата *политическую власть.* Но, во-первых, ее он отдал не безусловно: сбитые с верховных позиций владеющие классы обладали еще достаточной крепостью, чтобы в течение почти трех лет вести открытую войну. Каледины, Деникины, Колчаки, Юденичи и Врангели все еще располагали достаточным запасом живой силы, чтобы порой угрожать даже центру пролетарской диктатуры, Красной Москве. А, во-вторых, перед пролетариатом стояла остро еще задача разрушения экономической базы капитализма; пока в распоряжении владеющих классов оставались предприятия, пока денежное обращение попрежнему контролировалось буржуазией, никакая пролетарская власть не в состоянии была продержаться не только несколько лет, но и несколько месяцев. Вот почему с первых же моментов существования Советской Власти *ею предприняты были все меры к тому, чтобы выбить из под капиталистического владычества его социально-экономическую основу.* Первым делом были национализированы все банки, так как денежное обращение должно было быть сразу из'ято из под контроля владеющих классов. Затем, в ответ, частью на явный саботаж всех

владельцев предприятий, разрушавших сознательно производство, та же операция проделана была и над всей обрабатывающей и добывающей промышленностью. Политика национализации огулом, сразу, без предварительного учета хозяйственных последствий диктовалась необходимостью обеспечить самое существование пролетарского государства. Иначе говоря, *эта политика в такой же мере была актом гражданской войны, в какой таким же актом был факт образования Красной Армии.* А в дальнейшем. Разве в дальнейшем не имело место то же самое? Ведь гражданская война продолжалась еще годы и годы. И тут государству, вынужденному бороться за свое существование, приходилось строить народное хозяйство *применительно к нуждам именно военного времени.* Если первоначально промышленность и финансы были национализированы в силу политических соображений, если потребности классовой борьбы вынуждали рабочий класс возможно скорей завладеть всем аппаратом народного хозяйства, то в дальнейшем политика построения исключительно национализированной промышленности диктовалась уже тем, что та же гражданская война, но перешедшая из стадии нападения на твердыни капитализма в стадию обороны завоеваний Октябрьской революции, требовала для своего успешного завершения сосредоточения в руках пролетарской власти возможно большего количества хозяйственных рессурсов республики. В этом отношении мы переживали в период борьбы с Деникиным, Колчаком и иже с ними формально тот же «военный социализм», который так блестяще проводился в империалистической Германии во время войны 1914—1918 г.г., но на этот раз в интересах не Гогенцоллернов, а пролетариата. Даже Англия, наименее склонная заменять частную инициативу и предприимчивость государственным контролем, во время войны оказалась вынужденной почти совершенно вытеснить предпринимателя из сферы хозяйства, подменив его поставленным государством — чиновником. Очевидно, Советская Россия не могла не продолжать своего хозяйственного строительства по плану *максимального сосредоточения в руках власти производительных сил.* Организация предприятий главками и центрами, политика продовольственной разверстки, наконец, карточная система, тарифная политика и все то, чем регулировалась производительность, личное потребление и трудовая дисциплина каждого советского гражданина, вытекала прямо из этой организации производственных сил на войну. И в данный период, точно так же, как в первый период, хозяйство строилось без учета часто хозяйственных последствий (а они были весьма важны: истощение населения, упадок производительности, ослабление заинтересованности в правильной организации предприятия). Ибо в центре стояло решение основной задачи, задачи обслуживания Красной Армии и нужд войны, без чего самое существование пролетарской власти становилось невозможным.

Другими словами — *хозяйственная политика до последнего времени определялась фактом пребывания страны в состоянии гражданской войны.* Отсюда—все особенности нашего хозяйственного быта, как он складывался в течение последних лет: и бюрократизация хозяйственного аппарата, и высасывание из деревни максимального количества продуктов за вычетом

необходимого для личного потребления в крестьянской семье, и суровое ограничение доли каждого работника в его производстве тем, что предусматривалось его тарифной ставкой, и т. д. и т. д.

Но гражданская война, породившая потребность в «военном коммунизме», кончилась ликвидацией польской авантюры и врангелевских операций. Наступил период «передышки», появилась возможность перестройки хозяйственного обихода применительно к нормальным условиям жизни.

2. Участие союзов в организации труда и производства.

а) Роль союзов в организации производства.

(Н. Глебов-Авилов — „Профессиональные союзы и Советское государство", стр. 5—36, изд. 1924 г.).

Исторически если союзы были подготовлены к захвату власти Советами, то они почти не были подготовлены к дальнейшей своей роли в Советском государстве. Как только власть перешла в руки Советов, так сейчас же рабочий контроль, как лозунг, начал терять свое значение, а как практическое средство борьбы за овладение производством был заменен рабочим управлением. Союзы, естественно, выпустили из своих рук контроль, не подойдя практически к другому, уже не лозунгу, а проводимому в жизнь мероприятию — рабочему управлению. Все сводилось к участию, содействию и проч. Нужно не забыть, что вся работа по организации хозяйственных органов и Высшего Совета Народного Хозяйства, в самый первый период их строительства, проводилась тогда не профессиональными союзами, как организациями, и не ВЦСПС, а Центральным Советом фабрично-заводских комитетов, а в дальнейшем, когда эта организация прекратила свое существование, — группой работников Центрального Совета фабрично-заводских комитетов и Центральным Советом Рабочего Контроля, к которому професс. союзы, как организации в целом, также имели очень ограниченное отношение.

А положение требовало в это время практического разрешения вопроса об организационных формах строительства нашего народного хозяйства. Во всех концах Советской России совершалось стихийное овладевание производством, шла национализация заводов, фабрик, рудников «низами». В этот период товарищи, обследовавшие Донецкий бассейн, писали, что «рабочие рудников, где произошла в производстве заминка, в результате ли гражданской войны или иных причин, особенно там, где на рудниках нет владельцев, собираются на общее собрание, составляют протоколы и об'являют, что рудник является «собственностью Республики». Таким образом, не менее половины копей, если не ⅔, управляются рабочими, и, по крайней мере, одна треть об'явлена уже национализированной самими рабочими. Та же картина происходила на Урале, в Сибири и в центральных областях России.

Наряду с этим как в центре, так и на местах создаются хозяйственные органы, и профессиональные союзы оказываются в стороне; наиболее мощные из них в той или иной мере влияют на организацию хозяйственных органов или даже овладевают своим производством целиком [1]), но оказываются неприспособленными к его ведению, так как их организационный аппарат не был в состоянии охватить те задачи, которые перед ними тогда стояли. Когда был организован ВСНХ и Совет Рабочего Контроля был влит в этот центральный хозяйственный орган, перед профессиональными союзами и, между прочим, перед союзом металлистов стал вопрос о слиянии контрольно-хозяйственного отдела этого союза с соответствующим отделом ВСНХ. Профессиональные союзы понимали, что контроль и регулирование становятся уже неотделимыми от организации хозяйства. Союзы не берут на себя организации народного хозяйства в буквальном смысле слова, предоставляя это органам государственной власти. Но это не значило, что союзы остаются в стороне от организации промышленности; это значило лишь то, что союзы понимали соответствующее решение 1-го с'езда как овладение хозяйством через государственные аппараты.

В этот промежуток времени (между 1-м и 2-м с'ездами) как раз происходит интенсивная работа по организации промышленности на социалистических началах (декрет о национализации 28 июня 1918 г.), а вместе с этим идет организация управления уже частично национализированной промышленности. Этот период характеризуется проявлением наибольшей самодеятельности профессиональных союзов в деле организации нашего народного хозяйства. Со стороны хозяйственных органов в этот период было наибольшее стремление опереться на союзы в деле управления промышленностью.

Высший Совет Народного Хозяйства, его президиум, с самого начала конструируется так, что в него входят представители союзов и из них более опытные организаторы. Производственные отделы ВСНХ и их коллегии также образуются из представителей соответствующих профессиональных союзов. А что особенно важно отметить и что теперь многими забывается, это то, что руководство нашей хозяйственной политикой возлагалось не только на президиум, но и на пленум Высшего Совета Народного Хозяйства, а из 69 его членов 30 были представителями профессиональных союзов, 20 от областных Советов Народного Хозяйства, большинство которых были также фактически работниками профессиональных союзов.

Таким образом, в самой конструкции государственных органов нашего хозяйства, профессиональным союзам предоставляется широкая возможность направлять нашу экономическую политику. Практическая же работа хозяйственных органов как в центре, так и на местах также проводилась представителями профессиональных организаций. При этом в низших звеньях нашего хозяйства хозорганы строились на основе следующего принципа: одна треть представителей падала на союз, другая — на рабо-

---

[1]) Напр., водники.

чих завода (фактически завком) и третья — на высший хозяйственный орган (разумелись специалисты)...

Второй с'езд профессиональных союзов по вопросу об участии в организации хозяйства постановляет, что «все представители производственных союзов в органах управления и регулирования являются ответственными перед соответствующими союзами и должны периодически представлять отчеты о своей деятельности»...

Опыт работы в 1919 году показал, что русские профессиональные союзы в эпоху диктатуры пролетариата имеют громадное значение по вовлечению широких рабочих масс в дело хозяйственного строительства, и что на союзы ложится громадная задача хозяйственного воспитания этих масс, подготовки их для хозяйственного строительства пролетарского государства.

Участие профессиональных союзов в управлении промышленностью до III с'езда профессиональных союзов велось на основе коллегиального управления путем делегирования в коллегии представителей, путем «орабочения» хозяйственных органов и подтяжки их профессиональным союзом.

...Перед III с'ездом на фракции ВЦСПС вопрос об единоличии или коллегиальности обсуждался в присутствии тов. Ленина и тов. Бухарина и там они, по выражению тов. Ленина, были «биты». Фракция ВЦСПС приняла положение, которое сводилось к следующему: «Основным принципом в строении органов регулирования и управления промышленностью, *единственным, могущим обеспечить участие широких непартийных рабочих масс через профсоюзы, является существующий ныне принцип коллегиального управления промышленностью, начиная от президиума ВСНХ до заводоуправления включительно*. Лишь в особых случаях, по взаимному соглашению президиумов ВСНХ и ВЦСПС или ЦК соответствующих союзов, следует допускать единоличное управление отдельными предприятиями при непременном условии контроля над единоличными администраторами со стороны профсоюзов и их органов».

На IX с'езде партии, цитируя это положение, тов. Ленин отозвался о нем так: «Это сплошная чепуха, мириться с такими вещами нельзя, такие вещи теоретически тащат нас назад». И со свойственной ему прямотой и решительностью повел атаку на всех противников единоличия и добился того, что и IX с'езд партии и III с'езд профсоюзов приняли решение о единоличном методе управления нашей промышленностью...

Коммунистическая фракция, а за ней и подавляющее большинство III с'езда профессиональных союзов высказались за единоличие, но высказались осторожно, подчеркнув, что вопрос этот не является принципиальным, а имеет больше практическое значение. Старый метод элементарного представительства союзных организаций в хозяйственных органах оказался в практике нецелесообразным, ибо перевыборы представителей, наделение их союзными директивами вели к вредному двоевластию между союзами и хозяйственными органами, и этот метод с'ездом был отвергнут. Опыт работы показал, что ответственность за организацию народного хозяйства

должна лежать на органах, организующих это хозяйство, и что союзы, участвуя в организации производства, непосредственно не вмешиваются в ход предприятий.

Решения III Всероссийского с'езда профессиональных союзов были расчитаны на мирные условия Советского государства, но наши расчеты не оправдались, — весь следующий период союзным организациям приходилось работать в военной обстановке, когда нельзя было сосредоточить внимание союзов на их основных задачах,—на организацию широких рабочих масс, приближение союзных органов к массам, на участие союзов в организации производства и труда, — опять лучших работников приходилось отдавать на военные и продовольственные фронты. Наступление Врангеля, захват им Орла, а на ряду с этим война с Польшей на долгий промежуток времени не позволили осуществить поставленные III с'ездом задачи, и только к V Всероссийской конференции проф. союзов, когда можно было видеть приближение мира, когда война с Польшей была закончена и Врангель был почти разбит, тогда снова можно было поставить перед собою вопросы производства в первую очередь.

...Если с организацией экономических отделов как в центре, так и на местах и не удалось целиком осуществить задачи, поставленные III Всероссийским с'ездом в организации производства, — тому виной военная обстановка, — то все же союзы больше шевелились за этот год, решительнее подходили к организации производства. Статистический отдел ВЦСПС разработал цифровой материал, который показывал, какое место занимали производственные вопросы на заседаниях Центральных Комитетов профессиональных союзов за первые 9 месяцев 1920 года. Данные (по 19 ЦК) указывают, что первое место занимали вопросы экономические (35,5%), из которых 27% относились к организации органов Управления... Из этих данных видно, что громадный процент экономических вопросов падает на организацию управления, т. е. на выдвижение работников в хозяйственные органы. Характеристика ВСНХ также говорит лишь об участии союзов в выдвижении своих представителей на хозяйственные посты. Вопросы принципиального характера, организации производства — занимали еще слишком малое место. Ликвидация врангелевского и польского фронтов, а следовательно переход к мирному строительству народного хозяйства выдвинул с необыкновенной силой и яркостью вопрос о роли союзов в производстве и о профессиональных союзах вообще. Созванная в ноябре 1920 года 5-я Всероссийская конференция профессиональных союзов должна была не только учесть проделанную работу с III Всероссийского с'езда, должна была не только снова разрешить вопрос об участии союзов в производстве, но, как потом оказалось, должна была стать исторической в том смысле, что явилась первым этапом той знаменитой дискуссии о профессиональных союзах, которая продолжалась на протяжении нескольких месяцев и поголовно захватила коммунистическую партию.

б) Роль союзов в организации рабочей силы.

(Н. Глебов-Авилов — „Профессиональные союзы и Советское государство“, стр. 25—34, изд. 1924 г.).

К III Всероссийскому с'езду профессиональных союзов политическая обстановка Советской России в корне меняется. Разгром банд Колчака, Юденича и Деникина дает возможность Советской власти перейти к мирному строительству народного хозяйства. Освобожденные промышленные области вливают в профессиональные союзы новые десятки тысяч индустриальных рабочих, а в народное хозяйство—новые крупные хозяйственные единицы. Но этот особенно тяжелый в военном отношении год настолько подорвал народное хозяйство, что на IX с'езде коммунистической партии, предшествовавшем III с'езду проф. союзов, а также и на этом с'езде основным стал вопрос об *организации хозяйства и труда...*

На IX с'езде коммунистической партии, а вслед за ним и на III с'езде професс. союзов были выдвинуты на первый план вопросы организации и производства и формы управления производством, — шел спор *о единоличии или коллегиальности* в управлении промышленностью, а также вопросы организации труда: *трудовая повинность, трудовые армии, трудовая дисциплина* и пр. Работа всего с'езда заострилась на этих вопросах, и т. Ленин, выступая на III с'езде профессиональных союзов, так формулировал задачи этого с'езда: «Особенность момента возлагает на профсоюзы и особые задачи и особую ответственность в деле строительства социализма... Переживаемый момент все внимание переносит на вопросы трудовой дисциплины, трудовых армий, на вопросы единоличия... Надо организовать труд по новому, создать новые формы привлечения к труду, нужно больше дисциплины, больше единоличия, больше диктатуры». Тов. Ленин резко и отчетливо поставил вопрос об единоличии и милитаризации труда, он давал понять каждому, что обычными методами не восстановить так быстро, как это нужно, разрушенное хозяйство, необходимы чрезвычайные меры, и эти чрезвычайные меры он возводил в лозунг: «Больше и ближе к единоличию, больше трудовой дисциплины, подтянуться в работе с военной решительностью, твердостью, самопожертвованием, откидывая интересы групп, цехов, все частные интересы принося в жертву. Без этого мы победить не можем».

...«Старые методы организации труда, — говорят кожевенники, — очевидно, недостаточны. Нужны, повидимому, исключительные методы, отвечающие исключительным условиям переживаемого нами момента. Нужны методы, которые подобно мечу могли бы разрубить гордиев узел всех трудностей и противоречий нашего времени. Налаживанию хозяйственной жизни и выполнению всех заданий мешает недостаток живой рабочей силы, вообще, и квалифицированных рабочих, в частности. Недостаток этот ощущается все резче и представляет для нормального хода развития промышленности серьезную угрозу. Необходимо поэтому провести со всей последовательностью и твердостью принцип трудовой повинности» («Голос Кожевен-

ника»). То же говорят и металлисты: «Извлечь распылившийся пролетариат из деревни, армии, мелких спекулятивных предприятий и разных бесчисленных учреждений, учесть его и правильно распределить — таков первый основной вопрос, который уже сейчас встает перед страной. Методы собирания могут и должны быть разнообразны, но в своей основе они будут покоиться на принудительной всеобщей трудовой повинности, осуществляемой при посредстве профессиональных союзов» («Металлист»).

Намечавшийся выход из гражданской войны, крайне тяжелое положение нашей промышленности, распыление квалифицированной рабочей силы требовали от нас не только жесткого руководства нашей промышленностью, но и не менее жесткой организации труда, проведения железной трудовой дисциплины на фабриках и заводах, собирания распыленной рабочей силы, а также и привлечения неквалифицированного труда к массовой работе путем об'явления трудовой повинности. Производительность труда рабочих была слишком низка, материальной заинтересованности в поднятии производительности производства у рабочих не было,—нужно было эту заинтересованность создать и нашу тарифную политику сочетать с интересами производства, нужно было создать трудовую дисциплину и путем производственной пропаганды и путем материальной заинтересованности рабочих. Рынок труда был к этому времени дезорганизован, промышленности не хватало рабочей силы, та же, что осталась на фабриках и заводах, была мало квалифицирована, — нужны были решительные меры, а отсюда переход к трудовой повинности, к организации военно-трудовых органов: к главкомтруду и комтрудам на местах. Переход армии на мирное положение дал возможность в некоторых местах Республики (Донбассе, Урале и пр.) создать трудармии, бросив их на массовую, производственную работу и, между прочим, этим самым внести в производство военные приемы, которые оправдали себя на фронтах. Новые военные события не позволили расширить опыт трудармий, и эти же события и дальше продолжали разрушать промышленность и дезорганизовывать рынок труда...

Что касается организации рабочей силы, то здесь решения III Всероссийского с'езда профессиональных союзов выполнялись участием в Главкомтруде и его органах на местах, т. е. участием в практическом проведении трудовой повинности, а также и непосредственной работой по борьбе с трудовым дезертирством.

в) Тарифная работа союзов.

(А. Андреев—ст. „Профсоюзы за 4 года", „Вестник Труда" № 10—11, стр. 9—11, 1924 г.).

Важнейшую часть работы проф. союзов составляет их деятельность в области проведения государственного регулирования заработной платы... Острая борьба за повышение заработной платы и отмену «военных сверхурочных» развертывается еще летом 1917 года. В августе того же года профсоюзы начинают организованную кампанию за повышение заработной платы.

7 августа Петроградский Союз Рабочих Металлистов заключает первый в России коллективный договор с обществом фабрикантов и заводчиков. Договор этот служит прообразом целого ряда соглашений между рабочими и союзами и об'единениями предпринимателей, как в Питере, так и в остальной России. Волна коллективных договоров широко охватывает всю Республику.

Начавшаяся демобилизация промышленности делает к концу 1917 г. выгодным для предпринимателей закрытие предприятия. К этому примешивается сознательный саботаж промышленников перед лицом углубляющейся революции.

Когда растущая дороговизна заставляет профессиональные союзы требовать увеличения установленных ранее тарифных ставок, предприниматели упорно отказываются итти на соглашения, стараясь вызвать рабочих на активное выступление и тем оправдать локаут.

С переходом власти в руки рабочего класса после октябрьских дней, власть подавляет это сопротивление буржуазии путем активного вмешательства в дело регулирования заработной платы. Появляются первые декретированные тарифы. На ряду с последними, некоторое время продолжают существовать коллективные договоры, но по мере национализации промышленности, все более и более укрепляется и углубляется государственное регулирование заработной платы, а вместе с тем усиливается роль союзов в тарифной работе. Типичные для этого периода локальные тарифы отличаются, однако, крайней пестротой.

Всероссийские центры профсоюзов, учитывая опыт мест, переходят, наконец, к системе регулирования заработной платы во Всероссийском масштабе. В октябре 1918 года выходит в свет первый всероссийский тариф союза рабочих-металлистов.

К моменту созыва II Всероссийского с'езда профсоюзов (январь 1919 г.), почти вся промышленность была уже национализирована. Коллективный договор, как форма установления заработной платы, естественно отмирает, хотя формально декрет СНК еще признавал возможность коллективных соглашений. Повсеместно оплата труда устанавливалась тарифами, разработанными союзами и утвержденными НКТ и его органами. Так как тариф лишался своего первоначального значения—закрепление завоеваний того или иного отряда пролетариата—и на величину нормы оплата не влияло уже взаимоотношение сил труда и капитала в тех или иных производствах, в тех или иных местностях, то задача установления тарифов приобрела значение проблемы распределения части национального дохода между трудящимися. Понятно, что при этом должен был стать вопрос о согласовании норм оплаты всех трудящихся, где бы они ни работали.

II Всероссийский С'езд признал обязательность такого согласования. Раньше всего он оформил и окончательно закрепил ясно наметившуюся ранее тенденцию развития тарифов от местных ко всероссийским. Начиная со II Вс. С'езда, мы имеем во всех производствах всероссийские тарифы. Дальнейшим развитием этой работы явилось согласование тарифов отдельных

производств, исходя из принципа «равная плата за равную работу». Для этого впервые во всероссийском масштабе устанавливается общая для всех тарифов тарифная сетка. Всероссийские тарифы разрабатывались ЦК Союзов, проверялись Тарифным Отделом ВЦСПС и утверждались НКТ. При этом постепенно нарастала роль союзов в области нормирования заработной платы. Утверждение тарифных положений Наркоматом Труда постепенно превращалось в формальность, которая и была отброшена, хотя и значительно позже, в 1921 году, упразднением Тарифного Отдела Н.К.Т. и передачей всех его функций ОНТ ВЦСПС.

Одновременно с разработкой согласованных тарифов были установлены и правовые нормы к ним, общие для всех союзов. В мае 1919 г. было утверждено «Общее Нормальное Положение о Тарифе», имеющее характер обязательного для всех закона.

Хотя 2-ой с'езд Профсоюзов подходил к тарифу, главным образом, как к системе распределения, но уже пункт 1-й его резолюции по тарифному вопросу говорит, что «основным принципом регулирования заработной платы, в связи с борьбой за восстановление хозяйственных сил страны, должна служить ответственность рабочих и служащих за производительность труда». Учитывая опыт 1917 и 1918 г.г., С'езд постановил принять сдельную и премиальную системы как основные системы оплаты труда. Но эта производственная точка зрения лишь весьма постепенно проникала в массу. Сдельные работы в этот период проводятся слабо. Премиальные системы начинают получать более или менее широкое распространение лишь в середине 1919 года.

Борьба двух тенденций—производственной и потребительской в подходе к тарифу — еще более подчеркивается построением тарифной сетки. 2-й Всероссийский С'езд принял сетку в 35 разрядов, сблизив отношения тарифного максимума к минимуму, существовавшие в большинстве тарифов до С'езда. Правда, уже в апреле пленум ВЦСПС, исходя из необходимости сохранить квалифицированную рабочую силу, указывает на недопустимость дальнейшей *уравнительности* в оплате труда, но проэкты тарифов, разработанные союзами, в большинстве случаев старались повысить оплату неквалифицированных работников за счет квалифицированных, уменьшая разницу в их ставках. Тенденция эта была еще столь сильна, что, при повышении ставок в сентябре 1918 года, новая сетка была построена на отношении 1 : 1,75 : 4. Жизнь ответила на это огромным увеличением внескальных ставок, которые, появившись уже после января 1919 года, превратились в лавину после дальнейшего уравнения оплаты.

В течение всего 1919 года велась оживленная полемика по вопросу о необходимости и целесообразности повышения тарифных ставок. Опыт 1918 года и начала 1919 года показал, что в условиях острого бестовария, вызванного падением производительности труда, блокадой и войной, в условиях вызванной этим необходимости запрета торговли—повышение денежной заработной платы не могло дать сколько-нибудь значительного улучшения в положении трудящихся. Действие этого повышения довольно быстро

уничтожалось увеличением товарных цен. Все же многие работники союзов требовали увеличения ставок, и в течение 1919 года повышение оплаты производилось трижды (изменения ставок в феврале и сентябре и введение «квартирной прибавки» в июле).

Но уже с середины 1919 г., Президиум ВЦСПС указывал, что единственным реальным выходом из создавшегося положения являлась бы частичная натурализация заработной платы. Реальным шагом на пути к ней являлось создание в середине 1919 года «прозодежды». Впрочем, она выдавалась рабочим вне зависимости от результатов работы, и таким образом не имела ясно выраженного характера заработной платы.

Во второй половине 1919 года стало ясно, что ни увеличение денежной заработной платы, ни разговор о натурализации ее не улучшат положения трудящихся, если не будет оздоровлена хозяйственная жизнь страны. Задача поднятия производительности труда ставится во главу угла тарифной работы. 3-й С'езд Профсоюзов оформляет это, указывая, что «нормирование заработной платы и труда является одним из важнейших факторов в деле организации труда и что нормирование заработной платы должно быть целиком приспособлено к хозяйственным задачам». Отсюда следует вывод о необходимости строгого нормирования работ и введения поощрительных систем. Вместе с тем, С'езд указывает на необходимость рассматривать как заработную плату, использовывая их для повышения производительности. все виды натур. выдач. Кроме того, с'езд решил изменить тарифную сетку, установив отношения минимума к максимуму как 1 : 8. Впрочем, последнее постановление реализовано не было.

Для того, чтобы придать тарифной работе более определенную производственную ориентацию, с'езд постановил привлечь к тарифной работе хозяйственные органы. Создаются технико-нормировочные бюро при заводоуправлениях и главках.

3. Организационное оформление профессионального движения.

а) Победа производственного принципа.

(А. Лозовский—„Профессиональные союзы в Советской России", стр. 47—53, изд. 1920 г.).

Молодость наших профессиональных союзов рядом с отрицательными сторонами имеет и ряд положительных сторон: наше профессиональное движение совершенно свободно от исторических наслоений, консерватизма, предрассудков и старых традиций, связанных со всем укладом мирного, органического развития капитализма. Наши союзы не только потому свободны от мертвого груза традиций, что они молоды, а, главным образом, потому, что они являются детищем русской революции, они росли и развивались вместе с революцией, они хирели и приходили в упадок в период побед контрреволюции. Эти своеобразные черты российских профессиональных союзов

отражаются на всей их деятельности, но особенно наглядно это заметно на организационном строительстве и на их политической ориентации.

В области организационного строительства русские профессиональные союзы, пользуясь всем положительным и отрицательным опытом Западной Европы, с первых дней своего возникновения в 1905 году приступили к организации не по профессиям, а по производствам. В период первой революции это только намечалось, поскольку само строительство было ограничено царизмом в своем размахе; зато с февральской революции вся организационная работа идет под лозунгом строительства союзов по производствам. Уже 3-я конференция высказалась за «об'единение в рамках общей организации и под общим руководством возможно больших масс рабочих, занятых в однородных предприятиях или в родственных профессиях». Первый с'езд подтвердил необходимость создания союзов по производствам, но не дал определения, что такое производственный союз. Это сделал второй с'езд, который установил, что производственный союз — это единый союз, имеющий следующие признаки:

1. Об'единение союзом всех рабочих и служащих данной отрасли промышленности, независимо от выполняемых ими функций. 2. Централизация кассы. 3. Управление делами союза на основе демократического централизма. 4. Выработка единым центром тарифов и условий труда для всех категорий труда. 5. Единообразный принцип строительства с низу до верху. 6. Секции внутри союзов играют технически подсобную роль. 7. Представительство интересов профессионально-организованных рабочих и служащих данной отрасли промышленности перед внешним миром — единым центром. 8. Лица, обслуживающие не производство, а производителей, а равно все временные и случайные рабочие остаются членами своего производственного союза.

Из этого определения видно, что основным принципом русского профессионального движения является: *в одном предприятии — один союз*, а это значит, что все рабочие и служащие от чернорабочего до инженера, работающие на металлургическом заводе, в том числе и деревообделочники — входят в союз металлистов; деревообделочники, механики и т. д., работающие на текстильной фабрике — входят в союз текстильщиков; а электромонтер и кочегар, работающие на мыловаренном заводе или парфюмерной фабрике — входят в союз химиков. Таким образом, своеобразие нашего профессионального движения заключается в крайней концентрированности его. Так, в то время как в Англии имеется не менее 200 национальных союзов, во Франции около 60, а в Германии 48—в России на 1 января 1920 г. было 32 всероссийских централизованных союза, а после третьего с'езда осталось всего лишь 23 всероссийских об'единения, включающих в свой состав все категории рабочих и служащих всех категорий труда — от простого неквалифицированного рабочего до высококвалифицированных инженеров, врачей и профессоров высших учебных заведений.

На первый взгляд кажется, что нельзя об'единить все разнообразие современной индустрии в такое малое количество об'единений, но это так только кажется. Если исходить не из интересов групп или цехов, а из инте-

ресов целого, из интересов производства, — а производство является средством построить на крепком фундаменте социалистическое общество — то количество союзов можно свести к установленному нами минимуму...

Все эти союзы построены по одному типу: основной ячейкой союза является фабрично-заводский комитет или коллектив, все фабрично-заводские комитеты данного пункта или уезда составляют отделение союза, все отделения на территории губернии или определенного района составляют губернский (районный) отдел, а все фабрично-заводские комитеты, отделения и отделы являются органами всероссийского профессионального союза. Союзы централизованы: 50%[1]) взносов (взнос с 1 мая текущего 1919 года—2% заработной платы) поступают в кассу Центрального Комитета Союза... Согласно постановлениям третьего С'езда будет произведен ряд перегруппировок и слияний, в результате которых все профессионально-организованные рабочие России будут об'единены в 23 централизованных союза, из которых каждый имеет свои отделы в каждой губернии (районе) и отделения в каждом уезде.

Такое небольшое количество союзов при большом количестве организованных рабочих стало возможно потому, что вспомогательные рабочие входят в союз основного производства. Только по отношению к комиссариатам и к государственным учреждениям отступили от основного нашего принципа: «одно предприятие — один союз», разумея под предприятием единое административно-техническое и хозяйственное целое.

Создание таких обширных производственных союзов — из которых каждый охватывает сотни категорий работников физического и умственного труда, встречало, конечно, противодействия в цеховых традициях рабочих и особенно в корпоративной гордости и ограниченности интеллигенции (инженеры, врачи, артисты и т. д.), но в огне революции сгорело много фетишей и традиций и в том числе цеховщина и узкий корпоратизм.

б) Подчинение фабзавкомов профсоюзам.

(Я. Фин—„Фабрично-заводские комитеты в России“, стр. 19—24, изд. 1922 г.).

На первом всероссийском с'езде профсоюзов (январь 1918 г.) в своем докладе, специально посвященном этому вопросу, т. Рязанов так определяет настроение завкомов после Октябрьского переворота.

«Фабрично-заводские комитеты, которые на всероссийской конференции только после упорной борьбы и сопротивления согласились на смертный приговор, согласились окончательно уступить профессиональным союзам всю область руководства в борьбе за улучшение положения рабочего класса, эти комитеты после этого на практике отказались от компромисса и вернулись к своей старой точке зрения. На первом и, надо сказать, единственном пока заседании верховного органа рабочего контроля представитель

---

[1]) Согласно постановления 5-го Всесоюзного с'езда профсоюзов союзы отчисляют в свои Ц. К. от 5 до 25% своих ежемесячных поступлений.—Э. Г.

фабрично-заводских комитетов, теперешний председатель, заявил, что эта резолюция является исторической и окончательно отменена новым поворотом в политико-экономической жизни России».

В этих словах представителей завкомов безусловно чувствуется переоценка собственных сил, недооценка значения широких массовых об'единений пролетариата — профсоюзов и недопустимое непонимание колоссальных задач, ставших перед Советской властью после октября.

...Интересы своего завода, своей колокольни доминировали у завкомов над интересами класса и его государства в целом. Отсюда факты необдуманных секвестров, национализации: отсюда — сплошные явления выцарапывания зубами для своего предприятия средств — финансовых, сырьевых, топливных, зачастую в ущерб также нуждавшимся, но более важным для государства отраслям производства.

Эта со всех точек зрения вредная «патриотическая» политика и практика завкомов заставляет I-й с'езд профсоюзов категорически высказаться за централизацию контроля, за подведение под него базы из профсоюзов, берущих на себя задачи идейного и организационного руководства в области контроля.

Наметившийся, таким образом, переход регулирования народно-хозяйственных отношений к профсоюзам и специальным контрольным и хозяйственным центрам значительно ослабил прежнее значение фабрично-заводских комитетов и их об'единений и тем самым облегчил в дальнейшем как задачу ликвидации центрального совета фабрично-заводских комитетов, так и делу полного подчинения завкомов союзам.

Эта работа была окончательно проведена в течение 1918 года. Первый с'езд профсоюзов дал по вопросу о завкомах общую директиву, гласившую:

«С развитием и укреплением производственных профессиональных союзов фабрично-заводские комитеты должны стать органами соответствующих профессиональных союзов на местах.

«Принимая во внимание, что целый ряд сложных, организационно-хозяйственных задач, связанных с вопросами демобилизации, контроля и регулирования промышленности, требует от пролетариата напряжения и об'единения всех его сил, что параллельное существование двух форм экономической организации рабочего класса с перекрещивающимися функциями способно лишь затруднить процесс сосредоточения всех сил пролетариата, с'езд считает, что все перечисленные организационно-хозяйственные задачи рабочий класс может лучше всего выполнять под руководством своих классовых экономических организаций, построенных по производственному принципу».

На основании этой директивы ВЦСПС в середине 1918 года обратился ко всем профорганизациям с циркулярным письмом, которое в части, посвященной организационному вопросу, дает, наконец, практическую основу, на которой должно быть произведено повсеместно слияние фабр.-заводских комитетов и их центров с профсоюзами. ...Ко 2-му Всероссийскому С'езду рабочий класс, об'единенный в профсоюзы, предстал слитным, сце-

ментированным с единой организацией. Второй всероссийский с'езд профессиональных союзов не вносит в вопрос о фабрично-заводских комитетах ничего, по существу, нового.

В резолюции по организационному вопросу (п. 11, глава II, «Строение профессиональных союзов и советов») лишь отмечается:

«Всероссийские центры, их отделы или под/отделы на местах, об'единяемые советами профессиональных союзов, конструируемых по схеме ВЦСПС, *фабрично-заводские комитеты или коллективы служащих как первичные ячейки профессиональных союзов,* — вот наиболее целесообразная схема организационного построения, соответствующая основным задачам профессионального движения в данный момент».

в) Общие итоги организационного развития.

(А. Андреев—ст. „Профсоюзы за 4 года" „Вестник Труда" № 10—11, стр. 6—8, изд. 1921 г.).

Октябрьская революция застала профсоюзы еще далеко организационно неокрепшими. Создавшиеся, в процессе борьбы за рабочий контроль, в февральскую революцию, фабрично-заводские комитеты существовали еще, до некоторой степени, организационно-независимыми от профсоюзов. Это влияло довольно отрицательно на непосредственную связь профсоюзов с массой своих членов в предприятиях. Строение самих профессиональных союзов еще не «вылупилось» из первоначальной стадии своего развития, многие союзы носили прямо цеховой характер. Так, например, существовали накануне Октябрьской революции такие союзы, как союз огнерезов, кочегаров, союз служащих фабрично-заводских предприятий и т. п. Централизованного строительства во всероссийском масштабе союзы создать еще не успели, только некоторые из них имели временные всероссийские бюро, созданные на 3-й Конференции профсоюзов металлистов и др. В большинстве же союзы были местные, не имевшие между собой централизованной связи, — в это, однако, время уже намечались такие об'единения, но только по областям. Крепких, вполне руководящих межсоюзных об'единений профессиональное движение еще также не успело создать. Что касается количества об'единяемых в рядах профсоюзов членов, то это число колебалось в пределах до одного миллиона. Такова в общем та картина организационного состояния профсоюзов, какая была налицо в период октябрьских дней 1917 года.

В эти решающие дни, когда профсоюзы совершенно ясно заняли линию решительной поддержки Советской Власти, меньшевики старались всячески доказать, что, де, с переходом власти в руки большевиков профсоюзы организационно неизбежно захиреют, потеряют свою силу и авторитет. Спрашивается, оправдала ли история 4-хлетнего развития профсоюзов в условиях диктатуры пролетариата пророческие предсказания меньшевиков? Оглядываясь на пройденный путь организационного развития профсоюзов, подытоживая ту их работу, которую проделали они по сплочению вокруг себя ра-

бочих масс, можно твердо сказать: нет, пророчество меньшевиков не оправдалось.

Русское профессиональное движение за 4 года свободного развития организационно гигантски выросло и окрепло. Мы проделали в нашем союзном строительстве организационную работу столь большого размаха, что даже западно-европейские профессиональные союзы не смогли проделать этого за целые десятилетия их существования...

Русское профдвижение, отказываясь от искусственного форсирования развития, совершенно естественно подходит через постепенное усиление руководящей роли межсоюзных об'единений к созданию единого союза с производственными ответвлениями, единой волей и тактикой.

Рядом с оформлением производственного и централизованного строения профсоюзов и в связи с огромностью стоящих перед ним задач и внутренняя работа профсоюзов усложняется, требует больше разносторонности. Аппарат союзов, вначале по существу простой, несложный, в дальнейшем требует большей внутренней квалификации и разделения труда. В первый период существования союзов внутреннее строение аппарата различных профессиональных органов было чрезвычайно пестрым и разнообразным, что, понятно, не могло не отражаться на степени согласованности практической союзной работы: отделы нагромождались на отделы, каждая местная и даже центральная организация выдумывала формы своего строения на свой лад, т. к. всех об'единяющей, нормальной и наиболее целесообразной формы тогда еще не было. В настоящий момент это кустарничество уже изжито и давно оставлено позади. Ныне единство организационных форм союзных органов осуществлено на деле, а не на бумаге. Все органы профсоюзов, начиная с фабр.-завкомов и кончая центральными комитетами, имеют свою нормальную одинаковую конструкцию. Что касается развернутости профсоюзных организаций, то нельзя в настоящее время найти такого места или района в Советской Республике, где бы не было тех или иных профессиональных организаций. Профсоюзы об'единяют теперь посредством местечковых секретариатов даже и тех пролетариев, кои разбросаны по деревням и селам или работают «одиночками».

Были моменты в жизни наших профсоюзов, в период гражданской войны, когда целые районы Советской Республики были надолго отрезаны белыми и пр. врагами от общероссийского профессионального движения. В этих отрезанных окраинах советской страны профессиональные союзы решительно истреблялись белыми при помощи Антанты, на месте когда-то живой организации часто не оставалось ничего. Так было в Сибири при Колчаке, на Урале, на Юге и др. местах. С очищением этих районов Красной Армией, приходилось с невероятными трудностями снова восстанавливать профессиональные организации. Но как ни трудна была эта задача, все же можно сказать, что в настоящее время российское профессиональное движение снова собрано в одно нераздельное целое. Процесс восстановления разрушенных профорганизаций на окраинах уже вполне закончен. Количество

организаций, об'единяемых в том или ином виде ВЦСПС, не считая низших союзных органов, фабзавкомов и др., таково:

Центр. Комит. Всер. Произв. Союзов	21
Губпрофсоветов	75
Губерн. Отделов Всер. Произв. Союзов	1 307
Упрофбюро	557
Уездотделений	6.005
Секретариатов	427

Эта сеть организаций об'единяет в себе, согласно последним данным статистики ВЦСПС за 1-ю четверть 1921 г., 7.501.379 членов... Эти цифры охватывают, конечно, если не всех рабочих и служащих, то во всяком случае $^{9}/_{10}$ всех занятых наемным трудом. Рост, количество об'единяемых союзами членов совершался не сразу.

К 1-му С'езду Профсоюзов союзы насчитывали	1.878.000
„ 2-му „ „ „	3.422.000
„ 3-му „ „ „	4.328.000
„ 4-му „ „ „	6.856.490

Таковы цифры быстрого роста профсоюзов за четыре года. Чтобы не загромождать этот очерк статистикой, мы не будем приводить других цифр; вместо этого постараемся кратко подитожить четырехлетний опыт организационного строительства профсоюзов.

За эти четыре года, на ряду с важнейшими задачами организации и пролетарского государства, организации хозяйства, борьбы с голодом и борьбы на фронтах, профсоюзы успели сделать громадную организационную работу. От двух самостоятельных форм рабочих организаций в начале Октябрьской Революции — фабзавкомов и профсоюзов, последние пришли к единству организации, от смешанных, цеховых, фирменных и др. союзов, профсоюзы стали союзами, построенными на строгой производственной основе, от местных, локальных, разрозненных организаций профсоюзы пришли к централизованным союзам во всероссийском масштабе, от слабых межсоюзных об'единений — к сильным руководящим межсоюзным органам, от кустарничества и пестроты в структуре внутренних аппаратов союзных органов — к строгому единству схемы и, наконец, от одного миллиона об'единяемых членов — к семи миллионам. Таковы итоги организационного развития профсоюзов.

4. Идеология профдвижения.

а) Независимость в профдвижении.

Сущность независимости [1].

Резолюция, которая вам предложена, предлагается II С'езду Профессиональных Союзов от имени фракции коммунистов, где она подвергалась всестороннему обсуждению. Так как резолюция теперь напечатана, то я предполагаю, что все присутствующие с ней знакомы, и позволю себе остановиться лишь на двух главных пунктах, которые на мой взгляд представляют из себя самые существенные пункты, затрагиваемые, вообще говоря, в этой резолюции.

Мне кажется, что первым из этих пунктов характера, так сказать, отрицательного является заявление по поводу флага единства или независимости профессионального движения, того флага, про который пункт 3-й резолюции говорит, что на практике он привел группы, придерживающиеся этого лозунга, к открытой борьбе против Советской Власти, и эта борьба поставила их, т. е. эти группы, вне рядов рабочего класса.

Мне кажется, товарищи, что этот пресловутый лозунг независимости заслуживает внимания не только с профессиональной точки зрения. Я думаю, что вся борьба, которая теперь наполняет мир и явным образом заостряется с неслыханной быстротой на вопросе диктатуры пролетариата или диктатуры буржуазии, я думаю, что вся эта борьба может быть правильно учтена, может дать возможность рабочему классу, сознательным его представителям, правильно в этой борьбе участвовать лишь при условии понимания того, каким самообманом для одних, обманом для других является этот лозунг независимости.

Прежде всего, я хотел бы отметить, хотя бы вкратце, насколько теоретически лозунг неправилен, насколько он теоретически не выдерживает и тени критики.

Товарищи, последние события в Германии, зверское, предательское убийство Либкнехта и Люксембург, представляют собой событие не только самое драматическое и трагическое в начинающейся немецкой революции. Оно, кроме того, проливает необыкновенно яркий свет на постановку вопросов современной борьбы в теперешних течениях различных политических взглядов и в теперешних теоретических построениях. Как раз из Германии мы больше всего слышали речей хотя бы, напр., о пресловутой демократии, о лозунгах демократии вообще как о лозунгах независимости рабочего класса от государственной власти. Эти лозунги, которые кажутся на первый взгляд, пожалуй, не связанными друг с другом, на самом деле тесно связаны. Они тесно связаны потому, что показывают, как до сих пор, несмотря на громадный опыт классовой борьбы пролетариата, сильны еще мелко-буржуазные предрассудки: как до сих пор классовая борьба сплошь да рядом признается,

---

[1]) Ленин.—„О задачах профессиональных союзов“, см. „Статьи и речи...“, стр. 213—218, изд. 1924 г.

по немецкому выражению, только губами, не проходя действительно ни в голову, ни в сердце, кто о ней говорит. Каким образом в самом деле, — если мы припомним хотя бы азбуку политической экономии, как ее усваивали из «Капитала» Маркса, того учения о классовой борьбе, на котором мы все стоим обеими ногами, — каким образом, при обострении борьбы в теперешнем размахе, теперешнем размере, когда ясно, что социалистическая революция встала в порядок дня во всем мире, когда это практически ясно из действий в самых практических странах, каким образом тут можно говорить о демократии вообще, или каким образом тут можно говорить о независимости. Кто думает таким образом, тот—если говорить по теории политической экономии,—показывает, что он ни одной страницы не понимал в «Капитале» Маркса, которым у нас теперь клянутся без исключения все социалисты всех стран. Но, на самом деле, клянясь этим произведением, они, однако, когда почти подошли к той главной борьбе, к которой вел «Капитал» Маркса, от этой классовой борьбы отступают и воображают, что может существовать внеклассовая или надклассовая демократия, что демократия в современном обществе, пока капиталисты остаются при собственности, может быть иная, небуржуазная демократия, т. е. прикрытая фальшивыми лживыми демократическими вывесками, буржуазная диктатура...

Вопрос стоит так и только так. Либо диктатура буржуазии, прикрытая учредилками, всякого рода голосованиями, речами о демократии и т. п. буржуазным обманом, которым ослепляют дураков и которым могут теперь козырять и щеголять только люди, насквозь и по всей линии ставшие ренегатами марксизма и ренегатами социализма, — либо диктатура пролетариата для того, чтобы железной рукой подавить буржуазию, натравливающую самые несознательные элементы на лучших вождей всемирного пролетариата. А эта диктатура есть победа пролетариата для подавления буржуазии, которая тем более бешено сейчас организует самое отчаянное сопротивление пролетариату, чем яснее она увидела, что этот вопрос поставлен массами...

Средины нет и быть не может. Всякие речи о независимости или демократии вообще, какими бы соусами их не облекали, есть величайший обман, величайшее предательство социализма. И если теоретическая пропаганда большевиков, которые теперь являются фактическими основателями Интернационала, если теоретическая проповедь большевиков о гражданской войне не далеко хватила и сплошь и рядом останавливалась перед цензурными рогатками и военными заградительными мерами империалистских государств, то уже не проповедь, не теория, а факты гражданской войны становятся тем более бешеными, чем более стара, чем более продолжительна демократия западно-европейских государств. Эти факты пробьют самые отсталые, самые тупые черепа. Теперь о лучших людях, которые толкуют о демократии вообще, о независимости, об этих людях можно говорить, как об ископаемых.

И тем не менее, считаясь с теми тяжелыми условиями борьбы, из которых профессиональное движение России недавно только родилось и выросло,

а теперь выросло уже почти окончательно, приходится мимоходом бросить взгляд назад, вспомнить про вчерашний день. На мой взгляд такие воспоминания, упоминания необходимы тем более, что профессиональному движению, именно, как профессиональному движению, приходится в эпоху начавшейся Всемирной Социалистической Революции переживать особенно крутой излом.

В профессиональном движении особенно широко пытались ловить рыбу в мутной воде идеологи буржуазии. Они старались экономическую борьбу, являвшуюся основой профессионального движения, сделать «независимой», сделать независимой от политической борьбы. Между тем, профессиональным союзам, как самой широкой организации пролетариата в классовом масштабе, как раз теперь, на деле, особенно после политического переворота, передавшего власть пролетариату, как раз в такой момент приходится играть особенно большую роль, приходится занимать самое центральное положение в политике, приходится становиться, в известном смысле слова, главным политическим органом, ибо все старые понятия, старые категории этой политики опровергнуты и перевернуты на голову политическим переворотом, отдавшим власть в руки пролетариата. Старое государство, как его строили, хотя бы и наилучшие и наидемократические из буржуазных республик, повторяю, никогда не было и быть не может ничем другим, как диктатурой буржуазии, тех, у кого в руках фабрики, орудия производства, земли, железные дороги, одним словом, все материальные средства, все орудия труда, без которых труд остается в рабстве.

Именно поэтому, когда политическая власть перешла в руки пролетариата, профессиональным союзам приходится выступать все более в роли строителей политики рабочего класса, в роли людей, организация класса которых должна заменить прежний эксплоататорский класс, опрокинуть все старые традиции и предрассудки старой науки, которая устами одного из ученых говорила пролетариату: «ведайте своей экономикой, а политикой будет ведать партия буржуазных элементов». Вся эта проповедь оказалась прямым орудием в руках класса эксплоататоров и их палачей для того, чтобы подавлять пролетариат, переходящий повсюду к восстаниям и борьбе.

Независимцы на практике [1]).

Несмотря на тот якобы аполитизм, который проповедывали профессиональные меньшевики, боясь расколоть массы на вопросах политики, проходившие через все занятия I Всероссийского С'езда Профессиональных Союзов, принципиальные разногласия между правой и левой происходили как раз в области политики. Во всех прениях, по всем вопросам, начиная от приветственных речей и кончая основными резолюциями, красной нитью проходит основное разногласие между большинством и меньшинством с'езда, это — разногласие в понимании характера происходящей революции. Спор шел не о

---

[1]) М. Томский — „Очерки профессионального движения в России", стр. 47—50, изд. 1924 г..

структуре союзов, не о том или ином понимании их конкретных задач, а главным и основным вопросом, получившим отражение во всех этих разногласиях, был спор о характере Октябрьского переворота и дальнейших перспективах революции.

На I-м С'езде Профессиональных Союзов общая право-социалистическая оппозиция Советской власти выступила под единым лозунгом «единства и независимости рабочего движения». Вполне законченный вид эта платформа получила в резолюции, внесенной фракцией меньшевиков и отвергнутой С'ездом.

«Принимая во внимание, 1) что нынешняя революция по своему об'ективному смыслу является не социалистической, а буржуазной, и что возможные в ней социальные достижения рабочих масс не в состоянии изменить основы капиталистического строя; 2) что, в виду этого, производимые в настоящее время социалистические опыты, не колебля основ капиталистического строя, на деле способствуют лишь полному распаду народного хозяйства, чем в огромной степени ухудшаются условия жизни в борьбе пролетариата; 3) что, стало быть, русскому пролетариату и в дальнейшем придется вести упорную борьбу с капиталом во всех его формах за улучшение своего экономического положения в рамках буржуазного общества, равно как и за свое конечное освобождение через социализм; 4) что могущественнейшей опорой пролетариата в этой борьбе являются и будут являться свободные и классово-независимые профессиональные союзы, действующие при наличности систематически обостряющейся классовой борьбы во все более тесном контакте с классовой политической партией пролетариата, — Первый Всероссийский С'езд Профессиональных Союзов, подтверждая резолюцию III Всероссийской Конференции о задачах профессиональных союзов, самым решительным образом отвергает попытку Совета Народных Комиссаров превратить профессиональные союзы в подсобные органы, так называемого, рабоче-крестьянского правительства и открыто провозглашает, что профессиональные союзы должны и впредь оставаться свободными и независимыми об'единениями классовой борьбы пролетариата».

Само отношение к Октябрьскому перевороту и к тем кровавым схваткам, которые происходили на улицах Петрограда и Москвы, между рабочими и крестьянами—с одной стороны, и между помещиками и капиталистами—с другой, ярко сказалось в личном заявлении виднейшего в то время профессионалиста-меньшевика Гриневича: «До октябрьских дней я оставался в секретариате, но после октябрьских дней, на следующий день после той бойни, которая была в Москве, я послал письмо Совету, в котором заявил, что так как Московский Совет в лице военно-революционного комитета (а секретарь Московского Совета профессиональных союзов был начальником красной гвардии) делегировал лиц, которые раньше никакого участия в профессиональном движении не принимали, как членов революционного комитета, которые выступали с заговорщической организацией, устроили восстание, — я в заговорщической организации, как деятель профессионального движения, принимать участия не буду и не принимал»...

Линия независимости профессионального движения в обстановке напряженной борьбы, которую переживал пролетариат на протяжении дальнейшего развития революции, об'ективно вела к противопоставлению экономических организаций пролетариата — союзов — органам его политической диктатуры — Советам. И дальнейшая история развития профессионального движения в России ярко подтвердила правильность линии, занятой Первым Всероссийским С'ездом Профессиональных Союзов, приведя к полному крушению теорию «независимости».

Прошло три месяца после Первого Всероссийского С'езда Профессиональных Союзов, и уже в марте, на экстренно созванной Четвертой Конференции Профессиональных Союзов, сторонники единства и независимости проявили первые признаки колебания. Они попрежнему отстаивали и пророчили неизбежно грядущий, по их мнению, переворот. Они попрежнему были уверены в капиталистической реставрации, но уже самые формы ее представлялись им весьма неясными. Уже менее решительно звучал лозунг «Учредительное собрание».

Прошел год колебаний для блока сторонников независимости, выразившихся в целом ряде перемен тактики и расслоения блока в целом, в тактике, начиная от пассивной критики Советского строя, кончая активной борьбой и участием в Самарском правительстве и попытками свержения Власти Советов путем организации всеобщей забастовки. В их глазах Советский строй то принимал формы диктатуры крестьян и солдат, то являл стройную систему государственного капитализма, однако, в отношении профессионального движения они, несмотря на полный провал их пророческих предсказаний, продолжали упорно твердить о «единстве и независимости профессиональных союзов».

в) Крах меньшевизма и окончательная победа большевизма.

(А. Лозовский—„Профессиональные союзы в Советской России“, стр. 37—39, 53—57, изд. 1920 г.).

Какие союзы в России шли под лозунгами независимости? Прежде всего все союзы служащих (торговых, банковских, государственных и т. д.) и часть печатников, работа которых настолько всегда была связана с буржуазной прессой, что уничтожение буржуазной прессы породило в них долгую и сильную оппозицию. Все же пролетарские союзы были против этой теории... Надо указать, что даже союз служащих, который был в свое время опорой независимых, постепенно освобождается от их влияния. На последнем с'езде этого союза (2—8 мая 1919 г.) независимые имели всего лишь 32% делегатов. Так же плохо обстоит для них дело с печатниками. Последний Всероссийский С'езд печатников в большинстве своем состоял из коммунистов.

Общий упадок влияния меньшевиков, а стало быть независимых в русском профессиональном движении виден из следующей таблицы:

	Количество делегатов.	Меньшевиков, прав., с.-рев. и сочувств.	В %%
3-я Конференция (июнь 1917 г.)	220	120	55,5
Демократическое совещание (сентябрь 1917 г.)	117	45	38,4
1-й С'езд Профсоюзов (янв. 1918 г.)	416	90	21,4
2-й „ „ 1919 „	748	70	9,4
3-й „ „ (апр. 1920 г.)	1.229	78	6,3

Так падало влияние независимых из года в год, причем надо отметить, что на 2-м с'езде за их резолюцию голосовало 37 человек, а на 3-м с'езде 31: это значит, что немногочисленные беспартийные в ходе работ с'ездов отходили от них. Могущественная когда-то партия, имевшая в первый период революции большинство в советах и профессиональных союзах, сошла на нет. Профессионально организованный пролетариат России прошел мимо анти-социалистической теории и практики «независимости»...

Выбор был сделан еще до Октябрьской Революции: русские профессиональные союзы связали свою судьбу с Октябрьской Революцией, с Советской властью, а это значит, что профессиональное движение в целом шло под лозунгом и действовало по директивам Российской Коммунистической Партии...

Второй с'езд формально подтвердил то, что фактически существовало и что в эпоху обостренной гражданской войны не могло не существовать: органическую связь профессиональных союзов с диктатурой пролетариата, основным устоем которой они являются. Это постановление было закреплено в нормальном, обязательном для всех союзов порядке союзной дисциплины, уставе, первый пункт которого гласит: «об'единяя и вовлекая широкие массы рабочих в социалистическое строительство, профессиональный союз... ставит себе целью осуществление социализма путем диктатуры пролетариата». Здесь идейная гегемония Российской Коммунистической Партии, ее программы и тактики, как нельзя более ясна.

Мы видели, что первые два с'езда стояли на точке зрения большевиков, но особенно эта органическая связь профессиональных союзов с коммунистической партией проявилась на III С'езде профессиональных союзов. III С'езд начал с признания гегемонии Российской Коммунистической Партии, констатировав в первой резолюции, что «профсоюзы в целом, стоя на платформе осуществления коммунизма через диктатуру пролетариата, в своей практической деятельности неуклонно следовали за гегемоном пролетарской революции, Российской Коммунистической Партией».

По докладу Ленина С'езд постановляет:

«Повести еще более усиленную работу по вовлечению рабочих масс в коммунистическое строительство через профсоюзы, под руководством коммунистической партии — единственной выразительницы истинных интересов рабочего класса и всех трудящихся Советской России».

Резолюция по организационному вопросу напоминает, что «организационный вопрос не цель, а средство к цели, что цель экономически органи-

зованного пролетариата — коммунизм и что путь, ведущий к этой цели, это социальная революция и диктатура пролетариата».

Но третий с'езд профсоюзов пошел дальше; он не только формально провозгласил свою органическую связь с коммунистической партией, а особой резолюцией одобрил тезисы о хозяйственной политике, принятые IX-м С'ездом Российской Коммунистической Партии, полагая, что осуществление резолюций партийного с'езда «окончательно закрепит победу рабочего класса над капиталом». К этому следует прибавить посланные с'ездом приветствия всем борцам за коммунизм, германским спартаковцам и левым независимым и то, что он постановил привлечь для политического просвещения и воспитания молодежи Российский Коммунистический Союз Молодежи, а работу среди работниц вести вместе с отделом работы среди женщин при Ц.К.Р.К.П. — и тогда получится полная картина *сращивания* политического и профессионального рабочего движения в России.

Резолюция Третьего С'езда, как и резолюции прошлых с'ездов, нам станут понятны, если мы примем во внимание непрерывно возрастающее влияние большевиков в профессиональном движении. Вот что об этом говорят цифры:

	Количество делегатов.	Большевики и сочувствующие.	В %%
3-я Конференция (1917 г.)	220	80	36,4
Демократическое совещание (сентябрь 1917 г.)	117	69	58
1-й С'езд (янв. 1918 г.)	416	273	65,6
2-й „ „ 1919 „	748	449 [1])	60
3-й „ (апр. 1920 г.)	1.229	940	78,1

Вот этим подавляющим перевесом Российской Коммунистической Партии в профессиональном движении об'ясняется наша революционная теория и революционная практика. Происходит это потому, что русский пролетариат никогда не отделял экономику от политики, не страдал детской нейтралистской болезнью и что мы, руководители российского профессионального движения, целиком согласны со следующими положениями, установленными в конце марта 1920 года IX-м С'ездом Российской Коммунистической Партии:

«Политика есть самое концентрированное выражение экономики и ее обобщение и завершение... Лишь в той мере, в какой профессиональные союзы, оставаясь формально не партийными, становятся коммунистическими по существу и проводят политику коммунистической партии, лишь в этой мере обеспечена диктатура пролетариата и строительство социализма».

---

[1]) Цифра эта гораздо ниже действительной: по записям фракционных заседаний видно, что коммунистов и сочувствующих вместе с делегатами, имевшими совещательн. голос, было 600.

в) Союзы и Советская власть.

(Н. Глебов-Авилов,—„Профессиональные союзы и государство", стр. 1—36, изд. 1924 г.).

К первому с'езду профессиональных союзов (январь 1918 г.) картина представлялась следующей: 1) позиция нашей партии в отношении союзов еще не вполне определилась, 2) сами союзы не определились в осуществлении новых задач, 3) организация органов хозяйства шла помимо профсоюзов, 4) отдельные хозяйства захватывались союзами и завкомами. Такое положение дало основание руководящим тогда работникам профессионального движения, вместе с тов. Зиновьевым, впервые поставить на этом с'езде вопрос об огосударствлении союзов.

Сумятица, тогда царившая в практике взаимоотношений между професс. союзами и зарождавшимися тогда хозяйственными органами, сумятица, которая господствовала тогда вообще при овладении капиталистическим производством, отразилась и на оформлении наших взглядов на вопрос огосударствления профессиональных союзов. Даже сами товарищи, выдвигавшие вопрос об огосударствлении союзов в той или иной форме, не представляли себе ясно, как, в каких формах это огосударствление должно совершиться. Более или менее ясным было наличие происходящего стихийного процесса овладевания производством, организационной путаницы в среде советских, вообще, и хозяйственных органов, в частности, и отрыв профессиональных союзов от той работы, которая, казалось бы, должна была быть возложена в большей мере именно на профессиональные союзы.

На первом с'езде еще до доклада тов. Зиновьева, как только стали известны основные положения резолюции («О задачах союзов»), сущностью которых в первоначальной редакции было признание, что основной задачей с'езда *«является провозглашение профессиональных союзов государственными организациями»*, начали создаваться различные мнения вокруг возможных решений данного вопроса, причем особенно сильной была московская группа, занявшая вначале противоположную позицию, а затем согласившаяся на компромиссе, заменив вышеуказанную формулировку следующей: «*В развитом виде профессиональные союзы в процессе происходящей социалистической революции должны стать органами социалистической власти*». Важно отметить, что против немедленного провозглашения союзов государственными организациями возражали не потому, что союзы не подготовлены, что они не справятся с организацией хозяйства, а по соображениям другого порядка: «что будет, если нас победят». Неуверенность в победе сквозила и в речах, и в поправках виднейших участников с'езда, даже среди большевиков. Это было замечено тогда тов. Зиновьевым. Впоследствии на дискуссионном собрании в Москве (в зале консерватории) он, вспоминая I-й с'езд, между прочим сказал, что «меньшевизм сквозил даже среди большинства первого с'езда, а большинство это было наше».

В это время еще господствовал частный капитал, национализация коснулась лишь отдельных групп предприятий, и перед союзами еще стояли старые задачи защиты интересов пролетариата. Эти соображения и делали многих из большевиков сторонниками постепенности и осторожности в отношении огосударствления професс. союзов...

Наиболее легким было бы принятие союзами государственных функций по организации труда, нормированию и тарификации, но резолюция первого с'езда обращала внимание союзов на другое — «центр тяжести должен быть перенесен в область организационно-хозяйственную», т. е. за огосударствлением союзов следовала бы передача союзам хозяйственных функций. Даже Лозовский (тогда представитель группы интернационалистов) в своей брошюре «Октябрьская революция и профессиональные союзы» говорит: «Профессиональные союзы должны были под угрозой пролетариата создать *свои органы* регулирования (высшие областные и губернские Советы Народного Хозяйства) и напрячь все силы, чтобы спасти разбитую войной и демобилизацией промышленность».

Если професс. союзы на основе принятых первым с'ездом решений не берут на себя целиком организации народного хозяйства, то все же решительно настаивают на наиболее полном представительстве в хозяйственных органах и на ответственности этих представителей перед союзными организациями. Именно под этим углом зрения и проводилась в этот период политика професс. союзов в их взаимоотношениях с органами государственной власти...

На втором с'езде в смысле ответственности союзных представителей за их работу по организации хозяйства перед союзными организациями, является своеобразным решение вопроса по огосударствлению союзов. Союзы не берут на себя целиком организацию хозяйства, они ограничиваются лишь созданием у себя экономических отделов, отделов по организации производства и т. д., в то же время настаивают на ответственности и не только в широком смысле слова, именно в том, что всякая рабочая организация в рабочем государстве ответственна за выполняемую работу, но и в более узком, — что представители союзов ответственны перед последним в смысле проведения определенных намеченных союзом директив.

Так именно ко второму с'езду профессиональных союзов вопрос об огосударствлении союзов был поставлен практикой союзных организаций в деле взаимоотношения союзов с органами государственной власти.

На втором с'езде союзов было сказано уже нечто новое, что на первом с'езде не подчеркивалось совершенно. Опыт между первым и вторым с'ездами показал, что очередной задачей союзов является не только работа союзных верхушек в хозяйственных органах, коллегиях, главках и центрах, но и нечто другое, а именно — самое широкое воспитание трудящихся и привлечение их к управлению. То, что было сказано потом, в резолюции X с'езда партии, было впервые подчеркнуто на втором с'езде профсоюзов тов. Лениным. Он говорил:

«Чем шире, чем глубже происходящий в обществе переворот, тем многочисленнее должно быть число людей, которые этот переворот совершают; которые являются творцами этого переворота в полном смысле слова.

«Этот авангард (профсоюзы) начал после октябрьской революции, после перехода власти к пролетариату, браться за свое настоящее дело — *воспитание трудящихся, эксплоатируемой массы, привлечение ее к управлению государством, управлению производством без чиновников, без буржуазии, без специалистов.*

«Если мы не превратим профессиональные союзы в органы воспитания вдесятеро больше народных масс, чем теперь, для непосредственного участия в управлении государством, тогда мы дело коммунистического строительства не доведем до конца.

«Как сотни были этими созидателями в эпоху крепостного права, как тысячи, десятки тысяч строили государство в эпоху капитализма — так теперь социалистический переворот может быть сделан только при активном непосредственном практическом участии в управлении государством десятков миллионов. Мы к этому пошли, но мы до этого еще не дошли.

«Задачи профессиональных союзов — быть строителями новой жизни, быть воспитателями новых миллионов и десятков миллионов, которые бы на своем опыте учились не делать ошибок, отбрасывать старые предрассудки, *учиться на своем опыте управлять государством и управлять производством,* — только в этом безошибочная гарантия, что дело социализма победит полностью».

Здесь тов. Ленин впервые так определенно поставил вопрос о професс. союзах не только со стороны их участия в организации хозяйства, но и со стороны хозяйственного воспитания широких рабочих масс... Так тов. Ленин понимал главную задачу союзов в организации производства и совсем не смотрел на огосударствление союзов как на самочинный захват ими производства, и по этому вопросу он так говорил:

«Неизбежно огосударствление профессиональных союзов, неизбежно слияние их с органами государственной власти, неизбежен переход в их руки всецело дела строительства крупного производства. Но этого всего недостаточно. Нам надо также учесть наш практический опыт, чтобы учесть ближайший, настоящий момент.

«Если бы сейчас профессиональные союзы попробовали самочинно взять на себя функции государственной власти, из этого вышла бы только каша. Мы достаточно от этой каши пострадали. Мы много боролись с теми остатками проклятого буржуазного строя, с мелкособственническими, не то анархистскими, не то эгоистическими стремлениями, которые засели глубоко и в рабочих.

«Сейчас, одним махом, профессиональные союзы *сливать* с органами государственной власти мы *не можем.* Это будет ошибкой.

«Нужно сделать еще много шагов прежде, чем можно будет сказать: профессиональные об'единения трудящихся окончательно слились со всем го-

сударственным аппаратом. Это будет тогда, когда органы насилия одного класса над другим рабочие окончательно приберут в свои руки».

Когда тов. Ленин говорил о *неизбежности* огосударствления проф. союзов, — то он понимал это так же, как неизбежность в конце концов уничтожения самого государства, т. е. рассматривал огосударствление в сравнительно далекой перспективе.

...Говоря о необходимости содействия и перестройки различных государственных учреждений, с'езд (второй) нашел нужным сказать, о необходимости постепенной «замены их своими организациями, путем слияния органов союза с органами государственной власти».

Но далее резолюция резко подчеркивает недопустимость «немедленного превращения союзов в органы государственной власти, а равно и самовольного присвоения союзами функций государственных органов»...

Опыт дальнейшей работы профессиональных союзов целиком подтвердил правильность принятого II с'ездом решения и, что особенно важно подчеркнуть, поставил перед союзами задачу воспитания рабочих масс и вовлечения их в дело государственного строительства. Тот же опыт работы показал, что огосударствление профессиональных союзов должно итти не в сторону непосредственного овладения союзами производством, не передачи им функций государственной власти, а овладения производством через аппараты государственной власти.

Весь 1919 год прошел для советской власти под знаком отчаяннейшей борьбы с контр-революцией. Белогвардейские банды Колчака стремительно наступали на Самару, Симбирск и Казань, желая парализовать наш волжский водный путь и тем самым лишить рабочих и крестьян центральной России подвоза хлеба, хлопка и топлива; на юге России наступал Деникин и отрезал от нас житницу — Кубань и Донецкий угольный бассейн; на севере орудовал Юденич. Такова была внутренняя политическая обстановка. Внешнее положение нашей Республики в этот год оставалось крайне тяжелым,—Советская Россия была блокирована со всех сторон; Колчаку, Юденичу и Деникину непосредственно помогали буржуазные Англия и Франция. Капиталистическое окружение и гражданская война на фронте в тысячи верст совершенно парализовали экономическую жизнь страны. Положение с топливом было катастрофическое, приходилось приостанавливать почти все металлургические заводы в центре, процесс разрушения транспорта увеличивался с каждым месяцем, и нужно было принимать самые решительные меры к тому, чтобы предотвратить окончательный развал нашего народного хозяйства, чтобы остановить разруху транспорта и наладить дело с подвозом топлива.

В таких условиях приходилось работать русским профессиональным союзам за период от II к III с'езду. Задача сводилась прежде всего и главным образом к всемерной и безоговорочной поддержке советской власти в ее борьбе против мировой контр-революции. Поддержка государственной мобилизации, об'явление профессиональной мобилизации, посылка на фронт лучших испытанных работников профессионального движения,—к этому прежде всего сводилось участие професс. союзов в работе советской власти. ВЦСПС

на время превращался в военный пролетарский штаб, где старый генерал работал рука об руку с рабочим-коммунистом.

Участие профессиональных союзов в организации народного хозяйства и управлении промышленностью за этот год идет по линии «орабочения» государственных хозяйственных органов и путем формирования новых органов. Но это «орабочение» на первых порах больше сводилось к тому, что профессиональные союзы посылали в соответствующие хозяйственные органы своих представителей, и лишь в отдельных случаях была органическая связь хозяйственных органов с профессиональными союзами, и связь правильная, когда работа тех и других не совпадала, когда было разграничение функций между профессиональными и хозяйственными организациями. И чем ближе та или иная хозяйственная организация стояла к професс. союзу и чрез него к профессионально-организованному пролетариату, тем успешнее была его работа...

Практика работы профессиональных союзов после II с'езда дала нам характерные типы государственных союзных организаций. Эти типы следующие: военно-продовольственное бюро, рабочий комитет содействия при народном комиссариате земледелия, «Прозодежда».

Основная задача работы военно-продовольственного бюро, — которое, между прочим, являлось государственным органом, работало по планам Наркомпрода, но формировалось профессиональным союзом и руководилось ВЦСПС, — заключалась в том, чтобы путем массового вовлечения в продовольственную работу индустриального пролетариата увеличить государственную заготовку продовольственных продуктов. С этой целью бюро формировало рабочие продотряды, мобилизовало ответственных работников и направляло их в производящие губернии для работы в качестве членов коллегий продорганов в целях *орабочения* и усиления деятельности последних, организовало и развивало деятельность рабочей продовольственной и железнодорожной инспекции. Через рабочий комитет содействия профессиональные союзы организовали сельско-хозяйственных рабочих, снабжали совхозы всем необходимым, посылали туда своих представителей и уполномоченных, а дальше «содействие» фактически вылилось в управление советскими хозяйствами, с твердо выраженными функциями, а именно: 1) организация советских хозяйств, как производственных сельско-хозяйственных фабрик, и 2) содействие к переходу деревни к коллективному труду. ВЦСПС поставил своей целью притти на помощь рабочему классу путем предоставления бесплатной обуви и одежды. Для проведения в жизнь этих задач был организован особый отдел по снабжению рабочих производственной одеждой — «Прозодежда», в коллегию которого входили представители «комиссии использования» ВСНХ, Наркомтруда и ВЦСПС, но фактическое руководство «Прозодеждой» оставалось за ВЦСПС...

III Всероссийский с'езд профессиональных союзов по докладу о задачах профессиональных союзов так формулировал роль союзов в советском государстве: «Неуклонно идя рука об руку с советской властью в ее борьбе с об'единенными силами контр-революции в работе над переустройством госу-

дарственного аппарата и всей хозяйственной жизни страны, осуществляя задачи, намеченные I и II с'ездами проф. союзов, путем представительства в разных государственных органах, выполняя ряд ответственных заданий советской власти через свой аппарат или через специально сформированные органы, — *профессиональные союзы Советской России практически стали неразрывной частью советского строя, необходимейшим дополнением и опорой органов пролетарской диктатуры — Советов».*

Такой формулировкой вопрос об «огосударствлении» профессиональных союзов ставится в новом виде. Если на II с'езде профессиональных союзов говорилось, что профессион. союзы должны принять более деятельное участие в работе советской власти путем непосредственной работы в государственных органах, путем выполнения через свои организации отдельных задач, стоящих перед советской властью, и если на ряду с этим считалось ошибкой немедленное превращение союзов в органы государственной власти, и что весь процесс слияния союзов с органами власти должен явиться как неизбежный результат их совместной работы, то на III с'езде профессион. союзов в вышеприведенной формулировке констатируется факт, что союзы *стали* неразрывной частью советского строя. Это, понятно, не означало, что произошло «огосударствление», т. е. что с'езд провозгласил союзы государственными органами: это лишь означало, что с'езд подтвердил проделанный опыт, а опыт этот означал, что наши профессиональные союзы практически стали необходимейшим дополнением, неот'емлемой частью пролетарского государства, так же положим, как желтые союзы стали необходимейшим дополнением буржуазного государства.

г) Роль ВЦСПС в создании профинтерна.

(М. Томский — „Очерки профессионального движения в России", стр. 56—60, изд. 1924 г.).

Вопрос о создании международного об'единения профессиональных союзов встал впервые в нашей практике в начале 1918 года. I с'езд профессиональных союзов своей основной резолюцией о задачах союзов постановил поручить Президиуму ВЦСПС войти в сношения с западно-европейскими профессиональными союзами, и новый Президиум, во исполнение постановления С'езда, действительно приложил все возможные усилия к тому, чтобы осуществить, провести в жизнь это постановление. В течение 1918 года Всероссийским Советом Профессиональных Союзов были посланы два радио ко всем союзам и рабочим организациям мира, в которых Совет брал на себя инициативу созыва предварительной международной конференции профессиональных союзов, но на это радио ответа получено не было. В этот период (1918—1919 года) позиция Всероссийского Совета Профессиональных Союзов заключалась в том, чтобы установить организационные связи с союзами Западной Европы *вообще* независимо от их направления и платформы. Мы понимали тогда свою задачу таким образом, что, созвав конференцию, всту-

пив в связь с союзами других стран, мы сумеем в процессе совместной работы найти сторонников своей революционной платформы и об'единить их. И хотя мы знали и тогда, что западно-европейское профессиональное движение в силу целого ряда условий находится в руках реформистских, соглашательских элементов, тем не менее мы надеялись, что, вступив в общее об'единение на конференциях, конгрессах и т. д., мы путем решительной борьбы будем постепенно вытеснять реформистов. Мы полагали, что, несмотря на разногласие с реформистами, остается еще что-то общее, что могло бы нас об'единить, в какой бы то ни было степени. Но в 1919 году мы получили неопровержимое доказательство того, что наш взгляд на профессиональные союзы Западной Европы и намеченная нами тактика были в корне ошибочны. Отчасти этим доказательством явились пришедшие материалы о Бернской конференции 1917 года и целый ряд радио об Амстердамском конгрессе профессиональных союзов... Всероссийский Центральный Совет Профессиональных Союзов с момента Амстердамского конгресса избирает другую платформу для своей работы в международном масштабе. Вместо работы, направленной к созданию об'единения со всеми профессиональными союзами мира, мира вообще, он переходит в платформу создания об'единения профессиональных союзов, стоящих на почве действительно беспощадной классовой борьбы с империализмом, к платформе борьбы за диктатуру пролетариата. Поэтому III С'езд Профессиональных Союзов окончательно решает и определяет этот вопрос своим постановлением о вхождении всего Российского профессионального движения в Третий Коммунистический Интернационал. Этим актом была определена дальнейшая линия Российского профессионального движения в вопросе международной политики российского рабочего класса. Победа Советской власти над Колчаком и Деникиным, прорыв стального кольца блокады Антанты сразу открыли возможность реальной связи с западно-европейским профессиональным движением. Но это был не главнейший фактор, определивший установление этих связей. С 1918 до 1920 года рабочее движение Западной Европы проделало громадную эволюцию. Если в 1918 году наблюдались вспышки отдельных забастовок, если наблюдался рост активных выступлений пролетариата Западной Европы, то, обычно для того периода, эти выступления не были выступлениями осознанными. В 1920 году движение западно-европейского пролетариата носит уже определенный классовый характер, носит на себе все черты грядущих бурь. Если в 1918 году рабочие Западной Европы и Америки смутно знали о происшедшем в России великом пролетарском перевороте, то в 1920 г. западно-европейские рабочие достаточно ясно поняли и знали, что такое Советская Россия. Выступление ирландских железнодорожников с отказом грузить предназначенные для врагов Советской России грузы, — пример, нашедший подражание у английских докеров и в виде целой уже волны, прокатившейся по всей Германии, — явился поворотным, решительным пунктом перехода западно-европейской рабочей массы к активной борьбе за Советскую Россию как аванпост мировой революции. Явный акт сдвига влево рабочей массы Западной Европы — вот основной фактор, определивший успешность восстановления наших свя-

зей с западно-европейским рабочим движением. Лишь при наличии этого факта мы имели возможность видеть у себя сперва английскую, затем итальянскую делегацию и, наконец, целый ряд представителей профессиональных союзов других стран. В день от'езда английской делегации в Москве, в Доме Союзов, был положен первый камень Красного Интернационала Профессиональных Союзов. Представители русского профессионального движения, левой части английского — в лице Вильямса и Перселя — и представителя профессиональных союзов Италии выработали и подписали платформу для созыва международной конференции революционных профессиональных союзов, создав бюро для созыва этой конференции. Прибытие представителей Болгарии, Юго-Славии, Франции, Грузии и Испании расширило это бюро, превратив его в Международный Совет Профессиональных Союзов. Дальнейшее вхождение представителей английских организаций, фабрично-заводских комитетов и индустриальных рабочих мира — Америки, Австралии, Англии, Голландской Индии и Английской Индии — расширило рамки Совета.

Таким образом, отбросив попытку создать мировое об'единение всех профессиональных союзов, подведенные открытой изменой желтых вождей западно-европейского и американского профессионального движения к необходимости создания Красного Интернационала Профессиональных союзов. Российские союзы взяли на себя инициативу организации этого нового боевого Интернационала, встав тем самым на путь решительной борьбы с желтым Амстердамом.

II. На пути к новой профессиональной политике.

1. „Кризис“ профессионального движения.

Хозяйственный кризис и его причины[1]). Под влиянием двух причин назревал кризис пролетарской революции, вполне определенно выявившийся в конце 1920 и начале 1921 года.

С одной стороны, не оправдались надежды на подкрепления со стороны западно-европейского пролетариата. Революция в Германии была разбита; Советские республики в Венгрии и Баварии были разгромлены. Мировой капитализм оправлялся от ран, полученных в империалистической войне, и начал переходить от обороны к нападению: начинается полоса наступления капитала на пролетариат, который не мог дать достаточно решительный отпор и перейти к борьбе за захват власти.

С другой стороны, обострение затянувшейся гражданской войны с полной хозяйственной изоляцией Советской России разрушительно действовало на хозяйство Советского государства. И промышленность, и сельское хозяйство, основательно разрушенные еще во время империалистической войны и при керенщине, теперь быстрым темпом шли к катастрофе. Производительность труда падала с невероятной быстротой: живая рабочая сила и инвентарь изнашивались до последней степени, источники сырья и топлива сократились до невероятно малых размеров. Транспорт разрушался и приходил в негодность. Города замерзали и пустели, голод свирепствовал, сопутствуемый болезнями и эпидемиями. Все хозяйство Советской России, взятое в целом, не покрывало потребностей государства и населения.

Проедались старые запасы, уничтожался основной капитал. А гражданская война, окружившая железным кольцом молодую пролетарскую республику, требовала все новых и новых средств и жертв со стороны рабочего класса и крестьянства. Только мужественный героизм рабочего класса,

---

[1]) Этот и следующий отрывки взяты из Д. Антошкина—„Проф. движ. в России“, стр. 310—320, изд. 1924 г.

глубокая убежденность в необходимости покончить с врагом и стойкая вера в свои силы и окончательную победу давали ему энергию переносить невероятные тяжести и преодолевать необычайные трудности. Крестьянство, со своей стороны, еще хорошо помнило помещика, урядника и станового, и в общем, хотя и с натугой и недовольством, не отказывалось от взваленной на него диктатурой пролетариата ноши, пока чувствовало прямую угрозу со стороны контр-революции.

Приведем несколько цифр для характеристики нашего хозяйственного положения накануне замены системы военного коммунизма новой экономической политикой.

Посевная площадь в 1921 г. сократилась на 35% по сравнению с 1916 г. Сокращение живого инвентаря достигло таких размеров: число лошадей сократилось на 22%, крупный рогатый скот приблизительно на 21%, число свиней на 28%, число овец на 44%, число коз на 55%.

Продукция промышленности (готовые изделия и минеральное топливо) в 1920 году составляла около 14% довоенной продукции, т. е. уменьшилась больше, чем в семь раз. Так, в ценах 1912 года производительность промышленности исчислялась:

в 1912 году	в	3.721	миллион зол. руб.
„ 1920 „	„	517,6	„ „ „

Необходимо отметить, что темп разрушения промышленности к концу 1920 года начал уже уменьшаться под влиянием улучшавшейся организации советского административного и хозяйственного аппарата и самой промышленности. Но совершенно приостановить разрушение и двинуть вперед хозяйство мыслимо было только по окончании гражданской войны.

Как уменьшилась средняя производительность одного промышленного рабочего, видно из следующих цифр. По довоенным ценам годовая продукция одного промышленного рабочего равнялась (С. Струмилин. Зараб. плата и производительность труда в русской промышленности, стр. 84—87 и диаграмма № 3, стр. 56):

	Продукция в рублях на одного рабочего.	% отношение к продукции 1913 г.
В 1913 г.	2372	100
„ 1914 „	2408	101
„ 1915 „	2985	122
„ 1916 „	3023	127
„ 1917 „	2023	85
„ 1918 „	1044	44
„ 1919 „	512	21,6
„ 1920 „	616	26

Падение продукции зависело не только от того, что уменьшилась производительность живой рабочей силы, но и от ряда других причин: изношенность оборудования, простой предприятий из-за недостатка сырья и топлива и проч.

В соответствии со столь сильным падением производительности промышленности и ухудшением общего экономического положения Советской

Республики сильно понизилась и средняя месячная заработная плата, что видно из таблицы (там же, стр. 33).

	Весь заработок в товарных рублях.	В %% к заработку 1913 г.
В 1913 г.	22	100
„ 1914 „	21,30	96,9
„ 1915 „	20,60	93,6
„ 1916 „	20,20	91,8
„ 1917 „	17,79	80,9
„ 1918 „	10,49	47,7
„ 1919 „	8,47	38,5
„ 1920 „	8,30	37,8

Таким образом, в 1920 году рабочий получал немного больше одной трети по сравнению с довоенным временем.

Все это не могло продолжаться до бесконечности. Силы могли иссякнуть. Советское государство все это учитывало и напрягало всю свою энергию, чтобы нанести решительный удар контр-революции, сбросить блокаду и приступить к мирному строительству.

Отрыв от масс. Система военного коммунизма сама по себе предполагает централизованную структуру государства и хозяйства.

Неблагоприятные политические и хозяйственные условия действовали в направлении развития отрицательных сторон централизации, бюрократизма и проч. Это не значит, что принцип централизации был неправилен и неприемлем: она была нужна и диктовалась железной необходимостью. Без нее немыслимо было бы вести успешную борьбу с контр-революцией.

Вполне понятно, что система военного коммунизма со всеми ее положительными и отрицательными сторонами определяла собою формы и характер развития профессионального движения.

В организационном отношении оно развивалось в направлении все большей и большей централизации и уменьшения роли производственных об'единений при одновременном усилении роли межсоюзных об'единений; полное развитие в этом направлении вело профессиональное движение с одной стороны — к единому союзу с производственными секциями при ВЦСПС и ГСПС, с другой — к огосударствлению профессионального движения...

Соответственно характеру деятельности выработались и особые методы последней.

Обязательное членство с вычетом взносов через бухгалтерию предприятия или учреждения с течением времени превратило членство в пустую фикцию; член союза даже формально не связывался с союзом; каждый работающий механически зачислялся в союз и частенько не знал толком, на что и куда идет вычет из его заработной платы.

Дальше, в виду незначительности заработной платы и все большего и большего отмирания денежной системы, членские взносы не могли составить необходимых для союзов средств. Аппараты же союзов разрастались с голово-

кружительной быстротой и до невероятных размеров, строясь по типу Советских органов с множеством отделов, под'отделов, частей; причем в каждом из них обязательно была в полном составе особая канцелярия, помимо общей, даже со своими машинистками. В виду этого профессиональные союзы все больше и больше переходили на государственное снабжение.

Рост союзного аппарата, конечно, не был простой случайностью: отчасти этот рост вызывался многообразием государственных функций, выполнявшихся союзами; отчасти последние бессознательно следовали примеру государственных органов в расширении своих аппаратов и под действием тех же причин: хаос, слабая производительность труда вследствие холода и голода и неприспособленность к порученной работе со стороны значительного числа служащих, до революции не работавших по найму, а теперь принужденных к этому мобилизациями, трудовой повинностью и захватом всех других источников к жизни Советским государством; лозунг: «не работающий да не ест», всех гнал на работу, т. к. в противном случае — общественные работы в порядке трудовой повинности и концентрационные лагери и отсутствие гражданских прав в Советском государстве. К сожалению, в наших условиях, декрет о трудовой повинности — совершенно необходимый в то время — вызвал одно отрицательное явление, усугублявшееся скрытым саботажем старого чиновничества: сильное разбухание аппарата в советских органах, такое разбухание, при котором оно понижало работоспособность этих органов, увеличивая бюрократизм и усложняя волокиту.

Этих отрицательных сторон не избежал и аппарат профессионального движения. Но помимо бюрократической постановки аппарата, все методы работы профессиональных союзов все более и более пропитывались элементами администрирования, что было неизбежно при выполнении союзами по преимуществу государственных функций.

Такие методы работы вызывали почти полный отрыв органов профессиональных союзов от рабочих масс. Вся работа профессиональных союзов носила характер предписаний, а в некоторых случаях и приказов. Живая связь работников союзов с членской массой все более и более затемнялась письменной связью через канцелярии союзов.

В основном, если отбросить ряд преувеличений и бюрократических извращений, выработавшиеся *методы работы профессиональных союзов в период военного коммунизма безусловно были правильны для того времени и вполне естественны в развитии профессионального движения к совершенно законченной централизации и огосударствлению.*

Но противоречия между нашей хозяйственной и общекультурной отсталостью, с одной стороны, и системой военного коммунизма с другой, с течением времени обострялись все сильнее и сильнее, и обострение указанных противоречий все заметнее начинало сказываться в профессиональном движении...

Эти противоречия все определеннее отражались и в профессиональном движении, создав в нем к концу 1920 года кризис перелома: начался пересмотр задач профессионального движения, искание новых форм деятельности.

Накануне переломного кризиса в профессиональном движении собралась пятая конференция профессиональных союзов, через семь месяцев после третьего С'езда в начале ноября 1920 года...

Все вопросы, стоявшие перед конференцией, разрешались в плоскости улучшения хозяйственного положения страны, укрепления хозяйственных органов. В организационной работе союзам также ставили задачи: «*всестороннего использования союзных организаций в деле вовлечения широких масс в процесс усиленного развития производственных сил Советской Республики и сосредоточения непосредственного интереса среди членов союзов к тем производственным вопросам*, от правильного разрешения которых зависит улучшение экономического состояния Советской России». Организационная деятельность союзов должна «служить улучшению экономического положения рабочих и поднятию их культурного уровня», т. к. только при этом условии члены союза будут понимать значение пред'являемых союзами к своим членам требований о выполнении трудовой дисциплины и повышении производительности труда. Самый принцип принуждения производственной жизни должен быть превращен союзами в способ производственного перевоспитания масс, в средство широкой производственной пропаганды...

Назревшие в организме Советской Республики противоречия еще не прорвались, необходимость поворота с прямого пути к коммунизму на боковые, обходные пути была еще не ясна, она только инстинктивно чувствовалась, но ее нельзя было прощупать в ее конкретном значении.

Поэтому мы и видим, что пятая конференция профессиональных союзов, подведя итоги деятельности союзов, наметила их задачи строительства в мирных условиях, но еще не учитывала — не могла учитывать — необходимости изменения методов работы и *отказа* от некоторых применявшихся методов и радикальной передвижки своего внимания от одних задач к другим...

в) Колебания в тарифной политике[1]).

После 3-го с'езда начинается значительное оживление работы по установлению норм производительности и разработке систем и форм оплаты труда, способных поднять производительность. Но все эти системы подрывались об'ективным затруднением; затянувшаяся гражданская и империалистическая война крайне истощила рессурсы страны, и заработная плата, в каких бы формах она ни устанавливалась, поневоле была недостаточной. Эта оплата не являлась для трудящихся достаточным стимулом к работе. Не имея возможности радикально разрешить вопрос, увеличив реальную заработную плату, тарификаторы пытались искусственно создать этот стимул, придумывая сложные системы заработной платы и направляя отдельные улучшения в ударные пункты производства. Однако, это усложнение делу не помогло, а, наоборот, уменьшило влияние системы оплаты на производительность, так как для рабочего неясна была связь между последней и заработком.

---

1) А. Андреев—„Профсоюзы за 4 года“, „Вестник Труда“ № 10—11, от 1921 г., стр. 11—14).

Так как практика определенно установила, что применявшаяся денежная оплата, в силу своей незначительности, не могла служить достаточным стимулом к повышению производительности, то в 1920 году был сделан ряд опытов придания натурвыдачам характера заработной платы. Первым шагом в этом направлении было введение трудпайка, который должен был выдаваться лишь за проработанные дни, получая, таким образом, характер натурализованной поденной заработной платы. Вторым мероприятием было введение натурпремирования из фондов Наркомпрода, также уже проверенное раньше на опыте нескольких местностей России. I-я Всероссийская Тарифная Конференция (октябрь 1920 г.) еще более подчеркнула необходимость подобной тарификации натурвыдач, признав, что для трудящихся все пайки, не связанные с работой, должны быть отменены и заменены системой трудпайка и натурпремией сверх него. 5-я конференция Профсоюзов подтвердила эти постановления.

Но введение трудпайка и натурпремий не улучшило положение. Правда, в отдельных случаях, когда трудпаек и натурпремия выдавались регулярно и имели достаточную величину, они давали увеличение производительности. Но в подавляющем большинстве случаев они не выдавались или выдавались очень нерегулярно, и величина их была незначительна. Поэтому, как общее правило, эти мероприятия не оправдали себя. В начале 1921 года натурпремирование из фондов Наркомпрода было приостановлено.

Углубление экономического кризиса, сказавшееся к началу 1921 года, не могло не отразиться на тарифной работе. Просчет в планах топливных и продовольственных, приостановка ряда предприятий из-за отсутствия снабжения и на ряду с этим распыление ограниченных рессурсов между миллионами потребителей без учета их производительности — все эти условия создавали крайнюю неустойчивость систем и норм оплаты труда. Положение крайне осложнилось крушением натурпремирования из фондов Компрода. Эти условия и чувство ответственности за производство требовали от союзов решительных мер. Начинается движение за установление нижнего предела реальной выплаты, при котором могли бы работать предприятия. В целом ряде мест ломаются коэффициенты денежного премирования, и таким путем повышается заработная плата. Нарастают требования минимальных гарантий для работающих предприятий.

2. Дискуссия о роли и задачах профсоюзов.

(Н. Глебов-Авилов — „Профессиональные союзы и Советское государство" стр. 37—49, изд. 1924 г.).

Период между V Всероссийской конференцией профессиональных союзов и X с'ездом коммунистической партии, а также IV с'ездом профессиональных союзов, т. е. период дискуссии о профессиональных союзах, оставил глубокий след в идеологии русского профессионального движения, — была сделана яркая оценка роли профессиональных союзов в эпоху диктатуры пролета-

риата и, что особенно важно, в этой оценке главное участие принял т. Ленин. С 1902 года, когда была им написана брошюра «Что делать», т. Ленин, пожалуй, впервые так полно и всесторонне подошел к оценке роли профессиональных союзов.

На V Всероссийской конференции профессиональных союзов был поставлен доклад о производственных задачах союза, и были приняты тезисы т. Рудзутака, о которых потом т. Ленин сказал: «Это самый важный документ во всем споре». Но на этой конференции как доклад Рудзутака, так и его тезисы не обратили на себя того внимания, какое было обращено на них т. Лениным в дальнейшем споре о профессиональных союзах. По докладу Рудзутака даже не было прений, тезисы были утверждены и переданы в президиум для обработки...

Основное в тезисах т. Рудзутака на V конференции заключалось в том, что в них вопрос поставлен был практически и так, что вовлечь в производство нужно не только верхушки союзов, а союзы в целом, вовлечь членов союзов, заинтересовать массы. Конференция констатировала, что если после Октябрьской революции профессиональные союзы оказались почти единственными органами, которые могли и должны были взять на себя работу по организации и управлению производством, то в последующий период, когда был организован Высший Совет Народного Хозяйства и его органы на местах, — профессиональные союзы вели производственную работу уже на ряду и совместно с государственными хозяйственными организациями. По мере укрепления хозяйственных органов, роль союзов в производстве сводилась больше к содействию органам народного хозяйства, к участию в составлении программ и планов, в составлении заводоуправлений. На конференции было подчеркнуто, что нужно связать организацию производства с организацией труда.—«Если ВСНХ подходит к установлению общей производственной программы, исходя из наличия материальных элементов производства, профессиональные союзы должны подходить к этому вопросу с точки зрения организации труда для производственных задач и целесообразного его использования». Задача сводилась к тому, чтобы *втянуть в осуществление намеченных производственных мероприятий производственных рабочих;* задача сводилась к тому, чтобы *каждый участник производства понял необходимость и целесообразность выполняемых им производственных задач...*

Тов. Ленин, в подкрепление именно этой части тезисов Рудзутака, дал яркую и отчетливую формулировку роли профессиональных союзов в период диктатуры пролетариата, и, больше того, эта формулировка целиком подтверждает резолюцию V Всероссийской конференции профессиональных союзов. Тов. Ленин сказал: «С одной стороны, поголовно охватывая, включая в ряды организации индустриальных рабочих, профсоюзы являются организацией правящего, господствующего, правительствующего класса, того класса, который осуществляет диктатуру, того класса, который осуществляет государственное принуждение. *Но это не есть организация государственная, это не есть организация принуждения, это есть организация воспитательная, организация вовлечения, обучения, это есть школа, школа управления, школа*

хозяйничания, школа коммунизма. Это совсем необычайного типа школа, ибо мы имеем дело не с преподавателями и учениками, а мы имеем дело с некоторым чрезвычайно своеобразным сочетанием того, что выдвигают из своей среды революционно-передовые отряды, так сказать, революционный авангард пролетариата. Говорить о роли профсоюзов, не учитывая этих истин, значит — неизбежно притти к ряду неправильностей». Этим немногим т. Ленин разрешил вопрос об огосударствлении профессиональных союзов и четко определил роль союзов не только в производстве, но и в организации и воспитании масс.

Но в резолюции V конференции по докладу тов. Рудзутака был также правильно поставлен вопрос, что *без натурального премирования,* без увязки снабжения рабочих продовольствием, заработной платы с высотой производительности труда и производства трудно будет разрешить поставленную перед профессиональными и хозяйственными организациями задачу. Поднять производительность труда пересмотром норм выработки, борьбой с прогулами, опозданиями, разгильдяйством, путем *дисциплинарных судов* как средством борьбы с нарушением пролетарской трудовой дисциплины,—вот задача, которая практически стояла перед профессиональными союзами. Опыт показал, что постановка этой задачи и ее разрешение гораздо ценнее всяких разговоров о «сращивании», о «перетряхивании» и пр. «прожектах». Именно эти практические вопросы и их разрешение профессиональными союзами толкнули в дальнейшем производительность труда и производства.

Но принятие V конференцией тезисов Рудзутака дискуссии не приостановило, наоборот, последняя после конференции усилилась в несколько раз, вошла во второй период развития с появлением «чернового наброска» тезисов т. Троцкого: «Профсоюзы и их дальнейшая роль».

В чем же заключалась позиция т. Троцкого в вопросе о профессиональных союзах и их дальнейшей роли? Она заключалась в том, что тов. Троцкий утверждал, что якобы профсоюзы переживают «тягчайший кризис». В действительности же профессиональные союзы не только не переживали «тягчайшего кризиса», но не было даже самого обыкновенного кризиса; наоборот, X с'езд нашей партии констатировал *рост* союзов, не распад, а укрепление после неслыханного обескровления в результате участия в гражданской войне. Причину этого «кризиса» тов. Троцкий находил в том, что роль союзов в производстве стала неопределенной, двойственной, что аппараты професс. союзов не в состоянии охватывать те задачи, которые перед нами встают, что работники профессионального движения не понимают или не хотят понять производственное значение професс. союзов. И сделал вывод, что союзы нужно «перетряхнуть». А чтобы не было неопределенности и двойственности положения и роли профсоюза в производстве, нужно «сращивание» професс. союзов с хозорганами.

Но ошибка тов. Троцкого заключалась не только в этом, не только в «перетряхивании» и «сращивании», а в другом, более серьезном, на что тогда же обратил внимание тов. Ленин, по мнению которого тов. Троцкий

впал в ряд ошибок, связанных с самой сутью вопроса о диктатуре пролетариата.

Тов. Троцкий так определял понятие профессионального союза в эпоху диктатуры пролетариата: «*Профессиональный союз есть организация, охватывающая рабочих данной отрасли хозяйства в целях наиболее правильного и успешного обслуживания интересов самого производства и в целях одновременного повышения материального и духовного уровня самих рабочих*». Тов. Ленин рассматривал роль и значение профессиональных союзов гораздо шире; громадное значение союзов он видел в том, что они «создают связь авангарда с массами, повседневной работой убеждают массы, массы того класса, который один только в состоянии перевести нас от капитализма к коммунизму. С другой стороны, профсоюзы — «резервуар» государственной власти. Вот что такое профсоюзы в период перехода от капитализма к коммунизму».

И таким образом, спор шел не только о производственной роли профессиональных союзов, а о связи с массой и овладении массой. Тов. Ленин именно в этом и видел основное значение профессиональных союзов в эпоху диктатуры пролетариата. «*В этом,*—говорил он,—*как раз своеобразие профсоюзов как учреждения, при капитализме созданного, при переходе от капитализма к коммунизму неизбежного, в дальнейшем будущем стоящего под знаком вопроса*», — но чтобы некоторые не сделали вывода, что союзы не нужны, что их нужно разогнать, добавил: «Это — далекое будущее, когда профсоюзы встанут под знак вопроса, — внуки наши о нем поговорят».

Нужно также не забывать, что дискуссия о профессиональных союзах происходила накануне перехода к новой экономической политике и что, несомненно, тогда уже т. Ленин намечал основные вехи этой политики, и что это не могло не сказаться на его отношении к професс. союзам как к школе коммунизма, как к приводному ремню, соединяющему авангард с классом, как к организациям воспитания, вовлечения, обучения широких рабочих масс в деле социалистического строительства. Тов. Ленин, анализируя момент, когда происходила дискуссия, так его характеризовал: «*Мы переживаем переходный период в переходном периоде*»... «*отношение пролетариата к крестьянству изменяется*». Людям, которые помнят то время, — этими словами все сказано. Отступление уже намечалось, становилось ясным, что пролетариат не только через профессиональные организации, но и через весь советский аппарат не в состоянии в такой мере, как это вначале наметилось, овладеть производством и распределением продуктов, — нужны были уступки крестьянству. Уже становилось ясным для тов. Ленина, что задачи союзов должны измениться в сторону защиты интересов рабочих. Если для тов. Троцкого непонятным казалось, «зачем защищать, от кого защищать рабочий класс, так как буржуазии нет, так как государство рабочее», т. е. у него выходило, что «защита материальных и духовных интересов рабочего класса не есть роль профсоюза в рабочем государстве», то тов. Ленин в ответ на это говорил, что это не совсем так, что и в рабочем государстве рабочему есть от кого и от чего себя защищать и что, следовательно, в задачи профессиональных

союзов входит также защита материальных и духовных нужд рабочего класса, даже и в рабочем государстве. Следующая эпоха новой экономической политики целиком это подтвердила.

Практическая же постановка вопроса т. Троцким сводилась к тому, что *он прежде всего настаивал «на перетряхивании» профессиональных союзов.* Не видя никаких дальнейших перспектив у профессиональных союзов, кроме производственных, т. Троцкий настаивал, чтобы в более или менее близком будущем «слить хозяйственные органы с союзными так, чтобы союз охватывал всех без исключения работников, участвующих в данной отрасли промышленности и чтобы административно-хозяйственный аппарат являлся не чем иным, как производственным, т. е. важнейшим органом союза». Но для того, чтобы овладеть производством, нужно — говорил т. Троцкий — сделать союзы способными им овладеть, а отсюда основная линия во всей дискуссии — это «*перетряхивание*» профессиональных союзов...

В борьбе за осуществление своих принципов, своих методов работы т. Троцкий прежде всего считал необходимым повести борьбу против аппарата проф. союза, «перетряхнуть» этот аппарат, посадить таких людей, которые бы взялись сращивать профессиональные союзы с хозяйственными организациями. Тов. Троцкий понимал, что ленинскому руководящему составу профессиональных работников он своих принципов и методов работы навязать не сможет; ему, следовательно, было нужно в первую очередь овладеть аппаратом, — он с этого и пытался начать. Пример с Цектраном оказался заразительным. Там, действительно, было нечто похожее на перетряхивание и сращивание. Тезисы, принятые Цектраном о низших органах союза, гласили: «для разрешения этой основной задачи — действительное участие союза в деле организации производства — необходимо теперь же, на ряду с вовлечением широких масс и хозяйственного перевоспитания их при помощи хозяйственной пропаганды и проч., приблизить низшие органы союза к административно-хозяйственному аппарату, постепенно связывая их *путем об'единения союзных и административных функций в лице одних и тех же работников*». А отсюда сделали практический вывод — *передали функции профуполномоченных — комиссарам.* Само собой разумеется, кроме каши от этого ничего не получилось. Бюрократизм и военные методы работы с ничем не оправдываемыми перебросками работников были характерны для Цектрана. И правильно резолюция X с'езда коммунистической партии подчеркнула, что Цектран начал вырождаться в орган, «оторванный от союзной массы, противопоставляющий себя общесоюзной организации и все более заменяющий методы нормальной демократии в союзе методами бюрократическими». Этот неправильный, но для многих заразительный пример Цектрана оказался очень ценным примером для всего русского профессионального движения, чтобы именно благодаря этому примеру не делать тех ошибок, которые принципиально делал т. Троцкий, а практически Цектран.

Не менее решительно, чем «перетряхивание», был поставлен вопрос о «сращивании» союзных органов с хозяйственными... Если согласиться с т. Троцким «о сращивании», то, естественно, нужно было бы согласиться и об

ускорении огосударствления профессиональных союзов. Но дело в том, что перед союзами стояли не только производственные задачи, но задачи воспитания, обучения, «школы управления, школы хозяйничания, школы коммунизма», «приводного ремня», соединяющего партию с рабочим классом. И именно поэтому нельзя было форсировать огосударствление профессиональных союзов, имея в виду и то, что уже в своей практической работе профессиональные союзы во многом выполняли функции государственных органов...

Прав был т. Ленин, который по вопросу о «сращивании» сказал: «самое правильное было бы в настоящее время относительно «сращивания» помолчать». И когда т. Троцкий предлагал от половины до двух третей как хозяйственных, так и профессиональных работников включать в состав хозяйственных и профессиональных организаций, то, естественно, вставал вопрос— почему от половины до двух третей? И т. Ленин на это очень метко отвечал: «просто так себе, на глаз». И дальше убийственно заключал: «единственная умная тактика по вопросу о «сращивании» — это: помолчи». Действительно, подобное перемещение функций лучшего бы не принесло. Ставить вопрос так, значит заранее признавать, что наши хозяйственные органы совершенно обанкротились и неспособны дальше вести самостоятельно управление народным хозяйством.

Но если т. Троцкий настаивал на «сращивании» союзных и хозяйственных органов, то Шляпников и группа «рабочей оппозиции» шли гораздо дальше, —в своих тезисах пытались превратить профессиональные союзы в руководящие хозяйственные организации, со всей вытекающей из этого решения ответственностью. Группа «рабочей оппозиции» пыталась «осоюзить» рабочее государство, и тем самым, естественно, впадала в синдикализм. Уцепившись за 5 пункт программы РКП, где сказано, что «профессиональные союзы должны притти к фактическому сосредоточению в своих руках всего управления всем народным хозяйством как единым хозяйственным целым», группа «рабочей оппозиции» предлагала: ни одно лицо не должно быть назначено на административно-хозяйственные посты помимо союза, и больше того, все выдвигаемые союзом кандидаты не могут быть отводимы и должны считаться обязательными для хозяйственных органов. Все же поставленные или же выдвинутые союзами работники являются ответственными перед союзами и могут быть отозваны ими во всякое время. То, что было отвергнуто практикой профессиональных союзов, то теперь выдвигалось группой «рабочей оппозиции» как основное положение в деле взаимоотношений союзных и хозяйственных органов. Действительно, опыт профессиональных союзов показал, что нельзя руководить никакой хозяйственной организацией, когда на фабрике, заводе, тресте создается двоевластие, когда каждый работник отвечает не только перед хозяйственным органом, но и перед союзом. Нельзя руководить хозяйственным органом, если тот или иной работник предлагается союзной организацией и считается обязательным, каков бы он ни был, а также нельзя руководить хозорганом, если любой работник

может отводиться союзом — нужен ли он и ценен ли хозяйственному органу.

Но группа «рабочей оппозиции» не останавливалась только на этом, — она предлагала передать управление хозяйством професс. союзам целиком, т. е. передать управление хозяйством массе беспартийных рабочих. Такая постановка вопроса была явно не коммунистическая, а синдикалистская, когда коммунизм (где авангард пролетариата—коммунистическая партия руководит беспартийной массой и через хозяйственные органы руководит народным хозяйством) подменялся синдикализмом, когда сама необходимость в руководстве партии ставилась под сомнение, когда хозяйство передавалось руководству массы беспартийных рабочих, через профсоюзы.

В своих предложениях группа «рабочей оппозиции» дает развернутую форму рабочей демократии, когда предлагает всем «организованным производителям», т. е. включая сюда не только рабочих, но и служащих и технический персонал, участвовать в выборах всех органов управления народным хозяйством как в центре, так и на местах, а организацию управления всем народным хозяйством передает Всероссийскому С'езду производителей. Из этого видно, что партия как авангард рабочего класса отбрасывается от руководства народным хозяйством и отдельными хозяйственными единицами, т. е. перед нами встает ярко выраженная синдикалистская точка зрения по вопросу не только о взаимоотношении професс. союзов и государства, но и профсоюзов и партии. Если программа РКП и говорила о том, что профессиональные союзы *должны притти, то* это не означало, что они уже пришли к фактическому сосредоточению в своих руках управления народным хозяйством. Нельзя было вырвать одну фразу из программы РКП без всякой связи с тем, что говорилось дальше, а дальше говорилось об *участии* професс. союзов в ведении хозяйства, а не о фактическом сосредоточении всей полноты власти в организации народного хозяйства, где говорилось *о связи* между государственным управлением и професс. союзами, понимая под последними организованные массы рабочих и служащих. Вполне достаточно будет ограничиться только этими основными точками зрения, т. е. т. Троцкого и группы «рабочей оппозиции». Все же другие группы и группочки только цеплялись за професс. союзы, на самом же деле отражали различные оттенки по вопросу о «производственной демократии» и другим вопросам X партийного с'езда.

Но если дискуссия о професс. союзах «трепала лихорадкой» всю партию, то под влиянием политических событий на X с'езде партии вопрос о профессиональных союзах прошел сравнительно вяло. С'езд проходил во время Кронштадтских событий и в тот именно момент, когда мысль т. Ленина работала уже совершенно в другом направлении, когда стоял вопрос о замене разверстки налогом, когда мы вступали одной ногой в новый период диктатуры пролетариата, т. е. вступали в период новой экономической политики. X с'езд РКП принял резолюцию, предложенную группой «10-ти», т. е. т. Лениным, Зиновьевым, Томским и другими. С'езд констатировал, что професс. союзы нужны не только как организаторы народного хозяйства, но и как школы коммунизма, где методы принуждения заменяются методами убежде-

ния. С'езд партии, как бы подтверждая резолюцию V Всероссийской конференции професс. союзов, настойчиво подчеркнул необходимость работать професс. союзам по поднятию производительности труда и производства, для чего было предложено поднять работу по производственной пропаганде и организации дисциплинарных судов. С'езд также в связи с новым подходом к крестьянству обратил внимание союзов на их работу в деревне с тем, чтобы через профессиональные союзы городской пролетариат мог организационно и идейно влиять на трудящиеся массы деревни.

На IV Всероссийском с'езде профессиональных союзов, который происходил всего лишь через два месяца после партийного с'езда, вопросы, поднятые во время дискуссии, отпали. На с'езде говорилось уже о другом, делалась попытка определить задачи профессиональных союзов в новых условиях начала новой экономической политики. Основные факторы, повлиявшие на задачи профессиональных союзов, сводились к тому, что была кончена война, изменена политика к крестьянству, а также произошел прорыв экономической блокады, т. е. начиналась торговля с западно-европейскими державами. IV Всероссийский с'езд профессиональных союзов определил задачи союзов следующим образом: «Переживаемый Советской Россией своеобразный хозяйственный период еще раз доказывает и подтверждает ошибочность идей «независимости», *так равно и немедленного огосударствления профсоюзов.* Имея в своих руках аппарат государственного регулирования заработной платы, условий охраны труда и снабжения рабочих, професс. союзы являются мощным базисом диктатуры пролетариата и органами экономической самодеятельности широких пролетарских масс в общегосударственном масштабе. В то же время они могут легко выполнить роль боевых организаций для защиты экономических интересов наемных рабочих в частно-владельческих предприятиях.

3. Начало Нэп'а и изменения в профдвижении.

а) От военного коммунизма к НЭПУ.

(Н. Ленин—„Новая экон. политика", стр. 41—60, изд. 1924 г.).

Гражданская война 1918—1920 годов чрезвычайно усилила разорение страны, задержала восстановление производительных сил ее, обескровила больше всего именно пролетариат. К этому прибавился неурожай 1920 года, бескормица, падеж скота, что еще сильнее задержало восстановление транспорта и промышленности, отразившись, например, на подвозе крестьянскими лошадьми дров — нашего главного топлива.

В итоге политическая обстановка к весне 1921 года сложилась так, что немедленные, самые решительные, самые экстренные меры для улучшения положения крестьянства и под'ема его производительных сил стали неотложно необходимы... Сделать это нельзя без серьезных изменений продовольственной политики. Таковым изменением явилась замена разверстки продналогом,

связанная со свободой торговли после уплаты налога, по крайней мере, в местном хозяйственном обороте.

В чем сущность замены разверстки продналогом?

Продналог есть одна из форм перехода от своеобразного «военного коммунизма», вынужденного крайней нуждой, разорением и войной, к правильному социалистическому продуктообмену. А этот последний, в свою очередь, есть одна из форм перехода от социализма с особенностями, вызванными преобладанием мелкого крестьянства в населении, к коммунизму.

Своеобразный «военный коммунизм» состоял в том, что мы фактически брали от крестьян все излишки и даже иногда не излишки, а часть необходимого для крестьянина продовольствия, брали для покрытия расходов на армию и на содержание рабочих. Брали большей частью в долг, за бумажные деньги. Иначе победить помещиков и капиталистов в разоренной мелко-крестьянской стране мы не могли. И тот факт, что мы победили (вопреки поддержке наших эксплоататоров могущественнейшими державами мира), показывает не только, на какие чудеса героизма способны рабочие и крестьяне в борьбе за свое освобождение. Этот факт показывает также, какую роль лакеев буржуазии играли на деле меньшевики, эс-эры, Каутский и К°, когда они ставили нам в *вину* этот «военный коммунизм». Его надо поставить нам в заслугу.

Но не менее необходимо знать настоящую меру этой заслуги. «Военный коммунизм» был вынужден войной и разорением. Он не был и не мог быть отвечающей хозяйственным задачам пролетариата политикой. *Он был временной мерой.* Правильной политикой пролетариата, осуществляющего свою диктатуру в мелко-крестьянской стране, является обмен хлеба на продукты промышленности, необходимые крестьянину. Только такая продовольственная политика отвечает задачам пролетариата, только она способна укрепить основы социализма и привести к его полной победе.

Продналог есть переход к ней. Мы все еще так разорены, так придавлены гнетом войны (бывшей вчера и могущей вспыхнуть благодаря алчности и злобе капиталистов завтра), что не можем дать крестьянину за *весь* нужный нам хлеб продукты промышленности. Зная это, мы вводим продналог, т. е. минимально необходимое (для армии и для рабочих) количество хлеба берем как налог, а остальное будем обменивать на продукты промышленности.

При этом надо еще не забывать следующее. Нужда и разорение таковы, что восстановить *сразу* крупное фабричное, государственное, социалистическое производство мы не можем. Для этого нужны крупные запасы хлеба и топлива в центрах крупной промышленности, нужна замена изношенных машин новыми и т. п. Мы на опыте убедились, что этого нельзя сделать сразу, и мы знаем, что после разорительной империалистской войны даже самые богатые и передовые страны лишь в течение известного, довольно долгого, ряда лет смогут решить такую задачу. Значит, необходимо в известной мере помогать восстановлению *мелкой* промышленности, которая не требует машин, не требует ни государственных, ни крупных запасов сырья, топлива.

продовольствия,—которая может немедленно оказать известную помощь крестьянскому хозяйству и поднять его производительные силы.

Что же из этого получается?

Получается на основе известной (хотя бы только местной) свободы торговли возрождение мелкой буржуазии и капитализма. Это несомненно. Закрывать глаза на это смешно.

Спрашивается, необходимо ли это? Можно ли оправдать это? Не опасно ли это?

Вопросов подобного рода задается много, и в большинстве случаев они обнаруживают только наивность (выражаясь мягко) задающего такие вопросы.

Взгляните на то, как я в мае 1918 года определял наличные в нашей экономике элементы (составные части) разных общественно-экономических укладов [1]). Оспорить то, что налицо имеются все эти пять ступеней или составные части всех этих пяти укладов, от патриархального, т. е. полудикого, до социалистического, никому не удастся. Что в мелко-крестьянской стране преобладает «уклад» мелко-крестьянский, т. е. частью патриархальный, частью мелко-буржуазный, это само собой очевидно. Развитие мелкого хозяйства есть развитие мелко-буржуазное, есть развитие капиталистическое, есть развитие обмена: это бесспорная истина, азбучная истина политической экономии, подтверждаемая к тому же повседневным опытом и наблюдением даже обывательским.

Какую же политику может повести социалистический пролетариат перед лицом такой экономической действительности? Дать мелкому крестьянину *все* потребные ему продукты из производства крупной социалистической фабрики в обмен на хлеб и сырье. Это была самая желательная, самая «правильная» политика, — мы ее и начали...

Возможно ли сочетание, соединение, совмещение советского государства, диктатуры пролетариата с государственным капитализмом?

Конечно, возможно. Это я и доказывал в мае 1918 г. Это я, надеюсь, и доказал в мае 1918 года. Мало того: я доказал тогда же, что государственный капитализм есть шаг вперед по сравнению с мелко-собственнической (и мелко-патриархальной и мелко-буржуазной) стихией. Тьму ошибок делают, сопоставляя или сравнивая государственный капитализм только с социализмом, тогда как в данной политико-экономической обстановке обязательно сравнивать государственный капитализм и с мелко-буржуазным производством.

Капитализм есть зло по отношению к социализму. Капитализм есть благо по отношению к средневековью, по отношению к мелкому производству, по отношению к связанному с распыленностью мелких производителей бюрократизму... Каковы *экономические корни бюрократизма?* Главным образом, эти корни двоякие: с одной стороны, развитая буржуазия именно

[1]) Элементы патриархального хозяйства, мелко-товарного производства, частнохозяйственного капитализма, государственного капитализма и социализма.—Э. Г.

против революционного движения рабочих (частью и крестьяне) нуждается в бюрократическом аппарате, в первую голову военном, затем судейском и т. д. Этого у нас нет. Суды у нас классовые, против буржуазии. Армия у нас классовая, против буржуазии. Бюрократизм не в армии, а в обслуживающих ее учреждениях. У нас другой экономический корень бюрократизма: раздробленность, распыленность мелкого производителя, его нищета, некультурность, бездорожье, неграмотность, отсутствие *оборота* между земледелием и промышленностью, отсутствие связи и взаимодействия между ними. В громадной степени это — результат гражданской войны. Когда нас блокировали, осадили со всех сторон, отрезали от всякого мира, затем от хлебного юга, от Сибири, от угля, мы не могли восстанавливать промышленность. Мы должны были не остановиться перед «военным коммунизмом», не испугаться самой отчаянной крайности: вытерпим полуголодное и хуже чем полуголодное существование, но отстоим, во что бы то ни стало, несмотря на самое неслыханное разорение и отсутствие оборота, отстоим рабоче-крестьянскую власть. И мы не дали себя запугать тем, чем запуганы были эс-эры и меньшевики (шедшие фактически за буржуазию в большой мере из страха, из запуганности). Но то, что было условием победы в блокированной стране, в осажденной крепости, обнаружило свою отрицательную сторону к весне 1921 года, когда были окончательно выгнаны последние белогвардейские войска с территории Р.С.Ф.С.Р. «Запереть» всякий оборот в осажденной крепости можно и должно; при особом героизме масс это можно перенести три года. После этого разорение мелкого производителя еще усилилось. Восстановление крупной промышленности еще оттянулось, отсрочилось. *Бюрократизм, как наследие «осады», как надстройка над распыленностью и придавленностью мелкого производителя, обнаружил себя вполне.*

Надо уметь признать зло безбоязненно, чтобы тверже повести борьбу с ним, чтобы начать еще и еще раз сначала, — нам придется много еще раз, во всех областях нашего строительства начинать повторно сначала, исправляя недоделанное, выбирая разные пути подхода к задаче. Обнаружилась отсрочка восстановления крупной промышленности, обнаружилась невыносимость «запертого» оборота промышленности с земледелием, — значит, надо налечь на более доступное: восстановление мелкой промышленности. Помочь делу с этой стороны, подпереть этот блок полуразваленного войной и блокадой строения. Всячески и во что бы то ни стало развить оборот, не боясь капитализма, ибо рамки для него поставлены у нас (экспроприацией помещиков и буржуазии в экономике, рабоче-крестьянской властью в политике) достаточно узкие, достаточно «умеренные». Такова основная мысль продналога, таково его экономическое значение...

Основные черты нашей экономики в 1921 г. те же самые, какие были в 1918 г. Весна 1921 года принесла — главным образом, в силу неурожая и падежа скота — крайнее обострение в положении крестьянства, и без того чрезвычайно тяжелом вследствие войны и блокады. Результатом обострения явились политические колебания, составляющие, вообще говоря, самое «на-

туру» мелкого производителя. Самым ярким выражением этих колебаний был Кронштадтский мятеж.

...Распыленного мелкого производителя, крестьянина, об'единяет экономически и *политически* либо буржуазия (так бывало всегда при капитализме во всех странах, во всех революциях нового времени, так будет всегда при капитализме), либо пролетариат (так бывало в зачаточной форме при высшем развитии некоторых из самых великих революций в новой истории на самое короткое время, так было в России в 1917—1921 годах в более развитой форме). О «третьем» пути, о «третьей силе» могут болтать и мечтать только самовлюбленные Нарциссы...

Массе рабочих и крестьян нужно немедленное улучшение их положения. Поставив на полезную работу новые силы, в том числе беспартийных, мы этого достигнем. Продналог и ряд связанных с ним мероприятий этому помогут. Экономический корень неизбежных колебаний мелкого производителя мы этим подрежем. А с политическими колебаниями, полезными только Милюкову, мы будем бороться беспощадно. Колеблющихся много. Нас мало. Колеблющиеся раз'единены. Мы об'единены. Колеблющиеся экономически не самостоятельны. Пролетариат экономически самостоятелен. Колеблющиеся не знают, чего они хотят: и хочется, и колется, и Милюков не велит. А мы знаем, чего мы хотим.

И потому мы победим.

б) Влияние НЭП'а на тарифную политику союзов.

(А. Андреев — „Профсоюзы за 4 года", см. „Вестник Труда" № 10—11 за 1921 г. стр. 12—14).

Новая экономическая политика, которая резко меняла отношение города к деревне, отказ государства от монопольного права на все излишки деревни требовали со своей стороны резких изменений в тарифной политике. Отражением общих условий, очерченных выше, и нового курса следует считать апрельские декреты о неограниченной сдельщине, натурпремировании из изделий собственного производства и установлении обменного фонда. Наличие свободного рынка на ряду с крайней скудностью продовольственных фондов государства вызывали эти меры в целях усиления покупательной способности рабочего.

Декреты эти должны были сверх того стимулировать производительность труда.

Неограниченная сдельщина, будучи принципиально правильной и рациональной системой, не могла, однако, дать положительных результатов в условиях крайнего несоответствия размеров оплаты минимальным потребностям. На местах эта мера выродилась в систематическое повышение оплаты за счет снижения нормы выработки, что нанесло удар нормированию труда, к этому моменту уже серьезно поставленному союзами. Давление на норму вместе с тем привело к крайней пестроте оплаты труда. Однако, неограни-

ченная сдельщина вместе с натурпремированием изделиями собственного производства давали временный выход и сыграли крупную роль в деле сохранения рабочей силы.

Созванный в весьма тяжелый период 4-й с'езд не мог дать единого реального решения проблемы заработной платы. До нового продовольственного года всякие радикальные построения не ушли бы дальше неосуществимых деклараций. Вот почему 4-й с'езд и ВЦСПС в дальнейшей работе проявил крайнюю осторожность. Не претендуя на универсальное немедленное решение всей проблемы заработной платы, 4-й с'езд и последовавший позже наказ ВЦСПС опираются в своей работе на местные союзные органы, намечая в виде директив для их работы ряд систем. Все они, в применении ко всей пестроте нашей экономической жизни, должны были служить сохранению нашей крупной промышленности. Намеченные в виде опыта 4-м С'ездом формы коллективной оплаты нашли широкое распространение. Последние внесли и новое содержание в тарифную работу союзов. Если до сих пор основной задачей было регулирование индивидуального заработка рабочего, и на основе этого регулирования союзы стремились к правильной организации труда и поднятию производительности, то теперь направление работы получило значительный корректив в виде установления правильного расчета государства с предприятием в зависимости от выработки последнего; таким образом, тарифная система здесь сливается с системой рационального расчетливого хозяйственного ведения предприятий. На ряду с этим в сознании укрепляется необходимость создания твердого государственного фонда заработной платы, и часть его, в виде продовольственного фонда, мы имеем закрепленным постановлением Совета Труда и Обороны о государственном плане снабжения.

Развитию этих идей и разработке практических методов их проведения была посвящена 2-я Всероссийская Тарифная Конференция.

Самым острым вопросом на 2-й Тарифной Конференции был вопрос о реальных фондах заработной платы. Конференция резко отмежевалась от уравнительности и установила, что тарифный разряд теперь является только примерным. В пределах соответствующих квалификационных групп администрация предприятия может повышать разряд отдельных работников.

В области распределения фондов между предприятиями конференция узаконила бюджетно-сдельную систему заработной платы, т. е. выдачу предприятию фонда с единицы выпускаемых последним изделий.

Большие и серьезные споры вызвал вопрос о распределении заработной платы внутри предприятия.

Конференция признала, что обеспечение заработной платой всех потребностей работника и его семьи может иметь место только при максимуме трудовых результатов.

Лучшим видом индивидуального поощрения признана прямая сдельная расценка без всякого ограничения приработка. В связи с этим конференция вновь подчеркнула всю важность установления действительно максимальных норм выработки.

В отношении индустриальных союзов конференция отказалась от премиальных надбавок и установила, что работник получает гарантированную индивидуальную заработную плату за точное выполнение обязанностей.

Следует отметить еще один вид поощрения, принятый на конференции после долгих и бурных дебатов в двух секциях и пленуме, — тантьему. Участие в прибылях допущено для всех рабочих и служащих государственных индустриальных предприятий.

Удачно разрешен конференцией вопрос о регулировании труда в негосударственных предприятиях.

Конференция признала, что нельзя допустить низкой заработной платы; поскольку частная инициатива имеет все шансы сейчас на извлечение весьма солидной прибыли, необходимо добиться такого уровня оплаты, который вполне соответствовал бы положению пролетариата как правящего класса.

Наиболее правильным решением вопроса является восстановление коллективных договоров союзов с предпринимателями. Это и принято конференцией...

В частных предприятиях узаконивается система паритета; тарифная комиссия создается там из равного числа преставителей и администрации, и рабочих. Все вопросы, по которым стороны ТНК не пришли к соглашению, переносятся в союз. Союзы не должны выпускать из своих рук дела регулирования условий труда и заработной платы в частных предприятиях.

в) Неясность в организационном строительстве.

(А. Андреев—«Проф. союзы России в 1921—22 г.г.»—см. отчет ВЦСПС с мая 1921 г. по апрель 1922 г., стр. XIII—XIV.

Осуществление организационного строительства в русском профессиональном движении за период с IV с'езда по настоящий момент можно, как и всю основную работу союзов, подразделить на два основных периода: организационная политика до второго Пленума и после.

С IV-го с'езда профсоюзы вышли с линии концентрации своей работы вокруг межсоюзных об'единений, идя в направлении к такому об'единению и концентрации, которое бы привело к единому союзу. Такая линия была совершенно ясно продиктована теми об'ективными формами хозяйственного строительства, которые у нас в Республике осуществлялись в период IV с'езда профсоюзов. Эта директива концентрации союзной работы и легла в основу организационной политики Всероссийского Центрального Совета Профсоюзов на весь первый период и была руководящей основой в этом вопросе также и для всего профдвижения. Под углом этой организационной линии и проходила вся работа до того момента, пока экономика страны не сделала своего пути до определенных пределов. IV С'езд профсоюзов не мог предусмотреть, как и во всей нашей экономике нельзя было заранее предположить, что по такому-то раз определенно намеченному плану пойдет дальнейшее развитие новой экономической политики. Она складывалась по-

степенно, и вовсе не по заранее продуманному плану. Каждый ее изгиб выявлял наиболее целесообразные формы. Получив от IV с'езда такую директиву, — профессиональное движение осознало совершенно ясно через некоторое время, что решительное осуществление намеченной на IV с'езде организационной линии в намечающихся новых хозяйственных условиях нанесло бы только вред профессиональному движению, и не больше. Поэтому всякое форсирование концентрации союзной работы вокруг межсоюзных об'единений могло встречать со стороны руководящих органов профдвижения только решительный отпор. Не форсируй! Таково было основное правило, которым руководствовался ВЦСПС в осуществлении политики организационного строительства. Прямо не отменяя директивы IV с'езда, ВЦСПС должен был учитывать, что курс на единый союз в настоящих условиях осуществить нельзя. Поэтому, когда некоторые Губпрофсоветы, недостаточно учитывавшие об'ективные хозяйственные условия в связи с новой экономической политикой, а также и подгоняемые финансово-материальной нуждой, вступали на путь ликвидации местных отделов производственных союзов, то они встречались с отпором, который давался со стороны ВЦСПС. Даже первый Пленум ВЦСПС, состоявшийся в октябре, еще недостаточно учел новую обстановку, созданную новой экономической политикой, и остался при выработке организационной резолюции на основе IV с'езда.

4. Новый курс профполитики.

Изменение задач профсоюзов [1]).

Задачи профессиональных союзов, как и всех рабочих организаций, определяются в каждый данный момент теми об'ективными экономическими условиями, в которых живут и развиваются данные организации. Если, руководствуясь этим положением, мы подойдем к вопросу о задачах союзов в современный момент, в постановке новой экономической политики, проводимой Советской властью, то мы увидим, что эта обстановка во многом разнится от предыдущего хозяйственного периода, — не только в отношении общего направления данной политики, но и в отношении тех взаимоотношений, какие складываются между отдельными хозяйственными единицами...

Перемена хозяйственной политики, самый факт перехода от политики концентрации всех средств производства, всех хозяйственных единиц, порой весьма мелких, в руках государства, — к политике сосредоточения лишь важнейших отраслей промышленности является крупным фактором в отношении общественной экономики. Не менее важным фактором, в отношении непосредственного действия на общее направление деятельности профсоюзов, является вытекающий из первого *принцип хозяйственного расчета,* вводимый Советской властью во все отрасли хозяйственной деятельности. Из этих

---

[1]) М. Томский — „Профессиональные союзы на новых путях", стр. 13—18, изд. 1922 г.

посылок вытекают последующие и весьма важные следствия, из которых первым является передача части промышленных предприятий, на условиях аренды, частным предпринимателям,—и тем самым появление перед союзом знакомой фигуры частного предпринимателя-капиталиста. Вторым следствием является вытекающая из принципа хозяйственного расчета необходимость постановки государственных промышленных предприятий на коммерческие рельсы, управления и руководства ими исключительно под углом зрения коммерческого расчета, что означает управление предприятием на основе капиталистических методов. И, наконец, третье следствие: если раньше вся продукция каждого промышленного предприятия поступала в руки государства, то теперь лишь большая часть продукции должна поступить в руки государства, а некоторая, трудно определимая в данный момент, часть должна быть предоставлена в распоряжение управления предприятием или группы их—треста для реализации на частном рынке на наиболее выгодных для последних условиях. Если раньше отдельные предприятия и хозяйственные единицы могли вступать между собою в тот или иной обмен лишь через централизованные органы, главки, то теперь предоставление трестам права реализации известной части продукции ставит отдельные государственные хозяйственные единицы в непосредственное товарообменное отношение не только между собою, но и с вольным рынком. Самые взаимоотношения хозяйственных единиц между собой и даже и государством в целом в новой обстановке (хозяйственный расчет, твердый бюджет и т. д.) принимают *договорную* форму, подразумевающую существование сторон, а порой прямую конкуренцию.

Из этого положения вытекает с достаточной ясностью необходимость для профсоюзов изменить направление своей деятельности, соответственно изменившимся условиям. Уже один факт развития капиталистической промышленности,—правда, в пределах, допускаемых государством и под его контролем, — ставит перед професс. союзами вопрос о необходимости считаться с этим явлением. Но помимо этого вся сумма новых хозяйственных отношений, достаточно четко определившихся в настоящий момент, является не менее важным фактором, требующим пересмотра и изменения взаимоотношений между профессиональными союзами и хозяйственными органами и всей деятельности профсоюзов в целом. Сам по себе принцип коммерческого расчета требует строжайшей ответственности уполномоченных государством лиц, так как государство, предоставляя им свободную инициативу, в то же время налагает на управление промышленными комбинатами и отдельными предприятиями и большую ответственность, а это, в свою очередь, требует гибкости, предприимчивости, единства воли и осуществимо лишь при условии проведения единоначалия во всех органах хозяйственного управления сверху до низу.

Это приводит к необходимости пересмотра взаимоотношений между органами союзов и хозяйственными органами в деле управления промышленностью, отказа со стороны союзов не только от непосредственного вмешательства в ход производства, но и от принципа равной стороны, в деле на-

значения заводоуправлений и проч. органов управления промышленности. Профсоюзы должны уяснить себе, что равные права ведут к равной ответственности, ответственность же двух различных организаций в деле управления промышленностью на практике ведет к полной безответственности, что является абсурдом в обстановке развивающихся новых экономических отношений. Новые условия требуют сосредоточения внимания союзов на той важнейшей функции, которая являлась ранее главнейшей их задачей и, к сожалению, в процессе хозяйственной деятельности союзов была отодвинута на задний план. Эта задача — защита экономических интересов наемных рабочих не только в отношении частного предпринимателя, но и в отношении администрации государственных предприятий.

Не нужно закрывать глаза на то, что принцип безубыточности в данных условиях, осуществимый лишь на началах сосредоточения всей полноты хозяйственной власти в руках административно-хозяйственных органов, заставит их обратить внимание исключительно на выполнение этой задачи и неизбежно вызовет соревнование и конкуренцию со всеми иными хозяйственными предприятиями. Возлагать на заводоуправления при таких обстоятельствах задачу, чтобы их деятельность, распоряжения и отдельные конкретные мероприятия совпадали с экономическими интересами рабочих и вполне им соответствовали, значит расплываться в неосуществимом идеализме, ожидать от них того, что при всем желании они осуществить не могут. Несомненно, что те или иные мероприятия, установление производственной дисциплины и т. п. — будут иногда встречать оппозицию со стороны масс, порой справедливую, а порой и нет, создадут целый ряд противоречий между администрацией и рабочей массой, а это, при известных обстоятельствах, может привести к ряду мелких и крупных конфликтов, обострению отношений и эксцессам, могущим сорвать всю работу по восстановлению производительных сил Республики. Защиту и выявление экономических интересов наемных рабочих при таких обстоятельствах профессиональные союзы должны целиком взять на себя, и в этой области взаимоотношения между профсоюзами и хозяйственными органами (о частных предприятиях в данный момент мы не говорим, ибо то, как они сложатся там, понятно само собой) мыслимы лишь, как взаимоотношения договаривающихся сторон. Это требует от профессиональных союзов резкого перелома по всему фронту союзной деятельности, перестройки всего союзного аппарата, изменения методов деятельности, а в некоторых случаях и целого ряда изменений в организационной структуре союзов...

Союзы в тарифной работе [1]. Основное изменение роли профсоюзов требует целого ряда практических изменений по вопросам отдельных отраслей нашей работы. В условиях хозяйственного расчета и развивающегося рынка старая система государственного регулирования за-

---

[1]) М. Томский — „Профессиональные союзы на новых путях", стр. 21—24, 33—39, изд. 1922 г.

работной платы находится в вопиющем противоречии с общими условиями общественной экономики. Уже в настоящий момент профессиональные союзы достаточно остро чувствуют в этой области целый ряд накопившихся противоречий, с которыми приходится сталкиваться на практике повседневной работы. Допустимо ли принципиально такое положение, когда во имя государственного регулирования заработной платы, стройности системы и уравнения заработков профессиональный союз принужден устанавливать, даже на частных предприятиях, заработную плату не выше той, которая предопределена соответствующим разрядом тарифной сетки и положениями о премировании? Допустимо ли и содействует ли установлению тесных связей и авторитета союза среди масс,—а союз без массы есть ничего не значащая бюрократическая канцелярия, — такое положение, когда союз обязывает управление треста уплачивать рабочим не выше той суммы, которую назначает союз, хотя бы правление треста, исходя из наличия имеющихся в его распоряжении рессурсов и уровня производительности труда, считало не только возможным, но и полезным для предприятия платить на 50% выше?

В обстановке, определяемой военными условиями, политика государственного регулирования заработной платы в интересах уравнительности была правильна и необходима. Но она абсолютно неправильна и принципиально недопустима в данный момент. Рабочее государство и союзы не могут ставить предела заработной платы рабочих в частных предприятиях, ибо они единодушны в том, что недопустим какой бы то ни было государственный акт, ослабляющий рабочих частных предприятий, ухудшающий их положение. Из этого бесспорного положения неизбежно вытекает и второе— *правовое положение рабочих государственных предприятий должно быть не хуже рабочих частных предприятий.* Ясно, что политика урезывания заработной платы в данной обстановке ненормальна и отрывает союз от массы, ставит массу против союза, подрывает авторитет организации, необходимой в интересах пролетариата и революции для предстоящих (весьма возможно в недалеком будущем) схваток с частным капиталом.

В создавшихся условиях самым правильным путем нашей тарифной политики является переход к системе коллективных договоров между предпринимателем и заводоуправлением, с одной стороны, и союзом—с другой. При заключении коллективных договоров союзам следует решительно отказаться от опеки над заводоуправлениями, добиваясь при заключении коллективного договора улучшения материального и правового положения рабочих. Конечно, сама заработная плата должна быть определена на основании учета общего состояния народного хозяйства в данный момент, положения данной отрасли промышленности в общей системе нашего хозяйства, учета значения и рессурсов данного предприятия в системе данной отрасли промышленности. С другой стороны, хозяйственники должны твердо и точно осознать, что об интересах рабочих заботится союз, что их задача соблюдать интересы предприятия и интересы государства, что сам коллективный договор, подписанный обоими сторонами, является не клочком бумаги, а договором между

рабочими данного предприятия и данным хозяйственным органом, который подлежит точному выполнению обоими договаривающимися сторонами. Этот договор никоим образом не может быть изменен до срока его истечения в сторону ухудшения положения рабочих, для чего нужно лишь правильно подсчитать на ближайшие месяцы имеющиеся и возможные рессурсы предприятия. Хозяйственники-администраторы должны понять, что, при невозможности столковаться с союзом при заключении коллективного договора лучше отказаться от его подписания, лучше приостановить предприятие, чем подписать договор, не могущий быть выполненным и тем дезорганизовать предприятие, обострить отношения с рабочей массой и союзом. Сама система заключения коллективного договора, практикуемая в настоящий момент, когда представитель союза и представитель заводоуправления, с глазу на глаз, в тиши кабинета подписывают неведомый для рабочих коллективный договор, должна быть решительно отброшена. Заключение коллективного договора является крупным фактором в жизни рабочих данного предприятия и не может быть проведено без их непосредственного сознательного участия в этом акте. Союз должен раз'яснить, почему он выставляет своим требованием такую, а не иную норму заработной платы и почему считает возможным и необходимым пойти на те или иные уступки. При заключении коллективного договора производственным трестом сразу для целой группы предприятий необходимо привлекать уполномоченных от этих предприятий со стороны завкомов, или непосредственно избранных на общих собраниях рабочих. Таким образом, при проведении данной тарифной политики инициатива и вся сущность тарифной работы переносится на местные союзные организации. В задачу высших союзных органов в деле регулирования заработной платы входит участие в высших плановых государственных органах, определяющих общий фонд заработной платы, определение фонда заработной платы для отдельных отраслей промышленности, определение минимума заработной платы, ниже которой не может оплачиваться никакой наемный труд в Республике, выработка примерных коллективных договоров, главным образом в их правовой части, инструктирование низших союзных органов в отдельных частных тарифных вопросах и, главным образом, в вопросах нормировки, публикование квалификации, с установлением примерного отношения одной — к другой. Вся остальная работа, т. е. как раз работа тарификации передается союзным организациям, непосредственно заключающим коллективные договоры...

Одним из важнейших вопросов, вытекающих из нового курса професс. союзов, является вопрос о конфликтах и о методах их разрешения. Не поведет ли защита интересов рабочих со стороны профсоюзов к острому столкновению их с администрацией государственных предприятий, и допустимо ли *принципиально* признание стачек как формы борьбы даже на государственных предприятиях (вопрос о стачках на частных предприятиях, допустимости их и возможности, повидимому, не возбуждает ни в ком сомнения)...

Состоявшийся (16—19 февраля 1922 г.) Пленум ВЦСПС дал правильное принципиальное определение разницы между стачкой на частно-владельче-

ском и госпредприятии, указав: «В первом случае борьба идет против классовых врагов пролетариата, против попыток их путем экономического давления восстановить старые отношения между трудом и капиталом, попыток по существу явно контр-революционных.

Во втором случае — борьба может принять характер стачки лишь против администрации госпредприятия, т. е. приказчиков пролетариата, не усвоивших его политику, извращающих ее и тем самым дискредитирующих диктатуру пролетариата, т. е. вольно или невольно творящих контр-революционную политику. Попытки же превратить конфликты и стачки на госпредприятиях в борьбу против самого пролетарского государства следует рассматривать как выступление против своего класса в целом, т. е. равным образом как действие контр-революционное».

Следует ли отсюда, что мы считаем стачку недопустимой и невозможной мерой в разрешении конфликтов между частным и государственным капиталом, с одной стороны, и наемными рабочими—с другой? Стачки могут возникнуть и несомненно возникнут—как они часто возникают и теперь—при наличии двух условий: пассивности союза в отношении к тем экономическим вопросам, которые часто влияют на конфликт, который волнует рабочие массы, и в случае полной халатности, бюрократизма, а иногда и простого упрямства со стороны администрации предприятий. Отсюда задача союзов — найти такие методы разрешения конфликтов, которые бы гарантировали от применения стачки, делали бы стачку редким, исключительным и из ряда вон выходящим, но возможным случаем в общей системе разрешения конфликтов... Решающее слово в вопросах стачки должно быть оставлено за ЦК Союзов и ВЦСПС и регламентировано особыми инструкциями, при строжайшем проведении в этом вопросе союзной дисциплины. Это постановление должно гарантировать рабочий класс от легкомысленного применения стачки как метода борьбы за улучшение экономического положения рабочих и от использования ее со стороны враждебных пролетариату групп и партий как метода борьбы против диктатуры пролетариата.

Таково наше отношение к стачкам для данного периода. Возможно, что при развитии концессий, аренды и частновладельческих предприятий нам придется в ближайший период изменить наш взгляд на стачку и на всю тактику в вопросе о конфликтах под углом зрения более резких методов экономической борьбы с частным капиталом, но для этого потребуется наличность изменения об'ективной обстановки. Но во всяком случае вопрос о централизации в стачечной борьбе должен остаться не только неизменным, но, наоборот, должен итти именно по линии большей централизации.

Из перемены в направлении нашей тарифной политики в сторону перехода к коллективным договорам вытекает необходимость создания паритетных расценочных комиссий [1]) во всех предприятиях. Эти паритетные комиссии явятся первичной инстанцией, наблюдающей за выполнением и применением

---

[1]) **Постановлением пленума ВЦСПС они названы Конфликтно-Расценочными Комиссиями.**

коллективного договора обоими сторонами. От чуткости, внимательности к своим интересам и такта представителей обоих сторон в паритетной комиссии в значительной степени зависит предупреждение возможного столкновения интересов рабочих и администрации предприятий. Представительство от рабочих должно осуществляться фабричкомом. Что касается технико-нормировочных бюро, то таковые должны стать исключительно техническим органом заводоуправлений и организуются или ликвидируются по его усмотрению. Таким образом, разбивка по категориям, определение квалификации рабочих, установление норм выработки и расценок на сдельные работы должно явиться компетенцией исключительно конфликтно-расценочных комиссий.

Внимательность союза и крепкая связь с фабричкомом должна обеспечить такое положение дела, при котором, при первых же намеках на возможность возникновения конфликта, ответственный представитель союза немедленно является на предприятие и принимает меры к разрешению конфликта мирным путем... Лишь после того, как попытки столковаться на самом предприятии с администрацией не увенчались успехом — представитель союза, запротоколировав результаты переговоров, об'являет предприятие в состоянии конфликта между союзом и администрацией и, предложив рабочим от имени союза мирно продолжать работу, доводит до их сведения, какие вопросы остаются спорными и передаются на решение примирительной камеры... Если и здесь почему-либо соглашение не состоялось, стороны договариваются о кандидатуре суперарбитра и организуют *третейский суд*, решение которого по данному вопросу обязательно к выполнению.

Изменение методов профработы[1]).

Несомненно, что, помимо указанных изменений, одно из важнейших и существенных изменений должно быть проделано в организационной работе... Для того, чтобы профсоюзы сумели успешно выполнить стоящие перед ними задачи, требуется большая чуткость к настроениям об'единяемых ими масс, большее знание бытовых и повседневных условий их труда. Политика обезличения своеобразных особенностей и экономических интересов членов союза отдельных отраслей промышленности, входящих в союз, при данных условиях, очевидно, не пригодна. Для того, чтобы союз стал чутким, гибким органом, точно и быстро реагирующим на экономическое положение об'единяемых им членов, он должен быть, если так можно выразиться, более индивидуальным, понимая под этим точный учет данной конкретной обстановки, своеобразности условий труда об'единяемых им членов, их психики и настроений, вытекающих из этих условий. Отсюда вытекает целый ряд выводов, которые в большей или меньшей степени постепенно, но неуклонно должны быть осуществлены в практике организационной деятельности.

Общая линия организационного строительства профсоюзов на первом

---

[1]) М. Томский — „Профессиональные союзы на новых путях", стр. 40—45, изд. 1922 г.

этапе данного развития в отношении удовлетворения вышеуказанных потребностей должна выразиться в секционном строительстве. То отрицательное отношение и предубеждение против секций, которое до сих пор имело место в рядах профессиональных работников, должно быть изжито. Цеховые тенденции могут получить благоприятную почву для своего развития лишь в том случае, если в основу построения секции мы положим *профессию, цех, корпорацию.* Но мы попрежнему, оставаясь на платформе «одно предприятие—один союз», будем вести решительную борьбу против цеховщины, кладя в основу организации секции производственный принцип. Самим секциям придется предоставить несколько большую самостоятельность, чем это было до сих пор. Эта самостоятельность должна выразиться в оживлении деятельности секции как таковой: секционные собрания, конференции, отделы, специально посвященные жизни этой секции, в общесоюзной профессиональной газете или журнале и т. п., и предоставлении большей свободы в *организационном* и даже финансовом отношениях. Секции должно быть предоставлено право создания небольшого аппарата и делопроизводства, особой секционной печати и бланка, право добровольного дополнительного членского взноса и т. п.

Но с особой строгостью должен соблюдаться главный принцип единого централизованного союза — *недопустимость выступлений перед внешним миром* (особенно в области конфликтов) *и единство стачечного фонда.* В этом вопросе не должно быть никаких компромиссов. Существующие ныне взаимоотношения между отдельными профессиональными органами, исходя из этого, должны быть также в значительной степени изменены. И общая линия изменения этих взаимоотношений мыслима лишь в одном направлении: *в предоставлении большей самостоятельности, инициативы и самодеятельности отдельным профорганизациям сверху до низу.* Мелочная опека и политика, стремящаяся зажать каждую профессиональную организацию в тиски циркулярных распоряжений сверху, предусматривающих и предопределяющих все формы и виды союзной деятельности во всякий момент их существования, должна быть оставлена. Директива центральных профорганизаций должна давать принципиальную линию направления союзной деятельности, оставляя достаточный простор для приспособления данной директивы к условиям местных и производственных особенностей, в которых работает каждая данная организация...

Нужно с полной ясностью осознать, что при существующем положении, когда от союзов отпадает целый ряд функций государственной власти, профсоюзы должны от политики существования, главным образом, на счет государства перейти к новой союзной финансовой политике — *к существованию исключительно на членские взносы.* Это потребует экономии, точности и аккуратности в расходовании союзных финансов и в выполнении ниже стоящими союзными организациями своих финансовых обязанностей по отношению к выше стоящим органам. Сами задачи союзов и их роль в новой обстановке потребуют создания при союзах особых фондов, как то: стачечного, взаимопомощи, а, может быть, и культурно-просветительного, которые при-

дется образовывать частью из специальных добровольных отчислений, а частью, несомненно, из общих финансов союза, образуемых членскими взносами. Система субсидий приучила большинство союзных организаций к тому, что больше обращается внимания на составление «сметы», чем на организацию правильной постановки сбора членских взносов и отчетности в их расходовании. В настоящий момент следует как раз союзам учитывать, что, не собрав членских взносов, он должен, даже имея самую хорошую смету, упраздниться. А когда членский взнос имеет характер *единственного* и, во всяком случае, *важнейшего* источника существования союза—финансовая отчетность, *непременно публичная*, приобретает колоссальное значение не только в финансовом отношении, но и в смысле сохранения полнейшего доверия и авторитета союза в массах. Отсюда с полной ясностью вытекает, что вопросы финансовой политики и особенно техники являются важнейшими и труднейшими вопросами новой союзной практики. Аппараты союзов не только должны быть сокращены, но и самое существование их должно регулироваться не отвлеченными и почти всегда надуманными или только плохо скопированными с государственных органов «штатами», а новым принципом количества платных служащих союза, включая сюда и технический и ответственный персонал, пропорционально количеству обслуживаемых членов и полноте данного обслуживания...

Наиболее полная связь каждого отдельного члена союза со своей союзной организацией осуществляется лишь при системе индивидуального добровольного членского взноса, когда каждый отдельный член обязан сам наблюдать и заботиться о выполнении своих обязанностей по отношению к своей организации. Но самый подход к осуществлению этой стоящей перед союзами задачи не может быть проведен быстро, по военному. Ее решение требует целого ряда промежуточных мероприятий, в совокупности дающих систему добровольного членского взноса.

Одновременно следует поставить себе задачу проверки существующей системы коллективного членства. Массам, об'единяемым союзом в пределах данного предприятия и учреждения, должно быть предоставлено право свободно выразить свою волю о желании или нежелании данного коллектива поголовно вступить в данный союз...

Не останавливаясь подробно на всех тех изменениях, которые последовательно вытекают из изменения основных задач профсоюзов, необходимо остановиться, однако, на одном принципиально важном вопросе, нередко возбуждавшем горячие споры среди работников профессионального движения. Это—вопрос об отношении к непролетарским элементам, в настоящее время входящим в ряды некоторых профессиональных союзов.

Принимая на себя защиту интересов рабочих как продавцов рабочей силы, профсоюзы одновременно перестраивают свои ряды для возможно предстоящих в ближайшее время горячих битв с частным капиталом. Этим об'ясняется социальный состав профсоюза. Если раньше профсоюзы, включая в свой состав самостоятельных мелких производителей и кустарей, оговаривали это включение тем, что включали лишь работающих по заданиям

государства и под контролем союза, то теперь, в данный момент, «государственный кустарь» как какая-то разновидность мелкого производителя, теряет всякий смысл и значение. В обстановке развивающегося рынка и перехода самих государственных предприятий на систему коммерческого расчета окончательно стирается грань между различного типа мелкими производителями-кустарями. В обстановке свободного рынка мелкий собственник-производитель остается собственником орудий производства со своеобразными экономическими интересами, стремлениями и психикой, резко отделяющими его от наемного рабочего и служащего. И если в предшествующий период мы создавали целый ряд переходных форм для организации полупролетарских элементов при профсоюзах, ставя задачей перевоспитание их путем влияния организованного пролетариата на эти неустойчивые элементы, то настоящий момент является исключительно благоприятным именно развитию этих элементов в сторону «обуржуазивания» их, а потому не только следует отказаться от включения их в союз, но и от создания секций кустарей при профсоюзах.

Все, что в данном случае сказано про кустаря (хотя бы и «одиночку»), целиком правильно и в отношении «кооперативов», «артелей» и «коммун» производительного характера, являющихся по существу мелкими акционерными компаниями.

Больше того, союзы должны решительно предостерегать рабочих (и некоторых работников) от увлечения производительными коммунами и т. п. В обстановке товарного рынка подобные коммуны быстро теряют свою «коммунистичность» и расслояются (порой незаметно) на группы рабочих и хозяев, пока и сама группа хозяев в большинстве случаев не сократится до одного хозяина.

Профсоюзы смогут выполнить стоящую перед ними важнейшую задачу организации класса на почве экономических интересов, лишь оставаясь организациям наемных рабочих...

Конечно, в зависимости от новых условий работы должны быть также изменены и методы работы.

Основным лозунгом в этом направлении должен быть лозунг «ближе к массам», который надлежит практически осуществить путем целого ряда вполне конкретных изменений как самого аппарата профсоюзов, так и системы взаимоотношений и приемов работы.

Первым шагом в этом направлении следует признать необходимость сосредоточения союзного внимания не на вопросах высокой политики, как это было до сих пор, а на экономических вопросах рабочего быта, повседневно волнующих фабрично-заводские массы.

Для этого необходимо выполнить две основные задачи: 1) приблизить союз и его аппарат к массам; 2) привлечь массы к участию в самой работе союза...

Перед профсоюзами лежит путь долгой, упорной кропотливой работы в обстановке противоречий, вытекающих из наличий товарного рынка и возрождающегося капитализма в государстве, где власть принадлежит рабочим

и крестьянам. Сложность обстановки требует осторожности, внимания и правильного учета политических последствий и понимания классового значения каждого предпринимаемого ими шага. В данной сложной обстановке профессиональные союзы могут легко, конечно, сделать целый ряд ошибок. Мы не боимся ошибок и мы знаем, что, когда делается живое, большое дело, ошибки неизбежны, но для того, чтобы эти ошибки не приобрели характера принципиальных отклонений от общеклассового движения пролетариата, профсоюзы должны попрежнему итти рука об руку с гегемоном революции, с выразителем обще-классовых стремлений пролетариата — Российской Коммунистической Партией.

СОДЕРЖАНИЕ

ВТОРОГО ТОМА.

История профессионального движения в России

ПЕРИОД ПЕРВЫЙ

(до 1905 г.).

I. Развитие капитализма.

II. Стачечная борьба.

III. Истоки профессионального движения.

IV. Профессиональное движение накануне 1905 г.

V. Идеология профессионального движения этого периода.

VI. Легальные общества и кассы взаимопомощи.

VII. Полицейский „социализм“.

ПЕРИОД ВТОРОЙ

(1905—1917 г.г.).

А. Развитие массового профессионального движения.

(1905—1907 г.г.).

Русско-японская война и экономический кризис.—Замедление роста рабочей силы.—Кризис и дальнейшая концентрация капитала.—Экономическое положение рабочих.

II. Общий ход первой революции.

IV. Возникновение массовых профессиональных союзов.

V. Закон 4-го марта 1906 г.

VI. Строение профессиональных организаций.

VII. Боевая деятельность союзов.

VIII. Вспомогательная деятельность союзов (Гриневич) . 204

IX. Идеология профдвижения.

Б. Годы упадка

(1908—1911 г.г.).

В. Новый революционный под'ем

(1912—1914 г.г.).

II. Под'ем рабочего движения.

III. Союзы в годы революционного под'ема.

IV. Идеология профдвижения.

Г. В годы империалистической войны.

ПЕРИОД ТРЕТИЙ

(с 1917 г.).

А. От февраля к октябрю.

(Стихийное развитие профессионального движения).

Б. Эпоха диктатуры пролетариата.

I. Период военного коммунизма

(на пути к огосударствлению профсоюзов).

II. На пути к новой профполитике.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРВОГО ТОМА.

Промышленное развитие России и рабочий класс.

От зарождения крупной промышленности до 80-х годов 19 века.

I. Зарождение крупной промышленности.

II. Восемнадцатый век.

III. Девятнадцатый век до падения крепостного строя.

IV. От падения крепостного права до образования социал-демократических организаций.

